БИБЛИОТЕКА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

ИСТОРИЯ ДИПЛОМАТИИ

ТОМ ПЕРВЫЙ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ *В. П. ПОТЕМКИНА*

СОСТАВЛЕНИИ ПЕРВОГО ТОМА ПРИНЯЛИ УЧАСТИЕ:

проф. *Захрушин С. В.*, проф. *Ефимов А. В.*, проф. *Косминский Е. А.*, проф. *Мочницкий А. Л.*, проф. *Сергеев В. С.*, проф. *Сказкин С. Д.*, академик *Тарле Е. В.*, проф. *Хвостов В. М.*

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1941

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие . . . . . 13—14

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ДИПЛОМАТИЯ В ДРЕВНИЕ ВЕКА

Введение . . . . . 15—17

Глава первая

ДИПЛОМАТИЯ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

(проф. *Сергеев В. С.*)

1. Документы древневосточной дипломатии.

Телль-Амарнская переписка (XV—XIV века до нашей эры). Договор египетского фараона Рамсеса II с царем хеттов Хаттушилем III (1278 г. до нашей эры). Международная политика Ассирии в период ее преобладания (VIII—VII века до нашей эры). Дипломатия царя Ашурбанипала (668—626 гг. до нашей эры). Дипломат и дипломатия по учению Ману (I тысячелетие до нашей эры) . . . . . 18—34

Глава вторая

ДИПЛОМАТИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

(проф. *Сергеев В. С.*)

1. Международные связи Древней Греции.

Проксения. Амфиктионии. Договоры и союзы. Послы и посольства . . . . . 35—40

2. Дипломатия в классический период Греции (VIII—IV века до нашей эры).

Зарождение дипломатии в гомеровской Греции (XII—VIII века до нашей эры). Периклов проект созыва панэллинского мирного конгресса (448 г. до нашей эры). Дипломатическая борьба в эпоху Пелопоннесской войны (431—404 гг. до нашей эры). Союзная конференция в Спарте (432 г. до нашей эры). Никиев мир (421 г. до нашей эры). Дружественный договор Спарты с Персией (412 г. до нашей эры). Система политического дуализма Алкивиада. Анталкидов мир (387 г. до нашей эры) . . . . . 40—50

3. Греческая дипломатия в македонско-эллинистическую эпоху.

Филократов мир (346 г. до нашей эры). Дебаты в Афинской экклесии по вопросу о Филократовом мире (346 г. до нашей эры). Дипломатические письма македонского царя Филиппа II к афинскому народу. Коринфский конгресс (338—337 гг. до нашей эры). Манифест Полисперхона, регента малолетнего сына Александра Великого (319 г. до нашей эры) . . . 50—57

Глава третья

ДИПЛОМАТИЯ ДРЕВНЕГО РИМА

(проф. *Сергеев В. С.*)

1. Основные черты римской дипломатии.
Формы международных связей в Риме. Дипломатические органы . . . . . 58—62
2. Римская дипломатия в период Республики.
Расширение международных связей Рима в III—II веках до нашей эры. Дружественный союз Ганнибала с македонским царем Филиппом V (215 г. до нашей эры). Дипломатическая победа римлян в Греции. Римская дипломатия в Африке (III век до нашей эры). Замысел Ганнибала об окружении Италии. Дипломатия римлян в борьбе с македонским царем Персеем (II век до нашей эры). Переговоры македонского царя Персея с римским легатом Марцием. Дипломатическая победа римлян в Египте и в Ахейском союзе (II век до нашей эры). Выступление римских послов на общесоюзном собрании в Коринфе (147 г. до нашей эры). Поражение ахеян (146 г. до нашей эры). Дипломатия Юлия Цезаря в Галлии (58—51 гг. до нашей эры) . . . . . 62—75
3. Организация дипломатического аппарата в эпоху Империи.
Римская политика и дипломатия на Востоке в I веке нашей эры. Соглашение по армянскому вопросу между Римом и Парфией (66 г. нашей эры). Связи Рима с Китаем (I—II века нашей эры). Договоры Рима с Сасанидами (III—VI века нашей эры) . . . . . 75—81
4. Внутренняя дипломатия.
Риторско-дипломатические школы . . . . . 81—86
5. Союзные договоры с варварами (IV—V века нашей эры) . . 87—88

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ДИПЛОМАТИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Введение . . . . . 89—92

Глава первая

ВАРВАРСКИЕ ГОСУДАРСТВА И ВИЗАНТИЯ

(проф. *Бахрушин С. В.* и проф. *Косминский Е. А.*)

1. Дипломатия времен Великого переселения народов.
Римская империя и варвары. Константинопольский двор и Аттила. Одоакр и Теодорих . . . . . 93—97
2. Византийская дипломатия.
Дипломатия Юстиниана (527—565 гг.). Посольское дело в Византии (VI—X века) . . . . . 97—104
3. Папы и франкское государство.
Международное положение папства. Сношения пап с франкским государством. Дипломатия Карла Великого . . . . 104—108
4. Дипломатия арабов . . . . . 108—111
5. Дипломатия Киевской Руси.
Международные отношения Киевской Руси IX—X веков. Русь и Византия. Русь и Западная Европа. Договоры киевских князей с греками . . . . . 111—116

Глава вторая

ДИПЛОМАТИЯ ПЕРИОДА ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

(проф. *Бахрушин С. В.* и проф. *Косминский Е. А.*)

1. Политическая раздробленность на Западе.
Распад империи Карла Великого. Феодальное распыление Европы. Право частной войны . . . . . 117—119
2. Дипломатия на Руси XII—XV веков.
Международные отношения Киевской Руси в XI—XIII веках. Договоры русских городов с немецкими городами. Междукняжеская дипломатия на Руси XII—XIII веков. Посольская служба. Порядок заключения договоров. Международные отношения Северо-Восточной Руси в XIII—XV веках. Русско-татарские отношения в XIII—XV веках. Междукняжеские договоры XIV—XV веков . . . . . 120—133

Глава третья

ДИПЛОМАТИЯ ПЕРИОДА УКРЕПЛЕНИЯ ФЕОДАЛЬНОЙ МОНАРХИИ

(проф. *Косминский Е. А.*)

1. Священная Римская империя и папство.
Роль церкви в феодальной Европе. Григорий VII и Генрих IV. Крестовые походы. Фридрих Барбаросса. Иннокентий III. Фридрих II Гогенштауфен . . . . . 134—144
2. Дипломатия Франции XII—XV веков.
Возникновение национальных государств. Франция. Сношения с монгольскими ханами. Филипп IV и Бонифаций VIII. Столетняя война. Людовик XI и его дипломатия . . . . . 144—156
3. Дипломатия Италии XII—XV веков.
Международные связи Италии. Организация консульской службы. Флорентийские дипломаты. Венецианская дипломатия. Посольское дело в Венеции . . . . . 156—166

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

ДИПЛОМАТИЯ В НОВОЕ ВРЕМЯ (XVI—XVIII ВЕКА)

Введение . . . . . 167—170

Глава первая

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИПЛОМАТИИ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОРГАНОВ В XVI—XVIII ВЕКАХ

(проф. *Сказкин С. Д.*)

Политическая карта Европы в XVI веке. «Государственный интерес» как принцип политики. Органы внешней политики и дипломатии в XVI—XVIII веках. Дипломатическая служба в этот период. Зарождение науки международного права. Быт и нравы дипломатов XVI—XVIII веков. Типы дипломатов. Периодизация дипломатической истории XVI—XVIII веков и основные линии внешней политики и дипломатии европейских государств 171—185

Глава вторая

ДИПЛОМАТИЯ В XVI ВЕКЕ

(проф. *Бахрушин С. В.* и проф. *Сказкин С. Д.*)

1. Дипломатия Испании, Франции и Англии в XVI веке.
Период испанского могущества в Европе. Испания Карла V и Филиппа II. Франция XVI века. Английская дипломатия в XVI веке . . . . . 186—196
2. Дипломатия Московского государства в XVI веке.
Дипломатия Московского великого княжества при Иване III. Дипломатия Ивана IV . . . . . 196—203

Глава третья

ДИПЛОМАТИЯ В XVII ВЕКЕ

(проф. *Бахрушин С. В.* и проф. *Сказкин С. Д.*)

1. Время французской гегемонии в Европе в XVII веке.
Дипломатия Генриха IV. Дипломатия Ришелье. Тридцатилетняя война и Вестфальский мир. Дипломатия Людовика XIV. Войны Людовика XIV. Нимвегенский мир. Франко-голландское соперничество. Вильгельм III Оранский. Оксеншерна . . . . . 204—215
2. Дипломатия английской буржуазной революции (1640—1660 гг.).
Дипломатия «Долгого парламента». Дипломатия Кромвеля. 216—226
3. Международное положение Московского государства в XVII веке.
Международное положение и дипломатия Московского государства в начале XVII века. Основные направления внешней политики Московского государства в XVII веке. Дипломатические учреждения Московского государства. Русские дипломаты XVII века. «Посольский обряд». Новые явления в дипломатии Московского государства XVII века. 226—250

Глава четвертая

ДИПЛОМАТИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ В XVIII ВЕКЕ

(проф. *Бахрушин С. В.* и проф. *Сказкин С. Д.*)

1. Война за испанское наследство и начало упадка международного значения Франции.
Утрехтский мир. Французская дипломатия при Людовике XV. Война за польское наследство. «Секрет короля» . . 251—257
2. Внешняя политика Англии в XVIII веке.
Питт Старший. Политика Англии в Индии . . . . . 258—259
3. Германия XVIII века. Австро-прусское соперничество.
Война за австрийское наследство. Фридрих II как дипломат. Семилетняя война и дипломатия Фридриха II . . . . 259—266
4. Дипломатия Российской империи в XVIII веке.
Внешняя политика Петра I. Дипломатические учреждения и методы дипломатической работы при Петре I. Петр I как дипломат. Внешняя политика России в период 1726—1755 гг.

Семилетняя война. Русская дипломатия в период 1726—1762 гг. в борьбе с западноевропейской дипломатией. Дипломатия Екатерины II. Дипломатические методы Екатерины II. Дипломатические учреждения России 1726—1796 гг. . . . 266—295

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

ДИПЛОМАТИЯ В НОВОЕ ВРЕМЯ (1789—1871 гг.)

Введение . . . . . 296—302

Глава первая

ДИПЛОМАТИЯ МОЛОДОЙ АМЕРИКАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (1775—1794 гг.)

(проф. *Ефимов А. В.*)

1. Борьба американских колоний за независимость.

Комитет для секретной корреспонденции (1775—1777 гг.). Миссия Сайласа Дина. Вениамин Франклин. Помощь французского правительства американским колониям. Заключение союзного и торгового договора между Францией и Соединенными штатами (6 февраля 1778 г.). Попытки Конгресса завязать дипломатические отношения с европейскими государствами. Вступление Франции и Испании в войну против Англии (1778—1779 гг.). Вооруженный нейтралитет 1780 г. Мирные переговоры . . . . . 303—313

2. Отношения Соединенных штатов с Францией во время Французской революции.

Деятельность французского посла Женэ в Америке (1793—1794 гг.). . . . . 313—315

3. Взаимоотношения Англии и Соединенных штатов после войны за независимость.

Англо-американский договор 1794 г. . . . . 315—316

Глава вторая

ЕВРОПЕЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ГОДЫ ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1789—1794)

(*Нарочницкий А. Л.*)

1. Буржуазия и дипломатия французской монархии накануне революции.

Буржуазия и дипломатия абсолютных монархий XVI—XVIII веков. Кризис дипломатии французского абсолютизма к 1789 г. Критика дипломатии абсолютных монархий XVIII века идеологами буржуазии . . . . . 317—322

2. Французская революция и европейская дипломатия в период Учредительного и Законодательного собраний.

Французская дипломатия в период Национального учредительного собрания. Европейская дипломатия в 1789—1792 гг. Рейхенбахские соглашения 27 июля 1790 г. Восточный кризис 1791 г. Неудача Питта и успех Екатерины II. Неудача бегства короля и образование контрреволюционной коалиции. Идея европейского конгресса для интервенции во французские дела (1791 г.). Русско-шведские планы и французские эмигранты. Австро-прусский союз против Франции (7 февраля 1792 г.). Французская дипломатия при Законодательном собрании (с осени 1791 г. до 10 августа 1792 г.). . . . . 322—337

3. Французская дипломатия и европейские державы от свержения монархии во Франции до установления якобинской диктатуры.

Дипломатия жирондистов в период Конвента с сентября 1792 г. до апреля 1793 г. Уильям Питт и расширение контрреволюционной коалиции. Планы расчленения и ограбления Франции. Второй раздел Польши (1793 г.). Поражение Франции и дипломатия Дантона . . . . . 337—343

4. Дипломатия якобинской диктатуры.

Дантонисты и дипломатия во время якобинской диктатуры. Шпионско-диверсионная агентура коалиции во Франции. Эбертисты, Клоотц и дипломатия. Робеспьер и дипломатия Комитета общественного спасения с осени 1793 г. до переворота 9 термидора (27 июля 1794 г.). Организация якобинской дипломатии . . . . . 344—351

Глава третья

ДИПЛОМАТИЯ В ГОДЫ ТЕРМИДОРИАНСКОЙ РЕАКЦИИ И ДИРЕКТОРИИ (1794—1799)

(*Нарочницкий А. Л.*)

1. Годы термидорианской реакции (1794—1795).

Военное преобладание Франции в Европе и дипломатия термидорианской реакции. Окончательный раздел Польши в 1795 г. Англо-русско-австрийский союз 1795 г. . . . . 352—355

2. Дипломатия в годы Директории (1795—1799).

Внешняя политика Директории. Восстановление министерства иностранных дел. Дипломатия генералов. Талейран и Бонапарт. Вторая коалиция и переворот 18 брюмера 355—359

Глава четвертая

ЕВРОПЕЙСКИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПРИ НАПОЛЕОНЕ (1799—1814 гг.)

(акад. *Тарле Е. В.*)

1. Дипломатия Наполеона до Тильзита (1799—1807 гг.).

Наполеон как дипломат. Два периода в дипломатической деятельности Наполеона. Отношение Наполеона к Австрии, Англии, России. Амьенский мир (27 марта 1802 г.). Организация Питтом новой коалиции. Перелом в отношениях Наполеона и Александра. Позиция Пруссии. Дипломатическая подготовка войны с Пруссией. Разгром Пруссии (14 октября 1806 г.). Объявление континентальной блокады (21 ноября 1806 г.) . . . . . 360—368

2. От Тильзита до крушения империи Наполеона (1807—1814 гг.).

Сближение Александра с Наполеоном. Свидание в Тильзите (25 июня 1807 г.). Нарастание оппозиции Наполеону в странах Европы. Свидание в Эрфурте (27 сентября—14 октября 1808 г.). Назревание конфликта с Россией. Взгляды Кутузова и Александра I на роль России в Европе. Расстановка дипломатических сил во время войны 1813—1814 гг. Попытки сговора с Наполеоном. Шомонский трактат (1 марта 1814 г.) . . . . . 368—376

Глава пятая

ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС (ОКТЯБРЬ 1814 г.—ИЮНЬ 1815 г.)

(акад. *Тарле Е. В.*)

Отношение Александра к основным участникам конгресса. Выступление Талейрана. Принцип легитимизма. Польско-саксонский вопрос. Тайное соглашение Австрии, Франции и Англии против России и Пруссии (3 января 1815 г.). Организация Германского союза (1815 г.) «Сто дней» (20 марта — 28 июня 1815 г.). Итоги Венского конгресса . . . . . 377—384

Глава шестая

ОТ СОЗДАНИЯ СВЯЩЕННОГО СОЮЗА ДО ИЮЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1815—1830 гг.)

(проф. *Ефимов А. В.* и акад. *Тарле Е. В.*)

1. Священный союз в период 1815—1822 гг.

Священный союз. Внутренние противоречия в Священном союзе. Конгрессы в Троппау (1820 г.) и Лайбахе (1821 г.). . 385—389

2. Поворот во внешней политике Англии и начало разложения Священного союза.

Каннинг. Поворот во внешней политике Англии в 1822 г. Веронский конгресс (1822 г.). Политика Англии в отношении южноамериканских государств. Позиция Соединенных штатов в южноамериканском вопросе и доктрина Монро. Отказ Веронского конгресса от интервенции в Южной Америке. Греческая проблема . . . . . 389—398

3. Сближение Николая I с Англией и Францией и дальнейший развал Священного союза.

Николай I как дипломат. Сближение Николая с Францией и Англией. Миссия Веллингтона в Петербурге. Образование коалиции трех держав против Турции . . . . . 398—403

4. Русско-турецкая война.

Русско-турецкая война 1828—1829 гг. Адрианопольский мир 14(2) сентября 1829 г. . . . . 403—406

Глава седьмая

ОТ ИЮЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ВО ФРАНЦИИ ДО РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПЕРЕВОРОТОВ В ЕВРОПЕ 1848 г. (1830—1848 гг.)

(акад. *Тарле Е. В.*)

1. Отношение Николая I к июльской революции . . . . . 407—409

2. Позиция великих держав в вопросе о польском восстании.

Польское восстание 1830—1831 гг. Отношение английского и французского правительств к польскому восстанию. Попытка дипломатического вмешательства Англии и Франции в польский вопрос . . . . . 409—413

3. Бельгийская революция и великие державы . . . . . 413—414

4.Ункиар-Искелесский договор России с Турцией и противоречия великих держав в восточном вопросе.
Турецко-египетский конфликт и позиция великих держав (1832—1833 гг.).Ункиар-Искелесский договор (8 июля 1833 г.). Пальмерстон. Обострение англо-русских противоречий послеУнкиар-Искелесского договора. Съезд монархов в Мюнхенгреце (1833 г.). Два течения в Англии в отношении восточного вопроса. Попытка возобновления Священного союза в июле 1840 г. . . . . 414—423

5. Попытка Николая I договориться с Англией о разделе Турции . . . . . 423—425

Глава восьмая

ОТ РЕВОЛЮЦИИ 1848 г. ДО НАЧАЛА КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ (1848—1853 гг.)

(акад. *Тарле Е. В.*)

1. Подавление Николаем I венгерского восстания в 1849 г. и вмешательство России в австро-прусские отношения (1850 г.).
Отношение Николая I к революции 1848 г. Подавление венгерского восстания. Вмешательство Николая I в австро-прусские отношения. «Ольмюцское унижение» Пруссии (29 ноября 1850 г.). . . . . 426—429

2. Обострение англо-русских отношений в 1848—1849 гг. Русская нота Турции об эмигрантах. . . . . 429—431

3. Луи-Наполеон и великие державы.
Наполеон III как дипломат. Отношения Николая I к Наполеону III . . . . . 431—433

4. Международная ситуация накануне Крымской войны.
Переговоры Николая I с Англией по вопросу о разделе Турции. Русско-французские трения в Турции. . . . . 433—437

Глава девятая

ДИПЛОМАТИЯ В ГОДЫ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ И ПАРИЖСКИЙ КОНГРЕСС (1853—1856)

(акад. *Тарле Е. В.*)

1. Русско-турецкий конфликт 1853 г. и позиция великих держав.
Миссия князя А. С. Меншикова в Турции. Контрманевры английского посла в Константинополе. Занятие русскими войсками Дунайских княжеств. Позиция Франции в русско-турецком конфликте. Позиция Австрии в русско-турецком конфликте. Позиция Пруссии в русско-турецком конфликте. «Венская нота». Объявление Турцией войны России . . . 438—443

2. Вступление Англии и Франции в войну против России. 443—446

3. Дипломатическая деятельность великих держав во время Крымской войны.
Проект ослабления и расчленения России, выдвинутый Пальмерстоном. Миссия А. Ф. Орлова в Вене. Позиция Пруссии во время Крымской войны. «Четыре пункта» Наполеона III (18 июля 1854 г.). Позиция Швеции. Присоединение Сардинского королевства к союзникам (26 января 1855 г.) . . . . . 446—454

4. Парижский конгресс 1856 г.

Тайные переговоры Наполеона III с Александром II о мире. Австрийский ультиматум России. Позиция Франции на Парижском конгрессе. Позиция Англии на конгрессе. Условия мира . . . . . 454—460

Глава десятая

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ (1861—1865 гг.)

(проф. *Ефимов А. В.*)

Две социальные системы в Северной Америке. Начало войны. Интервенция Англии, Франции и Испании в Мексике. Инцидент с «Трентом» (1861 г.). Выступление английских рабочих против поддержки южан. Позиция Франции. Отмена рабства (1863 г.). Позиция России. Принципы американской дипломатии . . . 461—469

Глава одиннадцатая

НАПОЛЕОН III И ЕВРОПА. ОТ ПАРИЖСКОГО МИРА ДО НАЧАЛА МИНИСТЕРСТВА БИСМАРКА В ПРУССИИ (1856—1862 гг.)

(акад. *Тарле Е. В.*)

1. Внешняя политика Наполеона III в Европе.

А. М. Горчаков как дипломат. Сближение Наполеона III с Александром II. Ухудшение англо-французских отношений. Отношение государств Германского союза к Австрии. Соглашение между Наполеоном III и Кавуром в Пломбьере (20 июля 1858 г.). Война Франции и Италии с Австрией (1859 г.). Двойственная роль России в деле итальянского объединения . . . . . 470—477

2. Колониальные войны Наполеона III.

Война в Индо-Китае (1858—1862 гг.). Неудачная попытка Наполеона III утвердиться в Сирии. Англо-французская экспедиция в Китае (1860 г.). Мексиканская авантюра Наполеона III (1862—1864 гг.) . . . . . 477—481

3. Бисмарк как дипломат . . . . . 481—483

4. Дипломатическая деятельность великих держав в связи с польским восстанием 1863 г.

Позиция Пруссии в отношении польского восстания (1863 г.). Выступление Франции, Австрии и Англии по вопросу о польском восстании 1863 г. Отказ Англии от вмешательства в польские дела . . . . . 483—488

Глава двенадцатая

ДИПЛОМАТИЯ БИСМАРКА В ГОДЫ ВОЙНЫ С ДАНИЕЙ И АВСТРИЕЙ (1864—1866)

(акад. *Тарле Е. В.*)

1. Прусско-датский конфликт из-за Шлезвиг-Гольштейна.

Вопрос о владении Шлезвиг-Гольштейном после смерти Фридриха VII. Позиция России. Позиция Англии, Франции и Австрии. Соглашение между Австрией и Пруссией. Отношение великих держав к прусско-датскому конфликту. Условия мира с Данией . . . . . 489—495

2. Австро-прусская война.
Конфликт между Пруссией и Австрией из-за Шлезвиг-Гольштейна. Гаштейнская конвенция (14 августа 1865 г.). Расхождения между Александром II и Горчаковым по вопросу объединения Германии. Отношение Наполеона III к Пруссии перед австро-прусской войной. Свидание Бисмарка с Наполеоном III в Биаррице (сентябрь 1865 г.). Подготовка Пруссии к войне. Вмешательство Наполеона III в дипломатические переговоры Бисмарка. Вторичная поездка Бисмарка в Биарриц. Австро-прусская война. Никольсбургское перемирие (26 июля 1866 г.) . . 495—503

Глава тринадцатая

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ФРАНКО-ПРУССКОЙ ВОЙНЫ (1867—1870 гг.)

(акад. *Тарле Е. В.*)

Роль Пруссии в Северо-Германском союзе после Пражского мира. Отношение Англии к Пруссии. Отношения между Россией и Пруссией. Отношения между Францией и Пруссией. Французские требования к Пруссии о компенсации за нейтралитет. Меморандум Друэн-де-Люиса. Переговоры Бенедетти с Бисмарком. Недовольство Англии требованиями Франции. Перспективы будущей франко-прусской войны. Люксембургский вопрос. Позиция России. Конференция держав в Лондоне в мае 1867 г. Неудача мексиканской авантюры Наполеона III (1867 г.). Дипломатическая ситуация накануне франко-прусской войны. Внешнее и внутреннее положение Франции накануне франко-прусской войны. Кандидатура Леопольда Гогенцоллерна на испанский престол. Переговоры Бенедетти с Вильгельмом I в Эмсе. Совещание у Наполеона III 12 июля 1870 г. Требование Наполеона III к Вильгельму I. «Эмсская депеша» Бисмарка. Недовольство Александра II поведением Наполеона III. . . . . 504—517

Глава четырнадцатая

ФРАНКО-ПРУССКАЯ ВОЙНА. ФРАНКФУРТСКИЙ МИР (1870—1871 гг.)

(проф. *Хвостов В. М.*)

Позиции России, Австро-Венгрии и Италии во время франко-прусской войны. Отмена нейтрализации Черного моря. Заключение прелиминарного мирного договора в Версале. Парижская Коммуна и международная дипломатия. Франкфуртский мир (10 мая 1871 г.) . . . . . 518—528

Библиография . . . . . 529—552

Указатель имен . . . . . 553—565

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая книга ставит своей задачей — на основе анализа международных отношений в последовательно сменявшиеся эпохи — изложить краткую историю дипломатии от древних времен до нашего времени. «История дипломатии», выходящая в двух томах, состоит из семи основных частей. Первая посвящена древнему миру. Вторая — средним векам. Третья — новому времени (XVI—XVIII столетия). Четвертая — периоду победы и утверждения капитализма в передовых странах — до франко-прусской войны и Франкфуртского мира включительно (1789—1871 гг.). Пятая — периоду перерастания старого «свободного» капитализма в империализм — до конца первой мировой войны и заключения Версальского мира (1872—1919 гг.). Шестая — эпохе после первой мировой войны до начала нынешней, второй мировой войны (1919—1940 гг.). Последняя, седьмая часть содержит изложение организации и методов современной дипломатии.

«История дипломатии» представляет собой первый опыт марксистской работы в данной области и в указанном масштабе. При составлении книги были использованы первоисточники — дипломатические документы, памятники истории, мемуарная литература. Что касается научных трудов, главным образом на иностранных языках, то бóльшая их часть, не исключая и самых обстоятельных, вместо истории дипломатии содержит историю международных отношений. Это дало основание американскому историку Д. Хиллу, автору трехтомного труда «История дипломатии в аспекте международного развития Европы» (Нью-Йорк 1921—1925), заметить, «что ни на одном языке не существует общей истории европейской дипломатии».

Книга предназначается для широкого круга советских читателей. Поэтому ей придан популярный характер, вполне

совместимый, конечно, с требованиями научности. Предполагается, что читатель уже знаком с основными фактами общей истории. При таких условиях он легко может пользоваться книгой для пополнения своего образования или для учебных целей.

Книга рассчитана на советскую интеллигенцию, партийный актив, пропагандистов, лекторов, преподавателей истории, военных работников, студентов высших учебных заведений. В особенности имеет она в виду практических работников советской дипломатии и молодые кадры, которые готовятся к этой деятельности. Для них «История дипломатии» может служить одним из основных руководств.

76 лет тому назад в «Учредительном манифесте Международного товарищества рабочих» Маркс призывал рабочий класс овладеть тайнами международной политики и следить за дипломатической деятельностью своих правительств. «Как жаль, что народные массы не могут читать ни книг по истории дипломатии, ни передовых статей капиталистических газет!», — восклицал Ленин в «Правде» 23 мая 1917 г. Товарищ Сталин неустанно учит рабочий класс умению разбираться в сложнейших международных проблемах. В современной обстановке, когда поджигатели второй империалистической войны силятся втянуть в нее все человечество, это умение необходимо более, чем когда-нибудь. «История дипломатии» ставит своей задачей помочь трудящимся сознательно разбираться в вопросах внешней политики и правильно понимать деятельность дипломатии.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ДИПЛОМАТИЯ В ДРЕВНИЕ ВЕКА

ВВЕДЕНИЕ

Дипломатия в древнем мире выполняла внешнеполитические задачи государств, экономической основой которых было рабовладение.

Рабовладельческий строй не оставался неподвижным. В процессе своего исторического развития он прошел несколько последовательных стадий.

Раннее рабовладение, еще не вполне отделившееся от общинно-родового строя, лежало в основе государственных образований Древнего Востока — типа египетской деспотии, царства хеттов, Ассирии, Персии, государств Древней Индии. В этих военно-теократических державах, опиравшихся на силу внеэкономического принуждения, внешняя политика направлялась преимущественно завоевательными интересами: захват земель, рабов, скота, грабеж богатств, имевшихся в соседних странах, были главной целью тогдашних войн. Международные вопросы разрешались обычно вооруженной силой. Однако государствам Древнего Востока приходилось развивать и весьма оживленную дипломатическую деятельность. Дипломатические сношения велись самими царями. Властелины Древнего Востока почитались как боги, воплощали в своем лице все государство, имели в своем распоряжении целые армии «царских слуг» — чиновников и писцов.

В соответствии с основными задачами завоевательной внешней политики военно-теократических царств Востока их централизованная дипломатия разрешала сравнительно ограниченный круг вопросов. Наиболее сильной ее стороной являлась организация всепроникающей военно-политической разведки.

Более развитое рабовладение, связанное с товарно-денежным хозяйством и ростом приморских городов, лежало в основе античных государств — Греции и Рима.

Внешняя политика этих рабовладельческих государств-городов («полисов») определялась интересами борьбы за расширение территорий, за приобретение рабов, за рынки. Отсюда

вытекали: стремление к гегемонии, поиски союзников, образование группировок, колониальная экспансия, которая ставила своей задачей образование крупных держав и вызвала столкновения у греков на Востоке, с Персидским царством, у римлян — на Западе, с богатейшей торговой республикой древнего мира — Карфагеном.

Дипломатическая деятельность античных полисов выражалась в оживленных переговорах, беспрерывном обмене посольствами, созыве совещаний, заключении оборонительных и наступательных союзных договоров.

Во всей полноте развертывается деятельность дипломатии государств классической Греции в период Пелопоннесской войны между двумя крупнейшими военно-политическими союзами — Афинским и Спартанским, — которые боролись в течение 30 лет за преобладание в эллинском мире. В дальнейшем не менее напряженная деятельность дипломатии разгорается с выступлением на общегреческую арену новой силы — Македонского царства, которое воплощало в себе объединительные тенденции Греции того времени в сочетании с колониальной экспансией на Восток.

На западе, в Римской республике, наибольшая активность дипломатии наблюдается в период Второй и Третьей Пунических войн. В это время крепнущая Римская республика встречает в лице Ганнибала крупнейшего противника не только в военной, но и в дипломатической области.

На организации дипломатии античных республик сказались особенности политического строя рабовладельческой демократии. Послы республик выбирались на открытых собраниях полноправных граждан и по окончании своей миссии отдавали им отчет. Каждый полноправный гражданин, если он считал неправильными действия посла, мог требовать привлечения его к судебной ответственности. Полностью это было проведено в греческих республиках, в меньшей степени — в Риме: здесь вместо Народного собрания полновластным руководителем внешней политики являлся орган римской знати — Сенат.

В последние два века Римской республики и в первые два столетия Империи рабовладение достигло наивысшего развития в пределах античного мира. В этот период римское государство постепенно складывается в централизованную форму Империи. Внешняя политика императорского Рима преследовала две основные цели: создание мировой державы, вобравшей в себя все страны известного тогда «круга земель», и оборону ее границ от нападения соседних народов.

На востоке, в своей борьбе и сношениях с Парфянским царством, дипломатия Римской империи при первых императорах успешно разрешает наступательные задачи. В даль-

нейшем, вынужденная к отступлению, она переходит к искусному маневрированию.

На Западе, в соприкосновении с варварами на европейских границах Империи, римская дипломатия стремится ослабить напор варварской стихии и использовать ее в качестве военной и рабочей силы.

Одновременно римской дипломатии приходилось разрешать задачу поддержания целостности Империи путем соглашений между отдельными частями римской державы.

В связи с централизацией государственной власти все руководство внешней политикой императорского Рима осуществлялось главой государства — императором, при посредстве его личной канцелярии.

Техника дипломатии императорского Рима стояла на довольно высоком уровне: она отличалась сложной и тонкой разработкой приемов и форм.

Уже с конца II века замечаются признаки распада Римской империи, связанного с кризисом рабовладельческого способа производства: его вытесняют новые, полуфеодальные, способы эксплоатации труда (колонат и вольноотпущенничество). Все это обостряло внутренние противоречия, подрывало хозяйственную и военную мощь Империи и ослабляло активность внешней политики Рима. В соответствии с упадком политической и военной мощи римской державы понижался и уровень ее дипломатии. На содержании и формах дипломатической деятельности Поздней империи заметно сильное влияние восточных государств, в особенности Персии, и варварского мира.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДИПЛОМАТИЯ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

1. ДОКУМЕНТЫ ДРЕВНЕВОСТОЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Телль-Амарнская переписка (XV—XIV века до нашей эры)

История Древнего Востока сохранила для нас некоторое количество документов — дипломатических писем, договоров и других международных актов, свидетельствующих об оживленных сношениях между царствами Древнего Востока.

Самым крупным государством Переднего Востока был Египет. Египетские границы при XVIII династии (середина второго тысячелетия до нашей эры) доходили до отрогов Тавра и реки Евфрата. В международной жизни Древнего Востока этого времени Египет играл первенствующую роль. Египтяне поддерживали оживленные торговые, культурные и политические связи со всем известным им миром — с государством хеттов в Передней Азии, с государствами севера и юга Месопотамии (государство Митанни, Вавилон, Ассирия), с сирийскими и палестинскими князьями, Критским царством и островами Эгейского моря. Дипломатической перепиской в Египте заведывала особая государственная канцелярия по иностранным делам.

Из многочисленных памятников древневосточной дипломатии наибольший интерес по объему и богатству содержания представляют Телль-Амарнская переписка и договор египетского фараона Рамсеса II с царем хеттов Хаттушилем III, заключенный в 1278 г. до нашей эры. Амарна — местность на правом берегу Нила в Среднем Египте, бывшая резиденция египетского фараона Аменофиса (Аменхотепа) IV. В 1887—1888 гг. во дворце Аменофиса был открыт архив, содержащий дипломатическую переписку фараонов XVIII династии — Аменофиса III и его сына Аменофиса IV (середина второго тысячелетия, XV—XIV века до нашей эры). В настоящее время Телль-Амарнский архив находится в Британском музее в Лондоне и в Государственном музее в Берлине. Он содержит около 360 глиняных табличек, представляющих переписку названных фараонов с царями других государств и с подвластными сирийскими князьями.

Существенным дополнением к Телль-Амарнскому архиву служит архив хеттского царя Суббилулиумы из Богаз-Кёй, столицы хеттского государства (недалеко от современной Анкары).

Бо́льшую часть материала Телль-Амарнского архива составляют письма сирийских и палестинских князей к фараону, от которого они зависели. Сирийские и палестинские княжества играли роль буферных государств между двумя крупнейшими державами древневосточного мира — государством хеттов, с одной стороны, и Египтом — с другой. Фараону было выгодно поддерживать постоянную вражду между князьями и таким образом укреплять свое влияние в Сирии. Главное содержание писем сиро-палестинских князей составляют: обмен взаимными приветствиями и любезностями, переговоры о заключении браков и просьбы к фараону о присылке военной помощи, золота и подарков. «Золота же в Египте, — постоянно повторяется в письмах, — так много, как песка». К приветствиям и просьбам присоединяются жалобы, доносы и клевета князей друг на друга.

Наряду с Египтом на сиро-палестинские области претендовали хетты. При царе Суббилулиуме (1380—1346 гг. до нашей эры) Хеттское царство достигло преобладающего влияния в Азии и успешно оспаривало у Египта права на азиатские владения, — синайские рудники, ливанские леса и торговые пути. Рост Хеттского царства заставлял фараонов искать союзников среди государств Месопотамии — Митанни и Вавилона, — враждебных хеттам. В Телль-Амарнском архиве сохранились дипломатические письма вавилонских и митаннийских царей к Аменофису III и Аменофису IV. Содержание этих писем довольно разнообразно, но речь всегда идет о самих царях, личность которых отождествляется со всем государством. Аменофис III желает иметь в своем гареме вавилонскую царевну и уведомляет об этом своего «брата», вавилонского царя Кадашман-Харбе. Вавилонский царь медлит с удовлетворением этой просьбы, ссылаясь на печальную участь своей сестры, одной из жен фараона. В ответном письме фараон жалуется на недобросовестность вавилонских послов, давших царю ложные сведения о положении его сестры. Кадашман-Харбе со своей стороны упрекает фараона в недостаточно вежливом обращении с его уполномоченными. Их даже не пригласили на юбилейный праздник. В конце концов Кадашман-Харбе соглашается отправить свою дочь в гарем фараона, но в благодарность за это желает получить себе в жены египетскую царевну, золото и подарки. Письмо начинается с обычных приветствий и изъявлений «братской» преданности.

«Царю египетскому, моему брату, Кадашман-Харбе, царь Кардуниаша [Вавилона], твой брат. Привет твоему дому, твоим женам, всей твоей стране, твоим колесницам, твоим

коням, твоим вельможам, всем большой привет». Заканчивается послание настойчивым требованием присылки золота и подарков. «Что касается золота, — пишет царь, — шли мне золото, много золота, шли его до прибытия посольства. Пришли его теперь же, как можно скорей, в эту жатву, в месяц Таммуз».

Столь же настойчив в требовании золота и царь Митанни Тушратта. Свое послание Аменофису IV он заканчивает такими словами: «Итак, пусть брат мой пришлет мне золото, в таком большом количестве, которого нельзя было бы и исчислить... Ведь в стране моего брата много золота, столько же, сколько и земли. Боги да устроят так, чтобы его было еще больше в десять раз». Со своей стороны Тушратта готов оказать фараону какие угодно услуги и прислать всякие дары. «Если брат мой чего-либо пожелает для своего дома, я отдам в десять раз больше, чем он требует. Моя земля — его земля, мой дом — его дом».

Все эти документы составлены клинописью, на вавилонском языке — дипломатическом языке того времени.

Договор египетского фараона Рамсеса II с царем хеттов Хаттушилем III (1278 г. до нашей эры)

Следующее столетие (XIV—XIII века до нашей эры) заполнено было ожесточенными войнами между хеттами и Египтом. Войны в одинаковой степени истощили обоих противников и не дали положительных результатов. Общее ослабление и отсутствие надежды на полную победу заставили борющиеся стороны пойти на обоюдные уступки и заключить дружественное соглашение. В 1278 г. до нашей эры был заключен мир и подписан договор между фараоном XIX династии Рамсесом II и хеттским царем Хаттушилем III. Инициатива мира и дружественного соглашения исходила от хеттского царя. После долгих предварительных переговоров Хаттушиль послал Рамсесу проект договора, начертанный на серебряной доске. В удостоверение подлинности документа на передней стороне доски имелось изображение царя, стоящего рядом с богом ветра и молнии Тешубом. На оборотной стороне изображена царица в сообществе солнечной богини Аринны.

Рамсес принял условия мира, предложенные ему хеттским царем, и в знак согласия отправил Хаттушилю другую серебряную доску с начертанным на ней текстом мирного договора. Оба экземпляра скреплены были государственными печатями и подписями.

Договор сохранился в трех редакциях (надписях) — двух египетских, в Карнаке и Рамессее, и одной хеттской, открытой в Богаз-Кёе. Сохранились как самый текст договора, так и описания предшествовавших его заключению переговоров. Договор состоит из трех частей:

1) введения, 2) текста договорных статей и 3) заключения — обращения к богам, клятв и проклятий против нарушителя договора.

Во введении говорится, что испокон веков хетты и египтяне не были врагами. Отношения между ними испортились лишь в дни печального царствования брата Хаттушиля, сражавшегося с Рамсесом, великим царем Египта. Со дня подписания настоящего «прекрасного договора» между царями устанавливаются на вечные времена мир, дружба и братство. «После того, как я стал царем Хеттов, я с великим царем Египта Рамсесом и он со мной пребываем в мире и братстве. Это будет лучший мир и братство из существовавших когда-либо на земле». «Да будет прекрасный мир и братство между детьми детей великого царя Хеттов и Рамсеса, великого царя Египта. Египет и страна Хеттов да пребывают, подобно нам, в мире и братстве на все времена».

Между хеттами и Египтом заключался дружественный оборонительный и наступательный союз. «Если пойдет какой-либо враг против владений Рамсеса, то пусть Рамсес скажет великому царю Хеттов: иди со мной против него со всеми твоими силами». Договор предусматривал поддержку против врага не только внешнего, но, повидимому, также и внутреннего. Союзники гарантировали друг другу помощь на случай восстаний и мятежей в подвластных им областях. Имелись в виду, главным образом, азиатские (сиро-палестинские) области, в которых не прекращались войны, восстания, разбойничьи налеты и грабежи.

«Если Рамсес разгневается на своих рабов (азиатских подданных), когда они учинят восстание, и пойдет усмирять их, то заодно с ним должен действовать и царь Хеттов».

Особой статьей предусматривалась обоюдная выдача политических перебежчиков знатного и незнатного происхождения. «Если кто-либо убежит из Египта и уйдет в страну Хеттов, то царь Хеттов не будет его задерживать в своей стране, но вернет в страну Рамсеса». Вместе с перебежчиками возвращаются в целости также и все их имущество и люди. «Если убежит из египетской земли один, два, три и т. д. человека в землю Хеттов, то они должны быть возвращены в землю Рамсеса». Как они сами, так и их имущество, жены, дети и слуги возвращаются в полной невредимости. «Да не казнят их, да не повредят их глаз, уст и ног».

В свидетели верности и точности выполнения договора призываются боги и богини обеих стран. «Все, начертанное на серебряной доске, тысяча богов и богинь страны Хеттов обязуются исполнять по отношению к тысяче богов и богинь Египта. Они свидетели моих слов». Затем следует длинный перечень египетских и хеттских богов и богинь: «боги и

богини гор и рек страны Египта, неба и земли, моря, ветра и бури». За нарушение договора угрожают страшные кары. За честное его выполнение боги даруют здоровье и благоденствие. «Да сгинут дом, земля и рабы того, кто нарушит сии слова. Да будет здравие и жизнь тому, земле и рабам того, кто их сохранит».

Обмен дипломатическими письмами и посольствами продолжался и после заключения «прекрасного договора». Обменивались письмами не только цари, но и царицы. Египетская и хеттская царицы выражали друг другу радость по поводу «прекрасного мира» и «прекрасного братства», установившегося между двумя могущественными деспотиями.

После смерти египетской царицы политический союз между хеттами и Египтом был скреплен династическим браком — женитьбой Рамсеса на красавице дочери Хаттушиля. Новая супруга великого царя Египта была торжественно встречена на границе обоих царств. На устроенном в честь ее прибытия пиршестве было предложено угощение и египетским и хеттским воинам.

Для истории дипломатии договор Рамсеса с Хаттушилем имеет первостепенное значение. Во-первых, это древнейший из известных нам памятников международного права. Во-вторых, по своей форме он послужил образцом всех последующих договоров как для царств Древнего Востока, так и для Греции и Рима. Форма международного договора в основном оставалась неизменной на протяжении всей истории древнего мира. Греция и Рим в этом отношении копировали древневосточную договорную практику. Наряду с этим в договоре Рамсеса—Хаттушиля нашла свое отражение характерная черта государственного строя Древнего Востока — полное отождествление государства с личностью носителя верховной власти. Все переговоры велись исключительно от имени царя. Отдельные статьи договора содержат обязательства ненападения и взаимной помощи. Достойно внимания, что эта помощь предусматривается даже в виде обусловленной сторонами обоюдной интервенции для подавления внутренних восстаний. Таким образом, египетско-хеттский договор, имеющий больше чем трехтысячелетнюю давность, являлся в некоторой степени прототипом позднейших международных соглашений.

Международная политика Ассирии в период ее преобладания (VIII—VII века до нашей эры)

В последующие столетия Египет и царство хеттов слабеют и постепенно утрачивают руководящую роль в международных отношениях Востока. Первенствующее значение приобретает государство Передней Азии — Ассирия, с главным городом Ашур на среднем течении реки Тигра в Месопотамии. Первоначально Ассирия представляла небольшое княжество (патеси), состоявшее

из нескольких земледельческих и скотоводческих общин. Но постепенно, приблизительно с XIV века (до нашей эры) территория Ассирии начинает расширяться, и Ассирия превращается в одно из самых сильных государств Древнего Востока. Уже в эпоху Телль-Амарнской переписки ассирийские цари называют себя в надписях «повелителями вселенной», которых боги призвали господствовать над «страной, лежащей между Тигром и Евфратом».

В ранний период своей истории Ассирия входила в состав Вавилонского царства, и царь Ашура подчинялся царю Вавилона. Но эта зависимость постепенно исчезала, и ассирийские цари становились самостоятельными. Вавилоняне против этого протестовали, но их протесты не имели успеха. Первое упоминание об Ассирии как самостоятельной державе находим в Телль-Амарнской переписке, где говорится о прибытии ассирийских послов в Египет. Против принятия их египетским фараоном Аменофисом IV решительно протестовал вавилонский царь Бурнабуриаш, который считал себя главой Ашура. «Зачем, — спрашивает он своего союзника Аменофиса, — они пришли в твою страну? Если ты расположен ко мне, не вступай с ними в сношения. Пусть они уезжают, ничего не добившись. Со своей стороны шлю тебе в подарок пять мин голубого камня, пять конных упряжек и пять колесниц». Однако фараон не счел возможным удовлетворить просьбу своего друга и отказать в приеме послам ассирийского царя.

Усиление Ассирии внушало тревогу наиболее крупным державам Востока — хеттам и Египту. Под влиянием этого опасения и был заключен договор 1278 г. между Рамсесом II и Хаттушилем III, косвенно направленный против Ассирии.

Таковы были первые шаги ассирийских царей на международном поприще.

Своего наибольшего могущества Ассирийское царство достигает при Саргонидах (VIII—VII века до нашей эры) — Саргоне, Синнахерибе и Ашурбанипале. Главным городом при Саргонидах становится Ниневия, на север от Ашура. Саргониды — выходцы из среды военных командиров — произвели крупные реформы в политическом и военном строе Ассирии, увеличили численность ассирийского войска до высшего по тому времени предела — 150 тысяч человек — и повели широкую завоевательную политику.

Движущей силой ассирийской политики являлось стремление Ассирии завладеть плодородными оазисами, захватить места нахождения металлов, добычу и людей и, кроме того, обеспечить за собой обладание важнейшими торговыми путями. Наибольшее значение в то время имели две торговые артерии. Одна из них шла от Великого (Средиземного) моря к Месопотамии и, далее, в восточном направлении. Другая торговая дорога вела

на юго-запад, в сторону Сиро-Палестинского побережья и Египта.

До выступления Персии Ассирия была самой крупной древневосточной державой. Географическое ее положение вызывало постоянные столкновения с соседями, вело к непрерывным войнам и заставляло ассирийских правителей проявлять особую изобретательность как по части военной техники, так и в области дипломатического искусства.

Наступательная политика ассирийских царей вызывала сильное беспокойство среди государств Переднего Востока и заставляла их забыть взаимные распри перед лицом общей опасности. Против Ассирии образовались три внушительные коалиции: первую — на юго-западе — возглавлял Египет, вторую — на юго-востоке — Элам и третью — на севере — Урарту. Все эти коалиции были очень пестры по своему составу, что облегчало победу ассирийцев. В конце VIII века до нашей эры Саргон при Рафии в Палестине разбил союзников египетского фараона и затем обратился против второй, эламско-халдейской, коалиции на Востоке. При этом он весьма искусно использовал недовольство халдейских городов против вавилонского царя Мардук-Белиддина. Ассирийский царь выступал якобы защитником вольностей халдейских городов, нарушенных его противником. Халдейские города получили прежние права, а победитель Саргон провозгласил себя вавилонским царем. Таким образом, Ашур и Вавилон связывались личной унией. Политическая гегемония переходила к Ассирии, но культурное преобладание оставалось за Вавилоном.

Более грозная коалиция образовалась при сыне Саргона Синнахерибе (705—681 гг. до нашей эры). В состав ее входили сиро-палестинские города во главе с Тиром, иудейский царь Езекия, египетский фараон Эфиопской династии Тахарка и др. Одновременно с этим создалась вторая коалиция на Востоке. Центром ее являлись Элам и Вавилон. Синнахериб использовал исконную вражду Тира и Сидона и тем самым значительно ослабил силы врагов. В 701 г. до нашей эры он осадил Иерусалим и заставил царя Езекию уплатить тяжелый выкуп в 30 талантов золота и 300 талантов серебра. В то же самое время с египетским фараоном (Шабака) им был заключен мирный договор, печати которого с именами подписавших его царей найдены в развалинах дворца в Ниневии. Из документов явствует, что международный престиж Египта в это время стоял невысоко. При переговорах с городом Иерусалимом ассирийский посол сравнивал Египет с хрупкой тростью, которая сломается и вонзится в руку того, кто попытается на нее опереться. Следствием разгрома западной коалиции было завоевание ассирийцами Вавилона (689 г. до нашей

эры) — одного из наиболее важных культурных центров Востока [1].

Вавилонская хроника сообщает, что эламский царь, пытавшийся вторгнуться в Вавилонию с целью оказать помощь вавилонскому царю, «умер, не будучи болен, в своем дворце». Другими словами, царь был насильственно устранен сторонниками ассирийского монарха.

Во главе третьей коалиции, с которой приходилось бороться Саргону, стояло царство Урарту (Арарат), или Ванское царство, расположенное на территории современной советской и турецкой Армении. В центре Урарту находилось озеро Ван, а главным городом был город Тушпа. Возвышение Урарту относится ко второй половине VIII века, т. е. к правлению царя Сардура (750—733 гг. до нашей эры) и его преемников. Урарту — прародина древних грузин (колхи, иберы) и, быть может, армян — приобрела мировую известность своими замечательными металлическими изделиями, оросительными сооружениями, обилием скота и богатством плодов. Урартские народы образовали среди гор и речных долин множество мелких княжеств, управляемых местными князьями. Иногда эти мелкие политические тела объединялись в более крупные союзы, опасные для Ассирии. В предгорьях Кавказа издавна добывались высококачественные сорта железа, получившего широкое распространение в период политического преобладания Ассирии. Возвышение Ассирии находится в прямой связи с переходом от бронзы к железу. Ассирийцев называли «железными людьми». Весьма вероятно, что бóльшая часть железа и меди, открытых в развалинах дворца Саргона в Хорсабаде, была получена из Урарту. Значение государства Урарту, знакомством с которым наука обязана, главным образом, трудам русских ученых (Никольский, Марр, Орбели, Мещанинов), очень велико. Через Урарту история народов античного мира органически связывается с прошлым народов Советского Союза.

Дипломатия царя Ашурбанипала (668—626 гг. до нашей эры)

Последним могущественным царем Ассирии был Ашурбанипал (668—626 гг. до нашей эры). Личность и политика этого царя в настоящее время достаточно полно освещены благодаря открытию государственного архива и библиотеки Саргонидов, которые найдены были в развалинах царских дворцов в Ниневии и Куюнджике, недалеко от Ниневии. Клинописная библиотека Саргонидов содержит богатый материал по всем отраслям общественной и государственной жизни Ассирии, в том числе и по дипломатии. По количеству и ценности исторических данных ассирийские архивы, содер-

[1] Книга царств, II, 19, 21.

жащие около двух тысяч документов, не уступают Телль-Амарнской переписке.

Бóльшая часть материала названных архивов относится ко времени царя Ашурбанипала. Все царствование Ашурбанипала проходит в напряженной борьбе с антиассирийскими коалициями, которые возникали то на одной, то на другой границе. Сложнее всего обстояло дело в Египте. Здесь политика Ассирии наталкивалась на отчаянное сопротивление со стороны фараонов Эфиопской династии. Подобно Саргонидам, эти фараоны вышли из среды военных командиров, начальников ливийских отрядов. Самым крупным из них был Тахарка. С целью ослабления эфиопского влияния в Египте Ашурбанипал поддерживал египетского царевича Нехо, который проживал в Ассирии в качестве военнопленного. При ассирийском дворе Нехо пользовался особым почетом. Ему были подарены царем дорогие одежды, меч в золотых ножнах, колесница, лошади и мулы. С помощью своих египетских друзей и ассирийских отрядов Нехо победил Тахарку и завладел египетским престолом. Однако сын Нехо Псаметих изменил ассирийскому владыке. Опираясь на поддержку ливийских наемников и прибывавших с моря греков, он отделился от Ассирии и провозгласил независимость Египта (645 г. до нашей эры).

Основанная Псаметихом новая, по счету XXVI, династия с главным центром в городе Саисе просуществовала до завоевания Египта персами (525 г. до нашей эры).

Ашурбанипал вынужден был примириться с утратой Египта вследствие серьезных осложнений, возникших в Эламе и Вавилоне. В течение всего правления Саргонидов Вавилон являлся центром международных союзов и политических интриг, направленных против Ассирии. Кроме того, независимость Вавилона препятствовала государственной централизации, которую проводили ассирийские цари. Наконец, полное подчинение старинного торгового и культурного города развязывало руки ассирийским царям в отношении двух враждебных им стран — Египта и Элама. Всем этим объясняется долгая и упорная борьба Ассирии с Вавилоном.

При Ашурбанипале «наместником Бела» (Вавилона) сделался младший брат царя Шамаш-Шумукин. Шамаш-Шумукин изменил Ашурбанипалу, провозгласил независимость Вавилонского царства, а себя объявил вавилонским царем. Из Вавилона во все страны, ко всем царям и народам были отправлены посольства с целью вовлечения их в общий союз против Ассирии.

На призыв Шамаш-Шумукина откликнулись многие цари и народы от Египта до Персидского залива включительно.

Кроме Египта, в союз вошли мидяне, Элам, город Тир и другие финикийские города, Лидия и арабские шейхи —

словом, все, боявшиеся усиления политической гегемонии Ассирии. Узнав о военных приготовлениях Шамаш-Шумукина, Ашурбанипал объявил его узурпатором и стал готовиться к войне.

Враги Ассирии оказались достаточно сильными, и вследствие этого Ашурбанипалу пришлось вести борьбу с большой осторожностью. Было очевидно, что исход всей кампании зависит от поведения таких богатых и влиятельных городов Междуречья, как Вавилон и Ниппур, и соседнего царства Элама. Это понимал и ассирийский царь. Поэтому он немедленно обратился к названным городам с дипломатическим посланием, текст которого сохранился в царском архиве. Содержание этого важнейшего документа дипломатии древневосточных народов заслуживает особого внимания.

Обращение царя Ассирии к вавилонскому народу:

«Я пребываю в добром здравии. Да будут ваши сердца по сему случаю преисполнены радости и веселья.

Я обращаюсь к вам по поводу пустых слов, сказанных вам лживым человеком, именующим себя моим братом. Я знаю все, что он говорил вам. Все его слова пусты, как ветер. Не верьте ему ни в чем. Я клянусь Ашуром и Мардуком, моими богами, что все слова, произнесенные им против меня, достойны презрения. Обдумав в своем сердце, я собственными моими устами заявляю, что он поступил лукаво и низко, говоря вам, будто я „намереваюсь опозорить славу любящих меня вавилонян, так же как и мое собственное имя". Я таких слов не слыхал. Ваша дружба с ассирийцами и ваши вольности, которые мною установлены, больше, чем я полагал. Не слушайте ни минуты его лжи, не грязните вашего имени, которое не запятнано ни передо мною, ни перед всем миром. Не совершайте тяжкого греха перед богом...

Имеется еще нечто такое, что, как мне известно, вас сильно тревожит. „Так как, — говорите вы, — мы уже восстали против него, то он, покорив нас, увеличит взимаемую с нас дань". Но это ведь дань только по названию. Так как вы приняли сторону моего врага, то это уже можно считать как бы наложенной на вас данью и грехом за нарушение клятвы, принесенной богам. Смотрите теперь и, как я уже писал вам, не порочьте вашего доброго имени, доверяясь пустым словам этого злодея.

Прошу вас в заключение как можно скорее ответить на мое письмо. Месяц Аир, 23 числа, грамота вручена царским послом Шамаш-Балат-Суикби».

Обращение Ашурбанипала к населению Вавилона и обещание сохранять впредь вольности города имели решающее значение для всей последующей истории отношений с вавилонским царем. Города отпали от Шамаш-Шумукина и перешли на сторону Ашурбанипала.

Сохранение союза Вавилона с Ашурбанипалом нанесло удар всему движению, поднятому Шамаш-Шумукином, который являлся в глазах ассирийского царя узурпатором.

Сохранилось еще другое обращение того же самого царя к жителям города Ниппура, в котором тогда находился ассирийский представитель Белибни. К сожалению, этот документ сильно испорчен, что часто затрудняет точную передачу его смысла.

По обычаю того времени царское послание начинается торжественным приветствием.

«Слово царя вселенной к Белибни и гражданам города Ниппура, всему народу, старому и молодому.

Я пребываю в добром здравии. Да будут ваши сердца по сему случаю преисполнены радости и веселья».

Далее следует изложение самой сущности дела. Речь, повидимому, идет о поимке главы антиассирийской партии, покинувшего Ниппур после взятия города ассирийскими войсками. «Вы знаете, — пишет царь, — что вся страна разрушена железными мечами Ашура и моими богами, выжжена огнем, вытоптана копытами животных и повержена ниц перед моим лицом. Вы должны захватить всех мятежников, которые ищут ныне спасения в бегстве. Подобно человеку, который у дверей просеивает зерна, вы должны отделить его от всего народа. Вам надлежит занять указанные вам места. Конечно, он изменит теперь свой план побега... Вы не должны никому позволять выходить из ворот города без тщательного обыска. Он не должен уйти отсюда. Если же он каким-либо путем ускользнет через лазейку, то кто позволит ему это сделать, будет строго мною наказан со всем своим потомством. Тот же, кто захватит его и доставит ко мне живым или мертвым, получит большую награду. Я повелю бросить его на весы, определю его вес и доставившему его мне уплачу количество серебра, равное этому весу...

Прочь всякую медлительность и колебания. Прочь! Я уже писал вам об этом. Вам дано строгое повеление. Следите, чтобы связали его, прежде чем он уйдет из города».

Другим источником для знакомства с ассирийской дипломатией служат тайные донесения царских уполномоченных. Во всех городах «царь вселенной» имел своих людей, которые обычно именовали себя в переписке царскими рабами или слугами. Из этих донесений видно, с каким вниманием ассирийские уполномоченные следили за всем, что происходило в пограничных областях и соседних государствах. О всех замеченных ими переменах: приготовлениях к войне, передвижении войск, заключении тайных союзов, приеме и отправлении послов, заговорах, восстаниях, постройке крепостей, перебеж-

чиках, угоне скота, урожае и пр. они немедленно ставили в известность царя и его чиновников.

Больше всего донесений сохранилось от вышеназванного царского уполномоченного Белибни, находившегося во время военных операций в Вавилоне или Эламе. После разгрома Шамаш-Шумукина многие вавилоняне бежали из опустевшего города в соседний Элам. В числе бежавших находился и внук престарелого вавилонского царя Мардук-Белиддина. Элам становился центром антиассирийских группировок и очагом новой войны. Это сильно беспокоило ассирийского царя, который не решался немедленно открыть военные действия против Элама. С целью выиграть время Ашурбанипал отправил в Элам посольство, старался разжечь раздоры в правящей фамилии, неугодных ему правителей устранял, а на их место ставил своих приверженцев.

Прибыв в Элам, посольство царя Ашура потребовало немедленной выдачи беглецов. Требование было выражено в весьма решительной форме. «Если ты не выдашь мне этих людей, — заявлял царь Ашура, — то я пойду на тебя войной, разорю твои города и уведу их жителей в плен, а тебя свергну с престола и посажу на твое место другого. Я раздавлю тебя так же, как раздавил прежнего царя Теуемана, твоего предшественника». Эламский царь (Индабигас) вступил в переговоры с ассирийским царем, но отказался выдать беглецов. Вскоре после этого Индабигас был убит одним из своих военачальников Уммалхалдашем, который провозгласил себя царем Элама. Однако Уммалхалдаш не оправдал доверия Ашурбанипала и вследствие этого был свергнут с престола, а Элам подвергся жестокому опустошению (около 642 г. до нашей эры).

«Я уничтожил моих врагов, жителей Элама, которые не пожелали войти в лоно Ассирийского государства. Я отсек им головы, отрезал губы и переселил в Ашур».

В таких словах Ашурбанипал изображает свою расправу с эламитами.

После изгнания Уммалхалдаша на престол Элама был возведен новый царь Таммарит, поддержанный ассирийским двором. Некоторое время Таммарит успешно выполнял приказы ассирийского царя, но потом неожиданно изменил ему, организовал заговор против Ашурбанипала и перебил царские гарнизоны, стоявшие в Эламе. Это послужило поводом к открытию военных действий между Эламом и Ассирией. Во время этой войны эламский царь был убит, и на политической арене вновь появился Уммалхалдаш. Он захватил город Мадакту и крепость Бет-Имби, но на этом его успехи и закончились. Ашурбанипал, подтянувший свежие силы, взял столицу Элама Сузы, «вступил во дворец эламитских царей и предался в нем отдохновению».

Занятие ассирийскими войсками столицы Элама еще не означало полного покорения страны. Война продолжалась. Враждебные Ассирии элементы сгруппировались около Набу-Бел-Шумата, вавилонского царевича, который находился в Эламе. Поимка мятежного вавилонянина была поручена Ашурбанипалом Уммалхалдашу, который вновь всячески искал сближения с ассирийским царем. В конце концов мятежное движение было подавлено. Набу-Бел-Шумат лишил себя жизни. После этого Элам утратил политическую самостоятельность и вошел в состав Ассирийского царства.

Все вышеописанные события, связанные с покорением Элама, с мельчайшими подробностями отражены в донесениях Белибни и других проводников ассирийского влияния в Эламе. В 281-м письме (по изданию «Царской корреспонденции Ассирийской империи» Л. Уотермана) Белибни следующим образом описывает положение вещей в Эламе после вступления ассирийских войск.

«Царю царей, моему повелителю, твой раб Белибни.

Новости из Элама: Уммалхалдаш, прежний царь, который бежал, затем вернулся, захватил престол и, подняв восстание, покинул город Мадакту. Захватив мать, жену, детей и всю свою челядь, он перешел реку Улаи в южном направлении. Он подступил к городу Талах, его военачальники Умманшибар, Ундаду и все его союзники идут к городу Шухарисунгур. Они говорят, что намерены поселиться между Хуханом и Хайдалу.

Вся страна вследствие прибытия войск царя царей, моего повелителя, объята великим страхом. Элам как бы поражен чумой. Когда они [мятежники] увидали столь великие бедствия, они впали в ужас. Когда они пришли сюда, вся страна отвернулась от них. Все племена Таххашаруа и Шаллукеа находятся в состоянии мятежа.

Уммалхалдаш вернулся в Мадакту и, собрав своих друзей, упрекал их такими словами: „Разве я не говорил вам, прежде чем я оставил город, что желаю изловить Набу-Бел-Шумата, которого я должен был выдать царю Ассирии, чтобы он не посылал против нас своих войск? Разве вы не уразумели моих слов? Вы — свидетели сказанного“.

И вот, — пишет далее Белибни, — теперь, если будет угодно царю царей, моему господину, пусть он пришлет скрепленную царскими печатями грамоту на имя Уммалхалдаша о поимке Набу-Бел-Шумата и прикажет мне собственноручно передать ее Уммалхалдашу. Разумеется, мой повелитель думает: „Я отправлю тайное послание с приказом схватить его“. Но когда прибудет царский посланный в сопровождении вооруженной свиты, проклятый Белом Набу-Бел-Шумат услышит об этом, подкупит царских вельмож, и они его освободят. Поэтому пусть боги царя царей устроят дело так, чтобы мя-

тежник был схвачен без всякого кровопролития и доставлен царю царей».

Послание заканчивается заверениями в полной преданности Белибни своему повелителю.

«Я точно выполнил приказ царя царей и делаю все согласно его желанию. Я не иду к нему, так как мой господин не зовет меня. Я поступаю подобно собаке, которая любит своего господина. Господин говорит: „Не ходи близко к дворцу", и она не подходит. Чего царь не приказывает, того и не делаю».

Те же самые средства ассирийцы применяли и в отношении северных государств Урарту и других. В северные страны ассирийцев привлекали железные и медные рудники, обилие скота и торговые пути, которые связывали север с югом и запад с востоком. Ванское царство было наводнено ассирийскими разведчиками и дипломатами, следившими за каждым движением царя Урарту и его союзников. Так, в одном письме Упахир-Бел ставит в известность царя о действиях правителей армянских городов.

«Царю царей, моему повелителю, твой раб Упахир-Бел. Да будет здрав царь. Да пребывают в добром состоянии его семья и его крепости. Пусть сердце царя преисполнится радостью.

Я отправил особого уполномоченного собрать все новости, которые касаются Армении. Он уже вернулся и, по своему обыкновению, сообщил следующее. Враждебно к нам настроенные люди в настоящее время собрались в городе Харда. Они внимательно следят за всем происходящим. Во всех городах до самой Турушпии стоят вооруженные отряды... Пусть мой господин дозволит прислать вооруженный отряд и разрешит мне занять город Шурубу во время жатвы».

Сходного типа донесение о положении дел в Урарту находим в письме Габбуаны-Ашура. «Царю, моему владыке, твой слуга Габбуана-Ашур. В исполнение твоего повеления относительно наблюдения за народом страны Урарту сообщаю. Мои посланцы уже прибыли в город Курбан. А те, которые должны пойти в Набули, Ашурбелдан и Ашуррисуа готовы отправиться. Имена их известны. Каждый из них выполняет одну определенную задачу. Ничего не упущено, все сделано. У меня имеются такие данные: народ страны Урарту еще не продвинулся за город Турушпию. Нам надлежит быть особенно внимательным к тому, что мне приказал царь. Мы не должны допускать какой-либо небрежности. В шестнадцатый день месяца Таммуза я вступил в город Курбан. В двенадцатый день месяца Аб я отправил письмо царю, моему владыке...»[1]

---

[1] Royal correspondence of the Assyrian Empire, ed. by L. Waterman, Michigan 1930, p. 1, p. 85, № 123.

Другой ассирийский уполномоченный доносит из Урарту о прибытии послов от народа страны Андия и Закария в город Уази. Они прибыли по очень важному делу — поставить в известность жителей этих мест, что ассирийский царь замышляет против Урарту войну. По этой причине они предлагают им вступить в военный союз. Далее указывается, что на военном совещании один из военачальников предлагал даже убить царя Ашура.

Борьба между Ассирией и Урарту продолжалась несколько столетий, но не привела к определенным результатам. Несмотря на ряд поражений и всю изворотливость ассирийской дипломатии, народы Урарту сохранили свою независимость и пережили своего сильнейшего противника — Ассирию.

При Ашурбанипале Ассирия достигает высшей точки своего могущества и включает в себя бóльшую часть стран Переднего Востока. Границы Ассирийского царства простирались от снеговых вершин Урарту до порогов Нубии, от Кипра и Киликии — до восточных границ Элама. Обширность ассирийских городов, блеск двора и великолепие построек превосходили все когда-либо виденное. Ассирийский царь разъезжал по городу в колеснице, в которую были впряжены четыре пленных царя; по улицам были расставлены клетки с посаженными в них побежденными царями. И тем не менее Ассирия клонилась к упадку. Признаки ослабления ассирийской мощи чувствуются уже при Ашурбанипале. Беспрерывные войны истощили силы Ассирии. Число враждебных коалиций, с которыми приходилось бороться ассирийским царям, все возрастало. Положение Ашура сделалось критическим вследствие притока новых народов, приходивших с севера и востока, — киммеров, скифов, мидян и, наконец, персов. Ассирия не выдержала напора этих народностей, постепенно утратила свое руководящее положение в международных отношениях Востока и стала добычей новых завоевателей. В VI веке до нашей эры самым сильным государством античного мира становится Персия, вобравшая в себя все страны Древнего Востока.

Вступление Персии на мировую арену открывается широковещательным манифестом «царя стран» Кира, обращенным к вавилонскому народу и жречеству. В этом манифесте персидский завоеватель именует себя освободителем вавилонян от ненавистного им царя (Набонида), тирана и утеснителя старой религии. «Я — Кир, царь мира, великий царь, могучий царь, царь Вавилона, царь Шумера и Аккада, царь четырех стран света... отпрыск вечного царства, династия и владычество которого любезны сердцу Бела и Набу. Когда я мирно вошел в Вавилон и при ликованиях и веселии во дворце царей занял царское жилище, Мардук, великий владыка, склонил ко мне бла-

городное сердце жителей Вавилона за то, что я ежедневно помышлял о его почитании...»

Персидская держава Ахеменидов представляла собой одно из самых могучих древневосточных политических образований. Влияние ее распространялось далеко за пределы классического Востока как в восточном, так и в западном направлениях.

Дипломат и дипломатия по учению Ману (I тысячелетие до нашей эры)

Интереснейшим памятником древневосточной дипломатии и международного права являются индийские законы Ману. Подлинный текст законов Ману до нас не дошел. Сохранилась лишь его позднейшая (стихотворная) передача, по всей вероятности, относящаяся к I веку нашей эры. Законы Ману были в этой редакции открыты англичанами в XVIII веке. Написаны они на классическом санскрите. В XIX—XX веках они переведены были на ряд европейских языков, в том числе и на русский.

Согласно индийскому преданию, законы Ману — божественного происхождения: относятся они к эпохе легендарного Ману, считавшегося родоначальником арийцев. По своему характеру законы Ману представляют собой свод различных древнеиндийских постановлений, касающихся политики, международного права, торговли и военного дела. Эти правила складывались на протяжении всего первого тысячелетия до нашей эры.

С формальной стороны законы Ману являются сводом законов Древней Индии. Но содержание памятника значительно шире и разнообразнее. Он богат философскими рассуждениями; много внимания уделено в нем религиозным и нравственным правилам.

В основу древнеиндийской философии положено учение о совершенном человеке-мудреце. Под этим углом зрения рассматривается и дипломатия. Центр внимания переносится на личные качества дипломата, от которых зависит успех дипломатической миссии.

Дипломатическое искусство, согласно учению Ману, заключается в умении предотвращать войну и укреплять мир. «Мир и его противоположность [война] зависят от послов, ибо только они создают и ссорят союзников. В их власти находятся те дела, из-за которых происходят между царями мир или война»[1].

Дипломат осведомляет своего государя о намерениях и планах иностранных правителей. Тем самым он предохраняет государство от грозящих ему опасностей. Поэтому дипломат должен быть человеком проницательным, всесторонне образованным и способным расположить к себе людей. Он дол-

[1] Законы Ману, пер. Эльмановича, 1913, гл. VII. Царь. 64, 66.

жен уметь распознавать планы иностранных государей не только по их словам или действиям, но даже по жестам и выражению лица [1].

Главе государства рекомендуется назначать дипломатов с большим выбором и осторожностью. Дипломат должен быть человеком почтенного возраста, преданным долгу, честным, искусным, обладающим хорошей памятью, представительным, смелым, красноречивым, «знающим место и время действия». Самые сложные вопросы международной жизни должны разрешаться прежде всего дипломатическим путем. Сила стоит на втором месте.

Таковы основы учения Ману, касающиеся дипломатии и роли дипломата.

[1] Законы Ману, гл. VII, 67.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ДИПЛОМАТИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

1. МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

В своем историческом развитии Древняя Греция, или Эллада, прошла ряд сменявших друг друга общественных укладов. В гомеровский период эллинской истории (XII—VIII века до нашей эры), в условиях складывавшегося рабовладельческого государства еще сохранялся родовой строй. Для Греции классического периода (VIII—IV века до нашей эры) характерным типом политического образования являлись города-государства, по-гречески «полисы». Между этими самодовлеющими мирками возникали самые разнообразные формы международных связей.

Проксения

Древнейшей формой международных связей и международного права в Греции была «проксения», т. е. гостеприимство. Проксения существовала между отдельными лицами, родами, племенами и целыми государствами. Проксен данного города пользовался в нем по сравнению с прочими иностранцами известными правами и преимуществами в отношении торговли, налогов, суда и всякого рода почетных привилегий. Со своей стороны проксен принимал на себя нравственное обязательство по отношению к городу, где он пользовался гостеприимством, во всем содействовать его интересам и быть посредником между ним и властями своего города. Через проксенов велись дипломатические переговоры; приходившие в город посольства обращались прежде всего к своему проксену.

Институт проксении, получивший в Греции очень широкое распространение, лег в основу всех последующих международных связей древнего мира.

Все чужестранцы, проживавшие в данном городе, даже изгнанники, состояли под покровительством божества — Зевса-Ксения (гостеприимца).

Амфиктионии

Столь же древним международным институтом были и «амфиктионии». Так назывались религиозные союзы, возникавшие возле святилища

какого-либо особо чтимого божества. Как показывает само наименование, в эти союзы входили племена, которые жили вокруг святилища (амфиктионы — вокруг живущие), вне зависимости от их родственных отношений. Первоначальной целью амфиктионий были общие жертвоприношения и празднества в честь почитаемого божества, защита храма и его сокровищ, накоплявшихся от частных и общественных приношений, а также наказание святотатцев — нарушителей священных обычаев.

В случае надобности собравшиеся на празднества совещались по общественным делам, представлявшим интерес для всех членов данной амфиктионии. Во время празднеств запрещалось вести войны и провозглашался «божий мир» (иеромемия). Таким образом, амфиктионии превращались в религиозно-политический институт международного характера.

Амфиктионий в Древней Греции существовало много. Самой древней и наиболее влиятельной из них была Дельфийско-Фермопильская амфиктиония. Она образовалась из двух амфиктионий: Дельфийской при храме Аполлона в Дельфах и Фермопильской при храме Деметры. В Дельфийско-Фермопильскую амфиктионию входило 12 племен. Из них каждое имело по два голоса.

Верховным органом амфиктионии было общее собрание. Оно созывалось два раза в год, весной и осенью, в Фермопилах и Дельфах. Решения общего собрания были обязательны для всех амфиктионов. Уполномоченными лицами собрания, фактически руководившими всеми делами, были иеромнемоны, назначаемые государствами по числу голосов амфиктионии, т. е. в количестве 24. Одной из главнейших обязанностей иеромнемонов было соблюдение «божьего мира» и устройство религиозных празднеств.

В конце V и IV веков до нашей эры появляется еще новая коллегия —«пилагоров». Через посредство пилагоров и иеромнемонов вхóдившие в состав амфиктионии города приносили друг другу клятвы и принимали на себя известные обязательства по отношению к амфиктионам. Дельфийско-Фермопильская амфиктиония представляла значительную политическую силу, оказывавшую большое влияние на международную политику Греции. В руках Дельфийско-Фермопильской амфиктионии сосредоточивалась и светская и духовная власть. Дельфийские жрецы объявляли и прекращали войну, назначали и смещали общих правителей, входивших в амфиктионию. Иеромнемоны считались провозвестниками воли Аполлона. Согласно преданию, у дельфийских жрецов имелись «тайные книги», в которых содержались древние предсказания. Читать их разрешалось только тем, кто признавался потомком самого Аполлона, т. е. жрецам и царям.

Могущественным орудием в руках греческого жречества были священные войны, которые оно направляло против всех, причинявших какой-либо ущерб святилищу Аполлона. В священной войне должны были принимать участие все члены амфиктионии, связанные присягой. Текст этой присяги гласил: «Не разрушать никакого города, принадлежащего амфиктионии; не отводить воды ни во время мира, ни во время войны; общими силами выступать против всякого нарушителя присяги, разорять его город; наказывать всеми средствами, имеющимися в распоряжении, всякого, дерзнувшего нарушить достояние бога рукой или ногой»[1].

Все политические договоры, прямо или косвенно, утверждались дельфийским жречеством. По всем спорным вопросам международного права тяжущиеся стороны обращались в Дельфы. Сила жречества заключалась не только в его духовном, но и в материальном влиянии. Дельфы располагали огромными капиталами, образовавшимися из взносов городов, от доходов с массы паломников, от храмовых ярмарок и ростовщических сделок. Все это объясняет ту страстную борьбу, которая велась между греческими государствами за влияние и голоса в Дельфийской амфиктионии в V—IV веках до нашей эры.

Договоры и союзы

Третьим видом международных связей Греции служили договоры и военно-политические союзы — «симмахии». Из них самыми значительными были Лакедемонская и Афинская (Делосская) симмахии.

Лакедемонская симмахия образовалась в VI столетии до нашей эры как союз городов и общин Пелопоннеса. Во главе союза стояла Спарта. Высшим союзным органом было общесоюзное собрание (сúллогос), созываемое городом-гегемоном (Спартой) один раз в год. Все города, входившие в союз, имели в нем по одному голосу, вне зависимости от их величины и значения. Дела решались по большинству голосов, после долгих прений и всяческих дипломатических комбинаций.

Другим крупным союзом эллинских городов была Афинская, или Делосская, симмахия, во главе которой стояли Афины. Делосская симмахия образовалась во время греко-персидских войн для борьбы с персами. Делосская симмахия отличалась от Лакедемонской двумя чертами: во-первых, входившие в нее союзники платили особый взнос (фóрос) в общественную казну на Делосе; во-вторых, они более зависели от своего гегемона — Афин. С течением времени Делосская симмахия превратилась в афинскую державу (архэ).

Отношения между обеими симмахиями с самого начала были враждебными. В конце концов, во второй половине V века это привело к общегреческой Пелопоннесской войне.

[1] *Aeschines*, De male gesta legatione, 115; In Ctesiphontem, 10.

Послы и посольства

Возникавшие между общинами и полисами конфликты разрешались при посредстве специальных уполномоченных лиц, или послов. В гомеровской Греции они назывались вестниками (керюкс, ангелос), в классической Греции — старейшинами (пресбейс).

В государствах Греции, как, например, в Афинах, Спарте, Коринфе и др., послы избирались Народным собранием из лиц почтенного возраста, не моложе 50 лет. Отсюда и происходит термин «старейшины». Обыкновенно послы избирались из состоятельных граждан, пользовавшихся авторитетом, имевших проксенов в других городах, степенных, рассудительных и красноречивых. Чаще всего посольские поручения давались архонтам данного города и в особенности архонту-полемарху (военачальнику).

Известны случаи, когда послами назначали актеров. Актером, например, был знаменитый оратор Эсхин, представлявший афинское государство у македонского царя Филиппа II. Избрание актеров для выполнения высокой и почетной миссии посла находит свое объяснение в большом значении, какое в античных обществах имели красноречие и декламация. Искусство актера придавало большой вес и убедительность словам делегата, выступавшего на многолюдном собрании, на площади или в театре.

Число членов посольства не было установлено законом: оно определялось в зависимости от условий данного момента. Все послы считались равноправными. Лишь позже вошло в обычай выбирать главного посла — «архистарейшину», председателя посольской коллегии. На содержание послов за время их полномочий отпускались некоторые денежные суммы, «дорожные деньги». К послам назначался определенный штат прислуги. При отправлении им давались рекомендательные письма (симбола) к проксенам города, в который выезжало посольство. Цель посольства определялась вручаемыми старейшинами инструкциями, написанными на грамоте, состоявшей из двух сложенных вместе листов (δίπλωμα). Отсюда и происходит самый термин «дипломатия».

Инструкции служили основным руководством для послов. В них указывалась цель посольства; однако в пределах данных инструкций послы пользовались известной свободой и могли проявлять собственную инициативу.

Послы, прибывшие на место своего назначения, одни или вместе с проксеном направлялись к должностному лицу данного города, ведавшему дипломатическими делами. Они предъявляли ему свои грамоты и получали от него соответствующие указания и советы.

В ближайшие после регистрации дни (в Афинах обычно через пять дней) послы выступали в Совете или Народном со-

брании с объяснением цели своего прибытия. После этого открывались публичные дебаты или же дело передавалось на рассмотрение специальной комиссии.

Как правило, к иностранным послам относились с почтением, обеспечивали им хороший прием, предлагали подарки, приглашали на театральные представления, игры и празднества. По возвращении в родной город члены посольства отдавали отчет в Народном собрании о результатах своей миссии. В случае одобрения им выдавались почетные награды. Самой высокой из них был лавровый венок с приглашением на следующий день обедать в притании, особом здании близ Акрополя, в котором обедали почетные гости государства. Каждому гражданину предоставлялось право при отчете посла высказывать свое мнение и даже выступать против посла с обвинениями.

Одной из главных обязанностей послов в Греции, как и вообще в античных государствах, было заключение союзов с другими государствами и подписание договоров. На договор в древнем мире смотрели, как на нечто магическое. Нарушение договора, по суеверному убеждению людей древности, влекло за собой божественную кару. Поэтому заключение договоров и ведение дипломатических переговоров в Греции были обставлены строгими формальностями. Договорные обязательства скреплялись клятвами, призывавшими в свидетели сверхъестественную силу, якобы освятившую подписанный договор. Клятвы давались обеими сторонами в присутствии магистратов того города, где подписывался договор. К клятве присоединялось еще проклятие, падавшее на голову нарушителя договора.

Возникавшие на почве нарушения договора споры и столкновения передавались на рассмотрение третейской комиссии. Она налагала на виновников нарушения денежные пени, которые вносились в казну какого-либо божества — Аполлона Дельфийского, Зевса Олимпийского и др. Из надписей известны такие взыскания, равнявшиеся десяти и более талантам, что в то время составляло очень крупную сумму. В случае упорного нежелания подчиняться требованиям третейского суда против непокорных городов предпринимались принудительные меры, до священной войны включительно.

После принятия соглашения каждой стороне вменялось в обязанность вырезать текст договора и клятвы на каменном столбе-стеле и хранить в одном из главных храмов (в Афинах — в храме Афины Паллады на Акрополе). Копии наиболее важных договоров хранились в национальных святилищах — Дельфах, Олимпии и Делосе. Договоры писались на нескольких языках, по числу договаривающихся сторон. Один текст обязательно поступал в государственный архив. В случае

разрыва дипломатических отношений и объявления войны стела, на которой был вырезан договорный текст, разбивалась, и тем самым договор расторгался.

2. ДИПЛОМАТИЯ В КЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОД ГРЕЦИИ (VIII—IV ВЕКА ДО НАШЕЙ ЭРЫ)

Зарождение дипломатии в гомеровской Греции (XII—VIII века до нашей эры)

Своими корнями международное право и дипломатия Греции уходят далеко в глубь веков. Зачатки международных связей выступают уже в «Илиаде» в виде межплеменных соглашений: глава Аргоса и «златом обильных» Микен Агамемнон склоняет военачальников — князей других ахейских городов — к походу на Трою. Вожди совещаются, принимают общее решение и отправляются в дальний поход. Агамемнон от имени всех ахейцев заключает договор с Приамом, царем Трои. Договор скрепляется клятвами, обращением к богам, принесением жертвы и распределением жертвенного мяса между предводителями ахейских и троянских дружин [1].

Нарушение договора рассматривалось как клятвопреступление [2]. Перед началом войны ахейские послы отправляются в Трою с требованием возвращения похищенной Парисом Елены [3].

Троянский глашатай вручает предложение о мире Ахейскому собранию. В собрании эти предложения подвергаются всестороннему обсуждению всего народа [4].

Приведенные примеры показывают, что в гомеровской Греции уже существовали в зародыше те дипломатические связи, которые впоследствии развились в обширную систему международных отношений.

Перикл ов проект созыва панэллинского мирного конгресса (448 г. до нашей эры)

В Греции классического периода центры международной жизни раньше всего сложились в богатых приморских городах Малой Азии (Милет, Эфес, Галикарнас), на Эгейских островах и Балканском полуострове (Афины, Коринф, Спарта).

В Афинах оживленные дипломатические отношения начинаются со времени тирании Писистрата (VI век до нашей эры) и в особенности с греко-персидских войн (V век до нашей эры). Все крупные государственные деятели Греции были в то же время и дипломатами. Дипломатами были Писистрат, Феми-

---

[1] *Гомер*, Илиада, пер. Гнедича или Минского, II, 340, III, 94, 280 и др.
[2] Там же, III, 236.
[3] Там же, XI, 125.
[4] Там же, VII, 371, 456.

стокл, Аристид, основатель Делосской симмахии, Кимон и в особенности Перикл. При Перикле начались серьезные трения между Афинами и Спартой из-за гегемонии в эллинском мире. Следствием этого была война между Афинами и Спартой, окончившаяся Тридцатилетним миром (445 г. до нашей эры). Этот мир закрепил в Греции систему политического дуализма. В своем стремлении к гегемонии обе стороны, воздерживаясь до поры до времени от агрессивных действий, старались усилить свое влияние дипломатическим путем.

В 448 г. до нашей эры глава афинского государства Перикл выступил с предложением созыва в Афинах панэллинского (общегреческого) конгресса. На конгрессе предполагалось разрешить три вопроса, волновавшие всех греков: о восстановлении разрушенных персами храмов, обеспечении свободного морского плавания и упрочении мира во всей Элладе. Одновременно созывом конгресса Перикл рассчитывал содействовать превращению Афин в политический и культурный центр всей Эллады.

Для осуществления этого проекта из Афин было отправлено посольство в составе 20 человек во все греческие города с приглашением прислать своих представителей на предстоящий конгресс. Депутация разделилась на четыре части. Одни отправились в малоазиатские города и острова; другие — на берега Геллеспонта и Фракии; третьи — в Беотию и Фокиду; четвертые — в Пелопоннес. Афинские послы убеждали граждан каждого города принять приглашение своих представителей на конгресс в Афины. Предложение Перикла не нашло отклика. Особенно сильное сопротивление оказали пелопоннесцы из боязни усиления Афин [1].

Дипломатическая борьба в эпоху Пелопоннесской войны (431—404 гг. до нашей эры)

Усиление Афин, нарушавшее систему политического дуализма в пользу Афин, послужило причиной Пелопоннесской войны (431—404 гг. до нашей эры). Пелопоннесская война обострила все внутренние и внешние противоречия эллинского мира. Для всевозможных дипломатических комбинаций открывалось самое широкое поле.

Открытию военных действий предшествовала ожесточенная дипломатическая борьба, продолжавшаяся целых пять лет (436—431 гг. до нашей эры). В ней приняли участие все греческие государства, которые входили в Лакедемонскую и Афинскую симмахии.

Ближайшим поводом к войне послужил эпидамнский инцидент. То было столкновение чисто местного значения, возникшее на почве географической тесноты эллинского мира.

---

[1] *Plutarchus*, Pericles, 17.

Вскоре, однако, местный спор перерос в конфликт общегреческого значения. Канва событий такова.

В богатом и многолюдном городе Эпидамне (современный Дураццо), колонии острова Керкиры на западном берегу Греции, в 436 г. до нашей эры произошло столкновение демократов с олигархами. Последние призвали себе на помощь соседей-варваров. Теснимые противниками, эпидамнские демократы, не получая помощи от Керкиры, своей метрополии, отправили посольство в Дельфы за советом, не передать ли им своего города Коринфу, оспаривавшему права у Керкиры на Эпидамн. Дельфийское жречество высказалось за такое решение.

Тогда керкиряне со своей стороны отправили посольство в Коринф с требованием передать вопрос об Эпидамне на решение третейского суда. Не получив определенного ответа от Коринфа, поглощенного подготовкой к войне, керкиряне отправили посольство в Афины, прося принять их в Афинскую симмахию и признать их право на Эпидамн. Керкирские послы доказывали афинянам, что если Керкире не будет оказана помощь, они вынуждены будут подчиниться коринфянам. Тогда Афинам придется сражаться с двумя сильнейшими морскими державами Греции — Коринфом и Керкирой [1].

Вслед за посольством Керкиры в Афины прибыло и коринфское посольство. Оно обвиняло керкирян в наглости и корыстолюбии и протестовало против принятия их в Афинскую симмахию [2]. Афиняне решили не принимать керкирян в свою симмахию, а заключить с ними лишь оборонительный союз. Формально они не нарушали условий Тридцатилетнего мира, который запрещал одной симмахии расширяться за счет другой. Вступая с керкирянами в дружественный союз, Афины рассчитывали достигнуть сразу двух целей: 1) посеять вражду между двумя сильнейшими в то время морскими державами Греции — Керкирой и Коринфом — и тем самым ослабить этих главных своих противников и 2) закрепиться в важнейших гаванях на западном торговом пути в Италию и Сицилию [3].

Расчеты Афин на поединок Керкиры и Коринфа оправдались. В разразившейся Керкиро-коринфской войне обе воюющие стороны были обессилены. Но военная помощь, оказанная Афинами Керкире, вызвала протест Пелопоннесского союза по поводу нарушения Афинами договора 445 г.

К этому присоединился и второй конфликт между пелопоннесцами и афинянами — из-за колонии Потидеи на Халкидском полуострове. На Потидею имели виды и афиняне

---

[1] *Thucydides*, Historiae, I, 35.
[2] Ibid., I, 40.
[3] Ibid, I, 44.

и коринфяне. На сторону последних стал и македонский царь Пердикка. Он был обижен на афинян за их союз с его братом и врагом Филиппом и поднял против афинян пограничные племена. Воспользовавшись этим случаем, бóльшая часть городов Халкидского полуострова восстала против афинян. Однако отправленная Афинами эскадра в 30 кораблей разбила войска потидеян и коринфян и положила конец восстанию.

Союзная конференция в Спарте (432 г. до нашей эры)

После этого коринфяне, потидеяне и Пердикка направили посольства в Спарту с требованием немедленного созыва общесоюзного совещания (сúллогос) по поводу нарушения Афинами договора 445 г. Этот протест поддержали и другие греческие города, недовольные Афинами. В результате в 432 г. в Спарте было созвано совещание всего Пелопоннесского союза.

Совещание 432 г. было настоящей дипломатической конференцией. На ней резко столкнулись интересы ряда греческих государств. Прения носили бурный характер. Первыми выступили коринфские делегаты. Они обрушились на своего гегемона Спарту. Заинтересованные в немедленном открытии военных действий против Афин, они обвиняли спартанцев в бездеятельности, медлительности и неосведомленности в общегреческих делах. «Вы, — говорили коринфские представители спартанцам, — отличаетесь рассудительностью, но вы плохо знаете, что творится за пределами вашей страны». Другое дело — афиняне. Осведомленностью, быстротой и сообразительностью они далеко опередили всех остальных греков. Благодаря этому они одну часть греков уже поработили, а другую намерены покорить в скором времени. «Афиняне всегда на словах выступают против войны; на самом же деле они усиленно к ней готовятся».

Коринфяне делали вывод о необходимости создания антиафинской коалиции и немедленного открытия военных действий против Афин, похитивших греческую свободу. С ответом на речь коринфян выступили афинские делегаты.

В высшей степени искусно построенная аргументация афинских послов развертывалась по двум линиям. С одной стороны, они доказывали, что гегемонию в эллинском мире и среди варваров афиняне приобрели не насилием и интригами. Они достигли ее вполне законным путем во время национальной войны с персами, проявив в защите общегреческих интересов «величайшее рвение и отвагу».

Приходится удивляться не тому, говорили послы, что Афины занимают руководящее положение в эллинском мире. Удивительно то, что при такой мощи они столь умеренно пользуются своими преимуществами и проявляют больше справедливости, чем это вообще свойственно человеческой природе. «Мы пола-

гаем, что всякий другой на нашем месте лучше всего показал бы, насколько мы умеренны».

Афинские делегаты предлагали Союзному собранию учесть, с каким могущественным государством предстоит борьба членам Пелопоннесского союза, коль скоро они склонятся к решению предпочесть миру войну. «Подумайте, сколь велики неожиданности войны. Не принимайте на себя ее тяжелого бремени в угоду чужим замыслам и притязаниям. Не нарушайте договора и не преступайте данной вами клятвы».

После этого все союзные послы покинули собрание. Оставшись одни, спартанцы стали обсуждать вопрос в закрытом совещании, взвешивая доводы за и против немедленного объявления войны Афинам. Мнения самих спартанских представителей по этому вопросу разделились.

Первым выступил царь Архидам. «Человек рассудительный и благоразумный», он высказался за осторожную политику. Исходя из чисто военных соображений, Архидам советовал не доводить дела до вооруженного конфликта с первоклассной морской державой — Афинами, при недостаточности союзнического флота. «Не следует, — говорил он, — ни проявлять слишком много военного задора, ни обнаруживать излишней уступчивости. Нужно умело устраивать собственные дела, заключая союзы не только с греками, но и с варварами. Главное, всеми способами необходимо увеличивать свою денежную и военную мощь».

Против Архидама выступил эфор Сфенелаид. Он предлагал голосовать за немедленное объявление войны. Только быстрым налетом, полагал он, можно захватить Афины врасплох и выполнить свой долг перед союзниками. По окончании речи Сфенелаид поставил вопрос на голосование уполномоченных государств, которые присутствовали на конференции. Большинство высказалось за предложение эфора, признав, что мирный договор 445 г. нарушен Афинами и что неизбежным следствием этого нарушения является война.

Таким образом, усилия дипломатов не предотвратили Пелопоннесской войны. Однако они оказали существенное влияние как на ее подготовку, так и на все последующее течение событий. Во всяком случае благодаря дипломатии общегреческая катастрофа была отсрочена на целых пять лет.

Никиев мир (421 г. до нашей эры)

Обмен посольствами продолжался и после объявления войны. Разница состояла лишь в том, что переговоры велись воюющими странами «без глашатаев», т. е. полуофициальным путем. В 423 г. обессиленные войной противники пришли к соглашению и заключили перемирие, завершившееся так называемым Никиевым миром 421 г. Текст Никиева мира интересен как образец дипломатических документов античной

Греции. В передаче Фукидида текст договора гласит: «Настоящий договор заключили афиняне и лакедемоняне с союзниками на следующих условиях, утвержденных клятвами каждого города... Да не позволено будет лакедемонянам с их союзниками браться за оружие с целью нанесения вреда афинянам и их союзникам, ни афинянам с их союзниками — для нанесения вреда лакедемонянам и их союзникам, какими бы то ни было способами».

Далее определялись права городов, возвращаемых лакедемонянами афинянам и обратно. Эти города объявлялись независимыми. «Городам, — гласил подписанный текст договора, — быть независимыми, пока они уплачивают дань, установленную Аристидом. Да не позволено будет по заключении договора ни афинянам, ни их союзникам браться за оружие во вред городам».

Вторым центральным пунктом Никиева мира был вопрос о возвращении захваченных территорий и об обмене военнопленными. В последнем были больше всего заинтересованы спартанцы, которые потеряли в сражении при Сфактерии свой отборный корпус.

«Лакедемоняне и союзники обязуются возвратить афинянам Панакт, афиняне лакедемонянам — Корифаси... и всех лакедемонских граждан, содержащихся в заключении в Афинах или в какой-либо другой части Афинского государства, а равно и всех союзников... Также и лакедемоняне с их союзниками обязуются возвратить всех афинян и их союзников». Особой статьей были оговорены права Дельфийского храма.

Договор заключался на 50 лет. Он должен был соблюдаться заключившими его сторонами «без коварства и ущерба на суше и на море» и скреплялся присягой: «буду соблюдать условия и договор без обмана и по справедливости». Присягу условлено было возобновлять ежегодно и в каждом городе отдельно. В конце договора имелась оговорка, которая позволяла в случае нужды вносить в текст необходимые изменения. Договор входил в силу за шесть дней до конца месяца Елафеболиона. В конце следовали подписи лиц, заключивших договор.

В том же году между Афинами и Спартой было заключено еще одно характерное для рабовладельческих государств «дружественное соглашение». Оно предусматривало взаимопомощь обеих сторон в случае нападения какой-либо третьей державы или восстания рабов, которые всеми без исключения правительствами античных государств признавались опасной силой. В этом сказался вполне определившийся рабовладельческий характер греческого государства того времени. На Древнем Востоке в известном договоре Рамсеса II с Хаттушилем III также предусматривалась взаимная помощь

двух царей в случае внутренних восстаний. Но там имелись в виду мятежные выступления подвластных племен. Здесь, в Греции периода Пелопоннесской войны, Афины и Спарта заключают соглашение о взаимной интервенции против класса рабов. Несмотря на свою политическую борьбу, они оказываются солидарными перед лицом враждебного класса рабов, выступления которых угрожали основам античного рабовладельческого строя.

Через несколько лет вооруженный конфликт между Афинами и Спартой возобновился и принял чрезвычайно широкие размеры. Исходным моментом второго периода Пелопоннесской войны послужила военная экспедиция Афин в Сицилию (415 г. до нашей эры). Посылка этой экспедиции была серьезной ошибкой афинской дипломатии, предварительно не изучившей политического состояния Сицилии и слепо доверившейся сообщениям сицилийских посольств, которые прибыли в Афины просить помощи против Сиракуз.

Сицилийская катастрофа имела своим последствием государственный переворот в Афинах (411 г. до нашей эры) и глубокие изменения в международных отношениях греческого мира. «Вся Эллада пришла в сильное возбуждение ввиду тяжелого поражения Афин»[1]. Каждое государство спешило объявить себя врагом Афин и примкнуть к антиафинской коалиции. Все враги Афин, замечает Фукидид, были убеждены, что «дальнейшая война будет кратковременной, а участие в ней почетным и выгодным»[2].

Дружественный договор Спарты с Персией (412 г. до нашей эры)

Однако враги Афин скоро убедились, что могущественная Афинская республика даже и после сицилийской катастрофы продолжает сохранять свою морскую мощь. Победить Афины можно было лишь при наличии большого флота, которого ни Спарта, ни союзники не имели. Постройка же флота предполагала наличие богатой казны, которой также не обладали ни Спарта, ни ее друзья. Единственный выход из создавшегося положения антиафинская коалиция видела в том, чтобы обратиться за денежной помощью к персидскому царю Дарию II.

Царь охотно принял на себя роль международного банкира. Дарий считал создавшееся положение как нельзя более благоприятным для восстановления своего могущества в Эгейском море и Малой Азии. В качестве дипломата персидского царя в эти годы выступал человек незаурядных способностей — Тиссаферн, царский наместник (сатрап) в Приморской области, в которую входили греческие города.

---

[1] *Thucydides*, Historiae, VIII, 2.
[2] Ibid., VIII, 3.

По предложению Тиссаферна в Спарту было отправлено сразу два посольства: от островных греков, которые отпали от Афинского союза, и от самого Тиссаферна. Оба посольства предложили лакедемонянам мир и союз. Тиссаферн надеялся достичь сразу двух целей: ослабить Афины и при поддержке Спарты обеспечить более регулярное поступление дани царю от подвластных ему греческих городов Малой Азии. Имея за своей спиной Афины, малоазиатские греки уплачивали дань крайне неаккуратно и притом постоянно грозили отпадением. Кроме того, при поддержке Спарты Тиссаферн рассчитывал наказать своих врагов, проживавших в Греции.

В результате недолгих переговоров в 412 г. в Лакедемоне был заключен союз между Спартой и Персией на выгодных для царя условиях. Согласно этому договору, персидскому царю передавались «вся страна и все города, какими ныне владеет царь и какими владели его предки». По другой статье, все подати и доходы указанных стран и городов, которые до тех пор получали Афины, отныне передавались персидскому царю. «Царь, лакедемоняне и их союзники обязуются общими силами препятствовать афинянам взимать эти деньги и все остальное». Следующая статья гласила, что войну против Афин должны вести сообща царь, лакедемоняне и их союзники. Прекращена война может быть только с общего согласия всех участников договора, т. е. царя и Спартанской симмахии. Всякий, кто восстанет или отложится от царя, Спарты или союзников, должен считаться общим их врагом. Текст договора был скреплен подписями Тиссаферна от имени Персии и Халкидеем, спартанским навархом (начальником морских сил), от имени Спарты.

Договор 412 г. был навязан Спарте ее безвыходным положением. Он вскоре вызвал недовольство самих спартанцев, потребовавших его пересмотра. С другой стороны, и Тиссаферн не вполне точно соблюдал принятое им на себя обязательство — выплачивать содержание лакедемонским морякам.

Начались новые переговоры. В результате между спартанцами и персами был заключен договор в городе Милете. По сравнению с прежним соглашением Милетский договор был более выгоден для Спарты. Царь подтвердил свое обязательство поддерживать и оплачивать войско Лакедемонского союза, находящееся на персидской территории [1].

Впрочем, и этот договор не мог вполне удовлетворить лакедемонян, ибо они претендовали на общегреческую гегемонию. Притом в силе оставалась весьма растяжимая статья, передававшая царю все города и все острова, какими владел не только он сам, но и его предки. «По смыслу этой статьи,—

[1] Ibid., VIII, 37.

говорит Фукидид, — лакедемоняне вместо обещанной всем эллинам свободы вновь наложили на них персидское иго»[1].

Требование Спарты устранить эту статью вызвало гнев Тиссаферна. Персидского сатрапа уже начинал беспокоить твердый тон спартанских дипломатов. С этого времени персидская дипломатия делает поворот от Спарты в сторону Афин, своего недавнего врага.

Система политического дуализма Алкивиада

Советником Тиссаферна был афинянин Алкивиад. В это время он состоял на спартанской службе, но тяготился тамошними порядками и подготовлял почву для своего возвращения в Афины. Алкивиад советовал Тиссаферну вернуться к исконной дипломатии восточных царей: поддерживать в греческом мире систему политического дуализма и, таким образом, не допускать чрезмерного усиления ни одного из греческих государств. Если, говорил Алкивиад, господство на суше и на море в Греции будет сосредоточено в одних руках, царь не будет иметь себе союзника в греческом мире. Вследствие этого, в случае обострения отношений с греками, он будет вынужден вести войну один с большими расходами и риском. Гораздо легче, дешевле и безопаснее для царя предоставить эллинским государствам истощать друг друга.

С точки зрения интересов персидской политики, в данный момент целесообразнее было поддерживать не спартанцев, а афинян. Диктовалось это тем соображением, что афиняне стремились подчинить себе лишь часть моря, предоставляя в распоряжение царя и Тиссаферна всех прочих эллинов, живущих на царской территории. Между тем, в случае перехода гегемонии к Лакедемонскому союзу, спартанцы не только освободили бы эллинов от афинского гнета, но, весьма вероятно, пожелали бы также освободить их и от персидского ига. Из всего этого Алкивиад делал практический вывод: не торопиться с окончанием войны, истощить афинян до последней степени, а потом, соединившись с ними, разделаться также и с пелопоннесцами. Первым шагом к этому должно было явиться уменьшение жалованья пелопоннесским морякам, по крайней мере, наполовину.

Алкивиад своей политикой преследовал прежде всего личные цели. Он мечтал вернуться в Афины и заменить демократический строй республики олигархией. Достигнуть этого он и его друзья надеялись при помощи Тиссаферна и царской казны. Предательская деятельность Алкивиада достигла своей цели. Персия стала оказывать поддержку Афинам против Спарты.

---

[1] *Thucydides*, Historiae, VIII, 37.

После смерти Алкивиада афинскому стратегу Конону удалось организовать в 395 г. до нашей эры антиспартанскую коалицию в составе Афин, Коринфа, Фив и других городов. Началась долгая и ожесточенная Коринфская война (395—387 гг. до нашей эры). В результате ее гегемония Афин возродилась, зато Спарта была вконец разорена и истощена.

Анталкидов мир (387 г. до нашей эры)

Победы Конона оживили Афины. Экономическая и политическая жизнь Афинского союза возрождалась. Между Афинами и Пиреем были сооружены новые укрепления (Длинные стены). Афинская рабовладельческая демократия с ее стремлением к панэллинской гегемонии подняла голову. Возрождение демократических Афин пугало не только спартанцев. Оно тревожило и персидских сатрапов и самого персидского царя, склонного скорее поддерживать спартанских олигархов, чем Афинскую республику с ее демократическими порядками. С этого времени между спартанцами и афинянами возобновляется яростная борьба за влияние на персидского царя. Спартанцы отправили к персидскому сатрапу Тирибазу посольство во главе с Анталкидом. Этому хитрому и ловкому дипломату было поручено любой ценой добиться заключения мира между персидским царем и лакедемонянами. Афиняне и союзники со своей стороны снарядили посольство к тому же Тирибазу. Анталкид предлагал мирные условия, приемлемые как для царя, так и для лакедемонян. «Лакедемоняне, — говорил он, — не оспаривают у царя греческих городов, которые находятся в Малой Азии. С них достаточно того, чтобы прочие города получили автономию. Раз мы согласны на эти условия, чего ради царь станет воевать с нами и расходовать деньги?»[1] Тирибаз пришел в восторг от речей Анталкида. Но против предложения спартанского дипломата решительно восстали афиняне и фиванцы. Они рассматривали требование автономии городов как коварный маневр, направленный к уничтожению всех военно-политических союзов в Греции.

Тем не менее дипломатический маневр Анталкида увенчался успехом. Обе стороны, истощенные борьбой, вынуждены были согласиться на условия, продиктованные царем Артаксерксом. Тирибаз объявил, чтобы все желающие немедленно прибыли к нему, чтобы выслушать присланные персидским царем условия мира. По прибытии послов Тирибаз, указывая на царскую печать, удостоверявшую подлинность документа, прочел следующее: «Царь Артаксеркс полагает справедливым, чтобы ему принадлежали все города Малой Азии, а из островов — Клазомены и Кипр. Всем прочим городам, большим и малым, должна быть предоставлена автономия, кроме

[1] *Xenophon*, Historia graeca, IV, 8, 14.

Лемноса, Имброса и Скироса, которые попрежнему остаются во власти Афин». Таковы были условия знаменитого царского, или Анталкидова, мира (387 г.), который узаконял политическую раздробленность, а следовательно, и слабость Греции. В конце мирного текста имелась многозначительная приписка: «Той из воюющих сторон, которая не примет этих условий, вместе с принявшими мир объявляю войну на суше и на море и воюющим с ней государствам окажу поддержку кораблями и деньгами».

3. ГРЕЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В МАКЕДОНСКО-ЭЛЛИНИСТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

Филократов мир (346 г. до нашей эры)

Анталкидов мир явился торжеством персидской политики, которая ставила своей целью раздробление Греции и ослабление как спартанской, так и афинской гегемонии. Но в недрах самой Греции уже развивался противоположный централистический процесс. Носителем этой тенденции стало Македонское царство. При царе Филиппе II (359—336 гг. до нашей эры) Македония превратилась в одно из сильнейших государств Эгейского бассейна, которое подчиняло своему влиянию одну греческую область за другой. Этой судьбы не миновали и Афины.

Подчинение греческих государств Македонии совершалось военным и дипломатическим путем. Филипп пускал в ход все имевшиеся в его распоряжении средства: подкуп, дипломатические послания («письма Филиппа»), материальную и моральную поддержку греческих «друзей Македонии», союзы с соседними варварскими князьями, дружбу с персидским царем, организацию восстаний во враждебных ему государствах. Особенно большое значение Филипп придавал подкупу, утверждая, что нагруженный золотом осел возьмет любую крепость.

Оплачивалось не только политическое красноречие, но и политическое молчание. На заявление одного греческого трагика, что он получил талант за одно лишь выступление, оратор Демад ответил, что ему царь за одно красноречивое молчание дал десять талантов [1].

Помимо личных качеств Филиппа, прирожденного политика и дипломата, успехи Македонии исторически объяснялись прогрессивным характером македонской политики. Стремление к созданию крупных государственных объединений вызывалось ростом производительных сил в Средиземноморском бассейне, развитием торговой и промышленной инициативы, увеличением

[1] *Aulus Gellius*, Noctes Atticae, XI, 10.

числа наемников и подъемом завоевательных настроений. Замыслы смелого и властолюбивого македонского царя соответствовали стремлениям некоторых греческих идеологов, например, популярного оратора Исократа. В своем сочинении «Панегирик» Исократ развивал идею объединения всех греческих государств под гегемонией одной страны и одного вождя. «Объединенная Греция, — писал Исократ, — предпримет поход против исконного врага эллинского народа — Персии. Счастливая война с Персией откроет простор предпринимательскому духу и освободит Грецию от массы бедного люда, дав работу бродячим элементам, угрожающим самому существованию эллинского государства и культуре...» «Пусть одушевленное патриотической идеей воинство сделает Грецию обладательницей неисчерпаемых сокровищ Востока, центра мирового обмена».

В 346 г. до нашей эры между Македонией, Афинами и их союзниками был подписан Филократов мир. Его горячо приветствовал Исократ как первый шаг к осуществлению его давнишней идеи объединения Греции для «счастливой войны» с Персией. «Ты освободишь эллинов, — писал он Филиппу, — от варварского деспотизма и после этого осчастливишь всех людей эллинской культурой».

Против централистических тенденций Филиппа и македонской партии в Афинах выступала антимакедонская группа. Во главе ее стоял знаменитый греческий оратор Демосфен. В своих речах против Филиппа («Филиппиках»), как и во всех других речах, Демосфен со всей страстью своего бурного красноречия обрушивался на «македонского варвара». Но и сам Демосфен не отрицал необходимости объединения Греции. Он полагал лишь, что это дело должно совершиться путем создания союза свободных эллинских городов, без участия Македонии. Однако, как показали последующие события, правильная сама по себе идея создания греческой федерации не могла быть осуществлена вследствие глубокого внутреннего разложения самой демократии полиса, подтачиваемой узостью ее базы, раздорами партий, восстаниями рабов, и все обострявшегося соперничества между отдельными греческими государствами.

Демосфена поддерживали афинские демократические массы граждан, стоявших вне и выше рабов. Для них победа Македонии означала конец демократических учреждений. Между тем ядро македонской партии, которое составляло богатое гражданство, главным образом купечество, рассчитывало на наживу, в случае «счастливой войны» с Персией, и на поддержку государственного порядка со стороны твердой власти македонского царя. В рядах македонской партии находилось немало и греческой интеллигенции. Величайший представитель

ее Аристотель удостоен был приглашения на должность воспитателя сына царя Филиппа — Александра, будущего Александра Великого.

Дебаты в Афинской экклесии по вопросу о Филократовом мире (346 г. до нашей эры)

В афинском Народном собрании кипела ожесточенная борьба между сторонниками и противниками македонской гегемонии. Дело шло о направлении всей внешней и внутренней политики Афин. В центре спора стоял Филократов мир, заключенный в 346 г. до нашей эры между Афинами и Македонией. Демосфен и другие демократические вожди считали этот мир губительным для Афин. Они требовали предания суду Эсхина и Филократа, которые подписали этот договор. По вопросу о Филократовом мире Демосфен произнес целый ряд речей («О мире», «Об острове Галоннесе», «Филиппики»). Для истории дипломатии особенно интересна «Третья Филиппика» Демосфена. В этой замечательной речи оратор предостерегал афинских граждан против лживых заверений Филиппа. Напрасно твердит македонский царь о своих мирных намерениях. Всем известны факты насильственного захвата Филиппом греческих городов. «Я не говорю об Олинфе, Метоне, Аполлонии и о 30 городах Фракийского побережья, — говорил Демосфен, — которые все до единого беспощадно разорены Филиппом... Умалчиваю я и о жестоком истреблении им фокидян. А каково положение Фессалии?.. И разве эвбейские государства уже не подчинены тирану? И это — на острове, находящемся в ближайшем соседстве с Фивами и Афинами!»[1] Все помыслы и действия Филиппа, продолжал Демосфен, направлены к одной цели — уничтожению греческой свободы и эллинской образованности. Правда, Филипп называет себя филэллином, т. е. другом Эллады. Это — не более, как обман. Филэллином царь не может быть уже в силу своего варварского происхождения. «Он не эллин, и ни в каком родстве с эллинами не состоит, он даже не инородец добропорядочного происхождения. Он только жалкий македонец. А в Македонии, как известно, в прежнее время нельзя было купить даже приличного раба»[2].

Столь же резко обрушивался Демосфен и на афинских граждан, которые стояли за мир с Филиппом. Эсхина и его брата Филократа, скрепивших этот мир своими подписями, Демосфен обвинял в измене интересам родины.

Приверженцы Македонии, как и сам Филипп, также не оставались в долгу. В дошедших до нас речах Эсхина и письмах Филиппа содержатся целые обвинительные акты против Демосфена и его друзей. Их обвиняли в клевете, демагогии и

---

[1] *Demosthenes*, Orationes, IX, 26.
[2] Ibid., XI, 31.

продажности. В речи «О недобросовестно выполненном посольстве» Эсхин называет Демосфена заносчивым человеком, который только себя самого считает «единственным охранителем государственных интересов», а всех остальных клеймит как предателей. «Он все время оскорбляет нас. Он осыпает возмутительной бранью не только меня, но и других». Клеветнические обвинения Демосфена столь многочисленны, запутанны и противоречивы, что трудно их даже и запомнить. Только афинский народ, говорил Эсхин, может избавить его, Эсхина, от возводимой на него гнусной клеветы. К народу, как к единственному прибежищу и носителю справедливости, Эсхин и обращается. «Вам я воздаю хвалу, — восклицает Эсхин, обращаясь к согражданам. —Вас я люблю за то, что вы больше верите жизни обвиняемого, чем возводимым на него небылицам»[1].

Наряду с обвинениями в забвении государственных интересов противники Эсхина утверждали, что он запятнан насилием над свободной женщиной. Это обстоятельство порочило звание посла Афин, от которого требовалась безупречная нравственная чистота.

В развернувшейся в Афинах дипломатической борьбе принял участие и сам Филипп. У него имелись искусные секретари, да и сам македонский царь в совершенстве владел письменной и устной греческой речью. Об этом можно судить по нескольким сохранившимся открытым письмам царя, с которыми он обращался к афинскому народу.

Дипломатические письма македонского царя Филиппа II к афинскому народу

Поводом для составления одного из таких писем послужил инцидент с островом Галоннесом в Эгейском море. В 342 г. до нашей эры этот остров был захвачен пиратами. Филипп изгнал их, но остров удержал за собой. На требование афинян вернуть остров царь отвечал отказом. Остров принадлежит ему: при желании он может его подарить афинянам, но не возвратить им как их собственность. Демократические вожди подняли в экклесии кампанию против Филиппа. Они упрекали его в самоуправстве и нарушении условий Филократова мира. К этому присоединился еще ряд других правонарушений Филиппа: захват им нейтрального города Кардии, нападение на фракийского князя Керсоблепта и т. д. Филипп был весьма обеспокоен этими нападками. Чтобы оправдаться от возводимых на него обвинений, он обратился к Афинской экклесии с обширным письмом. Последнее было полно укоров по адресу афинских граждан, руководимых «продажными ораторами». Затем следовало приветствие афинскому народу и объяснение цели послания.

[1] *Aeschines*, De male gesta legatione, 2.

«Филипп желает всего хорошего Афинскому собранию и народу! После того, как вы не обратили никакого внимания на мои частые посольства к вам, имевшие целью обеспечить соблюдение клятвенных обязательств и предлагавшие добрососедские отношения, я решил письменно обратиться к вам по поводу некоторых обвинений, которые, как мне кажется, возводятся на меня несправедливо». Эти обвинения Филипп считает выдумкой «продажных ораторов», которые сознательно разжигают войну. «Ведь сами наши граждане говорят, что мир для них — война, а война — мир. Поддерживая вояк, они за это получают от них, что нужно, а пороча лучших граждан и нападая на людей, пользующихся доброй славой и за пределами Афинского государства, они делают вид, будто служат интересам народа».

Филиппу удалось достигнуть поразительных результатов. Он был избран членом Дельфийско-Фермопильской амфиктионии и стал арбитром в спорах между греческими городами. Это дало царю возможность отсрочить войну с Афинами и произвести необходимые преобразования в своем государстве. Однако даже дипломатическому искусству Филиппа не удалось предупредить войну Македонии с Афинами. Слишком велика была противоположность между единодержавной Македонией и демократическими Афинами. В 338 г. при Херонее и Беотии произошла генеральная битва между Филиппом и Греческой союзной лигой, созданной Демосфеном. В этом бою союзная лига была разбита наголову. Такое поражение зависело столько же от силы противника, сколько от внутреннего бессилия самой лиги.

Херонея заканчивает классический период античной истории. Она является рубежом, обозначающим начало перехода от классического периода к эпохе эллинизма.

Коринфский конгресс (338—337 гг. до нашей эры)

После Херонеи Филипп отправился походом в Южную Грецию. Все города Пелопоннесского союза, за исключением Спарты, признали власть македонского царя. Филипп избегал практики односторонних повелений. С каждым городом в отдельности им был заключен оборонительный и наступательный союз. Основой этого союза было сохранение внутренней автономии и свободы данного города. Для разрешения вопросов, касавшихся всей Греции, Филипп созвал в 338 г. до нашей эры в Коринфе общегреческое совещание—Коринфский конгресс (синедрион). На конгрессе представлены были все греческие государства, за исключением Спарты.

Председателем конгресса был сам Филипп. Конгресс провозгласил прекращение войны в Греции и установление всеобщего мира. Затем приступили к обсуждению других вопросов. Греческая раздробленность была преодолена созданием обще-

греческой федерации, с включением в нее Македонии и под председательством македонского царя.

Между объединенными государствами и македонским царем был заключен вечный оборонительный и наступательный союз. Под страхом тяжелого наказания ни одно государство, ни один грек не должны были выступать против царя или помогать его врагам. Все возникавшие между греческими государствами спорные вопросы передавались на рассмотрение суда амфиктионов. Главой же коллегии амфиктионов был Филипп. Преступными актами объявлялись какие бы то ни было изменения в конституции городов, конфискация имущества, отмена долгов, призыв рабов к восстанию и пр. В заключение конгресс принял решение начать войну с Персией. Филипп надеялся отвлечь внимание от греческих дел «быстрой и счастливой» войной в Азии[1]. Предводителем (гегемоном) союзного греческого ополчения был назначен тот же Филипп. Слово «царь» в актах Коринфского конгресса не встречается. В сношениях с греками Филипп никогда не именовал себя царем (басилевсом). Для свободных эллинов он был не басилевс, а гегемон.

В 336 г. до нашей эры Филипп был убит, и выполнение его планов принял на себя его сын Александр Великий (336—323 гг. до нашей эры). В течение каких-нибудь 10 лет Александр покорил всю Персию, которая включала в себя весь Передний Восток до Индии. Подобно своему отцу, Александр действовал не только силой оружия, но и дипломатическими средствами. Путем дипломатии он склонил на свою сторону малоазиатские города, заключил союз с египетскими жрецами и использовал взаимную вражду индийских раджей.

К Александру прибывала масса посольств от самых различных стран и народов — греков, персов, скифов, сарматов, индусов и многих других. С одними он был чрезвычайно любезен и щедр, с другими — открыто жесток.

Манифест Полисперхона, регента малолетнего сына Александра Великого (319 г. до нашей эры)

После смерти Александра наступает самый сложный и запутанный период греческой истории — период эллинизма.

После Александра оставалось огромное наследство в виде массы покоренных земель. Совершеннолетних наследников у Александра не было. В качестве претендентов на престол выступили сподвижники Александра, его полководцы. После долгих споров и вооруженных столкновений верховным правителем был признан Пердикка, старший из полководцев Александра. Пердикка правил в качестве регента малолетнего сына Александра. Однако назначение Пердикки регентом вызвало неудовольствие других полководцев, которые считали себя

[1] *Diodorus Siculus*, Bibliotheca historica, XVI, 89.

обойденными. Следствием этого были ожесточенные войны, заполняющие весь период преемников Александра (диадохов) вплоть до битвы при Ипсе (301 г. до нашей эры).

Для истории дипломатии правление диадохов, как и вся эллинистическая эпоха (IV—II века до нашей эры), представляет богатейший материал. Никогда в течение всей греческой истории не заключалось такого множества симмахий и эпимахий (оборонительных и наступательных союзов), как в эллинистическую эпоху.

Памятниками дипломатии эллинистической эпохи служат союзные договоры, дипломатические письма и некоторые другие документы.

Одним из наиболее интересных памятников эллинистической дипломатии является нижеприводимый манифест Полисперхона к греческим городам (319 г. до нашей эры). После смерти Пердикки и Антипатра регентом сделался Полисперхон, проживавший тогда в Македонии. Против него образовалась сильная коалиция, во главе которой стояли Кассандр, сын Антипатра, Антигон Одноглазый, Птолемей, Селевк и др. Коалиция была сильнее Полисперхона. Это обстоятельство и заставило его пойти на искусный дипломатический маневр. В поисках союзников Полисперхон обратился с широковещательным манифестом к греческим городам, обещая им восстановление демократии и свободы.

В этом манифесте Полисперхон выступает в роли законного наследника и защитника династии Филиппа и Александра, а своих врагов объявляет мятежниками и узурпаторами.

Вступительные слова манифеста гласили: «Так как наши предки всегда оказывали эллинам благо, то и мы желаем продолжать их дело и представить доказательство нашей благосклонности к греческому народу. Эллинам возвращается государственное устройство, которое они имели при Филиппе и Александре»,— говорилось в манифесте[1].

Изгнанным демократам разрешалось вернуться на родину, чтобы получить прежние гражданские права. Все распоряжения мятежных стратегов отменялись. Если бы в законах Филиппа и Александра, говорилось в манифесте, оказались какие-либо недочеты, то они подлежат исправлению. Особо оговаривались права Афин. Все афинские владения объявлялись неприкосновенными. Кроме того, Афинам отдавались Самос и Ороп.

Манифест заканчивался призывом, обращенным ко всем грекам, ни при каких обстоятельствах не поднимать оружия против законных правителей и не поддерживать мятежников. Ослушникам этого постановления грозили изгнание и конфис-

---

[1] *Diodorus Siculus*, Bibliotheca Historica, XVIII, 55.

кация имущества как их самих, так и всех их родственников и друзей.

Своим манифестом Полисперхон достигал намеченной цели: временного ослабления враждебной коалиции. Рядом политических мероприятий в пользу демократических низов он обессиливал верхние слои (олигархов), которые поддерживали его врагов. Вместе с тем Полисперхон обратился с особым посланием к Аргосу и другим городам Пелопоннеса с призывом изгнать из своих стен всех граждан, подозреваемых в сочувствии мятежным стратегам. Наконец, Полисперхоном было отправлено письмо в Эпир к Олимпиаде, матери Александра, с предупреждением об опасности, угрожающей династии.

Манифест Полисперхона вызвал во всех греческих городах волнения демоса, громившего олигархов. Игра на социальных противоречиях являлась одним из обычных приемов античной дипломатии, как греческой, так и римской. Эллинистические цари в этом отношении следовали примеру своих учителей, Филиппа и Александра. Тем не менее победа в конце концов осталась за коалицией.

В результате ряда войн за наследство Александра образовались три крупных эллинистических царства: 1) царство Птолемеев в Египте; 2) царство Селевкидов в Азии и 3) царство Антигонидов в Европе.

По своему характеру эллинистические царства представляли своеобразное сочетание греческого (эллинского) полиса и древневосточных деспотий. Монархический элемент в этих царствах с каждым столетием усиливался. Зато влияние эллинского мира отчетливо сказывалось в культурной области. Греческая культура широко распространялась по всему Средиземноморскому бассейну и землям Древнего Востока. Самый термин «эллинизм» обозначает соединение западных и восточных культур и религий.

История эллинистических царств охватывает около двух столетий с IV по II век до нашей эры, когда эллинистические царства пали под ударами другой великой античной державы — Рима.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ДИПЛОМАТИЯ ДРЕВНЕГО РИМА

1. ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ РИМСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Формы международных связей в Риме

Международные связи в Риме были столь же древними, как в Греции и на Востоке. С незапамятных времен в Риме существовали проксения (jus hospitii) и коллегия фециалов, напоминавшая греческую коллегию амфиктионов. Фециалы регулировали возникавшие между племенами и племенными союзами споры и недоразумения. В круг их полномочий входили: охрана международных соглашений, объявление войны и заключение мира. Фециалы — жреческая коллегия с гражданскими функциями. Ни одно важное предприятие не могло быть ни начато, ни кончено без санкции фециалов. Они объявляли войну, заключали мир и подписывали договоры.

Коллегия фециалов состояла из 20 человек, которые принадлежали к древним родам и пожизненно пребывали в своем звании. Деятельность фециалов протекала под покровом глубокой тайны. Совершались различные обряды, произносились магические слова, смысл которых был понятен одним лишь посвященным. Внешним признаком фециалов служила шерстяная одежда, головная повязка и на голове ком священной земли с травой и кореньями (verbena), вырезанный на Капитолийском холме. Земля служила символом территории представляемого ими государства.

В таком облачении представитель коллегии «святой отец» (pater patratus) отправлялся к границе соседнего народа для урегулирования спорных вопросов или объявления войны.

Все спорные вопросы прежде всего старались разрешить миром. В случае невозможности достигнуть этого прибегали к оружию. Объявление войны в Древнем Риме было в высшей степени сложной процедурой. Ведение переговоров возлагалось на специальную комиссию из четырех человек со «святым отцом» во главе. Комиссия несколько раз отправлялась в город, нарушивший международные установления. При этом

всякий раз совершались обряды и громким голосом произносились магические слова и проклятия по адресу нарушителя международного права. Затем комиссия возвращалась в Рим и в течение 33 дней ожидала ответа. В случае неполучения такового фециалы докладывали Сенату и народу, которым принадлежало право объявления войны. После этого «святой отец» в последний раз отправлялся к границе враждебного города и бросал на вражескую землю дротик с обожженным и окровавленным концом [1].

Процедура объявления войны со всей полнотой описана в истории Тита Ливия в рассказе о войне римлян с альбанцами, решенной поединком трех братьев Горациев и Куриациев [2].

Заключение мира тоже сопровождалось многими церемониями и было весьма сложным делом. По выполнении всех положенных церемоний «святой отец» читал текст договора и произносил особую клятву фециалов, которая призывала всякие беды и несчастия на голову нарушителя мира. «Римляне никогда не нарушат первыми условий, начертанных на этих таблицах, которые я вам сейчас прочел... если же они их нарушат, то тогда пусть поразит их Юпитер так, как я сейчас поражаю это жертвенное животное, но во столько раз сильнее, во сколько бог сильнее человека» [3].

С течением времени вышеописанные формы объявления войны и заключения мира видоизменялись, но никогда не исчезали совершенно. Коллегия фециалов упоминается в источниках позднереспубликанского и даже императорского периода [4].

Центральное положение Рима и Италии в Средиземноморском бассейне с самого начала благоприятствовало развитию экономических международных связей. Этим объясняется тот многозначительный факт, что «право народов» (jus gentium) наиболее полное выражение получило именно на римской почве. О «праве народов» не один раз по различным поводам упоминают римские писатели конца Республики и Империи. Особенно много внимания анализу этого понятия уделяет Цицерон в трактатах «О государстве» и «Об обязанностях». «Право народов» противопоставлялось «гражданскому праву» (jus civile), которое распространялось только на римских граждан. Оно сохраняло свою силу как во время мира, так и во время войны. Нарушение «святости посольства и договоров» (jus et sacra legationis) относилось к области международного права.

---

[1] *Titus Livius*, Ab urbe condita libri, I, 32.
[2] Ibid., I, 24.
[3] Ibidem.
[4] *Aulus Gellius*, Noctes Atticae, VI, 4.

Зачатки международного права содержатся уже в сборнике древнейших юридических формул фециалов (jus fetiale).

Дипломатические органы

Организация и структура дипломатических органов античного Рима отражает особенности его политического строя. Если в Греции классического периода, с ее развитой дипломатией, значительную роль во внешней политике играли Народные собрания, т. е. собрания граждан, стоявших вне и выше рабов, не имевших гражданских прав, то в Риме классического периода политическим руководителем внешней политики являлся орган римской рабовладельческой знати — Сенат.

Посольства в Риме назывались легациями (legationes), а послы — легатами (legati), ораторами (oratores) и жезлоносцами (caduceatores). В древнейший (царский) период римской истории право посылать посольства принадлежало царю, а послами были фециалы. При Республике это право перешло к Сенату. Права Народного собрания (комиций) в Риме были более ограничены, чем в Греции. Внешняя политика, прием и отправление посольств подлежали ведению Сената. Посольские функции считались очень важными и предполагали высокие качества людей, на которых они возлагались. Вследствие этого назначение личного состава посольской миссии в Риме было очень сложным делом. Вопрос обсуждался в Сенате, и всякий раз по этому поводу издавалось специальное сенатское постановление (senatus consultum). «Слышал ли кто-либо, чтобы когда-нибудь в Риме послы избирались без сенатского постановления?» — спрашивает Цицерон в одной из своих речей [1].

Сенатус-консультум устанавливал только нормы или принципы, на основании которых должно было быть построено посольство. Посол при всех условиях должен был поступать в соответствии с «достоинством и пользой римского народа» [2]. Самый же выбор послов предоставлялся председательствующему в Сенате — консулу или претору. Иногда послов выбирали по жребию. Никто не имел права отказываться от посольства. Послы обычно избирались из сенаторского сословия (нобилей).

Римские посольства никогда не состояли из одного человека. Это противоречило бы духу римского права республиканской эпохи. Делегации состояли из двух, трех, четырех, пяти и даже десяти человек. Но их обычный состав — три человека. Все посольства имели председателя, или главу посольства (princeps legationis). Эта роль принадлежала сенатору высшего ранга. Личность посла была защищена обычаем и законом.

---

[1] *Cicero*, In Vatinium, 15, 36; pro Sestio, 14, 33.
[2] *Titus Livius*, Ab urbe condita libri, XXXIV, 57—58.

Внешним отличием послов служил золотой перстень, дававший право на бесплатный проезд и получение в пути всего необходимого. Для усиления престижа послов их иногда сопровождали военные суда (квинкверемы). На содержание посольских делегаций отпускались дорожные деньги (viaticum) и все необходимые принадлежности — серебряная посуда, одежда, белье, походная постель. Кроме того, к послу прикреплялся целый штат прислуги (свободные и рабы): секретари, переводчики, булочники, кондитеры, мясники и другие слуги.

Цели посольства могли быть самыми различными: объявление войны и заключение мира, подписание договоров, организация покоренных провинций, третейское улаживание международных конфликтов и разрешение религиозных споров.

По окончании своей миссии легаты отдавали Сенату отчет о своей деятельности. На дипломатическом языке Рима это называлось «сделать доклад о посольстве» (legationem referre, или renuntiare).

Сенату принадлежало право не только отправлять, но и принимать посольства. Прибывшие в Рим посольства иностранных держав делились на две категории: 1) посольства держав, находившихся с Римом во враждебных отношениях, и 2) посольства дружеских государств. Послы враждебного государства в город не допускались. Они помещались за городской чертой, на Марсовом поле, в особой «загородной вилле» (villa publica). Здесь они ожидали приглашения Сената для получения аудиенции. Аудиенция происходила в храме Беллоны (богини войны), который находился рядом с «загородной виллой». Бывали случаи, когда послам враждебных держав отказывали в приеме. Тогда они должны были в определенный срок покинуть территорию Италии и не являться вновь без формального разрешения.

Совсем иным было отношение к послам дружественных государств и народов, хотя и здесь не было полного равенства. Делегации государств первого ранга обычно встречал квестор (государственный казначей). Он сопровождал их, следуя на почтительном расстоянии, во время их проезда по Италии и при отъезде домой. Во время пребывания послов в Италии им оказывалось полное внимание. Они останавливались в самом Риме, в одном из лучших зданий города (грекостасис). Их приглашали на празднества, театральные и цирковые представления и предоставляли им лучшие почетные места. В Риме существовал обычай дарить послам подарки. В честь особо важных персон даже ставили статуи у подножия Капитолия. Со своей стороны приезжавшие в Рим послы имели обыкновение делать очень крупные вложения в римскую казну в виде золотых и серебряных вещей. Известен, например, «скромный подарок» Карфагена — золотой венок, весивший 25 фунтов,

и не менее «скромный» дар сирийского царя Антиоха — золотые вазы весом в 500 фунтов.

О цели своего прибытия иностранные миссии сообщали римскому магистрату по-латыни или через переводчика. Магистрат, обычно квестор, делал доклад Сенату. Решение Сената или объявлялось делегатам (непосредственно в самом зале заседания или в вестибюле), или же доводилось до их сведения через магистрата. В случае сложных и запутанных вопросов назначалась особая комиссия, и каждый вопрос решался самостоятельно.

Наряду с легациями иностранных государств в Рим приходила масса посольств провинциальных городов (муниципий), всевозможных корпораций и союзов.

2. РИМСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ПЕРИОД РЕСПУБЛИКИ

Расширение международных связей Рима в III—II веках до нашей эры

История римской дипломатии начинается с первых столетий римского государства. Об этом свидетельствуют договоры (федера) города Рима с другими городами, входившими в Римско-Италийскую федерацию, и торговый договор с Карфагеном — конца VI века до нашей эры. Тексты этих договоров сохранились в передаче римских историков и юристов. Подлинных документов официального характера в Риме сохранилось сравнительно немного. Объясняется это следующим обстоятельством. Материалом, на котором в Риме изготовлялись государственные документы, служили полотно, деревянные, бронзовые и медные доски. Полотно и дерево легко подвергались действию времени. Металлические же доски погибали при пожарах, расхищались во время захватов Рима варварами и переплавлялись в оружие или какие-либо иные предметы. Между тем в Греции официальные записи вырезывались на мраморных плитах, почти не поддающихся разрушительному действию времени.

Переломный момент в истории международных отношений и дипломатии Рима представляет Вторая Пуническая война, или война с Ганнибалом (218—201 гг. до нашей эры). С этого времени Рим выходит на широкую международную арену и вступает в более тесные сношения с культурными странами средиземноморского мира. Удлинение радиуса международных связей являлось следствием внутреннего роста и внешнего усиления римского государства.

Рим — городская республика, начал превращаться в мировое государство — Римскую империю. Соответственно расширялась и осложнялась внешняя политика Рима; большее значение приобретала и дипломатия как инструмент внешней политики государства. Исход Пунических войн и одновремен-

ных с ними войн на греко-эллинистическом Востоке в значительной мере зависел от дипломатической активности воюющих держав. В III—II веках до нашей эры римская дипломатия достигла высшей точки развития. Это совпало с наиболее напряженным периодом борьбы, со Второй и Третьей Пуническими войнами и войнами Рима с эллинистическими царствами. Противником Рима был карфагенянин Ганнибал — столь же гениальный дипломат, как и стратег. Впервые римская и карфагенская дипломатия резко столкнулись по вопросу о союзниках. Ввиду равенства вооруженных сил Рима и Карфагена уже с самого начала войны было очевидно, что ее исход в значительной степени зависит от отношения к воюющим державам нейтральных стран — соседних варварских народностей и в особенности греко-эллинистических государств. Поддержка, оказываемая Ганнибалу его союзниками, — князьями нумидийских, испанских и галльских племен, была недостаточна. При таком критическом положении приходилось искать выхода где-либо на стороне, за пределами римско-карфагенского мира. Тогда Ганнибал и устремил свои взоры на Восток, на греко-эллинистический мир.

Дружественный союз Ганнибала с македонским царем Филиппом V (215 г. до нашей эры)

Из эллинистических государств в непосредственной близости к Италии находилась Македония. К македонскому царю прежде всего и направил свои дипломатические миссии запертый в Италии Ганнибал. В Македонии в это время правил Филипп V (221—179 гг. до нашей эры), человек энергичный и властолюбивый, по своему характеру напоминавший Филиппа II. Подобно своему предку, он стремился к созданию великой Македонии, которая включала бы весь Балканский полуостров от Эгейского до Адриатического моря. Для достижения своей цели Филипп должен был прежде всего преодолеть греческую раздробленность и подчинить Грецию своему влиянию. Другими словами,— разрешить ту же самую политическую задачу, которую в свое время ставили перед собой все македонские цари, начиная с Филиппа II. Таким образом, предложение Ганнибала о союзе и войне с римлянами попадало на хорошо подготовленную почву.

В 215 г. до нашей эры между Филиппом и Ганнибалом был подписан дружественный договор. Согласно общему правилу, договор начинался с клятв и обещаний пребывать во взаимной дружбе, братстве и верности на вечные времена. «Главнокомандующий карфагенской армией Ганнибал, сын Гамилькара, и все члены Верховного совета Карфагена, с одной стороны, и македонский царь Филипп, сын Деметрия, с другой, — клянутся перед лицом соратствующих богов — солнца, луны и земли, перед лицом рек, гаваней и вод, перед лицом всех божеств

пребывать на вечные времена в клятвенном союзе дружбы и нелицемерного благоволения, как друзья, родственники и братья» [1].

За вступлением следовал и самый текст договора. Македонцы и карфагеняне заключали оборонительный и наступательный союз: «Мы, македоняне, не будем злоумышлять друг против друга и будем врагами врагов карфагенян». Те же самые слова повторили и карфагеняне в отношении македонян. В договоре прежде всего обеспечивалась взаимная помощь сторон в войне с Римом. «Если римляне пойдут войной на нас или на вас, то мы обязуемся помогать друг другу, если, конечно, в том будет нужда...» «Вы, македоняне, будете нашими союзниками в войне до тех пор, пока боги не даруют нам и вам полную победу».

Далее объявлялось, что Македоно-карфагенский союз является прочной гарантией мира и устойчивости международных отношений. «При наличии нашей дружбы римляне никогда не подняли бы против нас войны и не властвовали бы над керкирянами, аполлинатами и многими другими народами».

Договор Ганнибала и Филиппа вызвал страшную тревогу в Риме. Практически македоно-карфагенское дружественное соглашение означало бы раздел всего средиземноморского мира на две сферы влияния — восточная половина отходила к Филиппу, а западная — к Ганнибалу. Риму при таком дележе не оставалось места на земном шаре. Уже было известно, что Филипп в спешном порядке готовил большую флотилию в Адриатическое море, которую он предполагал отправить в Сицилию на помощь Ганнибалу. Помимо общеполитических и военных соображений от усиления Македонии страдали в первую очередь интересы римской торговли в Адриатическом море.

С целью предупреждения опасных последствий Македоно-карфагенского союза римляне немедленно объявили войну Филиппу. В этой, так называемой Первой Македонской войне (214—205 гг. до нашей эры), и последующих за ней других войнах дипломатия играла не меньшую роль, чем борьба оружием. Римляне с редким искусством сумели использовать вековую вражду Македонии и Греции, с одной стороны, и внутренние противоречия Греции и всего эллинистического мира — с другой.

Дипломатическая победа римлян в Греции

Для борьбы с Филиппом римляне организовали внушительную антимакедонскую коалицию греческих держав. В нее вошли два союза, наиболее сильных в военном и политическом отношениях: Спарта и Этолийский союз, боявшиеся усиления Македонии. В 211 г. до нашей эры между римлянами

[1] *Polybius*, Historiae, VII, 9.

и этолийцами был заключен дружественный союз. К Риму отходило морское побережье на западе и некоторые острова в Адриатическом море, а за этолийцами утверждались все их территориальные приобретения на пространстве от Греции до Малой Азии. Это означало, что Македония отрезана с запада и востока от моря и превращается в континентальное государство. По этому поводу римский проконсул Марк Валерий Левин с гордостью доносил Сенату, что он этим договором связал Филиппа по рукам и по ногам [1].

Филипп оказывал отчаянное сопротивление, но в конце концов вынужден был уступить. В 205 г. до нашей эры в эпирском городе Фенике был подписан мирный договор между Римом и Македонией. Филипп соглашался на территориальные уступки Риму и, самое важное, отказывался от союза с Ганнибалом.

Римская дипломатия в Африке (III век до нашей эры)

Неудачи Филиппа нашли свое отражение и на главном театре военных действий — в Италии, Испании и Африке. В Африке римской дипломатии удалось заключить дружественный союз с одним из нумидийских царей — Сифаксом. Это была большая потеря для Ганнибала, так как нумидийская кавалерия, предводительствуемая нумидийскими царями, составляла ядро карфагенской армии. Римляне воспользовались соперничеством двух нумидийских царей: Сифакса и Масиниссы, которые боролись за первенство в Нумидии. Масиниссу поддерживали карфагенские аристократы, а Сифакса как злейшего врага Масиниссы склонили на свою сторону римские дипломаты. Сифакс долго колебался, но, наконец, под влиянием римских успехов в Македонии перешел в римский лагерь. Поддерживаемый Римом, Сифакс поднял войну против Карфагена в самой Африке и одержал несколько побед.

Важнее всего было то, что успехи Сифакса и катастрофическое положение Карфагена в конце концов поколебали верность старого друга Карфагена Масиниссы. После долгих колебаний Масинисса, подобно Сифаксу, перешел на сторону Рима. Таким образом, на территории самого Карфагена был образован общий фронт против Ганнибала. Конечным результатом всех этих дипломатических махинаций Рима было поражение самого Ганнибала. В генеральном сражении между Ганнибалом и Сципионом при Заме в Африке (202 г. до нашей эры) Ганнибал был разбит.

Однако и после поражения карфагенский вождь не сложил оружия и не отказался от своего плана поднять войну против Рима в Греции и на эллинистическом Востоке. После Замы он бежал в Сирию, к сирийскому царю Антиоху III.

---

[1] *Polybius*, Historiae, IX, 30; *Titus Livius*, Ab urbe condita libri, XXVI, 24.

Отсюда Ганнибал протянул свои нити на все Средиземное море. Все последующие войны против Рима, прямо или косвенно, исходили от Ганнибала.

Замысел Ганнибала об окружении Италии

Неудача союза Карфагена с Македонией не принудила Ганнибала к сдаче своих позиций. Взамен этого союза он замышлял теперь еще более обширную и страшную для ненавистного ему «западного варвара» тройственную коалицию — Сирии, Карфагена и Македонии. Тройственный союз составлял лишь одну часть грандиозного плана, предложенного карфагенским вождем. Ганнибал предполагал зажечь огонь восстания в Этрурии, Лигурии и Цизальпинской Галлии. Тем временем сам Ганнибал должен был неожиданно явиться под стенами Рима. В случае осуществления этого плана «вы, — говорил Ганнибал, — будете иметь против римлян соединенные силы Азии и Европы. *Могущество Рима состоит не в его военной мощи, а в его способности разъединять противников*».

Однако замечательный по широте и смелости план Ганнибала не был принят. Не располагая достаточными морскими силами, Антиох боялся нападения на свой тыл со стороны флота враждебной ему Родосской республики. Кроме того, честолюбивый царь в душе завидовал Ганнибалу и потому медлил с осуществлением его плана. В противоположность стремительной тактике карфагенского вождя и войне в Италии он предпочитал затяжную войну в Греции в расчете на свободолюбие греческих городов, которые начинали тяготиться римской опекой.

Медлительностью Антиоха воспользовались римляне и направили все силы своей дипломатии на то, чтобы расстроить намечавшийся тройственный союз. Важно было прежде всего оторвать от коалиции Филиппа. Немедленно в город Пеллу, столицу македонского царя, было отправлено посольство. Главную роль в этом посольстве играл молодой талантливый римлянин Тиберий Семпроний Гракх, отец знаменитых народных трибунов братьев Гракхов. Гракх блестяще выполнил возложенное на него поручение. Ему удалось получить доступ к царю. Во время пира во дворце, когда царь находился в благодушном настроении, римский посол сумел расположить его в свою пользу. Филипп обещал помощь римлянам против Антиоха, который недостаточно поддержал его в предшествующей войне. И, действительно, Филипп выполнил свои обещания. Римские войска, отправляемые в Азию, свободно проходили через македонские владения.

Преданный своим союзником Филиппом, Антиох потерпел от римлян два крупных поражения: при Фермопилах в Греции (191 г. до нашей эры) и затем при Магнезии в Азии

(190 г. до нашей эры). После этого он вынужден был заключить мир.

Подписанию мира предшествовали длительные дипломатические переговоры между римским полководцем Сципионом (Африканским) и Антиохом, временами переходившие в настоящие философские диспуты. Сирийские послы пространно говорили о превратностях человеческой судьбы, «предписывающей людям быть умеренными в счастье и не угнетать слабых». В заключение послы Антиоха заявили, что при настоящем положении вещей им не остается ничего другого, «как только спросить вас, римляне, какой жертвой мы можем искупить ошибки царя и снискать у вас мир и прощение?»[1] Сципион на это ответил, что «римляне никогда в счастье не возносились, а в несчастье не падали духом». Царь, полагал Сципион, несмотря на сознание всей горечи своего настоящего положения, не должен упорствовать в подписании мира, памятуя, что «царям с высоты труднее скатиться до середины, нежели от середины до низу».

Мирный договор был подписан в городе Апамее в Сирии (188 г. до нашей эры). Сирийское царство лишалось политической самостоятельности и сокращалось в своих размерах. Часть земель передавалась римским союзникам, а малоазиатские города отходили к Риму. Одним из главных условий мира была выдача Ганнибала. Предупрежденный о грозящей ему участи, Ганнибал покончил с собой, приняв яд. Ганнибал сошел с исторической арены, но его план окружения Италии сохранял свою силу в течение всей последующей истории. Зажженный им пожар войны вскоре вспыхнул новым ярким пламенем.

Дипломатия римлян в борьбе с македонским царем Персеем (II век до нашей эры)

Через несколько лет после Сирийской войны последовала новая, Македонская, война (171—168 гг. до нашей эры) — с Персеем, младшим сыном Филиппа V. Для римлян, занятых на других фронтах, эта война была полной неожиданностью. Все преимущества находились на стороне Македонии. И тем не менее Персей проиграл кампанию исключительно вследствие своих дипломатических промахов.

Первую неудачу Персей потерпел в ахейском вопросе. Самым сильным государством в Греции был в то время Ахейский союз, во главе которого стоял город Коринф. Желая привлечь на свою сторону этот союз, Персей обратился с письмом к Союзному собранию, предлагая вступить с ним в дружественный союз. При этом он обещал вернуть ахейским городам рабов, которые находили себе до того времени приют в Македонии. Однако попытке Персея оказала противодействие более искусная дипломатия Рима.

[1] *Titus Livius*, Ab urbe condita libri, XXXVII, 45.

Обращение Персея вызвало горячие дебаты в многолюдном собрании. Большинство собрания склонялось к предложению Персея о возобновлении союза с Македонией. Но в самый последний момент это предложение ловким маневром сорвали ахейские архонты (старейшины), сторонники Рима. Они указывали, что Персей, письмо которого содержало всего несколько строк, пренебрежительно относится к ахейскому народу. Для столь важного дела, говорили они, недостаточно даже одного посольства, а не только короткого письма.

Решение собрания относительно предложения Персея было отложено. Когда же через несколько дней прибыло новое посольство, то оно совсем не было допущено из опасения вызвать неудовольствие римлян. Таким образом, дипломатический ход Персея успеха не имел.

Не менее искусно римляне использовали и углубили конфликт Македонии и Пергама из-за Геллеспонта и Малоазиатского побережья. Из опасения захвата названных мест Македонией пергамский царь Эвмен обратился к третейскому посредничеству Рима. В Риме Эвмен встретил восторженный прием. Было назначено экстраординарное заседание Сената, на котором пергамский царь выступил с докладом о военных приготовлениях Персея. В благодарность за это сообщение Сенат провозгласил Эвмена «лучшим другом» римского народа и заключил с ним союз.

Возмущенный предательством Эвмена, Персей пытался даже расправиться с ним при помощи наемных убийц. С этой целью он подговорил несколько лиц, которые должны были убить Эвмена во время его паломничества в Дельфы на обратном пути из Рима. Засада была устроена в ущелье около узкой тропы, которая вела к оракулу. Заговорщики сбросили с высокого утеса два огромных камня на проходившего Эвмена, сильно его ранили, но не убили. Заговор не удался, и Эвмен вскоре благополучно вернулся в Пергам. Само собой разумеется, это покушение отнюдь не содействовало укреплению политических позиций Персея и установлению его дружественных связей с Пергамом. Персей имел теперь перед собой двух врагов: Рим и Пергам. В последовавшей вскоре войне Рима с Македонией Эвмен сражался на стороне Рима и оказал римлянам очень существенные услуги.

Переговоры македонского царя Персея с римским легатом Марцием

Несмотря на разрыв дипломатических сношений с Пергамом, Персей продолжал оставаться для римлян очень серьезным противником, с которым они не рисковали вступать в открытое сражение. Вследствие этого они всячески старались оттянуть начало войны и тем временем лучше подготовиться к предстоящей военной кампании. Персей не учел этого обстоятельства, не

воспользовался преимуществом своего положения и не начал во-время военных действий. Не теряя надежды разрешить конфликт мирным путем, он вступил в переговоры с римским легатом Квинтом Марцием Филиппом, своим проксеном. Марций, конечно, принял предложение македонского царя об открытии мирных переговоров и назначил место встречи. Встреча должна была состояться на реке Пенее, в Фессалии.

Описание этой встречи дает наглядное представление о той сложной процедуре и массе формальностей, которыми сопровождалось ведение переговоров в Риме. В назначенный день и час к указанному месту прибыли македонский царь и римский легат с их свитами. Свидание привлекло массу зрителей. Со всех сторон стекались толпы окрестных жителей—мужчин, женщин и детей. Переговоры открылись спором о формальностях: кто первым должен был перейти реку и с каким числом людей. Одни полагали, что надо отдать преимущество царскому достоинству, а другие — имени римского народа, тем более, что о переговорах просил Персей. Марций разрешил спор шуткой, сказав, что сын должен подойти к отцу. Его звали Филипп,— так же как отца Персея. По второму вопросу уступил также Персей. Он хотел перейти реку со всей свитой, между тем как римляне соглашались только на трех человек. В конце концов дело решили компромиссом. Царь переходит со всей свитой, но, во избежание какого-либо коварства с его стороны во время переговоров, он дает заложников.

Эта пустая формальность имела очень серьезное значение. Она показывала всему народу и всем союзникам, что свидание македонского царя состоялось с послами Рима «не как равного с равными». После этого Марций и Персей приветствовали друг друга не как враги, а как друзья, сели рядом на приготовленные кресла и приступили, наконец, к переговорам. Переговоры велись в форме вопросов и ответов. При этом инициатива все время оставалась в руках римского представителя, выступавшего как бы в роли государственного обвинителя. «Ты изгнал Абрупола, римского союзника, ты дал убежище убийцам Архиатавра, ты, вопреки договору, прошел с войной через Фессалию и т. д.» На все эти вопросы Персей давал обстоятельные ответы. «Я не совершил ничего непоправимого, за что мне следовало бы мстить войной»,—таков был смысл всех ответов Персея.

Марций одобрительно выслушал ответы Персея и как бы в знак сочувствия предложил ему отправить послов в Рим, а до получения ответа заключить перемирие. Персей согласился. Собственно этого-то и желал Марций. «Перемирие было необходимо для римлян, так как они в то время еще ничего как следует не приготовили для войны — ни войск ни вождя»[1].

[1] *Titus Livius*, Ab urbe condita libri, XLII, 43.

Так путем обмана, пользуясь доверчивостью своего друга, римский легат достиг очень важных результатов. По возвращении в Рим Марций и его коллега Атилий хвастались своей победой, как они, «подав ложную надежду на мир, провели Персея».

В 168 г. до нашей эры при Пидне Персей потерпел полное поражение от римлян, которое явилось в значительной мере результатом его дипломатических ошибок. Македония утратила свою политическую самостоятельность и была поставлена в зависимость от Рима. Решающую роль в этой битве сыграла пергамская кавалерия царя Эвмена, союзника Рима. Это обстоятельство очень характерно для Рима. Римляне всегда предпочитали вести войны не собственными силами, а силами союзников, и не на своей, а на чужой территории. В изучаемый период такой нейтральной стороной, на территории которой велись бесконечные войны, была Греция.

Дипломатическая победа римлян в Египте и в Ахейском союзе (II век до нашей эры)

В том же году римская дипломатия одержала еще одну крупную победу — над сирийским царем Антиохом IV, сыном Антиоха III. Воспользовавшись благоприятным международным положением, Антиох вмешался в дела Египта и захватил бóльшую его часть. Между Антиохом и египетским царем Птолемеем уже велись переговоры о подписании мира и об уступке Антиоху части египетской территории. Однако предложенные Антиохом условия были слишком унизительны для Египта, и египетские уполномоченные их не приняли. Тогда Антиох с войском направился в столицу Египта Александрию, но в 4 милях от города его неожиданно встретило римское посольство. Смущенный сирийский царь приветствовал римское посольство и протянул главе посольства Попилию правую руку.

Попилий, не отвечая на приветствие Антиоха, вручил царю дощечку с написанным на ней постановлением Сената и просил прежде всего прочесть ее. Сенат требовал, чтобы Антиох немедленно очистил Египет. Прочитав это постановление, Антиох просил предоставить ему возможность предварительно обсудить со своими приближенными, как поступить. Попилий, человек сурового нрава, в ответ на это очертил палкой, которую он держал в руке, круг на земле и сказал царю: «Прежде чем выйти из этого круга, дай точный ответ, который я мог бы передать Сенату». Пораженный столь неожиданной постановкой вопроса, Антиох уступил. «Я исполню все, чего требует Сенат», — таков был ответ сирийского царя. Лишь после этого Попилий протянул руку Антиоху как союзнику и другу римского народа. На следующий день римские послы, помирив соперничавших между собой братьев Птолемеев, удалились из Египта. Таким образом, Египет вновь был возвращен Птоле-

мею в тот самый момент, когда сирийский флот разгромил египетскую флотилию и сирийские войска находились на египетской территории. С этого времени Египет попадает в сферу римского влияния, постепенно утрачивает свою политическую самостоятельность и, наконец, превращается в римскую провинцию. Античные историки приводят этот факт как пример величайшей дипломатической победы Рима, которая приобрела мировую известность [1].

После превращения Македонии в римскую провинцию очередь дошла и до Ахейского союза, который еще сохранял свою независимость. Борьба за Ахейский союз была длительной и в высшей степени напряженной. Внешние и внутренние противоречия сплетались в запутанный клубок. Римляне играли на социальных противоречиях внутри самого союза. Опираясь на поддержку ахейских олигархов, крупных рабовладельцев, они действовали против демократических элементов, главную массу которых составляли ремесленники — свободные и вольноотпущенники. В конце концов им удалось совершенно обессилить Ахейский союз и подготовить его военный разгром.

Выступление римских послов на общесоюзном собрании в Коринфе (147 г. до нашей эры)

Поводом к открытому столкновению Рима с Ахейским союзом послужил очередной конфликт ахеян со Спартой. Между Ахейским союзом и Спартой возгорелась война из-за отказа Спарты войти в Ахейскую федерацию. Спартанцы обратились к посредничеству Рима. В 147 г. до нашей эры в Коринф, центр Ахейской федерации, прибыл римский посол Л. Аврелий Орест. Орест имел поручение Сената: поддержать Спарту и ослабить неприязнь ахеян к Риму. Однако миссия Ореста привела к прямо противоположным результатам.

Римское посольство прибыло в Коринф во время общесоюзного собрания, на котором преобладали демократы. Не осведомившись о настроении собрания, римский посол через глашатая объявил декрет Сената об исключении из Ахейской федерации городов, неродственных по крови ахеянам: Спарты, Аргоса, Орхомена и даже Коринфа. Практически это означало низведение Ахейского союза на уровень второстепенного государства.

Провозглашенный на собрании декрет Сената об «освобождении городов» вызвал бурное негодование. Большинство присутствующих демонстративно покинуло собрание; в городе начались волнения; демократы избивали спартанцев и громили дома римских друзей. Римское посольство поспешило оставить город и отправилось назад в Рим. По возвращении в Рим Орест доложил Сенату об оскорблении римских послов.

[1] *Titus Livius*, Ab urbe condita libri, XLV, 12.

По обсуждении доклада Ореста решено было отправить в Грецию новое посольство. Во главе этого второго посольства был поставлен Секст Юлий Цезарь, пользовавшийся славой разумного и осторожного человека. Ему дано было указание — не разжигать страстей и все несогласия уладить дипломатическим путем. Секст добросовестно выполнил возложенное на него поручение. На общесоюзном собрании он произнес «пространную и любезную» речь, лишь косвенно упомянув об оскорблении римских послов. В своей речи римский представитель увещевал ахеян не следовать «дурным советникам» и в будущем не враждовать ни с Римом, ни с его союзниками—спартанцами. Небольшая часть собрания — римские друзья — приняла речь римского легата с полным сочувствием. Большинство же собрания пребывало «в пагубном молчании», не зная, что возразить оратору. Тогда выступили вожди демократической партии Диэй, Критолай и другие «роковые для союза люди». Они предлагали собранию не выносить никакого решения, созвать новое общесоюзное собрание через 4 месяца, а тем временем отправить посольство в Рим с докладом о положении дел в Ахейском союзе. Предложение было принято. Миссия Секста, недовольная решением вопроса, покинула Грецию. Вслед за ней направилась в Рим и ахейская делегация.

После отъезда римской миссии в Греции началась настоящая революция. Демократические вожди повели энергичную агитацию против Рима. В своих выступлениях на собраниях в различных городах они вскрывали истинные цели римской дипломатии. Любезные речи римских послов, говорили они, насквозь лицемерны. Римляне в настоящее время ведут войну с Карфагеном и в Галлии и несут тяжелые потери. Поэтому они нуждаются в мире на Востоке. По окончании войны они расправятся с ахеянами и спартанцами так же, как они свели счеты с македонцами.

Агитацию против Рима ахейские вожди связывали с выступлениями против собственной плутократии: они отменили долги, провозгласили передел земель, объявили свободу рабов и т. д. [1]

Поражение ахеян (146 г. до нашей эры)

Таково было состояние Греции, когда весной 146 г. до нашей эры в Коринф прибыла новая римская миссия с Гнеем Папирием во главе. Папирий должен был выступить на многолюдном собрании, большинство которого состояло из ремесленников. Коринф был тогда одним из самых крупных индустриальных центров Средиземноморья. Главную массу его ремесленников составляли вольноотпущенники и рабы. По данным историка Тимея, число рабов в Коринфе доходило до

[1] *Polybius*, Historiae, XXIII, 9.

400 тысяч человек. Таким образом, исход дипломатической миссии Папирия был уже предрешен социальным составом собрания. Несмотря на все дипломатическое искусство римского посла, собрание не дослушало его речи до конца. Поднялись крики, шум, насмешки, посыпались оскорбления. Римские легаты вынуждены были покинуть собрание. «Коринфский народ, — говорит историк Полибий, — находился тогда в состоянии умоисступления»[1].

Обе стороны стали спешно готовиться к войне. Верховным стратегом Ахейского союза с 147 г. (до нашей эры) был Диэй, человек кипучей энергии. Диэй мобилизовал все силы на оборону страны, объявил всеобщий набор, обложил богатых высоким налогом, объявил свободу рабам и т. д. Таким путем была создана довольно внушительная демократическая армия. Однако общее состояние Ахейского союза было весьма непрочным. Силы населения были истощены; производство вследствие массового ухода рабов расстроено; общее настроение было подавленным, повсюду царили печаль и уныние.

Этим воспользовались ахейские олигархи, симпатии которых были на стороне Рима. На римлян они смотрели, как на избавителей от всех бед. В тех местах, где римляне появлялись, олигархи их встречали радостными криками, с ветвями маслин в руках.

Генеральное сражение между римскими и ахейскими войсками произошло при Левкопетре, на Истме, в 146 г. до нашей эры. Победили римляне. Ахейская армия частью была взята в плен, частью погибла или рассеялась. Сам Диэй бежал в свой родной город Мегалополь и там лишил себя жизни[2].

В том же 146 г. до нашей эры был взят Карфаген и тем положен конец Третьей Пунической войне (149—146 гг. до нашей эры).

Покорением Греции и Карфагена заканчивается первый, самый трудный период римских завоеваний. С середины II века (до нашей эры) римский полис превращается в мировую средиземноморскую державу, а сам город Рим — в центр средиземноморской торговли, денежно-ростовщических операций и рабовладения. Соответственно с этим изменялся и политический строй римского государства, превращавшегося в средиземноморскую империю.

Дипломатия Юлия Цезаря в Галлии (58—51 гг. до нашей эры)

Период объединения Римом Средиземноморья был наиболее блестящим периодом римской дипломатии. Завершив свои победы в бассейне Средиземного моря, где противниками римлян явились государства вы-

[1] *Polybius*, Historiae, XXXVIII, 8; *Pausanius*, Graeciae descriptio, VII, IX.

[2] *Polybius*, Historiae, XXXIX, 8; *Pausanius*, Graeciae descriptio, VII, 16.

сокой культуры, Рим переходит к распространению своей власти на менее культурные страны и народы, границы которых соприкасались с римскими. Во второй половине II и I столетий до нашей эры Рим ведет большую политику на Востоке — в Малой Азии и Сирии, и на севере — в Галлии, Германии и Британии. Масштаб внешней политики Рима в эти века был очень широк. Велика была и роль дипломатии. Но деятельность дипломатов протекала в сравнительно более благоприятных и легких условиях. За спиной римского посла и «оратора» теперь стоял великодержавный Рим, во много раз превосходивший своих противников. Соответственно упрощались задачи и методы дипломатии.

Наиболее блестящим представителем этого периода в истории римской дипломатии является Гай Юлий Цезарь. Свои дипломатические дарования он обнаружил с особым блеском во время галльской кампании (58—51 гг. до нашей эры).

Галлия в то время переживала глубокий внутренний кризис. Старинный первобытно-общинный строй сменялся государственным. К древней вражде племен присоединились еще социальные противоречия между различными группами галльского населения. Цезарь в высшей степени искусно использовал все эти противоречия в интересах римского государства. С помощью «римских друзей» ему удалось организовать общегалльскую конференцию. То был своего рода дипломатический конгресс представителей всех галльских племен. Цезарь добился того, что конференция провозгласила его вождем и защитником общегалльских интересов. Этот чисто дипломатический ход облегчил Цезарю задачу покорения Галлии. К нему как к третейскому судье и защитнику галлов начали обращаться галльские племенные князья со своими нуждами, жалобами и взаимными доносами. Это давало Цезарю полную осведомленность во внутренних делах Галлии, возможность вмешиваться в междуплеменные распри и безошибочно направлять свои дипломатические и военные предприятия.

Не последнюю роль в дипломатических успехах Цезаря сыграли и его личные качества. Юлий Цезарь отличался сильным характером и легко ориентировался в сложной обстановке. Вместе с тем он был общителен, щедр, прост и благодаря этим качествам легко располагал к себе людей, с которыми ему приходилось встречаться, независимо от их положения, возраста и национальности. В своей политике Цезарь руководствовался исключительно принципом целесообразности, государственной и личной выгоды.

Разделяя своих противников, приближая и объединяя своих сторонников, Цезарь к концу 52 г. привел галльские племена к полному подчинению Риму. Таким образом, благодаря Цезарю одна из богатейших областей тогдашней Западной

Европы — Галлия, которая включала в себя нынешние Францию, Бельгию и часть Германии, — была присоединена к римской территории.

Политику Юлия Цезаря в Галлии, Германии, Британии и в особенности на Востоке продолжал его приемный сын Октавиан Август, первый римский император (принцепс). С Августа начинается история Римской империи, продолжавшаяся около 500 лет (I—V века нашей эры).

3. ОРГАНИЗАЦИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО АППАРАТА В ЭПОХУ ИМПЕРИИ

Римская империя создавалась в процессе борьбы Рима с Карфагеном и эллинистическими царствами. Эта борьба содействовала централизации государственной власти. Республиканские учреждения постепенно заменялись бюрократическими императорскими канцеляриями. Все управление государством переходило в руки императора, который управлял страной через посредство многочисленных, зависимых от него чиновников (прокураторов и легатов). Сенат продолжал существовать, но из руководящего органа государства, каковым он был при Республике, превратился в государственный совет.

Соответствующим образом изменилось и управление делами внешней политики и дипломатии. В императорский период (I—V века нашей эры) все дела внешней политики — объявление войны, заключение мира, прием и отправление посольств и пр. — подлежали ведению императора. Дипломатия превращалась в ведомственную функцию и утрачивала демократический характер, который она имела при Республике. Изменилась и роль посла. Послы в императорскую эпоху не выбирались, а назначались, как и все другие чиновники, самим принцепсом. Ему одному они были обязаны и отчетом о своей деятельности. Характерной для Республики гласности и публичной отчетности при Империи тоже не существовало. Со времени императора Клавдия (середина I века) посольскими делами ведала личная канцелярия императора, возглавляемая императорским секретарем. Вместе с тем личная канцелярия императора являлась высшим административным органом всей Империи.

Общее законодательство в отношении послов иностранных государств при Империи оставалось тем же, каким оно было и при Республике. Личность посла даже враждебных государств считалась священной и неприкосновенной. Нарушение посольских прав квалифицировалось как нарушение международного права. «Если кто-либо нанесет ущерб послу враждебной страны, — замечает по этому поводу юрист Помпоний, — это

должно рассматриваться, как нарушение права народов, ибо послы признаются священными особами» (sancti habentur legati) [1].

В памятниках императорского периода очень много внимания уделяется отношениям Рима с иностранными государствами, союзными царствами, городами и общинами [2], а также вопросам организации и деятельности посольств. Все это свидетельствует о важности этой государственной отрасли в Римской империи.

Римская политика и дипломатия на Востоке в I веке нашей эры

Из всех государств Востока, находившихся в соседстве с Римом, самым могущественным тогда было Парфянское царство, которое образовалось из Древнеперсидского царства Ахеменидов. С ним, главным образом, и поддерживались дипломатические отношения в течение всего императорского периода. Интересы Рима и Парфии сталкивались в разных пунктах. Ни та, ни другая сторона не имела абсолютного перевеса, и потому все спорные вопросы приходилось разрешать дипломатическим путем. Необходимость установления мирного сожительства подсказывалась прежде всего экономическими интересами. Через римско-парфянскую границу проходили караванные пути, связывавшие Восток с Западом. Обеспечение этих путей могло быть источником крупных доходов как для Рима, так и для Парфии. Кроме того, от этого зависело благосостояние Сирии и Месопотамии, двух важнейших пограничных областей. Границей между Римом и Парфией был признан Евфрат. В доказательство дружественных отношений парфянский царь вернул Августу знамена и пленников из некогда разгромленных римских армий Красса и Антония. Август со своей стороны отказывался от поддержки Тиридата, претендента на парфянский престол. Возвращение знамен трех римских армий произвело на общественное мнение Рима очень сильное впечатление. Август в своем «политическом завещании» (Анкирской надписи) с гордостью повествует об этом, как о факте величайшей важности.

Этим не ограничились успехи римской дипломатии на Востоке. Парфянский царь не чувствовал себя прочно на престоле и искал союза с римским императором. Из опасения дворцового переворота он отправил своих детей в Рим, под опеку римского императора. Это было новым доказательством блестящей дипломатической победы Рима. После этого Август был вправе заявить, что в восточном вопросе он мирным путем одержал больше побед, чем оружием. Политику Августа с успехом продолжал его преемник Тиберий.

---

[1] Digesta, L, VII, 17.
[2] Codex Theodosianus, XII, 2. De mandatis et legatis.

Однако уже в первые годы царствования Августа обозначились симптомы будущих конфликтов на евфратской границе. Яблоком раздора служило буферное государство Армения. Армянский вопрос — одна из самых сложных проблем внешней политики Рима в течение всего периода Империи. Значение Армении заключалось в ее стратегическом положении. Преобладание в Армении римского влияния создавало постоянную угрозу Месопотамии, а через нее Вавилону и всем западным сатрапиям Парфии. Наоборот, усиление парфянского влияния открывало парфянам доступ к Черному морю и обеспечивало им преобладание на Кавказе — в Иберии и Албании. Кроме того, все торговые пути, соединявшие Парфянское царство с западными частями Малой Азии, переходили в руки парфян. Наконец, возникала серьезная угроза — в виде союза Парфии с сарматами и скифами, старыми врагами Рима.

В Армении боролись две партии — римская и парфянская. Бóльшая часть аристократических родов Армении держалась парфянской ориентации, меньшая — римской. При Августе и Тиберии римская партия возобладала, и Армения превратилась в фактически зависимое от Рима государство.

Эпоха Августа и Тиберия ознаменована была наивысшими достижениями римской дипломатии в восточном вопросе. Слава римского императора распространилась по всему Востоку. В Анкирской надписи говорится о парфянских, индийских и скифских посольствах, приходивших в Рим. Существовали связи даже между Римом и Китаем.

Соглашение по армянскому вопросу между Римом и Парфией (66 г. нашей эры)

При преемниках Тиберия, императорах династии Клавдиев, римское влияние на Востоке начинает слабеть, а парфянское, наоборот, усиливается. При Нероне в армянском вопросе было достигнуто приемлемое для обоих государств соглашение. Помирились на таком компромиссе: армянский престол передавался Тиридату, брату парфянского царя Вологеза, а утверждение этой передачи, т. е. возложение диадемы на голову будущего армянского царя, предоставлялось римскому императору.

Компромисс был следствием многочисленных столкновений, побед и поражений и бесконечного числа легаций, изо дня в день отправлявшихся из Рима и обратно. Соглашение состоялось в 66 г. после обмена письмами между Вологезом и Домицием Корбулоном, наместником и легатом Нерона в восточных провинциях. В своем письме Вологез писал, что армянский вопрос для него в настоящее время представляется уже решенным. «Боги, распорядители судеб людей и народов, передали Армению парфянам, не причинив этим, однако, позора и римлянам». Далее Вологез указывал, что военная мощь Парфии достаточно проявила себя в последних событиях.

Столь же хорошо известна и кротость парфянского правителя. Тигран (римский ставленник) заперт в крепости, побежденные римские легионы с их вождем Петом отпущены невредимыми. Тиридат выражает готовность отправиться в Рим и принять корону из рук римского императора, но не как побежденный, а как победитель.

С не меньшим чувством собственного достоинства составлено было и ответное письмо Корбулона. Корбулон полагал, что вражда между Римом и Парфией еще не зашла так далеко, чтобы обязательно перейти в войну. Обе стороны достаточно сильны. Много успехов выпало на долю римского оружия, но кое-что досталось и на долю парфян. Пусть это послужит уроком против самонадеянности. Для Тиридата выгодно и почетно получить в дар царство, не затронутое опустошениями, а Вологез принес бы больше пользы своему народу союзом с Римом, чем разорительной войной. Римляне прекрасно знают, в каком тяжелом состоянии находится в настоящее время Парфия, как велики в ней внутренние раздоры, сколь непрочно положение царя, какими дикими и воинственными народами он управляет. Между тем в Империи римского цезаря все обстоит как нельзя более благополучно. «Повсюду царит безмятежный мир, и нарушает его одна лишь эта война» [1].

Назначен был день переговоров. Наиболее видные члены штаба Корбулона, лица сенаторского и всаднического звания, отправились в лагерь Тиридата, чтобы оказать ему честь и вместе с тем послужить залогом того, что римляне его не обманывают и не устроили ему засады. Затем Тиридат и Корбулон прибыли в назначенное место со свитой из 20 всадников каждый. Увидев Корбулона, царь первый сошел с коня. То же самое сделал и Корбулон. Спешившись, они подали друг другу правую руку.

После этого начались торжественные речи. Корбулон превозносил Тиридата за его благоразумие. Оставив путь войны, говорил он, царь избрал более правильный и безопасный путь.

Не поскупился на пышные слова и армянский царь. После обстоятельного повествования о величии своего рода, он заявил, что пойдет в Рим и воздаст новую честь римскому цезарю, не потерпев поражения в войне. Решено было, что Тиридат отправляется в Рим, слагает знамена царской власти у статуи императора и получает их снова из рук самого Нерона. Беседа закончилась поцелуем.

Через несколько дней состоялся военный парад. Оба войска появились в полном блеске. По одну сторону стояла парфянская кавалерия в своем национальном убранстве, а по

[1] *Tacitus*, Annales, XV, 27.

другую — ряды римских легионов с блестевшими на солнце орлами и статуями богов. Посередине был воздвигнут помост, на котором стояло золотое кресло. На нем высилась статуя Нерона. К креслу подошел Тиридат. Заклавши жертву, он снял с головы диадему и положил ее у подножия статуи императора. На присутствующих вся эта церемония произвела потрясающее впечатление. «Великий царь армянский пойдет в Рим на удивление всем народам почти как пленный!» — повторяли свидетели этой церемонии.

Церемония закончилась роскошным пиром.

Перед отправлением в длительное путешествие в Рим Тиридату было разрешено нанести визит парфянскому царю, проститься со своей матерью, братьями и другими членами семьи. В залог была оставлена дочь Тиридата.

Парфянский царь поставил условием, чтобы будущему армянскому верховному правителю во время его путешествия в Рим были оказываемы должные почести. Желание царя было выполнено. Путешествие продолжалось целых девять месяцев и было совершено по суше, через Геллеспонт и Северную Италию. Длительное плавание по морю запрещалось религией Мазды (Заратустры), которую тогда исповедовали парфяне.

Тиридат следовал с огромной свитой, женой и детьми, сопровождаемый парфянскими и римскими войсками. На пути следования армянскому гостю были оказаны все знаки внешнего почета. Начальники провинций устраивали ему торжественные встречи, обменивались с ним лобзаниями, разрешали иметь при себе меч. Соблюдение всех этих церемоний считалось необходимым с точки зрения международного этикета. «Царю, привыкшему к пышности Востока, — говорили старые римляне, — неизвестно, что у нас имеет значение лишь сила власти, а не пустая мишура».

По прибытии в Северную Италию Тиридат был встречен императорскими легатами, в сопровождении которых он в императорской колеснице отправился в Неаполь, где в то время находился Нерон. После нескольких дней пребывания в Неаполе Нерон и Тиридат вместе отбыли в Рим для совершения коронования. Столица была декорирована гирляндами, а вечером иллюминована. Улицы были полны народа, заполнявшего даже крыши домов, в надежде увидеть торжественный парад. По сторонам стояли войска в блестящем вооружении и со знаменами.

На следующее утро началась, наконец, самая церемония. В окружении Сената и преторианской гвардии Нерон в яркой триумфальной одежде явился на Форум и сел на специально приготовленное для этого случая кресло около Ростры. К нему через ряды войск подошел Тиридат, оказал

ему знаки повиновения, провозглашая его владыкой вселенной и потомком бога Митры. После этого Нерон провозгласил его царем Армении и возложил на его голову диадему. В торжественном триумфе, приветствуемый как император, Тиридат отправился на Капитолий и возложил на алтарь Юпитера лавровый венок. Церемония коронования закончилась парадным спектаклем в театре Помпея. Театр был заново отделан золотом и дорогими материями. Кроме того, была устроена в честь главы армянского государства художественная выставка, произведены раздачи и угощения народу и выпущена особая монета. При отъезде Тиридату и его свите были даны богатые подарки и, кроме того, отправлено в Армению большое число искусных мастеров для реконструкции армянской столицы Артаксаты, переименованной в «город Нерона» (Neronea) [1].

Связи Рима с Китаем (I—II века нашей эры)

Установление протектората над Арменией и добрососедских отношений с Парфянским царством связывало Рим с государствами Центральной Азии, а через них и с Китаем. Торговые и дипломатические сношения Рима с Китаем начинаются с I века нашей эры. Главной связующей артерией служила так называемая «шелковая дорога». «Шелковая дорога» начиналась в Сирии, шла через города Эдессу и Нисибис, Раги, Фергану и доходила до Великой китайской стены. Вместе с караванами по «шелковой дороге» следовали посольские миссии из Рима в Китай и обратно. В китайских летописях под 166 г. упоминается о прибытии в Китай посольства римского императора Марка Аврелия. Установленное новейшими исследованиями влияние греко-римского искусства на китайское свидетельствует об оживленности и длительности связей между двумя величайшими державами античного мира: на западе — Римской и на востоке — Китайской (Небесной) империями.

Договоры Рима с Сасанидами (III—VI века нашей эры)

При всей внешней пышности коронования армянского царя в Риме соглашение 66 г. было более выгодно для Парфии, чем для Рима. Армения фактически становилась вассальным государством Парфии. С каждым столетием эта зависимость все увеличивалась, и Армения уходила из-под влияния Рима. В III веке в Парфии произошел государственный переворот, в результате которого к власти пришла новая воинственная династия Сасанидов. Сасаниды стремились восстановить былую мощь великой Персии Ахеменидов и переименовали Парфию в Новоперсидское царство. Сохранившиеся от этой эпохи договоры и описания церемоний

[1] *Dio Cassius*, Historia Romana, LXIII, 2.

ведения переговоров указывают на преобладание Персии и сильное влияние восточных обычаев. На первом плане стояла внешняя, показная сторона дела, всякого рода формальности и придворные церемонии. Все это вполне соответствовало эпохе Домината, по своей социально-политической сущности родственной деспотии Сасанидов. В мемуарах одного римского посла, Петра Магистра, или Петра Патриция [1], сохранилось подробное описание церемонии заключения договора с царем Персии Хосровом I (VI век).

При переговорах с Хосровом присутствовало 12 переводчиков, шесть человек от каждого посольства. Текст договора был составлен в двух редакциях и на двух языках — греческом и персидском. Греческий экземпляр, написанный персидскими буквами, был вручен главе персидского посольства, персидский же экземпляр, написанный греческими буквами, был вручен уполномоченному восточно-римского императора. После этого последовал обмен ратификационными грамотами. При переговорах вели протокол, один экземпляр которого поступал в персидский, а другой — в римский (Константинопольский) архив. Общее число статей договора 13. Некоторые вопросы были оставлены нерешенными, в их числе вопрос, касавшийся пограничной полосы Кавказа. Хосров на каждом шагу давал почувствовать силу своей и слабость римской державы: поэтому от римских послов требовалось много дипломатического искусства, чтобы «смягчить заносчивый нрав восточных варваров» [2].

Изменения коснулись также и языка. Дипломатическим языком становится «азиатский» язык императорских канцелярий и двора — напыщенный, однообразный и маловыразительный. В заключение необходимо отметить еще одну особенность дипломатии Поздней империи — влияние церкви и христианства. С Константина Великого (IV век) в посольских легациях первостепенную роль играют лица духовного звания — «святые», епископы и позже папа [3].

4. ВНУТРЕННЯЯ ДИПЛОМАТИЯ

Самостоятельный раздел античной дипломатии представляет внутренняя дипломатия. Своего высшего развития внутренняя дипломатия достигает в период Римской империи. При неопределенности отношений между отдельными частями и центром в Римской империи невозможно установить точную грань ни между ее внутренней и внешней политикой, ни между внутренней и внешней дипломатией.

[1] Мемуары Петра Патриция сохранились в изложении историка Менандра.

[2] *Menander Protector*, Fragmenta historicorum Graecorum, IV, 218.

[3] *P. Orosius*, Historiarum libri VII adversus paganos, V, 2.

Переход от Республики — города-государства — к мировой Средиземноморской державе был длительным процессом. Римская абсолютная монархия в собственном смысле, или Доминат, сложилась лишь в III веке нашей эры. Предшествующие два столетия могут быть рассматриваемы как переходный период от Республики к Доминату. В отличие от Домината первые века (I век) носят название времен Принципата. При Принципате Римская империя представляла сложный мир самых разнообразных политических единиц — провинций, муниципий, всевозможных союзов и корпораций. Правильнее всего Принципат рассматривать как федерацию более или менее самостоятельных городов (муниципиев).

С точки зрения государственного права Рима каждый муниципий и даже более мелкие единицы рассматривались как самостоятельные политические тела, как бы государства в государстве. Одним из выражений этой самостоятельности являлось право посольства (jus legationis). Каждая из названных организаций могла посылать посольства в центр и другие организации, заключать договоры и пр., одним словом, действовать как юридически самостоятельная единица или сторона. На этой почве собственно и развилось единственное в своем роде право народов, о котором упоминалось выше.

Посольства при Империи играли бóльшую роль, чем при Республике. Они связывали центр с провинциями, а провинции — друг с другом и со всем миром. Дипломатические нити протягивались по всему «кругу земель» и выходили далеко за его пределы. Посольства отправлялись по самым разнообразным поводам: по случаю какого-либо важного события в императорской фамилии, со всякого рода просьбами, жалобами и судебными спорами. При Калигуле, например, в Рим прибыло греческое посольство, чтобы поздравить нового императора со вступлением на престол. В одной надписи сохранился ответ Марка Аврелия на врученное ему посольством одного малоазиатского города поздравление с днем рождения принцепса. Известен также ответ императора Диоклетиана жителям города Афродизии, которые поздравляли его через послов с приходом к власти.

Наряду с выражениями верноподданнических чувств и преданности легации часто преследовали и более практические цели. Через послов города и корпорации добивались снижения налогов, денежной помощи фиска — на постройку общественных зданий, храмов в честь императора, бань и дорог, гимназий и т. д. Всякого рода конфликты, судебные процессы и жалобы на неправильные действия центральных и местных властей также доводились до сведения высшей власти при помощи посольств.

В сочинении Филона сохранилось подробное описание посольства александрийских евреев к Калигуле с жалобой на римского наместника Авиллия Флакка. Получив разрешение у александрийских властей на право выезда, депутация отправилась в путь и благополучно достигла Рима. В Риме на Марсовом поле депутаты впервые встретили императора, который любезно ответил на их поклон, что считалось хорошим признаком. Далее описывается самый разговор депутатов с принцепсом, происходивший в садах Мецената. Вначале благосклонно настроенный, император начал раздражаться и, наконец, пришел в сильное возбуждение, недовольный отрицанием божественности его власти. «Вы — единственные, — говорил Калигула, — которые не почитают меня богом... Почему вы не едите свиного мяса?» и т. д. Диалог продолжался долгое время, но в общем миссия александрийских евреев успеха не имела. Другие миссии оказывались более удачными. Так, Дион, возглавлявший посольство города Смирны, сообщает, что император Траян был чрезвычайно милостив и любезен. «Император по его высшей доброте и прозорливости даровал мне все, что я просил, как и всем другим послам... В город полилась целая волна золота» [1].

Обмен посольствами происходил не только между провинциями и центром, но и между отдельными муниципиями и корпорациями. Связь между христианскими общинами тоже поддерживалась при посредстве посольств. Этим объясняется тот на первый взгляд странный и интересный факт, что почти вся христианская терминология — апостол (посланник), пресвитер (пресбейс — посол), символ (symbola) и т. д. — заимствована из дипломатического языка Римской империи.

В своем развитии внутренняя дипломатия Рима прошла несколько этапов. В республиканский и ранний императорский период посольства были сравнительно редким делом. Послом мог быть всякий гражданин, который обладал необходимыми для этого средствами и досугом. Никаких специальных знаний от него не требовалось. Участвовать же в посольской делегации, посетить Рим и быть на приеме у самого императора считалось величайшей честью для всякого провинциала. Лица, успешно выполнившие возложенные на них миссии, становились патронами данного города, пользовались почетом и уважением. В честь их устраивались празднества, воздвигались памятники и статуи. Избрание в посольскую делегацию рассматривалось как начало большой карьеры данного лица. Главами провинциальных посольств обычно бывали члены муниципальных курий (городских сенатов), которые впоследствии

[1] *Dio Chrysostomus*, Oratio, XL.

становились имперскими сенаторами, членами римского Сената. Все расходы, связанные с посольством, возлагались на самих делегатов; поэтому естественно, что послами могли быть лишь самые богатые люди, принадлежавшие к первому классу муниципальных курий.

Первые императоры, которые еще не особенно прочно чувствовали себя на троне, охотно принимали провинциальные делегации, поощряя их, и расходы на содержание делегатов в Риме брали на свой собственный счет или на счет государства. С течением времени, однако, щедрость императоров к притекавшим в Рим со всех сторон легатам стала ослабевать. Это объяснялось двумя главными причинами: увеличением расходов императорского фиска (государственной казны) и чрезвычайным возрастанием числа посольств. При реконструкции сгоревших во время гражданской войны 68—69 гг. зданий на Капитолии Веспасиан извлек три тысячи бронзовых досок, на которых были записаны государственные документы. Бóльшую их часть, несомненно, составляли договоры (foedera) и всякого рода другие дипломатические акты. Три тысячи бронзовых таблиц составляли лишь незначительную часть колоссального государственного архива Рима, помещавшегося на Капитолии.

Ввиду огромного наплыва посольств императоры вынуждены были изыскивать меры сокращения расходов фиска на приемы и содержание послов. Начало этому положил эдикт Флавия Веспасиана, ограничивавший число членов посольства тремя лицами [1].

Последующие императоры продолжили и расширили ограничительные меры Веспасиана. Постепенно начали не только регулировать число членов посольства, но и ограничивать самое «право посольства» муниципий и других общественных корпораций. Отчасти это делалось в интересах самих названных организаций, главным же образом по соображениям экономии императорского фиска. Так, Траян освободил все муниципии провинции Мезии от необходимости снаряжать поздравительные посольства к наместнику названной провинции. «Пусть, — пишет он в одном из своих писем Плинию, — начальник Мезии (Moesiae praeses) извинит, если его будут почитать с меньшими расходами» [2].

Важнейшую дату в истории римской дипломатии и провинциального управления составляет Эдикт Феодосия I. Феодосий ответственность за посылку легаций возложил на префекта претория. В столицы Империи, Рим и Константинополь, допускались лишь те посольства, которые были достойны внимания императора. Ограничение права посольства наносило удар авто-

[1] Digesta, L, VII, 5 (4).
[2] *Plinius*, Epistulae, X, 52—53.

номии местных общественных мирков, превращало легации в колеса государственной машины, а легатов — в государственных чиновников.

В соответствии с этим изменялся и личный состав посольств. По мере увеличения числа посольств и охлаждения к ним императоров участие в посольской делегации из права превращалось в обязанность. Богатые люди, сенаторы первого ранга местных курий (priores) под различными предлогами уклонялись от высокой чести участвовать в посольской миссии. При Доминате в связи с повышением государственных налогов и поборов легации превратились в одну из наиболее тяжелых повинностей римских граждан.

Личный состав посольств менялся и потому, что при массе и разнообразии вопросов от него требовались профессиональные качества, знание законов, посольской техники и красноречие. Всем этим требованиям лучше всего могли удовлетворить лица с юридическим образованием (адвокаты), окончившие юридические школы и школы красноречия. Муниципии и корпорации ставили адвокатов и риторов (профессоров красноречия) во главе посольств и поручали им ведение дел. Все расходы по снаряжению посольств и оплате адвоката падали на муниципальные курии и корпорации. Многие из адвокатов на посольских делах наживали большое состояние и удостоивались высокого почета.

Риторско-дипломатические школы

Профессия адвоката, ритора и дипломата в императорском Риме считалась одной из самых выгодных, ибо приносила большие доходы и доставляла высокое общественное положение. Этим объясняется стремление римской молодежи получить высшее юридическое образование и пройти обязательную для юриста риторскую школу. Дипломатическому искусству в этих школах уделялось очень большое внимание. Риторские школы в то же самое время были и дипломатическими школами. Ученики школ упражнялись в произнесении речей на самые разнообразные темы дипломатического характера, частью исторические, частью отвлеченные. Давались такие темы, как «Мир между Афинами и лакедемонянами» (445 г. до нашей эры), «Пилосский конфликт», «Проект оборонительного союза греков против Филиппа Македонского». Инсценировали диспут Демосфена с Эсхином на тему о посольстве в коллегии амфиктионов и т. д.

Постепенно сложились определенные правила (praecepta) составления дипломатических орации (речей) и манеры их произношения. Отступления от этих правил рассматривались как нарушения этикета и отсутствие хорошей школы дипломатического искусства. В сочинении Менандра приведены правила составления дипломатических речей, произносимых

по разным случаям. Так, например, речь, произносимую от имени города, пострадавшего от землетрясения или какого-либо иного стихийного бедствия, рекомендовалось строить по таким правилам. Орация начиналась со вступления, рассчитанного на возбуждение чувства гуманности принцепса. Постарайтесь, говорится в названном руководстве, прежде всего подействовать на высокие качества принцепса, на его гуманность и доброту. Императору надо внушить идею о его богоизбранности. Потом следует напомнить ему о его доблестях на войне и во время мира и восстановить в его памяти облик города, от имени которого произносится речь. Полезно при этом пустить в ход риторические контрасты, указать, например, на трагическую судьбу Трои: некогда знаменитый город, который мог вести войну против всей Европы, пал до полного ничтожества. Это сравнение укажет властелину на хрупкость и изменчивость судьбы всего существующего и всех людей. За риторическим введением следовало, наконец, самое изложение цели посольства. Для большего впечатления легатам рекомендовалось упасть перед принцепсом на колени с молитвенными ветвями в руках [1].

Образец речи об установлении дружбы между городами представляет сороковая речь Диона Хризостома. Темой речи служит предполагаемый союз города Прузы с Апамеей. Оратор начинает с противопоставления великих благ дружбы и великих несчастий вражды.

«Подумайте только, граждане, сколь приятно, путешествуя по землям своих соседей, встречать друзей вместо врагов, насколько лучше пользоваться гостеприимством, участвовать совместно в религиозных празднествах, зрелищах и молитвах, нежели осыпать друг друга поношениями и оскорблениями... Оскорбительные слова приличествуют лишь бесстыдным людям, но они несвойственны благородным людям и мудрым гражданам».

В руководствах по ораторскому и дипломатическому искусству подробно разрабатывались не только планы речей, но и содержались также образцы стиля и определялись размеры речи. Речь дипломата в среднем не должна превышать, говорится в одном из подобных руководств, ста пятидесяти или максимум двухсот строк.

К разряду дипломатических речей относятся также и панегирики, хвалебные речи в честь императора. В панегириках наряду с восхвалением императора и его дома содержались пожелания, выражаемые от лица какой-либо группы населения или всего муниципия.

---

[1] Rhetores Graeci, Menandros, II.

5. СОЮЗНЫЕ ДОГОВОРЫ С ВАРВАРАМИ (IV—V ВЕКА НАШЕЙ ЭРЫ)

Третий раздел римской дипломатии составляют договоры с варварскими народностями. Поселения варваров на римской территории на правах союзников, или федератов, начинаются еще с конца Республики и первых лет существования Империи, с Цезаря и Августа. В последующие столетия они расширялись и получили наибольшее распространение в III—V веках нашей эры, в период «великого переселения народов». Поселение варваров на римской территории являлось следствием кризиса рабовладельческого способа производства и ослабления Империи. Варвары, по выражению Энгельса, вливали свежую кровь в дряхлевшее тело Римской империи.

По своему юридическому положению федераты находились на правах «иностранных союзников» (peregrini socii). Этим они отличались от других категорий варваров, живших в пределах Римской империи, но не связанных с Римом договорными отношениями. Федераты пользовались покровительством римского закона и многими привилегиями по сравнению с остальной массой варварских поселенцев.

Среди многочисленных договоров с федератами наибольшее историческое значение имел договор Константина Великого с готами (332 г.) [1]. Римляне предоставляли готам землю для поселений на Дунае и обещали уплачивать дань за военную помощь со стороны готов. К этим статьям прибавлялась еще особая статья о торговле по обеим сторонам Дуная. Для облегчения торговых связей Константин построил мост через Дунай. Соглашение Константина с готами расстроилось с того момента, когда им стало известно, что Константин одновременно заключил тайное соглашение с сарматами, старыми врагами готов. Возмущенный этим поступком, готский князь обязал клятвой своего сына, будущего короля Атанариха, что он никогда не вступит на римскую территорию для оказания помощи римлянам.

Из соглашений последующего времени наибольшее значение по своим историческим последствиям имел договор 369 г. между Валентом, императором восточной половины Римской империи, и Атанарихом, королем готов. Соглашение было составлено в письменной форме и скреплено подписями обеих сторон. Готы получали право поселения во Фракии. Ввиду взаимного недоверия переговоры происходили на плотах посредине Дуная.

Через несколько лет последовало новое соглашение между готами и Валентом. Теснимые гуннами, готы отправили в 376 г.

---

[1] *Iordanes*, De origine actibusque Getarum, 7; *Ammianus Marcellinus*, Rerum gestarum, XXVII, 5; *Eusebius*, Vita Constantini, IV, 51.

к Валенту посольство с предложением заключить союз. Император принял предложенные готскими легатами условия договора. Римляне брали на себя обязательства: 1) оказывать готам временную поддержку продовольствием (alimenta pro tempore) и 2) предоставить земли для поселений и обработки. Для Валента эти условия были чрезвычайно выгодны. В лице готских федератов он получал необходимую ему военную помощь — кавалерию. Готская кавалерия считалась лучшей. Вместе с тем договор избавлял римских землевладельцев от поставки рекрутов. Однако Валент не сумел воспользоваться вытекавшими из договора возможностями. Недоверчивый и склонный к подозрительности император слишком затянул переговоры. Тем временем стоявшие на Дунае массы готов двинулись через Дунай, нахлынули в соседние римские провинции и их жестоко опустошили. Сам Валент погиб в сражении с готами при Адрианополе в 378 г. [1]

Последующие императоры, наученные горьким опытом, во избежание повторений событий 377—378 гг., старались более точно соблюдать принятые на себя обязательства в отношении своих федератов. Кроме того, для побуждения варварских князей к заключению договоров они старались их предварительно задобрить подарками — золотом и всевозможными дорогими вещами: ожерельями, бусами, кольцами и пр., к которым варвары обнаруживали большую склонность.

В 382 г. Феодосий I заключил договор с Аларихом на условиях, более выгодных для Алариха, чем для Империи. Готам предоставлялись земли во Фракии и Мезии с правом заниматься земледелием без уплаты земельного налога и несения каких-либо иных повинностей, кроме военных.

Дружественные договоры с Аларихом и другими вождями варваров заключались также и при преемниках Феодосия, императора западной и восточной половины Империи. В последние годы своего существования Римская империя держалась исключительно силою варваров, находившихся на римской службе. Между варварами и римлянами установились более тесные отношения. Влияние варварских обычаев нашло отражение и в дипломатии. Одновременно с ростом этого влияния происходил и другой процесс — освоение варварами римской культуры, процесс романизации. Из сочетания этих потоков образовались в первой половине средних веков варварские общества и государства, выработавшие и свою собственную дипломатию.

---

[1] *Ammianus Marcellinus*, Rerum gestarum, XXX, 7.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ДИПЛОМАТИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА

ВВЕДЕНИЕ

Дипломатия периода средних веков отражала в своей деятельности последовательные этапы в развитии феодального государства. Сперва она служит интересам феодализирующихся варварских держав, которые сложились на развалинах бывшей Римской империи и в других частях Средней, Северной и Восточной Европы. После распада этих государств деятельность средневековой дипломатии определяется взаимоотношениями обособленных политических мирков, образовавшихся в процессе феодального раздробления Европы. Наконец, в связи с возникновением крупных феодально-абсолютистских монархий дипломатия средних веков становится орудием их объединительной политики.

Средневековый строй покоился на феодально-крепостнических отношениях. Эти отношения представляли собой в целом прогрессивную общественную систему в сравнении с рабовладельческим строем древнего мира. Начали они складываться уже в варварских государствах раннего средневековья. Феодально-крепостническими интересами определялась и внешняя политика этих государств. Стремясь захватить возможно больше земли, награбить военной добычи, получить людей, нужных для крепостной эксплоатации, варварские государства вели непрерывную борьбу между собой. Сталкивались они и с Восточной Римской империей — этим обломком прежней великой римской державы.

Волей-неволей варварским государствам приходилось, однако, договариваться между собой и с соседями, чтобы как-нибудь регулировать свои внешнеполитические отношения. Так возникла их дипломатия, которая носила отпечаток примитивности этих новых политических образований раннего средневековья.

Глубокое влияние на дипломатию молодых варварских государств оказала Византия, которая хранила дипломатические традиции Поздней Римской империи. Высоко развитая организация этой восточной дипломатии, ее торжественный церемониал, ее изворотливость, коварство, умение изобретать

всякого рода комбинации, разъединять врагов, использовать в своих целях торговые, культурные и религиозные связи — оказали сильнейшее воздействие на дипломатию средневековья.

Другим мощным проводником влияния римских традиций на дипломатию средних веков была церковь в лице папства с его сложными международными связями. Папство являлось не только религиозной, но и государственной силой. Опираясь на собственную территорию, располагая огромными материальными средствами и широко раскинутой сетью своих агентов, папство противопоставляло свое единство и международный авторитет розни и борьбе, которые кипели в феодальной Европе. Разжигая эти противоречия, чтобы использовать их в интересах своего владычества, папство развивало активнейшую дипломатическую деятельность. В ней применялись все доступные папству средства, начиная от испытанных методов политики великодержавного Рима, вплоть до отлучений от церкви, интердиктов, подкупа, шпионажа и тайных убийств.

Папская дипломатия успешно участвовала в организации таких международных предприятий средневековья, как крестовые походы. Она проявила чрезвычайную энергию и изворотливость в борьбе со Священной Римской империей. Но и ей не удалось преодолеть центробежные стремления, которые подтачивали основы как папского государства, так и власти императоров.

Дело в том, что в основе средневекового общества лежала система натурального хозяйства. Вместе с низкой техникой производства она препятствовала установлению прочных экономических связей и способствовала политическому раздроблению Европы. Государственные образования, возникавшие на основе завоеваний, оказывались непрочными и легко распадались. Такова была судьба варварских королевств. Таков был конец и более крупных государственных объединений раннего средневековья: на западе — империи Карла Великого, на востоке — державы Рюриковичей. Тем же объясняется и крушение позднейших попыток создания всемирной папской державы и Священной Римской империи.

Дипломатия периода раздробления средневековой Европы носит отпечаток сложившегося феодально-крепостнического строя. В это время Европа распадается на великое множество самостоятельных мирков. Сеньерия отождествляется с государством. Крупный землевладелец является государем, а государство — его вотчиной. Граница между государством и частным владением стирается; исчезает различие между публичным и частным правом, отношениями частными и международными.

Несмотря на существование своеобразной системы подчинения, которая определяла отношения сюзерена и вассалов, каждая крупная сеньерия ведет более или менее самостоятельную внешнюю политику. Провозглашается право частной войны. В конечном счете право заменяется силой.

Деятельность дипломатии этого периода сводилась к урегулированию споров и столкновений, которые рождались между государями-вотчинниками на почве постоянной борьбы из-за грабежа соседних владений или захвата чужих подданных для увеличения числа плательщиков феодальной ренты. Порой, однако, эта дипломатия разрешает и более крупные вопросы, возникавшие между государями-вотчинниками перед лицом какого-либо общего врага — мусульман для Западной Европы, половцев и татар для феодальной Руси. Характерный образец такой дипломатии представляют, между прочим, княжеские отношения Руси феодального периода.

Однако в недрах раздробленного феодального общества действовали и централизующие силы. Рост производительных сил сопровождался расширением хозяйственного общения; шло вперед разделение труда; развивались товарно-денежные отношения; стали складываться нации; создавались города, в которых формировался новый класс — буржуазия. Эта буржуазия была жизненно заинтересована в создании национального рынка и централизованной государственной власти, способной охранять внутренний порядок, обеспечивать безопасность торговли, проводить в жизнь правовые нормы, соответствующие развитию товарных отношений. Установлению сильной государственной власти содействовали и группы мелких феодалов, стремившихся найти защиту против произвола крупных сеньеров, упрочить свое классовое господство, закрепить эксплоатацию крестьян. Союзником усиливающейся феодальной монархии являлась и церковь, ибо она также зачастую страдала от самовластия сеньеров и притом сама постепенно втягивалась в торговый оборот.

В крупных феодальных монархиях — Франции, Англии, Испании, Московской Руси — внешняя политика и дипломатия направлены были на преодоление феодальной раздробленности, объединение и расширение государственной территории, борьбу с соперниками за военное и торговое преобладание, поиски союзников, необходимых для разрешения этих задач. В такой обстановке дипломатическая деятельность все более приобретает значение государственной работы. В ее организации и приемах обозначаются черты, уже сближающие ее с дипломатией нового времени.

Особую роль в истории дипломатии средневековой Европы играли итальянские города. В Италии раньше других стран начали развиваться капиталистические отношения. Здесь тор-

говые и промышленные независимые города находились в состоянии непрерывного соперничества и постоянной борьбы за внешние рынки. Ни один из них не обладал достаточной силой, чтобы подчинить себе соперников и создать единую итальянскую монархию. Такому объединению мешало и государство пап, которое занимало серединное положение на Апеннинском полуострове. Необходимость регулировать сложные внешние отношения итальянских городов, ведших интенсивную внешнюю торговлю, вызвала к жизни их искусную и тонкую дипломатию, многое позаимствовавшую от Востока и особенно от Византии. В свою очередь дипломатия итальянских городов оказала сильнейшее влияние на дипломатическую практику складывавшихся в Европе абсолютных монархий.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВАРВАРСКИЕ ГОСУДАРСТВА И ВИЗАНТИЯ

1. ДИПЛОМАТИЯ ВРЕМЕН ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Римская империя и варвары

С конца IV века нашей эры волны нашествия германских племен, давно бившиеся о границы Римской империи, прорываются внутрь и затопляют ее области. Сотрясаемая кризисом рабовладельческого способа производства, нарастающей революцией рабов и колонов, Империя не в состоянии была отражать все новые полчища варваров, привлекаемых плодородием ее земель и молвой о неисчислимых богатствах ее вилл и городов. Экономически более слабая Западная империя, в которой кризис рабовладельческого хозяйства сказался к тому же с большей силой, теряла область за областью. С крайним напряжением сил отражала все новые удары и Восточная империя. Вестготы Аларихa опустошили ее провинции, разгромили Италию, взяли и разграбили древнюю столицу Империи — «вечный город» Рим. В Испании и юго-западной Галлии вестготы основали свое королевство — первое варварское государство на территории Римской империи. За ними вандалы, свевы, бургунды, франки отнимали одну область Империи за другой. Наконец, гунны, представлявшие монгольские племена, захватили огромные пространства от Волги до Рейна, вплотную подошли к границам Империи, опустошали ее земли, требовали дани, угрожали самому ее существованию.

Империи как Восточной, так и Западной приходилось не только воевать с варварами, но и вступать с ними в сложные политические сношения. Обычно варвары являлись в Империю сначала не как завоеватели, а как вассалы и союзники. С ними устанавливались договорные отношения, быстро менявшие свой характер, поскольку вчерашние вассалы сегодня превращались в бунтовщиков, а завтра в завоевателей. С ними надо было договариваться, их надо было подкупать, от них надо было избавляться. Они в свою очередь предъявляли все новые притязания, требуя золота, серебра, новых земель для

поселения. На этой почве возникали сложные дипломатические отношения между варварами и Римской империей, или, вернее, двумя римскими империями.

Варвары, размещаясь в областях Западной империи, быстро переходят к новым общественным порядкам. Ускоренным темпом идет у них процесс образования классов, возвышается королевская власть, из догосударственного состояния они переходят в государственное. Между возникающими варварскими королевствами границы неясны и не установлены. Споры разрешаются не только оружием, но и переговорами. По мере образования варварских королевств неизбежно возникает у них и своя дипломатия.

Константинопольский двор и Аттила

Столкновения римского и варварского миров рождают своеобразные формы международного общения. Сохранилось подробное и богатое живыми деталями описание дипломатических сношений восточноримского (константинопольского) двора с вождем гуннов Аттилой. Это описание оставлено неким Приском — лицом, близко стоявшим к дипломатическим кругам Константинополя. Из его рассказов можно видеть, как варвары постепенно усваивали приемы римской дипломатии. Но и Империи приходилось приспособляться к обычаям варваров. Приск описывает одно из посольств восточного императора Феодосия II к гуннам в 433 г. Встреча послов императора с гуннами произошла близ границы. Гунны заявили, что желают вести переговоры, не сходя с лошадей. «Римские [1] послы, заботясь о своем достоинстве, имели с ними свидание также верхом», — говорит Приск. Был заключен договор, унизительный для Империи, по которому она обязалась выдать гуннам всех перебежчиков и платить ежегодно по 700 фунтов золота. После этого обе стороны принесли клятву соблюдать договор, каждая по обычаю своих предков.

Варвары, усваивая обычаи римской дипломатии, старались извлечь из них для себя пользу, иногда в довольно грубой форме. В Империи был обычай делать послам подарки. Аттила отправил в Константинополь послов с требованием выдать перебежчиков. Послы были осыпаны подарками и отправлены назад с ответом, что в Империи перебежчиков нет. Тогда Аттила отправил других послов. Когда и эти получили подарки и были отпущены, он отправил третье посольство, а за ним и четвертое. «Аттила, зная щедрость римлян, зная, что они оказывали ее из опасения, чтобы не был нарушен мир, — кому из своих хотел сделать добро, того и отправлял к римлянам, придумывая к тому разные пустые причины и предлоги». Но Аттила из переговоров с Империей научился не только этому. Приск

[1] Жители Восточной Римской империи называли себя не византийцами, как их обычно называем мы, а «ромеями» — римлянами.

сообщает, что у Аттилы был присланный ему Аэцием писец Констанций, который составлял для него грамоты, — повидимому, на латинском языке. Для ведения переговоров Аттила использовал опытных в этих делах римлян из захваченных им областей Империи. Приск подробно описывает посольство Аттилы к Феодосию II в 448 г. Послом Аттилы был гунн Эдикон, «отличавшийся великими военными подвигами». С ним вместе был послан римлянин Орест, который жил в одной из пограничных областей, недавно отошедших под власть Аттилы. Эдикон был представлен императору и вручил ему грамоту Аттилы, в которой вождь гуннов жаловался на невыдачу перебежчиков и требовал установления новых пунктов для торговли между гуннами и Империей. Император прочел грамоту, написанную по-латыни. Затем Эдикон сделал устные добавления к грамоте, переведенные придворным Вигилой, знавшим гуннский язык.

Судьба этого посольства интересна для характеристики приемов византийской дипломатии. Некоторые из константинопольских сановников с ведома императора подбивали Эдикона убить Аттилу, обещая ему «великое богатство». Эдикон притворно согласился на сделанное ему предложение и отправился в страну гуннов вместе с посольством императора, в которое вошел и Вигила, бывший главным исполнителем всего замысла. Эдикон выдал Аттиле заговор. Интересно, что Аттила не решился убить Вигилу, хотя и обратился к нему с гневной речью, заявив, что его следовало бы посадить на кол и бросить на расклевание птицам, если бы этим не нарушались права посольства. Отсюда видно, что у варваров уже укоренялось представление о неприкосновенности послов.

Аттила требовал, чтобы к нему присылали для переговоров не простых людей, а самых знатных, носивших консульское звание. Послы в переговорах с ним ссылались на то, что в посольства к варварам обычно отправляют незнатных людей, преимущественно военных, но Аттила настоял на своем. В 449 г. к нему были отправлены патриции Анатолий и Ном. Аттила из уважения к их сану выехал встречать их к самой границе, «чтобы не подвергать их трудам дальнейшего странствования». Сначала он говорил с ними надменно, но потом смягчился и заключил выгодный для Константинополя договор. На прощание он дал им богатые подарки — лошадей и меха. Так, сносясь с Империей, варвары постепенно усваивали римские понятия и обычаи в посольском деле.

Одоакр и Теодорих

В 476 г. Западная Римская империя прекратила свое существование. Вождь германо-варварской дружины Одоакр низложил последнего императора Западной Римской империи Ромула Августула. Первым же актом завладевшего Италией Одоакра

было установление дипломатических отношений с Восточной Римской (Византийской) империей. Он отправил в Константинополь знаки императорского достоинства — диадему и пурпурное одеяние, в знак того, что на Западе больше не будет особого императора. Себе Одоакр испрашивал разрешение носить титул патриция и править Италией. Император Востока (Зенон) повел против Одоакра сложную интригу. Он направил на завоевание Италии вождя остготов Теодориха, который угрожал перед тем Константинополю. Этим отводилась опасность от Империи, и натравливались друг на друга два беспокойных соседа-варвара. Теодорих, долго живший в Константинополе, показал, что он неплохо усвоил принципы византийской дипломатии. Не добившись решительной победы, он предложил Одоакру разделить господство над Италией и на пиру собственноручно его убил. Коварство и измена отдали Италию в руки остготов.

Хорошо известна приверженность Теодориха к римским политическим формам. Этот варвар, не умевший даже подписать свое имя, окружил себя римскими учеными и государственными людьми, поручил всю администрацию и посольское дело римлянам. Международное положение Остготского королевства было сложно. Византийские императоры с опасением смотрели на нового сильного соседа. Отобрание остготами у римских землевладельцев трети земель вызвало крайнее недовольство римской аристократии, которая смотрела на византийского императора, как на свою защиту, и нетерпеливо призывала его к интервенции. Хотя Теодорих-арианин и терпимо относился к католичеству, духовенство готово было поддержать византийскую интервенцию, которая должна была восстановить господство католической церкви. Это осложняло отношения остготов с Востоком.

Остготскому государству пришлось вести сложную дипломатическую игру и на Западе, среди варварских государств. Здесь одним из средств умиротворения опасных соседей была политика брачных союзов. Одна из дочерей Теодориха была выдана замуж за короля бургундов, другая—за короля вестготов, сестра — за короля вандалов, сам Теодорих женился на сестре короля франков. Руководителем политики Теодориха был знаменитый Кассиодор, продолжавший традиции римской дипломатии. Кассиодор придавал дипломатии огромное значение. «Дело посла, — пишет он, — великое искусство». Послов надо выбирать осторожно. «Поскольку каждое посольство требует мудрого человека, которому можно было бы доверить дела провинции и государства, надо выбирать для этого самого умного, способного спорить с наиболее хитрыми и говорить в собрании мудрых так, чтобы множество искусных людей не могло взять над ним верх в поручаемом ему

деле». Послами отправляли самых знатных людей, чтобы оказать честь чужим государям и в то же время повысить авторитет посольства. Через остготские посольства римские обычаи прививались и у западных варваров. При франкском и вестготском дворах устанавливается константинопольский этикет. Варварские короли начинают требовать от послов земных поклонов, какие отдавались императорам. Правда, в сношениях с западными варварами приходилось иногда прибегать к своеобразным мерам, чтобы обеспечить себе успех. Так, к Хлодвигу вместе с двумя послами Теодорих отправил певца и музыканта, чтобы музыкой смягчить свирепый дух франкского завоевателя. Посольство это увенчалось полным успехом.

У варваров все более укореняется представление о неприкосновенности послов. Дополнение к «Салической Правде» устанавливает за убийство посла огромный вергельд (выкуп) в 1 800 солидов (убийство простого франка выкупалось вергельдом в 200 солидов, убийство королевского дружинника — вергельдом в 600 солидов). Подобные же постановления встречаются в алеманской, саксонской, фризской «Правдах». «Правды» устанавливают право послов на даровое помещение и питание в пути и налагают штрафы на тех, кто откажет им в этом.

2. ВИЗАНТИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Дипломатия Юстиниана (527—565 гг.)

Образцом для варварских королевств была дипломатическая служба в Восточной Римской (Византийской) империи. Сохранив старые римские традиции, все более изощряясь в новой, сложной и опасной обстановке, когда чаще приходилось полагаться на хитрость и интригу, византийская дипломатия оказала огромное влияние на всю дипломатию средневековья. Ее обычаи и приемы были усвоены ее ближайшей западной соседкой Венецией и через нее перешли в практику итальянских государств и в дипломатию западноевропейских монархий нового времени. Как принципы, так и внешние приемы византийской дипломатии заслуживают поэтому более внимательного рассмотрения. Всего ярче они выразились в деятельности одного из замечательнейших дипломатов того времени — императора Юстиниана. В дальнейшем византийская дипломатия верно следовала его примеру, лишь становясь все изощренней и изворотливей по мере ослабления политической мощи государства и роста окружающих его опасностей. Может быть, в дипломатию Юстиниана, правившего Империей из своего рабочего кабинета, вносила струю некоторой живости и гибкости Феодора, в юности — актриса, потом всесильная супруга величайшего из византийских им-

ператоров. Ее влияние на внешнюю политику Юстиниана бесспорно. Она писала царю Ирана Хосрову: «Император ничего не предпринимает, не посоветовавшись со мной». Иноземные посольства направлялись не только к Юстиниану, но и к Феодоре, а иногда раньше к Феодоре, чем к Юстиниану. Это влияние «гинекея», женской половины дворца, чрезвычайно характерно и для позднейшей истории византийской дипломатии.

Восточная Римская империя достигла в царствование Юстиниана наивысшего внешнего могущества. Ее дипломатические связи охватывали огромное пространство от Китая и Индии до Атлантического океана, от Внутренней Африки до причерноморских степей. Юстиниан умело комбинировал искусную дипломатическую игру с меткими военными ударами, которые расширили пределы Империи далеко на запад.

Византия со всех сторон была окружена беспокойными, находившимися в постоянных передвижениях племенами, к которым она применяла общее название «варваров». Византийцы тщательно собирали и записывали сведения о варварских племенах. Они хотели иметь точную информацию о нравах «варваров», об их военных силах, о торговых сношениях, об отношениях между ними, о междоусобиях, о влиятельных людях и возможности их подкупа. На основании этих тщательно собранных сведений строилась византийская дипломатия, или «наука об управлении варварами».

Главной задачей византийской дипломатии было заставить варваров служить Империи, вместо того чтобы угрожать ей. Наиболее простым способом был наем их в качестве военной силы. Варваров покупали, заставляя их вести войны в интересах Византии. Ежегодно Византия выплачивала пограничным племенам большие суммы. За это они должны были защищать границы Империи. Их вождям раздавали пышные византийские титулы, знаки отличия, золотые или серебряные диадемы, мантии, жезлы. Сам Аттила получал жалованье как «полководец Империи». Варварам давали земли, где они селились на положении вассальных союзников (федератов). Лангобарды получили земли в Норике и Паннонии, герулы — в Дакии, гунны — во Фракии, авары — на Саве. Так одни варвары служили оплотом Империи против других. Варварских князей старались покрепче привязать к византийскому двору. За них выдавали девушек из знатных византийских фамилий. В то же время в Константинополе зорко следили за раздорами, обычными в княжеских родах варваров. Неудачным претендентам, изгнанным князьям давали приют и держали их про запас, на всякий случай, чтобы выставить своего кандидата на освободившийся престол или выдвинуть опасного соперника против взнавшегося варварского князя.

Эти «мирные средства» были, однако, ненадежны. Варвары, получавшие от Византии деньги, требовали все больше и больше, как Аттила, и угрожали перейти на сторону врагов Империи. Важно было не давать им усиливаться, уметь натравливать их друг на друга, ослаблять их взаимными усобицами. Старое римское правило «divide et impera» («разделяй и властвуй») нашло самое широкое применение в византийской политике. Умение играть соседями, как шахматными фигурами, отличало дипломатию Юстиниана. Юстиниан возвел это натравливание в целую систему. Против болгар он подымал гуннов, против гуннов — аваров. Вандалов он одолел при помощи остготов, а остготов при содействии франков. Военное вмешательство во внутренние дела других государств было одним из средств политики Юстиниана. Всего ярче эта политика выразилась в войнах Юстиниана с вандалами и остготами. В Африке и Италии Юстиниан использовал недовольство римских землевладельцев, вызванное захватом их земель варварами, и возмущение духовенства господством варваров-ариан. Его войны слиты с социальной борьбой в этих странах. Римские землевладельцы и духовенство поддерживали Юстиниана. Папа Вигилий умолял его довести до конца неудачно начатую интервенцию в Италии. Остготские короли отчаянно защищались, поддерживаемые рабами и колонами, положение которых было облегчено варварами. Победа Юстиниана обозначала реставрацию рабовладельческой империи. Юстиниан вернул римским крупным землевладельцам и церкви отобранные у них земли, отнял у рабов и колонов все облегчения, добытые ими при готских королях. Вандальские и готские войны Византии были интервенцией, направленной против революции рабов и колонов.

Если сильного врага нельзя было ни купить, ни одолеть своим или чужим оружием, Юстиниан прибегал к его политическому и экономическому окружению. Самым опасным соперником Византии было иранское государство Сасанидов, особенно усилившееся при Хосрове I. Военные действия против Ирана были неудачны. Юстиниан подымает против Хосрова всех его соседей. Против Ирана были брошены сабирские гунны, северные его соседи, кочевники Сирийской пустыни, угрожавшие ему с юга, бедуины Неджда, арабы Иемена, Эфиопское царство Аксума. Юстиниан поддерживал царей Лазики, загораживавших Ирану путь к Черному морю. Чтобы избежать посредничества Ирана в торговле с Индией и Китаем, Юстиниан стремился направить эту торговлю по морским путям через Красное море.

Расширение торговых связей также использовано было Византией как одно из сильнейших орудий дипломатии. Торговые города, расположенные на окраинах Империи, были

форпостами ее политического влияния. Купцы, проникавшие к отдаленным народам, приносили в Византию сведения о них. С византийскими товарами к варварам шло и византийское влияние.

За купцом следовал миссионер. Распространение христианства также было одним из важнейших дипломатических орудий византийских императоров на протяжении многих столетий. Миссионеры Юстиниана проникали в горы Кавказа, в равнины Причерноморья, в Абиссинию, в оазисы Сахары. Впоследствии христианство усиленно распространялось среди южнославянских племен. Хорошо известны те столкновения, которые имели место в Моравии между византийскими и немецкими миссионерами из-за влияния на западных славян. Распространение христианства на Руси было большой дипломатической победой Византии. Константинополь — Царьград — становится священным городом для новообращенных народов. Миссионеры были в то же время и дипломатами, трудившимися над укреплением византийского влияния. Они подлаживались к князьям, к влиятельным лицам, особенно же к влиятельным женщинам. Нередко у нехристианских варварских князей были жены христианки, которые под влиянием «духовных отцов» служили сознательными или бессознательными проводниками интересов Византии. В противоположность папскому Риму, который не допускал церковной службы на национальных языках, Византия облегчала миссионерам дело распространения христианства, разрешая службу на местных языках, переводя священное писание на языки новообращаемых народов. Евангелие было переведено на готский, гуннский, абиссинский, болгарский и другие языки. Труды эти не пропадали даром. В обращенных странах утверждалось византийское влияние. Духовенство, зависимое от Византии, играло огромную роль в варварских государствах как единственный носитель грамотности. Епископы-греки или ставленники греков заседали в княжеских советах. Школа всецело зависела от духовенства.

Посольское дело в Византии (VI—X века)

При византийском дворе всегда можно было видеть пеструю толпу посольств со всех концов Европы, Азии, Африки в разнообразных национальных костюмах, слышать все языки мира. Ведомство иностранных дел, которое находилось под управлением первого министра (Magister officiorum, впоследствии «великий логофет»), обладало огромным штатом, держало переводчиков со всех языков, выработало сложный порядок приема послов, рассчитанный на то, чтобы поразить их воображение, выставить перед ними в самом выгодном свете мощь Византии. В то же время их прием обставлялся так, чтобы не дать им возможности видеть или слышать слишком много, разузнавать слабые стороны Империи.

Послов встречали на границе. Под видом почетной стражи к ним приставляли зорких соглядатаев. Послам не позволяли брать с собой слишком большую вооруженную свиту, так как были случаи, когда такие послы захватывали врасплох какую-нибудь византийскую крепость. Иногда послов везли в Константинополь самой длинной и неудобной дорогой, уверяя, что это единственный путь. Это делалось с той целью, чтобы внушить варварам, как трудно добраться до столицы, и отбить у них охоту к попыткам ее завоевать. В дороге послы должны были получать пищу и помещение от специально назначенных для этого лиц, которым нередко должно было оказывать содействие и окрестное население. Строились и специальные дома для приема послов в пути. По прибытии послов в Константинополь им отводился особый дворец, который в сущности превращался в тюрьму, так как к послам не пускали никого и сами они не выходили без конвоя. Послам всячески мешали вступать в общение с местным населением. Прием у императора должен был поразить и ослепить послов. Лиутпранд, ездивший в Константинополь в X веке послом от короля Италии Беренгария, с восхищением варвара описывает необычайную роскошь первой аудиенции у императора. Перед троном царя стояло золотое дерево, на котором щебетали и порхали золотые птицы. По сторонам трона стояли золотые или—сомневается Лиутпранд,— может быть, золоченые львы, которые били хвостами и рычали. Когда, по этикету простершись ниц перед царем, Лиутпранд снова поднял голову, он к своему изумлению увидел, что трон с сидящим на нем царем поднялся до потолка и что на царе уже другая богатая одежда. Лиутпранд был приглашен на роскошный пир, во время которого давали представление жонглеры и акробаты. Его наивное восхищение перед всем, что ему довелось увидеть, вызвало смех у царя и придворных. Лиутпранду пришлось побывать в Константинополе еще раз в качестве посла императора Оттона I. Теперь у него было совсем другое настроение... Отчет Лиутпранда о посольстве 968 г. — один из любопытнейших документов по истории дипломатии в раннее средневековье. Целью посольства было установление дружественных отношений с Византией и закрепление их браком сына Оттона с византийской принцессой Феофано. Досаду на свою полную неудачу Лиутпранд выместил в подробных описаниях византийской столицы и ее государя, составленных в ироническом и даже карикатурном стиле. Насколько все его раньше восхищало в Константинополе, настолько теперь все в нем возбуждает насмешку. Надо сказать, что прием Лиутпранду на этот раз был оказан самый неприязненный. Его поместили в особом дворце, где держали как пленника, оставляя часто даже без воды; не позволили ему ехать ко дворцу на лошади, предложив отправиться туда

пешком; Оттона I не называли императором (василевсом), а упорно титуловали королем (рекс); германцев все время называли варварами.

Из описаний Лиутпранда видно, что византийцы, если это им было нужно, могли ошеломить иноземных послов роскошью приема, но умели также и унизить их и отравить им пребывание в Константинополе.

Обычно послов старались очаровать и обласкать, чтобы тем легче обмануть. Послов водили по Константинополю, показывали им великолепные церкви, дворцы, общественные здания. Их приглашали на праздники или даже специально устраивали праздники в их честь. Послов приглашали не только к императору, но и к императрице, а также к важнейшим вельможам. Им показывали военное могущество Константинополя, обращали внимание на толщину его стен, на неприступность его укреплений. Перед послами проводили войска, причем для большего эффекта их пропускали по нескольку раз, меняя их одежду и вооружение. Ослепленные и подавленные, послы уезжали, наконец, из Константинополя. Их провожали с трубными звуками, с распущенными знаменами. Иногда мелким князьям оказывался необычайный почет, если нужно было их покрепче привязать к Византии. Все удивлялись необычайным почестям, которые воздавались Юстинианом царям Лазики и кавказским князьям. Но император знал, что делал: они должны были не допускать иранцев к Черному морю.

При константинопольском дворе вырабатывались определенные правила посольского дела, которые воспринимались всеми державами, имевшими дела с Византией. Посол является представителем государя и может вести переговоры лишь в пределах предоставленных ему полномочий. В тех случаях, когда возникают новые обстоятельства, непредвиденные в полученном послом полномочии, он должен запросить дополнительных инструкций. За превышение полномочий послу грозило тяжелое наказание. Лишь в очень редких случаях представителям императора давалось разрешение вести переговоры на свой страх и риск. Такие широкие полномочия получали обычно победоносные полководцы Византии — Велизарий, а потом Нарсес.

Как уже сказано, послами были обычно люди высокого ранга. В Византии нередко послам специально давались высокие титулы, если они их не имели раньше. Дипломатические поручения открывали путь к самым высоким почестям.

Посол должен был представить верительную грамоту. Сохранились тексты таких грамот. Обычно они были переполнены многоречивыми, цветистыми и льстивыми формулами, сообщали имя посла и очень кратко говорили о целях посольства, ссылаясь на то, что у посла имеется соответствующая

инструкция. Верительная грамота передавалась во время первого торжественного приема; о делах шла речь уже потом, в частной аудиенции. Для ведения переговоров послы получали инструкцию, иногда письменную, иногда устную. Во всяком случае к письменной инструкции обычно прибавлялись тайно устные поручения. При этом в верительной грамоте и в инструкциях цели посольства могли излагаться совсем по-разному. Иногда посольству под видом неважных или формальных поручений — вроде поздравления нового государя со вступлением на престол — давалось задание разузнать об отношениях и настроениях при иностранном дворе.

Византийские послы при затянувшихся переговорах отправляли ко двору донесения и получали новые инструкции.

При византийском дворе выработался и особый церемониал приема послов, отчасти уже описанный выше. Во время первого, торжественного приема послы лишь передавали верительную грамоту и подарки. Подарками нередко служили произведения той страны, откуда прибыли послы,— драгоценные камни, оружие, редкие животные. Папы посылали византийскому двору мощи. Это был высокоценимый подарок. Но и послов надо было одаривать: этого требовало достоинство государя. Окончательный ответ послы получали во время последней аудиенции, не менее торжественной, чем первая. В промежутке между этими двумя аудиенциями при дворе обсуждались связанные с посольством вопросы, а послы делали визиты императрице и важнейшим сановникам в известном иерархическом порядке. Во время этих приемов, за пирами, происходило иногда и обсуждение дел.

Нередко император надолго задерживал послов в Константинополе, не давая им заключительной аудиенции. Это превращалось иногда в настоящий плен. Так, однажды император задержал у себя аварских послов, полагая, что до их возвращения авары не предпримут военных действий. Но он ошибся — авары возобновили войну. Вообще пребывание послов в Константинополе, как правило, было довольно длительным. В одной из грамот к византийскому двору Карл Великий просит не задерживать его послов, а поскорее отослать их обратно.

Византийским послам предписывались определенные правила поведения в чужих странах. Посол должен был проявлять приветливость, щедрость, хвалить все, что увидит при чужом дворе, но так, чтобы это не было в укор византийским порядкам; он должен был сообразоваться с обстоятельствами, не навязывать силой того, чего можно добиться иными средствами. Ему предписывалось не вмешиваться во внутренние дела чужих государств. Последнее предписание, впрочем, не соблюдалось. Византийские послы вели тайные интриги при чужих дворах, конечно, с ведома своего правительства. Заключенный послами

договор считался действительным лишь после его ратификации императором.

Принцип неприкосновенности послов рано был усвоен всеми варварами. На этой почве возникло даже нечто вроде права убежища. Люди, находившиеся в опасности, прибегали к защите послов. Франкская принцесса, оскорбленная при лангобардском дворе, ищет защиты у франкского посла. Но если посла нельзя было убить, то не считалось зазорным посадить его в тюрьму. В таких случаях возможны были и ответные репрессии. Так, остготский король Теодат посадил в тюрьму византийских послов. В ответ на это Юстиниан арестовал находившихся в это время при его дворе остготских послов и отказывался освободить их, пока Теодат не освободит императорских послов. Неприкосновенность посла давала известную защиту его свите. К свите послов нередко присоединялись купцы, становясь под их покровительство.

Следует отметить, что в посольствах варварских королей выступают, между прочим, кое-какие черты, чуждые византийским обычаям. Среди варварской знати было мало образованных людей, способных вести самостоятельно письменную часть переговоров. Поэтому в королевских посольствах обычно участвовали духовные лица, что у византийцев бывало редко. При Каролингах установилось правило, по которому обычно отправлялись два посла — граф или герцог и с ним епископ или аббат. К посольствам присоединялись нотарии, чиновники королевской канцелярии.

Короли варваров шлют со своими послами грамоты, составленные по римским формулярам, иногда не менее искусно, чем у самих византийцев. Короли варваров старались тянуться за византийским двором и в роскоши приема послов.

3. ПАПЫ И ФРАНКСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Международное положение папства

Приемы римской дипломатии распространялись среди варварских королевств не только Византией, но и носительницей римских традиций — папской курией, которая сохранила многое из обычаев и приемов императорской канцелярии.

Влияние папской дипломатии сильнейшим образом сказывается на всем ходе политической истории средневековья. По самому своему существу папство представляло международную силу. Искусная дипломатия была политическим оружием пап не в меньшей, а часто и в большей степени, чем их духовный авторитет. И в дипломатии папство пользовалось арсеналом насилия, обмана, предательства, подлога, пресмыкательства и жестокости, как, пожалуй, никакое из светских государств.

В этом отношении папство было, несомненно, учителем весьма многих государей Европы.

Уже папа Лев I («Великий» — 440—461 гг.) приобрел необычайный авторитет в Европе своей удачной дипломатией. Ему удалось уговорить Аттилу не итти на Рим. Не совсем ясно, почему Аттила счел более удобным для себя повернуть обратно, и какими обещаниями папе удалось этого добиться. Услужливая церковная легенда представила это событие как чудо и украсила образ папы ореолом святости. Лев I выдвинул притязание на первенство римского епископа среди других христианских иерархов и с этой целью прибег к приему, который и впоследствии применялся папами не раз — именно к подлогу. В латинский перевод постановлений первого вселенского собора папой была вписана фраза: «Римская церковь всегда имела первенство».

Международное положение папства крайне осложнилось с падением Западной Римской империи и установлением в Италии власти варваров. Во времена варварских завоеваний на Западе организационное единство католической церкви было утрачено. Каждая местная церковь управлялась самостоятельно, хотя на Западе и было признано в теории первенство римского епископа. Господство в Италии остготских королей-ариан, при всей их терпимости, не могло не подрывать авторитета пап. Как сказано, папы возлагали надежды на византийского императора и взывали к его интервенции в дела Италии. Уже с середины V века ввиду упадка императорской власти на Западе папы тесно связываются с Константинополем. Они держали при константинопольском дворе постоянных резидентов, так называемых апокрисиариев. Помимо чисто церковных дел, апокрисиариям поручалось наблюдение и за политическими настроениями при дворе византийских императоров. Апокрисиарии пользовались некоторыми личными преимуществами, имели право вести переговоры непосредственно с императорами, жили в особом помещении в императорском дворце. В апокрисиариях не без основания видят наиболее ранний прецедент постоянного дипломатического представительства папы при иностранных дворах. От апокрисиариев, постоянных резидентов при константинопольском дворе, надо отличать легатов, папских послов, которым давались специальные поручения как церковного, так и политического характера.

После захвата Италии Юстинианом и завоевания большей части Апеннинского полуострова лангобардами папы остались государями Рима, номинально подчиненными византийскому императору, но фактически почти независимыми. Папам приходится вести сложную дипломатическую игру между лангобардами и Византией. Влияние последней все

слабеет. Зато на Западе начинает играть все более крупную роль франкское государство, в котором папы видят опору против лангобардов.

Сношения пап с франкским государством

Учитывая складывающуюся во Франкском королевстве политическую обстановку, папы поддерживали связь не столько с «ленивыми королями» франков, сколько с представителями могущественного рода Арнульфингов, которые занимали должность майордомов (начальников дворцового управления) и фактически управляли всеми делами государства. В 739 г. папа отправил к майордому Карлу Мартеллу послов просить «спасти римлян от гнета лангобардов». С ними он послал Карлу ключи от гроба св. Петра. Эти ключи, освященные на гробнице апостола и будто бы обладавшие свойством исцелять больных, играли немалую роль в папской дипломатии. Папы посылали их сильным людям в знак дружбы. Карл Мартелл с почетом принял папское посольство, дал ему богатые дары, но против лангобардов выступить не решился.

Но если папы нуждались в майордомах, то и майордомы нуждались в папах. Сын Карла Мартелла Пипин Короткий хотел присвоить себе и своей династии королевский титул и для этого рассчитывал опереться на папский авторитет. В 751 г. в Рим было отправлено посольство. К папе обратились с вопросом «о королях, которые были в то время у франков и носили титул королей, не имея королевской власти». Папа Захарий будто бы ответил: «Лучше пусть называется королем тот, кто имеет власть, чем тот, который ее лишился». Летописец, отражающий церковную точку зрения, прибавляет: «... и тогда силой своей апостольской власти он повелел, чтобы Пипин был возведен на царство». Последнее представляет явную выдумку. Но во всяком случае папа постарался извлечь все выгоды из благоприятно сложившейся обстановки. Он оказал важную услугу Пипину, который вслед за этим стал королем франков. К тому же папе понадобилась — и очень скоро — помощь Пипина.

Лангобарды возобновили нападения на Рим. Новый папа Стефан II лично отправился просить помощи у франкского короля. Ему была устроена необычайно торжественная встреча. Пипин послал своего сына Карла (будущего императора) за 100 миль вперед навстречу папе. Сам король со своей семьей выехал встретить его, сошел перед ним с коня и на снегу преклонил колени, потом пешком пошел рядом с папой, ведя его лошадь под уздцы. С пением гимнов папский кортеж вошел в королевскую виллу Понтион. Здесь папа бросился перед Пипином на колени и умолял его «защитить дело святого Петра и Римской республики». Пипин обещал папе сделать все, что в его силах. В награду папа в торжественной церемонии пома-

зал Пипина на царство и дал ему и его сыновьям титул «римских патрициев». Так был упрочен союз «алтаря и трона». С сильным франкским эскортом папа вернулся в Рим. Вскоре после этого франкские войска вторглись в Италию и разбили лангобардов. В договоре, подписанном в октябре 754 г., лангобардский король обязался не только оставить в покое Рим, но и отдать папе города, бывшие ранее византийскими владениями и захваченные лангобардами, — Равенну, Римини, Урбино и др. Понадобилась, однако, еще одна военная экспедиция, чтобы заставить лангобардского короля выполнить свое обязательство. Теперь Пипин составил дарственный акт, которым все эти области передавались на вечные времена «Римской церкви, святому Петру и первосвященникам римским, его преемникам». Так создалась Папская область, светское государство пап. Византийскому императору пришлось примириться с тем, что его владения в Италии (которые, впрочем, зависели от него скорее номинально) перешли под власть папы.

Зато папа теперь оказывается в фактической зависимости от короля франков, который подарил ему эти владения. Но папа не хочет этого признать формально. Появляется документ, который должен доказать, что папа получил лишь то, на что он имеет давнее и неотъемлемое право. В ход пускается самая знаменитая в истории фальшивка — «Константинов дар»,— сыгравшая крупную роль в папской дипломатии последующих столетий.

В этом грубо и аляповато составленном документе рассказывается история о том, как чудесно исцеленный от проказы император Константин отдал папе императорскую власть над всем Западом, а сам удалился из Рима на Восток, в Константинополь.

Дипломатия Карла Великого

Между франкским королем и папой устанавливается тесная связь, выражающаяся в постоянных посольствах, которыми они обмениваются, а также в совместных их посольствах к византийскому и другим дворам. Во всех этих посольствах папские послы играли подчиненную роль. Папы были не совсем свободны в своих внешних сношениях и были принуждены спрашивать советов у франкских государей. Особенно усиливается зависимость папы от франкского короля при Карле Великом, когда, после подчинения королевства лангобардов, владения франков вплотную подошли к папским. Но папы, фактически подчиняясь франкским королям, все же стремятся сохранить видимость духовного верховенства, дающего им право раздавать государям короны. В этом отношении большой интерес представляет история принятия Карлом Великим императорского титула.

Это — запутанная история, толкование которой вызвало немало разногласий в исторической литературе. Мысль о принятии императорского титула, как о средстве увеличить свой международный авторитет и свою власть над подданными, повидимому, уже давно зрела у Карла. Папы его поощряли в этом направлении, стремясь возвысить своего нового сюзерена за счет старого. Карла называли «новым Константином». Папа постарался сделать так, чтобы инициатива коронации исходила от него. Воспользовавшись пребыванием Карла в Риме, папа выбрал день, когда король был на богослужении в храме св. Петра, и внезапно надел на него корону, причем был пропет гимн, в котором Карл восхвалялся как император. Карл был недоволен тем, как все это было сделано, но титул принял. Во всяком случае папа сделал весьма ловкий дипломатический шаг. «Разве императорская корона не была пожалована папой, и разве тот, кто жалует, не выше того, кто получает?» Этот аргумент выдвигался потом много раз в борьбе папства со светской властью.

Империя Карла Великого стала крупнейшей силой в Европе, где с ней могла померяться только Византийская империя. Отношения с Византией занимали теперь важнейшее место в дипломатии Карла. Сначала у Карла были грандиозные планы объединения Западной и Восточной империй путем женитьбы на византийской императрице Ирине. Но низложение Ирины разрушило этот план. Новый император Никифор не признал за Карлом императорского титула, и между Франкской империей и Византией на ряд лет прекратились дипломатические отношения. В то время как Византии приходилось с трудом отбиваться от арабов, болгар, аваров и влияние ее слабело, авторитет Западной империи сильно возрос. Карл получил ряд важных привилегий на Востоке. «Святые места» в Палестине, бывшие раньше под покровительством византийского императора, перешли под опеку Карла. В год его коронации иерусалимский патриарх в специальном посольстве послал ему ключи от «гроба господня» вместе с ключами и знаменами Иерусалима.

К Карлу в Аахен стекались послы из Дании, из Англии и других стран. К нему слали почетные посольства Альфонс II, король Астурии, шотландские короли. Все они искали дружбы и союза с императором Запада.

4. ДИПЛОМАТИЯ АРАБОВ

Франкские историки рассказывают о посольствах, которыми обменивались Карл Великий и багдадский халиф Харун-ар-Рашид, и о подарках, которые они посылали друг другу. С арабами франки были знакомы уже давно. В течение столе-

тия, начиная с 30-х годов VII века, создавалась огромная держава арабов. Она превышала размерами Римскую империю времен ее расцвета, охватывая области от Пиренейского полуострова до Западной Индии и от Кавказа и Средней Азии до Иемена и пустынь Африки. Арабская торговля и арабская монета проникали в самые отдаленные углы Старого Света. Дипломатические связи Арабского халифата простирались от Китая до крайнего запада. Дамаск, великолепная резиденция Омейядов, был одной из величайших столиц мира. В своей культуре, в методах управления, а также в приемах внешних сношений государство Омейядов находилось под сильным влиянием традиций Византии и отчасти сасанидского Ирана.

Огромный халифат Омейядов скоро распался. Первое место среди арабских держав занял Багдадский халифат Аббасидов. При дворе Аббасидов преобладали иранские традиции. В сложной системе деспотического и бюрократического управления аббасидского халифата руководство внешними делами занимало одно из важнейших мест. Среди семи отраслей управления, или «диванов», находившихся в ведении великого визиря, виднейшую роль играл «диван-ар-рисалет» — министерство иностранных дел. В нем выработались определенные формы делопроизводства и церемониала. Несколько более поздние источники — политические трактаты и мемуары XI века — могут быть использованы для характеристики приемов аббасидской дипломатии, поскольку ее традиции были чрезвычайно живучи на Востоке. В мемуарах Абу-л-фазля Бей-Хаки, близко стоявшего к посольскому делу, содержится следующее описание посольства. В качестве послов отправляются два лица — одно принадлежит к числу придворной знати, другое выбирается из ученых мулл. Им даются два письма. Одно из них адресовано на имя государя, к которому отправляется посольство. Письмо начинается цитатой из корана, перечисляет титулы обоих государей, рекомендует послов и указывает пределы их полномочий. Характерна заключительная просьба не задерживать послов и поскорее отправить их обратно. Другое письмо адресовано первому послу и начинается словами: «О, наш брат и наш доверенный!» В нем содержатся инструкции. Посол должен передать приветствие и подарки, вести переговоры относительно договора, причем ему, повидимому, вручался уже готовый текст этого документа, в котором ничего нельзя было изменить. В случае несогласия иностранного государя подписать договор посол уполномочен был вести дальнейшие переговоры, причем он должен был информировать своего государя о их ходе и в случае надобности испрашивать новые инструкции. Если договор будет заключен, посол должен потребовать клятвенного его скрепления иностранным государем, его сыновьями и приближенными. Важное место

среди поручений, которые давались послу, занимала раздача подарков. Часть подарков раздавалась по прибытии посла к иностранному двору, другая часть — лишь в том случае, если его миссия заканчивалась успехом. Послу вручался список подарков, среди которых особенно часто фигурировали драгоценные ткани и сосуды. Особый штат чиновников ведал выдачей и перевозкой подарков.

В другом источнике XI века — в трактате Сиасет-Намэ Низам-уль-Мулька — есть главы, специально посвященные посольскому делу. Трактат требует, чтобы по прибытии послов на границу немедленно отправлялись гонцы с извещением, сколько их и сколько с ними людей. Их должны проводить и в дороге давать им кров и продовольствие. Послов не следует оскорблять даже в том случае, если они — представители враждебной державы, ибо в коране сказано: «На посланнике только одна обязанность — верная передача».

Низам-уль-Мульк отмечает, что государи, отправляя послов друг к другу, преследуют не только явные, но и тайные цели. «Они хотят знать, каково положение дорог, проходов, рек, рвов, питьевых вод, может ли пройти войско или нет, где имеется фураж, где его нет, кто из чинов в том или другом месте, каково войско того царя и каково его снаряжение и численность, каковы его [царя] угощения и собрания, каковы распорядки чина, сидения и вставания, игры в мяч, охоты, каков нрав, жизнь его, благотворительность, око и ухо, повадка и поступок, пожалования, неправосудие и правосудие. Стар ли он или молод, учен или невежествен? Разрушаются или процветают его владения? Его войско — довольно или нет? Народ его — богат или беден? Бдителен ли он в делах или беспечен? Визирь его — достоин ли или нет, религиозен ли, добродетельного ли жития? Являются ли его главнокомандующие опытными и искушенными в делах людьми или нет? Его приближенные — учены, даровиты или нет? Что они ненавидят и что любят? Во время питья вина царь общителен и весел или нет? Участлив ли он или безучастен? Склоняется более к серьезному или веселому? Предпочитает более находиться среди воинов или женщин?»

Из всего этого можно видеть, что традиции византийской дипломатии и очень близкой к ней по приемам дипломатии сасанидского Ирана расцвели на Востоке пышным цветом. Через многочисленные связи, которые установились между западными странами и Кордовским халифатом, через столкновения и переговоры во время крестовых походов восточные влияния проникали и на отсталый и менее культурный Запад. Но рассказы франкских историков о сношениях Карла Великого с Харун-ар-Рашидом надо, повидимому, причислить к легендам. Восточные историки, отмечая множество посольств

Аббасидов в разные страны, ничего не упоминают о посольствах к Карлу Великому и даже не знают об этом государе. Но с Востока во франкское государство нередко приезжали купцы, особенно евреи, и привозили с собой редкие товары. Однажды был привезен слон, вызвавший столь большую сенсацию, что франкские летописи отметили год его смерти. Возможно, что эти посещения восточных купцов и дали повод к легенде о посольствах халифа.

5. ДИПЛОМАТИЯ КИЕВСКОЙ РУСИ

Международные отношения Киевской Руси IX—X веков

В IX веке в Приднепровье и примыкающих к нему областях сложилось могущественное славянское государство Русь, которое мы называем Киевским государством, или, употребляя терминологию Маркса, «державой Рюриковичей». Маркс считал характерным для державы Рюриковичей наличие «вассальной зависимости без ленов и ленов, состоявших исключительно из дани» [1]. Отсюда постоянное стремление киевских князей все шире и шире распространять свои владения во всех направлениях. Отсюда же, по выражению Маркса, «быстрый процесс роста» державы Рюриковичей, отсюда, наконец, и «примитивная организация завоеваний» [2]. Славянские и другие племена Восточной Европы облагались данью. В более далекие страны — на Волгу, на побережье Каспия, в Черноморье, в пределы Византии — производились сокрушительные походы, которые сопровождались захватом добычи и пленников. В результате таких войн и завоеваний уже к концу IX века держава Рюриковичей достигла такой силы и могущества, что соседние народы не могли не считаться с ней. «Перед нами развертывают старинные карты Руси, — говорит Маркс, — которые обнаруживают, что эта страна некогда обладала в Европе даже бо́льшими размерами нежели те, какими она может похвалиться ныне. Ее непрерывное возрастание с IX по XI столетия отмечается с тревогой» [3].

В указанных условиях Киевское государство очень рано должно было войти в сложные международные отношения. Самое географическое его положение на великих речных путях, соединявших Балтийское море Днепром с Черным морем и Волгой с Каспийским морем, определило связи Киевской Руси: на юге с Византией, на востоке с Хазарским каганатом, на севере со Скандинавией. С последней киевских князей связывали давнишние династические отношения. Оттуда черпали

[1] *K. Marx*, Secret diplomatic history of the XVIII century, London 1899, p. 76.
[2] Ibidem.
[3] Ibidem.

они наемные военные силы, оттуда шел «непрерывный приток варяжских искателей приключений, жадных до славы и грабежа» [1]. Через Хазарию шла торговая дорога в страны Средней Азии, куда руссы сплавляли пушнину и рабов. Одно время хазарские каганы пытались даже оспаривать у киевских князей сбор дани с населения Приднепровья.

Но самое сильное и глубокое влияние на историю восточного славянства оказало соседство с Византией.

Русь и Византия

Для Киевской Руси Византия служила рынком, куда князья и их дружинники сбывали меха и рабов, и откуда они получали тканные золотом материи и другие предметы роскоши. В Царьграде «языческая Русь» знакомилась с великолепием христианской культуры. Богатства и роскошь Царьграда служили постоянной приманкой для завоевателей. «Те же магические чары», говоря словами Маркса, которые влекли других северных варваров к «Западному Риму», привлекали и руссов к «Риму Востока» [2]. Ряд опустошительных походов Руси на черноморские владения византийских императоров и на самый Константинополь тянется от IX до середины XI века.

Византия очень рано стала стремиться втянуть могущественную Русь в свою политическую систему и тем самым, во-первых, ослабить опасность, грозившую Империи с ее стороны, а во-вторых — использовать «великий народ» руссов в собственных интересах. В основе восточноевропейской политики Константинополя лежало стремление путем натравливания одних народов на другие отвлекать их от нападений на Империю. Император Константин Багрянородный, современник киевского князя Игоря, в сочинении «Об управлении государством» рекомендовал своему сыну для удержания Руси от походов на Константинополь натравливать на нее соседей-кочевников печенегов. «Печенеги, — писал он, — связанные дружбою с императором и побуждаемые им посредством посланий и даров, легко могут нападать на земли руссов». «Руссы не могут даже выступать в заграничные походы, если не живут в мире с печенегами, так как последние во время их отсутствия могут сами делать набеги и уничтожать и портить их имущество». С другой стороны, Игорь, по договору с Византией в 945 г., обязался не пускать в подвластный императору Крым «черных болгар», которые «пакостят стране его». Сына Игоря, знаменитого Святослава, византийские дипломаты пытались использовать для ослабления Болгарского государства на Дунае, которое представляло в то время значительную опасность для Византии. Но когда Святослав

[1] *K. Marx*, op. cit., p. 76.
[2] Ibidem.

повел в Болгарии самостоятельную политику, отнюдь не соответствовавшую видам константинопольского двора, греки напустили на Киев печенегов и заставили беспокойного русского князя временно уйти обратно к себе. При возвращении на родину из вторичного похода в Болгарию Святослав был убит печенегами по подстрекательству тех же греческих дипломатов. Это не помешало византийцам, когда против них в конце 987 г. восстал в Малой Азии честолюбивый и талантливый полководец Варда Фока, опять вступить в переписку «с царем руссов» и просить помощи у сына Святослава Владимира. Для прочности союза Владимиру была обещана рука одной из царевен императорского дома. Со своей стороны Владимир обязался креститься сам и крестить свой народ. Крещение рассматривалось византийскими политиками как косвенное признание вассальной зависимости от Империи. Эта хитроумная политика Византии в отношении Руси не увенчалась, однако, успехом. Киевские князья сумели сохранить свободу действий. Святослав, призванный императором Никифором Фокой для усмирения болгар, одержав блестящие победы над ними, проявил намерение сохранить завоеванную страну под своей непосредственной властью и даже перенес свою постоянную резиденцию в столицу Болгарии — Переяславец. Больших усилий стоило преемнику Никифора Фоки Иоанну Цимисхию заставить Святослава покинуть берега Дуная. Позднее отряд руссов, посланный Владимиром, помог константинопольскому правительству подавить восстание Варды Фоки. Но когда императоры Василий и Константин не выполнили условий договора, в частности в отношении брака с царевной, Владимир осадил принадлежавший Византии город Херсонес в Крыму и заставил императоров выполнить свои обязательства. При таких условиях ни с какими вассальными отношениями к Византии крещение Руси не могло быть связано. Так же независимо держался в отношении Византии и сын Владимира Ярослав Мудрый. В 1043 г. он расторг дружеские отношения с Византией из-за обид, причиненных русским в Константинополе, и предпринял морской поход на столицу Империи, а в 1051 г. порвал и церковную связь с константинопольским патриархом, избрав на соборе русских епископов нового митрополита — «русина» Иллариона.

Русь и Западная Европа

После крещения международные связи Киева значительно расширились и окрепли. Киевское государство вступило в сношения не только с Византией, но и с католическими странами Средней Европы как равный и полноправный член христианского общества. Владимир Святославич, по словам летописи, «жил с князьями окольными в мире — с Болеславом польским и со Стефаном венгерским и с Андрихом [Удальрихом] чешским, и

были между ними мир и любовь». Этими словами довольно точно определяется ближайшее политическое окружение Киева. К перечисленным окольным странам следует прибавить Скандинавию, связь с которой не порывалась и в XI веке.

Политические отношения скреплялись брачными союзами. Болеслав Храбрый, князь польский, сватался за дочь Владимира Предславу; его преемник Казимир был женат на другой дочери Владимира Марии Доброгневе. Младшая дочь Ярослава Анастасия была за венгерским королем Андреем, старшая, Елизавета, — за знаменитым норвежским королем Гаральдом Гардрада. Сам Ярослав был женат на дочери шведского короля Олафа — Ингигерде.

Но соседними странами не ограничивался политический кругозор Киева. Ярослав пытался вовлечь Германскую империю в борьбу с общим врагом — Польшей. С этой целью он в 1043 г. направил посольство в Гослар с предложением руки русской княжны германскому императору. Шаг этот не увенчался успехом. Вскоре за тем Ярослав выдал свою дочь Анну за французского короля Генриха I.

Договоры киевских князей с греками

Международные отношения Киевского государства находили свое выражение в договорах, которые заключались киевскими князьями с соседними государствами. Сохранились три договора с греками князей Олега (911), Игоря (945) и Святослава (971), но в источниках сохранились сведения и о других договорах с Византией и с волжскими болгарами.

Договоры с греками отражают очень ярко характер «несообразной, неуклюжей и скороспелой» державы Рюриковичей, представлявшей в то время еще далеко не прочно спаянное в своих частях целое. Заключались они от имени не только «князя великого русского», но и «всех светлых и великих князей», которые были «под рукой его», т. е. вассалов, сидевших в отдельных городах, подвластных киевскому князю. В договоре 945 г. рядом с послами князя Игоря перечисляются «общие послы» от его жены Ольги, сына Святослава, двух племянников и «ото всего княжья», т. е. от 20 подручных князей (в том числе двух женщин).

Договоры имели целью прекращение неприятельских действий и установление «взаимной любви», т. е. союза между обоими государствами, «пока сияет солнце и весь мир стоит». По договору 911 г. Империя оговаривала право принимать на службу русских дружинников. Договор 945 г. определял еще более точно обоюдные военные обязательства. «Если будет просить у нас воинов князь русский, — заявлялось от имени императоров, — дадим ему, сколько ему потребно... Если же царство наше начнет просить у вас воинов на врагов наших,

тогда напишем к великому князю вашему, и пошлет он нам, сколько хотим, и оттоле уведают иные страны, какую любовь имеют греки с Русью».

Договор 945 г. с особой подробностью ограждает крымские владения Империи от нападений и притеснений со стороны Руси. Кроме того, в нем, как, впрочем, и в договоре 911 г., на Русь возлагаются известные обязательства в отношении помощи греческим ладьям во время кораблекрушений.

В связи с прекращением военных действий введены статьи о пленниках, устанавливающие размеры и условия их выкупа. Это был очень важный пункт договоров 911 и 945 гг., так как одной из целей походов Руси на Византию был захват рабов для продажи.

Договоры отражают еще очень ранние стадии международных отношений, когда подданные различных государств глядели друг на друга, как на естественных врагов, когда человек, попадавший в чужую страну, чувствовал себя во вражеском стане. Пребывание, даже временное, в этой враждебной среде требовало поэтому регламентации всех деталей, чтобы, с одной стороны, оградить чужеземца от обид, с другой — обезвредить его. Самый приезд иноземцев был обставлен всевозможными стеснительными условиями. Послы и гости (купцы) должны были предъявлять доказательства своего официального положения — в виде золотых печатей для послов и серебряных — для гостей. Только при этом условии византийское правительство брало на себя ответственность за их жизнь. Несмотря на эту предосторожность, и на послов и на гостей одинаково смотрели в Константинополе, как на врагов, способных нанести вред Византийской империи. По договору 945 г. устанавливалось, что князь русский, посылая своих людей в Константинополь, должен снабдить их особыми грамотами, в которых указывается, «что послал кораблей столько», чтобы греки знали, что они приходят «с миром». Людей, приезжавших с Руси без грамоты, византийское правительство должно задерживать и писать о них великому князю; в случае сопротивления с их стороны оно не несет ответственности и за их убийство. Послам и всем вообще «приходящим» из Руси воспрещается творить бесчинства на пути в столицу. По приезде в Константинополь они должны зарегистрироваться и жить в определенном месте, на подворье монастыря св. Мамонта, в предместье Константинополя. В город люди из Руси впускаются с военными предосторожностями: они должны входить через одни ворота партиями в 50 человек, без оружия, в сопровождении приставленного к ним «царева мужа» (императорского чиновника). Этот «царев муж» являлся как бы посредником между Русью и подданными византийских императоров и следил за торговыми сделками присланных.

Покупки приехавших подлежали контролю: каждый из них имел право вывезти ценных парчевых материй, производством которых гордились императорские мастерские, не более как на 50 золотых. Наконец, людям из Руси запрещалось задерживаться в Константинополе на зиму.

Положение приезжих руссов в Константинополе требовало определения порядка разрешения взаимных обид и исков между ними и греками. Этому вопросу посвящена бóльшая часть статей в договорах 911 и 945 гг. Следует отметить, что приезжие судились не по греческим законам, а по «закону русскому», т. е. по народно-правовым нормам, господствовавшим в Русской земле.

Указанная особенность взаимных отношений между договаривавшимися сторонами, которые не доверяли друг другу, требовала точного определения прав русских послов, а также приравниваемых к ним гостей (купцов). И те и другие пользовались во время своего пребывания в Константинополе (но не более шести месяцев) полным содержанием от византийского правительства. Послы получали «слебное», а гости «месячину» (хлеб, вино, рыбу, мясо, фрукты). Есть указание, что они имели право пользоваться бесплатно правительственными банями. На обратный путь они могли требовать продовольствие и судовые снасти — якори, канаты, паруса и все нужное. Послы и купцы приходили не только от великого князя, но и от подручных князей. Возникала необходимость установить известную иерархию между ними. Первое место предоставлялось Киеву, за ним — Чернигову и Переяславлю и т. д.

Договоры скреплялись клятвой. Руссы-язычники клялись оружием своим, приговаривая: «да не имут помощи от бога, ни от Перуна, да не ущитятся щитами своими, и да посечены будут мечами своими, от стрел и от иного оружия и да будут рабами в этой жизни и в той». Эта клятва сопровождалась всевозможными магическими обрядами: «некрещеная Русь» клала на землю щиты свои и мечи нагие, обручи и прочее оружие и произносила магическую формулу: «если мы не сохраним сказанного... да будем прокляты богом, в которого верим,— Перуном и Велесом, скотьим богом, да будем золоты, как золото, и своим оружием да будем посечены». Представители Византии по христианскому обычаю «целовали крест». Это был также своего рода магический обряд, так как предполагалось, что нарушение крестного целования должно повлечь самые ужасные кары, по крайней мере, на том свете. Среди послов Игоря было несколько христиан; они тоже присягали на кресте.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ДИПЛОМАТИЯ ПЕРИОДА ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАЗДРОБЛЕННОСТЬ НА ЗАПАДЕ

Варварские государства, возникшие на основе завоеваний, оказались непрочными. Господство натурального хозяйства, слабость экономических связей между отдельными хозяйственными районами, отсутствие экономической базы для больших политических организаций — все это неизбежно приводило к распадению крупных государственных объединений и на Западе и на Востоке. Не избегли этой судьбы и самые крупные среди них — империя Карла Великого и Киевская Русь. Завершение процесса феодализации варварских обществ, превращение землевладельцев в самостоятельных государей в своих вотчинах сопровождалось политическим распадом Европы.

Распад империи Карла Великого

Держава Карла Великого не надолго пережила своего первого императора. Приближение распада чувствуется уже в последние годы Карла. Разложение империи быстро прогрессирует в царствование Людовика Благочестивого. Людовик делит империю между сыновьями, сохраняя за собой верховную власть. Сыновья начинают войну против отца. После его смерти (840 г.) они воюют между собой. Карл Лысый и Людовик Немецкий заключили в Страсбурге договор против старшего брата Лотаря, к которому перешла императорская корона, и который хотел на деле осуществить свои императорские права. Страсбургская присяга — это первый дипломатический документ, составленный не по-латыни и не по-гречески, а по-немецки и по-французски (романски). Лотарь пошел на уступки, и в 843 г. в Вердене был заключен знаменитый договор о разделе империи между тремя братьями. Формально признавалось существование империи, или, вернее, сохранялся императорский титул, который достался старшему — Лотарю. Но земли империи были разделены на три части линиями, идущими с севера на юг. Запад — «королевство западных франков», то, что потом стало называться Францией, — получил Карл,

восток — «королевство восточных франков», которое потом стало называться Германией, — получил Людовик, Лотарю досталась часть между владениями Карла и Людовика, обширная полоса земель от устья Рейна до устья Роны, и Италия. Раздел был совершен чисто механически и очень неудачно. Особенно это относится к части Лотаря, заключавшей в себе страны богатые, плодородные и населенные, но разноязычные, с разными экономическими и политическими связями. Эта часть была легкой приманкой для соседей, и ее слишком трудно было защищать. За Верденским договором последовали новые столкновения и новые договоры.

Феодальное распыление Европы

Западная империя окончательно распалась на ряд самостоятельных государств — Францию, Германию, Италию и Бургундию, или Арелат. Но это были государства лишь по имени. В IX—XI веках на всей территории Западной Европы господствует политическая раздробленность. Феодальная иерархия, которая устанавливается в это время, бессильна объединить и организовать эту сложную дробность. Сила является в конце концов решающим моментом в установлении отношений между отдельными феодальными мирками, и очень часто сюзерен трепетал перед сильным вассалом.

При таком положении в сущности терялась всякая граница между государством и частным владением, между публичным и частным правом, между внутренними отношениями и международными. Обладая правом суда и управления, сбора налогов и чеканки монеты, располагая военной силой, каждый достаточно сильный сеньер мог чувствовать себя самостоятельным государем, мог воевать с кем хотел (даже со своим сюзереном), мог заключать с кем хотел мирные договоры и союзы. Понятие о международных отношениях запутывается еще тем, что при крайней феодальной раздробленности, при множестве мелких границ, деливших Европу, стирались рубежи между крупными государствами. Многие феодалы владели землями в разных государствах — во Франции и в Германии, в Германии и Италии — и были вассалами нескольких государей. Понятие сеньерии вытесняет понятие государства. Крупный землевладелец является государем, государство является вотчиной. Его делят, завещают, отдают в виде приданого. Путем браков создаются новые государства, иногда очень странного и пестрого состава, часто случайные и недолговечные.

Право частной войны

Право частной войны устанавливается повсеместно. В связи с этим можно говорить и о частной дипломатии. Два феодальных сеньера ведут переговоры как самостоятельные державы. Крупные сеньеры чувствуют себя вполне независимыми государями и как таковые сносятся как с иностранными, так и

со своими королями. Это одинаково относится и к светским и к духовным сеньерам. Выработались формальные приемы объявления войны и заключения мира через особых вестников, передававших поручение устно или при помощи известных символических действий. Эти вестники потом стали называться герольдами. Они носили гербы своих сеньеров, и их личность считалась неприкосновенной, как личность послов.

Тщетно стремится церковь, интересы которой особенно страдали от феодальной анархии, установить известный порядок в этом хаосе. Делаются попытки ввести некоторые правила, ограничивающие или хотя бы смягчающие право частной войны. С XI века, по инициативе церкви, издаются постановления, которые воспрещают «вторгаться в храмы, притеснять и оскорблять монархов и их спутников, хватать крестьян и крестьянок, похищать или убивать жеребят, волов, ослов, баранов, овец, свиней; пусть никто не задерживает купцов и не грабит их товаров». Нарушителям этого «божьего мира» угрожали отлучением. Пытались установить так называемое «божье перемирие», запрещая частные войны по определенным дням (с вечера среды до утра понедельника), в праздники, в течение постов. Но никакие церковные угрозы не могли обеспечить проведение в жизнь этих мероприятий.

Несмотря на все стремления королевской власти в разных странах покончить с частными войнами, они упорно продолжались в течение всего средневековья, — а с ними действовала и частная дипломатия. Раньше всего частные войны были воспрещены в Англии, где рано установилась сильная королевская власть. Но это не помешало им в новой форме вспыхнуть в XV веке — в войне Алой и Белой розы. В Испании, во Франции и особенно в Германии королевская власть, бессильная бороться с феодальными войнами, долгое время принуждена была лишь вводить их в определенные рамки и тем самым, в принципе, их узаконивать.

Золотая булла Карла IV в сущности легализировала частную войну, установив лишь правила ее объявления.

Выступление на историческую сцену городов, которое привело в конце концов к усилению централизующих тенденций в феодальной Европе, в ряде случаев лишь осложняло характерную для феодализма раздробленность власти. Города ведут самостоятельную политику, объявляют войны своим сеньерам и друг другу, вступают в переговоры, заключают союзы. Добившись политической самостоятельности, города делаются своего рода коллективными сеньерами со всеми их атрибутами вплоть до права частной войны.

Наиболее четко особенности дипломатии периода феодальной раздробленности выступают на примере русских княжеств XIII—XV веков.

2. ДИПЛОМАТИЯ НА РУСИ XII—XV ВЕКОВ

Международные отношения Киевской Руси в XI—XIII веках

Со второй половины XI века Киевское государство, «подобно другим государствам аналогичного происхождения, распадается на уделы, разделяется и подразделяется между потомками завоевателей, разрывается на части феодальными войсками, разбивается вторжением иноземных народов»[1].

С распадом Киевского государства на ряд обособленных княжеств, который начался после смерти Ярослава и завершился в XII веке, не прекратились сношения Киевской Руси с Византией и Западной Европой. «Слава великая» русских князей, если верить летописи, доходила «ко странам дальним: к грекам и к венграм и к ляхам [полякам] и к чехам и даже до Рима».

С Византией постоянная связь поддерживалась благодаря подчинению русской церкви константинопольскому патриарху. Но связи были не только церковные. У Руси и Византии был общий враг — половцы, одинаково угрожавший благосостоянию обеих стран. Если в X веке Империя натравливала печенегов против Руси, то теперь она нуждалась в союзе с русскими князьями, чтобы ослабить опасность со стороны половцев. Между византийскими императорами и русскими князьями заключались наступательно-оборонительные союзы. В 1073—1074 гг., по просьбе императора Михаила VII Дуки, русские князья во главе с Владимиром Мономахом ходили на усмирение восставшего против Византии Херсонеса. В 1160 г. император Мануил Комнин просил у киевского князя Ростислава Мстиславича помощи против венгров, «в силу заключенного между русскими и греками мира». В союзе с Мануилом Комнином были и галицкие князья Владимир Володаревич и его сын Ярослав Осмомысл. Проводником византийской политики на Руси был митрополит киевский, назначаемый патриархом из греческого духовенства и фактически являвшийся агентом константинопольского правительства в Киеве.

О тесных связях с Византией в эту эпоху свидетельствуют и брачные союзы между русскими княжескими домами и византийским императорским домом. Владимир Мономах был по матери внуком императора Константина Мономаха, от которого и принял свое греческое прозвище «единоборца». Дочь самого Владимира была замужем за Леоном, сыном императора Диогена, одна из его внучек — за царевичем из дома Комнинов.

---

[1] *Marx*, Secret diplomatic history of the XVIII century, p. 77.

Сохранялись стародавние связи и со странами Северо-Западной Европы. Владимир Мономах был женат на Гиде, дочери англо-саксонского короля Гаральда.

Особенно прочные и оживленные отношения существовали между Южной Русью и непосредственно к ней примыкавшими Польшей и Венгрией.

На общих «снемах» (съездах) с венгерским королем и польскими князьями обсуждались вопросы международной политики. В 1254 г. Даниил Романович имел снем с Болеславом польским по вопросу о помощи Венгрии. В 1262 г. на снеме с тем же Болеславом русские князья «положили ряд [уговор] между собой о земле Русской и Ляшской» и утвердили его крестным целованием. На одном из таких снемов Даниил Романович договорился с польскими князьями, чтобы во время войн «Руси не воевать челяди ляшской, ни ляхам русской челяди». Этим договаривавшиеся стороны отказались от обычая угонять в плен сельское население с неприятельской территории. Снемы сопровождались увеселениями — пирами и турнирами. Так, венгры, прибывшие на помощь к Изяславу Мстиславичу киевскому в 1150 г., устроили наездничьи потехи: «играли на фарях [конях] и на скакунах», и киевляне «дивились венграм, множеству их слуг и коням их».

Немалое политическое значение имели в эту эпоху и брачные союзы русских князей с правящими домами соседних государей. Напрасно греческое духовенство внушало русским князьям, что «недостойно зело благоверным князьям отдавать дочерей своих в страны, где служат на опресноках». Соображения политические брали верх над религиозными предписаниями. По наблюдению одного из исследователей русско-польских отношений, Линниченко, польский двор зорко следит за политическим положением в Руси и ищет браков с той княжеской линией, которая в данную минуту могущественнее. За время с 1043 г. до конца XIII века исследователь насчитывает 15 брачных союзов между русскими и польскими правящими домами. Политическое значение брачных союзов между Венгрией и Русью видно хотя бы из обручения Даниила Романовича галицкого в детстве с малолетней дочерью венгерского короля Андрея. Вступали русские князья в брачные союзы и с чешскими князьями.

Две самые могущественные политические силы средневековой Европы — Германская империя и папство — не остались вне дипломатического кругозора Киевской Руси. В 1073 г. сын Ярослава Мудрого Изяслав в борьбе с братьями искал содействия у германского императора. Его соперник и брат Святослав избежал вмешательства Германии только путем непосредственных переговоров с императором. Успех, достигнутый им, объясняется тем, что сам он был женат на сестре

одного из крупнейших германских феодалов, Бурхарда, епископа трирского, который и служил посредником в переговорах. Искал сближения с Германией и третий сын Ярослава Всеволод. Его дочь Евпраксия была замужем за маркграфом Бранденбургским и, овдовев, обвенчалась с императором Генрихом IV.

В поисках союзников для своего восстановления на киевском престоле Изяслав Ярославич послал своего сына в Рим к папе и даже признал себя данником римского престола, принес должную присягу «в верности князю апостолов» и «принял царство опять, как дар св. Петра» из рук папы Григория VII. Демарши папского престола в Польше в пользу Изяслава привели к возвращению его в Киев при содействии Болеслава Смелого.

В другом случае инициатива сближения шла от самого папского престола. В 1245 г. под влиянием паники, охватившей всю Европу перед лицом монголо-татарской опасности, папа Иннокентий IV держал собор в Лионе о положении «святой земли» (Палестины) и об отражении монголо-татар. На соборе было решено обратиться за помощью к «русскому королю», т. е. Даниилу Романовичу галицкому. Завязавшиеся сношения завершились около 1253—1254 гг. торжественным примирением католической церкви с русской, но церковная уния преследовала чисто политические цели — создание союза для борьбы с монголо-татарами. Очевидно, ту же задачу имело и папское посольство к новгородскому князю Александру Ярославичу (Невскому). Союз между папским престолом и Юго-Западной Русью был закреплен коронованием Даниила Романовича королевской короной из рук папских легатов. Международное значение этого акта само собой очевидно. Принять предложение папы убедили Даниила польские князья и вельможи, заявив ему: «возьми венец, и мы тебе на помощь против татар».

Договоры русских городов с немецкими городами

С возникновением торговых немецких городов в Прибалтике между ними и русскими городами завязались оживленные торговые сношения, заключались договоры, носившие торговый характер. Эти договоры имели задачей урегулировать условия торговых сношений русских городов с немецким купечеством.

Договоры Новгорода 1195, 1257 и 1270 гг. и Смоленска 1229 г. с немецкими городами Прибалтики еще сохраняют черты, характерные для X века. Купец, находясь в чужой стране, должен был дипломатическим путем устанавливать свои взаимоотношения с местным населением как в области гражданской, так и уголовной и политической. Поэтому и здесь уделяется много места порядку разрешения возможных столкновений и

исков. И тут в основу полагается русское право, к этому времени уже кодифицированное в «Русской Правде». По Смоленскому договору 1229 г. дела должны были решаться согласно «Смоленской Правде», которая являлась сколком с общерусской «Правды». Впрочем, ввиду трудности полного подчинения иностранцев действию русского права, новгородские договоры допускали применение жребия — своеобразного «суда божия»,— порядок, который сохранялся в Северо-Восточной Руси в отношении иностранцев еще в XVI и XVII веках. Особо оговаривалось обоюдное обязательство: купцов «в дыбу не сажать и в погреб» (тюрьму); оно гарантировало личную безопасность торговцев в чужом государстве. В условиях постоянных феодальных войн очень важно было соглашение о признании купцов, ездивших с товарами, нейтральными лицами, которым предоставляется «путь чист» через воюющие между собой земли. В случае рати воспрещалось поэтому привлекать иностранцев к военной службе (договор 1229 г.). Наконец, договором 1195 г. Новгород снимал с себя ответственность за действия в чужой стране русских неновгородского происхождения. Этот пункт договора, вызванный раздробленным состоянием Русской земли, объясняется обычаем репрессий по отношению к первым попавшимся представителям чужого народа за преступление, учиненное кем-нибудь из этого народа. Точно так же и немецкая сторона оговаривала неответственность «зимних гостей» (т. е. немецких купцов, приезжавших с зимним караваном) за действия «гостей летних» (участников летнего каравана).

Большое место в договорах с немцами занимали чисто торговые вопросы: пути, которыми должны проезжать иноземные купцы, порядок уплаты долгов, единство мер и весов, размеры торговых пошлин и т. д. Смоленский договор устанавливает свободу плавания по Западной Двине.

Междукняжеская дипломатия на Руси XII—XIII веков

При политической раздробленности Русской земли дипломатические сношения не могли ограничиться только теми или иными отношениями с соседними государствами. Особое значение приобретали дипломатические отношения между отдельными княжествами, на которые распалось Киевское государство. Урегулирование мелочных споров и взаимных претензий между мелкими государями-вотчинниками составляет главное содержание этой дипломатии. Лишь временами князья объединяются перед лицом общей опасности. Уже вскоре после смерти Ярослава установилась практика разрешения междукняжеских споров на таких же снемах (съездах), на каких разрешались международные конфликты. На снемы съезжались заинтересованные князья и в общем шатре, «сидя с братьями своими на одном ковре», совместно с наиболее доверенными дружинниками, обсуждали все очередные вопросы.

Этим путем разрешались поземельные споры. Так, на съезде в Любече в 1097 г. внуки Ярослава постановили, как правило, распределять княжества по признаку наследственного владения. На съездах решались общие военные предприятия. В 1103 г. на Долобском съезде Владимир Мономах и его двоюродный брат Святополк Изяславич, после длительных споров, в которых принимали активное участие их дружинники, сговорились об общем походе на Половецкую землю. На съездах же принимались и общеобязательные для всех союзников правовые нормы: так, на общем съезде сыновья Ярослава утвердили дополнения к «Правде» их отца.

Таким образом, на съездах устанавливались принципы общей политики, обязательной для всех князей. На Любечском съезде, который попытался разрешить споры из-за волостей, было провозглашено прекращение феодальных усобиц: «Почто губим Русскую землю, сами на себя котору делая?»— заявляли князья. «А половцы землю нашу несут розно и рады, что между нами рати. Отныне имемся по едино сердце!» Тогда же, повидимому, было принято решение, что князь, нарушивший это постановление, лишается волости (княженья), а боярин — головы.

Решения съездов, подобно международным постановлениям, скреплялись крестным целованием. Участники соглашения брали на себя обязанность силой проводить его в жизнь: «если отселе кто на кого будет, и на того будем все и крест честный!» Действительно, когда после Любечского съезда один из его участников, князь волынский Давид Игоревич, вероломно захватил и ослепил галицкого князя Василька, то прочие князья, участвовавшие на съезде, во главе с Владимиром Мономахом, выступили против него и его соумышленника князя киевского Святополка Изяславича. Со Святополком они вскоре помирились, потребовав, чтобы он принял участие в карательной экспедиции против Давида, а самого Давида заставили явиться на новый снем. Здесь было решено отнять у него Владимир-Волынский, «затем, что ты вверг нож в нас, чего не бывало в Русской земле!»

Наряду со снемами в силе были и соглашения между отдельными князьями. Характерно, что и в таких случаях к дипломатическим переговорам привлекались третьи лица — союзные князья и их дружинники. Иногда посредниками выступали женщины из княжеской семьи. Так, в 1097 г. мачеха Владимира Мономаха, вдова его отца Всеволода, по просьбе киевлян, примирила своего пасынка с киевским князем Святополком. Владимир «преклонился на мольбу княгини, потому что чтил ее, как мать, отца ради своего».

Очень крупную роль играли при переговорах церковные феодалы — епископы и настоятели монастырей. В переговорах меж-

ду Владимиром Мономахом и киевлянами, кроме его мачехи, принимал участие и митрополит, и это тоже оказало влияние на его решение, потому что он «и митрополита также чтил, сан святительский, и не преслушал мольбы его». Епископы постоянно выступали в качестве послов. Среди них были выдающиеся дипломаты. Такие черты наблюдаются, например, у черниговского епископа Порфирия, который в 1187 г. был посредником между рязанскими князьями и владимирским великим князем Всеволодом Большое Гнездо, «милость прося у него, дабы умирить его с рязанцами». При содействии обманутого им владимирского епископа Луки это ему удалось, и он сам, по просьбе Всеволода, поехал с его дружинниками в Рязань «с миром». Но в Рязани он повел свою линию, «утаився от Всеволодовых дружинников», так как его симпатии лежали всецело на стороне Рязани, которая входила в состав его епархии. Он действовал, по словам владимиро-суздальского летописца, «не по-святительски, но как переветник и лжец» и «инако изворотил речь», т. е. проявил те свойства, которые в последующие века долгое время считались основными качествами настоящего дипломата. Договоры между князьями нередко заключались непосредственно в присутствии епископов или в стенах почитаемых монастырей. Все это открывало широкую возможность духовенству вмешиваться в международную политику. Характерен случай, имевший место в 1127 г., когда игумен одного из киевских монастырей, Григорий, при поддержке созванного им церковного собора, понудил киевского князя Мстислава Владимировича нарушить договор с черниговским князем, заявив: «на мне пусть будет грех, если преступишь крестное целование». Мстислав «сотворил волю» духовенства и, по словам летописца, раскаивался в этом всю жизнь.

Посольская служба

В тех случаях, когда князья не принимали личного участия в ходе переговоров, дипломатические сношения осуществлялись посредством послов. В 1229 г. в качестве послов со стороны Смоленска ходил в немецкие города «поп», священный сан которого должен был в какой-то мере оградить его личность в чужой стране, и «умный муж из города Смоленска».

При отсутствии налаженных сношений и элементарной безопасности в пути вопрос о неприкосновенности послов был одним из наиболее важных. В Смоленском договоре 1229 г. устанавливается двойная вира (плата) за убийство посла: «послу что учинят... задвое за того взять, два платежа». Точно так же и Новгородский договор 1270 г. за убийство новгородского посла требует 20 марок серебра и столько же за немецкого посла вместо обычных 10 марок. Указанные оговорки не всегда были лишними. Как известно, когда в 1223 г. к русским

князьям, выступившим в поход против монголо-татар, пришли татарские послы, то они были перебиты. Впрочем, в данном случае между русскими и монголо-татарами было состояние войны, что могло оправдать в глазах русских князей поступок, нарушавший основной закон международного права. Еще чаще послы подвергались насильственному задержанию. В 1142 г., например, послы новгородские были задержаны в Южной Руси, потому что не сговорились с киевским князем относительно того, кто будет князем в Новгороде. Так же поступали и владимирские великие князья. Андрей Боголюбский в 1167 г. «изымал», т. е. арестовал, послов новгородских и т. д.

При сношениях между русскими князьями послы пользовались содержанием и средствами передвижения (корм и провоз) за счет того князя, к которому были посланы, — обычай который, может быть, следует возводить к византийской традиции давать послам «слебное». Помимо исполнения своих прямых дипломатических обязанностей послы содействовали распространению различных сведений международного значения. При отсутствии каких-либо других способов внешнеполитической информации эта роль дипломатических представителей являлась довольно существенной. Поэтому Владимир Мономах и рекомендовал своим сыновьям оказывать честь и послу и купцу, «ибо они, ходя мимо, по всем землям прославляют человека либо добрым, либо злым».

Порядок заключения договоров

Тексты междукняжеских договоров XI—XIII веков не сохранились, но содержание их может быть в известной мере восстановлено. Это, во-первых, договоры о союзе. В договоре 1152 г. киевского князя Изяслава Мстиславича с галицким князем Владимиром Володаревичем союзнические отношения определялись в следующих выражениях: Володарь обязывался «с Изяславом быть и от него не отлучаться, ни в добре, ни в лихе, но всегда с ним быть». В других случаях дело шло о вассальных отношениях. Формула вассальной зависимости так выражена в обращении того же Владимира галицкого к Изяславу: «Кланяюсь тебе! Прими меня, как сына своего Мстислава, так и меня. Пусть ездит Мстислав подле твоего стремени с одной стороны, а с другой стороны подле твоего стремени еду я со всеми своими полками». Из отдельных пунктов договоров следует отметить обязательство выдачи смердов (крестьян) и холопов, захваченных во время войны. При методах тогдашних феодальных войн, сопровождавшихся угоном населения и скота, в неприятельской стране иногда не оставалось «ни челядина, ни скотины». Другим таким пунктом был возврат награбленного имущества.

Договоры, как международные, так и междукняжеские, утверждались, как сказано, целованием креста и обычно

заключались в форме «крестных грамот». Расторжение договора выражалось в том, что посол бросал крестные грамоты и уезжал. Естественно, что гарантия крестного целования была лишь условной, поскольку вся она держалась только на уважении к предмету культа и имела исключительно моральный характер. В 1152 г. галицкий князь Владимир Володаревич не выполнил договора, скрепленного целованием «креста св. Стефана». Когда Изяслав послал к нему одного из своих приближенных с «крестными грамотами» напомнить о его клятве, то он отвечал пренебрежительно: «сей ли крестец мал!» — «Княже, — сказал ему на это посол, — если крест мал, то сила его велика», и напомнил вольнодумцу, что он целовал не простой, а чудесный крест, и если отступит от клятвы, принесенной на этом кресте, то «не будет жив». На это Владимир хладнокровно ответил: «вы о том досыта молвили, а теперь полезь вон!»

Таким образом, одного крестного целования было недостаточно. Для большего впечатления клятву приносили на «раке», т. е. у гробницы того или иного почитаемого святого, например, у раки патронов княжеской династии «святых» Бориса и Глеба. Наконец, прибегали к требованию заложников, или «талей». Обычно выдачей заложников с обеих сторон обеспечивалось соблюдение договора половцами, которых русские всегда подозревали в коварстве. Заложниками же обеспечивался правильный ход предварительных переговоров с половцами. Так, в 1095 г. пришли половецкие ханы Итларь и Кытан для переговоров в Переяславль к Владимиру Мономаху и стали вне города. Владимир дал «в тали» своего сына Святослава, а Итларь с лучшей дружиной вошел в город. Судя по договору 1195 г., к заложничеству прибегали и при переговорах с немцами. Но бывали случаи, когда и соглашения между русскими землями скреплялись выдачей заложников. Так, в 1139 г. новгородцы, просившие у Всеволода Ольговича в князья сына, «пустили к Всеволоду детей своих в тали».

О неприкосновенности заложников говорится в договоре 1195 г., где за убийство «таля» устанавливался двойной штраф. На практике с заложниками не всегда церемонились. Когда Итларь в качестве заложника находился в Переяславле, дружина Владимира Мономаха советовала князю воспользоваться случаем и перебить итлареву дружину. Владимир колебался. «Как могу это сотворить, после того, как им поклялся?» — говорил он. «Князь, нет в том греха, — возражала дружина. — Они всегда ведь преступают клятву, а губят землю Русскую и кровь христианскую проливают беспрестанно». Ночью был подослан отряд в стан Кытана, сперва выкрали Святослава Владимировича, а потом убили Кытана и избили его дружину. На следующее утро ничего не подозревавшего

Итларя со свитой завали в избу к одному из княжеских дружинников, заперли и через разобранную крышу перестреляли всех из луков.

Международные отношения Северо-Восточной Руси в XIII—XV веках

После завоевания и опустошения Русской земли монголо-татарами международное значение русских княжеств очень пошатнулось. Юго-западные русские земли подпали постепенно под власть великих князей литовских и Польши и на долгое время утратили свою самостоятельность. Северо-Восточная Русь, отрезанная Литвою и немецкими рыцарями от общения с Западной Европой, угнетенная татарским игом, которое «не только давило, но оскорбляло и сушило душу народа, ставшего его жертвой» [1], была почти совершенно оторвана от общения с другими народами. В течение XIV и даже первой половины XV века международные отношения Северо-Восточной Руси ограничивались почти исключительно Золотой Ордой, Византией, Литвой и торговыми сношениями Новгорода с немецкой и шведской Прибалтикой.

Связь Северо-Восточной Руси с Византией поддерживалась зависимостью русской церкви от константинопольского патриарха. Отношения с Литовским великим княжеством определялись почти исключительно необходимостью обезопасить русские земли от наступления литовских феодалов. Сношения Новгорода с прибалтийскими городами, объединившимися в XIV веке в сильный Ганзейский союз, велись в тех же направлениях, какие намечались в договорах XII и XIII веков. Характерная особенность новгородских договоров XIV—XV веков заключалась в том, что хотя они и писались от имени великого князя, но фактически заключались выборными властями боярской республики, каковой был в то время Новгород, — епископом, посадником и тысяцким, иногда при участии представителей «концов» (на которые делился город) и отдельных разрядов новгородского населения.

Русско-татарские отношения в XIII—XV веках

Решающим моментом во внешней политике северо-восточных русских княжеств были в эту эпоху их отношения к Золотой Орде. Вассалы золотоордынских ханов, русские князья должны были не только платить им дань и нести другие повинности, но и подчинять всю свою внешнюю политику их воле, являясь по ханскому приказу со своими войсками к ним на помощь. Хан своим вмешательством регулировал важнейшие внешнеполитические вопросы. Так, хан Менгу-Темир (конец XIII века) обратился с указом («Менгу-Темирово слово») к великому князю владимирскому Ярославу Ярославичу о предоставлении свободного проезда немецким купцам

[1] *Marx*, Secret diplomatic history of the XVIII century, p. 78.

через территорию его княжества: «дай путь немецкому гостю на свою волость!»

Впрочем, вмешательство хана в международные отношения «Русского улуса» ограничивались теми случаями, когда эти отношения непосредственно затрагивали интересы Золотой Орды. В остальном русским князьям предоставлялась возможность действовать совершенно самостоятельно, заключать договоры и вести войны, с кем они хотели. Зато, эксплоатируя всячески Русь, ханы были крайне заинтересованы в том, чтобы не ослабевала вассальная зависимость от них русских князей, и настойчиво требовали всех внешних выражений этой зависимости. Князья утверждались в своем звании ханскими «ярлыками» (грамотами) и сажались на престол лицами, уполномоченными ханом. По первому зову они должны были беспрекословно являться в Орду, и уклонение от немедленного прихода рассматривалось как государственная измена. В Орде не только княжеские послы, но и сами князья должны были исполнять самые унизительные обряды — кланяться в землю хану, стоять перед ним на коленях. «О, злее зла честь татарская!» — восклицает летописец по поводу приезда в Орду Даниила Романовича галицкого.

Татарские послы, приезжавшие на Русь с ханской «пайцзе» (басма русских летописей), т. е. золотой или серебряной дощечкой с ханской тамгой (условным знаком) или соответствующей надписью, принимались с раболепным почетом. «Не разбирая, имеет ли ханский посол высший или низший чин, — пишет один китайский писатель XIII века, — все наперерыв ему кланяются... сажают его на высшее место; правители сами чинят коленопреклонение и оказывают всевозможное усердие». Этому порядку приема ханских послов подчинялись долгое время и русские князья. По словам Герберштейна, даже Иван III будто бы, «когда приближались татарские послы, выходил к ним навстречу за город и выслушивал их стоя, тогда как они сидели». Постоянные унижения, непрерывная опасность татарских набегов, наконец, отсутствие личной безопасности князей, жизнь и смерть которых зависела от произвола хана, способствовали выработке особых дипломатических приемов в отношении Золотой Орды. Начиная с великого князя владимирского Ярослава Всеволодовича и его знаменитого сына Александра Невского, князья в основу своей золотоордынской политики полагали старание всячески угождать хану, не давать повода для его гнева, задабривать его и его приближенных подарками и покорно исполнять все требуемые обряды. Даже Дмитрий Донской вынужден был согласиться оставить в Орде в качестве заложника собственного сына. Малокультурные татарские феодалы, уверенные в своей силе, в общем легко поддавались этой довольно элемен-

тарной дипломатии слабых и не всегда замечали, как под прикрытием подобострастия и покорности их русские вассалы в самой Орде плели политические козни и сводили собственные счеты, вовлекая самих ханов в эту игру. Русские князья успешно пользовались той феодальной раздробленностью, которая господствовала в Орде. У каждого из них были свои благожелатели среди татарских беков — вассалов хана. Щедрыми подарками хану, его советникам и женам можно было достигнуть очень многого. Политика Золотой Орды, заключавшаяся в том, чтобы не давать одному князю усиливаться за счет другого, открывала простор для широких интриг. Постепенно ханы сами стали попадать в сети искусных в деле дипломатии московских князей. Маркс прекрасно охарактеризовал суть золотоордынской политики Ивана Калиты, которая «заключалась попросту в том, чтобы, играя роль послушного орудия в руках хана, этим путем заимствовать власть у него и затем обращать эту власть против соперников-князей и против своих собственных подданных»[1]. «Иван Калита превращает хана в орудие в своих руках, посредством которого он освобождается от наиболее опасных своих соперников и одолевает препятствия, стоящие на пути его захватов». Этой политике следовали «старательно, последовательно, неуклонно, неизменно»[2] и все преемники Калиты вплоть до Ивана III.

Междукняжеские договоры XIV—XV веков

Если международные отношения Северо-Восточной Руси с XIII века, главным образом, сосредоточиваются на Золотой Орде, то отношения между мелкими «полугосударствами», на которые эта Русь разбивалась, были гораздо сложнее.

В отличие от предшествующего периода, когда междукняжеские отношения определялись обычно словесными «обетами», скрепленными клятвой, в XIV—XV веках договоры между князьями заключались в письменной форме.

Междукняжеские договоры обеспечивали в первую очередь политическую независимость каждого отдельного, даже небольшого владения. Этот принцип выражался в формуле «тобе знати своя отчина, а мне знати своя отчина». В договорах оговаривалась неприкосновенность суверенных прав каждого князя над территорией своего княжества. Князья обязывались в чужой удел не давать жалованных грамот, не всылать своих даньщиков и приставов. Запрещено было даже покупать в чужом уделе села и держать «закладчиков», т. е. зависимых людей. Особое значение имели статьи, касавшиеся княжеских вассалов, которые имели право выбирать себе любого сеньера: «а боярам и слугам меж нами вольным воля». К числу особо сложных вопросов, которые приходилось разрешать диплома-

[1] *Marx*, op. cit., p. 79.
[2] Ibid., p. 80.

тическим путем, относилась выдача беглых. Феодалы, естественно, были заинтересованы в том, чтобы не выпускать из своих рук зависимых людей, и в том, чтобы карать нарушителей феодальных порядков.

Утверждая независимость отдельных княжеств, договоры предусматривали и необходимость в известных случаях общих действий договаривавшихся князей. Это особенно касается внешней политики. Обычно дело идет о военном оборонительном и наступательном союзе. Союзническая формула гласила так: «А кто будет мне, брату твоему старейшему, друг, то и тобе друг, а кто будет мне недруг, и тобе недруг. А тобе, брату моему молодшему, без мене не доканчивати, не ссылатися ни с кем; тако же — и мне без тобе».

При феодальной раздробленности приходилось регулировать дипломатическим путем и торговые сношения между отдельными княжествами. В первую очередь необходимо было добиться единства таможенного обложения в союзных княжествах, и договоры тщательно оговаривали размеры таможенных пошлин и запрещение заводить новые «мыты» (таможенные заставы).

Процесс начавшегося государственного объединения Северо-Восточной Руси выражался на данной стадии в установлении вассальной иерархии между отдельными независимыми князьями. В договорах отношения между сеньером и вассалом выражаются в стереотипной фразе: «держати ти подо мною княжение мое великое честно и грозно, а добра ти мне хотети во всем, а мне, князю великому, тобе, брата своего, держати в братстве, без обиды во всем... А тобе, брату моему молодшему, мне служити без ослушания по згадце [договору]... а мне тобе кормити по твоей службе».

По принятому в то время обычаю место каждого князя на феодальной лестнице определялось терминами семейного права и устанавливалось тоже договорами. Так, Дмитрий Донской обязал своего двоюродного брата Владимира Андреевича серпуховского иметь его, великого князя, отцом; его сына, своего фактического двоюродного племянника, Василия, — «братом старейшим», второго, Юрия, — просто «братом», а «детей меньших» — «братьею молодшей».

Положение русских княжеств под властью золотоордынских ханов ставило перед княжеской дипломатией ряд новых задач и вопросов, которых не знала дипломатия XI—XIII веков.

Великие князья владимирские и «всея Руси» стремились сосредоточить в своих руках все сношения с Ордой и не допускать самостоятельных выступлений других князей или по крайней мере контролировать эти сношения: «Орду знати тобе, великому князю, а мне Орды не знати», — обязывался князь боровский Василий Ярославич в договоре с великим

князем Василием Темным. Наоборот, тот же Василий Темный должен был предоставить великому князю тверскому Борису Александровичу «к царю путь чист».

Наличие большого числа слабо между собой связанных или даже совершенно независимых княжеств вызывало между ними частые конфликты. Это привело к созданию особой формы третейских судов для мирного разрешения таких конфликтов. «А что учинится между нами, князьями, каково дело, — сказано в договоре Дмитрия Донского с великим князем тверским Михаилом Александровичем в 1368 г., — ино съедутся на рубеж, да меж нас поговорят, а не уговорятся, ино едут на третьего на великого князя Олега [рязанского]: на кого помолвит — виноватый перед правым поклонится, а взятое отдаст. А чьи судьи на третьего не поедут... — то правый может отнять, а то ему не в измену». В некоторых случаях «третьим» был митрополит, в других — спорящим сторонам предоставлялось право «ехать им на третий, кого себе изберут, там, ехав, перемолвятся». Порядок избрания «третьего» устанавливается в договоре великого князя Василия Дмитриевича с Федором Ольговичем рязанским. «А рати не замышлять, а третий меж нас — кто хочет, тот называет трех князей христианских, а на кого идут, тот себе изберет из трех одного». В том же договоре великий князь берет на себя функции исполнителя постановления третейского судьи по спорам между рязанскими князьями.

На таких условиях строились взаимные отношения как между князьями, принадлежавшими к одной семье, так и между великим князем владимирским и местными великими князьями. Так же слагались отношения великого князя владимирского и с другими наиболее крупными вассалами — с Великим Новгородом и митрополитом. Многочисленные крестоцеловальные грамоты, которые великие князья давали Новгороду, по существу лишь в деталях отличались от междукняжеских. В них оговаривались обязательства Новгорода к великому князю, как к сеньеру, а с другой стороны, гарантировалась неприкосновенность новгородской территории и сохранение новгородских порядков. Единственный сохранившийся договор между великим князем Василием Дмитриевичем и митрополитом Киприаном является точным сколком с аналогичных междукняжеских договоров.

В междукняжеских отношениях попрежнему большую роль играли церковные феодалы, особенно митрополиты, которые служили посредниками между отдельными княжествами. Под договорными грамотами обычно ставили свои подписи митрополиты, которые были как бы гарантами исполнения договоров. Митрополиты являлись носителями идеи объединения Руси и весь свой авторитет направляли на поддержку политики мо-

сковских великих князей. Когда в 1329 г. князь Александр Михайлович тверской, выгнанный из Твери Иваном Калитой, укрылся во Пскове, то митрополит пригрозил наложить проклятие на этот город. Это вынудило Александра покинуть Псков. «Братья мои, не буди на вас проклятья из-за меня! Еду вон из вашего города!» — заявил он псковичам.

Выдающимся дипломатом был митрополит Алексей, русский по происхождению, которого константинопольский патриарх даже обвинял в том, что он слишком много внимания уделял политике в ущерб церковным делам. Он сумел, благодаря своему такту, приобрести значительное влияние в Золотой Орде; свидетельством его дипломатических успехов в Орде являются полученные им от хана Тайдуллы ярлык и перстень. После смерти великого князя Ивана Ивановича Красного, благодаря настояниям Алексея в Орде, великокняжеское достоинство осталось за малолетним сыном умершего — Дмитрием Донским. Широко пользовался Алексей своими прерогативами как митрополит и в борьбе Москвы против сепаратистских стремлений других князей. Правой рукой его в этом деле был игумен Троицкого монастыря Сергий. Когда, например, суздальско-нижегородский князь Борис Константинович не подчинился требованиям Дмитрия Донского, в Нижний прибыл Сергий звать Бориса в Москву, а когда тот отказался ехать, затворил церкви, т. е. наложил интердикт на весь Нижний-Новгород. Другой раз Сергий ездил в Рязань для заключения мира с Олегом рязанским, и князь Олег «переменил свирепость свою на кротость».

В Новгороде вся внешняя политика фактически возглавлялась новгородским «владыкой» (епископом). Переговоры как с немцами и шведами, так и с великим князем владимирским велись при его непосредственном участии. Договоры заключались по его «благословению», и в договорных грамотах его имя со стороны Новгорода ставилось на первое место. В отношении немецких купцов во время их пребывания в Новгороде он выступал в качестве патрона и посредника при их столкновениях с новгородцами. Новгородский владыка являлся посредником и между Новгородом и великим князем. В 1397 г., когда между великим князем Василием Дмитриевичем и новгородцами произошел разрыв, архиепископ Иоанн обратился к нему с ходатайством, «чтобы ты, господин и сын, князь великий, благословение мое и слово принял и новгородское челобитие, а с Новгорода — с мужей вольных — нелюбье сложил, а принял бы их в старину». Но князь великий отказался принять условия, предложенные митрополитом, и мира «не дал». Таким образом, новгородский архиепископ выступал защитником новгородского боярства и брал на себя охрану «старины», т. е. порядков феодальной раздробленности.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ДИПЛОМАТИЯ ПЕРИОДА УКРЕПЛЕНИЯ ФЕОДАЛЬНОЙ МОНАРХИИ

1. СВЯЩЕННАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ И ПАПСТВО

Роль церкви в феодальной Европе

В феодальной анархии действовали и централизующие силы. Сами феодалы — прежде всего недостаточно сильные из них — нуждались в мощных централизованных органах классового принуждения для того, чтобы довершить порабощение крестьянства и безнаказанно усиливать его эксплоатацию. Но и другие элементы феодального общества — и прежде всего возникающие с X—XI веков города—поддерживают всякие стремления к централизации. Мелкие войны и авантюры сливаются в крупные движения, захватывающие значительные слои населения в ряде стран. По мере роста производительных сил и экономических связей, по мере развития классовой борьбы в феодальном хаосе начинают все отчетливей выступать очертания крупных политических объединений.

Образование Священной Римской империи и походы императоров в Италию; усиление папства и его борьба с Империей; крестовые походы; движение городских общин; рост королевской власти и формирование национальных государств — таковы крупные течения, которые в разнообразных столкновениях и сочетаниях постепенно изменяют лицо феодального мира на Западе.

Священная Римская империя, «восстановленная» Оттоном I в 962 г., была уродливым политическим образованием с самого своего возникновения. Не имея силы установить хотя бы какой-нибудь порядок в Германии, короли Саксонской, Франконской, Швабской династий бросались на раздробленную, политически бессильную и в то же время манившую их богатством своих городов Италию, захватывали, грабили, обирали несчастную страну. Почти каждый новый король начинал с того, что сперва смирял своих непокорных герцогов, потом обрушивался на Италию со своими варварскими бандами, которые грабили, убивали, насиловали, пока король не добирался до Рима,

где папа короновал его императорской короной. Нередко в это самое время на улицах шла резня между римским населением и чужеземными насильниками. Потом коронованный император возвращался в Германию, чтобы на награбленные в Италии деньги продолжать борьбу со своими герцогами за право обирать германский народ. Германская церковь была сообщником императора, епископы и аббаты — его верными приспешниками. За это им давались земли и власть над населением, а они предоставляли в распоряжение императора свои богатые материальные средства и свое религиозное влияние. Папство, которое переживало в X веке пору глубокого упадка и стало игрушкой в руках феодалов Римской области, теперь подчинилось германскому покровителю. Феодальная анархия особенно сказывалась на многочисленных и богатых владениях церкви. Никакие постановления и отлучения не могли служить для нее защитой от хищных соседей. Феодальная церковь была наиболее передовым хозяином того времени; другими словами, она наиболее энергично закабаляла крестьян на своих землях. Церковь нередко являлась пионером и в торговом деле. Все это делало для нее необходимым установление сильного органа классового принуждения и охраны ее интересов. Не находя достаточной поддержки у светских государей, церковь укрепляет свою собственную организацию, пытается сплотить феодальную Европу под своим управлением и господством. У ней для этого имеются готовые организационные формы, которые надо только усилить и централизовать. У ней в руках средства религиозного воздействия, у ней же бесчисленный штат исполнителей, сравнительно образованных в дико невежественной и безграмотной Европе. Надо только их дисциплинировать и подчинить единой воле.

Григорий VII и Генрих IV

С середины XI века влияние папства на Западе быстро растет. Если император Генрих III назначал пап по своему произволу и самовластно управлял папским престолом, то Генриху IV пришлось уже столкнуться в лице папства с грозной и организованной международной силой. Важнейший вопрос, по линии которого разыгрался первый этап борьбы императоров с папами (вопрос об инвеституре), был тесно связан с международной политикой пап. Папа хотел иметь в лице епископов покорных слуг папского престола. Он стремился, таким образом, внедрить свою власть в глубь феодальной империи, овладеть теми органами, которые представляли важнейшую опору императорской власти.

Укрепление папской власти во второй половине XI века многим обязано талантливой дипломатии Гильдебранда — Григория VII. Он использовал малолетство Генриха IV и феодальные смуты в Германии, чтобы, не боясь вмешательства

императора, укрепить папство в организационном отношении. Гильдебранд проводит новый порядок избрания пап коллегией кардиналов, отстраняя, таким образом, императора от влияния на папские выборы. Безбрачие духовенства должно было сделать из него покорное орудие, не отвлекаемое никакими семейными заботами. Гильдебранд заключает союз с Тосканой. Он лично едет в Южную Италию, где в это время утвердились норманны, и в Капуе заключает союз с норманским графом Ричардом. В 1059 г. граф Ричард и Роберт Гюискар, герцог Апулии, признали себя папскими вассалами. На севере Италии Гильдебранду удалось подчинить папе сильных и независимых архиепископов миланских, поддерживая против них городское движение патаренов. Значительная часть Италии была объединена под папским верховенством, чтобы противостать императору.

В 1073 г. Гильдебранд стал папой. Под наружностью этого маленького, коротконогого толстяка таились непреклонная и беспощадная воля, яростный фанатизм и гибкий дипломатический ум. Он не знал удержа в своем исступленном красноречии. Вместо «гнев господень» он говорил «ярость господня». В то же время он умел искусно разбираться в самой сложной политической обстановке, ловко маневрировать в опасной и враждебной среде. Среди принципов, изложенных им в его знаменитом «Dictatus papae», рядом с провозглашением безусловной власти папы в делах церкви встречаются и такие положения, как «Римский первосвященник имеет право низлагать императоров», «Он может освобождать подданных от присяги верности по отношению к неправедным государям». Конечно, Григорий не первый выдвинул эти принципы, но он первый сделал попытку провести их в жизнь.

Кроме силы оружия и средств дипломатии, в руках Григория и его преемников был еще и духовный меч — в виде отлучений, интердиктов, разрешения подданных от присяги. Этим оружием папы пользовались с большим искусством. Не следует, однако, приписывать слишком большое значение этим средствам церковного воздействия. Не столько небесные громы отлучений, сколько умелое использование бесчисленных политических противоречий раздробленного феодального мира, — противоречий между императорами и герцогами, между императорами и норманнами, впоследствии между императорами и итальянскими городами, Вельфами и Гогенштауфенами, Капетингами и Плантагенетами, — было наиболее успешным приемом папской политики. Папа умеет и выступить во главе коалиции итальянских политических сил против иноземного государя и призывать иностранных государей в Италию, когда это для него выгодно. У пап было громадное преимущество в виде организованности и дисциплины католической церкви и наличия

в любой стране готовых кадров пропагандистов, осведомителей и шпионов, одетых в монашескую рясу.

При Григории VII получает широкое развитие посылка папских легатов, которые становятся одним из главных органов папского управления. Они являются повсюду, во все вмешиваются, смещают епископов, выступают против государей. Папа предписывает повиноваться легатам так, как повиновались бы самому папе. Но в то же время Григорий требовал отчета от легатов и проверял все их распоряжения.

Здесь нет надобности подробно останавливаться на дипломатии папы Григория VII в его борьбе с Генрихом IV. Григорий упорно добивался права проводить церковные выборы, т. е. вмешиваться во внутренние и притом важнейшие дела Империи, преследуя симонию (продажу церковных должностей) и светскую инвеституру (возведение в епископский сан императором). Генрих IV всеми силами отстаивал эти права императора не только в Германии, но и во всей Священной Римской империи. Если Григорий присвоил папе право низводить императоров с трона, то Генрих использовал практиковавшееся уже ранее право императора низлагать пап. Генрих низлагает папу на Вормсском сейме 1076 г. и пишет ему послание, заканчивающееся энергичным «ступай вон!» Месяц спустя Григорий низлагает самого Генриха на Латеранском соборе, разрешая «всех христиан» от клятвы верности ему и запрещая «служить ему как королю».

Побеждает папа, потому что ему удалось использовать то недовольство, которое Генрих возбудил среди князей Германии. Они присоединяются к папе, и положение Генриха делается безвыходным.

История свидания в Каноссе обросла легендой. Нелегко отделить факты от вымысла. Стоял ли Генрих босой на снегу перед воротами замка, дожидаясь, пока папа соизволит его принять, или же он ожидал этого приема в более комфортабельной обстановке, от этого дело меняется мало. Каносса могла показаться решительной победой папы, и его сторонники всячески старались раздуть историю унижения германского императора, придумывая все новые подробности. Но для Генриха каносское покаяние было лишь дипломатическим шагом, давшим ему передышку и спутавшим карты папы в той борьбе, которую Генрих повел в Германии против князей и избранного ими нового короля. В 1080 г. Генрих при поддержке недовольных папой германских епископов снова низлагает Григория VII и выдвигает антипапу. Выдвижение антипап начинает играть такую же роль в императорской политике, как выдвижение антикоролей и антиимператоров в политике пап.

Со своим антипапой Генрих отправился на завоевание Рима. Григория выручили только южноитальянские норманны Роберта Гюискара. В числе войск, выручавших главу христианской церкви, были и отряды сицилийских мусульман. Генриху пришлось уйти, но норманны и арабы заодно разгромили Рим, увели много народа в рабство, и Григорию нельзя было оставаться в опустошенном его союзниками городе. Он последовал за норманнами в Салерно, где и умер (1085 г.).

Вормсский конкордат 1122 г., который отделил духовную инвеституру от светской и отдал первую папе, а вторую — императору, не прекратил столкновений между императорами и папами. Это был во всех отношениях неудачный компромисс, открывавший путь для новых конфликтов.

Крестовые походы

В конце XI века папская дипломатия сумела использовать в своих интересах начавшееся на Западе широкое движение на Восток — крестовые походы. Крестовые походы направлялись интересами весьма разнообразных групп западноевропейского феодального общества. На Восток стремилось рыцарство, которое искало новых земель для захвата, новых крепостных для эксплоатации, жаждало грабежа и добычи. На Восток были обращены взоры торговых городов, поднимавшихся в это время в Европе и особенно в Италии и стремившихся захватить в свои руки торговые пути в восточной части Средиземного моря. О переселении на Восток мечтало и крестьянство, угнетаемое феодальными господами, разоряемое беспрестанными войнами, страдавшее от непрерывных голодовок. Деклассированные элементы феодального общества рассчитывали поживиться во время больших грабительских походов. Папство увидело в крестовых походах удобный случай поднять свой авторитет, подчинить своему влиянию Восток, обогатиться за счет притекавших со всех сторон Европы обильных сборов. Поэтому папство ревностно принялось за проповедь крестовых походов. Крестовые походы стали одним из орудий воздействия пап на государей Европы, новым предлогом для вмешательства римской курии во внутреннюю жизнь европейских государств, источником новых доходов, средством для усиления папского авторитета.

Борьба пап с императорами не прекращается во время крестовых походов. Папам удается в конце концов одержать верх над императорами. Но эта победа была завоевана чужими руками. С XII века борьба пап и императоров вступает в новую фазу.

Фридрих Барбаросса

В это время поднимаются торговые города Северной Италии. Их богатство, быстро растущее со времени первых крестовых походов, было лакомой приманкой для германских императоров, в казне которых всегда

нехватало денег. На отнятые у итальянских городов сокровища они надеялись укрепить свою ненадежную власть в Германии. Начинается борьба между императорами и папами за Италию. В противовес притязаниям пап на мировое владычество императоры и ученые юристы на императорской службе выдвигают теорию мировой монархии под властью императоров.

Орудием папской дипломатии было создание коалиций против императора. Папа Александр III, которому император Фридрих I Гогенштауфен (Барбаросса) тщетно противопоставлял своих антипап, организует сопротивление большей части Италии германскому императору. Насилия, жестокости и вымогательства «рыжебородого трубадура» вызвали создание знаменитой Ломбардской лиги городов. Папа всеми силами поддерживал эту Лигу. К коалиции были привлечены Венеция и Королевство Обеих Сицилий. В 1176 г. Барбаросса был наголову разбит Ломбардской лигой при Леньяно. После этого в Венеции собрался конгресс, куда явились папа, император, уполномоченные сицилийского короля и представители итальянских городов как членов Лиги, так и сторонников императора. Император пал к ногам папы и поцеловал его туфлю. Переговоры велись семью уполномоченными императора, семью кардиналами, назначенными папой, и семью представителями ломбардских городов. Император пошел на все уступки папе, а с ломбардскими городами шли еще длительные переговоры, закончившиеся заключением Констанцского договора (1183 г.), по которому император отказался почти от всех своих притязаний.

Неудача эта была возмещена большой дипломатической победой. Фридрих женил своего сына, императора Генриха VI, на наследнице Королевства Обеих Сицилий Констанции и, таким образом, приобрел для своей династии Южную Италию и Сицилию. С варварской свирепостью, необычной даже для тех жестоких времен, Генрих VI подавил восстание своих новых подданных, не желавших его признать, и беспощадно разграбил страну. Перед императорской политикой открылись теперь новые перспективы. Сицилийское королевство было своего рода мостом между Западом и Востоком. В нем жило много арабов, мусульман и греков; оно тесно было связано с восточной торговлей. Жадные глаза свирепого грабителя, сына Барбароссы, устремляются на эту обетованную землю западных авантюристов. Уже шли приготовления к завоеванию Восточной империи, когда смерть (1197 г.) избавила Запад и Восток от Генриха, «канальи чистейшей воды», как называет его Маркс.

Иннокентий III

Через несколько месяцев на папский престол был избран Иннокентий III (1198—1216 гг.). Его правление является временем наивысшего расцвета пап-

ской власти. Иннокентий III был даровитейшим дипломатом, исключительным мастером политической интриги, сумевшим с редким искусством, настойчивостью и последовательностью использовать политическую обстановку своего времени для усиления папской власти. Обычно в папы выбирали глубоких стариков, которые долго не заживались на свете. Иннокентию было всего лишь 37 лет. Он принадлежал к именитому роду графов Сеньи, получил блестящее образование: юридическое — в Болонье, богословское — в Париже. Столь же фанатически верующий в призвание папы господствовать над миром, как Григорий VII, он отличался от последнего холодным, выдержанным характером, расчетливостью и осторожностью. Неуклонно и последовательно вел он свою политику, стремясь к установлению власти «наместника божьего»—папы — не более и не менее как над всем миром. Сначала он укрепил свою власть в Средней Италии, потом постепенно вытеснил из Италии немцев, используя ненависть населения к иноземным завоевателям. В то же время искусными маневрами он разъединил итальянские города. Он взял на себя опеку над сицилийским королем Фридрихом II, младшим сыном Генриха VI. Папа стал сюзереном ряда королей, признавших себя его вассалами. Сицилийское королевство, Швеция, Дания стали вассальными владениями папы. Португалия еще раньше (1144 г.) признала свою вассальную зависимость от папского престола и возобновила феодальную присягу при Иннокентии III. В 1204 г. вассальное подчинение папе признал арагонский король Педро, в 1207 г. — Польша. Короли Болгарии и Сербии хотели стать под покровительство Иннокентия, обещая ему соединиться с католической церковью. Вассальную зависимость от папы признала даже далекая Армения.

Иннокентий вел искусную и сложную дипломатическую игру, используя борьбу за престол между Гогенштауфенами и Вельфами для укрепления своего влияния на дела Священной Римской империи. Борьбой между Капетингами и Плантагенетами он воспользовался для подчинения Англии.

Известен конфликт Иннокентия III с Иоанном Безземельным, надолго превративший Англию в вассальное государство под сюзеренитетом папы. Папа сыграл в этом деле на крайней непопулярности Иоанна в Англии и на его неудачной борьбе с Филиппом II Августом за владения во Франции. С гордым и независимым Филиппом II, к тому же хитрым интриганом и дипломатом, который мог померяться с самим Иннокентием, последний разговаривал иногда очень повелительным тоном, но получал порой и весьма резкие ответы. В общем, однако, Иннокентий предпочитал дружить с Филиппом и использовать его как союзника.

Могучим орудием папской дипломатии было твердо проводимое Иннокентием III право римской курии решать в последней инстанции все церковные дела. Поскольку круг церковных дел был необычайно широк и расплывчат, это давало папе возможность постоянного вмешательства во внутренние дела любого государства. Это обстоятельство сыграло известную роль в развитии посольского дела в Европе. Для защиты своих интересов в папской курии правительства посылали в Рим своих представителей — «прокураторов». По мере увеличения числа дел в курии прокураторам приходилось задерживаться в Риме на длительные сроки, а иногда их должность принимала характер постоянного представительства при папском дворе. Такой характер, например, имело положение прокураторов арагонских королей в XIV веке. Донесения арагонских прокураторов своему правительству представляют один из интереснейших источников по истории этого времени.

Фридрих II Гогенштауфен

Иннокентий оставил папский престол вознесенным на небывалую высоту. Но он завещал ему также и опаснейшего врага в лице выдвинутого им самим императора Фридриха II Гогенштауфена (1212—1250 гг.), одного из умнейших и циничнейших дипломатов средневековья. Сын немецкого императора и сицилийской принцессы из дома норманских разбойников, Фридрих II вырос в Сицилии, где причудливым образом скрещивались итальянская, византийская, арабская и еврейская культуры. В сущности он был человеком без отечества и национальности. Став уже в детстве игрушкой в руках бессовестных политиков, он рано созрел и ожесточился сердцем. Безгранично честолюбивый, он верил только в силу и ум. Беспокойная и неутомимая натура толкала его на новые и новые политические затеи. Фридрих был образованнейшим человеком своего времени: он живо интересовался научными вопросами, поддерживая переписку с рядом выдающихся ученых, как христиан, так и евреев, а также мусульман. Особенно интересовался он греческими и арабскими писателями, которых читал в подлиннике. В области религии Фридрих проявлял насмешливый скептицизм, равнодушие и терпимость, хотя из политических видов и преследовал еретиков. В дипломатии его силу составляли гибкость и неразборчивость в выборе средств, знание человеческих слабостей, кипучая и стремительная энергия. Но ему часто нехватало выдержки. Излишняя порывистость иногда слишком рано открывала врагам его хитрости. Врагом Фридриха был также его острый язык, который он не всегда умел держать на привязи. Но его выручало остроумие комбинаций, спасала быстрая, находчивая смена путей политики, сбивавшая с толку его противников. Фридрих

умел быть милостивым, проявлял иногда великодушие, но в то же время способен был и к беспредельному деспотизму, к беспощадной жестокости, к вероломству и необузданной мстительности. Недаром он вызывал чувство недоверия в имевших с ним дело людях.

Фридрих II стал императором Священной Римской империи и королем Сицилии. Это было как раз то, чего больше всего боялся Иннокентий III, поставивший Фридриху условие, чтобы императорский и сицилийский скипетры не соединялись в одних руках. Фридрих без долгих размышлений согласился на это условие, а потом, также не задумавшись, его нарушил. Папские владения оказались зажатыми, как в клещах. Благоприятным для папы обстоятельством было то, что города Северной Италии зависели от императора только номинально: большинство их ненавидело императорскую власть и готово было сопротивляться всякой попытке ее усиления.

Политика Фридриха II состояла в том, чтобы укреплять свою власть и увеличивать свои доходы в богатом Сицилийском королевстве, которое он считал главным из своих владений; путем уступок духовным и светским феодалам жить в мире с Германией, используя ее военные ресурсы; принудить к повиновению североитальянские города; окружить папу со всех сторон и подчинить его себе, до поры до времени держась с ним осторожной политики.

Но в лице папы Григория IX (1227—1241 гг.) Фридрих встретил достойного противника. Папа ясно видел его планы и боролся с ними настойчиво и последовательно. Григорий выступил против Фридриха под предлогом, что тот, вопреки данному обещанию, все еще не отправился в крестовый поход, и поспешил отлучить его. Он воспретил крестовый поход под предводительством отлученного императора. Но Фридрих, по выражению Маркса, «наплевал» на это. Не обращая внимания на отлучение, он отправился в крестовый поход, ставший его личным и династическим делом ввиду его притязаний на Иерусалимское королевство. На Востоке у него были дружеские связи с египетским султаном Эль-Камилем. Фридрих заключил с ним договор о мире на 10 лет. Дипломатическим путем Фридриху удалось получить то, чего тщетно добивались крестоносцы силой оружия: ему был возвращен Иерусалим со «святыми местами». Правда, это было достигнуто ценой важных уступок — Фридрих обязался не помогать христианам в их борьбе с египетским султаном, в руках которого остались укрепленные пункты Палестины. В храме «гроба господня» Фридрих сам возложил на себя корону Иерусалимского королевства без всякого церковного обряда. В это время папа всеми средствами возбуждал против Фридриха палестинских феодалов, особенно тамплиеров; венецианцы по наущению папы напали на владения

Фридриха в Сирии. В Италии папа двинул на его земли наемные войска, в Германии он вел через доминиканцев агитацию за избрание другого императора. Но Фридрих внезапно вернулся в Италию и расстроил планы папы, который был вынужден пойти на соглашение. В 1230 г. в Ананьи произошло свидание между обоими противниками. Они помирились. Жертвой их сговора стала Германия, где в угоду папе «свободомыслящий» Фридрих предоставил свирепствовать инквизиторам-доминиканцам, которых взял под свое особое покровительство. Церковь и государство делили пополам имущество сожженных еретиков.

Мир, однако, оказался непрочным. Новые попытки Фридриха подчинить себе ломбардские города вызвали вмешательство папы. Снова началась борьба, продолжавшаяся при преемнике Григория IX—Иннокентии IV. Фридрих со своей стороны обратился ко всем государям Европы с предложением помочь ему против общего врага — папы. «Если папа одолеет римского императора, против которого направлены первые его удары,— писал он, — то ему нетрудно будет унизить остальных королей и князей. Поэтому мы просим вас помочь нам, чтобы мир знал, что при каждом нападении на светского государя страдает наша общая честь».

В разгар ожесточенной войны, охватившей Германию и Италию, Фридрих умер (1250 г.). Против его преемников папы призвали французов. Брат французского короля Людовика IX—Карл Анжуйский, при поддержке папы, захватил Южную Италию и Сицилию. Династия Гогенштауфенов погибла в этой борьбе. Гибель Гогенштауфенов была в сущности концом Священной Римской империи. Она продолжает существовать по имени до 1806 г. Остаются и ее претензии, но теперь они становятся смешными и жалкими. Походы германских императоров в Италию в XIV веке оканчиваются позорным провалом.

Папа одержал победу. Он завоевал ее чужими руками — силами итальянских городов и призванных в Италию чужестранцев. Но притязания пап на мировое господство оказались столь же призрачными, как и властолюбивые мечтания императоров. В момент окончательного торжества пап над Империей уже приближалась пора, когда самому папе придется уйти из Рима под покровительство французского короля.

Планы мировой монархии как императоров, так и пап рассыпались прахом. В итоге осталось лишь политическое распыление Германии и Италии. Не императору и не папе принадлежала решающая роль в собирании разрозненного феодального мира. Такую роль взяла на себя королевская власть, эта, по выражению Энгельса, представительница по-

рядка в беспорядке, представительница образующейся нации в противоположность раздроблению на бунтующие вассальные государства [1].

2. ДИПЛОМАТИЯ ФРАНЦИИ XII—XV ВЕКОВ

Возникновение национальных государств (Франция)

В Англии, во Франции, в Испании, в Северо-Восточной Руси постепенно укреплялась феодальная монархия, по мере роста экономических связей и, отчасти, под ударами внешних военных сил объединявшая разрозненные феодальные области. Перед монархической властью в складывающихся национальных государствах Европы стояли сложные задачи как внутренней, так и международной политики. Для разрешения этих задач феодальным монархам приходилось вырабатывать свои приемы войны и дипломатии. В противоположность мечтам о всемирном господстве папы или императора их цели были реальны и осуществимы. Усвоив многие из приемов, переданных византийской, императорской и папской традицией, они выработали свою гибкую и трезвую дипломатию, сыгравшую немалую роль в создании национальных государств нового времени.

Классической страной роста королевской власти, постепенно торжествующей над феодальной раздробленностью, явилась Франция. Короли из дома Капетингов медленно и упорно укрепляли свою власть сначала в своем небольшом домене, потом и в других областях Франции, постепенно ослабляя власть Плантагенетов на континенте. Настоящим основателем сильной монархии во Франции был Филипп II Август, отнявший у Иоанна Безземельного бóльшую часть его французских владений и присоединивший их к французской короне. При его внуке Людовике IX Франция стала одним из самых сильных и влиятельных государств в Европе.

Упрямо воинственный, крайне неосмотрительный и неумелый в заморских предприятиях во время крестовых походов, Людовик IX, однако, известен своим миролюбием в европейских делах. Споры и недоразумения с соседними государствами он предпочитал улаживать не силой оружия, а дипломатическими средствами. Так, желая положить конец притязаниям арагонских королей на некоторые французские провинции, а главное, чтобы помешать Англии найти себе союзников в их лице, Людовик путем взаимных уступок ликвидировал спорные вопросы между Францией и Арагоном. Тем же способом урегулировал он и свои взаимоотношения с Кастилией. Уступками закончил он и победоносную войну

[1] См. *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 445.

против незадачливого и недалекого Генриха III Английского, пытавшегося вернуть английской короне ее владения во Франции, утраченные при Иоанне Безземельном. При Людовике IX Франция, благодаря ослаблению Германской империи в борьбе с папством и внутренним раздорам в Англии, заняла преобладающее положение в Европе.

Сношения с монгольскими ханами

Ко времени царствования Людовика IX относятся первые попытки завязать дипломатические отношения Франции с могущественными монгольскими ханами. Наслышавшись, будто бы монголы готовы принять христианство, Людовик отправил в 1253 г. с миссионерскими целями монаха Рубруквиса к хану Менгке. Во избежание возможной неудачи миссии не придан был характер королевского посольства. Рубруквис должен был говорить, что отправился по приказанию главы своего ордена. Еще за несколько лет до того папа Иннокентий IV посылал к монголам с такой же миссией монаха Плано Карпини. Оба монаха оставили весьма ценные описания своих путешествий. Плано Карпини, ехавший через Южную Русь к Батыю, а оттуда переправленный к главному хану в Монголию, шел еще по свежим следам недавнего нашествия монголов и собственными глазами мог видеть чудовищные разрушения, произведенные ими в Киевской Руси. Когда Карпини и его спутники добрались до кочевья Батыя на левом берегу Волги, то, прежде чем допустить их ко двору хана, их заставили пройти между двух очистительных огней. Раньше чем войти в ставку Батыя, они должны были, стоя на коленях, выслушать наставление о том, чтобы, вступая в шатер, ни в коем случае не задеть порога. Войдя в шатер, они, также на коленях, произнесли речь и передали хану послание папы, прося толмачей для его перевода. Толмачи были им даны. Когда перевод был сделан, он был представлен Батыю, который, по словам Карпини, «читал и внимательно отметил его». Не принимая сам никакого решения, Батый отпустил посланцев дальше к главному хану, которому собственно и была направлена грамота Иннокентия. Через несколько недель быстрой езды Карпини добрался до ставки Гуюка, избрание которого в верховные ханы — в императоры, как выражается Карпини, — происходило как раз в это время. Карпини описывает пышный церемониал выборов, на которых присутствовало множество подвластных монголам государей, в том числе Ярослав Суздальский, вскоре умерший в ханской ставке, повидимому, от яда. Там были сыновья грузинского царя, посол багдадского халифа, в общем, по словам Карпини, более 4 тысяч послов с разнообразными богатыми дарами. Папских послов не скоро допустили к хану. Наконец, Карпини был проведен к Гуюку, с которым ему пришлось

говорить через посредника, ибо «у татарских императоров в обычае, что они никогда не говорят с иностранцем собственными устами, как бы он ни был знатен». После нескольких аудиенций Карпини было вручено ответное письмо Гуюка к папе. С ним он и вернулся в Европу.

Любопытно отметить, что Плано Карпини собрал обширную информацию об организации военного дела у монголов и способах ведения ими войны, весьма важную для европейских государств, с точки зрения подготовки к ожидавшемуся новому нашествию монголов.

Рубруквис ехал по другому маршруту, чем Карпини. Но и он добрался сперва до Батыя, отправившего его вместе со спутниками опять-таки к верховному хану, которым был в это время Менгке. После многих мытарств Рубруквис добрался до ставки хана, где провел некоторое время, изучая нравы монголов, споря с идолопоклонниками об «истинной религии», рассуждая с ханом о вере. Но остаться в Монголии для проповеди христианства Менгке ему не разрешил и отослал его обратно с грамотой, адресованной Людовику IX. Хитрый хан, отлично раскусивший, что Рубруквис с его спутниками являются не просто монахами-миссионерами, предлагал Людовику прислать к нему настоящих послов: «таким образом, мы удостоверимся, желаете ли вы иметь с нами мир или войну». Заканчивал хан свое письмо недвусмысленными угрозами, что в случае войны европейцам придется плохо.

Миссия Рубруквиса закончилась безрезультатно, однако попытки установить дипломатические отношения между Францией и монголами на этом не прекратились. В 1288 г. к внуку Людовика IX Филиппу Красивому явилось посольство от монгольского хана Аргуна, одного из потомков Чингис-хана, владевшего Ираном и рядом соседних областей. Терпя от вторжений египетских мамелюков, Аргун предлагал французскому королю военный союз для сокрушения египетско-сирийского султана и отвоевания Иерусалима в пользу христиан. Посол Аргуна Раббан-Саума отмечает в своих мемуарах, что по поводу предложения хана Филипп IV ему ответил: «Если монголы, которые ведь не христиане, готовы бороться, чтобы захватить Иерусалим, то тем более оснований вступить в борьбу нам. Коли богу будет угодно, мы двинемся с армией». Но богу, очевидно, это было неугодно, ибо, несмотря на все увещания пап и заверения Филиппа, дело дальше проектов крестового похода не пошло. У Филиппа, как замечает один исследователь, было только одно желание — под предлогом крестового похода конфисковать земли, принадлежавшие духовно-рыцарским орденам.

Филипп IV и Бонифаций VIII

Переписка с монгольскими ханами была только эпизодом в сложной дипломатической деятельности Филиппа IV, в правление которого были заложены основы всей дальнейшей французской дипломатии. Царствование Филиппа IV отмечено большим количеством переговоров, которые имели целью либо предотвращение войн, либо прекращение их, либо, наконец, территориальные приобретения. Все это содействовало развитию и усовершенствованию французской дипломатии. Дипломатия стала играть весьма важную роль, подготовляя выгодные союзы и вызывая к жизни мощные коалиции. Раньше дипломатические сношения с иностранными государствами сводились к редким и кратковременным миссиям. Переговоры велись большей частью устно. Лишь при Филиппе заведены были письменные дипломатические сношения, и посольства стали более частым явлением. Представителями дипломатических миссий попрежнему оставались капелланы и духовники короля; при составлении договора присутствовали нотариусы, формулировавшие его содержание в ясной письменной форме, свидетельствовавшие подписи и пр. Договоры составлялись обычно на латинском языке, переговоры же обыкновенно происходили на французском. Начали уточняться и принимать более устойчивый характер и внешние формы переговоров.

Дипломатическим путем были разрешены сицилийский и арагонский вопросы, которые достались в наследие Филиппу IV от его отца Филиппа III Смелого. Любопытно, что для улажения их был даже созван в 1291 г. в Тарасконе настоящий международный конгресс — вроде конгрессов нового времени, на котором присутствовали представители папы, французского, английского, неаполитанского и арагонского королей, и где обсуждались общеевропейские дела.

Далеко не так мирно протекали другие начинания Филиппа IV, царствование которого было одним из наиболее бурных в истории французской монархии.

Крупнейшим событием правления Филиппа IV, раскрывшим его дипломатические таланты и упорство в достижении поставленных целей, было столкновение короля с папой Бонифацием VIII. 76-летний Бонифаций, избранный в 1294 г. папой, был выучеником римской курии, посвященным во все важнейшие интриги папского двора, при котором он успел пройти весьма разнообразную карьеру и основательно разбогатеть. Этот надменный старик известен был своей неиссякаемой энергией и необоримым упрямством, которых не укротили и годы. Петрарка писал о нем, что он не знал «владыки более неумолимого, которого трудно сокрушить оружием, а склонить смирением или лестью невозможно». В лице Бонифация VIII папство в последний раз, перед тем

как впасть в ничтожество, обычно называемое «вавилонским пленением пап», померялось силами с окрепшей королевской властью и потерпело в этой борьбе решительное поражение.

Конфликт Филиппа с Бонифацием начался из-за чрезвычайных налогов на французское духовенство. Эти налоги взимались для целей крестового похода, но Филипп пользовался ими по своему усмотрению. Последовала грозная булла Бонифация: под угрозой отлучения она запрещала светским государям взимать какие бы то ни было чрезвычайные налоги с духовенства, а духовенству уплачивать что-либо без папского разрешения. В ответ на это Филипп прибег к решительному средству: он запретил вывоз серебра и золота из Франции, лишив тем самым римскую курию каких-либо поступлений от французского духовенства. Папа, очутившийся в это время в крайне трудном положении в Италии, вынужден был пойти на уступки. Кое-как конфликт был на время улажен, но вскоре он разгорелся с еще большей силой из-за притязаний Бонифация на верховенство папской власти. Последовала искусная кампания против папы, организованная знаменитыми легистами, ближайшими советниками Филиппа, — Флотом, Ногарэ, Дюбуа. Были пущены в ход фальшивки: вымышленные папские буллы и вымышленные же ответы на них короля. Были созваны впервые в истории Франции Генеральные штаты, которые одобрили линию поведения короля. Вслед за этим эмиссары Филиппа «с большими денежными суммами и векселями», — как замечает Маркс, — отправились в Италию; там с помощью золота и других средств против папы был составлен форменный заговор, к которому были привлечены самые могущественные враги Бонифация. Заговорщики проникли в папский дворец в Ананьи, где подвергли папу тяжким оскорблениям. Надломленный этой катастрофой, Бонифаций вскоре умер. Так была бита последняя ставка папства в борьбе с королевской властью. Правление следующего папы было кратковременным. В 1305 г. был избран папой архиепископ бордоский, «считавшийся, — как отмечает Маркс, — врагом Филиппа, но бывший с ним давно в тайном соглашении». Через несколько лет новый папа перенес свою резиденцию из Рима в Авиньон (на границе Франции). Здесь авиньонские папы вскоре подпали целиком под влияние политики французских королей, став, по выражению Маркса, их «подручными».

В своей продолжительной войне с Фландрией Филипп старался играть на той внутренней борьбе, которая происходила во фландрских городах: там стремившаяся к власти цеховая верхушка объединилась с фландрским графом, между тем как стоявший у власти патрициат вступил в союз с французским королем. Наиболее драматическим моментом в войне Филиппа с Фландрией было восстание фландрских цехов,

вспыхнувшее в таких промышленных городах, как Брюгге, Гент и Ипр, против французского владычества. В знаменитой «битве шпор» при Куртре цеховые ополчения фландрских городов нанесли жестокое поражение французским рыцарям. Вся Фландрия была очищена от французов. Но вскоре Филипп предпринял новый поход во Фландрию. В конце концов ему удалось в результате не столько военных действий, сколько ловких дипломатических маневров навязать фламандцам в 1305 г. тяжелый мир: под видом залога за свои военные издержки Филипп присоединил к Франции ряд фландрских городов.

К концу правления Филиппа Франция стала самой могущественной державой в Европе: папская власть была унижена; Германская империя утратила всякое влияние; ее князья находились на жалованьи — одни у Филиппа, другие у английского короля; члены Капетингской династии правили в Неаполе, в Наварре. Французская дипломатия играла выдающуюся роль почти во всех международных столкновениях того времени.

Столетняя война

Переломным моментом в политическом развитии Франции явились события Столетней войны. В 1328 г. прекратилась династия Капетингов, и на престол взошла боковая ветвь в лице Филиппа VI Валуа. Права на французский престол заявил также Эдуард III Английский, внук Филиппа IV по женской линии. Однако его притязания были отвергнуты на том основании, что по салическому закону женщины якобы не имеют права на престол. Внешне покорившись и принеся даже ленную присягу за Гиэнь, Эдуард III, тонкий политик и дипломат, стал копить силы для предстоящей борьбы с французским королем. Он реорганизовал и улучшил военное дело и, кроме того, стал искать себе союзников, не жалея на это денег.

Началась необычайно сложная дипломатическая игра, в которую постепенно оказались втянутыми почти все главные силы тогдашней Европы — папа, германский император, короли шотландский, сицилийский, кастильский, многочисленные владетельные князья. На стороне Филиппа VI были папа, граф Фландрский, которому он помог расправиться с восставшими против него городами, и король шотландский, — согласно установившейся со времен Филиппа IV традиции, французские короли помогали шотландским в их борьбе с Англией за независимость. Этот союз с Шотландией, столь искусно созданный Филиппом Красивым, продержался вплоть до XVII века. Эдуард III со своей стороны также развернул целую систему союзов. В 1337 г. он за 300 тыс. флоринов привлек на свою сторону германского императора Людовика Баварского, находившегося под отлучением. Таким же образом он купил

помощь графов Геннегауского, Брабантского, Зеландского и ряда других второстепенных князей. Богатые и могущественные фландрские города, озлобленные против своего графа и против французов и заинтересованные в получении английской шерсти, высказались в пользу благожелательного по отношению к Эдуарду III нейтралитета. Впоследствии этот нейтралитет превратился в открытую помощь. Тогда Филипп VI заявил о конфискации Гиэни. В ответ на это Эдуард III объявил Филиппа VI узурпатором и возобновил свои притязания на французскую корону. Попытки посредничества со стороны папы не привели ни к чему: в 1338 г. начались военные действия. Эдуард III открыто объявил себя королем Франции.

События и исход Столетней войны с ее поворотами военного счастья, сражениями, перемириями, мирными договорами, дипломатическими комбинациями достаточно хорошо известны. Закончилась она в 1453 г. изгнанием из Франции англичан, у которых из всех их владений и завоеваний остался только важный порт Кале. Из испытаний этой войны и сопровождавшей ее разрухи и разорения Франция вышла более единой и крепкой, первая явив образец тех сильных национальных монархий, которые возникли на рубеже средних веков и нового времени.

Но к этому моменту на восточной окраине Франции выросло могущественное бургундское государство, герцог которого играл предательскую роль по отношению к Франции в самые критические моменты Столетней войны. Карл VII, при котором Франция освободилась от английских оккупантов, не чувствовал себя еще достаточно сильным, чтобы вступить в борьбу с этим восточным соседом. Однако король подготовлял уже ту систему союзов, которая была необходима для борьбы с бургундским герцогом и независимыми князьями внутри самой Франции. Осуществление этой задачи выпало уже на долю его сына Людовика XI.

Людовик XI и его дипломатия

Людовика XI нередко называют родоначальником современного дипломатического искусства. И действительно, этот король был непревзойденным дипломатом не только для своего времени.

Ни один государь до Людовика XI не относился столь презрительно к рыцарской военной славе. Людовик XI не любил войны: он не доверял военному счастью, страшась потерять в случае неудачного сражения в один день плоды долголетних усилий. Дипломатия была излюбленным орудием Людовика XI. В борьбе со своими многочисленными врагами он по возможности старался избегать лобовой атаки, будучи глубоко убежден в том, что хитрость лучше, чем сила. Одной из основных черт Людовика XI была склонность к интриге.

Как отмечает его историограф Коммин, Людовик XI «день и ночь оттачивал все новые замыслы». Ссорить своих врагов, создавать им тысячу препятствий, неожиданно выступить в роли арбитра между ними и добиться таким образом в нужный момент перемирия или мира — такова была тактика Людовика XI.

Какой-то особой вкрадчивостью и тонко разыгранной сердечностью этот черствый, искусный притворщик умел обольщать и очаровывать людей. «Это была сирена», — пишет о нем бургундский хронист Молинэ, а миланский посол Малета, зорко наблюдавший за дипломатической игрой Людовика, сказал о нем: «Похоже на то, как будто король всегда жил и воспитывался в Италии». Малета был прав. Еще будучи дофином и непрерывно интригуя против своего родного отца, смерти которого он так нетерпеливо дожидался, Людовик в течение ряда лет вел тайные переговоры с Венецией, Флоренцией и Франческо Сфорца, герцогом Миланским. Благодаря этому постоянному общению с итальянцами и особенно с Франческо Сфорца, которого Людовик считал образцом дипломатического искусства, этот способный ученик в совершенстве усвоил манеры и методы итальянских дипломатов и в первую очередь их гибкость, умение приспособляться к обстоятельствам, их склонность к сложной интриге, коварству, обману. Людовик XI был ловкий соблазнитель. Он не брезговал ничем, чтобы добиться расположения людей, в которых нуждался. Как пишет Коммин, великолепно изучивший характер своего государя, никто так не старался «склонить на свою сторону человека, который мог быть ему полезен или способен был ему повредить. Он отнюдь не смущался первым отказом человека, которого пытался расположить, но упорно продолжал начатое дело, осыпая его щедрыми обещаниями и действительно давая ему деньги и должности, которые должны были его соблазнить». Скупой по природе, Людовик бывал щедр под давлением политической необходимости. Людовик XI был глубоко убежден в том, что всякого человека можно купить, и что в этом отношении нет никакой разницы между английским королем Эдуардом IV и его, Людовика, брадобреем, а когда нужно, то и палачом, шпионом и вором, пресловутым Оливье де Дэн.

Людовик XI был в курсе всех государственных дел, вникал во все и понимал, что в политике нет ничего неважного. Он тратил бóльшую часть своего времени на то, чтобы разузнать о нужных ему людях и обстоятельствах, чтобы самому знакомиться с положением дел и с людьми, отдавал приказания, измышлял политические комбинации и находил время для оживленной переписки со своими «добрыми и верноподданными городами» и целой массой как высокопоставленных,

так и совсем незнатных людей. «Ни один человек, — пишет о нем Коммин, — так не прислушивался к людям, не расспрашивал о стольких вещах, не хотел знать стольких людей, как он. И, действительно, он знал всех значительных, пользовавшихся влиянием людей в Англии, Испании, Португалии, Италии, Бургундии и Бретани так же, как своих подданных». Людовик держал у себя на службе разветвленную шпионскую сеть, имел целый ряд досье, в которых хранил тайны, раскрытые им, купленные или украденные. Будучи самым разносторонним образом осведомлен о делах и людях, Людовик мог благодаря этому использовать обстоятельства и предвидеть события.

Любопытно, как вел себя Людовик со своими дипломатами. Он делал вид, что дает им полную свободу при ведении переговоров, просил их не спрашивать у него слишком часто советов и лишь держать его в курсе всего, что они предпринимают. Но особенно настаивал король на исчерпывающей информации, когда дела шли негладко. Так, он пишет одному своему советнику: «Когда дела идут хорошо, меня надлежит лишь извещать, но когда они идут плохо, то я должен быть в полном курсе, чтобы помочь». В этом смысле интересны дипломатические переговоры, которые велись в конце 1480 г. между Людовиком XI и Максимилианом Габсбургом. Людовик дает своим послам директиву: «Действуйте, как вам покажется нужным». В действительности же он руководит каждым их шагом. Он решительно высказывается против ведения переговоров в больших собраниях. «Господа, вы дураки, — пишет он своим послам, — если думаете, что подобные дела надо решать на большом собрании... Там, где много народа, всегда держатся очень заносчиво и много запрашивают, да к тому же перед таким стечением народа было бы стыдно признаться, что нуждаются в чем-нибудь».

Особенно советует Людовик своим послам подкупать слуг своих врагов. Он считает даром неба искусство преуспевать в этом деле. Эта система Людовика в совершенстве усвоена была главным дипломатом Людовика Коммином, который сформулировал ее следующим образом: «Послы не выходят из рамок своих обязанностей и не злоупотребляют своим долгом, предаваясь шпионажу и торговле совестью». По мнению Людовика, больше всего дипломатические усилия его послов должны быть направлены к тому, чтобы обмануть врагов.

Особенно предостерегает король своих дипломатов, чтобы они не давали себя провести. Когда во время вышеупомянутых переговоров его послы были обмануты человеком, к которому отнеслись слишком доверчиво, Людовик в совершенном исступлении писал им: «Вы же видите, кровавые собаки, что ему нельзя доверять, верьте только тому, что вы сами увидите».

И король заключает свое послание следующим выразительным наставлением: «Они вам лгут. Ладно! Лгите им больше». В этой заповеди заключена важнейшая суть дипломатии, как ее понимал Людовик XI.

Людовику было 38 лет, когда он вступил на французский престол. Серьезнейшим испытанием дипломатических талантов Людовика в первые годы его правления была его борьба с образовавшейся против него обширной коалицией феодальной знати, так называемой Лигой общественного блага. Душой Лиги был Карл Смелый, который использовал недовольство крупных феодальных владетелей Франции абсолютистскими тенденциями Людовика. «Я так люблю Францию, — заявлял Карл Смелый, — что предпочел бы иметь в ней шесть государей вместо одного». И действительно, подлинной целью Лиги было всеми средствами закрепить раздробление страны на уделы. Чтобы справиться с этой опасностью, Людовик уступил Геную Франческо Сфорца и приобрел в нем хитрого и ценного союзника. Этот искушенный кондотьер дал Людовику совет, которым и направлялась вся борьба короля с Лигой. «Разделите своих врагов, — сказал ему Франческо Сфорца, — временно удовлетворите требования каждого из них, а затем разбейте их поодиночке, не давая им возможности объединиться». Совет пришелся Людовику по вкусу. Вступив в переговоры со своими врагами, Людовик, как пишет Маркс, «старался перехитрить этих субъектов, пуская в ход дипломатию, вызывая раздоры и т. д.; сумасшедший осел Карл... оказывал ему в этом большую помощь... Чтобы избавиться от этих субъектов, рассорить их и обмануть каждого в отдельности, Людовик XI согласился на все деспотические требования союзников, стремившихся поделить между собой всю Францию». В октябре 1465 г. Людовик заключил мир в Конфлане с герцогом Бургундским и особый договор с остальными союзниками в Сен-Море. Этими договорами фикция общественного блага была разоблачена до конца: во время мирных переговоров каждый из восставших вассалов, забыв об общественном благе, хлопотал лишь о том, чтобы урвать себе бóльшую часть добычи. «Общественное благо, — ядовито замечает Коммин, — превратилось в частное благо».

Теми же методами — золотом, подкупами, шпионажем и нескончаемой сетью интриг, которую так искусно умел плести этот, по выражению хрониста, «всемирный паук» («araignée universelle»), — Людовик пользовался в борьбе с другими своими противниками. Так, он сумел отвлечь от чрезвычайно опасного для него союза с Карлом Смелым ленивого и всецело поглощенного развлечениями английского короля Эдуарда IV, купив его щедрой ежегодной рентой. Людовик зло посмеивался над тем, что англичане надменно называли эту ренту данью,

и платил, кроме того, тайные пенсии министрам и фаворитам Эдуарда, заявляя, что война с Англией стоила бы Франции дороже. Коммин рассказывает, что в парижской счетной палате хранились квитанции всех английских пенсионеров Людовика, за исключением главного камергера Гастингса: его пришлось очень упрашивать перейти на содержание французского короля, так как он находился уже на жалованье у герцога Бургундского. Но Людовик легко вышел из положения: узнав, что Гастингс получает от герцога пенсию в 1 тысячу экю, Людовик согласился платить ему 2 тысячи экю. Сделка состоялась. При этом Гастингс выговорил себе условие, что деньги будут вручаться ему без расписок. «Я не желаю, — заявил он, — чтобы говорили, что главный камергер был пенсионером французского короля, или чтобы мои квитанции были найдены в его счетной палате».

Такими же путями Людовик купил себе союз швейцарцев, заключив так называемый «вечный союз» с восемью кантонами, из которых тогда состояла швейцарская федерация. Как пишет Маркс, «этот договор был основой всех соглашений, заключавшихся между Францией и Швейцарией до самой французской революции; он обеспечил за Францией... право вербовать швейцарскую пехоту, а за швейцарцами ежегодную дань от Франции».

Обеспечив себе нейтралитет Англии и натравив на Карла Смелого швейцарцев, Людовик добился гибели своего главного соперника и крушения бургундского могущества. Путем интриг, вероломства и частью открытой войны Людовик завладел значительной частью бургундского наследства. Таков был финал франко-бургундской тяжбы, в которую втянута была почти вся Европа.

Правление Людовика XI, имевшее столь важные последствия для объединения Франции, оказало огромное влияние на развитие европейской дипломатии. Методы Людовика XI совершенно изменили весь характер и формы европейской дипломатии. Людовик еще в первые годы своего правления сумел оценить, какое большое значение для правительства имеют хорошие дипломатические кадры. Известны имена свыше 70 лиц, являвшихся дипломатами Людовика XI. Число же его тайных эмиссаров, которые сыпали пригоршнями золото повсюду, где можно было получить информацию или всякую иную помощь, было огромно.

Людовик не только сильно расширил число дипломатических миссий, которые направлялись им в различные страны, но и сделал их пребывание там более длительным. Особенно стремился Людовик превратить временные дипломатические сношения в постоянные представительства при дворах, в которых был наиболее заинтересован, как, например,

в Бургундии и Англии. Со своей стороны и те страны, в которые Людовик посылал свои представительства, вынуждены были оформить у себя посольское дело и выработать систему своей внешней политики. Вскоре ни одно государство, ни один двор не могли уже обходиться без разработанной дипломатической службы. Это, разумеется, было сделано не сразу. Во всяком случае дипломатический механизм, заведенный Людовиком XI, побудил связанные с ним европейские государства приступить к организации дипломатического дела на тех основаниях, на каких оно уже давно существовало в Италии и в частности в Венеции. Следует отметить, что тенденция Людовика XI сделать ведение дипломатических сношений монополией государства и лишить своих могущественных вассалов права дипломатического представительства была усвоена у него и другими европейскими государями.

В то же время Людовик очень боялся чужих дипломатических представителей у себя в стране, видя в них шпионов и соглядатаев. Однако он считал их неизбежным злом и разработал сложные правила, чтобы по возможности обезопасить себя от их любопытства.

Дипломатические правила Людовика XI были возведены в стройную систему Филиппом Коммином.

«Отнюдь небезопасное дело, — пишет Коммин, — отправлять и принимать большое количество посольств. Очень часто дело идет при этом о многих дурных вещах. Тем не менее необходимо и отправлять их и принимать. Те, кто прочтут эти строки, могут спросить, какие же я знаю средства против этого?.. Так вот, что бы я сделал. Я был бы за то, чтобы оказывать наилучший прием посольствам, исходящим от подлинных друзей, в отношении которых нет оснований для подозрений...» Но все же они не должны оставаться подолгу, «ибо дружба между государями недолговечна. Если же тайные или явные послы исходят от государей, ненависть которых такова, как я наблюдал постоянно между всеми сеньерами... то, по моему мнению, это весьма небезопасная вещь. С ними, разумеется, нужно хорошо обходиться и принимать их с почетом: их следует встречать, удобно размещать, приставлять к ним для сопровождения умных и надежных людей. Это является делом честным и верным, ибо таким образом можно узнать, кто к ним приходит, и помешать легкомысленным и недовольным людям сообщать им сведения. Я бы стоял за то, чтобы по возможности скорее их выслушивать и отсылать назад, так как мне кажется очень опасным держать у себя врагов. И за одного посла, которого враги нам дают, я бы им послал взамен двух. Я позаботился бы и о том, чтобы такому послу было скучно и чтобы он просил не посылать его больше, ибо нет лучшего и более верного шпиона, лучшего

соглядатая и собирателя слухов. К тому же при наличии нескольких наших послов при чужих дворах они могут следить друг за другом, чтобы кто-нибудь из них не вел разговоров с посторонними лицами. Мудрый государь всегда старается иметь какого-нибудь друга [1] у своего врага... Скажут, пожалуй, что ваш враг может этим возгордиться. Ну и пусть! Зато таким путем можно получить больше сведений, что весьма важно, ибо преуспевающие всегда в чести».

3. ДИПЛОМАТИЯ ИТАЛИИ XII—XV ВЕКОВ

Международные связи Италии

Настоящей родиной современной дипломатии, по мнению большинства исследователей, является Италия. Несмотря на то, что в Италии раньше, чем в остальной Европе, стали развиваться города и начали складываться капиталистические отношения, эта страна продолжала оставаться раздробленной. Города Северной и отчасти Средней Италии подчинили себе окружающие территории и стали городами-государствами. Они играли крупнейшую роль в экономической жизни Европы. Они были посредниками в торговле с Востоком; в них развивалась промышленность, рассчитанная на вывоз как в Среднюю и Северную Европу, так и на Восток. Они стали важнейшими центрами банкового дела. Внутри каждого из этих городов кипела напряженная политическая жизнь; обостренная классовая борьба приводила к непрестанным столкновениям и частой смене правительств и политического режима. Среди итальянских городов выдвигаются мощные политические центры, как Венеция, Генуя, Милан, Флоренция. Но ни один из этих центров не был достаточно силен, чтобы подчинить себе остальные. В то же время ни один из них не был достаточно заинтересован в объединении Италии. Внутренний рынок Италии был незначителен. Главные интересы торговых и промышленных городов Италии и ее банкиров лежали за пределами страны. Захват новых рынков, торговое соперничество на суше и на море не сближали, а разъединяли итальянские города.

Середину полуострова занимало папское государство. Бессильные объединить Италию, папы были достаточно сильны, чтобы помешать ее объединению кем-нибудь другим. Южная Италия и Сицилия были политически отделены от остальной страны. Здесь сначала утверждается государство норманнов; оно сменяется владычеством Гогенштауфенов, потом господством Анжуйской династии и, наконец, Арагона. Неаполь и Сицилия политически связываются не с Италией, а с Испанией.

[1] На дипломатическом языке того времени «верный друг» означал тайного агента.

В течение всего средневековья и еще долго потом Италия распадалась на ряд соперничавших между собой государств. Они то воевали друг с другом, то заключали союзы и создавали всякого рода политические комбинации против какого-нибудь общего врага из итальянских же государств или против иноземцев, зарившихся на богатый полуостров. Посольства, переговоры, соглашения стали здесь необходимым дополнением к военной силе. В конце концов они привели к той системе равновесия, которая стала впоследствии образцом для крупных европейских монархий. В Италии находилась резиденция папского двора, этого церковного центра католической Европы, с его бесчисленными международными связями и сношениями.

Организация консульской службы

Итальянские города вели оживленную торговлю с разными странами, в частности с Ближним Востоком. Поэтому, естественно, должны были возникать органы, которые защищали бы на чужбине интересы итальянских купцов. Итальянские торговые города — Венеция, Генуя, Пиза и др. обеспечили защиту интересов своих граждан за границей путем организации консульской службы. В этом отношении важнейшую роль сыграли крестовые походы и основание крестоносцами своих государств в Сирии и Палестине. Крестоносцы получали немалую помощь от Венеции, Генуи, Пизы. Силами этих городов было завоевано побережье Леванта с его гаванями, которые играли огромную роль в восточной торговле. За это итальянским городам была предоставлена крупная доля в добыче. Пизанцам достались главные выгоды в княжестве Антиохийском и в графстве Триполи, венецианцам и генуэзцам — в Иерусалимском королевстве. Они получили по кварталу почти в каждом городе и образовали целый ряд итальянских колоний, которые пользовались особым управлением и были изъяты из общей системы администрации и суда. Во главе итальянских колоний стояли особые должностные лица из итальянцев же, носившие сначала титул «виконтов» (vicecomites), со своими трибуналами или куриями. С конца XII века появляется общий глава для всех венецианских колоний в Иерусалимском королевстве—байюло (baiulus); во главе генуэзских колоний ставятся два консула. Пизанцы назначают сначала трех консулов, потом одного. Все они живут в столице Иерусалимского королевства — в Акре. Эти представители, как правило, назначаются из метрополии и выбираются там так же, как и прочие должностные лица итальянских республик. Но иногда они выбирались и населением самой колонии. Между местными властями и итальянскими консулами нередко происходили столкновения. Попытки иерусалимских королей, а также графов Триполи и князей анти-

охийских нарушить привилегии итальянцев вызвали с их стороны жалобы папе, который пригрозил нарушителям отлучением. Разграничение прав между местными властями и консулами в конце концов определялось договорами. Обычно уголовная юрисдикция, особенно по важнейшим делам, оставалась в руках местной власти. В руках итальянских консулов сосредоточивались гражданская и особенно торговая юрисдикция по делам их соотечественников. Примеру итальянцев последовали торговые колонии, основанные на Востоке купцами Прованса и Каталонии. Положение дела не изменилось, когда крестоносцы были вытеснены из Сирии и Палестины и власть там перешла в руки мусульман. Подобные же колонии были у итальянцев, особенно у венецианцев, и в других городах Востока. У венецианцев были две фактории в Александрии. Во главе их колонии стоял консул, который имел право на десять ежегодных аудиенций у султана. На Кипре имели свои консульства Генуя, Пиза, Монпелье, каталонские города. В Константинополе издавна были итальянские колонии. Глава венецианской колонии, константинопольский байюло, исполнял важные дипломатические поручения республики и, таким образом, представлял собой одновременно и консула и посла Венеции в Константинополе.

После взятия Константинополя турками венецианская колония сохранила свое самоуправление и своего байюло с его административными и судебными функциями. Он стал одновременно и постоянным дипломатическим представителем Венеции при дворе султана.

Флорентийские дипломаты

Италия, и особенно Флоренция, поставляла дипломатов даже для иностранных государств. Когда папа Бонифаций VIII устроил в 1300 г. первый юбилейный год, то среди многочисленных послов, прибывших в Рим от разных народов, оказалось 12 флорентийцев, которые представляли не только свой родной город, но и Францию, Англию, Чехию и т. д. В связи с этой универсальностью флорентийцев папа назвал их шутя «пятой стихией». В длинном и блестящем списке дипломатов-флорентийцев мы встречаем такие всемирно известные имена, как Данте, Петрарка, Боккаччо в XIV веке, Макиавелли и Гвиччардини в начале XVI в.

Венецианская дипломатия

Если среди дипломатов других итальянских государств и не было таких выдающихся людей, как Данте и Макиавелли, то все же среди них было немало известных фигур. Так, в Милане в середине XV века во главе герцогства стоял Франческо Сфорца, может быть, лучший дипломат своего времени, наставник Людовика XI в тайнах итальянского дипломатического искусства. Среди пап было немало блестящих дипломатов —

достаточно назвать Григория VII и Иннокентия III. Среди венецианских дипломатов достаточно вспомнить дожа Энрико Дандоло, этого изумительно энергичного 90-летнего старика, который сумел превратить четвертый крестовый поход в блестящую «торговую операцию» (Маркс), заложившую основы всего дальнейшего могущества Венеции. Но для республики св. Марка характерны не отдельные дипломаты, как бы талантливы они ни были, а вся система, вся организация дипломатического дела, создавшая из Венеции, как выражались, «школу, мастерскую дипломатии» для всего мира. Купеческая олигархия, крепко захватившая власть в Венеции, внесла и в дипломатическое дело тот дух тайны и ревнивого недоверия и в то же время ту систематичность и целеустремленность, которыми было проникнуто все ее государственное управление.

Венеция переняла у Византии методы и приемы ее дипломатии и возвела их до степени искусства. Все способы обольщения, подкуп, лицемерие, предательство, вероломство, шпионаж были доведены до виртуозности. Какую комедию разыграл, например, с «крестоносными ослами» (Маркс) лукавый слепец Дандоло, чтобы отклонить их от похода на Египет! Крестоносное ополчение собралось на островках венецианской лагуны. Надо было заплатить огромную сумму за перевозку войска и за его снабжение. Но наличных денег и собранной в дополнение к ним золотой и серебряной утвари баронов оказалось далеко не достаточно. Тогда Дандоло выступил на народном собрании с речью, в которой указал, что крестоносцы не в состоянии заплатить всей суммы, и что венецианцы собственно вправе были бы удержать полученную часть денег. «Но,—патетически воскликнул он,—как посмотрит на нас весь мир? Каким позором покроемся мы и вся наша страна! Предложим им лучше следующую сделку. Венгерский король отнял у нас город Зару в Далмации — пусть эти люди отвоюют ее нам, а мы дадим им отсрочку для уплаты».

Предложение Дандоло было принято. В одно из ближайших воскресений, во время богослужения, собравшего в церкви св. Марка множество венецианцев и крестоносцев, Дандоло опять обратился к народу с речью. В ней, прославляя возвышенную цель крестоносного ополчения, он заявлял, что хотя он и стар и слаб и нуждается в отдыхе, но сам возьмет крест и отправится с крестоносцами. Тут, пишет участник и летописец четвертого крестового похода, наивный Виллардуэн, «великая жалость охватила народ и крестоносцев, и немало пролилось слез, ибо этот славный человек имел полную возможность остаться: ведь он был очень стар, и хотя имел красивые глаза, но ровно ничего ими не видел». Плакал не только народ, но рыдал и опустившийся на колени перед алтарем старый хитрец, которому нашивали в это время крест. Отлично известно, к

чему привело в дальнейшем крестоносное рвение Дандоло. Константинополь и почти вся остальная Византийская империя были захвачены крестоносцами. Венецианцы получили огромную часть добычи, и их дожи прибавили к своему титулу звание «господина одной четверти и одной восьмой Римской империи».

А через три века жертвой лукавства венецианцев оказался уже не простодушная деревенщина, вроде «крестоносных неотесанных князей» (Маркс), а опытный французский дипломат, ученик Людовика XI. Международная обстановка в это время была очень напряженной. Молодой, честолюбивый Карл VIII предпринял свой знаменитый итальянский поход, открывший новую главу в политической истории Западной Европы (1494 г.). В связи с этим Карл VIII отправил в Венецию — лучший наблюдательный пункт за деятельностью дипломатов Италии, да и не одной только Италии, — умного и наблюдательного Филиппа Коммина. Коммин рассказывает, как уже задолго до Венеции, в подвластных ей итальянских городах, его принимали с большим почетом. У первых лагун его встретили 25 знатных венецианцев, облаченных в дорогую пурпурную одежду. По прибытии в Венецию он был встречен новой группой вельмож в сопровождении послов герцога Миланского и Феррарского, которые приветствовали его речами. На следующий день его принял дож, после чего его опять возили по разным достопримечательным местам в Венеции, показывая ему дворцы, церкви, коллекции драгоценностей. Так в течение восьми месяцев его непрерывно занимали празднествами, концертами и всякого рода развлечениями, а в это время плелась сложная интрига: подготовлялся союз против Карла VIII, куда вошли Венеция, Милан, папа, германский император и испанский король. Послы всех этих держав собрались в Венеции. Слухи о намечающемся союзе стали распространяться по всему городу. У Коммина появились подозрения, что ему «говорят одно, а делают другое». В сеньерии, куда Коммин обратился за разъяснениями, отделались ничего не значащими фразами, а дож посоветовал ему не верить тому, что говорится в городе, ибо в Венеции, по его словам, всякий свободен и может говорить все, что хочет. Дож добавил к этому, что сеньерия вовсе и не помышляет о создании союза против французского короля: о таком союзе здесь никогда не слыхивали, наоборот, имеют в виду составить лигу против турок, привлекши в нее французского короля, испанского короля и германского императора. Так эта комедия тянулась до получения известий о взятии Неаполя Карлом VIII. Коммин еще не имел сведений об этом, когда его пригласили в сеньерию, где он застал несколько десятков вельмож и дожа, страдавшего припадком колик. Дож сообщил ему о полученном известии с веселым лицом, но, за-

мечает Коммин, «никто другой из всей этой компании не умел притворяться так искусно, как он». Другие сидели озабоченные, с понурыми лицами, с опущенными головами. Коммин сравнивает действие полученной новости с эффектом, который произвело на римских сенаторов сообщение о победе Ганнибала при Каннах. Этот громкий успех Карла VIII ускорил переговоры о создании лиги против французского короля. Разногласия, все еще существовавшие между ее участниками, были спешно устранены, и через короткий срок после своего визита в сеньерию Коммин был опять приглашен туда ранним утром. Дож сообщил ему о союзе, заключенном пятью державами якобы против турецкого султана. Усиленно подчеркивая чисто оборонительный характер союза и слова «сохранение мира», которые фигурировали в договоре, он предложил Коммину сообщить об этом французскому королю. «Члены сеньерии высоко держали головы и ели с большим аппетитом. У них,— замечает с горечью Коммин, — совершенно не было того вида, который они имели в тот день, когда сообщили мне о взятии неаполитанской крепости». Коммин простодушно рассказывает затем, как в этот день послы союзников проехали под звуки музыки в 40 гондолах под окнами занимаемого им помещения, причем миланский посол даже сделал вид, что незнаком с Коммином. Он описывает разукрашенный и иллюминованный город и то, как он вечером одиноко катался в гондоле мимо дворцов, где происходило пиршество, но куда он не был приглашен.

Венеция имела представителей в многочисленных государствах, с которыми была связана торговыми и политическими отношениями. Наряду с этими официальными лицами на службе республики был огромный штат секретных агентов и шпионов. Как и Византия, Венеция особенно охотно пользовалась услугами монахов и женщин, имевших возможность проникать туда, куда не было доступа другим. В ряде случаев венецианцы использовали и врачей для секретных целей. Так, они доставили медиков молдавскому и валашскому воеводам, а также в ряд других стран. Врачи эти отправляли в Венецию настоящие дипломатические, политические и экономические отчеты о странах, где протекала их деятельность. Венецианские посольства располагали, кроме того, в большинстве стран так называемыми «верными друзьями», что означало на дипломатическом языке того времени специальный вид секретных агентов. Посольства могли требовать от них отчетов, их использовали для доставки секретной корреспонденции и других поручений. Агенты эти действовали различными способами: то это были переодетые монахи, то странствующие пилигримы. Некоторые из них были прикреплены к посольствам, и их посылали в разные страны для получения информации. Нередко таким «верным другом» бывал какой-нибудь щедро оплачиваемый мест-

ный житель высокого или, напротив, совершенно незначительного социального происхождения. В пограничных областях Венеция использовала шпионов — exploratores.

Если сеньерия считала нужным выслушать самого шпиона, то его переодетым пропускали во дворец дожа и вводили в его особые апартаменты.

Интересно отметить, что итальянские банки, столь многочисленные во Франции, являлись для своей родины в такой же мере политическими, как и финансовыми агентствами. Например, представители дома Медичи в Лионе содержали своего рода осведомительное бюро о политических делах во Франции. Венецианцы отличались особым умением использовать в дипломатических целях своих купцов. Нередко бывало, впрочем, что венецианские посольства получали информацию и от приезжих иностранных купцов и даже иностранных студентов.

Венецианское правительство широко практиковало систему тайных убийств, щедро платя за них. Достаточно привести такой характерный пример. В июне 1495 г. некий делла Скала, изгнанный из Венеции, предложил сеньерии поджечь пороховой склад Карла VIII, а также с помощью «некоторых надежных и верных средств» добиться смерти короля. Венецианский совет единодушно и горячо приветствовал это «лойяльнейшее» предложение делла Скалы, обещав ему помилование и большое вознаграждение. Но, поразмыслив, кандидат в цареубийцы нашел свое предприятие делом весьма нелегким, поэтому он предложил ограничиться одним диверсионным актом — поджогом порохового склада. Собравшаяся сеньерия опять единодушно приняла и это предложение, повторив свое обещание амнистии и вознаграждения, которое позволит изганнику вести в Венеции почетную и привольную жизнь.

Посольское дело в Венеции

Но особенно характерной для Венеции, — в чем она не имела соперниц, — была организация посольской службы. Уже с XIII века, насколько позволяют судить сохранившиеся источники, а в действительности, вероятно, с более ранних времен началось издание ряда постановлений, в которых до мелочи регулировались поведение и деятельность заграничных представителей республики. Послы должны были по возвращении передавать государству полученные ими подарки. Им запрещалось добиваться при иностранных дворах каких-нибудь званий или титулов. Послов нельзя было назначать в страны, где у них были свои собственные владения. Им запрещено было беседовать с иностранцами о государственных делах республики. Послам не разрешалось брать с собой жен из боязни, чтобы те не разгласили государственных тайн; но любопытно, что им позволялось брать своего повара, чтобы не быть отравленными. Когда

установились постоянные представительства, посол не мог покинуть свой пост до прибытия своего преемника. В день возвращения в Венецию посол должен был заявиться в государственную канцелярию и занести в особый реестр, которым заведывал великий канцлер, сообщение о своем прибытии. По возвращении посол обязан был представить отчет о произведенных им расходах. Между прочим вознаграждение послов было довольно скромным и далеко не соответствовало расходам, которые им приходилось нести по должности. Послы в своих донесениях горько жаловались на это: поэтому, как указывается в донесении одного из них, «неудивительно, если многие граждане предпочитают оставаться в Венеции и жить там частными лицами, нежели отправляться послами в чужие края». Против уклонявшихся от этой почетной, но обременительной миссии уже с ранних пор — с XIII века — стали приниматься меры в виде штрафов или запрещения занимать какие-нибудь государственные должности. Послы нередко разорялись на своем посту и впадали в долги, которые потом приходилось выплачивать республике. Впрочем, венецианское правительство обыкновенно вознаграждало бывших дипломатов разными назначениями и, в частности, выгодными постами в левантийских владениях республики.

Исключение в материальном отношении представлял пост байюло в Константинополе при турецком владычестве, один из ответственнейших, если не самый ответственный, дипломатических постов республики. При важности для республики ее владений в восточной части Средиземного моря и ее левантийской торговли, а также при сложности и деликатности ее взаимоотношений с завоевателями Константинополя, должность тамошнего байюло требовала особенно опытных лиц; поэтому на нее назначались обыкновенно старые, искушенные дипломаты, для которых она являлась венцом их политической карьеры.

Первоначально продолжительность посольств, пока они не являлись еще постоянным институтом, а вызывались теми или иными особыми обстоятельствами, зависела от большей или меньшей важности вызвавшего их дела. В XIII веке она обыкновенно не превышала 3—4 месяцев. Но с упрочением дипломатических связей срок этот удлинялся. В XV веке было постановлено, что время пребывания посла за границей не должно превышать двух лет. В следующем столетии срок этот был продлен до трех лет.

Послы должны были держать правительство республики в курсе дел государства, в котором были аккредитованы. С этой целью они регулярно — первоначально раз в неделю, а, с улучшением средств связи, значительно чаще — отправляли на родину депеши. Эти стекавшиеся из всех стран донесения

давали как бы мгновенный снимок политического положения мира. Недаром говорили, что ни один европейский двор не осведомлен так хорошо, как венецианская сеньерия. На депешах ее умных и наблюдательных послов основывалась в значительной мере вся дальновидная политика Венеции.

Части депеш или даже целые депеши были нередко зашифрованы. Дипломатические шифры всегда были объектом усиленного внимания венецианских правителей, столь ревнивых к тайнам своей собственной дипломатической корреспонденции. Уже с ранних времен венецианское правительство имело особых шифровальщиков, а в дальнейшем Совету десяти было поручено следить за государственными шифрами и заботиться об изобретении новых. Дело в том, что искусство шифрования находилось тогда еще в зачаточном состоянии и, попав в чужие руки, шифры сравнительно легко разгадывались. Шифр обычно заключался в замене букв латинского алфавита либо другими буквами, либо арабскими цифрами, черточками, точками, произвольными фигурами, причем для одной буквы нередко бывало два или три знака. Вводились также знаки, не имевшие никакого значения, для того чтобы запутать шифр и затруднить его разгадку для посторонних.

Шифры появляются и в других государствах Италии. В папской канцелярии они применялись уже в первой половине XIV века и сначала заключались в замене некоторых слов другими, условными. Так, вместо «гвельфы» писалось «сыны Израиля», вместо «гибеллины» —«египтяне», вместо «Рим» — «Иерусалим» и т. д. Хорошо разработанные системы шифров применялись уже в XV веке в Милане и во Флоренции.

Шифрованная дипломатическая переписка вызывала неудовольствие, а иногда протесты и репрессии со стороны заинтересованных дворов. Так, султан Баязид II, узнав, что венецианский байюло Джероламо Марчелло посылает своему правительству шифрованные письма, приказал ему в три дня покинуть страну. Султан заявил, что он вообще не намерен терпеть у себя при таких условиях венецианского байюло. Несмотря на длительные переговоры, венецианская колония в Константинополе долго после этого случая оставалась без главы.

Депеши венецианских послов дополнялись другими весьма важными документами — итоговыми отчетами закончивших свою миссию дипломатов, так называемыми relazioni.

Согласно установившемуся с давних пор обычаю посол в течение 15 дней по возвращении обязан был прочесть в торжественном заседании сеньерии речь — relazione, которая представляла подробное донесение о состоянии государства, при котором он был аккредитован. По окончании заседания посол передавал текст своего донесения великому канцлеру, который

немедленно помещал его в секретный архив дипломатических актов. Этот своеобразный обычай сохранился до последних дней республики (1797 г.) и был закреплен особым постановлением, из которого видно, какое значение придавало венецианское правительство этим relazioni. Согласно ему послы должны были собственноручно записывать свои relazioni после их произнесения и передавать их затем для хранения в архивы секретной канцелярии. «Таким образом,—говорится в постановлении об этих документах, —о них сохранится вечная память, и чтение их сможет быть полезным для просвещения тех, кто в настоящее время управляет нами, и кто в будущее время будет к этому призван».

Известно, как ценились донесения венецианских послов иностранными государствами, которые всячески стремились раздобыть их. Несмотря на всю окружавшую эти документы тайну, многочисленные копии с них все же проникли во внешний мир.

В своих донесениях послы давали подробные характеристики государей и вообще руководящих лиц страны, в которой выполняли свои обязанности, описывали придворные группировки, материальные, финансовые и военные ресурсы государства, положение разных классов населения и т. д.

Послу при отправлении его в миссию давалась подробная инструкция, в которой указывалось, что он должен был делать, что и как говорить, за чем наблюдать. Венецианскому послу Контарини, отправленному в 1492 г. к французскому двору, было вручено обстоятельнейшее наставление, тщательно перечислявшее все пункты его поздравительной речи по случаю бракосочетания Карла VIII, в которой он должен был выразить удовлетворение республики по поводу столь радостного события.

«И эти вещи, —говорится в инструкции, —вы постараетесь высказать со всевозможным красноречием и изысканностью стиля». Чем красноречивее будет посол, тем лучше он выполнит желание республики. Однако, предостерегает инструкция, посол должен все это высказать в ни к чему не обязывающих, общих выражениях («verbis tamen generalibus»), как это и подобает посланникам. Затем инструкция переходит к поздравительной речи королеве, напоминает о необходимости посетить виднейших вельмож Франции и заканчивается наставлением о преподнесении королеве подарка из драгоценных венецианских тканей.

Так руководила своими послами Венеция.

По сравнению с тем хаосом и беспорядком, в котором находились в XV веке административные функции большинства европейских государств, столь точная регламентация деятельности заграничных агентов Венеции представляла строгое и

стройное целое. Талантливые и блестящие дипломаты были тогда вообще нередким явлением, но дипломатия, как таковая, впервые доведена была до степени искусства и системы именно в Венеции, где, по словам Коммина, «в настоящее время дела ведутся более мудро, чем в какой бы то ни было монархии или республике мира».

Приемы итальянской и особенно венецианской дипломатии оказали сильнейшее влияние на дипломатию складывавшихся в это время в Европе абсолютных монархий.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

ДИПЛОМАТИЯ В НОВОЕ ВРЕМЯ (XVI—XVIII ВЕКА)

ВВЕДЕНИЕ

История дипломатии в новое время охватывает период с XVI века до конца первой мировой войны и заключения Версальского мира — 1919 г. Дипломатии этого периода развития, утверждения и упадка капиталистического строя посвящены разделы третий, четвертый и пятый данного труда.

Постепенное образование капиталистических отношений происходило еще в период позднего средневековья. Резкий толчок этому процессу дали географические открытия и первые колониальные захваты XV—XVI веков. Мировые торговые связи расширились. Товарно-денежные отношения окрепли. Пути и центры торговли переместились от Средиземного и Балтийского морей к берегам Атлантического океана. С той поры в международных отношениях Европы главную роль начали играть государства, расположенные в непосредственной близости к этим центрам. Такими державами оказались Португалия, Испания, Нидерланды, Франция и Англия.

Во внешней политике этих государств решающую роль играли интересы династического порядка и хищнические стремления феодального дворянства. Однако все усиливающееся влияние на ту же политику оказывала и растущая буржуазия, заинтересованная в захвате новых рынков, приобретении колоний, обеспечении торгового преобладания своей страны. Эти интересы можно вскрыть и в основе большинства войн, происходивших в Европе XVI—XVIII столетий, и в содержании почти всех международных договоров этого времени. Тем же целям служила тогда и европейская дипломатия.

К концу XVI века явственно обозначается усиление торговой и внешнеполитической мощи Англии. Ускоренное развитие капиталистических отношений в этой стране приводит в половине XVII века к победоносной буржуазной революции.

Победа буржуазной революции в Англии укрепила международное положение этой островной державы. Внешняя поли-

тика Англии приобретает боевой характер. Морское законодательство английского парламента открыто направляется против сильнейших торговых конкурентов — Испании и Голландии. Эта борьба привела к войнам Англии с соперниками и закончилась победой, которая создала для Англии положение первенствующей морской державы.

Если XVII век был ознаменован владычеством Англии на морях, то на континенте Европы в том же столетии укрепилось господство абсолютистско-феодальной Франции.

Политика Ришелье и Мазарини содействовала укреплению централизованной государственной власти и окончательному подавлению своеволия крупных феодалов. Вместе с тем покровительством промышленности и торговле, поощрением судоходства, организацией крупных купеческих компаний, расширением колониальных владений, правительство французской абсолютной монархии того периода содействовало усиленному развитию капиталистических отношений и упрочению международного влияния страны. Франция XVII века усиливается за счет слабейших соседей — Испании и Германии. В противоположность ей Священная Римская империя германской нации, оставшаяся в стороне от хозяйственных и политических центров Западной Европы, теряет свое международное значение и окончательно распадается на множество независимых мелких государств. Среди них постепенно усиливаются два новых политических образования — Австрия и Пруссия. В тот же период на востоке Европы в международную жизнь все активнее включается Московское государство. При участии его дипломатии разрешаются внешнеполитические проблемы Северо-Восточной Европы, Балтики, Ближнего Востока.

Вооруженная борьба между Англией и Францией за господствующую роль в мировой политике продолжается и в XVIII веке. В итоге ряда победоносных войн Англия расширяет свои заморские владения за счет Франции и Испании и становится колониальной державой первостепенного значения. Это первенство Англия, опережающая другие страны в своем капиталистическом развитии, сохраняет и на последующее время. Не поколебал могущества Англии и тот удар, который был ей нанесен в Новом Свете успешной борьбой американской буржуазной демократии за независимость. В том же XVIII столетии значение серьезного международного фактора приобретает наследница царской Москвы — молодая Российская империя Петра I, его преемниц и преемников.

Основное содержание дипломатической деятельности европейских государств XVI—XVIII веков сводится к борьбе за торговое и политическое преобладание. Успех в этой борьбе в большей или меньшей мере выпадает на долю тех стран, которые следуют по пути прогрессивного хозяйственного развития.

Напротив, неудачи постигают чаще дипломатию тех государств, в которых феодальный строй еще сопротивляется прогрессу крепнущих капиталистических отношений.

По восходящей линии идет в конце XVI века дипломатия Нидерландов, где буржуазия одержала победу над феодально-клерикальной реакцией. Наиболее блестящих дипломатических успехов достигает Англия XVII—XVIII веков после исторической победы буржуазной революции, которая укрепила морскую и колониальную мощь этой островной державы. Временные дипломатические победы выпадают и на долю французской абсолютнсй монархии XVI и первой половины XVII столетия, пока она выполняет цивилизаторскую роль, уничтожая феодальную раздробленность и способствуя развитию капиталистических отношений путем поощрения промышленности и торговли. Теми же причинами объясняется рост международного влияния и России эпохи Петра, средствами государственного принуждения насаждающего в своей стране промышленность и торговлю. Для всех этих государств система меркантилизма является боевой программой не только внутренней, но и внешней политики.

Дипломатические поражения Империи и оплота ее могущества — Испании Карла V и Филиппа II — были расплатой за политику, которая противоречила требованиям хозяйственного и политического прогресса. То же историческое возмездие постигло и Францию конца XVII и XVIII веков. В эту эпоху французская абсолютная монархия продолжает служить интересам дряхлеющего феодализма. Внешняя политика и дипломатия Франции этого времени не сходят со старых путей — защиты династических интересов, добычи «славы» королю, наживы — дворянской военщине. Это приводит к столкновению абсолютной монархии с третьим сословием; революция 1789 г. открывает перед внешней политикой и дипломатией Франции новые пути на службе победившему классу.

Особое место занимает внешняя политика и дипломатия Российской империи XVIII века. Принудительно проводя прогрессивную экономическую политику, которая развивает хозяйство страны и организует ее военную мощь, военно-феодальная империя Петра и его ближайших преемников успешно разрешает исторические задачи русской внешней политики на берегах Балтийского и Черного морей и в Северо-Восточной Европе. Неудержимая экспансия этой России приводит ее к столкновению с соседями, —во второй половине XVIII века Европа оказывается лицом к лицу с мощной Российской империей, вооруженные силы и дипломатия которой властно вторгаются в международные отношения.

В государстве, которое служит интересам развивающегося капитализма, буржуазия, передовой для того времени обще-

ственный класс, видит положительную силу. Политические идеологи XVI—XVII веков — Макиавелли в Италии, Боден во Франции, Гроций в Голландии, Гоббс в Англии — развивают идею государства как высшего начала. Служение государственному интересу они провозглашают принципом внутренней и внешней политики. В практике международных отношений этого времени значительное распространение получают группировки и коалиции государств. Одни создаются для укрепления торговой гегемонии сильнейших держав, другие — для самообороны слабейших против подавляющей силы соперника. В такой обстановке возникают новые правовые понятия: о политическом равновесии, о естественных границах государства, о праве войны и мира, о свободе морей, о незыблемости международного договора. Так закладываются основы науки международного права.

С утверждением в Европе XVI—XVIII веков мощных абсолютных монархий все бóльшую устойчивость приобретает и организация дипломатической службы. Складываются постоянные дипломатические представительства. Устанавливается строгая дипломатическая иерархия. Вырабатываются общепринятые формы дипломатической переписки. Французский язык становится общепринятым языком дипломатических сношений. Более точно регулируется и внешний дипломатический церемониал.

В основном дипломатия остается пока прерогативой абсолютных монархий. Лишь в Англии, в особенности после буржуазной революции, парламент приобретает все большее влияние на внешнюю политику. Однако настоящий переворот в этой области произошел лишь во Франции конца XVIII века. Буржуазной революцией 1789 г. провозглашен был новый принцип верховенства нации во всех вопросах внутренней и внешней политики. Само собой разумеется, что с нацией отождествляла себя победившая буржуазия.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИПЛОМАТИИ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОРГАНОВ В XVI—XVIII ВЕКАХ

Политическая карта Европы в XVI веке

Новое время в истории дипломатии было подготовлено теми успехами капиталистического развития, которые стали заметными в Европе еще со времени великих открытий. Одновременно с этими успехами шла политическая консолидация стран, которые превращались мало-помалу в сплоченные и централизованные феодально-абсолютистские монархии. Эти монархии продолжали существовать на континенте Европы еще долгое время после буржуазной революции в Нидерландах и Англии. Вследствие прекращения феодальных войн между мелкими сеньерами, подчиненными теперь сильной королевской власти, создается сравнительно устойчивый внутренний порядок. Он благоприятствует дальнейшему экономическому и, в частности, капиталистическому развитию. Оставаясь по своему классовому существу дворянской, абсолютная монархия как централизованное и сильное государство, способное предупредить феодальный разбой прежних времен и защитить вовне интересы своих подданных, оценивается буржуазией как оплот порядка и залог благоденствия.

С конца XV века Европа вступает в новый период международных отношений. К этому времени окончательно складываются большие государства: Испания, Португалия, Франция, Польша, Австрия (наследственные земли дома Габсбургов), наметившиеся в пределах Священной Римской империи германской нации. Турция, менее крупные скандинавские государства — Дания, Швеция и Норвегия — и совсем уже мелкие западногерманские княжества, итальянские городские республики, тирании и мелкие государства дополняют политическую карту Европы. На востоке Европы огромное Московское государство выступает на политическую арену Европы со второй половины XVI века. С этого периода, закончив

свое политическое объединение, Московское государство мало-помалу становится централизованным, а затем и абсолютистским государством.

«Государственный интерес» как принцип политики

Уже в XV веке необходимость государственного единства становится настолько очевидной, что «государственный интерес» начинает рассматриваться как высшее мерило в политике. Этот «государственный интерес» в конечном счете есть интерес господствующего класса в целом. Но он возводится на уровень «общего блага», которое должно осуществляться государством в случае надобности даже путем насилия.

Ради осуществления «общего блага» хороши все средства. Религия перестает играть заметную роль в политике. Политика перестает связываться с моралью. «...Начиная с Макиавелли, Гоббса, Спинозы, Бодена и т. д. и т. д., — говорит Маркс, — в новейшее время, не говоря уже о более ранних авторах, сила изображалась как основа права; благодаря этому теоретическое рассмотрение политики освободилось от морали...»[1]

Раньше других и, пожалуй, наиболее последовательно эти новые взгляды на государство и политику были выражены у Макиавелли.

Макиавелли (1469—1527 гг.), один из замечательных политических мыслителей XVI века, вскрыл подлинные основы «реалистической» политики всех и всяких монархов — государей, укрепляющих и расширяющих свою власть всеми средствами, «дозволенными» и «недозволенными». С циничесой откровенностью, не стесняемой никакими соображениями морального порядка, он нарисовал в своем сочинении «Государь» тип монарха, которому все дозволено ради одной цели — безграничного расширения своей власти. Но, освобождая своего государя от всяких моральных стеснений, Макиавелли мечтал использовать честолюбие и жадность итальянских властителей в интересах объединения Италии. С этой точки зрения теория дипломатического искусства подчинялась у Макиавелли принципу «государственного интереса».

«Следует иметь в виду, — говорит Макиавелли в своем «Государе», — что есть два рода борьбы: один — посредством законов, другой — силы. Первый свойственен людям, второй — зверям, но так как первый часто оказывается недостаточным, то приходится прибегать ко второму. Поэтому государю необходимо пользоваться приемами и зверя и человека. Если же государь принужден научиться приемам зверя,

---

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Немецкая идеология, 1933, стр. 303.

то он должен выбрать из числа зверей лису и льва, ибо лев не может защититься от змеи, лиса — от волков. Следовательно, надо быть лисой, чтобы распознать змей, и львом, чтобы расправляться с волками».

«Государю, — заключает Макиавелли, — необходимо обладать духом настолько гибким, чтобы принимать направление, указываемое веяниями и превратностями судьбы, и, как я отметил выше, не уклоняться от пути добра, если это возможно, но уметь вступать и на путь зла, если это необходимо».

О политическом реализме Макиавелли, выросшем из потребностей эпохи, свидетельствует то, что его идеи разделялись крупнейшими политическими деятелями и дипломатами позднего средневековья и нового времени.

Английский посол во Франции сэр Генри Уоттон так определял в XVI веке функцию посла: «Муж добрый, отправленный на чужбину, дабы там лгать на пользу своей стране».

Крупнейшему из дипломатов и политиков XVII века, кардиналу Ришелье, который правил Францией с 1624 по 1642 г., принципы Макиавелли не кажутся циничными. В глазах Ришелье они не лишены подлинного величия. «Государственный интерес» (raison d'état) господствует у Ришелье в его взглядах и в его практике. «Государство» превыше всего. «Государство» есть ценность, во имя которой все средства хороши, — таков смысл рассуждений Ришелье в его замечательном «политическом завещании». «Быть суровым, — советует он королю, — по отношению к людям, которые хвалятся тем, что они пренебрегают законами и распоряжениями государства, это значит действовать во имя «общего блага». Христиане должны забывать об оскорблениях, наносимых им лично, но правители должны помнить проступки, которые наносят ущерб общему интересу. В самом деле, оставлять их безнаказанными значит совершать их дважды... Бич, который является символом правосудия, никогда не должен оставаться без применения».

Если «общее благо» и «государственный интерес» играют такую роль во внутренней политике, то еще большее значение имеют они для политики внешней. Ришелье это доказывал на каждом шагу. Будучи католиком и кардиналом римской церкви, он действовал против католической Испании и Австрии в союзе с протестантскими князьями Германии; являясь убежденным сторонником и красноречивым защитником абсолютизма, он в интересах Франции поддерживал мятежных немецких князей против их императора. Все это оправдывалось для него «общим благом» и «государственным интересом».

Органы внешней политики и дипломатии в XVI—XVIII веках. Дипломатическая служба в этот период

«...*Абсолютная монархия* возникает, — говорит Маркс, — в переходные эпохи, когда старые феодальные сословия разлагаются, а средневековое сословие горожан складывается в современный класс буржуазии, и ни одна из спорящих сторон не взяла еще перевеса над другой»[1]. Маневрируя между дворянством и буржуазией, королевская власть достигала известной самостоятельности. Это сказывалось и на ее внешней политике и дипломатии. Будучи в то время тайною тайн, дипломатия замыкалась в узкий круг особо посвященных. Центром, где создавалась политика, являлся королевский двор. В абсолютной монархии велико было значение не только династических интересов и личности самого короля. Значительна была роль и его любимцев, любовниц и просто ловких интриганов, которые влияли на короля в ущерб интересам страны и ее передового буржуазного класса.

Крупные европейские государства, которые сложились в XV—XVI веках, впервые создали соответствующие им постоянные центральные и местные учреждения — бюрократию и армию. XVI век был веком оформления дипломатической службы, центральных и местных учреждений, которые обслуживали внешнюю политику нового государства. В XVII веке даже крупные княжества Германии стали посылать за границу своих постоянных представителей.

Под влиянием гуманистов появляется тот стиль дипломатических депеш и донесений, который становится мало-помалу обязательным для каждого дипломата. Итальянские государи в XV и XVI веках пользовались гуманистами в качестве своих секретарей по внешним делам: это способствовало введению в дипломатию изящного стиля речи и письма. Первым из представителей дипломатического красноречия был флорентийский канцлер, известный гуманист Колюччио Салютати. Письма его стали своего рода образцами для дипломатов XVI века. Не меньшее значение имели и донесения венецианских послов. Отчеты венецианских агентов за границей, которые предназначались для узкого круга лиц, просачивались и в широкую публику: сборники этих отчетов известны были уже в XVI веке.

Фамильные отношения Габсбургов, владевших Империей и Испанией, вызывали потребность в постоянном общении и обмене мнений. В особенности оживились эти отношения после отречения от престола Карла V (1555 г.), когда владения Габсбургов были поделены между старшей и младшей линиями этого дома.

---

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. V, стр. 212.

Большое значение для развития дипломатической деятельности имело правление папы Льва X (1513—1521 гг.). Этот папа, Медичи по происхождению, был хорошо знаком с постоянным дипломатическим представительством у себя на родине, во Флоренции. На собрании кардиналов в августе 1513 г. он назначил постоянных представителей (нунциев) в Германию, Францию и Англию. Таким образом было положено начало постоянной папской нунциатуре.

Обстоятельствами, которые задерживали повсеместное распространение института постоянных дипломатических представителей, были большие расходы на содержание послов и посольств, отсутствие хороших путей сообщения и связи, недостаток опытных и вышколенных дипломатов. Тем не менее к концу XVI века институт постоянного дипломатического представительства складывается более или менее прочно, причем устанавливается определенная дипломатическая иерархия. Основой для нее было значение государства, пославшего агента. Короли Франции, Испании и Англии требовали для своих послов большего уважения, чем какой-нибудь герцог Миланский или тем более захудалый немецкий князь.

Постепенно в посольском ритуале складываются определенные традиции. Наряду с послом создается дипломатический персонал, особенно в крупных государствах; иерархия складывается внутри самого посольства. В XVI веке соблюдается точное различие между послом и обычным агентом или резидентом. Право назначать послов признавалось не за всеми государями. Карл V, император Германии, имел, например, при своем дворе только папского посла, послов короля французского, посла своего брата Фердинанда (короля Римского, т. е. короля Германии) и посла Венеции. Государи, которые находились в зависимости от императора или другого крупного монарха, могли иметь при них только простых агентов.

Обычные дипломатические сношения между государствами не всегда были достаточными. Поэтому наряду с постоянным дипломатическим представительством продолжали сохранять силу и чрезвычайные посольства, снаряжаемые в особо важных случаях, как, например, при необходимости непосредственных переговоров кабинета с кабинетом, восшествии на престол нового государя и т. д. В связи с этим возникали и некоторые трудности. Чрезвычайные послы требовали для себя первого места не только по отношению к послу своего же государства, но и в ряду послов других держав. Некоторые, особенно крупные, государства, не желая терпеть ущерба для своей чести, стали возводить своих обыкновенных послов в чрезвычайные. Уже в XVII веке этот обычай получил широкое распространение.

XVI—XVIII века были временем, когда сложился новый дипломатический церемониал. Уже при императоре Карле V

почести, оказываемые послам при въезде и приеме, получили строго установленный характер. При церемониале учитывалось значение каждой державы, послы которой прибывали в Испанию. В XVI веке постепенно сложился чин посольских приемов и во Франции. Благодушнее и проще к церемониалу относились долгое время англичане. Еще в XVII веке навстречу обыкновенному послу выезжали в Англии принцы крови. За это не раз англичане удостаивались насмешек со стороны французов, которые лучше знали толк в так называемых civilités, тонкостях дипломатического обхождения. Но и в Англии со времени поклонника французских порядков, Карла I Стюарта, также установился определенный дипломатический ритуал.

Этот церемониал — система обычаев, важная с точки зрения международных отношений. Поведение посла при въезде и особенно во время первой аудиенции, а также ответные действия принимающего его государя или министра символизируют взаимоотношения держав, их сравнительный удельный вес в международной жизни. Всякое отступление от принятого порядка в ритуале торжественного приема рассматривается участниками этой церемонии либо как показатель изменившихся отношений, либо как знак умаления достоинства, либо, наоборот, как дань особого уважения к стране, представляемой послом или лицом, его принимающим. Понятны поэтому постоянные споры о мелочах этикета, вечные домогательства послов получить такие же почести, какие были оказаны другой державе, их боязнь обесчестить своего государя недостаточным вниманием, проявленным к его послу.

В XVI и XVII веках при папском дворе существовал, например, такой порядок. Торжественная аудиенция давалась папой, окруженным коллегией кардиналов, которые составляли в данном случае консисторию. Посол обязан был выслушивать папу стоя, с непокрытой головой. Послы императора, коронованных особ и Венецианской республики принимались в большой, так называемой Королевской, зале, послы прочих государей — в малой, Герцогской зале. Были и такие послы, которых папа принимал в своих покоях, куда он на этот случай призывал нескольких кардиналов, но в небольшом количестве, чтобы посол не подумал, что для него составлена консистория. Герцог Савойский, получив титул кипрского короля, потребовал, чтобы его послов папа принимал в Большой зале. Когда ему было в этом отказано, он обиделся и на некоторое время перестал вообще посылать своего представителя к папе. Генуэзская республика предлагала папе несколько миллионов только за то, чтобы ее послов папа принимал в Большой зале. Папа отказал под давлением Венеции, которая никак не желала, чтобы Генуя была на одном уровне с нею. 13 сентября 1672 г. в Риме побывала и делегация царя московского. Ей была дана

аудиенция в Большой зале, папа принимал ее в окружении пятнадцати кардиналов. Московского посла заставили проделать такую же церемонию, как и всякого правоверного католика — он должен был сделать три глубоких поклона и поцеловать папскую туфлю. Во время обыкновенных аудиенций папа сидел на кресле, обитом красным шелком. Послу дозволялось сидеть на табурете; при этом посол не мог покрывать головы в течение всей аудиенции.

Нечто подобное имело место и во Франции. Здесь послов коронованных особ и папских нунциев вводили в залу приема принцы крови. В отличие от папского двора венецианские послы ставились при этом ниже,—таких почестей им не полагалось. Когда в 1635 г. во Францию прибыл английский посол и явился ко двору, находившемуся в это время вне Парижа, при дворе не оказалось ни одного принца крови. Посол заявил, что не сдвинется с места до тех пор, пока ему не будет дан в качестве вводящей персоны принц крови. Пришлось посылать за принцем в Париж.

Строгий церемониал приема послов, введенный в Англии Карлом I, не помешал его преемнику Карлу II в первые годы Реставрации устроить торжественный прием посольству маленькой Голландии, в которой он не раз во время английской революции находил приют в тяжелые годы своих скитаний. В 1660 г. республика Соединенных провинций (Голландия) отправила в Англию чрезвычайное посольство, чтобы приветствовать короля по случаю его «восстановления» на престоле. В Англию посольство прибыло в начале ноября. Прожив несколько дней инкогнито в Лондоне, послы отправились в Гринвич. Здесь их приветствовал от имени короля лорд Ричард со свитой, предоставив в их распоряжение барки, на которых они снова, но уже торжественно, прибыли в Лондон. У набережной послов ожидал лорд Грэвен с двадцатью каретами; каждую из них везла шестерка лошадей. Послов привезли в апартаменты главного церемониймейстера Абраама Вильямса, где они отдохнули. Затем они отправились на аудиенцию, причем им повсюду воздавались почести наравне с послами коронованных особ. Голландский историк этого посольства отмечает, что послы Соединенных провинций первый раз в истории удостоились чести быть встреченными лордом еще за пределами Лондона.

Зарождение науки международного права

Появление крупных государств и развитие дипломатических отношений между ними вызвало к жизни и соответствующую теорию. Возникает дипломатическое право и право международное. Нидерландец Бальтазар Айала опубликовал в 1582 г. сочинение «О праве войны и военных учреждениях» («De jure belli et officiis bellicis»). В нем он развил учение о посольской неприкосновенности, обосновав его данными опыта и соображениями целесообразности. Большое

распространение получила работа итальянца Альберико Джентили «О посольствах» (1585 г.). Этот автор был одним из наиболее известных предшественников основателя международного права — голландца Гуго Гроция. Родом из Анконы, Альберико Джентили перешел в протестантизм, вынужден был уехать из Италии и стал профессором Оксфордского университета. Ему как юристу пришлось высказаться по поводу деятельности испанского посла Мендозы, который принял участие в заговоре против королевы Елизаветы в пользу Марии Стюарт. По этому поводу он написал целый трактат о правах и обязанностях посла. Джентили оказал глубокое влияние на развитие науки о международном праве в Англии.

Пальма первенства в отношении разработки науки международного права принадлежит, несомненно, Гуго Гроцию (1583—1645 гг.). Историческое значение знаменитого голландского юриста заключалось в том, что в век бесконечных войн между абсолютистскими, т. е. дворянскими, государствами, сопровождавшихся грабежами и разорением, он попытался теоретически обосновать и защитить буржуазную собственность и вместе с этим ввести войну в рамки правовых норм. Сочинение, которое создало Гроцию славу — «О праве войны и мира» («De jure belli ac pacis», 1625), исходило из права собственности как «естественного права» человека, права, «диктуемого здравым смыслом, т. е. природой». На основе естественного права строится право положительное, т.е. законы, издаваемые государством. Источником положительного права является договор. Договор лежит в основе международного права. Государства, рассматриваемые Гроцием, как отдельные собственники, договариваются между собой о нормах, регулирующих отношения между ними не только в мирное время, но и во время войны. Война, по Гроцию, является фактом естественным: она вытекает из человеческого стремления к самосохранению. Однако война должна быть предпринимаема только в интересах восстановления справедливости. Когда она уже разгорелась, вести ее надо в пределах права и добросовестно. Чтобы война была справедливой, от воюющих сторон требуется уважение свободы торговли, свободы эмиграции, свободы морей, неприкосновенности вражеской собственности в тех пределах, в каких не требуется «возмещение убытков и удовлетворение притязаний за счет врага».

В своем труде Гроций посвятил правам посла целую главу (XVIII). Она интересна в том отношении, что описывает обычаи, которые сложились к началу XVII века в области посольского права. «Всеми признаны, —говорит Гроций, —два основных права посла: 1) право быть принятым тем сувереном, к которому он послан, 2) неприкосновенность личности самого посла, его свиты и его имущества». Гроций подчеркивает, что права

посла не столько вытекают из неизменных принципов естественного права, сколько зависят от воли отдельных народов, другими словами, от обычаев страны. Поэтому и первое и второе из основных прав посла в разных странах имеют различный объем. Право посла быть принятым вовсе не означает, что суверен, к которому он направлен, обязан его принять. Необходимо лишь, чтобы отказ в приеме посла был строго обоснован. Если посол отправлен врагом, вторгшимся в страну, или явился с целью подстрекать чужих подданных к мятежу, он с полным основанием лишается права быть принятым. Точно так же обстоит дело и с неприкосновенностью посла (§ IV). Бо́льшая или меньшая неприкосновенность посла зависит от обычаев страны, в которой он аккредитован. Во всяком случае, думает Гроций, личность посла должна быть изъята из-под действия правила, согласно которому каждый иностранец подчиняется законам той страны, где он находится. С личной неприкосновенностью посла связана и его экстерриториальность. «Так как, —говорит Гроций (гл. XVIII, § IV, 8), —согласно международному праву посол представляет особу своего монарха, он находится как бы вне территории того государства, в котором выполняет свои функции. Отсюда следует, что он не обязан соблюдать законы страны, в которую послан. Если он совершит преступление, то следует либо закрыть на это глаза, либо выслать его за пределы государства; в случае если преступление его наносит стране, где он является послом, существенный ущерб, нужно требовать от его государя либо наказания, либо выдачи посла. Такой же неприкосновенностью пользуются свита посла и его имущество. Что касается права убежища в посольстве, то это право имеется налицо лишь в том случае, если допускается сувереном, при котором посол аккредитован».

Гуго Гроций изложил теоретические основы международного права, и в этом огромное значение его труда. В XVII веке стали издаваться сочинения, которые ставили себе более скромные цели — именно дать послу практическое руководство для наилучшего выполнения возложенных на него поручений. Такими были: пособие по дипломатии англичанина Ричарда Сача (1650 г.) и особенно книга голландца Авраама Викфора «Посол и его функции» (1676 г.). Она выдержала несколько изданий и в течение долгого времени была настольным руководством дипломатов.

Быт и нравы дипломатов XVI—XVIII веков. Типы дипломатов

Установление постоянного представительства и появление юридических норм, регулирующих положение и деятельность дипломатов, свидетельствовали о значительной роли, которую стала играть дипломатия как орудие внешней политики.

Но в сознании людей, которые выполняли дипломатические функции, деятельность эта представляла еще скорее личный, нежели государственный интерес. Послы и прочие крупные дипломаты набирались из среды высшего феодального дворянства. В этом классе живы были еще старые представления, отождествлявшие государство с вотчиной. В новом централизованном государстве дворянство продолжало еще смотреть на доходы казны, как на источник своего обогащения. Это порождало явление, знакомое и буржуазному государству: взяточничество и продажность, от первого министра до последней чиновной сошки, которые царили в феодальном государстве. Этот порок был свойственен и дипломатам абсолютных монархий. В еще большей степени самим дипломатам приходилось подкупать влиятельных людей и важных государственных чинов в странах, в которых они были аккредитованы. Наставник послов Викфор поместил в своей книге целую главу, обозначенную: «Послу позволяется подкупать министров двора, при котором он выполняет свои функции». Однажды, рассказывает Викфор, к английскому королю Якову I явился джентльмен, который заявил, что хочет выдать королю некую важную тайну; однако король при этом должен дать ему полную гарантию неприкосновенности. Когда такая гарантия была дана, джентльмен заявил королю, что многие придворные и члены королевского совета получают пенсии от испанского короля. Яков I поднял насмех простодушного джентльмена. Все это ему, королю, хорошо известно, сказал он. При этом король прибавил, что не возражал бы, если бы король испанский давал в десять раз больше, чем теперь: тем меньше у него было бы денег на войну против Англии. Коррупция при Стюартах была очень сильна: ею, как известно, были затронуты сами члены королевской семьи. Карл II был просто на жалованьи у Людовика XIV. Продав официально Дюнкерк Франции (1662 г.) за 5 миллионов ливров, он дал тайную расписку в получении 8 миллионов, из чего следует, что он положил 3 миллиона в собственный карман. Королева Елизавета была в этом отношении строже: она приказала посадить в тюрьму двух своих послов Николая Клиффорда и Антония Шерли за то, что они осмелились без ее согласия принять от французского короля Генриха IV ордена св. Михаила. Королева подозревала, что они оказали услугу Франции, быть может, в ущерб интересам Англии; а простого подозрения, полагает Викфор, вполне достаточно для того, чтобы по крайней мере отозвать посла и положить конец его карьере.

XVI и XVII века выработали даже особый термин для посла — «почетный шпион» («espion honorable»). Еще Филипп де Коммин, знаменитый историограф королей Людовика XI и Карла VIII и менее знаменитый как дипломат, писал в своих

мемуарах, что для посла «великое дело» проникнуть в дела чужого государя через подкуп его министра. Это — самая большая услуга, какую он может оказать своему государю. Поэтому, замечает Викфор, посол, подкупающий министра чужой страны, нисколько не нарушает международного права, и все согласны с тем, что он в данном случае только выполняет свои обязанности. Лишь бы посол не переходил границ и не занимался подкупом таких лиц, которые угрожают жизни государя или порядкам страны, в которой он аккредитован. У Викфора есть забавное соображение, что обязанность посла проникать в чужие секреты путем подкупа настолько важна, что о странах, которые не пользуются этим обычаем, можно сказать, что они теряют миллионы экю, боясь потерять 50 тысяч. Такова, например, республика Соединенных провинций. У нее нет специальных фондов, предназначенных для подкупа, а когда таковые отпускаются Штатами, то это совершается гласно и становится всем известным, тогда как такое дело требует абсолютной тайны. Поэтому дипломатия в Голландии находится в руках принцев Оранских, а они не гнушаются получать пенсии от французского короля. И действительно, в инструкции министра Генриха IV Жаннена от 11 августа 1609 г. имеются любопытные строки. В них французскому послу Прео указывается, что он должен платить определенную сумму денег на поддержку Морица Оранского и других высоких лиц, дабы укрепить их французские симпатии и их вражду к Испании, исконному врагу Франции. Король Генрих IV в примечании к инструкции назначил для этой цели 100 тысяч ливров.

В дипломатических кругах XVI—XVII и XVIII веков вращалось достаточное количество подозрительных людей и творилось много темных дел. При медленности передвижения в те времена и при опасности путешествий ограбление «неизвестными лицами» посольских курьеров, перлюстрация почты и просто исчезновение в пути дипломатических агентов были делом обыкновенным. Французский министр Лувуа советовал однажды тайно арестовать австрийского посла графа Лизола, неприятного французскому правительству, добавив, что «даже убийство этого посла не причинило бы никаких затруднений» (1674 г.). Среди агентов, бравших на себя такого рода поручения, были люди, которые достигали иногда больших постов и играли крупную роль в политике. То были дипломаты по профессии и авантюристы по призванию, люди без родины и совести; они служили тому, кто больше даст, и ухитрялись получать сразу со всех. Их было особенно много в XVIII веке, в пору упадка абсолютных монархий. Они кишели, как черви, в теле дряхлеющего организма старой дворянской монархии и своей деятельностью ускоряли ее разложение. Некоторые из них

получили европейскую известность благодаря своим способностям дипломатов и политиков.

Таким был, например, первый министр испанского короля Филиппа V или скорее его второй жены Елизаветы Пармской (Фарнезе) Джулио Альберони (1664—1752 гг.). Итальянец по происхождению, сын бедного винодела, Альберони, благодаря своим способностям, образованию и исключительной пронырливости, стал аббатом и наставником недорослей из знатных дворянских фамилий. Его сан и влияние покровителей позволили ему быстро двигаться по ступеням карьеры. В 1702 г. он сделался сводником, шутом и политическим советником герцога Вандома, который представил его самому королю Людовику XIV. Ловкий проходимец сумел чрезвычайно быстро втереться в милость короля и получил от него пенсию в 3 тысячи ливров. От Людовика XIV он перешел к его внуку, ставшему Филиппом V, королем Испании. Здесь он скоро добился должности первого министра как своими несомненными способностями политика, так и уменьем приготовлять итальянские кушанья для короля и королевы. После смерти королевы он женил короля на племяннице своего государя, герцога Пармского, Елизавете, женщине властной и умной. Вместе с нею он правил Испанией до 1719 г. Это был исключительно способный дипломат; он поставил себе целью возвратить Испании итальянские провинции, утерянные ею по Утрехтскому миру, и вернуть Испании ее былую мощь и влияние. Для этого надо было прежде всего расстроить старую антииспанскую коалицию держав, которая создалась из Англии, Австрии и Голландии во время войны за испанское наследство. Одновременно Альберони принужден был, удовлетворяя честолюбие своего короля, который желал получить французскую корону, плести искусную интригу и в этом направлении. Он действовал против Франции, вечно трепеща от страха, что каждую минуту может потерять расположение своей повелительницы, а вместе с ним потерять все, ибо испанские гранды ненавидели его как выскочку и проходимца. «Я предпочел бы быть гребцом на турецких галерах», — сказал однажды Альберони. Альберони был неутомим в дипломатических комбинациях. Он купил союз с Англией, разрешив ей торговлю с американскими колониями; он подстрекал во Франции противников регента, герцога Орлеанского, поощрял турок против Габсбургов, всячески старался примирить Карла XII Шведского с Петром I, для того чтобы насолить этим непримиримому врагу — Георгу I Английскому; он тайно поддерживал в Англии якобитов, сторонников свергнутой династии Стюартов. Своими интригами Альберони немало способствовал тому, что Испания была втянута в бесславную войну с Англией и Францией. Уже в 1719 г. Филипп V принужден был заключить мир. Вместе с ним пал и Альберони, изгнанный из

Испании по требованию французского и английского правительств.

Не менее колоритной фигурой был небезызвестный и в русской истории французский ренегат граф Бонневаль, авантюрист и прожектер XVIII века (1675—1747 гг.). Это был истинный феодал по своим взглядам и поведению, человек безрассудной храбрости, но и редкой политической дальнозоркости, неукротимой энергии и непоседливости, готовый менять своих суверенов так же, как в средние века вассалы меняли своих сеньеров. Поссорившись с министром Шамильяром, он перешел на австрийскую службу и сражался в 1709 г. против своих соотечественников. Затем он воевал против турок под командой знаменитого австрийского полководца Евгения Савойского, но не ужился и с ним. Будучи отправлен послом австрийского правительства в Бельгию, принадлежавшую тогда Австрии, он завел здесь тайные сношения с Испанией и Францией. За это он был посажен в крепость, а затем, едва не попав на виселицу, был изгнан из австрийских владений. Бонневаль отправился в Турцию, где на него «снизошла турецкая благодать, внушившая ему неудержимое желание задать трепку принцу Евгению при помощи турецких батальонов». Приняв веру пророка и надев на голову тюрбан, он превратился в Ахмет-пашу Бонневаля, но не перестал по-феодальному мечтать о новом крестовом походе. Известному Казанова, авантюристу того же стиля, что и он сам, он говорил, что, если бы ему под начало дали 50 тысяч евреев, он пошел бы осаждать Иерусалим. Он сделался политическим советником турецкого султана и всю свою кипучую энергию направил на то, чтобы поставить преграду неудержимому движению основанной Петром Российской империи на юг и Ближний Восток. Он лелеял план оборонительного союза против России трех держав (Швеции, Турции и Польши), которые одинаково страдали от роста России. В этом отношении планы его полностью совпадали с планами французской дипломатии, и он всячески старался толкнуть французское правительство на путь активной поддержки этих трех держав и крепкого союза Франции с Турцией.

Периодизация дипломатической истории XVI—XVIII веков и основные линии внешней политики и дипломатии европейских государств

В Европе XVI—XVIII веков существовали три основных узла международных противоречий, три очага конфликтов, грозивших каждую минуту разгореться в войну.

1) На западе Европы сталкивались торговые и колониальные интересы четырех передовых держав XVI—XVIII веков — Испании, Франции, Англии и с XVII века Голландии; 2) в XVI веке возник и к XVIII веку окончательно сложился на юго-востоке восточный вопрос — проблема взаимоотношений между европейскими дер-

жавами и великой Османской империей; наконец, 3) на северо-востоке Европы великие державы севера в течение трех столетий вели ожесточенную борьбу за господство на Балтийском море, решая вопрос о том, кому должно было принадлежать господство над Балтикой.

Эти три узла переплетались друг с другом, влияли друг на друга, создавая самые неожиданные и сложные комбинации в международных отношениях.

В XVI веке, после открытия Нового Света и морского пути в Индию, перед западными державами впервые возник во всей остроте вопрос о захвате колоний и о расширении заморских владений. Борьба в Европе осложнилась борьбой в колониях. Каждый европейский конфликт влек за собой изменения в колониальных владениях западных держав.

В XVI веке самыми сильными европейскими колониальными державами были Франция и Испания. Со второй половины XVI века начинает расти колониальная мощь Англии. Во второй же половине XVI века происходит и нидерландская революция — восстание Нидерландов против испанского владычества; к концу XVI века создается новое независимое государство, первая в Европе буржуазная республика Соединенных провинций, известная в истории больше под именем Голландской республики. Борьба между Францией и Испанией на континенте Европы, соперничество между Англией и Испанией за господство на морях — таково основное содержание международных отношений на западе Европы в XVI веке. Результатом этой борьбы было ослабление Испании, силы которой были подорваны в соперничестве с Англией и особенно в борьбе со своими нидерландскими подданными, и усиление Англии, Франции и Голландии. В XVII веке Франция становится самой могущественной державой на континенте и притязает на гегемонию в Европе. В XVII же веке создается великая колониальная французская держава, и происходит буржуазная революция в Англии. Начинается борьба между двумя морскими державами — Англией и Голландией — за господство на море; этот спор решается в пользу Англии. В XVIII веке у Англии в Европе остается один соперник — Франция. В борьбе, которая идет между ними в течение XVIII века, Франция остается самой сильной державой континента, но теряет бо́льшую часть своих заморских колоний. Англия к концу XVIII века становится не только первой в Европе морской и колониальной державой, но и превращается мало-помалу в «мастерскую мира», производящую товары на весь мир.

Таковы основные контуры международных отношений на западе Европы в XVI—XVIII веках.

Сообразно с этим историю международных отношений и дипломатии этих трех столетий можно разбить на три периода:

1. Период испанского преобладания в Европе, который охватывает почти весь XVI век. Это одновременно период ожесточенных религиозных войн, в которых Испания принимала деятельное участие как оплот феодально-капиталистической реакции. На западе Европы это — период испанско-французского соперничества и борьбы.

2. Период французской гегемонии в Европе. Ее кульминационный момент — Вестфальский мир (1648 г.) и связанная с ним внешняя политика Людовика XIV. Это — также время напряженной борьбы между Францией и Голландией, время блестящей дипломатической деятельности молодой Голландской республики и ее представителей, время значительного усиления Англии, в особенности после буржуазной революции XVII века и усиления роли ее дипломатии в Европе.

3. Третий период приблизительно совпадает с XVIII веком. Это — прежде всего время борьбы между Англией и Францией за колонии и за первое место в мировой политике.

В это время на востоке Европы появляется в качестве постоянного участника международных отношений молодая Российская империя.

Наиболее яркое выражение указанные международные противоречия нашли в трех крупнейших общеевропейских конфликтах XVII и XVIII веков: в Тридцатилетней войне (1618—1648 гг.), в войне за испанское наследство (1701—1714 гг.) и в Семилетней войне (1756—1763 гг.).

ГЛАВА ВТОРАЯ

ДИПЛОМАТИЯ В XVI ВЕКЕ

1. ДИПЛОМАТИЯ В ИСПАНИИ, ФРАНЦИИ И АНГЛИИ В XVI ВЕКЕ

Период испанского могущества в Европе. Испания Карла V и Филиппа II

В XV веке Англия была небольшим государством с 3,5—4 миллионами населения. Первое место в Европе занимали Франция и Испания — две державы, которые закончили к началу XVI века свое территориальное объединение и насчитывали первая до 15 миллионов, вторая до 10 миллионов населения. Обстоятельства международной жизни выдвинули в XVI веке на первое место Испанию.

Результатом предприимчивости португальцев и испанцев было открытие в конце XV века Нового Света, Америки (1492 г.), и морского пути в Индию (1498 г.), которое чрезвычайно обогатило обе страны. С 1516 г. королем Испании сделался юноша Карл I (родился в 1500 г.), внук испанских королей-объединителей — Фердинанда и Изабеллы Католических. По своему отцу эрцгерцогу Австрийскому Карл I приходился также внуком императору Германии Максимилиану I Габсбургу. После смерти Максимилиана немецкие князья избрали Карла императором Германии (1519 г.). В состав испанских владений в это время входили вновь открытые колонии в Америке, Нидерланды, Неаполитанское королевство и Сардиния. О Карле I (как император Германии он стал Карлом V), который владел одновременно Испанией, Германией, Италией, землями за океаном, говорили, что в его владениях никогда не заходит солнце. Это была действительно огромная, невиданная до сих пор в Европе мировая империя. Но чисто феодальный характер Испании — основы этой империи — предопределил структуру всей монархии Карла V, а также направление его внешней политики.

Хлынувший из вновь открытой Америки поток драгоценного металла обогатил правящие верхи испанского дворянства и тем самым укрепил класс феодалов и феодальные отношения в стране. Добытые рабским или крепостным трудом

несчастных туземцев Америки золото и серебро, в конечном счете, погубили Испанию. Падение цены драгоценного металла и соответствующее повышение цен на продукты и товары прежде всего сказались в Испании. Здесь это привело к резкому подъему цен на продукты первой необходимости, а вслед за ним и к повышению заработной платы. Испанским купцам, которые торговали с новыми колониями, оказалось выгоднее продавать туда товары английского, французского и нидерландского, но не своего, испанского, производства. В Испании буржуазия потеряла интерес к развитию отечественной промышленности. Единственная отрасль производства, которая процветала в Испании — разведение овец, — работала на вывоз, обогащая крупных скотоводов-дворян. Испания в экономическом отношении стала скатываться назад, к временам XIV века. Золото и серебро лились рекой в руки феодальной знати, которая праздно жила в великолепных дворцах; остальная дворянская масса — испанские идальго, попрежнему презиравшие труд, — влачила довольно жалкое существование. Что касается народа, ремесленников и крестьян Испании, то нищета их стала поговоркой. На этой нищете пышным цветом распустилась католическая церковь: сотнями тысяч тунеядцев-монахов множились монастыри; свирепствовала испанская инквизиция — страшное орудие испанского абсолютизма. И в это время король Испании и император Германии Карл V мечтал о единой монархии, единой католической семье народов, во главе которой стоял бы он один, светский государь и духовный отец всех правоверных католиков. «То было время, — говорит Маркс, — когда Васко-Нуньес Бальбоа водрузил знамя Кастилии на берегах Дариена, Кортес — в Мексике, Писарро — в Перу; то было время, когда влияние Испании безраздельно господствовало в Европе, когда пылкое воображение иберийцев ослепляли блестящие видения Эльдорадо, рыцарских подвигов и всемирной монархии. Свобода Испании исчезала... но вокруг лились потоки золота, звенели мечи, и зловеще горело зарево костров инквизиции»[1].

Во внешней политике Карла V поражает причудливое сочетание реальности с фантастикой. То была политика возрождения средневековой фантазии о единой универсальной католической монархии. «Идеальные» цели этой политики служили прикрытием самой грубой реальности — системы захватов и грабежа.

Дворянство жаждало «рыцарских подвигов» потому, что хотело войны и добычи. На этом пути Карл V встретился с соперником — королем французским, главой еще более многочисленного и не менее воинственного французского дворянства.

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. X, стр. 721.

Оно тоже жаждало грабежа и «подвигов» и воспевало доблесть крестоносцев, которым всячески стремилось подражать. Таков смысл итальянских войн первой половины XVI века. Два соперника, испанское и французское дворянство, спорили из-за добычи: богатой, но политически распыленной и немощной Италии.

Политическая идея всемирной монархии, лелеемая Карлом V, была чистейшей утопией. Сама «Священная Римская империя германской нации», состоявшая из столь разнородных частей, как Германия, Италия, Нидерланды, была скорее призраком, чем реальностью. Немецкие курфюрсты, которые избрали Карла императором, заявили ему во время коронации в Аахене 23 октября 1520 г.: «Помни, что этот трон дан тебе не по праву рождения и не по наследству, а волей князей и курфюрстов Германии». Правильнее было бы сказать, что этот трон был куплен Карлом V. Для того чтобы получить его, Карл истратил на подкуп курфюрстов колоссальные суммы, которые после его избрания были выплачены финансовым агентом императора, знаменитым южногерманским банкирским домом Фуггеров. Глава этого дома Яков Фуггер имел полное основание писать Карлу V в 1523 г.: «Ясно, как день, что без моей помощи вы, ваше величество, не могли бы получить императорскую римскую корону». Времена таких политических затей, которые напоминали притязания пап на вселенско-католическое господство, прошли безвозвратно. Да и раньше то были миражи, неспособные стать реальностью. Тем бóльшим абсурдом была эта идея в век рождения национальных государств, сплоченных единством хозяйства и деятельностью буржуазии, которая выставила уже лозунги крепкого централизованного государства, защищающего интересы нации.

Сам Карл V едва ли понимал эти требования своего времени. Подавив в Испании восстание городских коммун и утвердив там абсолютизм, он принужден был вести совсем иную политику в Германии. Реформация и проведенная князьями в свою пользу секуляризация церковных имуществ, а затем неудача Великой крестьянской войны в Германии усилили власть немецких князей; фактически они превратили Германию в кучу мелких и мельчайших государств-княжеств, достаточно сильных, чтобы противодействовать всяким попыткам централизации, идущим со стороны императора, но немощных по отношению к крупным государствам Запада. После неудачи крестьянской войны борьба в Германии «выродилась в грызню между отдельными князьями и центральной имперской властью и имела своим последствием то, что Германия на 200 лет была вычеркнута из списка политически активных наций Европы»[1].

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 296.

В этой «грызне» Карл V проявил большое дипломатическое искусство. Несмотря на это, он потерпел поражение. Когда враждебные императору протестантские князья, которые заключили так называемый Шмалькальденский союз (1531 г.), выступили открыто против императора, Карл V сумел ловким дипломатическим маневром привлечь на свою сторону самого сильного, но и самого беспринципного из немецких князей, поклонника Макиавелли, Морица Саксонского. За этот союз Карл V обещал Морицу титул курфюрста. Протестантские князья были разбиты. На сейме 1547/48 г. Карл V смог провести ряд постановлений в интересах своей власти и династии Габсбургов. Его намерения шли, однако, дальше. Ему казалось, что он недалек от полного подчинения своей власти всех немецких князей. Но такое усиление власти императора испугало не только католических князей Германии, но и самого папу. Сам «Иуда-предатель» Мориц Саксонский начал интриги против императора. Он вошел в тайное соглашение с протестантскими князьями, заручился французскими субсидиями и внезапно перешел на сторону врагов Карла V. В 1552 г. князья обнародовали манифест, в котором заявляли, что взялись за оружие для того, чтобы освободить Германию от «скотского» рабства и засилья испанцев. Мориц быстро двинулся в Тироль, где в это время находился император. Последний принужден был бежать. Дело переговоров с восставшими князьями взял на себя брат Карла V, «римский король» Фердинанд I. Аугсбургский религиозный мир 1555 г. был дальнейшим шагом к ослаблению власти императора и усилению князей. Князья получили право исповедовать ту религию, которая им была больше по нраву; подданные обязаны были следовать религии своих государей (cujus regio, ejus religio). Разгромив восставших крестьян и одолев императора, князья освободились также от папской опеки, подчинили себе духовенство, захватили церковные имущества и стали почти независимыми.

Взгляд на государство, характерный для раннего средневековья, когда государи-сеньеры еще не делали различия между государствами и поместьем, между публично-правовыми и частно-правовыми функциями, был свойственен и Карлу V. По старой габсбургской привычке Карл V думал расширить власть и влияние своего дома при помощи браков. Последние занимали видное место в дипломатии многих государей XVI века. Известно, что королева Елизавета Английская была помолвлена не менее десяти раз, но так и не вышла замуж. Екатерина Медичи также без конца суетилась со своими матримониальными планами, устраивая политические браки для своего многочисленного семейства. Однако новые времена, когда старые феодальные вотчины превратились в националь-

ные государства, мало благоприятствовали устроению политических предприятий при помощи браков. Карл V мечтал ни больше, ни меньше, как о том, чтобы, женив своего сына Филиппа на английской королеве Марии, подчинить Англию политике Испании и Империи. Он сам был помолвлен со своей родственницей Марией (английская принцесса Мария была дочерью Генриха VIII и Екатерины Арагонской, тетки Карла V), когда ей было еще шесть лет от роду. Потом этот предполагаемый брак расстроился. Однако Карл V считал себя «покровителем» своей родственницы и в начале 50-х годов XVI века решил осуществить свой план в исправленном виде, женив на Марии своего сына Филиппа, который был моложе ее лет на 10. Испанскому послу в Лондоне Ренару были даны соответствующие указания. Несмотря на все происки и интриги французского посла, который пронюхал о проекте и всячески старался ему помешать, предложение Карла было благосклонно принято Марией. Можно себе представить страх и негодование государственных деятелей Англии, когда от французского посла они узнали о происках Карла. Испания в это время была самым опасным соперником английских купцов и дворян, которые торговали шерстью и сукном и уже рыскали по всем морям. Но противодействовать желаниям королевы они не могли. Не помогла и просьба палаты общин, которая почтительнейше умоляла королеву не забывать выгод своего народа и не искать себе супруга за пределами отечества. Мария твердо решила отдать свою руку и сердце Филиппу. Однако брачный договор, составленный министрами королевы, был, по существу, настоящим поражением для Карла. Филипп обязывался уважать законы Англии, не должен был вовлекать Англию в войну Испании с Францией и в случае смерти королевы Марии лишался права на управление государством. Одним словом, несмотря на гордый титул короля Англии, Филипп так и остался только «мужем королевы». Когда в 1558 г. Мария умерла, англичане попросту забыли о своем «короле».

Таким образом, рухнули все планы Карла V. Он сам принужден был отказаться от престола и уйти в монастырь.

После отречения Карла от престола его «империя» распалась. Священная Римская империя досталась его брату Фердинанду; Испания, Нидерланды, итальянские владения и испанские колонии перешли к его сыну Филиппу II.

Карлу V были свойственны великие, хотя и неосуществимые дерзания; Филипп II понимал, что мечтать о всемирной монархии у него нет никаких оснований. Но и его политика была не менее фантастичной, чем политика его отца. Глубоко убежденный в непоколебимости своей власти и ее основ — абсолютизма и католицизма,— Филипп II стремился установить

дорогие для него испанские порядки во всех частях своего великого государства; он противодействовал протестантизму всюду, где это казалось ему возможным, не останавливаясь ни перед какими средствами для достижения своей цели.

Прямолинейная, фанатически изуверская политика Филиппа в Нидерландах способствовала началу первой в Европе успешной буржуазной революции. Интриги короля во Франции во время религиозных войн второй половины XVI века в пользу католиков привели к тому, что против Филиппа ополчились даже французские католики-патриоты. Его происки в Англии, где он сеял смуту вокруг несчастной Марии Стюарт, в надежде вызвать замешательство в стране и ослабить своего главного соперника на море, обрекли Марию Стюарт на плаху. Его попытки прямого нападения на Англию с моря привели к гибели «Непобедимой Армады», самой большой эскадры XVI века (1588 г.). Везде и всюду планы Филиппа рушились, ибо были выражением политики феодальных притязаний, направленных против буржуазного развития Европы.

Открытие в первой половине XIX века испанских архивов позволило заглянуть в глубину поистине чудовищной дипломатии испанского абсолютизма времени упадка. У Филиппа II, кроме официальных дипломатических представителей во Франции, Англии и Нидерландах, была туча платных и добровольных шпионов. Они не только доносили королю обо всем, что делалось при враждебных и дружественных дворах, но и следили за самими испанскими дипломатическими представителями. В Нидерландах они вели наблюдение и за наместниками короля. Эта двойная дипломатическая бухгалтерия часто запутывала самого короля, который, не выезжая из Мадрида, хотел все знать и всем управлять при помощи бесконечной канцелярской переписки. Итоги его царствования были плачевны для Испании. «Я предпочитаю вовсе не иметь подданных, чем иметь в их лице еретиков», — сказал однажды Филипп. Но еретики остались жить, а феодально-дворянская Испания бесславно скатилась на уровень второстепенной европейской державы.

Опасность попасть под сапог испанского солдата, нависшая над всей Европой, в значительной мере определила политику и двух самых сплоченных и крепких государств XVI века — Франции и Англии.

Франция XVI века

Если Испания уже со второй половины XVI века начала переживать экономический упадок, за которым через полвека последовал упадок политический, то французская абсолютная монархия, сложившаяся при Людовике XI, шла в течение всего XVI и почти всего XVII века по линии подъема. Централизованное государство, хотя и феодальное, было настоящим благодеянием

для французской буржуазии, которая не забыла еще ужасов и разорения времен Столетней войны (1338—1453 гг.). Горожане всегда поддерживали во Франции сильную королевскую власть. Когда во второй половине XVI века она снова было зашаталась под ударами феодально-протестантской оппозиции (гугенотские войны), горожане остались верными и королю и королевской, т. е. католической, вере: то и другое означало для них единую Францию. Значительная часть мелкого и среднего дворянства шла заодно с буржуазией: единая и сильная монархия была для него гарантией военной службы и военной славы.

Уже первые четыре преемника Людовика XI — Карл VIII (1483—1498 гг.), Людовик XII (1498—1515 гг.), Франциск I (1515—1547 гг.) и Генрих II (1547—1559 гг.) — были абсолютными монархами и действовали в духе той реалистической политики, которую рекомендовал государям Макиавелли. В это время складываются основные линии внешней политики Франции. Окруженная с начала XVI века со всех сторон владениями Габсбургов, укрепившихся в лице Карла V в Испании, Италии, Германии и Нидерландах, французская абсолютная монархия стремится вырваться из этих тисков и заполучить для своего дворянства лакомую добычу в виде Италии. Таково происхождение итальянских войн и знаменитого франко-австрийского (т. е. франко-габсбургского) соперничества, проходящего красной нитью через XVI, XVII и часть XVIII веков. В XVI веке это соперничество было по преимуществу франко-испанским: центр, откуда Габсбурги наносили удар Франции, находился в Испании.

Теснимая Габсбургами, католическая Франция, с одной стороны, сближается с их исконными врагами — турками, с другой — с немецкими протестантскими князьями. К «великому стыду» всего христианского мира, король Франциск I, попав в битве при Павии (1525 г.) в плен к Карлу V, начинает переговоры о помощи с турецким султаном Сулейманом Великолепным. За этим вскоре последовало знаменитое в истории европейской дипломатии соглашение о «капитуляциях», которое дало Франции широкие торговые и прочие привилегии в Турции.

Это было во время первой из четырех войн Франциска I с Карлом V (1521—1526 гг.). Разбитый под Павией и взятый в плен, Франциск I отправил в Константинополь специального посла. Первое посольство оказалось неудачным. Посол был схвачен и убит в Боснии вместе со своими двенадцатью спутниками; его бумаги и кольцо короля, знак доверительности посланца, были отправлены, кажется, в Константинополь. Великий визирь Ибрагим показывал впоследствии это кольцо, красовавшееся у него на пальце, хвалясь тем, что оно некогда

было на правой руке французского короля. Лишь второму послу Иоанну Франджипани удалось дойти до Константинополя и вручить султану письмо французского короля. Оно не сохранилось. Известен лишь ответ Сулеймана: «Ты, француз и король Франции, прислал верного слугу Франджипани ко мне в Порту, которая служит убежищем для монархов. Ты уведомил меня, что неприятель завладел твоим государством, что ты находишься в настоящее время в темнице, и ты просил моего содействия и помощи для возвращения тебе свободы. После того как все это было изложено у подножия моего трона, который служит защитой для всего мира, моя императорская ученость вникла во все подробности этого дела. Нельзя сказать, что бы поражения императоров и взятие их в плен были неслыханными событиями; поэтому не теряй мужества и не падай духом. Наши славные предки (да освятит господь бог их могилу) никогда не переставали вести войны, чтобы отразить неприятеля и приобрести новые владения. И мы шли по их следам... И днем и ночью наш конь оседлан, и мы опоясаны мечом».

До султана дошло и первое письмо, взятое у убитого посла. Оно, как говорил визирь Ибрагим, побудило султана предпринять нашествие в Венгрию. Султан, будто бы из сострадания к Франциску, решил начать войну с Карлом, «обнаружившим дурные намерения». Дело было, конечно, не в сострадании: турецкая феодальная держава сама нуждалась в постоянных войнах для содержания своего господствующего класса. После захвата турками Балканского полуострова Сулейман Великолепный намерен был двинуться дальше в Европу. Письмо Франциска I пришлось весьма кстати. Уже в следующем году войска султана разгромили соединенные чешско-венгерские войска при Могаче в южной Венгрии, а в 1529 г. подступили и к стенам самой Вены. Таким образом, союз Франции с Турцией с необходимостью вытекал из международной обстановки: у Франции и Турции был один и тот же враг — Габсбурги. Союз поэтому и оказался прочным. В 1535 г. был заключен первый договор, который послужил образцом для последующих договоров, заключенных Турцией с европейскими державами. В секретной части договора имелось обещание поддерживать Турцию в ее борьбе с Австрией и Венецией. Франции этот договор предоставлял торговые льготы, которые позволили ей монополизировать всю торговлю Турции с европейскими странами. Значение этого договора, или первой «капитуляции», определялось односторонними льготами, предоставленными султаном французским купцам и французскому правительству. Из этих льгот впоследствии выросли притязания европейских государств сначала на протекторат над своими подданными, проживающими в Турции, а затем и над всеми христианами вообще. Сущность капитуляций Маркс определяет так:

«Капитуляции, это — императорские дипломы, грамоты и привилегии, выданные Портою различным европейским нациям, которыми подданным этих наций давалось право беспрепятственно въезжать в магометанские земли, спокойно заниматься там своими делами и отправлять богослужение. От договоров они отличаются тем важным признаком, что не основываются на взаимности, не обсуждаются совместно заинтересованными сторонами и не утверждаются ими на основе взаимных выгод и уступок. Наоборот, они являются односторонне дарованными льготами, которые, следовательно, соответствующее правительство может по своему усмотрению взять назад. И, в действительности, Порта в разное время уничтожала привилегии, данные ею какой-либо нации, тем, что распространяла их и на другие или совершенно отменяла, воспрещая дальнейшее пользование ими. Этот непрочный характер капитуляций превращал их в неиссякаемый источник споров, жалоб со стороны послов и вызывал бесконечный обмен противоречивыми нотами и фирманами, возобновлявшимися в начале каждого нового царствования»[1].

Той же борьбой Франции с Габсбургами определялись и отношения Франции к Германии или, лучше сказать, к германским князьям. Франция была заинтересована в слабости императора — Габсбурга; она, как говорил король Генрих II (1547—1559 гг.), всегда стояла на стороне «исконной немецкой свободы», т. е. поддерживала протестантских князей против католика императора. Тем самым Франция содействовала политическому ослаблению Империи, чтобы время от времени урывать куски немецкой территории. Основные линии французской политики, которые сделались своего рода аксиомами ее дипломатии, сохранялись и в XVII веке, проявляясь в деятельности ее выдающихся политиков и дипломатов, как Генрих IV и его министр Сюлли, кардиналы Ришелье и Мазарини.

Английская дипломатия в XVI веке

История английской дипломатии в XVI веке значительно отличается от французской. Во Франции абсолютная монархия была сильна, как нигде. Наоборот, в Англии, даже в пору наибольшей мощи королевской власти, парламент, где господствовали лорды и торговая буржуазия, не переставал существовать, производя давление на королевскую власть и ограничивая ее. Дворянство и буржуазия, которые захватили уже в XVI веке командные высоты в экономике страны, в XVII веке осуществили буржуазную революцию; ею были установлены порядки, которые давали простор дальнейшему развитию капитализма. В Англии поэтому сам господствующий класс, ясно сознающий свои цели и средства их достижения, вел

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. X, стр. 8.

политику и создавал общественное мнение, с которым правительство вынуждено было считаться.

В XVI веке, особенно во второй его половине, Англия вела ожесточенную борьбу с Испанией. Эту политику делали не столько короли Англии и английское правительство, сколько английские корсары, арматоры, купцы и дипломаты. Правительство английской королевы Елизаветы (1558—1603 гг.) часто лишь санкционировало то, что делал в частном порядке тот или иной из ее подданных. Знаменитые корсары, ставшие затем адмиралами флота ее величества, Дрэк, Гаукинс и Рэли грабили испанские флотилии, которые возвращались из Америки с грузом драгоценного металла, врывались в испанские гавани и топили испанские корабли на глазах у жителей. В то же время английские дипломаты вели весьма последовательную политику при дворах европейских государей. Эта последовательность свидетельствовала о ясном сознании целей, свойственном сильному, идущему в гору господствующему классу. Яркий пример энергии и последовательности английской дипломатии XVI века представляет деятельность одного из самых способных английских дипломатов, посла во Франции Уолсингема. Этому дипломату пришлось сыграть решающую роль в трагической судьбе шотландской королевы Марии Стюарт. Эта королева была дочерью лотарингской герцогини Гиз и внучкой Маргариты, дочери английского короля Генриха VII, вышедшей замуж за шотландского короля Якова V Стюарта. Гизы были ярыми католиками. Впоследствии они стояли во главе католической партии, которая учинила во Франции резню протестантов в Варфоломеевскую ночь (1572 г.). Когда в Шотландии началась реформация, Мария как непримиримая католичка была изгнана своими подданными из Шотландии. Она бежала в Англию, отдавшись под покровительство королевы Елизаветы. Здесь Мария вскоре сделалась центром заговоров и испанских интриг, направленных против Елизаветы и английского протестантизма. Так как Елизавета, дочь Генриха VIII от одной из его многочисленных жен (Анны Болейн), не признавалась католиками законной королевой, Мария Стюарт сама выступила с притязаниями на английский престол. Но англичане того времени и слышать об этом не хотели. Для них Мария Стюарт была знаменем католической реакции, представительницей самого страшного врага Англии — Филиппа II Испанского, который тайно руководил заговорами против Елизаветы и всюду, на континенте и в самой Англии, поддерживал католицизм. Напуганные этими католическими интригами, англичане и английский парламент не раз выносили постановления, воспользовавшись которыми Елизавета могла бы уничтожить свою соперницу. Но королева ограничивалась тем, что держала Марию долгие годы в заключении. На предание ее суду

Елизавета решилась только после того, как в 1587 г. было доказано, что Мария — неутомимая заговорщица, убежденная, что выйдет из своего заключения не иначе, как английской королевой. Задачу доказать причастность Марии Стюарт к последнему заговору, имевшему целью умертвить Елизавету, взял на себя английский посол во Франции Уолсингем. Все это он делал по собственному почину и во имя «спасения Англии от католицизма и испанцев». Почему именно он взялся за это дело, объясняется просто. Нити заговоров, которые сплетались вокруг Марии Стюарт, вели во Франции к родственникам Марии — Гизам; а Гизы в это время находились на жалованьи у врага Англии — Филиппа II Испанского. Войдя в соглашение с начальником охраны замка Чарти, в котором в это время содержалась Мария Стюарт, Уолсингем подослал к ней своего человека, некоего Джиффорда, доставлявшего в замок вино и пиво. Прикинувшись горячим католиком и другом Марии, тот взялся передавать ее корреспонденцию доверенным людям. Корреспонденция была зашифрована и передавалась в бочках, в которых Джиффорд доставлял в замок эль. Само собой разумеется, что, прежде чем попасть по назначению, письма вскрывались секретарем Уолсингема Филиппом: он узнал секрет их шифра и содержание писем сообщал Уолсингему. Скоро в руках посла оказался материал, вполне достаточный для обвинительного акта против Марии. Уолсингем дошел до того, что, владея шифром, делал приписки к письмам Марии Стюарт. Так, в одном из писем он от имени Марии спрашивал у заговорщиков имена тех, кто должен был в Англии напасть на замок Чарти, освободить Марию и совершить покушение на королеву Елизавету. Эти лица были, повидимому, известны Уолсингему и раньше, но ему хотелось иметь документальное подтверждение. Данные Уолсингема были основанием для ареста Марии и для ее осуждения. Обе палаты парламента умоляли Елизавету, чтобы «за справедливым приговором последовало справедливое наказание». Когда Мария была обезглавлена, известие об этом было встречено всеобщим ликованием в Лондоне, который был по этому случаю иллюминован. Уолсингем знал англичан, когда вел свою интригу.

2. ДИПЛОМАТИЯ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В XVI ВЕКЕ

Дипломатия Московского великого княжества при Иване III

Во второй половине XVI века на международную арену выступает и Московское государство, сложившееся как национальное целое столетием раньше. Первоначально оно носило скромное название «Московского великого княжества» и представляло собой по форме феодальную монархию. Новое государство, объединившее под

своей властью обширные пространства Восточной Европы, заняло видное международное положение. Уже в конце 80-х годов XV века великое княжество Московское представляло собой весьма внушительную политическую силу на европейском горизонте. Пред западноевропейской дипломатией встала задача — найти ему надлежащее место в той системе государственных взаимоотношений, которая сложилась к этому времени в Европе.

В 1486 г. силезец Николай Поппель случайно попал через Литву в Москву. По возвращении он стал распространять молву о Московской Руси и о богатстве и могуществе правящего в ней государя. Для многих все это было новостью. О Руси в Западной Европе ходили до тех пор только случайные слухи, как о стране, подвластной польским королям. «Изумленная Европа,— говорит Маркс, — в начале княжества Ивана III едва ли даже подозревавшая о существовании Московии, зажатой между Литвой и татарами, была ошеломлена внезапным появлением огромной империи на восточных своих окраинах» [1].

В 1489 г. Поппель вернулся в Москву уже как официальный агент германского императора. На тайной аудиенции он предложил Ивану III ходатайствовать перед императором о присвоении ему титула короля. С точки зрения западноевропейской политической мысли, это был единственный способ легализировать новое государство и ввести его в общую систему западноевропейских государств. Но в Москве держались иной точки зрения. Иван III с достоинством ответил Поппелю: «Мы божиею милостью государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, и поставление имеем от бога, как наши прародители, так и мы..., а поставления, как наперед сего не хотели ни от кого, так и ныне не хотим». В ответной грамоте императору Иван III и титуловал себя «божиею милостью великим государем всея Руси». Изредка в сношениях с второстепенными государствами он даже именовал себя царем. Сын его Василий III в 1518 г. впервые назвал себя официально царем в грамоте, отправленной к германскому императору, а внук, Иван IV, в 1547 г. уже торжественно венчался на царство и тем самым с блеском определил то место, которое его государство должно было занимать среди прочих государств культурного мира.

Новая политическая сила, о юридическом оформлении которой так заботились европейские дипломаты, привлекала внимание Западной Европы и в другом отношении. В 1453 г. Константинополь был взят турками, и вопрос о турецкой опасности встал во весь рост перед всеми странами Европы. Привлечь так или иначе московского государя к общеевропейскому союзу для борьбы с Турцией стало мечтой западной дипломатии. Внедрение Турции в Средиземное море в первую очередь угро-

[1] *Marx*, Secret diplomatic history of the XVIII century, p. 81.

жало Италии. Поэтому уже с 70-х годов XV века как Венецианская республика, так и римский престол с надеждой взирали на далекий северо-восток. Этим объясняется то сочувствие, с которым был встречен и в Риме и в Венеции проект брака могущественного русского государя с находившейся под покровительством папы наследницей византийского престола Зоей (Софией) Палеолог. Через посредство греческих и итальянских дельцов проект этот был осуществлен в 1472 г. Посылка в Москву одновременно с невестой и полномочного «легата» (посла) папы Сикста IV — Бонумбре, снабженного самыми широкими полномочиями, свидетельствовала о тех широких планах, какие связывались папской дипломатией с этим брачным союзом. Венецианский совет со своей стороны внушал Ивану III мысль о его правах на наследие византийских императоров, захваченное «общим врагом всех христиан», т. е. султаном, потому что «наследственные права» на Восточную империю, естественно, переходили к московскому князю в силу его брака. Еще в 1519 г. папский престол призывал Василия III «за свою отчину Константинопольскую стояти» и выступить «для общего христианского добра против христианского врага турка, кой держит наследие царя всея Руси».

Однако все эти дипломатические шаги не дали никакого результата. У Русского государства были свои неотложные международные задачи. Их Иван III и неуклонно проводил в жизнь, не давая себя прельстить никакими ухищрениями Рима или Венеции.

На первой очереди стоял вопрос о воссоединении русских земель, захваченных Польско-Литовским государством. Объединив всю Северо-Восточную Русь, Москва объявила все русские земли, входившие некогда в систему Киевского государства, наследственной «отчиной» московского великого князя. Великокняжеское правительство поэтому упорно отказывалось юридически признать захват русских земель Литвой. До разрешения этого спора оно соглашалось лишь на перемирия, уклоняясь от заключения «вечного мира». «Коли государь ваш похочет, — говорили в 1503 г. московские бояре литовским послам, — с нашим государем любви и братства, он бы государю нашему отчины их Русской земли всей поступился». Со своей стороны и польско-литовское правительство протестовало против того, что московские великие князья титуловались государями «всея Руси».

Свою международную политику и Иван III и Василий III всецело подчиняли этой основной задаче, лежавшей перед их государством. Антитурецкая лига не представляла для них поэтому ничего заманчивого. В ответ на посул «константинопольской отчины» в Москве отвечали, что «князь великий хочет вотчины своей земли Русской».

Более того, Москва была заинтересована в мирных отношениях с Оттоманской Портой в целях развития своей черноморской торговли. Завязавшиеся в 90-х годах XV века сношения между Москвой и Турцией велись в неизменно благожелательных формах. С «Римской империей» Иван III стремился не только поддержать дружеские отношения, но и использовать соперничество императора Максимилиана с польскими Ягеллонами из-за Венгрии. Он предлагал союз и намечал план будущего раздела добычи: Венгрию — Максимилиану, Литву — себе. Однако Максимилиан думал достичь своих целей мирным путем. В зависимости от колебаний в германо-польских отношениях происходили изменения и в отношениях германо-русских, пока Максимилиан не нашел для себя более выгодным примириться с Польшей и даже предложил свое посредничество для примирения с ней и Москвы.

Борьба с Литвой была одним из оснований тесного союза Москвы с крымским ханом Менгли-Гиреем, укрепившимся «на Крымском юрте» в качестве вассала Турции. Иван III домогался этого союза ценой любых уступок. Он соглашался даже, если потребует хан, титуловать его «государем» и не щадил расходов на «поминки», т. е. ежегодные подарки для своего татарского союзника. Московской дипломатии удалось в конечном итоге добиться заключения желанного союза. Крымские татары стали производить периодические набеги на литовские владения, проникая далеко в глубь страны, до Киева и дальше. Этим они не только наносили материальный ущерб великому княжеству Литовскому, но и ослабляли его обороноспособность.

Союз с Менгли-Гиреем вводит и в другую проблему русской внешней политики конца XV — начала XVI века, — проблему окончательной ликвидации зависимости от Золотой Орды. При ее разрешении Иван III более чем когда-либо действовал не столько оружием, сколько дипломатическим путем; он, по выражению Маркса, «освободил Москву от татарского ига не одним сильным ударом, а 20-летним упорным трудом» [1]. «Он не выбивает неприятеля из крепости, но искусным маневрированием заставляет его уйти из нее» [2].

Союз с Крымом и был решающим моментом в борьбе с Золотой Ордой. К союзу были привлечены ногайские и сибирские татары. Ахмат при отступлении от Угры в 1480 г. был убит ногайцами, а в 1502 г. Золотая Орда была окончательно разгромлена Менгли-Гиреем.

Таким образом, Иван «погубил одного татарина посредством другого» [3].

[1] *Marx*, op. cit., p. 81.
[2] Ibid., p. 82.
[3] Ibid., p. 83.

Действуя против Золотой Орды в союзе с Крымом, Иван III военным и дипломатическим путем добился вместе с тем вассального подчинения другого татарского ханства — Казанского, — возникшего в среднем Поволжье в первой половине XV века.

При Иване III наметилась линия внешней политики Москвы и в сторону Балтийского моря. Без выхода в море внешняя торговля великого княжества была обречена на прозябание. С другой стороны, остро ощущаемая потребность в западноевропейской технике и специалистах не могла быть удовлетворена, пока враждебные Москве Литва и Ливонский орден преграждали русским доступ к балтийским гаваням. Итальянские художники и мастера, украсившие столицу великого князя московского созданиями искусства и техники, должны были годами перебираться в Москву через Молдавию и Крым. Разгром Ганзейского двора в Новгороде и установление дружеских отношений с Данией имели, несомненно, целью освободить новгородскую торговлю от тех преград, которые ставила ей всемогущая Ганза. С другой стороны, требование дани с Юрьевской епископии (Дерптской области), согласно договору с Ливонским орденом в 1503 г., являлось первым шагом к распространению политического влияния Москвы на Ливонию.

В результате тонкой и осторожной политики Ивана III Русское государство к началу XVI века, не претендуя на решающую роль в Европе, заняло в ней почетное международное положение.

«К концу его княженья мы видим Ивана III, — говорит Маркс, — сидящим на вполне независимом троне. Рядом с ним — дочь последнего византийского императора. У ног его — Казань. Обломки Золотой Орды толпятся у его двора... Литва уменьшилась в своих пределах, и ее государь является орудием в руках Ивана. Ливонские рыцари разбиты» [1].

Дипломатия Ивана IV

Еще более широкий размах принимает международная политика Москвы при внуке Ивана III, царе Иване IV. В первые годы правления Грозного упор его внешней политики направляется на восток. Создание в 1551 г. стратегической базы в Свияжске, казалось, подготовило почву для полного присоединения Казанского ханства. Переговоры об унии Казани с Москвой под главенством московского царя завершились полным успехом. Но в решительную минуту в Казани возобладала военная партия, и соглашение было нарушено. Присоединение Казани в 1552 г. совершено было уже военными, а не дипломатическими средствами. После падения Казани в 1555 г. сибирский хан признал себя вассалом Москвы. В 1556 г. без

[1] *Marx*, op. cit., p. 81.

сопротивления сдалась Астрахань, а ее присоединение позволило завязать отношения с кабардинскими князьями Северного Кавказа и с тарковским «шевкалом». Позже, при сыне Ивана IV, Грузия, теснимая турками и персами, установила тесные отношения с Московским государством. В связи со «взятием» Казани и переходом под власть Москвы торговых путей по Волге и Каме открываются в 60-х годах XVI века дипломатические сношения со среднеазиатскими и прикаспийскими государствами, с юргенским (хивинским) князем, с «царями» «ташканским», «самарканским» и «шамахейским».

Основным направлением внешней политики Ивана IV является, однако, не Восток. Все ее усилия устремлены на Запад. Сильное централизованное государство, каким становилось Московское царство в середине XVI века, не могло расти и развиваться без непосредственного общения с более культурными странами Запада. Экономические и военные интересы государства требовали усиления связей с Западом и привлечения оттуда специалистов. Блокада, в которой фактически держали Россию враждебные ей Польша, Литва и Ливонский орден, должна была быть прорвана любой ценой. Этим объясняется то удовлетворение, с которым было встречено в Москве установление прямых сношений с Англией через Белое море после 1553 г. Но условия плавания по Ледовитому океану не могли обеспечить непрерывность сношений беломорским путем. Москве нужен был выход к Балтийскому морю. Иван IV упорно шел в этом вопросе по стопам своего деда. Сначала, как и в вопросе о Казани, была сделана попытка разрешить балтийскую проблему дипломатическим путем. Срок перемирия, заключенного Иваном III с Ливонским орденом, заканчивался в 1553 г. Новые условия, выдвинутые правительством Ивана IV, должны были поставить Дерпт (Юрьев) и его область в полувассальное положение от Москвы.

Начавшаяся в 1558 г. война очень быстро развернулась в конфликт общеевропейского масштаба. Кампания первого года показала неспособность слабой феодально-раздробленной Ливонии оказать сопротивление Московскому государству. Она поставила на очередь во всей полноте балтийский вопрос в целом. Из-за прибалтийских районов разгоралась борьба между всеми заинтересованными государствами Европы. В войну вступили Литва, Польша, Швеция, Дания. «Московская опасность» встревожила восточногерманских князей, не знавших, где остановится победоносное шествие русских армий.

На очередных собраниях представителей государств, входивших в состав Римской империи, ливонский вопрос не сходил с очереди. Среди имперских князей была группа, которая требовала вмешательства в войну против Москвы. Наоборот, торговые интересы заставляли ганзейские города настаивать на

сохранении мира с Москвой. Император Максимилиан II пошел на компромисс, ограничившись объявлением блокады. Даже в таких отдаленных от театра военных действий государствах, как Франция и Испания, создавались проекты захвата Балтийского побережья. Подстрекаемые польско-литовской дипломатией, крымские татары и султан спешили использовать создавшуюся политическую обстановку, чтобы попытаться отвоевать Казань и Астрахань. В 1569 г. литовские феодалы, «имея на спине врага», вынуждены были в целях укрепления обороны согласиться на унию с Польшей в форме федеративной «Речи Посполитой». В таких условиях московская дипломатия должна была развернуть очень широкую деятельность. Иван Грозный искусно поддерживает дружеские отношения с Данией, ищет союза с Турцией, отказываясь ради этой цели от наступления на Кавказ, выдвигает свою кандидатуру на польский престол, ведет переговоры с императором, предлагая раздел Речи Посполитой с тем, чтобы «корона польская» отошла к сыну императора, а самому Ивану достались Литва и Ливония. По соглашению с Данией Иван IV образует в Ливонии вассальное государство, во главе которого ставит брата датского короля герцога Магнуса. Во всех этих дипломатических комбинациях Иван принимал личное участие, внося в дело всю бурную страстность, весь пыл своей богато одаренной натуры. Все же после 24-летней изнурительной борьбы ввиду полного истощения ресурсов ему пришлось отказаться от своих широких планов в Прибалтике. В 1582 г. в Запольском Яме при участии представителя папы был заключен мир с Речью Посполитой на условиях, «как до войны», с обоюдным отказом от достигнутых завоеваний.

Таким образом, несмотря на длительную борьбу, в которой проявились высокие качества и русских войск и русской дипломатии, в условиях крайне неблагоприятной для России международной обстановки, Иван IV оказался не в силах осуществить поставленные им на Западе задачи. Но и противная сторона, Речь Посполитая, была вынуждена отказаться от широких планов агрессии и от своих претензий на Псков, Новгород и Смоленск. Для достижения своих целей польско-литовские дипломаты выдвинули в 1600 г. свой проект унии между Московским государством и Речью Посполитой. Правительство Бориса Годунова отклонило этот проект. В дальнейшем дипломатия Речи Посполитой прибегла к другому методу осуществления своих планов — к самозванцам.

Крупная роль, которую Русское государство играло в международных отношениях Европы в XVI веке, и связанная с ней широкая дипломатическая деятельность Москвы поставили на очередь вопрос о юридическом признании новой политической силы, сложившейся на Востоке. Сам Иван IV своим

царским венчанием в 1547 г. и присвоением себе царского (т. е. по существу императорского) титула определил то место, на которое его государство претендовало среди христианских держав. Безоговорочно титул «императора» уже с 1554 г. предоставлялся Ивану протестантской Англией. Сложнее стоял вопрос о титуле в католических странах, в которых крепко держалась теория единой «священной империи». В 1576 г. император Максимилиан II, желая привлечь Грозного к союзу против Турции, предлагал ему в будущем престол и титул «всходного [восточного] цесаря». Иван IV отнесся совершенно равнодушно к «цесарству греческому», но потребовал немедленного признания себя царем «всея Руси», и император уступил в этом важном принципиальном вопросе. Гораздо упорнее оказался папский престол, который отстаивал исключительное право пап предоставлять королевский и иные титулы государям, а с другой стороны, не допускал нарушения принципа «единой империи». В этой непримиримой позиции папский престол находил поддержку у польского короля, отлично понимавшего значение притязаний московского государя. Сигизмунд II Август представил папскому престолу записку, в которой предупреждал, что признание папством королевского титула за Иваном IV приведет к отторжению от Польши и Литвы земель, населенных родственными москвичам «рутенами», и привлечет на его сторону молдаван и валахов. Со своей стороны Иван IV, придавая особенное значение признанию его царского титула именно Польско-Литовским государством, начал добиваться этого тотчас же после коронации. Однако Польша в течение всего XVI века так и не согласилась на его требование. Из преемников Ивана IV его мнимый сын Лжедимитрий I заявил притязание на титул «императора», но король Сигизмунд, посадивший его на престол, официально именовал его просто князем, даже не «великим».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ДИПЛОМАТИЯ В XVII ВЕКЕ

1. ВРЕМЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ГЕГЕМОНИИ В ЕВРОПЕ В XVII ВЕКЕ

Если в XVI веке первую роль в международных отношениях Европы играла Испания, то в XVII веке можно говорить о настоящей гегемонии Франции, по крайней мере на континенте. Из полосы великих гражданских смут второй половины XVI века Франция вышла сильной и сложившейся абсолютной монархией. Многочисленное и трудолюбивое крестьянство Франции и богатая буржуазия давали казне в виде налогов огромные средства. Эти средства позволяли французскому королю и его дворянству вести энергичную внешнюю политику и поставили Францию на первое место в Европе.

Дипломатия Генриха IV

Опыт долгих и разорительных войн XVI века, которые закончились гражданской войной во Франции, не прошел даром. Всякое стремление нового государства к расширению встречало сопротивление со стороны других таких же государств; всякое притязание на захваты, а тем более на мировое (в масштабах XVI века) господство вызывало враждебные коалиции. Политики и дипломаты XVII века, обобщая этот опыт, формулировали ряд положений, носивших характер международных принципов. Правда, эти принципы весьма часто нарушались. Тем не менее именно эти систематические нарушения, при крайней неустойчивости тогдашних международных отношений, вызывали потребность в некоей норме. Такой «нормативный» характер имели в частности идеи «естественных границ» и «политического равновесия».

Политики — современники Генриха IV и в первую очередь его главный помощник Сюлли — постоянно подчеркивали, что захватывать можно лишь то, что можно сохранить. Могущество государства имеет свои границы: перейдя их, оно вызывает против себя объединенные силы врагов и завистников. Сюлли в своих знаменитых мемуарах «Принципы государственного хозяйства» («Les oeconomies royales») писал: «Каждый

король Франции скорее должен думать о том, чтобы приобрести друзей и союзников, крепко связанных с ним общностью интересов, — а это самая надежная связь, — чем навлекать на себя неутолимую ненависть и вражду проектами, превосходящими его собственные силы». «Ты стремишься, — говорит замечательный французский дипломат Этьен Паскье в своем диалоге между философом и государем, — дать хорошие границы твоему государству; надо, чтобы ты сначала установил должные границы своим надеждам и вожделениям».

Где же искать эти границы? Сюлли хорошо знает, что Карл Великий восстановил империю, и что при Капетингах Франция была заключена в «узкие государственные границы, в каких она и по сей час находится». Он констатирует, что у Франции на юге есть естественная граница — это Пиренеи. Он прекрасно понимает, что возвратить Франции ее былую славу — значит вернуть «соседние территории, некогда ей принадлежащие», т. е. Савойю, Франш-Контэ, Лотарингию, Геннегау, Артуа, Нидерланды. «Но можно ли притязать на все это, не вызвав ненависти врагов и разорительных войн? А у самих французских королей такое честолюбие, которое для Франции страшнее всей ненависти иностранцев». Франция сыта: она достаточно сильна, чтобы никого не бояться и быть страшной для всех. Однако и Сюлли мечтал о гегемонии Франции над цивилизованным миром, над всеми христианскими народами. Отсюда ведет свое происхождение один странный проект международного соглашения, который Сюлли приписывал своему королю, но сочинил, вероятно, сам. «Великий замысел» («Le grand Dessein») короля Генриха IV состоял, по словам Сюлли, в том, чтобы низвести Габсбургов до уровня государей одного Пиренейского полуострова, прогнать турок и татар в Азию, восстановить Византийскую империю и произвести затем перекройку всей политической карты Европы. Европа будет разделена на шесть наследственных монархий, пять избирательных монархий и пять республик. Во главе всех этих государств будет поставлен особый совет, который будет охранять общий мир и разбирать споры между государствами, между государями и их подданными. Президентом этой своеобразной республики христианских государств будет папа; первым министром его будет Франция. Тайная мысль Сюлли, скрывавшаяся за всем этим проектом «Лиги наций» XVII века, была ясна. Ослабить врагов Франции, усилить ее вассалов, окружить ее поясом нейтральных государств, которые юридически были бы под ее покровительством, а фактически под ее командой, — вот в чем заключался этот фантастический «великий замысел» первого слуги короля Генриха IV.

План Сюлли известен только из его мемуаров. Действительность была далека от подобного рода проектов. Это показал и сам король Генрих IV своей практической политикой и еще больше — его блестящий преемник, крупнейший из дворянских политиков абсолютистской Франции — кардинал Ришелье.

Не упуская из виду нормы естественных границ для своей страны, Генрих IV действовал во внешней политике согласно другому принципу, который получил в это время широкую практику. То был принцип «политического равновесия». Если новое государство было национальным, т. е. строилось на основе хозяйственного единства территории и связанного с ним единства языка и культуры, то в своих отношениях к другим государствам оно стремилось обеспечить это целое от их посягательств. Практически во внешней политике это приводило к стремлению сохранить исторически сложившееся соотношение сил между европейскими государствами, создать противовес всякой быстро увеличивающейся державе, — при захватах же, осуществленных сильнейшей державой, компенсировать слабейшие в целях восстановления все того же «равновесия». Конечно, все такие «принципы» были действительны лишь до тех пор, пока было невозможно или опасно нарушать их силой.

Генрих IV и руководствовался «принципами», пока было опасно иным способом округлять и расширять границы Франции. «Я соглашаюсь с тем, — говорил он, — что страна, население которой говорит по-испански, должна оставаться во владении Испании, а страна, где население говорит по-немецки, должна принадлежать Германии. Но те земли, в которых население говорит по-французски, должны принадлежать мне».

Практически Генрих стремился к двум целям: ослабить могущество династии Габсбургов и поддержать выгодно для Франции складывавшееся равновесие между европейскими державами. В этих видах он продолжал сохранять дружественные отношения с Англией, которая помогла ему, как протестанту и врагу Испании, завладеть французским престолом. Однако в то же время Генрих тайно противодействовал планам английских моряков и торговцев и происка английских дипломатов в Италии и на Востоке, где, как известно, Франция прочно укрепилась со времени Франциска I. Вследствие этого послы Генриха IV в Лондоне — Тюмери, Гарле де Бомон и Ла Бордери — стояли всегда перед трудной задачей сочетать дружбу с Англией с противодействием стремлению этой же державы занять первенствующее положение. Все в тех же целях ослабления Габсбургов Генрих IV способствовал заключению мира между Испанией и Голландией. Таким образом, французский король содействовал признанию Испанией независимости отпавших от нее 7 северных провинций Нидерландов. На Востоке,

в Турции, Генрих восстанавливал пошатнувшееся за время религиозных войн французское влияние при помощи успешной дипломатической деятельности своих послов Савари де Брева и Жана де Гонто-Бирона. Льготы, полученные Франциском I в 1535 г., были полностью восстановлены в 1604 г.: все нации, желавшие торговать с Турцией, должны были посылать туда свои суда под французским флагом. Исключение составляли англичане, которые сумели добиться от султана в конце XVI века (1599 г.) права входить в его порты под собственным флагом. Дружба Генриха с султаном была средством для того, чтобы пугать императора (Габсбурга) нашествием турецких армий, а испанского короля (тоже Габсбурга) нападением турецкого флота. И то и другое было залогом безопасности Франции. Одновременно, однако, Генрих не мешал своим друзьям и благочестивым, но наивным поклонникам распространять слухи о своих наихристианнейших намерениях завоевать Восток, изгнать султана из Европы и объявить против него крестовый поход. В отношении германских князей Генрих также держался реальной политики, завещанной ему XVI веком. Его уполномоченный Бонгар уверял немецких протестантских князей, что переход Генриха из протестантизма в католицизм не должен их смущать: дружественное отношение короля к немецким князьям остается неизменным, как и его желание быть попрежнему защитником «исконной немецкой свободы». Раз были сильны князья, был слаб император, вечный враг Франции Габсбург. Генриху IV удалось в конце концов создать коалицию против Габсбургов и приступить к организации борьбы с ними. Однако кинжал Равальяка прервал его жизнь (1610 г.).

Дипломатия Ришелье

После нескольких лет смут, связанных с малолетством Людовика XIII, власть в свои крепкие руки взял кардинал Ришелье, первый министр и фактический правитель Франции. Ришелье был типичным представителем интересов среднего и мелкого дворянства того времени, когда дворянская монархия шла еще по восходящей линии. В области внешней политики и дипломатии он был продолжателем «реалистической» политики Генриха IV. Поиски «естественных границ» Франции, отражавшие все возраставшую мощь французской монархии и сохранение «политического равновесия» ради ослабления Габсбургов, — таковы были основы его дипломатии. Думал или не думал Генрих IV о Рейне, как восточной границе Франции, — сказать трудно. Некоторые из его современников приписывали королю подобные намерения. Но у Ришелье мысль о Рейне выражена была совершенно ясно. В 1633 г., следовательно, уже после разгрома отечественных протестантов гугенотов (взятие Ларошели в 1628 г.), кардинал писал королю Людо-

вику XIII, что если король станет против австрийского дома на сторону протестантских князей Германии, то они отдадут ему всю территорию до Рейна. Путь к Рейну лежит через Лотарингию. Если она будет присоединена, можно незаметно распространить владения Франции до Рейна и даже принять участие в дележе Фландрии, в случае ее восстания против Испании.

Ришелье понимал, что надо действовать не только оружием, но и пропагандой. Время Ришелье во Франции ознаменовалось появлением первой газеты, которую Ришелье сразу же поставил на службу своим планам. Ришелье старался и юридически обосновать свои притязания. Вскоре появился памфлет под заглавием «Каково наиболее верное средство для того, чтобы присоединить к Франции герцогство Лотарингское и Бар». «Император не имеет никаких прав на территорию, лежащую по левую сторону Рейна, — заявлялось в памфлете, — так как эта река в течение 500 лет служила границей Франции. Права императора покоятся на узурпации». Одним из казенных перьев, которое служило, впрочем, кардиналу Ришелье не только за страх, но и за совесть, был публицист Шантеро-Лефевр. Он доказывал, что древние франки завоевали Галлию, т. е. огромное пространство, расположенное между океаном и Средиземным морем и ограниченное рекой Рейн, Пиренейскими горами и Альпами. Это пространство издавна известно под названием Галлии белгов, кельтов и аквитан. Шантеро-Лефевр включал, таким образом, в состав Франции Эльзас и Лотарингию, Савойю, Ниццу, — словом, все то, чем Франция завладела впоследствии, в пору своего могущества и военных успехов. Шантеро-Лефевр уверял, что мир Европы будет обеспечен, если Франция получит все эти земли. В противном случае «Европа будет попрежнему под ударами того, кто, захватив территории и государства франко-галльской короны, пытается похитить остальные, стремится поработить христианских государей и создать пятую монархию с намерением поглотить весь Запад». Шантеро намекал, следовательно, на политику Габсбургов. О том, чем оказались эти теоретические размышления французских публицистов, говорят статьи Вестфальского договора 1648 г., окончательно расчленившие Германию. Сам Ришелье был не очень далек от проектов своих публицистов. В его «политическом завещании» содержится такая фраза:

«Цель моего пребывания у власти заключалась в том, чтобы возвратить Галлии границы, предназначенные ей природой, вернуть галлам короля-галла, поставить на место Галлии Францию и повсюду, где была древняя Галлия, установить новую».

Тридцатилетняя война и Вестфальский мир

В то время когда Ришелье был первым министром (1624—1642 гг.), угроза нового усиления Габсбургов снова нависла над Францией. К концу XVI века напор турок на владения Габсбургов ослабел: Габсбурги снова обратили свои взоры на Германию, рассчитывая восстановить там свое влияние и императорскую власть, ослабленную реформацией. Началась «католическая реакция», т. е. борьба с протестантизмом, который, как сказано, усилил немецких князей и стал знаменем их сопротивления императору. Фердинанду II грезилась единая Германия под его безусловной и неограниченной властью. Началась так называемая Тридцатилетняя война (1618—1648 гг.), последняя попытка императора подчинить себе Германию. Если бы подобного рода планы осуществились, рядом с Францией выросла бы огромная держава. Ришелье напрягал все свои силы, чтобы не допустить этого. Ему пришлось продолжать традиционную политику Франции, поддерживая протестантских князей против католика императора. И в то же время Ришелье громил собственных французских протестантов у Ларошели (1628 г.). Он начал переговоры с датским королем, который, боясь усиления императора в Северной Германии и на побережье Северного и Балтийского морей, охотно принял субсидии от Англии и Голландии и начал войну с императором. После того как король был разбит, Ришелье, покончивший к этому времени с гугенотами, приложил все свое дипломатическое искусство, чтобы бросить против германского императора силы Швеции и ее смелого полководца — короля Густава-Адольфа.

Правой рукой во всех мероприятиях Ришелье был замечательный дипломат XVII века монах-капуцин отец Жозеф (Père Joseph, 1577—1638 гг.). Истинную роль его не так давно вскрыл французский историк Фанье, воспользовавшись попавшей в его руки обильной архивной документацией. Этот «вонючий монах», или «Серое преосвященство», как его часто называли, таинственно, но последовательно работал в тиши дипломатических кабинетов на пользу Франции и во славу ее короля. Средневековые грезы о новом крестовом походе причудливо переплетались в его голове с «реалистической» политикой его шефа-кардинала. Грезы оставались в области фантазии; мечтателю приходилось осуществлять лишь то, что оказывалось реальным. Отец Жозеф засылал в страны Леванта, Марокко и Абиссинию многочисленных миссионеров, которые одновременно были и дипломатическими агентами; он считал, что его мечта о крестовом походе может быть осуществлена только после того, как будет окончательно унижен император, и немецкие князья станут вассалами короля французского. Отец Жозеф деятельно работал в Германии, чтобы привлечь немец-

ких курфюрстов на сторону Франции. Его заслугой было приобретение Францией баварской дружбы. С 1633 г. он руководил немецкой политикой Франции, был горячим сторонником прямого вмешательства Франции в Тридцатилетнюю войну и, таким образом, вместе со своим министром подготовил торжество французской политики в 40-х годах XVII столетия.

В 30-х годах в Германию были отправлены самые способные из французских дипломатов — Фанкан, Шарнасе и Марньевилль. Их задачей было заручиться поддержкой со стороны протестантских князей. В 1631 г. Ришелье заключил союз с шведским королем Густавом-Адольфом. Швеция и Франция обязались «восстановить свободу Германии», т. е. поднять князей против германского императора и ввести порядки, существовавшие там до 1618 г. Франция обязалась давать шведскому королю субсидию в 1 миллион ливров ежегодно; за это шведский король обещал держать в Германии 30 тысяч пехоты и 6 тысяч кавалерии, чтобы действовать против императора. Швеция выступила, таким образом, как прямая наемница Франции; ее заданием было поддерживать политическое распыление Германии и не дать императору усилиться. Если, однако, Швеция так легко дала себя подкупить, то это объясняется тем, что у нее были свои интересы в Балтике; они оказались бы под ударом, если бы император после победы над датским королем завладел побережьем Балтийского моря. Таким образом, вновь возникал вопрос о том, кому будет принадлежать господство над Балтийским морем. Швеция была в XVII веке самым сильным из скандинавских государств. Во время смуты Московское государство потеряло свои владения на побережье Финского залива, расширить которые стремился когда-то еще Иван Грозный. Шведы заняли и западное побережье Финского залива и Рижский залив: теперь они мечтали о том, чтобы захватить все побережье Балтийского моря и, поставив крепости в устьях больших рек, по которым польские и прусские помещики вывозили хлеб в Западную Европу, брать с них пошлины в свою пользу. Когда Густав-Адольф был убит (1632 г.), Франция непосредственно вмешалась в немецкие дела: во имя пресловутой немецкой «свободы» она систематически разоряла Западную Германию. Длительная война, которая опустошила Германию и окончательно похоронила всякие надежды на ее политическое объединение, закончилась только в 1648 г.

Вестфальским миром история дипломатии начинает обычно историю европейских конгрессов. Он был заключен после длительных переговоров, которые начались еще в 1644 г. в городах Оснабрюке и Мюнстере в Вестфалии. В Оснабрюке заседали представители императора, немецких князей и Швеции, в Мюнстере — послы императора, Франции и других держав. Все

усилия императорского посла и искусного дипломата Траутмансдорфа были направлены на то, чтобы, удовлетворив аппетиты Швеции, отколоть ее от Франции и создать более благоприятные для империи условия переговоров. Однако Швеция осталась крепко привязанной к французской колеснице, которой на этот раз управлял уже первый министр Франции Мазарини. Последний, подстрекая курфюрста Бранденбургского против непомерных притязаний Швеции на территорию южной Балтики, парировал шведские притязания; тем самым он заставил итти Швецию вместе с Францией. Единственное, что удалось Траутмансдорфу, — это защитить австрийские владения Габсбургов от дальнейшего расчленения и, таким образом, сохранить государственную целостность будущей Австрии. Окончательные условия мира были подписаны в Мюнстере 24 октября 1648 г., куда незадолго до этого приехали уполномоченные из Оснабрюка.

Значение Вестфальского мира заключается в том, что он окончательно установил внутренний строй Германии и закрепил ее политическое распыление, фактически покончив с Империей. С другой стороны, определив границы государств Европейского континента, Вестфальский трактат явился исходным документом для всех трактатов и договоров, вплоть до Французской буржуазной революции конца XVIII века.

Немецкие князья получили право вести самостоятельную внешнюю политику, заключать договоры с иностранными державами, объявлять войну и заключать мир, правда, с оговоркой, что их внешняя политика не будет направлена против Империи. Но фактически эта оговорка значения не имела. Швеция добилась того, что устья восточноевропейских рек, впадающих в Балтийское и Северное моря, по которым шли хлебные грузы из Восточной Европы в Голландию и Англию, оказались в ее руках. Франция получила Эльзас (кроме Страсбурга) и закрепила три ранее приобретенных ею епископства — Мец, Туль и Верден. Французское требование «естественных границ» стало, таким образом, воплощаться в жизнь. Мирный трактат признал также самостоятельность Голландии и независимость Швейцарии от Империи. Гарантами условий мирного договора были признаны Франция и Швеция.

Вестфальский мир был торжеством политики Ришелье, хотя самого кардинала уже не было в это время в живых (он умер в 1642 г.). Продолжателем политики Ришелье был кардинал Мазарини. Он стоял у власти в период оформления мирных условий в Оснабрюке и Мюнстере и позже заключил Пиренейский договор с Испанией (в 1659 г.). Этот мир, по которому Франция приобрела часть Люксембурга, Руссильон, Артуа и Геннегау, подготовил гегемонию Франции в Европе. Принципы «политического равновесия», выдвинутые во время переговоров в Мюн-

стере и Оснабрюке, обеспечили политическое преобладание Франции. Самый опасный из противников Франции — Империя — фактически перестал существовать. Торжествовала «исконная немецкая свобода» в Германии, «политическая свобода» в Италии. Другими словами, достигнуты были политическое распыление и беспомощность этих двух европейских стран, с которыми Франция могла отныне делать все, что ей угодно. Вполне понятно, что Мазарини мог теперь спокойно навязывать своим незадачливым соседям «естественные границы», ссылаясь на времена древних галлов, монархии Пипина и Карла Великого в доказательство прав Франции на немецкие и итальянские территории.

Эти права и попытался осуществить «король-солнце» — Людовик XIV. В его царствование французский абсолютизм вступил в полосу своей наивысшей славы и наибольшего международного значения; при нем же во второй половине его царствования французский абсолютизм столь же быстро стал клониться к упадку.

Дипломатия Людовика XIV

Международная обстановка в первую половину правления Людовика XIV (с 1661 по 1683 г.) была чрезвычайно благоприятной для Франции. Вестфальский и Пиренейский мир свидетельствовали о полном унижении исконных врагов Франции — немецких и испанских Габсбургов. Реставрация Стюартов в Англии (с 1660 г.) и их реакционная политика ослабили международное значение этой страны, только что закончившей свою буржуазную революцию. Английский король Карл II, будучи в непрерывной ссоре с парламентом, искал опоры против своих подданных во вне и, можно сказать, был на жалованьи у французского короля. У Франции в Европе уже не было соперников, с которыми нужно было бы считаться; французский двор был самым блестящим в Европе; французского короля боялись все европейские государи; французский язык сделался официальным языком дипломатии и международных трактатов. Людовик XIV мог спокойно заниматься историческими изысканиями на тему, что принадлежало древним франкам и древним галлам и что должно поэтому теперь принадлежать ему. В первую половину его царствования его первым министром или, как он назывался, генеральным контролером финансов был замечательный государственный деятель Франции XVII века Кольбер. Хотя Людовик XIV и любил говорить про себя, что он сам свой первый министр, фактически дела государства находились в руках у Кольбера. Кольбер много сделал для насаждения во Франции мануфактур, всемерно оберегая интересы промышленности, торговли, и был одним из наиболее последовательных представителей политики меркантилизма. Огромные территории в Северной Америке в бассейне реки Миссисипи (Луизиана) были объявлены владениями французского короля, хотя начало французских владений

в Америке было заложено еще в половине XVII века (приобретение Акадии и других колоний). От Кольбера сохранилась огромная деловая переписка: в ней имеются, между прочим, инструкции министра французским послам и представителям за границей. Эти документы свидетельствуют о том, насколько Кольбера занимали интересы французской торговли и французской буржуазии. Уже в 1661 г. в докладной записке, поданной королю, Кольбер писал: «Если к естественному могуществу Франции король сможет присоединить силу, которую дают промышленность и торговля..., то величие и могущество короля возрастут до небывалых размеров». Кольбер тут же с завистью сообщал королю, что соседи-голландцы имеют до 16 тысяч кораблей, тогда как у французов их не больше тысячи, и они принуждены пользоваться голландскими судами для сношений со своими американскими владениями. Собственно замыслы Кольбера были направлены на ослабление экономической мощи голландской буржуазной республики. Он не препятствовал завоевательным планам Людовика XIV, лишь бы планы этого «преемника Карла Великого» осуществлялись в интересах французской буржуазии. Поэтому «король-солнце» на первых порах и занялся доказательством того, что древние галлы владели Бельгией. Однако ни Кольбер, ни тем более Людовик XIV недооценили способности Голландии к сопротивлению и искусства дипломатии этой республики. Боясь непосредственной близости такой сильной соседки, как Франция, Голландия сделалась в XVII веке душой всех коалиций, вызванных в обеспокоенной Европе французской агрессией. Борьба, начатая поползновением Франции захватить Бельгию, вылилась в серию «торговых войн». Эти войны между тремя самыми крупными и экономически сильными державами велись за морское и колониальное преобладание.

Войны Людовика XIV

Четыре войны, которые вел Людовик XIV в свое царствование, весьма поучительны с точки зрения истории дипломатии. Первая война была вызвана стремлением Людовика XIV захватить Бельгию, т. е. ту часть Нидерландов, которая после нидерландской революции осталась в руках Испании. Предлог для войны соответствовал духу времени: он был чисто династическим. Основываясь на том, что новый король Испании, сын Филиппа IV, Карл II (1665—1700 гг.), происходил от второго брака, а по законам Фландрии дети от второго брака не наследовали своему отцу, Людовик XIV, женатый на дочери Филиппа IV от первого брака, заявил от имени своей жены притязания на Бельгию. Против этого восстала Голландия, боявшаяся, что за Бельгией наступит и ее черед. Войне открытой предшествовала таможенная война. Еще в 1667 г. Кольбер ввел запретительные тарифы, направленные против Голландии, на что последняя

ответила исключением со своих рынков французских товаров. Голландия заключила союз с Англией и Швецией. Война была непродолжительной (1667—1668 гг.), но она показала, что всякое наступательное действие Франции вызывает коалицию против нее. Людовик поэтому ограничился лишь присоединением по Аахенскому миру нескольких пограничных крепостей (Лилль и др.) и занялся дипломатической подготовкой новой войны. Он отвлек Швецию от союза с Голландией, дал субсидию Карлу II Английскому и начал новую войну (1672—1679 гг.). Французам чуть было не удалось захватить Амстердам, но голландцы прорвали плотины и затопили страну, а их флот нанес поражение соединенному англо-французскому флоту. На помощь Голландии пришел бранденбургский курфюрст Фридрих-Вильгельм («великий курфюрст»). Он предпочитал иметь в качестве соседа своих рейнских владений сравнительно слабую Голландию, но не могущественную Францию. Против Франции выступили немецкие и испанские Габсбурги и, наконец, Империя. Династическая политика английского короля Карла II вызвала недовольство самих англичан: в XVII веке они уже начинали видеть во Франции своего наиболее сильного соперника. Англичане заставили своего короля расторгнуть союз с Францией и прекратить войну. Единственным дипломатическим успехом Франции было вовлечение Швеции в войну с Бранденбургом. Но при Фербеллине (1675 г.) «великий курфюрст» Фридрих-Вильгельм Бранденбургский нанес шведам решительное поражение. Франция пошла на мир (в Нимвегене в 1679 г.), по которому она получила еще несколько пунктов в Бельгии (Камбрэ, Валансьен) и целую область на востоке — Франш-Контэ.

Нимвегенский мир

Нимвегенский мир знаменовал период наибольшего могущества Франции в Европе. Пользуясь политической слабостью Германской империи, Людовик XIV стал присоединять пограничные с Францией германские территории. Были созданы особые «присоединительные палаты», в которых французские юристы занимались установлением «прав» короля на ту или иную территорию Германии. В 1681 г. Людовик XIV внезапно захватил Страсбург. Так как в это время зашевелились турки, и угроза их нашествия нависла над самой Веной, Империя и Испания по соглашению в Регенсбурге (1684 г.) признали за Людовиком XIV все эти присоединения.

Франко-голландское соперничество. Вильгельм III Оранский. Оксеншерна

Продолжающееся усиление Франции всполошило всю Европу: Голландия создала коалицию против Франции. Во главе Голландской республики стоял выдающийся политический деятель и дипломат штатгальтер Вильгельм III Оранский (1672—1702 гг.). Уже во время второй войны Людовика XIV он настоял на

прорыве плотин и, таким образом, спас Амстердам от захвата его французами. Немедленно же после Нимвегенского мира (1679 г.) он развил энергичную дипломатическую кампанию, направленную к изоляции Франции, как самого опасного врага, угрожавшего нарушением принципа «политического равновесия». В переписке Вильгельма с императором и курфюрстом Бранденбургским развивались широкие планы совместной борьбы против Франции. Его дипломатическому искусству обязан существованием тайный оборонительный союз, «Аугсбургская лига», заключенный против Франции. В эту «лигу» вошли император, Испания, Голландия, Савойя, некоторые мелкие немецкие князья, итальянские государи и, что особенно важно, Швеция, давнишний «друг» Франции. В течение первой половины XVII века Швеция, заинтересованная в ослаблении Германии, была в союзе с Францией и действовала зачастую по указке и на субсидии Франции. Усиление Франции во второй половине XVII века и ее попытки захватить Бельгию и Голландию, державшую в своих руках шведский вывоз, вызвали в Швеции опасения. Выдающийся дипломат Швеции Оксеншерна считал, что при создавшейся обстановке Швеции следует итти в союзе с морскими державами — Англией и Голландией, ибо обе заинтересованы в ослаблении Франции. Вместе с тем он ставил перед шведской дипломатией задачу использовать англо-голландское соперничество на море для того, чтобы достигнуть наивыгоднейших условий для шведской торговли. С 1680 г. Оксеншерна получил в свое управление министерство иностранных дел и уже в 1681 г. заключил с Вильгельмом Оранским союз, направленный против Франции. Этот союз был блестящим ходом в политической игре Оксеншерны, так как после так называемой «славной революции» в Англии (1688 г.) и изгнания Якова II Стюарта Вильгельм Оранский стал королем Англии. Вокруг Франции замкнулось кольцо ее врагов. С этого периода Франция вступает в полосу длительной борьбы с Англией: эта борьба заполняет собой историю международных отношений всего XVIII века.

В 80-х годах Людовик XIV снова начал захватывать земли по Рейну. Кольбера, который сдерживал короля указаниями на недостаток средств, уже не было в живых. Военный министр Лувуа был истинным представителем французского дворянства, которое жаждало воинской славы и готово было воевать во имя «славы короля», не считаясь с ресурсами страны. Началась третья война (1688—1697 гг.), крайне истощившая обе стороны. Это, однако, не остановило Людовика XIV. Его четвертая и последняя война оказалась для Франции подлинным разорением. Эта четвертая война носит название войны за испанское наследство.

2. ДИПЛОМАТИЯ АНГЛИЙСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1640—1660 гг.)

Дипломатия английской буржуазной революции занимает особое место в дипломатической истории Европы. В отличие от периода абсолютных монархий с их склонностью к интриге, таинственности, сложным хитросплетениям, дипломатия английской революции отличалась простотой замысла, целеустремленностью и смелостью в исполнении. Это находилось в полном соответствии с той ясностью политического понимания, какая свойственна общественному классу, только что одержавшему победу.

Революция поставила у власти людей, которые воплощали в себе интересы буржуазного развития Англии. Они знали, чего хотят, и ясно понимали, как им следует действовать.

Дипломаты английской буржуазной революции делали то, что в XVI в. совершали корсары, арматоры и купцы Англии, даже не прибегая к помощи своего правительства. Теперь они сами стояли у власти: их правительством был сначала выражавший их интересы парламент, затем — их диктатор Оливер Кромвель, этот, по выражению Маркса, Робеспьер английской революции, ставший затем ее Наполеоном.

Дипломатия «Долгого парламента»

Политика английской революции на первых порах, пока решалась борьба между королем и парламентом, между феодализмом и капитализмом, носила печать полного безучастия к тому, что делалось в Европе. Флот, связанный интересами буржуазии и торговли, с самого начала стал на сторону парламента и революции, — это обеспечило революцию от континентальной интервенции в пользу короля и феодального порядка. Впрочем, континентальные монархии плохо разбирались в значении английских событий и были мало обеспокоены тем, что происходило в Англии: они не боялись революции, потому что чувствовали себя в полном расцвете сил и не понимали, что это — революция. Поэтому гражданская война в Англии и могла протекать без помехи. Все попытки Карла I заручиться французской помощью остались тщетными: они способствовали лишь его окончательной дискредитации, после того как дипломатическая переписка короля в битве при Незби (1645 г.), решившей исход борьбы, попала в руки парламентской армии.

Победивший класс — новое дворянство и буржуазия, — захватив власть в свои руки и произведя в свою пользу перераспределение богатств, жаждал установления прочного порядка и восстановления нормальных торговых и дипломатических отношений с державами континента. Люди «денежного мешка», нажившиеся от распродажи имущества и земель «врагов революции», на откупах, акцизах и на государственных

займах, готовы были броситься на завоевание европейского рынка с тем же пылом, с каким они отстаивали «дело божье», т. е. свою буржуазную революцию от врагов справа и слева. Определялась программа борьбы с главными морскими противниками и торговыми соперниками Англии — Голландией, Испанией и Францией. Пуританские фанатики призывали республику к беспощадной борьбе с Голландией. «Бог, — говорил один из них, — предал Голландию англичанам: туда должны направиться праведники, туда итти и низвергнуть с трона вавилонскую блудницу, чтобы основать на континенте царство Христово».

Впрочем, ставшие у власти «люди божьи», при всем своем религиозном увлечении, никогда не забывали о своих земных интересах. Их трезвость и реализм дали повод шведской королеве Христине сказать английскому послу в Швеции Уайтлоку: «Вы, англичане, притворщики и лицемеры. Я не говорю о вашем генерале [т. е. Кромвеле], ни о вас самих, но, мне кажется, в Англии много таких людей, которые, надеясь извлечь из того выгоду, выказывают больше святости, чем имеют ее в душе».

В конце 40-х и начале 50-х годов внешняя политика и дипломатия английской революции находились в ведении парламента. После разгона его «охвостья», в 1653 г., она целиком сосредоточилась в руках самого Кромвеля. Основной задачей английской дипломатии на первых порах было восстановление нормальных дипломатических и торговых сношений с державами континента. Дипломатические агенты этих держав в большинстве случаев продолжали жить в Лондоне, но воздерживались от сношений с новым правительством, не имея новых верительных грамот от своих государей, которые не спешили признать республику. Известно, что французское правительство опоздало сделать представление в пользу приговоренного к смерти короля Карла I, а французский посол в Лондоне Бельевр даже не попросил с ним свидания. Его поведение тем не менее было впоследствии оправдано в королевском совете.

Наиболее снисходительным к республике оказалось самое нетерпимое из всех правительств — испанское. Испанский посол в Лондоне дон Алонсо Карденья, хотя и не получил новых верительных грамот, был тем не менее уполномочен войти в тайные сношения с республиканским правительством. Он и сделал это с большим искусством. Причиной было желание Испании предупредить свою исконную соперницу Францию и насолить при помощи англичан недавно отложившимся от Испании португальцам (1640 г.). Последние находились в самых дурных отношениях с Англией из-за помощи, оказанной Португалией английским королевским корсарам, которые грабили английские республиканские торговые суда.

Англо-французские отношения около этого времени стали портиться. Еще до казни короля Карла I Людовик XIV, считая, что Англия, занятая внутренней борьбой, окончательно обессилена, запретил ввоз во Францию английских шерстяных и шелковых изделий (1648 г.). В ответ на это английский парламент запретил ввоз французских вин. Кардинал Мазарини, стоявший в то время у власти во Франции, старался добиться у Англии уступок в этом вопросе. Но французского поверенного в делах в Англии, Крулле, постигла полная неудача. Англичане ответили ему, что, «несмотря на прежнюю веру в короля, они легко обходятся без него; так же легко обойдутся они и без французского вина». Началась таможенная война. Дело дошло даже до обоюдного захвата торговых кораблей и до войны без формального ее объявления. Карденья ловко использовал натянутые отношения между Францией и Англией и добился от мадридского двора новых верительных грамот (в декабре 1650 г.), уверяя своего короля, что он, как первый, признавший республику, сможет извлечь из этого признания великие выгоды. Выгоды были, пожалуй, и невелики, но унижения своего врага и соперника — Франции — посол действительно добился. В декабре 1650 г. Карденья был принят парламентом в торжественном заседании и вручил ему свои грамоты, а Крулле в тот же день был арестован. Сохранилось описание торжественного приема парламентом испанского посла и собственноручное письмо Крулле к Мазарини, повествующее о его невзгодах.

Три комиссара парламента, в числе которых был граф Солсбери, отправились за Карденьей в правительственных каретах. Тридцать или сорок экипажей сопровождали Карденью, когда он ехал в парламент; в них сидели английские и испанские дворяне. По пути его следования были выстроены два полка кавалерии, полк пехоты его конвоировал. В парламенте послу было приготовлено особое кресло. Сев в него, Карденья предъявил спикеру свои верительные грамоты, написанные по-латыни, и произнес на испанском языке большую речь, в которой выразил удовольствие, что он первый от имени величайшего христианского государя признает эту палату верховной властью нации.

В тот самый час, когда парламент оказывал такие почести испанскому послу, в дом французского поверенного в делах Крулле ломились солдаты. Сам Крулле был арестован и вскоре выслан из Англии.

Как ни неприятны для французов были все эти события, Мазарини и его помощник Кольбер, оберегавший интересы французской буржуазии, принуждены были добиваться восстановления нормальных дипломатических отношений с Англией. Французские коммерсанты, которых грабили английские корсары, толкали свое правительство на такое соглашение.

В записке, составленной в 1650 г., Кольбер писал королю, жалуясь на затруднения, испытываемые французской торговлей.

«С тех пор как по стечению неблагоприятных обстоятельств англичане ведут с нами войну... торговле нашей трудно поправиться, пока она будет страдать от мести англичан... Чтобы поправить торговлю, необходимы два условия: безопасность и свобода, а их можно достигнуть, лишь восстановив добрососедские отношения с Англией. Пункт, на котором англичане особенно настаивают, — заключал Кольбер, — есть признание их республики, в чем испанцы нас опередили. Можно опасаться еще более тесного союза вследствие действий испанского посла в Англии. Францию простят и бог и люди в том, что она вынуждена признать эту республику для предупреждения враждебных замыслов испанцев, творящих всевозможные несправедливости и готовых на всякие низости для того, чтобы нам вредить».

Сам кардинал готов был «решиться на низость», т. е. продать признание республики за приличное вознаграждение, иными словами, — за союз с Англией против Испании. Мазарини с тем бо́льшим рвением решил наладить отношения с Англией, что его враги, сторонники Фронды, непрочь были договориться с республикой, хотя и опасались, не будет ли это недостойно чести истинных католиков и добрых французов. У самого Мазарини, поклонника силы и почитателя Макиавелли, таких сомнений не было. Понимая, что в 1652 г. фактически внешними делами ведал не парламент, а Кромвель, Мазарини вступил с ним в переговоры через посредников. Вскоре ему сообщили от имени Кромвеля, что республика требует только, чтобы король французский признал ее и немедленно назначил своего посла в Англию. При этом подданным республики должно быть уплачено вознаграждение за потери, понесенные за время морского каперства. В случае, если бы борьба Мазарини с Фрондой сложилась не в пользу кардинала, Кромвель любезно предлагал Мазарини убежище в Англии. Эти условия были очень далеки от желаний кардинала. Но положение Мазарини и королевского двора час от часу становилось все более затруднительным. Фрондирующие принцы соединили свои усилия с революционным движением в южнофранцузском городе Бордо, который мечтал в союзе с Английской республикой восстановить свои былые вольности. Испанцы также прилагали все усилия, чтобы склонить англичан к союзу с ними. При таких условиях Мазарини не оставалось ничего другого, как согласиться на английские предложения. В декабре 1652 г. в Англию был отправлен интендант Пикардии де Бордо с письмом короля английскому парламенту. В инструкции посланному предписывалось «не говорить ничего, могущего произвести разрыв или оскорбить англичан, дабы не дать им предлога объявить себя врагами

французской короны. Его величество находит, что в настоящее время пусть лучше англичане плавают по морям и разбойничают, нежели предпримут что-либо еще худшее, — соединят свои силы с испанцами или возьмут под свое покровительство мятежников [т. е. бордосцев]».

Письмо французского короля было адресовано «нашим любезнейшим и великим друзьям, членам парламента Английской республики». Однако парламент нашел это обращение недостаточно почтительным, и французам пришлось заменить прежнее обращение другим: «Парламенту Английской республики». После этого Бордо было объявлено, что парламент готов его принять и выслушать, но так как он, г. Бордо, не является в собственном смысле послом, то ему аудиенция будет дана не в парламенте и не в государственном совете, а лишь в комитете, ведающем внешней политикой. 21 декабря 1652 г. злополучный посланец французского короля произнес в комитете речь, в которой заявлял, что «союз, могущий существовать между двумя соседними государствами, не зависит от формы их правления. Поэтому, если богу угодно было промыслом своим изменить бывшую прежде в этой стране форму правления, то это еще не вызывает необходимости перемен в торговых отношениях и взаимном согласии Франции и Англии. Последняя могла изменить свой вид и из монархии сделаться республикой, но положение остается неизменным: народы остаются соседями и попрежнему заинтересованы друг в друге посредством торговли, а трактаты, существующие между нациями, обязательны не столько для государей, сколько для народов, потому что их главная цель — взаимная выгода». В конце своей речи Бордо упомянул, что «его величество готов удовлетворить справедливые претензии английских судовладельцев, потерпевших от французского каперства».

Легко представить негодование бывшей королевы английской Генриэтты-Марии, когда она узнала о действиях Мазарини. В письме к своему второму сыну, будущему королю английскому Якову II, она писала: «Сын мой, пишу тебе это письмо, чтобы известить тебя..., что отсюда отправили в Англию посла с признанием этих гнусных изменников, несмотря на все протесты, какие мы могли заявить. Признаюсь тебе, со времени моего великого несчастья [т. е. казни мужа, короля Карла I] я еще ничего подобного не испытывала!»

Окончательно договор с Францией был оформлен несколько позже, в 1655 г., после долгих проволочек, во время которых Кромвелю удалось, играя на франко-испанских противоречиях, получить от Франции еще ряд уступок.

Иначе обстояло дело с Голландией, самой могущественной морской и торговой державой Европы XVII века. Голландцы были самыми опасными соперниками англичан повсюду, где

встречались их корабли. Происки голландцев в Московском государстве привели к отмене тамошних торговых привилегий английских купцов. Английское общественное мнение было за самую решительную политику по отношению к Голландской республике, — либо крепкий союз двух морских держав, почти слияние их в единое государство, либо борьба не на живот, а на смерть с целью принудить Голландию признать английскую гегемонию на море. Отсюда резкие колебания английской дипломатии в отношениях к торговой республике. Начав самыми дружескими заявлениями, Англия кончила открытым разрывом.

В феврале 1651 г. два чрезвычайных посла английского парламента, Сен-Джон и Страйкленд, были отправлены в Голландию. Их сопровождали 40 джентльменов и около 200 слуг в качестве свиты. В Гааге они были приняты с необыкновенной торжественностью депутацией Генеральных штатов, которую сопровождали 27 карет. Но массы зрителей выражали скорее неудовольствие при виде англичан. Во время дальнейшего пребывания английское посольство могло убедиться, что англичане не пользуются популярностью в этой стране.

Тем не менее во время торжественной аудиенции в Генеральных штатах семь комиссаров республики заявили английским послам, что Соединенные провинции предлагают свою дружбу Английской республике, и что они готовы не только возобновить и сохранить нерушимо добрые отношения, всегда существовавшие между английской нацией и ими, но и заключить с республикой трактат в видах общей пользы. В ответ на это английские послы, поймав на слове представителей республики, заявили, что их предложения идут еще дальше. «Мы предлагаем, — заявили они, — чтобы существовавшие в прежнее время дружба и добрые отношения между английской нацией и Соединенными провинциями не только были восстановлены и нерушимо сохраняемы, но чтобы эта нация и Провинции вступили в союз, более тесный и более искренний, так, чтобы для блага той и другой стороны был между ними взаимный интерес, более существенный и более сильный». Последняя фраза привела голландцев в смущение, и они допытывались, чего же хотят от них англичане. Последние от прямого ответа уклонились и заявили, что Провинции сами должны сделать английской республике определенные предложения. Истинный замысел англичан, впрочем, был довольно ясен: предложить Голландии слияние с Англией, т. е. предложить ей добровольно подчиниться Англии, и, в случае отказа, порвать с ней — таков был скрытый смысл дружеских объятий, в которые англичане готовы были заключить голландцев. Общественное мнение Голландии с негодованием отвергло самую мысль о подобного рода дружбе. Голландский политик Ян де Витт

впоследствии говорил по поводу последовавшего вскоре разрыва, что наряду с негодованием голландцев виной этому был «нестерпимый нрав англичан и их бесконечная ненависть к нашему благосостоянию».

Пока одна сторона старалась перещеголять другую в изъявлениях дружбы, действительные отношения между двумя республиками становились все более натянутыми. Англичане захватывали голландские корабли, а военный флот Голландии под командой знаменитого адмирала Тромпа усиленно крейсировал около английских берегов. Английские послы запрашивали свой парламент, что им делать дальше, и не следует ли им возвратиться домой. Парламент, не получая ответа от Генеральных штатов, предложил своим послам представить, наконец, его предложения о дружбе, походившие более на ультиматум. Они содержали семь пунктов. Английская республика и республика Соединенных провинций должны были выступать как единое государство в вопросах войны и мира, международных договоров и союзов. В некоторых случаях Генеральные штаты должны были подчиняться постановлениям английского парламента даже во внутренних делах. Как будто бы боясь, что он будет неправильно понят, английский парламент прибавлял устами своих послов, что если эти предложения будут приняты, то «будут предложены статьи еще более важные и обещающие еще более значительные последствия для блага обеих республик».

После всего этого послам Английской республики не оставалось ничего другого, как уехать восвояси. Это было в начале июля, а 5 августа парламенту был предложен и в том же году с необычайной поспешностью опубликован знаменитый «Навигационный акт» Кромвеля. То был типичный продукт меркантилизма XVII века. Он показал голландцам истинное значение недавно предлагавшейся английской дружбы. Согласно этому акту, в Англию позволялось ввозить иностранные товары только на английских кораблях, которые находятся под командой англичан и имеют в составе команды не менее трех четвертей английских матросов. Но и при этих условиях в Англию можно было ввозить товары только из мест их происхождения. Голландия, занимавшаяся по преимуществу посреднической торговлей, исключалась, таким образом, из торговли с Англией. Война (1652—1654 гг.) началась раньше, чем ее объявили стороны. Голландия была разбита и принуждена была признать Навигационный акт.

Дипломатия Кромвеля

Роспуск «охвостья» Долгого парламента в 1653 г. и переход власти в руки Кромвеля в 1654 г. сделали последнего диктатором. Отныне вся власть и руководство внешней политикой сосредоточены были в его руках. Фактически же Кромвель стал дик-

татором значительно раньше. Сам он был джентльменом средней руки, который понял с первых дней революции, что настало время действовать во имя будущего, не считаясь с обычаями прошлого и не занимаясь парламентскими дебатами на тему о правах парламента и прерогативах короны. Один из скульпторов изобразил спокойную и решительную фигуру Кромвеля со шпагой в одной руке и молитвенником в другой, — оружием, при помощи которого он разрешал, или, лучше сказать, разрубал самые сложные вопросы своего бурного времени. Насмешники из числа парламентариев говорили о нем после разгона «охвостья», что Кромвель — претендент на непосредственные сношения со святым духом, и что он выдает свои распоряжения за повеления самого бога. В этой насмешке была известная доля истины. Убежденный в своей миссии, Кромвель облекал требования своего класса в проповедь, подкрепленную ссылками на библию и бога. Действовал он с быстротой и решительностью, свойственной классу, который прочно захватил власть и не желает ни с кем ею делиться. Лондонский купец Морель, состоявший в переписке с кардиналом Мазарини, писал ему: «Мы возлагаем бóльшую надежду на десять, чем на двести (т. е. на Кромвеля и его непосредственных помощников, а не на парламент). Больше тайны — больше быстроты, меньше слов — больше дела, и четыре года не пройдут попрежнему в ораторских упражнениях».

При вступлении в свои обязанности Кромвель отправил своего церемониймейстера ко всем иностранным послам «с поручением уверить их, что эта перемена не изменит ни отношений, ни дружбы, существующих между их государями и Англией». Государственный совет поручил пяти своим членам продолжать дипломатические дела, начатые раньше парламентом. Обстоятельства способствовали упрочению власти диктатора. В июне 1653 г. английский флот одержал решительную победу над голландцами. С Голландией было покончено. Корнелий де Витт на собрании Генеральных штатов Соединенных провинций заявил: «Моя обязанность сказать вам, что теперь и мы, и море во власти Англии». Война еще продолжалась некоторое время, пока велись переговоры. Англичане попрежнему настаивали на слиянии двух республик, но Кромвель, убежденный в необходимости скорейшего заключения мира, отказался от этого требования и добился заключения мира в июне 1654 г. Участниками договора были не только голландцы, но и их союзники: король датский, протестантские кантоны Швейцарии, ганзейские города и некоторые протестантские князья Северной Германии.

Одновременно с этим договором Кромвель заключил торговые договоры с другими, менее опасными для Англии державами: Швецией, Данией и Португалией.

Еще в 1653 г. Кромвель отправил в Стокгольм английского дипломата Уайтлока, который должен был заключить договор со Швецией. «Это, — говорил Кромвель Уайтлоку, — чрезвычайно важно для республики; кроме королевы Христины, во всем христианском мире нет такого государя и такой державы, с которыми мы могли бы рассчитывать связать себя узами дружбы... Ваше нынешнее назначение послужит лучшим средством к устройству наших дел с голландцами и датчанами, а также и дел нашей торговли». Уайтлоку пришлось употребить много усилий, чтобы победить предубеждение шведского дворянства, которое с возмущением смотрело на события в Англии и считало, что дело парламента есть дело «компании портных и сапожников». Тем не менее 28 апреля 1654 г. Уайтлок подписал мирный и союзный трактат с Швецией. В трактате с Данией в сентябре 1654 г. Англия выговорила себе право прохода через Зунд на тех же условиях, которыми до сих пор пользовались голландцы. Договор с Португалией, представитель которой долгие месяцы ждал ответа на свои предложения, был началом экономического подчинения Португалии Англии. «Мы заключили, — говорил Кромвель, — мир с двором португальским; купцы наши, там торгующие, будут иметь право свободного вероисповедания и полную свободу славословить всевышнего в собственных своих церквах».

Это нисколько не помешало Кромвелю предать суду брата португальского посланника Панталеона де Са за то, что тот позволил себе со своими друзьями устроить драку у новой Биржи в лондонском Сити, причем были убитые и раненые. Суд приговорил португальского дона к смерти, и он был обезглавлен перед многочисленной толпой. За несколько часов до этого посланник, его брат, выехал из Англии с только что подписанным договором, чтобы не видеть страшного зрелища.

Труднее обстояло дело с Испанией. Несмотря на то, что Испания была первой страной, которая признала Английскую республику, несмотря на все старания Карденьи, дело с подписанием договора подвигалось вперед чрезвычайно медленно. Ненависть англичан к этой великой колониальной стране была давнишней и понятной. Как только Кромвель был провозглашен протектором, Карденья, боясь, что его предупредит Франция, в частном разговоре предложил Кромвелю помощь со стороны Испании для утверждения его власти. Он обещал от лица своего короля, что Испания откажется поддерживать какие бы то ни было домогательства Карла Стюарта, сына казненного короля английского. За это Карденья требовал, чтобы Кромвель выступил совместно с Испанией против Франции. Но Мазарини оказался более ловким, чем испанское правительство. Он готов был титуловать Кромвеля от имени короля «братом», «кузеном» и т. д., но Кромвель просил сказать кардиналу, что никакого

иного титула, кроме протектора, он не потерпит. Мазарини намекал, что, если понадобится, он «вежливым образом» готов выпроводить из Франции семью казненного короля, и предлагал Кромвелю деньги и союз. Кромвель неторопливо выслушивал предложения соперников и ставил им все новые условия и требования. По существу он давно уже решил вопрос о том, кого предпочесть. Франция была сильна, и борьба с ней была чревата неожиданностями. Испания находилась в состоянии упадка и представляла богатую и легкую добычу. Испания не разрешала Англии торговать со своими колониями. Она подвергала английских купцов, еретиков с испанской точки зрения, суду инквизиции. Кромвель потребовал от Испании свободы плавания в Вест-Индию и прекращения инквизиционного преследования. Это было чересчур даже для испанского посла. Карденья с негодованием заявил: «Требовать освобождения от инквизиции и свободного плавания в Вест-Индию — все равно, что требовать обоих глаз моего государя». Всегда необходимая в глазах Кромвеля война с Испанией стала теперь неизбежной. Она могла занять матросов, офицеров и солдат, дать им возможность нажиться; она могла успокоить умы фанатиков, метавших громы против папистов; она, наконец, сулила дать Англии господство в Новом Свете, который попал в руки католиков-испанцев, а должен был принадлежать суровому протестантскому богу Кальвина, богу торговли, капиталистической эксплоатации и нарождающейся биржи. К берегам Нового Света была отправлена эскадра Пенна, в Средиземное море — эскадра страшного Блэка, который крейсировал около испанских берегов. Пенну даны были инструкции начать захват испанских колоний. Однако попытка овладеть островами Сан-Доминго была, к стыду англичан, отбита испанцами. Когда это происшествие стало известно в Испании, на английские корабли и имущество в Испании было наложено эмбарго, многие из купцов были арестованы, и король приказал Карденье покинуть Англию. Когда Карденья садился на предоставленный ему фрегат в Дувре 24 октября 1655 г., Кромвель подписывал мирный и торговый договор с Францией. «Если этот договор, — писал французский посол в Англии Бордо, — и утратил свою прелесть от долгого ожидания, зато разрыв с Испанией, кажется, должен придать ему новую цену». 28 ноября сообщения о договоре с Францией и войне с Испанией были обнародованы на улицах Лондона.

В сентябре 1656 г. Кромвель следующими словами характеризовал создавшееся положение: «Мы в войне с Испанией. Мы начали эту войну по необходимости. Испания наш величайший враг, враг естественный и как бы указанный самим богом, ибо она — воплощенный папизм. Нет средств ни добиться от Испании удовлетворения, ни обезопасить себя от нее. Мы тре-

бовали от нее для наших купцов только позволения иметь в кармане библию и молиться богу по-своему, но нечего ждать от испанца свободы совести». Война окончилась уже после смерти Кромвеля и была неудачной для Испании. Англия захватила остров Ямайку, центр работорговли в Америке.

3. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В XVII ВЕКЕ

Международное положение и дипломатия Московского государства в начале XVII века

Взрыв крестьянской войны и интервенция со стороны Речи Посполитой и Швеции в начале XVII века не могли не отразиться на международном положении России, которое сильно пошатнулось. Чтобы обеспечить поддержку своей авантюры со стороны польского короля, панов и папы, Лжедимитрий I заключил ряд тайных договоров. Если бы они вошли в жизнь, то привели бы к расчленению и разорению Московского государства. После смерти самозванца эти договоры были опубликованы и вызвали сильное негодование против поляков. Но и правительство Василия Шуйского, лишенное опоры в населении, оказалось вынужденным пойти на позорный договор с Швецией, которым оно ценою уступки Карелии, русской части побережья Финского залива, купило иноземную помощь.

По мере того как слабела власть Шуйского, отдельные группы русских бояр заключали договоры с интервентами. 4 февраля 1610 г. представители московской знати, служившей тушинскому «царьку», договорились с Сигизмундом о приглашении его сына Владислава на московский престол. После поражения правительственных войск и свержения Шуйского временное боярское правительство о том же заключило в августе 1610 г. договор с гетманом Жолкевским. Уния Москвы с Речью Посполитой послужила поводом и для Швеции, которая враждовала с Польшей, предъявить свои требования. Новгородская администрация вместе с верхушкой местного населения подписала с шведским полководцем Яковом Делагарди договор, согласно которому Новгород признавал царем брата шведского короля. В основе всех этих договоров, отдававших страну в руки иностранцев, лежало одно и то же стремление правящих групп — сохранить власть в своих руках и устранить опасность народного восстания. Только широкий патриотический подъем, охвативший народные массы, позволил ополчению князя Пожарского и Минина освободить Москву от засевших в ней поляков.

Из «великого разорения» Московское государство вышло сильно расшатанным. Сигизмунд, который успел захватить

Смоленск и Чернигово-Северскую землю, продолжал угрожать Москве. Владислав, его сын, не отказывался от своих мнимых прав на русский престол. Новгород был оккупирован шведами, и шведский кандидат продолжал предъявлять притязания на московский престол. Правительству нового царя Михаила пришлось, таким образом, начинать свою деятельность в очень напряженной международной обстановке. Михаил Федорович по вступлении на престол немедленно обратился ко всем европейским державам с «обвещением» о своем избрании и с просьбами о займе и о союзе против Польши и Швеции. Отсутствие уверенности в прочности нового правительства отразилось на результатах этих переговоров. Империя признала нового царя только в 1616 г.

Дольше всего отказывалась Речь Посполитая признать царем «нынешнего государя их [Михаила Федоровича], которого они, русские, ныне великим государем у себя именуют». Только по Поляновскому договору 1634 г. Владислав отказался от своих претензий и признал за Михаилом царский титул. Благодаря посредничеству Голландии и Англии, заинтересованных в восстановлении правильной торговли с Россией, заключен был мир и с Швецией. За признание и Англия, и Голландия, и даже Франция требовали предоставления транзита через Московское государство в Персию, но московское правительство проявило в этом вопросе большую твердость.

Основные направления внешней политики Московского государства в XVII веке

Оправившись от последствий военной интервенции шведов и поляков, Московское государство при первых Романовых постепенно принимает черты более или менее мощной абсолютной монархии. Начиная с середины XVII века, Россия играет настолько крупную роль в политической жизни Восточной Европы, что ни одна международная проблема уже не может быть разрешена здесь без участия Москвы.

Таким образом, ко второй половине столетия уже стало определяться значение Московского государства как одной из сильных европейских великих держав.

Три основные международные проблемы стояли перед Россией в XVII веке. Оставался нерешенным вопрос о воссоединении украинских и белорусских земель, которые находились под властью Речи Посполитой (Польши). Не менее насущным был вопрос о продвижении в Прибалтику. К концу столетия четко обрисовалась и третья задача — необходимость борьбы с Турцией и ее вассалом Крымом. Все три проблемы переплетались между собой, чем осложнялось разрешение каждой из них в отдельности. В борьбе с Польшей естественными союзниками Москвы были Швеция, Турция и Крым. Но эти же государства являлись и соперниками Москвы в отношении литовско-

польского наследства: Швеция претендовала на польскую Прибалтику и на Литву, Турция и Крым — на Украину. С другой стороны, борьба с Швецией за Балтику толкала Москву к союзу с Речью Посполитой и требовала установления мирных отношений с мусульманским югом. Точно так же и против Турции можно было действовать лишь в союзе с Польшей, т. е. отказавшись от Украины. Такова была сложная международная обстановка, в которой приходилось действовать Москве во второй половине XVII века.

Кризис, который переживала Речь Посполитая в середине XVII века, открыл Москве широкие перспективы. Восстание украинского народа под руководством Богдана Хмельницкого против гнета польских панов, перекинувшееся на белорусские земли, являлось моментом, чрезвычайно благоприятным для перехода к наступлению. Обращение Переяславской рады в январе 1654 г. к московскому правительству с просьбой о присоединении Украины к Русскому государству послужило внешним поводом для начала военных действий, которые развивались очень успешно для Москвы. Но в самый разгар русских успехов в войну неожиданно вмешалась Швеция. Сепаратное выступление Швеции на польском театре военных действий было отнюдь не в интересах Москвы, так как «царского величества у ратных людей свейские ратные люди дорогу переняли». Москва примкнула к образовавшейся в то время антишведской коалиции, в которую входили Империя, Дания и Бранденбург. Коалиция эта имела целью остановить чрезмерное усиление Швеции. Русские войска стали с успехом продвигаться в Ливонии, Курляндия официально перешла под патронат России. Однако Швеция сумела выйти из создавшегося положения. Добившись в 1658 г. Валиесарского перемирия с Москвой на три года, Швеция в том же году заключила выгодный мир с Данией, а в следующем — мир с Речью Посполитой (в Оливе). Речь Посполитая, развязав себе руки Оливским миром, возобновила войну с Московским государством. Вести войну на два фронта Россия была не в силах. Ради Украины в Москве решили поступиться Ливонией. По Кардисскому договору 1661г. все завоевания в Прибалтике были возвращены Швеции.

Война с Речью Посполитой между тем затягивалась и шла с переменным успехом. Неоднократно делались попытки прекратить ее дипломатическим путем. Еще в 1654 г. Москва, сообщая Франции о начавшейся войне, просила о ее посредничестве. По ходатайству короля Яна-Казимира в 1655 г. посредничество взял на себя император Фердинанд III. При участии его представителей было заключено перемирие в Вильно. В 1661 г. преемник Фердинанда III Леопольд II вновь послал в Москву посольство во главе с бароном Мейербергом. Посредничество и на этот раз не привело к осязательным резуль-

татам. Однако самый факт этих попыток со стороны Империи показывает, что русско-польский конфликт потерял в это время свой местный характер и приобрел общеевропейское значение. Несколько раз оба воевавшие между собой государства пытались достигнуть мира путем избрания на польский престол либо самого царя Алексея, либо его сына. Однако в Москве понимали, что уния с Речью Посполитой может быть куплена лишь ценою больших уступок в украинском вопросе. С другой стороны, Польша, нуждаясь в русской помощи против Турции, боялась усиления России. Таким образом, и из этих переговоров ничего не вышло.

Нараставшая угроза со стороны Турции привела, наконец, к сближению воевавших между собой государств. В 1667 г., после трехлетних переговоров, в Андрусове было заключено перемирие, по которому к России отходили вся Левобережная Украина и на два года Киев. Это был большой дипломатический успех Москвы. Договору был придан характер акта общеевропейского значения. В случае безуспешности дальнейших переговоров о «вечном мире» предполагалось «призвати государей христианских за посредники». Еще важнее было обязательство Речи Посполитой не заключать договоров с Турцией без участия Московского государства.

Прекращение войны с Речью Посполитой давало Москве возможность перейти к разрешению двух других неотложных внешнеполитических задач. В связи с этим ей приходилось выбирать между двумя политическими комбинациями, которые разделяли Западную Европу на два лагеря. Возраставшее могущество Швеции вызывало беспокойство среди ее ближайших соседей. Дания, Бранденбург и Империя всячески стремились привлечь Московское государство к союзу, направленному против Швеции. За спиной Швеции стояла самая сильная европейская держава XVII века — Франция; к антишведскому блоку примыкали Голландские штаты, которые опасались Франции и тоже хлопотали о союзе с Москвой против Швеции. Разрыв с Швецией означал отказ от продолжения активной политики на юго-западе и Украине, — на это не могли решиться ни царь Алексей Михайлович, ни его сын Федор Алексеевич, выросший под сильным белорусским и украинским влиянием. Тем не менее московское правительство в 1676 г. двинуло на границу Швеции значительные военные силы. «Это обстоятельство, — по признанию голландцев, — пожалуй, более всего... способствовало успеху» союзников. В то время как датские дипломаты всячески внушали Москве мысль о необходимости более решительных действий против Швеции, шведское правительство со своей стороны хлопотало об «аллиансе» (союзе), обещая Москве помощь против Турции. В ответ московские дипломаты требовали уступки Ингерманландии и Карелии

в виде «сатисфакции» за ущерб, нанесенный русским действиями шведов в войне с Речью Посполитой. Таким образом, уже в XVII веке назревала мысль о «северном союзе» против Швеции, осуществившаяся в XVIII веке.

С момента заключения мира с Речью Посполитой внимание Москвы все более сосредоточивается на турецко-татарской проблеме. Уже после Андрусовского перемирия Андрей Виниус был отправлен из Москвы послом к английскому королю Карлу II с просьбой о помощи Польше против Турции.

Полное поражение Речи Посполитой в войне с Турцией в 1672 г. вызвало со стороны Москвы ряд энергичных дипломатических шагов. Генерал Менезий отправлен был к курфюрсту Бранденбургскому, в Вену, Венецию и к папе, Андрей Виниус — во Францию и Испанию, Емельян Украинцев — в Швецию и Голландию, чтобы побудить их к выступлению на помощь Польше. На призыв Москвы откликнулся только курфюрст Бранденбургский. Само московское правительство уклонилось от того, чтобы брать на себя какие-либо обязательства. Однако война с Турцией все-таки вспыхнула из-за Правобережной Украины. Она тянулась с 1676 по 1681 г. Это вызвало в 1679—1680 гг. посылку Чаадаева во Францию и Англию и Кривого-Бутурлина в Вену и Берлин. В 1686 г. состоялось, наконец, то объединение всех европейских сил для борьбы с Портой, о котором так упорно хлопотала Москва: Империя, Франция, Венеция, Бранденбург, Речь Посполитая и Москва заключили общий союз. На долю России выпадала война с Крымом. Заключению антитурецкой коалиции предшествовал договор Москвы с Речью Посполитой о «вечном мире» на основах Андрусовского перемирия. Не только Левобережная Украина, но и Киев, первоначально уступленный только на два года, остались за Москвой.

Естественно, что с устремлением внешней политики Московского государства на юг вопрос о Прибалтике был надолго снят с очереди. В 1683 г. Кардисский мир был подтвержден «без паки прошения отобранных провинций».

Дипломатическая деятельность московского правительства не менее широко развернулась и в восточном направлении. Враждебные отношения к Турции способствовали установлению дружбы с ее историческим врагом — Персией; к этому побуждали Москву и торговые интересы, поскольку через Московское государство шел персидский шелк в Западную Европу. С 1654 г. делались попытки завязать дипломатические и торговые сношения с Китаем. Долгое время эти попытки оставались безуспешными. Появление русских казаков и промышленников на Амуре и постройка в Приамурье русских острогов заставили, однако, правительство китайского императора Кан Си пойти на переговоры для разрешения пограничных спо-

ров. Впервые в истории Китая из Пекина выехали «великие послы» для встречи с иностранными послами. В тех условиях, в каких велись переговоры, пред лицом китайской армии, готовой в любой момент поддержать оружием требования пекинского правительства, Нерчинский договор 1689 г. был в сущности очень большим успехом московской дипломатии. Он обеспечил утверждение России в верхнем бассейне Амура и открыл широкие возможности для русской торговли с Китаем. На базе Нерчинского договора строились русско-китайские отношения до середины XIX века.

Таким образом, к концу XVII века и на Западе, и на Востоке международное положение Москвы укрепилось. Наметились те основные направления, по которым пошла внешняя политика Русского царства в XVIII веке.

Дипломатические учреждения Московского государства

Сложные задачи, стоявшие перед Московским государством со времени Ивана III в области внешней политики, требовали создания особого учреждения для руководства дипломатическими сношениями.

При Иване III такого учреждения еще не существовало. Вопросы внешней политики обсуждались и решались самим великим князем совместно с Боярской думой. Техническая сторона приема послов возлагалась на великокняжеских казначеев, которые играли в то время роль министров финансов. В качестве послов первое время выступали находившиеся на службе у великого князя греки и итальянцы. Таковы греки Юрий Траханиот, Дмитрий Ралов, итальянцы Вольпе, Джисларди. Более культурные, чем природные москвичи, ловкие, оборотистые, знающие европейские порядки и политическую обстановку на Западе, они казались незаменимыми как дипломаты. Но среди них были типичные авантюристы, для которых дипломатическая служба московскому государю была только средством обогащения. С такими чертами, например, выступает Антонио Вольпе, денежный мастер, выкрест; он служил одновременно и Ивану III, и Венецианской республике, и римскому престолу, и Золотой Орде и всех их обманывал. Однако очень скоро рядом с иностранными специалистами на дипломатической службе появляются и русские. В княжение Василия III иностранные источники с уважением говорят о великокняжеском дьяке Дмитрии Герасимове, который неоднократно ездил с дипломатическими поручениями в Рим, к цесарю, в Данию, в Пруссию. Довольно образованный, он владел латинским и немецким языками, участвовал в работах известного греческого ученого монаха Максима Грека по переводу священных книг на русский язык, интересовался богословскими вопросами, ценил итальянскую музыку и знакомился за границей с памятниками старины.

Организация особого учреждения, которое ведало международными сношениями, падает на XVI век. Постепенно из числа влиятельных великокняжеских дьяков выделяются те, которые специализируются на переговорах с иностранными послами. В 1549 г. «посольское дело» было «приказано» дьяку Ивану Михайловичу Висковатому (в то время он «был еще в подьячих»). Этим назначением и положено было начало Посольскому приказу как особому учреждению. В 1561 г. Висковатый получил звание «печатника», т. е. канцлера. Назначение лица неродовитого на столь ответственную должность объясняется, повидимому, тем, что руководство внешней политикой царь оставлял за собой и попрежнему решал связанные с нею вопросы сообща с Боярской думой, а «печатник» заведывал только канцелярией. «Знал бы ты свои дела, которые на тебя положены, не разроняй списков!» — говорил Висковатому митрополит. Очень скоро, однако, скромный начальник посольской канцелярии стянул в свои руки всю текущую дипломатическую работу и сделался очень важным звеном во всей внешнеполитической деятельности правительства. «Отличнейший человек, подобного которому не было в то время в Москве», Висковатый не был лишен талантов: «его уму и искусству, как москвича, ничему не учившегося, — по словам иностранца-современника, — очень удивлялись иностранные послы». Висковатый пал жертвой крупного дипломатического поражения, которое потерпело Московское государство в 1569—1570 гг., когда Турция и Крым вступили в Ливонскую войну. Обвиненный в турецкой ориентации и в самостоятельных сношениях с султанским правительством, он был казнен в декабре 1570 г.

Висковатого в Посольском приказе сменили братья Щелкаловы, Андрей и Василий. Думный дьяк Андрей Щелкалов, «человек необыкновенно пронырливый, умный и злой», в течение четверти века управлял Посольским приказом и приобрел громадное влияние на все стороны правительственной жизни. Типичный представитель нарождавшейся бюрократии, «не имея покоя ни днем, ни ночью, работая, как безгласный мул, он был недоволен тем, что у него мало работы, и желал еще больше работать» (Исаак Масса). Сменивший его брат, думный дьяк и печатник Василий Щелкалов, «далеко уступал Андрею своими дарованиями».

Как учреждение Посольский приказ еще в начале XVII века не был велик; в нем в 1594—1601 гг. числилось, кроме «посольского думного дьяка» и его товарища, тоже дьяка, всего 15—17 подьячих, не считая переводчиков и низшего персонала. В XVII веке Посольский приказ значительно разросся. Кроме руководства внешней политикой, он занимался делами иностранных купцов и всех приезжих иноземцев (кроме военных). Приказ управлял вновь присоединенными территориями в пер-

вое время после их завоевания (например, Сибирью, Смоленской областью, Украиной и т. д.) и ведал сбором денег на выкуп пленных («полоняничных денег»). Наконец, Посольскому приказу были подчинены некоторые второстепенные приказы (четверти Новгородская, Галицкая, Устюжская и Владимирская и Печатный приказ). Смешение функций крайне затрудняло правильное течение дел в Посольском приказе. Это дало повод одному из умнейших его начальников (Ордин-Нащокину) сказать с досадой, что нельзя смешивать «великие государственные дела» с «кружечными», т. е. со сбором доходов с кружечных дворов (кабаков).

Разнообразие и обширность функций Посольского приказа в XVII веке потребовали значительного расширения его штатов. В 1689 г. в Посольском приказе было 53 подьячих, 22 переводчика и 17 толмачей [1].

Крупное значение, которое приобрели международные отношения в жизни Московского государства, нашли себе выражение и в том, что, начиная с 1667 г., во главе приказа стояли уже не дьяки, а бояре, иногда с титулом «царственные большие печати и государственных и великих дел оберегателя», т. е. канцлера. Одно время самому приказу присвоивалось наименование «Государственный приказ посольской печати». Все это свидетельствовало о возросшем значении внешнеполитической деятельности правительства. Таким образом, в течение XVII века Посольский приказ вполне оформился как учреждение. Но царь сохранил за собой бдительный контроль за деятельностью своих дипломатов. При царе Алексее был организован особый Приказ тайных дел, состоявший под непосредственным его ведением, куда «бояре и думные люди не входят и дел не делают, кроме самого царя». Из этого приказа, в частности, прикомандировывались к послам «в государства» и на посольские съезды подьячие «для того, что послы в своих посольствах много чинят не к чести своему государю, в проезде и в разговорных речах, и те подьячие над послами надсматривают и царю, приехав, сказывают». Контроль этот был, впрочем, малодействителен, ибо послы, «ведая в делах неисправление свое и страшась царского гневу», подкупали этих подьячих, «чтоб они, будучи при царе, их, послов, выславляли, а худым не поносили» (Котошихин).

---

[1] Языков «еллинского» (греческого), латинского, польского, немецкого, «цесарского», «аглинского», «свейского», «галанского», итальянского, французского, венгерского, белорусского, армянского, татарского, турецкого, калмыцкого, ногайского, хивинского, персидского, «мунгальского».

Русские дипломаты XVII века

XVII век видел во главе Посольского приказа несколько крупных политических деятелей. На первом месте среди них стоит Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин. Это был государственный человек европейского масштаба, «мудрый министр, который не уступит ни одному из европейских», по словам одного иностранца. Сын скромного псковского помещика, он выдвинулся благодаря своим исключительным дипломатическим талантам, которые имел возможность впервые проявить в качестве уполномоченного по разграничению Псковского уезда с Швецией. Особенно отличился Ордин-Нащокин при заключении Валиесарского перемирия (1658 г.), согласно которому Швеция уступила русским завоеванные ими в Ливонии города, и Андрусовского перемирия с Польшей (1667 г.), по которому Москва приобрела Левобережную Украину и Киев. Ордин-Нащокин имел и некоторую теоретическую подготовку: он умел писать «слагательно», знал математику, латинский и немецкий языки, был осведомлен в иностранных порядках — про него говорили, что он «знает немецкое дело и немецкий обычай знает же». Не будучи безоговорочным сторонником заимствований всего иноземного, он считал, что «доброму не стыдно навыкать и со стороны, даже у своих врагов». Ордин-Нащокин был дипломатом первой величины — «наихитрейшей лисицей», по выражению страдавших от его искусства иностранцев. «Это был мастер своеобразных и неожиданных политических построений, — говорит о нем проф. Ключевский. — С ним было трудно спорить. Вдумчивый и находчивый, он иногда выводил из себя иноземных дипломатов, с которыми вел переговоры, и они ему же пеняли за трудность иметь с ним дело: не пропустит ни малейшего промаха, никакой непоследовательности в дипломатической диалектике, сейчас подденет и поставит втупик неосторожного или близорукого противника». При всей своей изворотливости Ордин-Нащокин обладал одним дипломатическим качеством, которого не имели его соперники, — честностью. Он долго хитрил, пока не заключал договора, но, заключив, считал грехом его нарушать и категорически отказывался от исполнения соответствующих указаний царя. В 1667 г., уже в чине боярина, Ордин-Нащокин был назначен начальником Посольского приказа. Он очень высоко ставил дипломатическую службу — «промысел». В его глазах Посольский приказ был высшим из всех государственных учреждений. Это — «око всей великой России». Задача Посольского приказа—«расширение государств от всех краев... тем и честь и низость во всех землях; и других приказов к Посольскому приказу не применяют». Посольский приказ надо поэтому, «яко зеницу ока, хранить». Ордин-Нащокин ратовал за высокое качество личного дипломатического состава, потому

что «надобно мысленные очеса на государственные дела устремить беспорочным и избранным людям». У Ордин-Нащокина была своя совершенно определенная программа, которую он проводил с большим упорством и последовательностью, входя нередко в конфликты с самим царем Алексеем. С большой политической прозорливостью он считал необходимым направить все усилия Московского государства на приобретение «морских пристаней» на Балтике. Чтобы достигнуть этой цели, он стремился создать коалицию против Швеции и отнять у нее Ливонию. Он хлопотал поэтому о мире с Турцией и Крымом, настаивал на том, чтобы с Польшей «мириться в меру» (на умеренных условиях), готов был даже пожертвовать Украиной: «стоит-ли стоять за черкасов, если они изменяют?» Ордин-Нащокин мечтал даже о союзе с Речью Посполитой, о «славе, которой покрылись бы славянские народы, если бы все они объединились под главенством России и Польши». У Ордин-Нащокина были свои взгляды и по вопросам экономической политики. «Русский Ришелье», как его называли шведы, он последовательно проводил в жизнь принципы меркантилизма. Внешнеполитическая программа Ордин-Нащокина (отказ от Украины, союз с Польшей и отнятие у Швеции Ливонии) не встречала сочувствия у царя, несмотря на большое доверие и расположение, которое он постоянно оказывал своему министру. Назначенный в 1671 г. полномочным послом в Польшу для заключения мира на условиях, не согласных с его убеждениями, Ордин-Нащокин подал в отставку и ушел в монастырь. Перед смертью он участвовал еще с успехом в переговорах о продлении Андрусовского перемирия в 1679 г.

Назначение на место Ордин-Нащокина А. С. Матвеева, сторонника сближения с Швецией и большого покровителя украинцев, придает уходу Ордин-Нащокина характер министерского кризиса, вызванного разногласиями с верховной властью по коренным вопросам внешней политики.

Из других начальников Посольского приказа дипломатические способности проявил фаворит царевны Софии, князь Василий Васильевич Голицын. Его искусству Россия была обязана заключением вечного мира с Речью Посполитой на условиях Андрусовского перемирия.

«Посольский обряд»

В XVI—XVII веках оформился и московский «посольский обряд», т. е. внешние приемы дипломатических сношений, дипломатический этикет. Выработался он не сразу. В конце XV века определенного церемониала еще не существовало. Принимая Поппеля на тайной аудиенции, Иван III о секретном деле говорил с послом, отойдя в сторону от присутствовавших бояр. Во время приема в Москве венецианского посла Контарини Иван III так увлекся в разговоре, что стал наступать на

своего собеседника, который из уважения к великому князю пятился назад.

Московские дипломаты, попадая на Запад, внимательно присматривались к тамошнему дипломатическому церемониалу, учились и по-детски копировали существовавшие там порядки.

В 1489 г. Иван III посылал к германскому императору послом Юрия Траханиота. Из доклада Траханиота после его возвращения великому князю стало известно, что ему была оказана «великая честь», что на аудиенциях император и сын его, король, «сами встречали его, сступив с своего места ступени три - четыре, да руку подавали стоя», что император посадил Траханиота «против себя на скамейке близко». Когда с ответным посольством прибыл в Москву от императора Георг фон Турн, то Иван III принял его таким же образом, «сступив с своего места, да подал ему руку, да велел ему сести на скамейке против себя».

Постепенно, иногда на основании случайных наблюдений и прецедентов, и выработался в течение XVI века характерный для московской дипломатии очень сложный этикет. В основе этого этикета лежали, несомненно, западноевропейские образцы. Весь московский «посольский обряд» резко отличается и от восточного, и от византийского; но, перенесенный из Западной Европы, «обряд» в Москве утратил свою гибкость, принял закостенелые формы, оброс азиатскими условностями и не допускавшими изменения мелочами. В конечном итоге московские дипломаты уверовали, что созданный ими посольский чин и есть настоящий, общепризнанный порядок, которому подчиняются или должны подчиняться все государства. В 1654 г. послы царя Алексея заявили цесарским «думным людям», что они будут править посольством не так, как от них требуют, а «как в посольских обычаях ведетца», а «иных государств послы и посланники нам не в образец».

В представлении московских дипломатов все государства делились на ранги в зависимости от их политического значения. Далеко не каждого государя московский царь мог признать себе братом. Прежде чем вступить в дипломатические сношения с тем или иным государем, в Москве старались узнать, действительно ли он независимый правитель или «урядник» (вассал). Шведских королей из дома Ваза в Москве долгое время считали простыми «обдержателями» (регентами), недостойными сноситься непосредственно с самим царем, и требовали, чтобы сношения велись через новгородских наместников, против чего шведское правительство всячески протестовало. Иван IV и Сигизмунда-Августа попрекал, что он называет шведского короля братом: ведь он должен был бы знать, что дом Ваза происходит от простого водовоза. По договору 1687 г. курфюрст Бранденбургский обязался при приеме русских по-

слов проявлять особую почтительность, так как московское правительство курфюрста ставило ниже короля. Еще в конце XVII века бранденбургские послы тщетно хлопотали о том, чтобы им в Москве оказывалась та же почесть, какую оказывают император и все короли.

Вне зависимости от ранга того или иного государства все сношения с иностранными державами строились на принципе охранения государевой «чести».

«Честь» эта выражалась в первую очередь в «именовании», т. е. в титуле. «Самое большое дело государскую честь остерегать; за государскую честь должно нам всем умереть. Прежде всего нужно оберегать государское именование. Начальное и главное дело государей чести остерегать». «Не только нам есть, но и на свет зреть не можем», — говорил во Франции в 1668 г. стольник П. И. Потемкин по поводу «прописки» в царском титуле, увидев в этом «великого государя нашего, его царского величества, в самом великом его государском деле страшное нарушение». Вопрос о титуле стоял всегда на первом месте. Настойчивость русских дипломатов в этом вопросе раздражала иностранцев, а иногда их придирчивость и смешила. Но за отвлеченными спорами скрывались совершенно реальные соображения, поскольку титул выражал определенные права, и всякое умаление в титуле косвенно означало отказ от этих прав. Это отлично понимали и западноевропейские дипломаты, проявлявшие неменьшее упорство в вопросах титула. Их шокировала только грубость формы, в которой московская дипломатия отстаивала свои претензии.

«Государева честь» выражалась и в ряде мелочей, которые должны были обозначать более или менее высокое положение государей, представляемых послами. Московское правительство настаивало, чтобы грамоты к царю печатались обязательно большой печатью; представители царя должны были всегда требовать первого места, чтобы русских послов принимали по тому же обряду, как принимали иностранных послов в Москве, и т. д. Все это практиковалось и при западноевропейских дворах, но европейская дипломатия не могла никак отделаться от представления о «московитах», как о варварах, и потому крайне нетерпимо относилась к их щепетильности в вопросах этикета.

Сношения с иностранными государями велись через посредство «послов великих», «легких послов» или посланников и «гонцов». Различие зависело отчасти от важности и цели посольства, отчасти от отдаленности от Москвы государства, куда отправлялись посольства. Чем выше был ранг посылаемого лица, тем больше была и сопровождавшая его свита, и тем труднее был ее проезд до места назначения. «К цесарскому величеству, — говорит Котошихин, — великие послы не посыла-

ваны давно, потому что дальний проезд, через многие разные государства, и послам великим в дороге будет много шкод и убытков, а посылаются к цесарю посланники». В зависимости от важности посольства во главе его ехал боярин, окольничий, стольник или человек меньшего чина.

Послы, какое бы звание они ни носили, получали от Посольского приказа наказ, в котором детально излагались инструкции, как поступать при посольстве, и даже что и как говорить. В последнем случае делалась, впрочем, оговорка: «А будет учнут спрашивати о иных каких делах, чего в сем великого государя наказе не написано, и им [послам] ответ держать, смотря по делу... а лишних речей не говорить». Неограниченных полномочий послы не получали и ничего решить не могли без сношений с Москвой; поэтому они обычно на всякое непредвиденное предложение отвечали: «и мы о том скажем его царскому величеству, как, бог даст, увидим его светлые очи». Послов посылали только для предварительных переговоров, «а закрепить нам договорные статьи без указа великого государя не можно», — говорили они.

Наказы подробно излагали и весь церемониал посольства. Послам запрещалось до аудиенции у государя вести какие-либо переговоры с министрами и даже бывать у них, «да и ни в которых христианских государствах того не бывает, что, не быв у того государя, к которому кто послан, наперед ходить и дела объявлять думным людям». Это условие вызывало обычно много споров, так как, несмотря на категорическое заявление московских дипломатов, предварительные встречи с руководителями внешней политики были в обычае, хотя бы в виде взаимной любезности. При первом же посольстве в Константинополе в 1496—1497 гг. произошло на этой почве недоразумение: паши (турецкие вельможи), желая сделать любезность московскому послу М. Б. Плещееву, пригласили его до аудиенции у султана на пир и хотели сделать ему подарки. Но Плещеев «от доброй чести и подчивания» отказался довольно грубо: «мне с пашами речи нет; я пашино платье не вздеваю и данных денег их не хочу, с салтаном мне говорити». Такие эпизоды происходили постоянно и в позднейшее время. Когда в 1668 г. П. И. Потемкин проезжал через Бордо, то представитель короля маркиз де Сен-Люк осведомился, сделает ли ему посол ответный визит, если он его посетит. Потемкин ответил, что «по царскому указу, он под страхом смерти не может посещать кого-либо, прежде чем представится королю», и, чтобы смягчить впечатление от отказа, послал маркизу соболью меха, но тот их не принял.

Другим требованием было, чтобы русский посол не представлялся государю одновременно с послами других государств и даже в один и тот же день с ними.

Далее следовали указания, как приветствовать иностранного государя. Московское правительство следило, чтобы послы не допускали никаких унизительных проявлений почтения. Послам, отправлявшимся к султану, давался наказ «поклон правити стоя, а на колени не садиться». В 1588 г. посол в Персии Васильчиков наотрез отказался от целования «шаховой ноги»: «я того и слухом не слыхал, что государя нашего послам и посланникам государей в ногу целовать». Не согласился он также, чтобы шах взял царскую грамоту, сидя верхом на лошади. В том и другом персы уступили. В Крыму московское правительство боролось против обычая ханских есаулов (чиновников) бросать перед послом свои посохи и требовать «пошлины» за переход через эти посохи.

Подобные столкновения происходили не только при восточных дворах. В 1614 г. гонцу Ивану Фомину при «цесарском» дворе говорили, что его предшественники учились кланяться императору и на аудиенции преклонялись до земли. Фомин ответил, что «во всей вселенной у великих государей того не ведется, которые посланники и гонцы от великих государей к великим государям посыланы бывают, что им до земли кланяться; подобает то делать подданным». Еще в 1654 г. посланника Баклановского «думные люди» императора германского спрашивали: «как вы будете у цесарского величества, какую ему честь вздадите и как учнете кланяться?» Баклановский ответил, что «учиться мы у думных людей не будем... А буде предков великого государя нашего... посланники учились, и то они учинили простотою» (глупостью).

Следующим камнем преткновения был вопрос о том, как будет спрашивать иностранный государь о царском здоровье и снимет ли он шляпу при произнесении царского титула. В 1613 г. император, которому представлялся посланник царя Михаила Ушаков, «государеву имени маленько преклонялся, и шляпу сымал», а при отпуске «приказывал челобитье сидя». И в следующем году, когда гонец Фомин передавал императору поклон царя, то император, «сидя на месте, тронул у себя на голове шляпы немного, а против... царского именованья не встал». Фомин сделал ему замечание, что он нарушает обычай. Император приказал гонцу продолжать говорить, но Фомин ответил, что ждет, когда император встанет и спросит о здоровье царя. Император велел сказать Фомину, что не помнит, вставали ли его предшественники, когда им передавались царские поклоны, и приказал Фомину итти к себе на квартиру и ждать указа. В данном случае, впрочем, поведение императора объяснялось тем, что Михаил Федорович еще не был признан им официально. В 1667 г., при приеме Потемкина, испанский король снял шляпу в ответ на его поклон, но стоял в шляпе, пока посланник произносил «царское именование». Потемкину разъяс-

нили, что «как де вы, посланники царского величества, вошли в палату, и королевское величество снял шляпу в то время для брата своего, великого государя вашего... а не для вас посланников». По договору в 1687 г. курфюрст Бранденбургский обязался слушать именование и титул царя стоя, сняв шляпу, «с непокровенною головою» и принимать царскую грамоту своими руками и отдавать ее точно так же.

Порядок принятия царской грамоты и вручения ответной был одним из скользких дипломатических вопросов. Московское правительство требовало, чтобы иностранные государи делали это своеручно. Когда в 1614 г. император велел канцлеру взять грамоту у Фомина, то гонец отказался передать ее канцлеру и вручил ее самому императору. Длительный конфликт произошел в 1674 г., когда посланнику П. И. Потемкину император на аудиенции передал ответную грамоту не лично, а через одного из приближенных. На протест московского правительства последовал ответ, что при императорском дворе принято ответные грамоты отсылать прямо на квартиры к послам, и что в данном случае сделана была любезность в отношении московского посла.

При представлении иностранным государям послы говорили речи согласно полученному ими наказу, зорко следя, чтобы при произнесении царского титула государь встал. Речь произносилась, если можно так выразиться, коллективно: один член посольства начинал, другие продолжали. Первый посол, «вшед в палату», говорил, от кого и к кому прислано посольство, причем добросовестно перечислял все титулы обоих государей, держа в руках грамоту. На вопрос о здоровье московского государя отвечал второй член посольства: «как они поехали от великого государя царя..., и великий государь наш..., дал бог, [был] в добром здоровье». Затем третий член посольства говорил, что с ними прислана «любительная грамота». После вручения грамоты преподносились «любительные поминки» (подарки) от царя, преимущественно меха, иногда ловчие птицы.

По возвращении послы представляли в Посольский приказ подробнейший отчет о своей поездке в виде дневника, в котором изо дня в день, по «статьям», излагалось все, что они делали, видели, говорили и слышали за границей. Эти так называемые «статейные списки» представляют громадный интерес не только для истории русской дипломатии, но и для пополнения наших знаний по истории тех государств, куда ездили русские послы. Впрочем, в той части, в которой излагался ход переговоров, в статейных списках кое-что приукрашивалось; иностранных государей заставляли говорить языком «холопов» московского государя, а собственные слова послов излагались в самом выгодном для них свете, «и те все речи, которые говорены, и которые не говорены, пишут они в статейных списках не против того, как го-

ворено, прекрасно и разумно, выставляючи свой разум на обманство, чтоб достать у царя себе честь и жалованье большое» (Котошихин).

Не менее сложен был ритуал приема иностранных послов в самой Москве. На границе послов встречал пристав, высланный навстречу воеводой пограничного города. Уже тут начинались местнические счеты. Обе стороны зорко следили за тем, кто раньше снимет шапку, и наблюдали за тем, чтобы не сделать лишнего шага навстречу друг другу и ехать «о высокую руку», т. е. с правой стороны, пускаясь на всевозможные хитрости, причем иностранцы бывали изобретательны не менее русских.

С момента вступления на русскую почву послы получали «корм» в значительном количестве. Достаточно сказать, что цесарскому послу Мейербергу, приезжавшему к Алексею Михайловичу, полагалось на день по 7 чарок вина двойного, по 2 кружки «ренского», по 2 кружки романеи, по $1^1/_2$ ведра и 4 кружки различных сортов меду и по ведру пива и т. д. Содержание послов, тем более такое, по их собственному выражению, «изобильное», за счет государства, куда их посылали, было не в обычае в Европе и вызывало изумление; но качество продовольствия было невысокое, и на этой почве происходили часто недоразумения. В пути за снабжением посольства всем необходимым наблюдал приставленный к нему пристав. Со своей стороны и русские послы за границей пользовались всюду казенным содержанием и даже получали денежные субсидии на дорожные расходы, так как сумм, отпускаемых из приказа, обычно нехватало.

По дороге в Москву послов всюду встречали с почетом, но воеводы не должны были обмениваться с ними визитами, так как твердо держалось правило, что до царской аудиенции никакое должностное лицо не должно с ними видеться. Голландское посольство въезжало в Вологду в 1675 г. «при звуках труб и литавр», в сопровождении выехавших им навстречу дворян и немецких купцов. В течение всего пребывания оно пользовалось всевозможными знаками внимания со стороны воеводы, который, однако, по указанной причине был лишен возможности «беседовать» с самим послом, а виделся только с лицами из его свиты. Случалось, что по пути представители местного населения обращались к послам с просьбами о заступничестве перед местными властями, и такие ходатайства имели иногда успех.

За несколько верст не доезжая Москвы, посольство должно было остановиться в ожидании разрешения на въезд в столицу. В день, назначенный для въезда, из царской конюшни высылались возки или кареты и верховые лошади. Перед самой Москвой навстречу выезжали новые «московские» приставы. Начинались неизбежные споры и проволочки относительно того, посол

или пристав первый выйдет из своей кареты или слезет с коня, и Герберштейн очень хвалится тем, что обманул москвича, сделав вид, что первый готов сойти с лошади. Затем читались от имени царя приветствия, и пристав садился в карету к послу, тоже предварительно поспорив, какое место в ней займет. В 1678 г. спор между польско-литовскими послами и приставами тянулся два часа: «шествие остановилось, доложили великому князю, и он... решил, чтоб два русских имели в средине поляка, во втором ряду два поляка — москвича и т. д.». С этого момента приставы, или «попечители», как их называли иностранцы, не отходили почти от своих опекаемых, заботились об их устройстве и снабжении, служили посредниками между ними и Посольским приказом и одновременно разведчиками, через которых московское правительство старалось узнать намерения послов и получить сведения об европейской ситуации. Приставы получали соответствующие инструкции из приказа, о чем говорить и как отвечать на те или иные вопросы.

Въезд послов в Москву происходил с большой пышностью, при большом стечении народа. Вдоль всего пути стояли конные служилые люди и боярские холопы в богатом вооружении, на роскошно убранных конях, и выстроена была пехота со знаменами и пушками. Вся эта обстановка должна была внушать послам представление о богатстве и могуществе московского царя.

Уже в XVI веке для помещения особенно часто приезжавших в Москву послов, крымских, ногайских и польско-литовских, существовали особые дворы; остальные располагались в частных домах. С начала XVII века в Китай-городе, на Ильинке, был устроен особый Посольский двор. Послов стремились изолировать, под предлогом охраны их личности к ним приставлялась стража, которая никого не пропускала к ним; не разрешалось им и выходить со двора. «Заперли передний двор, — рассказывает участвовавший в голштинском посольстве к царю Михаилу Олеарий, — и приставили 12 стрельцов с тем, чтобы до первого представления [царю] никто из нас не выходил из дому, и чтоб никто из посторонних не входил к нам; но приставы ежедневно посещали послов и справлялись, не нуждаются ли они в чем. Кроме того, в нашем дворе постоянно находился при нас русский переводчик, который распоряжался стрельцами для наших услуг и рассылал их за покупками разных вещей, потребных для нас». Но после аудиенции голштинским послам было объявлено, что им разрешено выходить из своего помещения, что город открыт для них, и что если они пожелают выехать куда-нибудь, то им пришлют лошадей.

В течение XVII века полутюремный режим послов в Москве постепенно был смягчен. Им разрешалось даже приглашать и самим посещать знакомых. Конечно, в отношении послов

враждебных Москве держав продолжали принимать всяческие предосторожности.

В день аудиенции к послам являлись назначенные для того придворные со свитой. Опять возникал спор о том, где встретить этих посланников. Приставы настаивали на том, чтобы послы встречали их у подножья лестницы. Послы видели в этом умаление чести их государей и делали вид, что их задерживает то одно, то другое, и старались ухитриться встретить гостей посредине лестницы. Приставы поспешно переодевались в нарядное казенное платье, чтобы сопровождать послов во дворец. Для послов подавали опять лошадей с царской конюшни или (в XVII веке) царскую карету. Шествие двигалось с большой торжественностью. Впереди шли стрельцы, затем следовали подарки царю — причудливые серебряные сосуды, кони, всякие «заморские диковинки». Перед послами секретарь посольства или кто-нибудь другой из их свиты вез, высоко подняв в руке, верительную грамоту, завернутую в камку (шелковая материя), затем уже ехали послы в сопровождении приставов. Вдоль пути опять выстраивались войска. Все улицы бывали усеяны народом, сбежавшимся поглазеть на пышную церемонию. Русские видели в этом многолюдстве, с одной стороны, проявление могущества их царя, а с другой — выражение уважения к послам. Потемкин в Париже, когда ехал на королевскую аудиенцию, обиделся, что на улице по этому случаю было мало народа.

О выезде с Посольского двора царь уведомлялся гонцами; и далее, по мере приближения процессии, все время давали знать во дворец, а из дворца делались распоряжения либо ускорить, либо задерживать шествие. В одном случае литовские послы сильно запоздали и заставили царя Ивана IV дожидаться, пока они дослушивали обедню «у своих попов». Царь обиделся и тут же приговорил с боярами другой раз царю итти к обедне и заставить послов «дожидаться того, как государю обедню отпоют». Это был вопрос не только такта, но и этикета. Послы слезали в некотором расстоянии от Красного крыльца. В 1566 г. литовский гонец захотел слезть у самой лестницы и пытался подъехать к ней «сильно», но стрельцы его не пустили, и царь не оказал ему никаких знаков внимания потому, что он «приехал на двор невежливо». На лестнице и в покоях, через которые проходили послы, стояли дворяне, приказные люди и гости (купцы) «в золотном платье» и в меховых шапках и низшие чины в «чистом платье». Парадное «золотное» платье выдавалось по этому случаю из царских кладовых и по миновании надобности возвращалось обратно, причем в случае какого-либо изъяна неаккуратный придворный подвергался жестокому наказанию.

Во дворце послов встречали назначенные к тому бояре. В зависимости от политического значения государства, от ко-

торого приезжали послы, таких встреч бывало несколько (до трех). Прием происходил в различных палатах дворца — в Столовой, в одной из Золотых подписных, иногда в Грановитой. Царь принимал, сидя на престоле «в большом наряде», т. е. в кафтане из золотой парчи, в «шапке Мономаха», со скипетром в руке, иногда с «царским яблоком» в другой. Перед престолом стояли «рынды», молодые люди в белых кафтанах с серебряными топориками в руках. Вдоль стен сидели на лавках бояре в роскошных кафтанах и меховых «горлатных» шапках.

Послы представлялись в шляпах. Только во второй половине XVII века в Москве стали требовать, чтобы послы являлись с непокрытой головой. Из-за этого произошел конфликт с Швецией, окончившийся тем, что обе стороны обязались соблюдать один и тот же порядок представления послов с непокрытой головой. Точно так же и с Польшей договорились в 1671 г., чтобы послы являлись на аудиенцию без шапок. Другим требованием, которое сильно возмущало иностранцев, было, чтобы послы приходили во дворец без шпаг. Повидимому, это был порядок, заимствованный от татарских ханов. Послов «являл», т. е. представлял, один из окольничих (второй думный чин после бояр). Посол «правил поклон», т. е. осведомлялся о здоровье царя, и произносил приветственную речь. В ответ царь вставал и спрашивал о здоровье государя, от имени которого прибыл посол; корону он при этом не снимал. Когда в 1658 г. царь Алексей спросил о здоровье венгерского короля, не сняв короны, то послы заявили протест. Им ответили, что царь принимал послов не в шляпе, а в венце, которого не снимают даже в церкви во время богослужения. После обмена взаимных приветствий посол вручал «верющую» (верительную) грамоту, которую принимал посольский дьяк. Затем царь допускал послов к руке. «Пока мы подходили, — описывает эту церемонию один из членов цесарского посольства к Алексею Михайловичу в 1661 г., — царь перенес скипетр из правой в левую руку и протянул нам правую для целованья; князь Черкасский (двоюродный брат царя) поддерживал ее, а царский тесть Илья Милославский так и сторожил и кивал нам, чтобы кто-нибудь из нас не дотронулся до нее нечистыми руками». По окончании этой церемонии царь обмывал руку из стоявшего тут же серебряного рукомойника, что очень обижало иностранцев. «Точно обмывается для очищения», — говорил Поссевин. К целованию руки допускались только христиане. Мусульманским послам вместо этого царь клал руку на голову. После целования руки послам ставили скамейку против престола. Посидев немного, послы излагали в краткой речи цель своего приезда и «являли» подарки, привезенные царю. В 1692 г. среди подарков, привезенных персидскими послами, были живые лев и львица, которых доставили во дворец «порознь» в

санях и во дворец, конечно, не вводили, а только подержали немного у Красного крыльца.

В день аудиенции полагалось угощение послов царским обедом. В XVI веке царь обычно приглашал их к собственному столу. Ульфельд описал подробно парадный обед у Ивана IV в Александровской слободе. Во время обеда кушанья подавались на царский стол в разрезанном виде, и царь рассылал куски гостям, в том числе и членам посольства. Почтенный таким образом гость вставал и кланялся царю и на все четыре стороны, «и как перемен кушаний весьма было много, так и вставать весьма часто должно было, ибо сколько раз подавано было оное, столько вставать надобно было, и то делалось 65 раз». Таким же образом следовало угощение медом, и, наконец, царь велел налить в кубок мальвазии (вино), отпил немного и в знак особой милости послал кубок Ульфельду, который со своей стороны, отведав, передал по очереди всем членам посольства, «дабы все чувствовали щедрость его и милость сердца». В XVII веке вместо парадного обеда угощенье обычно непосредственно доставлялось на двор к послам. На посольский двор приезжал один из придворных, и с ним приходило множество людей, несших кушанья. Накрыв стол скатертью, ставили серебряную посуду. Царский уполномоченный садился за главным концом стола и сажал послов рядом с собой. Угощение расставлялось на серебряных блюдах, но прибор ставился только послам, так что Кленку, послу Голландских штатов, пришлось для всех остальных членов посольства велеть подать собственные тарелки. Во время обеда по определенному церемониалу произносились здравицы в честь царя и того государя, от имени которого правилось посольство.

Через несколько дней после торжественной аудиенции назначалась вторая в более скромной обстановке, во время которой царь сообщал послам, что, ознакомившись с содержанием «верющей» (верительной) грамоты, он назначил несколько бояр «в ответ», т. е. для переговоров с ними по всем поднятым ими вопросам. Затем их вели в так называемую «ответную палату» или в какую-нибудь другую, и начинались переговоры, нередко прерывавшиеся резкой перебранкой. Заседания происходили несколько раз, и по окончании их назначалась последняя прощальная аудиенция. Если переговоры приводили к хорошему результату, царь на отпуске угощал послов медом. Обычно послы, выпив мед, клали за пазуху и сосуд, из которого пили; «для таких бессовестных послов деланы нарочно в Аглинской земле сосуды медные, посеребренные и позолоченные».

Наряду с приходом послов в Москву и посылкой послов из Москвы в «государства» очень часто дипломатические переговоры были предметом особых посольских съездов, обычно в пограничных городах. И здесь также очень много времени

и сил уделялось вопросам местничества и этикета. Послы размещались в шатрах, и много споров возникало о том, в чьем шатре должны были происходить конференции. Иногда для равенства чести послы переговаривались из своих шатров, поставленных на таком расстоянии друг от друга, чтобы можно было слышать голоса. Бывали случаи, когда шатры ставились совсем рядом, и послы сидели за общим столом, один конец которого находился в одном шатре, а другой — в другом, и тут вопрос уже шел о том, на чьей стороне была бóльшая часть стола.

Договоры в изучаемый период утверждались попрежнему присягой — «крестным целованием». Царь присягал в присутствии иностранных послов. Придворный протопоп после молебна читал «заклинательное письмо о содержании вечного покоя», за ним повторял слова царь, а «грамота доканчальная в то время лежит под евангелием». По окончании чтения текста клятвы царь прикладывался к кресту, потом, взяв доканчальную грамоту, отдавал ее послам. Исполняя со всей пунктуальностью требуемые обряды, цари так же внимательно наблюдали за исполнением их и противной стороной. Иван IV требовал, чтобы польский король при присяге прикладывался «в самый крест», а не «мимо креста, да и не носом», отчего магическая сила обряда терялась бы.

Утвержденный крестным целованием договор считался ненарушимым «во всех статьях, запятках и точках, безо всякого умаления... в целости». Форма договоров была заимствована из западноевропейских образцов.

До конца XVII века московские государи договоров не подписывали, а подписывали вместо них царское имя дьяки, потóму что «цари и бояре ни к каким делам руки не прикладывают, для того устроены думные дьяки».

Существовавший ранее обычай скреплять договорные отношения брачными связями с иностранными дворами вышел в XVI веке из употребления. Последний случай относится к концу XV века, когда Иван III выдал свою дочь Елену за литовского великого князя Александра в расчете, что этот брак будет способствовать укреплению мира. Но к этому времени религиозная исключительность и нетерпимость настолько обострились, что брачные союзы становились фактически невозможными. Католическая церковь как условие такого брака требовала перехода православного в унию, а церковь православная не допускала и мысли об этом.

В XVI веке в Москве возникла мысль о создании в Ливонии вассального государства, государь которого был бы связан с московским царским домом брачным союзом. В этих целях Иван Грозный выдал за брата датского короля Магнуса свою племянницу Екатерину Владимировну, но муж ее изменил и пе-

решёл на сторону врагов царя. Для тех же целей готовил Борис Годунов сперва шведского королевича Густава, который, однако, в конечном итоге отказался от брака с дочерью царя Ксенией под предлогом нежелания принять православие. Затем Годунов прочил в женихи Ксении брата датского короля принца Иоанна, который в качестве будущего зятя уже находился в Москве, но умер. При Михаиле Федоровиче началось затяжное и скандальное дело о бракосочетании царевны Ирины Михайловны с датским принцем Вальдемаром. Принц приехал в Россию, но отказ его перейти в православие, а с другой стороны, признание русскими церковными авторитетами недопустимости того, чтобы королевич вошел в церковь для венчания «некрещеным», привели после долгих переговоров к разрыву. Вальдемар уже после смерти царя Михаила был выслан из Москвы. Это была в XVII веке последняя неудачная попытка прибегнуть к брачному союзу как средству укрепления международных связей.

Новые явления в дипломатии Московского государства XVII века

Вопросы, разрешавшиеся в XVI—XVII веках дипломатическим путем, были гораздо сложнее и разнообразнее, чем раньше. В их числе было много таких, которые до тех пор не входили в круг дипломатических сношений, как выдача политических преступников (например, самозванца Анкудинова), покупка боевых припасов, наем военных сил, заключение займов, разрешение закупки в России хлеба и т. д. В XVII веке московская дипломатия начинает активно интересоваться и внутренними делами иностранных держав, причем уже тогда усваивает себе роль блюстителя монархических начал в Европе. Так, правительство Алексея Михайловича порвало торговые сношения с Англией, в виде репрессии за казнь Карла I, за то, что англичане «всею землею учинили злое дело, государя своего Карлуса короля убили до смерти», и отказывалось признавать Английскую республику; царь Алексей продолжал осведомляться о здоровье вдовы Карла I и оказывал денежную помощь ее сыну, претенденту на английский престол, будущему Карлу II. Так же недоброжелательно относилась московская дипломатия и к поддержке, которую оказывали короли французский и датский «мужикам» голландцам против английского короля. Ордин-Нащокин считал, что лучше соединиться всем государям Западной Европы, чтобы уничтожить все республики, которые суть «ничто иное, как места заблужения».

И в другом отношении московская дипломатия XVII века уже намечала пути царской дипломатии XVIII и XIX веков. В борьбе с Турцией она использовала естественную вражду покоренного турками православного населения против своих поработителей. В лице греков и славян, особенно духовенства

этих народов, Москва имела преданных агентов, дававших ценную информацию. Устанавливались даже методы секретной переписки. В 1682 г. патриарх иерусалимский просил через русских посланников, приезжавших в Константинополь, чтобы государь приказал «писать к нему, патриарху, без имени и грамоты складывать малые и печатать какою малою печатью, чтобы того никто не знал, и он-де таким же образом станет писать о великих делах, о которых потребно и государю надлежит ведать».

К XVII веку относится и начало борьбы с заграничной прессой в целях прекращения печатной пропаганды против царской России. Так, московское правительство протестовало перед Швецией против печатавшихся в Риге во время восстания Разина «авиз» (сообщений), в которых унижалось царское достоинство, «и такие полные лжи куранты [листки] распространялись подданными короля во всей Европе». Протестовало оно и против напечатанного в 1655 г. в Ревеле пасквиля на московских царей, в котором царь Иван Васильевич назван тираном, а сам Алексей Михайлович уподоблялся Герострату за то, что «своевольно тиранствовал в Ливонии». В договор с Речью Посполитой 1650 г. была внесена специальная статья об истреблении книг, отзывавшихся неблагожелательно о Московском государстве; одним из поводов для расторжения мира с Польшей московская дипломатия выставляла напечатание «по королевскому и панов-рады велению» книг, в которых имеется «про... великих государей наших и московского государя, про бояр и про всяких чинов людей злые бесчестия и укоризны и хулы».

Осложнение и расширение дипломатических и торговых отношений Московского государства с государствами Западной Европы вызвало появление в Москве иностранных резидентов и агентов, представлявших интересы различных государств. Уже в 1585 г. упоминается английский резидент, функции которого приближались к консульским; с 1623 г. английские резиденты действуют непрерывно, за исключением времени разрыва дипломатических сношений с Англией в связи с образованием в ней республики. В конце 20-х годов появляются «датские прикащики». В 1631 г. Голландским штатам было разрешено иметь своего резидента, но этим правом они воспользовались только в 1678 г. С 1631 г. в Москве жили постоянно шведские агенты; польские были допущены в 1673 г., но действовали с перерывами. Попытки Франции в 1629 г. и Бранденбурга в 1676 г. завести своих резидентов в Москве не увенчались успехом. Официально резиденты назначались «для удобнейшего по делам изустно, нежели через почту донесения». В действительности помимо консульских обязанностей по защите торговых интересов своих соотечественников они выполняли функции шпионов и осведомителей. Шведскому резиденту по-

ручалось следить за резидентами и посланниками других европейских государств, «со всем прилежанием наблюдать за происходящим при царском дворе» и обо всем доносить своему двору. Действительно, в донесениях шведских резидентов в XVII веке содержатся очень ценные для их правительства сведения о военных силах Московского государства, о торговле, о народных движениях и, наконец, о борьбе придворных партий. Резидент Поммеринг не ограничивался этим: он занимался и прямым подрывом зарождавшейся русской оружейной промышленности. В этих целях Поммеринг добивался выезда за границу иностранных специалистов, работавших на русских заводах. «Как эти уедут отсюда, — писал он в 1648 г., — тульский или другие русские горные заводы не в состоянии будут вредить горным заводам вашего королевского величества в Швеции, ибо я достал Петру Марселису [содержателю тульских заводов] плохого кузнечного мастера...» Неудивительно поэтому, что московское правительство стремилось всячески избавиться от иностранных резидентов, неоднократно заявляя, что в мирное время им «быть не для чего». Само оно в течение XVII века только приступило к организации постоянных миссий за границей. Дело шло в первую очередь о тех двух государствах, с которыми Москва была наиболее связана, — о Швеции и Польше. В 1634 г. в качестве резидента был послан в Швецию крещеный немец Д. А. Францбеков, но пробыл в своей должности всего полтора года; после него только в 1700 г. был отправлен «на резиденцию» в Стокгольм князь Хилков. Вопрос о миссии в Речи Посполитой возник в 60-х годах XVII века и был решен в 1673 г. Первый русский резидент в Речи Посполитой Василий Тяпкин нес свои обязанности с 1673 до 1677 г. В 1660 г. англичанин Джон Гебдон был назначен «комиссариусом» в Голландию и в Англию.

Отсутствие постоянных миссий за границей неблагоприятно отражалось на деятельности русской дипломатии, которая весьма слабо была осведомлена в иностранной политике. Отправленный в 1656 г. к венецианскому дожу Франциску Чемоданов по прибытии узнал, что этого «Францискуса волею божиею не стало, а после де его нынешний князь уже третий». Для пополнения этого пробела выписывались газеты, или «куранты», которые переводились в Посольском приказе. Этим курантам русские, по ироническому замечанию шведских дипломатов, верили, «как евангелию». Газетная информация, конечно, не заменяла информации дипломатической; отсюда ряд вопиющих ошибок, допускавшихся московскими дипломатами. Так, в 1687 г. поехал во Францию князь Яков Федорович Долгоруков с деликатной миссией предложить французскому королю Людовику XIV союз против Турции, с которой Франция в это время сама заключала союз.

Разнообразная дипломатическая деятельность должна была выработать у московских государственных деятелей известные навыки в сношениях с иностранцами. Сами иностранцы с раздражением отмечали выдающиеся природные дипломатические способности русских. «Они собирают вместе все тонкости закоснелого лукавства, чтобы провести иностранцев, — говорит автор описания посольства Мейерберга, — либо выдавая ложь за правду, либо умалчивая, о чем надобно сказать, и ослабляют обязательную силу всяких решений на совещаниях тысячью хитрых изворотов, дающих превратный толк, так что они совсем рушатся». Но вековая отсталость России сказалась и здесь, как и в других сторонах русской жизни XVII века. Отсутствие образования и точных знаний давало себя чувствовать во всех выступлениях московских дипломатов. Их приемы были часто весьма наивны. Лихачев, ездивший послом в 1658—1659 гг. во Флоренцию, с поразительным простодушием расспрашивал на аудиенции «грандуку» Фердинанда о том, не знает ли он, какое имел поручение от польского короля к Испании проезжавший через Флоренцию польский посол и «был ли с ним к тебе лист, и... в этом листу о чем к тебе писал?» Недостаток знаний московские дипломаты заменяли апломбом. Им ничего не стоило сослаться на несуществующие грамоты или заявить, что император Гонорий и Аркадий прислали корону первому московскому князю Владимиру. Когда же им указывали, что эти императоры жили за 600 лет до Владимира, они, не моргнув, утверждали, что были другие Гонорий и Аркадий, современники Владимира. Наконец, послы прибегали к обычному оружию слабых — к упрямству, сопровождавшемуся грубостью; это, конечно, производило неблагоприятное впечатление на иностранных дипломатов, которые по существу пользовались теми же приемами, но в более утонченной форме. Приближенные флорентинского «грандуки» внушали Лихачеву: «а про то б ведали посланники, что прочих держав послы, бывши во Флоренсии, не бранились и не бесчестили, как они». Навстречу князю Долгорукову в 1687 г. в Дюнкирхен (Дюнкерк) из Парижа был послан запрос, «не для упрямства ли какого приехали они, и не будут ли в чем воле королевского величества противны?»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ДИПЛОМАТИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ В XVIII ВЕКЕ

1. ВОЙНА ЗА ИСПАНСКОЕ НАСЛЕДСТВО И НАЧАЛО УПАДКА МЕЖДУНАРОДНОГО ЗНАЧЕНИЯ ФРАНЦИИ

Со второй половины царствования Людовика XIV начинается новый период дипломатической истории Европы, который был ознаменован постепенным усилением международной роли Англии в ее борьбе с Францией за первенство в грабеже колоний. Важнейшим этапом этой борьбы была война за испанское наследство. Она была начата как династическая война, но фактически превратилась в первое огромное столкновение между Францией и Англией за господство на море и в колониях.

Поводом к войне за испанское наследство (1701—1714 гг.) послужила смерть бездетного Карла II Испанского. Людовик XIV считал себя наследником испанских владений. Это было самое богатое из наследств, когда-либо существовавших. Дело шло не только о нарушении «политического равновесия» в пользу Франции, но фактически о мировой гегемонии Франции. Кроме самой Испании, «наследнику» — Людовику XIV — должны были достаться итальянские, нидерландские, а также многочисленные африканские и американские владения Испании.

Еще в 90-х годах XVII века Людовик вел переговоры с другими державами о дележе этого наследства. Англия и Голландия охотно выслушивали его предложения в расчете поживиться богатой добычей. Но у испанского короля оказался еще один наследник — австрийский эрцгерцог Карл, который приходился внуком испанскому королю Филиппу III. Людовик рассчитывал, заинтересовав Англию и Голландию, выступить с ними единым фронтом против притязаний Габсбургов и, таким образом, предотвратить возможную антифранцузскую коалицию. Послы Франции в Лондоне и Гааге убеждали англичан и голландцев в том, что вступление на престол Испании одних только Бурбонов или только Габсбургов нарушит равновесие.

Французский посол в Вене настойчиво убеждал императора разделить Испанию между претендентами во имя сохранения европейского мира. Французские дипломаты добились весьма существенных результатов. В 1698 и 1700 гг. были заключены два соглашения о разделе Испании — оба, само собой разумеется, втайне от самого испанского короля Карла II. Можно легко себе представить его негодование, когда он узнал, что делалось за его спиной. Вначале Карл, в пику Франции и Империи, решил облагодетельствовать своим наследством дальнего «бедного родственника» — курфюрста Баварского. Но тот, семилетний мальчик, внезапно и по неизвестной причине умер. Тогда Карл II решил передать все наследство, но обязательно целиком, французскому принцу: он правильно рассчитывал, что французский принц во главе нерасчлененной Испании лучше, чем раздел страны. К этому решению короля толкали французская дипломатия и сами испанцы, ибо, говорит Минье, «национальная партия ненавидела австрийцев, потому что они уже давно находились в Испании, и любила французов, потому что они еще не вступали в Испанию». 2 октября 1700 г. Карл II, посоветовавшись со своим духовником, богословами, юристами и самим папой, подписал завещание, которое передавало после его смерти Испанию со всеми ее владениями в Старом и Новом Свете внуку Людовика XIV герцогу Филиппу Анжуйскому. 1 ноября того же года король умер. Людовик XIV оказался перед двумя возможностями, созданными его собственной дипломатией и прямо противоположными друг другу. Принятие наследства означало войну почти со всей Европой. Непринятие его и верность договорам о разделе, заключенным с Англией, Голландией и императором, могли вызвать войну с Испанией, не желавшей, естественно, подвергнуться разделу. В конце концов взяло верх честолюбие короля и его главных советников, среди которых уже не было крупных людей первой половины царствования. Слова испанского посла при французском дворе, будто «Пиренеи почти уже развалились», были подхвачены и приписаны самому Людовику XIV; король будто бы сказал: «Нет больше Пиренеев!»

Ни Англия, ни Голландия не были намерены воевать с королем французским, предпочитая мир опасностям войны и нарушению торговли. Они удовольствовались торжественным обещанием Людовика XIV, что Испания никогда не будет соединена с Францией. Но последующее поведение французского правительства как будто подтверждало самые худшие предположения. В начале 1701 г. Людовик XIV особой грамотой признал права Филиппа V на французский престол, ввел французские гарнизоны в крепости нидерландских провинций Испании и приказал испанским губернаторам и вице-королям повиноваться ему как своему государю. Сторонники войны

в Нидерландах и в Англии подняли вопль, упрекая Людовика XIV в том, что он добился у них согласия на предоставление ему части наследства, а на самом деле захватил его полностью. Вильгельм стал распускать слухи, что Людовик XIV намеревается вмешаться в английские дела в пользу только что изгнанных из Англии Стюартов. Людовик XIV со своей стороны, казалось, прилагал все усилия для того, чтобы сделать эти слухи правдоподобными. Он навестил умиравшего во Франции бывшего английского короля Якова II и дал ему торжественное обещание, что признает за его сыном королевский титул, вопреки собственному, за несколько лет до этого официальному признанию королем Вильгельма III. Узнав об этом, палата общин вотировала субсидии на войну. Наиболее воинственно был в это время настроен император. Международная обстановка казалась ему чрезвычайно благоприятной для нанесения решительного удара Бурбонам, вековым врагам дома Габсбургов. Незадолго до этого он заключил мир с турками (в Карловицах в 1699 г.). Его дипломатическая агитация среди германских князей, раздраженных хозяйничанием французов в Германии, тоже увенчалась успехом: они изъявили готовность помочь императору. Положительный ответ дали также Дания и Швеция; они боялись гегемонии Франции еще со времен Вестфальского мира. Впрочем, начавшаяся почти одновременно с войной за испанское наследство Великая Северная война отвлекла их силы на северо-восток, и никакой помощи от них император не получал.

Дела в Европе принимали неблагоприятный для Франции оборот. Снова была восстановлена коалиция 80-х годов XVII века, когда против Франции была почти вся Европа. Начавшаяся весной 1701 г. война была неудачна для Франции. Она кипела на четырех фронтах сразу: в Италии, Испании, Нидерландах и в прирейнской Германии. За сомнительными успехами Франции в первый ее период (1702—1704 гг.) последовали годы поражений и тяжелых неудач. Истощенная прежними войнами, страна голодала в эти годы (1704—1710 гг.) и восстаниями камизаров — протестантов Севеннских гор — выражала свое крайнее негодование. В последний период (1710—1714 гг.) французам удалось несколько поправить военные дела. Это позволило Людовику XIV заключить не слишком унизительный для Франции мир.

Вторая половина царствования «короля-солнца» была вообще бедна выдающимися людьми и военными талантами. Живые силы страны стояли вне официальных кругов начавшей дряхлеть блестящей монархии. Между тем на стороне ее противников были выдающиеся дипломаты и генералы: Вильгельм III Оранский, Мальборо и даровитый австрийский полководец принц Евгений Савойский. Людовик XIV мечтал

только об одном, как бы выйти из войны с не совсем ощипанными перьями.

Помогли разногласия и противоречия в среде его врагов. Дипломаты Людовика XIV почти после каждой кампании пытались завязать сношения с голландцами, убеждая их в том, что англичане собираются захватить Ост- и Вест-Индию, а Габсбурги, завладев Испанией, хотят восстановить империю Карла V и ее былую гегемонию в Европе. Голландцам нужно было лишь обезопасить себя со стороны Франции и продолжать свои торговые дела; поэтому они добивались только выгодных торговых договоров и установления так называемого «барьера», т. е. права держать гарнизоны в нынешней Бельгии, принадлежавшей тогда Испании. В общем они не склонны были к дорого стоившему ведению войны.

Англичане каперствовали в это время на море, успели захватить ключ к Средиземному морю — Гибралтар (1704 г.) — и навязали Португалии торговый договор (Метуэнский, 1703 г.), который подчинил Португалию Англии в экономическом отношении. На основании договора англичане получили право беспошлинного ввоза в Португалию своих мануфактурных изделий, которые затем потоком контрабанды полились и в Испанию. В Америке бостонские и нью-йоркские колонисты захватывали одну за другой области новой Франции. Но главные расходы войны падали на Англию; в Англии тоже крепли мирные настроения. Выборы 1710 г. дали торийское большинство, враждебное войне: героя многих кампаний Мальборо обвинили в казнокрадстве, что было правдой. В 1711 г. (апрель) умер император Иосиф I, и на престол был избран младший его брат Карл, претендент на испанский трон. При этих условиях угроза восстановления империи Карла V и нового расцвета Средней Европы (Германии и Италии), за счет которой выросли и Англия и Голландия, стала казаться вполне реальной. Империя, казалось, снова готова была восстать из гроба, заколоченного Вестфальским миром. К 1710 г. ставленнику французов Филиппу V Испанскому удалось, наконец, утвердиться в своем новом отечестве: кампании 1711 и 1712 гг. не привели к победе союзников, и англичане первые протянули французам руку мира истинно по-английски, т. е. за спиной у своих союзников. Еще с января 1711 г. во Францию явился тайный агент английского правительства, предложивший заключить сепаратный мир без голландцев, «которые потеряли благорасположение короля». Предложение было принято, и дальнейшие переговоры велись настолько тайно, что в них не хотели посвящать даже английских дипломатов. Английские требования привез во Францию поэт Прайар с запиской, которая была помечена самой королевой Анной. В октябре изумленные союзники Англии, голландцы и немцы, прочли об

условиях мира между Англией и Францией, смутно догадываясь о касавшихся их самих пунктах, которые, конечно, не были опубликованы.

Утрехтский мир

В феврале 1712 г. был созван конгресс в Утрехте, на котором были подписаны мирные договоры — Утрехтский — 11 апреля 1713 г. и Раштадтский — 1714 г. Оба договора имели огромное значение в истории Европы XVIII века.

Бурбонам было дозволено остаться в Испании, но с условием, что король испанский никогда не будет одновременно королем французским. За это Испания должна была уступить: 1) Габсбургам — Неаполитанское королевство, Сардинию, часть Тосканы, Миланское герцогство и испанские Нидерланды; 2) курфюрсту Бранденбургскому — испанский Гельдерн (в Нидерландах); 3) герцогу Савойскому — Сицилию; 4) Англии — Гибралтар, укрепленный пункт на острове Минорке; Англия же приобрела гнусное «асиенто», т. е. предоставленное английской компании исключительное право торговли неграми. Франция поплатилась небольшими отрезками территории в пользу Габсбургов в Нидерландах, вывела свои войска из Лотарингии и уступила незначительные земли на юге герцогу Савойскому. Наибольшие потери Франция понесла в Америке. Здесь ей пришлось отдать земли вокруг Гудзонова залива, Ньюфаундленд и Акадию, т. е. земли к северу от реки св. Лаврентия, заселявшиеся французскими колонистами еще с начала XVII века. Это было прологом к ликвидации французских владений в Северной Америке. Для Англии наступал период полного ее преобладания на море.

Французская дипломатия при Людовике XV

Царствование преемника Людовика XIV является началом полного разложения французского абсолютизма и неудач его внешней политики. Три войны, в которых Людовик XV принимал участие, — война за польское наследство (1733—1735 гг.), война за австрийское наследство (1740—1748 гг.), Семилетняя война (1756—1763 гг.), не были в такой мере необходимы для Франции, чтобы нельзя было их избежать: они получили поэтому название «войн роскоши». С точки зрения интересов усиливающейся буржуазии, эти войны были явно вредны. Вместо того чтобы сосредоточить свое внимание на защите французских колоний в Америке, Людовик XV дал втянуть себя в ряд континентальных войн, ослаблявших Францию. Результатом этого были потери американских колоний (Канады и Луизианы), которые перешли к англичанам и испанцам, и полный провал французской политики в Индии, которая в итоге деятельности знаменитого французского предпринимателя и организатора Жана Дюпле чуть было не стала французской.

У Франции этого времени не было недостатка в способных министрах и дипломатах (Вержен, Шуазель, д'Аржансон), но и самый талантливый дипломат не мог сделать хорошей дурную политику своего правительства.

Война за польское наследство

В начале первой половины XVIII века Россия, усилившаяся за счет Турции, Польши и Швеции, искала союза с Францией. Но французское правительство боялось потерять своих старых друзей, какими были эти три государства, и Россия пошла на сближение с Австрией. Когда умер курфюрст саксонский, он же король польский Август II, Россия и Австрия поддержали кандидатуру его сына Августа III на польский престол, тогда как Франция выставила в качестве кандидата Станислава Лещинского, который и раньше был королем, но был свергнут с престола. Политика французского двора объяснялась тем, что Людовик XV был женат на дочери Станислава Марии. «Его величество, — писал д'Аржансон, — женился на простой девице, и было необходимо, чтобы королева стала дочерью короля». Так война, которую собиралась навлечь на себя Франция поддержкой кандидатуры Лещинского на польский трон, имела своим основанием королевское тщеславие.

Французский посол в Варшаве Монти истратил 3 миллиона ливров на то, чтобы расположить поляков в пользу Лещинского. Чтобы отвлечь внимание русских и австрийцев, некий кавалер Тианд, выдав себя за Лещинского, с большой помпой высадился в Бресте и направился к Балтике; в это же время настоящий Лещинский тайком пробирался в Варшаву, переодетый коммивояжером. Однако польские шляхтичи, получив французские деньги, быстро разошлись по домам и не выказали большой охоты сражаться с Россией и Австрией за честь королевы французской, тем более что против Лещинского довольно сильна была партия и в самой Польше. Россия была недосягаема для Франции, и французское правительство впервые получило предметный урок, как опасно для него пренебрегать русской дружбой. Франция попыталась натравить на Россию Швецию и Турцию, но встретилась с их отказом. Пришлось защищать несчастного Лещинского собственными силами. Но флот, направленный к Данцигу, был обращен в бегство русскими кораблями, а французский десант взят в плен и отправлен в Петербург. Тогда Людовик XV, до которого дошли слухи, что русская царица попрежнему благоволит к Франции, отправил в Россию тайного посла, некоего аббата Ланглуа под именем Бернардони, чтобы предложить Анне Ивановне признать королем польским Станислава Лещинского. Аббат с величайшими затруднениями, постоянно меняя платье и скрываясь, добрался, наконец, до Петербурга; но его скоро

оттуда выпроводили. Предоставленная собственным силам, Польша должна была согласиться на требование Австрии и России (1735 г.).

«Секрет короля»

Личное влияние короля Людовика XV стало сказываться после 1743 г., когда он сам взялся за дела. Результатом этого была прежде всего резкая перемена курса политики по отношению к Германии. Вместо традиционной борьбы с Габсбургами и поддержки протестантских князей, к середине 50-х годов XVIII века, т. е. к началу Семилетней войны, Людовик XV круто повернул в сторону Австрии, против Пруссии и ее короля Фридриха II. Сам по себе этот поворот не был вреден для Франции. Наоборот, он освобождал Францию от традиционной угрозы со стороны ее исконного врага Габсбурга и мог бы развязать ей руки для борьбы с Англией за господство на море и в колониях, но Людовик XV был возмущен «коварной» политикой Фридриха II. В январе 1756 г. прусский король внезапно заключил договор с Англией о защите ганноверских владений. Точнее сказать, Фридрих был взят на работу английским королем Георгом II для защиты фамильных владений английской династии (английские короли по происхождению были ганноверскими курфюрстами). Людовик XV ввязался в абсолютно ненужную войну на континенте с той целью, чтобы помочь императрице Марии-Терезии отвоевать у Фридриха II Силезию, захваченную им во время войны за австрийское наследство (1740—1748 гг.). Результаты для Франции были самые плачевные. Силезия осталась за Фридрихом II, а Франция была разбита на море и в колониях. Французская Америка и Индия попали в руки англичан (1763 г.).

Все это было результатом личной политики Людовика XV. Король в такой мере не доверял окружающим, боясь их воздействия на свою волю, и до такой степени презирал своих министров, что создал особый тайный кабинет, во главе которого с 1743 г. стоял принц Конти. Это был своего рода заговор короля против своих собственных министров. Король, помимо официальных послов, имел в других государствах собственных тайных агентов, с которыми переписывался через голову своих министров. В числе этих тайных агентов были такие выдающиеся дипломаты, как граф Бройли, Бретейль и Вержен. Часто по приказу короля они вели политику, прямо противоположную той, которую проводил официальный представитель французского правительства, и, несмотря на все свое искусство, в конце концов принуждены бывали делать глупости. Королю нравилось водить за нос своих министров, не посвящая их в «секрет короля», а то, что от такой дважды тайной политики страдает Франция, Людовика XV тревожило мало.

2. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА АНГЛИИ В XVIII ВЕКЕ

В XVIII веке Англия, после двух революций окончательно сформировавшая свой политический строй, ведет планомерную политику расширения торговли и колоний. Островное положение Англии оберегает ее от нападений со стороны Европы. Поэтому все свои усилия она направляет на заморские предприятия, ограничиваясь в Европе политическими комбинациями, о которых Бисмарк впоследствии сказал: «Политика Англии всегда заключалась в том, чтобы найти такого дурака в Европе, который своими боками защищал бы английские интересы». Это была политика найма «друзей» и натравливания их на своего главного врага, каким в XVIII веке для Англии стала Франция.

XVIII век — время, которое создало великую Английскую империю, — был временем ожесточенного поединка за эту империю между Францией и Англией. В течение XVI века Англия нанесла смертельный удар Испании; в XVII веке она победила Голландию, которая в XVIII веке стала уступать Англии и в торговом отношении. Но существовала еще Франция — величайшая держава континента, которая приобрела в XVII веке огромные территории в Америке и протягивала руки к Индии. Французы утвердились, далее, на Антильских островах. В середине века Франция явно начинала наступать на Англию и грозила вырвать у нее гегемонию на море. Французский министр Машо (1745—1757 гг.), желая поддержать отечественное мореходство, повысил пошлины с иностранных кораблей до 5 ливров с тонны. В начале 50-х годов XVIII века Франция усиленно строила военный флот и пополняла арсеналы вооружением: в 1756 г. французский флот почти равнялся английскому. В первую половину XVIII века в английском парламенте господствовала партия вигов; эта партия не желала осложнять капиталистическое преуспевание страны внешними конфликтами. «Если придут французы, платить им я буду, но драться — покорно благодарю!» — таков был лозунг этого времени. Однако французские успехи скоро вызвали возбуждение в господствующем классе Англии. Пора мирных отношений с беспокойным соседом миновала. Вдохновителем непримиримой борьбы против Франции стал Уильям Питт Старший.

Питт Старший

Властный, суровый и решительный политик, который ставил превыше всего могущество Англии и ее власть над морями, Питт воспользовался тем, что Франция нелепой политикой своего короля была втянута в так называемую Семилетнюю войну (1756—1763 гг.) на стороне Австрии, России, Швеции и Саксонии против Фридриха II Прусского. Как истый представитель английских моряков, торговцев и колонизаторов, Питт решил сокрушить

колониальную и морскую мощь Франции. Он энергично поддержал Фридриха II, предоставив ему очень большую субсидию. Одновременно он блокировал французские берега, бомбардировал порты и разрушал доки. Главное же внимание Питт обратил на колонии. Он вооружил английских колонистов в Северной Америке, и скоро при их помощи была завоевана вся страна, занятая до сих пор французами, т. е. Канада. При заключении мира в Париже в 1763 г. Англия закрепила за собой Канаду и все земли к востоку от Миссисипи (Луизиану). Испания уступила ей Флориду. Незадолго до этого было покончено и с ост-индскими владениями Франции.

Политика Англии в Индии

Огромная страна — Индия — в XVII веке была объединена мусульманскими султанами, так называемыми Великими Моголами. К началу XVIII века это единство распалось, и страна сделалась добычей европейских завоевателей. Сперва здесь имели перевес французы (в 40-х годах), но французское правительство не поддержало своих колонизаторов. Одного из них, Лабурдонне, посадили в Бастилию, другого, Жана Дюпле, энергичного и талантливого организатора, в самый разгар его предприятий отозвали и отдали под суд. Его преемник Лальи остался без поддержки в борьбе против англичан. Когда он был разбит, его отправили на эшафот. Словом, правительство Людовика XV осталось верным себе, — безрассудным. Напротив, английская Ост-Индская компания успешно действовала в Индии как представитель государства, встречая полную поддержку со стороны своего правительства. Особенно прославился своими победами Клайв, приказчик Ост-Индской компании, ставший впоследствии лордом. Англичане захватили крупнейшие пункты торговли на обоих побережьях Индостана (Бомбей, Мадрас, Калькутта в устье Ганга). Местные князьки (раджи и султаны) сохраняли свою власть, но компания брала у них на откуп сбор податей, которые затем нещадно выколачивались у населения. Доходы раджей зависели, таким образом, от деятельности компании. Раджи сделались пайщиками и соучастниками эксплоатации страны компанией, которая крепко держала их в руках благодаря неслыханным барышам от откупов и торговли.

3. ГЕРМАНИЯ XVIII ВЕКА. АВСТРО-ПРУССКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО

Война за австрийское наследство. Фридрих II как дипломат

В XVIII веке господствующий класс в Англии имел уже в своем распоряжении колоссальные средства: он мог покупать себе повсюду союзников, готовых отстаивать своими боками английские интересы. Это было тем легче, что в Европе не было недостатка в желающих про-

даться за почтенную сумму. Страной, которая кишела государями, согласными служить за деньги чужим интересам, по преимуществу стала Германия. Политически окончательно распавшаяся после Тридцатилетней войны, Германия представляла жалкое зрелище в XVII—XVIII веках. В ней было, по выражению самих немцев, столько государств, сколько дней в году. В действительности их было еще больше. Так, владения так называемых имперских рыцарей, т. е. мелких сеньеров, подчинявшихся непосредственно императору — а их было больше тысячи — были тоже фактически независимыми государствами: власть императора вне наследственных земель Габсбургов давно свелась к нулю. Вся эта коронованная мелочь влачила довольно жалкое существование и, постоянно нуждаясь в деньгах, придумала особый способ обогащения. Мелкие князья Германии, получившие по Вестфальскому миру (1648 г.) право вести самостоятельную политику, занимались тем, что за субсидии уступали свои армии любому, кто готов был дать за это деньги. Происходила самая бесстыдная продажа солдат, а вместе с ними и своей родины. За одну только половину столетия немецкие князья заработали таким путем не менее 137 миллионов ливров от Франции и 46,5 миллиона фунтов стерлингов от Англии. Дело это оказалось настолько прибыльным, что немецкие князья учиняли настоящие облавы на подданных, забирая их в солдаты, а затем продавая их целыми армиями своим богатым союзникам. Так, ландграф Гессенский для усмирения восставших против Англии американцев продал Англии 17-тысячную армию; за это он получил, кроме вознаграждения за убитых и раненых, 2 800 тысяч фунтов стерлингов. Четыре других менее крупных немецких княжества в 70-х годах XVIII века за 5 лет таким же путем заработали до 33 миллионов талеров.

Среди этого политического хаоса в Германии постепенно выделяются два действительно крупных государства: Австрия и Пруссия. В XVII и XVIII веках быстрое расширение Пруссии и превращение ее в великую державу составляет важнейший факт истории Восточной Европы. Ядром этого государства было курфюршество Бранденбургское, которое попало в начале XV века в руки дома Гогенцоллернов. В начале XVII века к Бранденбургу была присоединена Пруссия, т. е. бывшие земли Тевтонского ордена, принадлежавшие другой ветви тех же Гогенцоллернов. Со времени Фридриха-Вильгельма I, так называемого «великого курфюрста» (1640—1688 гг.), Бранденбург — Пруссия начинает играть уже значительную роль в международных событиях. С этого же времени Пруссия становится соперником Австрии в пределах Германии. Пруссия была типичной военно-крепостнической державой. Ее господствующий класс — дворянство — жил эксплоатацией

барщинного труда крестьян, прикрепленных к поместью, продукты которого сбывались на рынках капиталистически развивающейся Западной Европы. Курфюрсты бранденбургские, впоследствии прусские короли, сами были крупнейшими помещиками. Необходимость охраны речных торговых путей и постоянной борьбы с соседями, в первую очередь с Швецией, за овладение побережьем Балтики, через которую хлеб и другое сельскохозяйственное сырье сбывалось за границу, превратила Пруссию в военную державу. Прусские короли были подстать своим юнкерам, как называли здесь дворян. Жадные скопидомы, беззастенчивые во внешней политике, они, пользуясь благоприятным моментом, за счет владений соседних князей увеличивали территорию Пруссии. Фридриху II (1740—1786 гг.) принадлежат наибольшие успехи в деле расширения своего государства.

Фридрих начал свое царствование с того, что, вопреки данному его предшественником обещанию признать наследницей австрийского престола дочь Карла VI Марию-Терезию, потребовал от нее за такое признание богатую и промышленную Силезию. Когда Мария-Терезия ему отказала, он вступил в антиавстрийскую коалицию (война за австрийское наследство 1740—1748 гг.) и захватил Силезию. «Не говорите мне о величии души! — сказал Фридрих по этому поводу одному английскому дипломату. — Государь должен иметь в виду только свои выгоды». Когда Франция, ведя свою традиционную политику против Габсбургов, решила использовать затруднительное положение Марии-Терезии, Фридрих II дал заверение французскому послу в том, что «поделится с Францией, если останется в выигрыше». Результатом этого было соглашение Франции, Испании, Баварии и Пруссии о разделе австрийского наследства. В то время как французы вели свои войны в Германии и «работали на прусского короля» («pour le roi de Prusse»), сам прусский король уже заключил тайное соглашение с Марией-Терезией. Он обещал ей никогда не требовать ничего другого, кроме Нижней Силезии с городами Бреславлем и Нейсе; для того же, чтобы продемонстрировать свою верность союзникам, он договорился с Марией-Терезией, что будет для видимости две недели осаждать Нейсе, а затем город сдастся. Впоследствии Фридрих утверждал, что поступил так потому, что Франция-де стремится к разложению Германии, а он, Фридрих, по этой причине решил «спасти» Марию-Терезию. Когда австрийцы, освободившись от самого опасного врага, прижали франко-баварские войска, Фридрих II прислал им на помощь... один гусарский полк. Одновременно он добился от курфюрста Карла-Альберта Баварского, избранного под давлением французов императором, согласия на присоединение к Пруссии Верхней Силезии, фактически принадлежав-

шей той же Австрии. Понимая, что австрийцы добровольно не уступят ему этой области, Фридрих круто повернул фронт против австрийцев и разбил их при Чаславе, затем при поддержке англичан получил всю Силезию. Когда все эти махинации Фридриха II стали известны в Париже, негодованию не было предела. «Друг» короля Вольтер, который не совсем понимал, что произошло, и поздравлял Фридриха с успехом, принужден был публично отречься от поздравительного письма, чтобы не попасть в Бастилию.

Нет необходимости следить за дальнейшими перипетиями войны. Аахенский мир 1748 г. окончательно отдал Силезию в руки Фридриха II. Мария-Терезия была вне себя от ярости. Она заявила английскому послу, который имел неосторожность поздравить ее с миром, что скоро надеется вернуть свое, «хотя бы ей пришлось отдать на это последнюю юбку». Для нее было ясно, что отныне самым опасным соперником Австрии в германских делах была Пруссия, которая стала великой державой Европы. Марии-Терезии удалось создать против Фридриха II коалицию, в которую вошли Франция и Россия. После этого против Пруссии начата была так называемая «Семилетняя война» (1756—1763 гг.).

Семилетняя война и дипломатия Фридриха II

Семилетняя война была последним общеевропейским конфликтом, который имел место перед Великой буржуазной революцией во Франции. В этом конфликте наметились те противоречия и та расстановка международных сил, которые определились вполне во время революции; после этого они существовали в течение значительной части XIX века.

Во-первых, в новую фазу вступила англо-французская борьба за колонии и за мировое господство. Во-вторых, соперничество Австрии и Пруссии из-за гегемонии в Германии приобрело особую остроту. Эти два главных противоречия и лежали в основе всего конфликта. Одновременно исчез вековой антагонизм между Францией и Австрией — между Бурбонами и Габсбургами. Он превратился в свою противоположность — франко-австрийский союз. Наконец, в европейский конфликт энергично вмешалась Российская империя. Это явилось характернейшим новым моментом, который свидетельствовал о неуклонно возраставшем удельном весе России и о росте ее международного влияния.

Французы недаром называют период со второй половины XVII века до наполеоновских войн включительно «второй Столетней войной». Как и в первой Столетней войне (1338—1453 гг.), Англия и Франция боролись за первенство в мире. Но в XVII веке мир был гораздо более широк, чем в XIV, когда фактически он еще ограничивался одной Европой. Быстро развивающаяся капиталистически Англия ревниво наблюдала

за успехами французского агента Дюпле в Индии и захватами Франции в Америке. Торговый флаг Англии в это время стал развеваться во всем мире; ее колонисты в Северной Америке исчислялись сотнями тысяч, тогда как французов там было не более 30 тысяч. Со времени войны за испанское наследство Англия вела скрытую войну с Францией. В 50-х годах ее корабли стали открыто охотиться за французскими торговыми судами: в 1755 г. в течение одного месяца они захватили 300 судов с 8 тысячами человек экипажа. Когда Людовик XV заявил протест и довольно нерешительно потребовал наказания виновных, англичане в ответ захватили два французских фрегата. Людовику XV пришлось начать войну.

Напряженные отношения между Австрией и Пруссией не прекращались со времени войны за австрийское наследство. Мария-Терезия деятельно готовилась к новой войне. Австрия, Пруссия, Франция, Англия — все вели энергичную дипломатическую работу, запасаясь союзниками. В результате в конфликт была вовлечена почти вся Европа.

Неожиданный для всей Европы союз двух старых соперников — Франции и Австрии — и выступление Франции против своего старого союзника — Пруссии — осуществились следующим образом.

Англия со времени «второй Столетней войны» поддерживала в Европе монархию Габсбургов как соперницу Франции. С XVIII века эта политика стала вдвойне необходимой, так как Англии приходилось защищать от французов на континенте Ганновер — фамильное владение новой английской династии. Но со времени войны за австрийское наследство англичанам стало ясно, что на континенте появилась новая военная держава: это была Пруссия, которая наряду с Россией и Австрией непрочь была получать английские субсидии. Так как Мария-Терезия требовала слишком большую сумму за защиту Ганновера и было мало надежды, что, занятая войной за Силезию, она сможет эту защиту осуществить, англичане отказались ей платить (1755 г.) и попробовали «нанять» Фридриха II. Тот согласился с тем большей охотой, что это спасало его от возможной диверсии со стороны России. Кроме этого, Фридрих надеялся, что его дипломатического искусства хватит на то, чтобы договор, фактически направленный против Франции, не поссорил его с французами.

В России были не на шутку встревожены успехами Фридриха II. Канцлер Бестужев занял решительную позицию против Пруссии, находя ее опасной для России «по причине ее соседства и увеличения ее могущества». Так как протестантская Германия, а в частности Пруссия, находилась в дружественных отношениях с Францией, врагом Англии и Австрии, то Бестужев в 1755 г. заключил с английским послом

Вильямсом договор. По нему Россия, нанявшись к Англии, обязывалась за 500 тысяч фунтов единовременно и 100 тысяч ежегодной субсидии выставить против врагов Англии на континенте 80-тысячную армию. В качестве врага, естественно, подразумевалась Пруссия.

Нанимая Фридриха II, англичане считали, что Австрия и так будет воевать против Франции: таким образом, Англии удастся по дешевой цене получить коалицию из России, Австрии и Пруссии, которая сокрушит Людовика XV на континенте. В то же время она сама будет захватывать французские колонии. Фридрих, заключая договор с англичанами, думал, что, войдя в компанию с англичанами и русскими, он обезопасит себя от нападения со стороны России. Что же касается своего «друга» Франции, то он рассчитывал выступить посредником в англо-французском споре и заработать таким путем благоволение Франции, не порывая с Англией. К тому же он тяготился презрительно-высокомерным покровительством Людовика XV и считал, что самому ему пора проявить «самостоятельность».

Можно представить себе негодование русских и французов, когда они узнали, что между Фридрихом и Англией подписан в Уайтхолле договор (16 января 1756 г.), согласно которому та и другая сторона обязывались поддерживать мир в Германии и выступать с оружием в руках «против всякой державы, которая посягнет на целость германской территории». И Австрия и Россия увидели в этом договоре предательство со стороны Англии. Последняя, убедившись, что результаты ее дипломатической стряпни прямо противоположны ее ожиданиям, спокойно укрылась на своем острове. Все шишки достались на долю Фридриха II. Франция в пылу негодования на неблагодарность прусского короля бросилась в объятия Австрии.

Мария-Терезия после войны за австрийское наследство считала возможным привлечь Францию на свою сторону. Во Францию был отправлен едва ли не самый крупный дипломат в Европе XVIII века Кауниц: он еще в 1748 г. доказывал любовнице Людовика XV мадам де Помпадур, что Австрия готова отказаться от части бельгийских провинций (Фландрии и Брабанта), если только Франция поможет Австрии возвратить Силезию. В 1751 г. Кауниц был назначен австрийским послом в Париж. Здесь он внушал французам, что только благодаря попустительству таких великих держав, как Франция и Австрия, выросли Пруссия и Сардиния, задача которых — сеять раздор между великими державами и пользоваться этим, чтобы округлять свои владения.

Таким образом, почва для сближения Австрии и Франции была подготовлена. Последним толчком к союзу между ними

была в данном случае излишняя «тонкость» дипломатии Фридриха. Тотчас же после разбойного нападения англичан на французские суда в 1755 г. Фридрих II предложил Людовику XV смелый план. Пусть Людовик XV захватывает немедленно Бельгию; он, Фридрих, вторгнется в Богемию и, разгромив австрийцев, завладеет всей Германией. Таким образом, прусский соблазнитель еще в XVIII веке замышлял план, напоминавший идеи Бисмарка в 1866 г. В Вене в это время уже стало известно, что Фридрих одновременно ведет переговоры с Англией. Мария-Терезия немедленно довела об этом до сведения Людовика XV. Известие о заключении Уайтхоллского договора между Фридрихом и Англией было подтверждением венских предупреждений. Людовик XV решился. 1 мая 1756 г. был заключен первый Версальский договор между Австрией и Францией о взаимной гарантии: каждая из сторон обещала в помощь другой армию в 24 тысячи человек против всякого агрессора. Незадолго до этого императрица Елизавета отказалась ратифицировать англо-русский договор и заключила оборонительно-наступательный союз с Австрией (25 марта 1756 г.). Для нападения на Фридриха II Россия обязывалась дать в помощь Австрии армию в 80 тысяч. В случае победы над Фридрихом Австрия должна была получить Силезию, Россия — Восточную Пруссию. Французские дипломаты добились вовлечения в эту коалицию Августа III, курфюрста саксонского и короля польского. В 1757 г. к коалиции примкнула и Швеция, соблазненная субсидиями и надеждами на Померанию.

Окончательно коалиция была сформирована двумя союзными договорами: русско-австрийским (2 февраля 1757 г.), который повторял условия предыдущего договора, но давал России субсидию в 1 миллион рублей ежегодно, и вторым, Версальским (1 мая 1757 г.), по которому вместо 24 тысяч Франция обязывалась выставить 105 тысяч человек и давать Марии-Терезии ежегодно субсидию в 12 миллионов флоринов. Началась война. Положение Фридриха скоро стало катастрофическим, хотя он и обнаружил в этой войне блестящие дарования полководца. Фридрих действовал быстро и решительно, поспевая ко всем границам, бил врагов поодиночке и из десяти битв проиграл только три. Фридриху помогали исключительная бездарность французских генералов, военные достоинства которых определяла мадам де Помпадур, непростительная медлительность австрийских полководцев и обилие притекавших к нему английских субсидий. Самые тяжелые поражения нанесли Фридриху русские при Гроссегерсдорфе в 1757 г. и при Кунерсдорфе в 1759 г. В 1760 г. русские войска на некоторое время заняли даже Берлин. К началу 1762 г. положение Фридриха стало настолько тяжелым, что в письме

к своему брату, принцу Генриху, он писал: «Если, вопреки нашим надеждам, никто не придет нам на помощь — прямо говорю вам, что я не вижу никакой возможности отсрочить или предотвратить нашу гибель». Фридриха спасла смерть императрицы Елизаветы Петровны (5 января 1762 г. нов. ст.). На русский престол вступил горячий поклонник Фридриха Петр III. Новый император не только отказался от всех завоеваний в Пруссии, но и изъявил желание оказать Фридриху помощь. Корпусу Чернышева было предписано соединиться с Фридрихом для совместных наступательных действий против Австрии.

Таковы были события на восточном театре европейской войны.

Чем больше Франция увязала в ненужной для нее антипрусской авантюре, тем большее удовольствие испытывала Англия: для нее европейские державы усердно таскали каштаны из огня. Занятая на востоке, Франция оказалась бессильной на западе. Англичане захватили к 1759 г. Канаду и в 1761 г. завладели Пондишери в Индии. Французский флот был почти полностью уничтожен. Война была закончена двумя мирными трактатами: Парижским — на западе (10 февраля 1763 г.) и Губертсбургским — на востоке (15 февраля 1763 г.). Франция потеряла Канаду со всеми относящимися к ней областями, т. е. долину реки Огайо и весь левый берег реки Миссисипи, за исключением Нового Орлеана. Вдобавок она должна была отдать Испании правый берег той же реки и уплатить вознаграждение за уступленную Англии испанцами Флориду. Франция принуждена была отказаться и от Индостана, сохранив за собой лишь пять городов. Австрия навсегда потеряла Силезию.

Таким образом, Семилетняя война на западе покончила с заморскими владениями Франции, обеспечила полную гегемонию Англии на морях, а на востоке положила начало гегемонии Пруссии в Германии.

Этим было предрешено будущее объединение Германии под эгидой Пруссии.

4. ДИПЛОМАТИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII ВЕКЕ

Внешняя политика Петра I

Петр I унаследовал от XVII века две сложнейшие проблемы: турецкую и шведскую. Разрешение и той и другой означало выход к морю, в первом случае — к Черному, во втором — к Балтийскому. Первые годы царствования Петра были посвящены всецело черноморской проблеме. Черное море было до тех пор внутренним морем Турции. Оттоманская Порта, по образному выражению одного русского дипломата,

берегла его, «как чистую и непорочную девицу, к которой никто прикоснуться не смеет. Скорее султан допустит кого во внутренние свои покои, чем согласится на плавание чужих кораблей по водам черноморским; это может случиться разве тогда, когда Турецкая империя обратится вверх ногами».

К Петру от правления Софьи перешел антитурецкий «аллианс» (союз), и он в союзе с Австрией, Венецией и Речью Посполитой продолжал войну. Взятие Азова и постройка Таганрога обеспечили России господство на Азовском море. Однако пока Керченский пролив был в руках турок, это еще не давало ей доступа в Черное море. Между тем союзники России, удовлетворенные достигнутыми успехами, уже склонялись к заключению мира.

«Великое посольство» 1697—1698 гг., в котором Петр участвовал инкогнито, имело задачей добиться продолжения войны и привлечения новых союзников. До тех пор во внешней политике Петр все еще шел старыми путями, но когда он убедился в полной неудаче своей дипломатической миссии, он с необычайной быстротой перестроил все основания своей внешней политики. Ввиду невозможности при данной международной обстановке пробиться к Черному морю, вновь всплыл старый план «северного союза» против Швеции и завоевания если не всей Прибалтики, то по крайней мере Ингерманландии и Карелии.

Момент был благоприятен. При участии известного лифляндского авантюриста Паткуля, который мечтал оторвать Ливонию от Швеции, складывалась коалиция прибалтийских стран — Дании, Речи Посполитой и Бранденбурга (Пруссии) — против Швеции. К этой коалиции хотели привлечь Россию, приняв, однако, меры к тому, «чтобы этот могущественный союзник не выхватил из-под носа жаркое и не шел дальше Нарвы и Чудского озера».

3 августа 1698 г. в Раве Петр заключил словесное соглашение с королем польским и курфюрстом саксонским Августом II об общих действиях против Швеции. Курфюрст бранденбургский Фридрих и Петр еще в 1697 г. при проезде посольства через Бранденбург уже договорились о том же. В Москве в 1699 г. заключен был тайный договор с Речью Посполитой, направленный против Швеции; одновременно, чтобы устранить подозрения шведов, Петр подтвердил Кардисский договор, отказавшись, впрочем, принести клятву на кресте. Так сложился тройственный союз России, Речи Посполитой и Дании; Бранденбург от непосредственного участия в войне воздержался. С этого момента Петр принимал все меры, чтобы ускорить окончание войны на юге и развязать себе руки на севере. Миссия дьяка Украинцева в Константинополе, поддержанная внушительной демонстрацией русского

флота, увенчалась полным успехом: за Россией остались все ее завоевания. На следующий день по получении известия о мире с Портой, 9 августа 1700 г., была объявлена война Швеции. К этому времени одна из союзниц, Дания, уже вышла из войны, вынужденная заключить сепаратный мир в Травендале. Занятие Карлом XII Польши и выход из войны другого союзника Петра, Августа II, который уступил польский престол ставленнику шведского короля Станиславу Лещинскому, заставили и Россию искать посредников для заключения мира, чтобы удержать завоевания, произведенные на побережье Финского залива. С этой целью Петр обращался и к Голландским штатам и к Людовику XIV. Одновременно он искал новых союзников. В Англии А. А. Матвеев вел на эту тему разговоры с английскими министрами; они, однако, оказались «в тонкости и пронырствах субтильнее самих французов». Делались попытки убедить Данию возобновить военные действия. Таким образом, в этот решающий момент войны Петр развил активнейшую дипломатическую кампанию.

Блестящая Полтавская «виктория» сразу перевернула всю политическую обстановку. Война, которую вела Россия с Швецией в союзе с давнишними противниками этой державы, сразу превратилась в войну общеевропейскую. Все хотели теперь получить свою долю в наследии разваливавшегося государства. Вместе с тем остро ставился вопрос и о сохранении при этом принципа европейского равновесия. В Польше был немедленно восстановлен Август II, Дания опять присоединилась к антишведской коалиции, а в 1714 г. в войну вступила и Пруссия (Бранденбург). С Ганновером был заключен договор, гарантировавший доброжелательный нейтралитет. Наоборот, торговые державы — Англия и Голландия — были заинтересованы в том, чтобы не допускать в Прибалтике усиления России, которое грозило их торговле. Обе державы стремились путем дипломатических интриг расстроить расширение антишведской коалиции. Франция, занятая войной за испанское наследство, не могла активно вмешаться в дела Северной Европы; тем не менее, пытаясь не допустить разгрома Швеции и усиления влияния России и Речи Посполитой, она побуждала к выступлению Турцию, которая и без того была встревожена победами русского оружия. После неудачных попыток найти в Европе союзников против турок Петр прибег к тому средству, которое уже намечалось в XVII веке. Он повел агитацию среди христианского населения Турецкой империи и заключил договоры с христианскими вассалами султана — с молдавским и валашским господарями. Прутская кампания была неудачна для русских, но благодаря дипломатическому искусству вице-канцлера П. П. Шафирова и подкупам удалось добиться от турок сравнительно легких условий мира.

Ценой возврата Азова и других приобретений 1700 г. Петр обеспечил себе тыл в дальнейшей борьбе с Швецией.

Северная война, перекинувшись на территорию Германии, принимала все более широкие размеры. Ввод русских войск в Померанию и проект десанта в Швецию через Данию встревожили Англию, которая, по выражению Маркса, «должна была явиться главной опорой или главной помехой планам Петра Великого» [1]. В выходивших в Англии политических памфлетах резко критиковалась политика правительства, которое не выполнило своих обязательств в отношении Карла XII. Английская дипломатия пустила в ход все средства. До сведения Петра было доведено, что Англия не допустит разгрома Швеции. Интригами Англии объясняется отсутствие единства в действиях союзников, среди которых из английских источников распространялись слухи о широких завоевательных планах Петра в Европе. «Болтаемся туне, — жаловался Петр, — ибо, что молодые лошади в карете, так наши соединенные [союзники], а наипаче коренные, своло́чь хотят, да коренные не думают».

При натянутых отношениях с Англией Петру естественно было искать союза с враждебной ей Францией. Для этого в 1717 г. он и ездил в Париж. Результатом этой поездки был Амстердамский договор между Россией, Францией и Пруссией. По этому соглашению участвовавшие в нем державы обязались охранять договоры, которые должны были прекратить Северную войну. Амстердамское соглашение показало, насколько возросло в Европе значение русской дипломатии. Вместе с тем оно подготовило почву для дальнейших переговоров. В 1718 г. на Аландских островах открылся мирный конгресс русских и шведских уполномоченных. Однако вследствие смерти Карла XII он был прерван, и война продолжалась. Англия еще более активно повела свою политику, стремясь приостановить успехи России на германской территории. В 1720 г. под давлением английской дипломатии Дания вновь заключила сепаратный мир с Швецией, отказавшись от всех своих завоеваний. Примирилась с Швецией и Пруссия. Наконец, в Вене между Империей, Англией и Речью Посполитой, не без участия Франции, заключен был оборонительный союз, острием своим направленный против России. Со своей стороны русские дипломаты вели в 1718 г. переговоры с испанским правительством о наступательном союзе против Англии с целью свержения Ганноверской династии и восстановления Стюартов. Союз не состоялся, но Петр не прервал сношений со Стюартами, имея в виду использовать угрозу реставрации для давления на английское правительство. Тогда Англия

[1] *Marx*, Secret diplomatic history of the XVIII century, p. 90.

открыто стала на сторону Швеции, заключила с ней союз, и английский флот дважды — в 1720 и 1721 гг. — появлялся в Балтийском море якобы для охраны берегов Швеции от русских десантов. В действительности имелось в виду принудить Россию принять посредничество Англии. Петр на это не пошел. Дело ограничилось безрезультатной морской демонстрацией. Услуги посредничества предлагали не только английский король, но и регент Франции и венский двор. Было принято посредничество Франции. Ништадтский мир 1721 г. закрепил за Россией Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию и часть Финляндии с Выборгом. «Сила и престиж Швеции», тяготевшие над Европой со времени Тридцатилетней войны, пали. Мир открывал для России возможность добрососедских отношений с Швецией, с которой в 1724 г. русское правительство вступило даже в союзный договор.

Таким образом, полуторавековая борьба за Прибалтику кончилась в пользу России. «Войну шведскую, — говорит Маркс, — с точки зрения как ее целей, так и результатов и продолжительности, мы можем справедливо назвать основной войной Петра Великого» [1]. «Ни Азовское, ни Черное, ни Каспийское море не могли открыть Петру прямой выход в Европу» [2]. Благодаря завоеванию Прибалтики «России было обеспечено превосходство над соседними северными государствами; благодаря ему же Россия была втянута в непосредственный и постоянный контакт с любым государством Европы. Наконец, им были заложены основы для установления материальных связей с морскими державами, которые, благодаря этому завоеванию, попали в зависимость от России в отношении материалов для кораблестроения» [3]. Вместе с тем Россия в результате своей победы над Швецией заняла одно из первых мест в «концерте» европейских держав. «Мы, — говорит Петр, — от тьмы к свету вышли, и которых не знали в свете, ныне почитают».

На востоке Петр проявлял большой интерес к Средней Азии, через которую шел транзитный путь в Индию. Несчастная экспедиция А. Бековича-Черкасского должна была «хивинского хана склонить к верности и подданству, привести и бухарского хана, хотя не в подданство, то в дружбу». Едва освободившись от Северной войны, Петр уже в декабре 1721 г. перешел к выполнению новой задачи — войне с Персией. Тут, как и в Турции, он опирался на поддержку христианских подданных шаха. Карталинский (грузинский) царь Вахтанг перешел на сторону России; одновременно и армянский като-

[1] *Marx*, op. cit., p. 90.
[2] Ibidem.
[3] Ibid., p. 89.

ликос обратился к Петру от имени армянского народа за помощью против персов. Блестящие успехи русских войск привели к завоеванию Дербенда и Баку с прилегающими землями провинций Гиляна, Мазандерана и Астрабада. Укрепление России в прикаспийских странах вызвало осложнение и в отношениях с Турцией, которую возбуждали против России Англия, Франция и Венеция. Турецкие войска были двинуты в Закавказье, и Карталинское царство вынуждено было признать верховенство султана. Тем не менее разграничение, произведенное в 1724 г. между Россией, Персией и Турцией, закрепило за Россией бóльшую часть ее завоеваний.

Таковы были в основном итоги внешней политики Петра I. «Этот действительно великий человек, — говорит Энгельс,— ...первый вполне оценил изумительно благоприятную для России ситуацию в Европе. Он ясно увидел, наметил и начал осуществлять основные линии русской политики как по отношению к Швеции, Турции, Персии, Польше... так и по отношению к Германии» [1].

Провозглашение Петра I императором 22 октября 1721 г. было внешним выражением достигнутых в его царствование международных успехов России. Акт этот не сразу был признан европейской дипломатией. При жизни Петра только Голландия и Швеция официально признали этот титул.

Дипломатические учреждения и методы дипломатической работы при Петре I

Та сложная внешнеполитическая деятельность, которая развернулась при Петре I, требовала реорганизации учреждения, ведавшего международными сношениями, и создания новых дипломатических кадров. Доморощенные дипломаты с их приемами, выработанными на ходу, уже не были пригодны для новых задач внешней политики, выдвинутых сложной международной обстановкой начала XVIII века. При Петре вся дипломатическая служба реорганизуется по западноевропейскому образцу. В иностранных государствах образуются постоянные дипломатические миссии, отсутствие которых давало себя так сильно чувствовать еще в XVII веке. Уже в 1699 г. в Голландию был послан А. А. Матвеев в звании «чрезвычайного и полномочного посла», в 1701 г. был назначен «министр» в Вену и т. д. Одновременно в важнейших европейских и некоторых внеевропейских странах появляются русские консулы для охраны торговых интересов царских подданных. С другой стороны, и при царском дворе с конца XVII века возникают постоянные иноземные представительства. Петр с большой настойчивостью проводил принцип неприкосновенности личности послов, когда дело шло о представителях его страны.

[1] *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 12.

Большой шум наделал в 1708 г. случай с русским послом в Англии А. А. Матвеевым, который был арестован за долги, причем подвергся оскорблениям и даже побоям. Этот инцидент вызвал сильное волнение среди всего дипломатического корпуса в Лондоне, увидевшего в оскорблении русского посла нарушение международного посольского права. Матвеев был освобожден. Пострадавшего посетили все «до единого иностранные министры, содрогаясь о таком афронте, от века не слыханном и нигде в историях... бесприкладном». Королева Анна выразила сожаление по поводу случившегося. Петр потребовал смертной казни для лиц, нанесших оскорбления его послу. Виновные, действительно, были привлечены к ответственности. На очередной сессии парламента поступок против Матвеева был признан преступлением «как перед английскими законами, так и перед международным правом, на коем основывается привилегия посланников». Внесен был специальный законопроект «о сохранении привилегий послов и публичных министров»; он уточнил ряд вопросов, связанных с посольской неприкосновенностью. В выработке текста закона принял участие и дипломатический корпус. Конечно, о применении смертной казни не могло быть и речи, но английское правительство снарядило специальное чрезвычайное посольство к Петру I с извинениями. Посольство было принято с исключительной торжественностью, и Петр, «принимая на вид внимание нации, выраженное в парламентском акте, а также честь, оказанную ему королевой настоящим посольством», не настаивал на своем требовании. Таким образом, данный инцидент, благодаря энергичному вмешательству Петра, послужил поводом для законодательного оформления посольского права. Сам Петр, однако, гораздо меньше стеснялся с иностранными послами. В 1718 г. он арестовал голландского резидента в Петербурге Дебиса, который обвинялся в посылке неблагоприятных для России донесений своему правительству и в подозрительных сношениях с русскими подданными царя; к послу был приставлен караул, у него были отобраны все бумаги, сам царь подверг его допросу. Петр потребовал от Голландских штатов его отзыва.

Старый Посольский приказ уже не удовлетворял новым потребностям государства в работоспособном органе внешнеполитических сношений. Уже в начале XVIII века рядом с ним возникает при Петре «походная Посольская канцелярия», к которой постепенно переходят все функции Приказа. По образцу Швеции в 1716 г. в Посольской канцелярии был введен коллегиальный порядок решения дел, и она сама была переименована в «Посольскую коллегию». Наконец, в 1720 г. была образована особая Коллегия иностранных дел, которая сменила старый Посольский приказ. Во главе коллегии были

поставлены канцлер граф Г. И. Головкин и подканцлер П. П. Шафиров. При них были «канцелярии советники» А. И. Остерман, который впоследствии выдвинулся на первый план на дипломатическом поприще, и В. Степанов. На их обязанности лежало «сочинять грамоты к чужестранным государям, рескрипты к министрам, резолюции, декларации и прочие бумаги великой важности и тайны». Работа коллегии шла под непосредственным контролем самого царя. При обсуждении особо важных «государственных тайных дел» он «высокой особой присутствовать в коллегии изволит».

Европейские порядки не сразу прививались в русской дипломатической среде. Под новой оболочкой продолжали держаться старые навыки местничества и понятия чести. Из иностранной практики черпались в первую очередь соответствующие стороны этикета. «Русские, — писал в 1710 г. датский посланник Юль, — не отрешаются ни от одного из старых русских обычаев, которые могут служить им к возвеличению, и в настоящее время изучают чужие обычаи, пригодные для такого поддержания и умножения их достоинства и чести». Иностранные послы обижались на то, что русские официальные лица никогда не делали первыми визитов. В отношении церемониала дипломаты Петра I были так же придирчивы, как и дипломаты его отца. При подписании русско-датского договора в 1710 г. возник спор, в какой очереди должны быть размещены подписи уполномоченных. Датский уполномоченный соглашался, чтобы в русском экземпляре на первом месте стояли подписи русских уполномоченных, но требовал, чтобы в датском на первом были подписи датских. Русские министры уступили, но прибегли к невинной уловке: канцлер подписался и приложил свою печать на последнем месте, выше его подписался подканцлер, а на первом месте — датский посланник; «этим русские хотели намекнуть, что последнее место они считают первым и обратно». Любопытный случай местничества произошел при пожаловании Меншикову датского ордена Слона. Датский посланник предварительно взял с Меншикова обязательство отдавать предпочтение этому ордену перед всеми остальными, не исключая ордена Андрея Первозванного. Меншиков его обманул и стал носить оба ордена попеременно. Даже сам Петр не отрешился еще от старинных понятий чести. При приеме иностранных послов он не имел при себе «ни шляпы, ни другого чего, чем покрыть голову», очевидно, чтобы не снимать шляпы при произнесении чуждого титула. Стоял царь под балдахином у самого края, не оставляя для посла места около себя. Все эти ухищрения, к которым прибегали еще в первое десятилетие XVIII века, конечно, были пережитком торжественного церемониала московских царей. С самими иностранными послами обращались порой

не с тем уважением, какого требовал царь в отношении собственных послов. До приезда в столицу их окружали попрежнему самым бдительным и придирчивым надзором, их служителей не выпускали со двора, а сами послы могли выходить лишь с разрешения местного коменданта.

Не сразу выработалось и необходимое для ведения широкой политики дипломатическое умение. Очень неодобрительно отзывались в 1708 г. министры Людовика XIV о русских послах, приезжавших во Францию, которые, по их словам, «ничего не искали к пользе государя своего у короля и только делали гордые запросы». Дипломатические приемы в некоторых отношениях по своей наивности недалеко ушли от XVII века. Так, например, русские дипломаты редко соглашались давать ответы в письменной форме, боясь связать себя этим. В 1710 г. царские министры требовали, чтобы Юль представил им зашифрованное полномочие с переводом на обороте; когда он отказался на том основании, что это значило бы выдать ключ к шифру, ему с деланной наивностью отвечали, «что особенной беды в этом не было бы, так как между царем и королем датским не должно существовать никаких тайн».

Таковы были кадры, с которыми Петр начинал свою дипломатическую работу в совершенно новых по обширности и смелости масштабах. Тем более поражают те быстрые успехи, которые делает молодая петровская дипломатия. Ко второй половине царствования Петра уже вырастает новое поколение умелых и тонких дипломатов, которые отлично ориентировались в международных отношениях и действовали и с большой ловкостью, и с несомненным тактом. Инструкция, данная в 1718 г. Петром уполномоченным на Аландском конгрессе, является, несомненно, образцом дипломатического такта и искусства. Петр предлагает «шведских уполномоченных глубже в негоциацию ввести... и весьма ласково с ними обращаться». В основу переговоров должно быть положено стремление «не только со Швециею мир заключить, но и обязаться дружбой». «Когда, — писал Петр в особой инструкции Остерману, — между обеими державами прежняя вражда и зависть исчезнет, а вечная дружба установится, то не только можем себя от других обезопасить, но и баланс в Европе содержать». Поэтому царь считал нужным предложить приемлемые для Швеции условия. «Мы знаем, — писал он Остерману, — что хотя бы мы через оружие свое и привели короля шведского к уступке всего нами завоеванного, то Швеция всегда будет искать возможности возвратить себе потерянное, и таким образом война не пресечется. Поэтому мы предлагаем следующий способ к искоренению всех ссор: если король уступит нам провинции, которые теперь за нами (кроме Финляндии), то мы обяжемся помочь ему вознаградить его потери в другом месте,

где ему нужно». Наконец, Петр проводит мысль о единстве интересов всех союзников, воюющих против Швеции. Поэтому он отказывается от сепаратного заключения мира: «если нам о прусском и польском королях не поставить условий, то этот мир будет на слабом основании, ибо нам нельзя их оставить в войне».

По стопам Петра шли и его помощники на поприще дипломатии. Записка, поданная М. П. Бестужевым-Рюминым в 1720 г. по поводу английского проекта «медиации» (посредничества), является образцом отчетливости мысли и здравого смысла. Шаг за шагом Бестужев распутывает нити английских интриг. Будучи посланником в Швеции, тот же Бестужев не только тонко вникал в современное состояние страны, в которой он был аккредитован, но и изучал ее историю. Московская «грубость» отошла в область преданий. Когда английский государственный секретарь Стенгоп в резкой форме сообщил в 1720 г. русскому послу Веселовскому о заключенном Англией союзе со Швецией, Веселовский промолчал, «ибо, — писал он, — если бы я хотя бы несколько слов сказал не по нем, то без противности не разошлись бы, потому что зело запальчивый человек».

С расширением сферы дипломатической деятельности функции русских дипломатов при Петре чрезвычайно усложнились. На них лежала литературная борьба с вредными для России политическими настроениями за границей. Когда в Гаагу пришло известие о Нарвском поражении, русский посол Матвеев составил и подал Штатам мемориал, долженствовавший рассеять дурное впечатление, произведенное этим известием; шведский посол был вынужден заказать опровержение. Позже князь Куракин должен был в Гааге наблюдать, чтобы в газетах не печаталось ничего предосудительного для России, и опровергать печатаемое; он даже жаловался на «газетеров» голландскому правительству. В 1711 г. Волков, будучи во Франции, рекомендовал «курантельщика [редактора газеты] чем-нибудь приласкать, чтобы принимал и печатал добрые о нас ведомости». Принимались и другие меры для обработки европейского общественного мнения. Матвеев в Гааге «на каждую неделю уставил быть в своем доме собрания всем здешним первым господам и госпожам, для собрания и забавы картами и иных утех», чтобы «лучший способ к пользе и воле монаршей учинить».

С большим мастерством использовала петровская дипломатия те внутренние противоречия, которые имелись в неприятельских странах. Вмешательство во внутренние дела соседних государств было обычным средством воздействия на их политику. В 1703 г. П. А. Толстому, одному из выдающихся дипломатов Петра, удалось, например, добиться в Кон-

стантинополе не только смены, но и казни визиря, враждебно настроенного к России. Для своих целей русское правительство при Петре, как и при его предшественнике, пользовалось агентурой турецких христиан. Так, ценным осведомителем был племянник константинопольского патриарха. В Швеции после окончания войны русская дипломатия поддерживала партию «патриотов». Особенно сложную интригу вела русская дипломатия в отношении наиболее опасной для России державы — Англии. Русский резидент в Лондоне Веселовский внушал англичанам, что Англия управляется интересами и политикой Ганновера; в Петербурге поддерживались сношения с претендентом на королевский престол Англии Яковом Стюартом и его сторонниками якобитами.

Одним из основных «каналов», какими производилось воздействие на политику иностранных государств, были подкупы, посредством которых получалась ценная политическая информация. При заключении мирного договора с Турцией в 1711 г. оказалось нужным дать большие взятки не только визирю и муфтию (главе мусульманского духовенства), но и английскому и голландскому послам; в 1720 г. для достижения «вечного мира», кроме турецких сановников, подкуплены были французский посол и его жена.

Взятки считались необходимыми не только в Константинополе. В 1701 г. министр при венском дворе князь П. А. Голицын жаловался на отсутствие средств для подкупов, хотя «не так мужья, как жены министров бесстыдно берут». «Сами знаете, каков здешний двор и как министры здешние избалованы подарками других потентатов [государей]», — писал он в 1703 г. Ехавшему в 1706 г. послом в Англию Матвееву было поручено склонить на русскую сторону всемогущего в то время герцога Мальборо, хотя Петр и сомневался в успехе, «понеже через меру богат, однакож обещать тысяч около 200 или больше». Мальборо запросил княжества в России. Петр был в то время настолько заинтересован в союзе с Англией, что согласился было дать герцогу на выбор Киевское, Владимирское или Сибирское княжество с ежегодным доходом в 50 тыс. ефимков, самый большой в мире камень рубин и орден Андрея Первозванного. Из этой сделки ничего не вышло.

К тем же приемам прибегали и иностранные правительства в России. Особенно обвинялся во взяточничестве подканцлер Петра I, умный, но жадный до денег Шафиров.

Петр I как дипломат

Петр крепко держал в своих руках все нити русской дипломатии. Он лично участвовал во всех переговорах, выполняя функции и посла и министра иностранных дел. Он дважды ездил за границу с дипломатическими целями и лично заключал такие важные договоры, как соглашение в Раве (1698 г.) и договор

в Амстердаме (1717 г.). У себя на родине царь непосредственно сносился с иностранными послами и беседовал с ними запросто в домашней обстановке, — это был самый верный, а иногда и единственный способ довести то или иное дело до конца. Определенных аудиенций не было, царя надо было «отыскивать на пирах и там исполнять свои поручения». «Я воспользовался нынешним обедом, — рассказывает Юль, — за которым сидел с ним рядом, чтобы согласно приказанию моего государя и короля переговорить с ним о разных вещах; во время этой беседы царь весьма благосклонно и охотно слушал меня и отвечал на все, что я ему говорил». При содействии царских денщиков можно было видеть царя и дома, где тот же Юль раз застал его «неодетым, в кожаном, как у ремесленников, фартуке, сидящим за токарным станком». Петр терпеть не мог никаких официальностей. Не без юмора повествует Юль о тайной аудиенции, которую он испросил у царя через канцлера. Аудиенция была назначена на адмиралтейской верфи. Посланник поспешил в назначенное место в расчете, что царь примет его в каком-нибудь доме и выслушает. Когда Петр подъезжал в шлюпке к берегу, Юль спустился к нему навстречу. Царь тут же начал очень громко говорить с ним о государственных делах, так что все окружающие могли слышать. Юль стал просить выслушать его наедине, но Петр приказал сказать прямо, в чем его поручение, а когда посланник заговорил шопотом, то он отвечал нарочито громко. «Тем и окончилась эта испрошенная мною частная аудиенция, от которой царь таким образом отделался, чтобы не слышать того, чего слушать не хотел».

У Петра были свои принципы международной политики. Основным его правилом была политическая добросовестность и верность обязательствам. «Лучше можно видеть, — писал он, — что мы от союзников оставлены будем, нежели мы их оставим, ибо гонор пароля [честь данного слова] дражае всего есть».

Сила внешней политики Петра заключалась в том, что он не разбрасывался на несколько проблем, а сосредоточивался на одной; этой одной проблеме он и подчинял все усилия своей дипломатии, отказываясь от выполнения других, раз они не стояли на первой очереди. Так, польский вопрос для Петра существовал только в рамках Северной войны. Единственный раз Петру пришлось против воли уклониться от этого основного принципа его внешней политики, — это было в 1711 г., во время навязанной ему войны с Турцией. Этим отличается внешняя политика Петра I от колеблющейся и противоречивой политики его предшественников. Такой твердости в проведении определенной линии не было и в политике его ближайших преемников.

Внешняя политика России в период 1726—1755 гг.

Из трех основных задач, которые стояли перед Россией в XVII веке, одна, шведская, была полностью разрешена при Петре I. Оставались две другие — польская и турецкая. Они и являлись стержневыми вопросами русской внешней политики в течение всего XVIII века. Наряду с этим вопрос «европейского баланса» (равновесия) и стремление играть решающую роль в общеевропейских делах и поддерживать международный престиж, приобретенный Россией при Петре I, определяли ряд других дипломатических мероприятий.

В конце царствования Петра I Западная Европа разделялась на две противостоявшие группы держав: Франция, Англия и Пруссия осенью 1725 г. заключили договор, направленный против Австрии и Испании. Господство России над Прибалтикой продолжало беспокоить Англию, и это создавало натянутые отношения между обоими государствами, вызвавшие даже появление английской эскадры в Балтийском море в мае 1726 г. При таких условиях Россия неизбежно должна была примкнуть к Австрии, которая являлась к тому же естественной ее союзницей против Турции. Оборонительный союз с Австрией был заключен в августе 1726 г. Задачей Франции с этого момента было создать вокруг России окружение из враждебных ей государств — Швеции, Польши и Турции. Обе группировки столкнулись между собой в Польше по вопросу о преемнике Августа II. Здесь Австрии с Россией противостояли Франция и союзная с ней Швеция. Август III, сын умершего короля, утвердился на польском престоле при поддержке русских войск. Во время конфликта из-за избрания польского короля французская дипломатия производила энергичный нажим на Турцию в целях вызвать выступление ее против России. Со своей стороны правительство Анны Ивановны ценой возвращения Персии областей, завоеванных Петром I, добилось заключения с могущественным шахом Надиром «вечного мира», направленного против Порты. В 1735 г. началась тяжелая война в союзе с Австрией против Турции и Крыма. Она закончилась бесплодным для России Белградским миром, заключенным при посредничестве Франции в 1739 г.

Театром другого столкновения с англо-французской союзной системой была Прибалтика, где под влиянием французской дипломатии в 1741 г. против России выступила Швеция. Война закончилась Абоским миром, который закрепил и частично расширил условия Ништадтского мира.

В середине 40-х годов XVIII века Россия была втянута в войну между Австрией и Англией, с одной стороны, и Францией и Пруссией — с другой. В этой войне русская дипло-

матия, впрочем, не проявляла достаточной четкости и определенности. Решительному выступлению предшествовал длительный период колебаний, вызванных столкновением иностранных и местных влияний при петербургском дворе. Последовательную антипрусскую политику вел умный и тонкий канцлер А. П. Бестужев-Рюмин, который стоял за союз с Австрией. В 1746 г. возобновлен был оборонительный союз с Австрией. В 1747 г. Англия связала Россию «субсидной конвенцией», в силу которой русское правительство обязалось за соответствующую денежную субсидию выставить военный корпус для защиты ганноверских владений английского королевского дома. В 1750 г. Англия даже присоединилась к австро-русскому союзу, а в 1755 г. ею заключена была на более широких началах новая «субсидная конвенция» с Россией.

Семилетняя война

В 1756 г. политическая конъюнктура в Западной Европе неожиданно и резко изменилась. Начавшаяся война между Англией и Францией побудила английское правительство заключить соглашение с Пруссией, чтобы гарантировать нейтралитет Германии в этой войне (Уайтхоллский договор). Ввиду того что Россия была связана «субсидной конвенцией», можно было рассчитывать, что и она будет вынуждена примкнуть к этому соглашению. Уайтхоллский договор 1756 г. выявил новую перегруппировку политических сил в Европе. Франция пошла на сближение и союз с Австрией. В Петербурге проявлялись колебания и боролись английское и французское влияния. Наконец, русское правительство заняло совершенно определенную позицию и ввиду опасности, которую представляло для России чрезмерное усиление Пруссии, примкнуло к австро-французскому союзу, «чтобы, ослабя короля прусского, сделать его для здешней стороны нестрашным и незаботным». Намечался раздел Пруссии, в результате которого должны были получить разрешение насущные вопросы внешней политики России — турецкий и польский. В конце концов Россия официально присоединилась к австро-французскому оборонительному союзу. С Англией дипломатические отношения не были порваны, так как обе стороны дорожили выгодами, которые давала им взаимная торговля. Это открывало широкий простор для интриг Англии в Петербурге. Успехи русского оружия в Пруссии приближали Фридриха II к «краю гибели». Он готов был уже отречься от престола, когда смерть Елизаветы в 1762 г. освободила его от самого опасного из врагов.

Петр III, большой поклонник Фридриха II, снова резко повернул направление русской внешней политики, не только заключив мир с Пруссией, но и поспешив вступить с ней в союз.

Русская дипломатия в период 1726—1762 гг. в борьбе с западноевропейской дипломатией

Недостаток устойчивости во внешней политике России открывал перед иностранными державами возможность вести чрезвычайно бесцеремонные интриги в Петербурге и открыто вмешиваться во внутренние дела Российской империи. Как известно, Елизавета Петровна в 1741 г. была посажена на престол гвардией, при деятельном содействии французского посла Шетарди, который надеялся добиться этим путем сближения России с Францией. Шетарди финансировал переворот и первое время пользовался большим влиянием при дворе. Однако он встретил серьезного и умного противника в лице канцлера А. П. Бестужева. Во время отсутствия Шетарди в России австрийский посол маркиз Ботта-Адорни, воодушевленный успехом своего французского коллеги, повел разговоры среди оппозиционно настроенной части русской знати о возможности восстановления на престоле свергнутого Ивана Антоновича. Чтобы устранить Бестужева, его враги попытались замешать его в этот заговор. Это не удалось. В 1744 г. Шетарди вернулся в Петербург с миссией вовлечь Россию в войну на стороне Франции и Пруссии; он открыто заявлял, что намерен свалить канцлера. В союзе с Шетарди была преданная Фридриху II принцесса Ангальт-Цербстская, мать невесты великого князя Петра Федоровича, будущей Екатерины II. Бестужев поступил со свойственной ему решительностью: перехваченная переписка Шетарди помогла ему скомпрометировать французского посла, который и был выслан из России. Позже, в 1756 г., английский посол Чарльз Вильямс разрабатывал с великой княгиней Екатериной Алексеевной план захвата ею власти после смерти Елизаветы Петровны. Эта смелая игра иностранных дипломатов в Петербурге объясняется той легкостью, с какой, при поддержке кучки гвардейцев, в России в XVIII веке происходили перевороты.

Русское правительство в этом отношении было менее предприимчиво. Оно позволяло себе вести крупную интригу только в Швеции, где постоянная борьба аристократии с королевской властью открывала такую возможность. Тратились значительные средства для создания среди шведской знати русской партии в противовес другой группировке, которую такими же средствами поддерживало правительство французское. На этом поприще английская дипломатия действовала в 40-х годах рука об руку с дипломатией русской, принимая значительную часть расходов на счет своего казначейства. В 1740 г., например, русский и английский посланники договорились дать на соответствующие цели по 50 тысяч ефимков. В 1746 г., для подкупа депутатов сейма, было ассигновано в Петербурге

20 тысяч рублей; «патриоты», для которых они предназначались, требовали 100 тысяч рублей на содержание столов для «благонамеренных депутатов», но рекомендовали, «чтобы с деньгами поступали осторожно, выдавали не всякому, кто выставит свою благонамеренность на продажу, — давали бы только тем, кто будет рекомендован главами патриотической партии». Шведское правительство официально жаловалось в Петербурге на вмешательство русского посла барона Корфа во внутренние дела Швеции и требовало его отозвания. Из Петербурга отвечали жалобами на действия антирусской партии. В следующем году новый русский посланник Н. И. Панин развернул в письме к русскому канцлеру целую программу действий на случай смерти хворавшего шведского короля. По его словам, перед Россией стоят три задачи: не допускать установления в Швеции самодержавия, низвергнуть настоящее министерство и поставить на места министров добрых «патриотов». Панин предлагал «склонить» на сторону России какого-нибудь влиятельного члена французской партии, но настаивал вместе с тем и на применении вооруженного вмешательства: «раздача же денег никакой пользы не принесет».

Та же система подкупов в сочетании с вооруженным вмешательством практиковалась и в Речи Посполитой и в Курляндии. В этой непрерывавшейся борьбе за влияние в чужих государствах во всей Европе середины XVIII века широко применялся подкуп не только частных лиц, но и министров. Так, в 1737 г. из Петербурга были посланы богатые подарки гофмейстеру шведского короля Горну; он долго отговаривался, но все-таки принял подарки с большой предосторожностью: чек получил на банк, якобы в уплату за товары, и выдал расписку, а на следующий день русский посланник отвез ему эту расписку обратно.

Очень много денег тратили иностранные правительства на подкупы русских министров и сановников. В 1725 г. французскому послу Кампредону было разрешено его правительством истратить до 60 тысяч червонцев на «гратификации публичные и секретные» всем лицам, которые были полезны для заключения союза между Францией и Россией, начиная с всесильного Меншикова, канцлера Головкина, Остермана и др. и кончая приближенными к Екатерине I дамами. Принято было выплачивать регулярно ежегодные пенсии руководителям внешней политики России, и самые выдающиеся государственные деятели той эпохи не гнушались принимать такое вознаграждение сразу от нескольких иностранных дворов. Не без юмора описывает подобный эпизод английский посол Вильямс. «Уже с некоторого времени, — писал он в августе 1756 г., — канцлер [Бестужев] просил меня доставить ему крупную пенсию от короля, говоря, что ему здесь дают еже-

годно лишь 7 000 руб., а на такое жалованье он не может жить по своему положению; что ему известны интересы его отечества, связанные с интересами Англии, и что потому тот, кто служит хорошо России, служит и Англии; таким образом, он может служить королю, не действуя против своей совести и не нанося вреда своему отечеству... Но он страшно удивился, когда я в понедельник сказал ему: «король жалует вам пожизненную пенсию в 12 000 руб. в год». Он был этим озадачен, он в самом деле не поверил мне. Он меня не благодарил и, при моем уходе, не обратил никакого внимания на свою пенсию». Только после того, как банкир Вольф заверил его в правильности сообщения, канцлер поспешил выразить Вильямсу свою благодарность. «Скажите ему, — велел он передать, — что мы заживем вместе наилучшим образом, что я сделаю все возможное для него».

Однако, получая деньги от всех иностранных дворов, руководители внешней политики России вели свою собственную линию, отнюдь не жертвуя интересами своей страны ради чужих интересов.

Все правительства стремились иметь в чужих государствах своих агентов, через которых получались необходимые им сведения. Русская разведка была поставлена неплохо. Достаточно сказать, что при Анне Ивановне русский посланник в Турции Неплюев имел агента в свите французского посла и через него получал известия о всех шагах своего соперника. В Швеции в 1747 г. пришлось даже изменить систему канцелярской переписки, потому что русский посланник барон Корф имел возможность узнавать обо всех тайных государственных делах. В 1726 г. выяснилось, что прусский советник Фербер сообщал в Петербург об интимных разговорах своего государя; Фербер был казнен.

Более дерзко, чем Россия, использовали тайную агентуру тогдашние ее враги — Англия и Пруссия. В этом смысле они сумели использовать даже будущую императрицу, великую княгиню Екатерину Алексеевну, урожденную немецкую принцессу. Еще мать ее была агентом Фридриха II, пока не была выслана из России по распоряжению императрицы Елизаветы. Английский посол Вильямс сумел найти доступ и к Екатерине как через своего секретаря Станислава Понятовского (будущего польского короля), так и путем крупных займов, предоставляемых ей из средств английского короля. Наконец, одной из характерных черт этого периода является усиление секретной дипломатии, действовавшей помимо официальных представителей и органов, призванных руководить внешней политикой. Так, императрица Елизавета Петровна и французский король Людовик XV находились между собой в тайной переписке без ведома своих министров.

Хитросплетенная паутина дипломатических интриг и путей воздействия на политику соседних стран ярко отражает сложность международной обстановки в Европе накануне Французской буржуазной революции 1789 г., в период окончательного образования национальных государств. К чести русской дипломатии той эпохи следует отнести ее умение не только закрепить успехи, достигнутые при Петре I, но и играть решающую роль в делах Западной Европы. Отсталая по сравнению с Западной Европой Россия XVIII в. менее своих соседей испытывала противоречия между строем феодальным и буржуазным, которые раздирали страны, стоявшие на более высокой ступени экономического развития. Поэтому ее правительство и могло проводить, несмотря на смену лиц на престоле, более решительную политику.

Международным успехам России способствовало и наличие в составе правительства выдающихся дипломатов. Таков был знаменитый Андрей Иванович Остерман, начавший свою карьеру при Петре I в качестве одного из участников мирных переговоров с Швецией; его настойчивости и ловкости Россия была обязана блестящим Ништадтским миром. Опыт и природные дарования выработали в нем совершенно исключительные дипломатические качества. «Часто, — пишет о нем Манштейн, — иностранные министры в течение двух часов проговорят с ним и по выходе из его кабинета знают не больше того, сколько знали, входя туда. Что он ни писал, что ни говорил, могло пониматься двояко. Тонкий, притворный, он умел владеть своими страстями и в случае нужды даже разнежиться до слез. Он никогда не смотрел никому в глаза из страха, чтобы глаза не изменили ему, он умел держать их неподвижно». Про Остермана говорили, что у него проявлялась подагра в руке всякий раз, когда надо было подписать опасную бумагу.

Человеком другого типа был А. П. Бестужев-Рюмин, честолюбивый, хитрый, владевший всеми тайнами дипломатических успехов, но далеко не умевший так скрывать свои чувства, как Остерман. Бестужев был создателем определенной политической системы, которую он и проводил последовательно в жизнь; в основу ее он полагал союз России с Австрией для противодействия возраставшему могуществу Пруссии и для наступления на Турцию.

Дипломатия Екатерины II

Деятельность русской дипломатии в период между 1726 и 1762 гг. подготовила разрешение тех основных проблем внешней политики, которые стояли перед Россией с конца XVII века. «На севере — Швеция, сила и престиж которой пали именно вследствие того, что Карл XII сделал попытку проникнуть внутрь России... На юге — турки и их данники, крымские татары,

представлявшие собою лишь обломки прежнего величия... бывшая в состоянии полного развала Польша..., неспособная по своей конституции ни к какому общенациональному действию и обреченная тем самым стать легкой добычей своих соседей... За Польшей лежала другая страна, которая, казалось, пришла тогда в состояние безнадежного развала, — Германия. Со времени Тридцатилетней войны Римско-германская империя являлась государством лишь по имени... И в качестве соперницы австрийской династии уже начинала наряду с нею постепенно выдвигаться прусская»[1]. «Никогда мировое положение не было более благоприятно для завоевательных планов царизма, чем в 1762 г... Семилетняя война расколола всю Европу на два лагеря. Англия сломила мощь французов на море, в Америке, в Индии, а затем покинула на произвол судьбы своего континентального союзника, прусского короля Фридриха II. Этот последний стоял на краю гибели в 1762 г...»[2] Такова была международная обстановка, в которой пришлось действовать вновь образовавшемуся правительству Екатерины II. Во главе ведомства иностранных дел фактически стоял один из наиболее образованных и умных государственных деятелей того времени — Н. И. Панин — «самый искусный, самый смышленный, самый ревностный человек при моем дворе», как писала о нем Екатерина II тотчас по вступлении на престол. Неподкупно честный, Панин, по словам одного английского дипломата, не преследовал «других целей, кроме тех, какие соответствуют пользе и чести его государыни и укреплению в России правительства». «Один из самых любезных людей», на языке которого, если верить его недоброжелателям, не было слова «нет», он в серьезных вопросах твердо и последовательно проводил свою линию.

С первых же шагов большое и активное участие во внешней политике своего государства принимала сама Екатерина. Ни один серьезный вопрос в этой области не проходил мимо нее, ни одно ответственное решение не принималось без непосредственного ее вмешательства. «Я хочу управлять сама, и пусть знает это Европа!» — говорила она Потемкину. С молодых лет вовлеченная придворными интригами в большую политику, Екатерина имела уже значительный опыт в деле дипломатии и свои недюжинные дипломатические способности развила в дальнейшем до совершенства. Она обладала большим искусством притворства, которое в XVIII веке, как и часто позже, считалось основным качеством дипломата. «Весьма ошибутся,— говорила она сама про себя, — кто по персональным приемам будет судить о делах». Не менее искусно использовала Екате-

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 9—11.
[2] Там же, стр. 14.

рина II «просветительную» фразеологию, которой она умело прикрывала свои честолюбивые замыслы. Нарушая права Польши как независимой державы, подготовляя ее расчленение, она облекала свои действия в форму защиты «свободы» польского народа. «„Просвещение“ — это был в восемнадцатом веке лозунг царизма в Европе...», — говорит Энгельс [1].

Сила Екатерины как дипломата заключалась, однако, не в этом. Как умная женщина, она понимала, что достоинство страны, которой она управляет, есть и ее собственное достоинство. В своих дипломатических выступлениях она выставляла себя поборницей национальной политики, не отделяя себя от России. «Я императрица России, — писала она по поводу задевшего ее лично притязания датского двора участвовать в опеке над великим князем Павлом Петровичем, — и худо оправдала бы надежды народа, если бы имела низость вручить опеку над моим сыном, наследником русского престола, иностранному государству, которое оскорбило меня и Россию своим необыкновенным поведением». Она так часто повторяла подобные суждения, что, наконец, сама убедила себя в их истине, и это давало всем ее действиям большую уверенность и силу.

В течение почти 20 лет Екатерина работала рука об руку с Паниным, хотя лично ему не доверяла и не любила его, считая его сторонником ограниченной формы правления. В ноябре 1780 г. Панина сменил «полномочный для всех негоциаций» князь А. А. Безбородко. Даровитый и работоспособный, исполнительный чиновник, владевший отлично даром составлять доклады, он был в сущности только прекрасным исполнителем воли императрицы. Официально Безбородко занимал должность ее секретаря. Занявший место Панина вице-канцлер, сын знаменитого отца, сам полная бездарность — граф Иван Андреевич Остерман, «автомат» и «соломенное чучело, ничего не делающее и не имеющее веса», был «первоприсутствующим» в иностранной коллегии только по имени. Зато непосредственное участие во всех «политических тайнах» принимал в это время Потемкин. Екатерина любила называть Потемкина своим «учеником» в политике, но сама поддавалась увлекательности и блеску его внешнеполитических проектов.

В момент вступления на престол Екатерины II русской дипломатии предстояло в первую очередь принять меры к восстановлению международного престижа России, расшатанного за время правления Петра III выходом из Семилетней войны и резким переходом от союза с Австрией к союзу с Пруссией. Правительство Екатерины II под давлением общественного

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 14.

мнения порвало военный союз с Фридрихом II. Однако оно не нарушило мирного договора. Эта осторожная политика не удовлетворила ни одной из воюющих сторон; тогда Екатерина предложила свое посредничество; оно было отклонено, и Губертсбургский мир был заключен без всякого участия России. В позиции, которую заняла Екатерина в отношении участников Семилетней войны, сказалось новое направление международной политики России. Новый внешнеполитический курс заключался в том, чтобы Россия могла «следовать своей собственной системе, согласной с ее истинными интересами, не находясь постоянно в зависимости от желаний иностранного двора». Правительство отлично понимало, какой ущерб для интересов и достоинства России происходил «от сопряжения дел политической системы нашей империи с другими посторонними державами», которые только искали «пользоваться нами». «Мы систему зависимости нашей от них [дворов версальского и венского] переменим, — заявлял Панин, — и вместо того установим другую беспрепятственного нашего собою в делах действования». «Время всем покажет, — писала Екатерина в начале своего царствования, — что мы ни за кем хвостом не тащимся». Поэтому Екатерина все свои усилия направляла к тому, чтобы заставить западноевропейские державы служить интересам Российской империи и помогать ей осуществить планы, которые со времени царя Алексея и Петра I не сходили с очереди: воссоединить украинские и белорусские земли, все еще находившиеся под властью Речи Посполитой, укрепить положение России в Прибалтике и продвинуться к Черному морю. На пути осуществления этой программы стояла в первую очередь Франция, которую поддерживала Австрия. Вся политическая система Франции в Восточной Европе строилась издавна на Польше, Швеции и Турции, которые должны были служить оплотом против возраставшего влияния России. С другой стороны, Франция была заинтересована в том, чтобы не допускать проникновения русского торгового капитала на Ближний Восток в ущерб французской торговле.

Первым по времени в связи со смертью короля Августа III стал на очереди польский вопрос. Екатерина в инструкции своим агентам выдвинула задачу избрания короля, «интересам империи полезного, который бы, кроме нас, ни откуда никакой надежды в достижении сего достоинства иметь не мог». Уже раньше намечалось сближение с Пруссией, имевшее целью «вырвать» Фридриха II «из рук Франции», т. е. предотвратить объединение его государства с основным врагом России. Пруссия являлась естественным противником германского императора. Однако, по словам Энгельса, «этот противник был еще слишком слаб, чтобы обходиться без помощи Франции или Рос-

сии, —особенно России, —так что чем больше он освобождался от вассального отношения к Германской империи, тем вернее он попадал в вассальное отношение к России»[1]. Сближение между Россией и Пруссией вылилось в оборонительный союз, заключенный в апреле 1764 г. в Петербурге. Секретными статьями договора были предусмотрены: денежная субсидия России от Пруссии в случае войны с Турцией, единство действий в Швеции и, наконец, недопущение каких-либо изменений в конституции Польши, так как обе договаривавшиеся державы были заинтересованы в поддержании политической слабости Речи Посполитой. Союз с Пруссией позволял, таким образом, России влиять на польские дела, сдерживать Турцию, «первенствовать на севере» и «играть первую роль в Европе... без больших затрат со стороны России». Этот крупный успех русской дипломатии был первым результатом внешнеполитической программы Панина, ориентировавшегося на дружбу с Пруссией; назначение его в конце 1764 г. «первоприсутствующим в Коллегии иностранных дел» знаменовало официальное признание этой программы.

В 1766 г. был заключен торговый договор с Англией. И в данном случае согласие русского правительства было куплено ценой полного единодушия с ним в польском вопросе, проявленного со стороны Англии. Англию связывали с Россией и более широкие политические соображения, поскольку у них был один общий противник — Франция. Отсюда единство действий русской и английской дипломатии и в Швеции, находившейся в союзе с Францией.

В отношении Швеции русская дипломатия совместно с английской держалась приблизительно тех же методов, что в Польше. Она и тут стремилась искусственно сохранить архаическую форму шведского государственного устройства и поддерживала на сейме англо-руссофильскую партию: на создание такой партии оба правительства, русское и английское, тратили попрежнему очень значительные средства. Большие субсидии выплачивались и шведскому правительству. Этим путем надеялись не допустить возобновления франко-шведского союза. В 1765 г. к этим расходам была привлечена и Дания, ценой уступки ей голштинских владений великого князя Павла Петровича; в договор Панин включил и пункт о помощи в случае войны России с Турцией.

Сепаратные соглашения с отдельными государствами по вопросам североевропейской политики Панин пытался объединить в общую «северную систему». Мысль о такой системе подал еще в 1764 г. русский посол в Дании барон Корф. Проект его заключался в том, чтобы «на севере составить

[1] *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 12.

знатный и сильный союз держав» против Франции и ее союзницы Австрии с участием Англии. В состав «северного аккорда» должны были войти Россия, Пруссия и Дания, «в качестве держав активных», и Польша и Швеция — «в качестве держав пассивных»; от последних требовалось только сохранение мира. «Северный аккорд» должен был «вывести Россию из постоянной зависимости» от других держав и предоставить ей «в общих делах знатную часть руководства», особенно на севере. Идея «аккорда» не встретила, однако, сочувствия в Берлине. Фридрих II был уже вполне удовлетворен результатами, достигнутыми благодаря союзу с Россией, и вовсе не хотел брать на себя какие-либо новые обязательства, клонившиеся к усилению международного могущества своей союзницы.

Несмотря на неудачу проекта Корфа — Панина, Россия в достаточной степени развязала себе руки в отношении Польши. Как повод для вмешательства в дела Речи Посполитой и подчинения ее воле российского самодержавия был использован дипломатией прием защиты интересов некатолического населения Польши (диссидентов). Уже в 1764 г. Россия и Пруссия, поддержанные Англией и Данией, выдвинули перед польским сеймом требование равноправия диссидентов. С другой стороны, последовательно опротестовывались все мероприятия, имевшие целью укрепить государственный строй республики. В 1766 г. Россия и Пруссия потребовали сохранения во что бы то ни стало права «либерум вето», являвшегося наиболее вредным архаизмом в сеймовой конституции. Широко использованы были подкупы, но прибегали и к более решительным мерам: отряды русских войск не покидали польской территории. Русскому послу Репнину удалось в 1767 г. объединить диссидентов и часть католиков, недовольных правительством, и образовать конфедерацию (союз шляхты). Под предлогом помощи этой конфедерации в Варшаву были введены русские войска; это заставило сейм принять закон об уравнении диссидентов в правах с католиками. Одновременно Россия взяла на себя гарантию сохранения старой польской конституции, без отмены которой невозможно было и думать о выходе Речи Посполитой из состояния непрерывной анархии, выгодного для ее соседей.

Чтобы остановить дальнейшие успехи русской политики, Австрия и Франция прибегли к содействию Турции. Под непосредственным воздействием австрийского и французского послов Турция в конце 1768 г. объявила войну России. В связи с турецкой войной и был выдвинут вопрос о разделе Польши. Эта идея обсуждалась в русских и прусских дипломатических кругах едва ли не с 1763 г. Екатерина неоднократно зондировала почву в Берлине. Едва началась турецкая война, как Фридрих II уже выступил открыто с проектом раздела.

Он даже намекал, что Россия могла бы за счет польских земель не только вознаградить себя за военные издержки, но и получить помощь со стороны Пруссии и Австрии против турок. С величайшим мастерством Екатерина и Панин оттягивали прямой ответ, несмотря на чрезвычайную настойчивость прусского короля; они желали точнее узнать намерения своего союзника и, по возможности, снизить его требования. Только заключение летом 1771 г. Австрией оборонительного союза с Турцией заставило русское правительство поторопиться с разделом. В начале 1772 г. уже было достигнуто предварительное соглашение между заинтересованными державами. Окончательно оно было скреплено в августе. Россия получила польскую часть Ливонии и часть Восточной Белоруссии. За это ей пришлось понизить свои требования в отношении Турции. По Кучук-Кайнарджийскому договору 1774 г. Россия получила Кинбурн, Керчь, Еникале и Азов и добилась признания независимости Крыма. Последний пункт Кучук-Кайнарджийского договора открыл, однако, русской дипломатии возможность вмешательства в крымские дела: это завершилось в 1783 г. присоединением Крымского полуострова к владениям Российской империи.

С конца 70-х годов Екатерина, получив от союза с Фридрихом II все, что могла, начинает отклоняться от панинской ориентации на Пруссию и искать новых путей в своей европейской политике. Чувствуя силу государства, во главе которого она стояла, русская императрица хочет играть решающую роль в судьбах Центральной Европы и осуществить мечту, не покидавшую ее с первых лет ее царствования, — «быть вершительницей судеб Европы». Разразившаяся в Европе война за баварское наследство между Пруссией и Австрией дала Екатерине удобный повод для этого. Фридрих в качестве союзника ожидал военной помощи от России; но Екатерина предпочла выступить властным посредником и обратилась в Вену с грозной декларацией, предлагая Марии-Терезии «вполне удовлетворить справедливые требования немецких князей». С другой стороны, представитель Екатерины в прусском лагере «вел себя как полномочный министр, прибывший предписывать законы Германии именем своего двора». Таким образом, сразу стало очевидно, что «знаки дружбы России к Пруссии служили лишь желанию Екатерины вмешаться под этим предлогом в дела Германии для распространения своего влияния на всю Европу». Тешенский мир 1779 г., закончивший войну, был триумфом русской императрицы. Она выступала в качестве не только посредника, но и гаранта закрепленного договором порядка. С этого момента Россия становилась, говоря словами современников, как бы «сочленом империи» и «по своему усмотрению» могла участвовать в делах

Германии. Немецкие князья осаждали своими просьбами императрицу, обращаясь к ней за разрешением своих споров и недоразумений, славословя ее «за дарованный Германии мир, прославляя ее, яко спасительницу ее, и прося, чтобы, продолжая таковые излиянные благодеяния в качестве ручательницы германской конституции, ни на час ее от милостивейшего воззрения не отлучала». В Петербурге при Коллегии иностранных дел даже возникло особое немецкое отделение, служившее проводником русской «инфлюенции» (т. е. русского влияния в Германии). Сам престарелый Фридрих II заискивал перед «северной Семирамидой», в надежде при ее содействии создать под своим главенством союз князей в Германии и образовать грозную антианглийскую коалицию.

Германией не ограничивались перспективы екатерининской внешней политики. Англия стремилась использовать русские силы для войны с Америкой и даже предлагала за это уступить России остров Минорку. Однако Екатерина и тут предпочла предписывать международные законы, а не сражаться за других. В связи с англо-американской войной Россия выступила 28 февраля 1780 г. со знаменитой декларацией о морском вооруженном нейтралитете. Этот акт устанавливал права нейтральных судов на море защищать себя оружием. К декларации присоединилась бóльшая часть государств, кроме Англии, против которой она и была направлена.

Тешенский мир и декларация о «вооруженном нейтралитете» наглядно показали, насколько далеко шли теперь притязания русской дипломатии, и какого значения достигла Россия в области международных отношений. Но они же свидетельствовали и об отходе от «северной системы» Панина.

С 1780 г. начинается сближение России с Австрией; встреча Екатерины II с императором Иосифом в Могилеве в этом году нанесла «ужасный удар влиянию прусского короля». На этом свидании установлено было «одинаковое положение» России и Австрии в отношении Турции и Польши, и путем обмена собственноручными письмами заключен оборонительный союз. В следующем году Панин был уволен в заграничный отпуск.

Все внимание русской дипломатии, руководимой непосредственно самой Екатериной и всесильным Потемкиным, отныне направлено было на разрешение турецкой проблемы и осуществление так называемого «греческого проекта». Дело шло уже не о территориальных приобретениях за счет Турции, а о полном изгнании турок из Европы и о восстановлении Греческой империи, корона которой предназначалась внуку императрицы Константину Павловичу; из Молдавии и Валахии предполагалось образовать буферное государство Дакию; Австрия со своей стороны должна была получить западную

часть Балканского полуострова. «Царьград в качестве третьей российской столицы, — говорит Энгельс, — наряду с Москвой и Петербургом,—это означало бы, однако, не только моральное господство над восточно-христианским миром, это было бы также решительным шагом к господству над Европой»[1]. К этому «решительному шагу» русская дипломатия готовилась исподволь. Приняты были меры к тому, чтобы ослабить сопротивление Франции. Торговый договор, заключенный с этой страной в конце 1786 г., способствовал значительному улучшению отношений между обеими странами и в частности отказу Франции от антирусской агитации в Константинополе. Наконец, знаменитое путешествие Екатерины в «Тавриду» имело целью демонстрировать подготовленность России к войне за Черное море, а участие в нем австрийского императора Иосифа скрепляло антитурецкий союз с Империей.

Порта не стала ожидать нападения. Она сама объявила в 1787 г. войну России, побуждаемая к тому Англией. Согласно Могилевскому соглашению 1780 г., в союзе с Россией выступила Австрия. Неожиданно в войну вступила и Швеция, которая попыталась использовать удобный случай для возврата части потерянных при Петре прибалтийских земель. Англия и Пруссия, теперь стоявшие на враждебной к России позиции, не допустили, чтобы Дания, союзница России, вмешалась в шведско-русскую войну. Был момент, когда, казалось, Петербургу грозила опасность. Однако, в конечном итоге, по миру в Вереле, 1790 г., Швеция должна была отказаться от какого-либо изменения границ. Шведская война и заключение сепаратного мира Австрией расстроили планы Екатерины в отношении Турции; поход на Константинополь не мог состояться, и Ясский мир 1791 г. только продвинул границы России до Днестра и утвердил односторонний акт о присоединении Крыма.

В итоге — русская дипломатия эпохи Екатерины в основном разрешила задачи, унаследованные ею от XVII века; закреплены были достижения Петра Великого в Прибалтике; воссоединены земли, населенные родственными русскому народу белоруссами и украинцами. Россия стала твердой ногой на Черном море. Наконец, Российская империя завоевала решающий голос в делах общеевропейских. Во внешней политике Екатерины, по выражению Энгельса, «уже отчетливо намечены все существенные черты» политики царизма в XIX веке, — устремление на Балканский полуостров, «ослабление морского превосходства Англии посредством ограничительных международных правил», вмешательство в дела германских государств.

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 10.

Возросшее в течение XVIII века международное значение России сказалось и в том, что постепенно за ее правителями был признан присвоенный им императорский титул (Германской империей — в 1744 г., Францией — в 1762 г. и Речью Посполитой — в 1764 г.). В то время как Западная Европа раздиралась внутренними противоречиями, отсталая, но «единая, однородная, молодая, быстро растущая Россия, почти неуязвимая и совершенно недоступная завоеванию», сумела занять выдающееся положение среди прочих европейских держав.

Деятельность русской дипломатии второй половины XVIII века не ограничивалась внешнеполитическими успехами. Ей принадлежит видное место в разработке принципов международного права. Акт о вооруженном нейтралитете лег в основу общепризнанного международного морского права. Конвенция с Турцией 1783 г. устанавливала принципы консульского права, также получившие международное признание.

Дипломатические методы Екатерины II

При Екатерине II стали применяться и некоторые новые методы дипломатической работы. Екатерина очень широко поставила дело политической пропаганды за границей. Эту цель преследовала в частности ее собственная переписка с Вольтером, Гриммом, Дидро и другими представителями «Просветительной эпохи». Вместе с тем Екатерина деятельно следила за заграничными изданиями, которые могли принести вред России или ей лично как императрице. Ей удалось остановить печатание книги Рюльера о перевороте 1762 г. По ее поручению в Амстердаме был напечатан «Антидот» — опровержение на вышедшую в Париже книгу аббата Шапп д'Отероша о России и т. д. К числу новых дипломатических приемов следует отнести и приглашение иностранных дипломатов к участию в поездках императрицы по России, — например, в 1785 г. для осмотра водного пути из Балтийского моря на Волгу и в 1787 г. — в Крым. Здесь, в непринужденной беседе с самой императрицей или с Потемкиным, затрагивались, а нередко и разрешались самые сложные дипломатические вопросы. Французский посол Сегюр в своих записках многословно рассказывает, как им использовались эти совместные поездки для пропаганды идеи франко-русской дружбы. Так, во время поездки 1785 г. была подготовлена почва для заключения франко-русского торгового договора, ратифицированного в Киеве на пути в Крым. Большое значение имели и непосредственные переговоры с иностранными государями. Екатерина вела оживленную «партикулярную» переписку с Фридрихом II, стремясь этим путем воздействовать на политику союзного государства и получать необходимые сведения. Не довольствуясь перепиской, Екатерина устраивала и личные

свидания. Так, она потребовала, чтобы принц Генрих, брат Фридриха II, поехавший в 1770 г. с визитом в Швецию, оттуда заехал и в Петербург. В 1780 г. состоялось свидание Иосифа II и Екатерины в Могилеве. Она добилась в 1787 г. участия его в поездке в «Тавриду», несмотря на явное желание императора уклониться от встречи, которая к очень многому обязывала. Во время этих встреч «коронованных особ» между развлечениями и обедами в шутливых разговорах разрешались важнейшие вопросы международной политики.

Из старых приемов дипломатического воздействия при Екатерине II особенно широко применялась демагогическая агитация среди православного населения в чужих странах. Известно, как использовала царская дипломатия диссидентский вопрос для вмешательства в дела Речи Посполитой. Во время первой турецкой войны правительству Екатерины II удалось вызвать восстание на островах Архипелага, и впервые в Кучук-Кайнарджийский договор с Турцией внесены были статьи, касавшиеся религиозных прав христианского населения Турции. Той же политики держалась Екатерина и в отношении Крыма. Под предлогом спасения местных христиан — греков и армян — от насилия со стороны татар, все они принудительно были выселены в 1779 г. на побережье Азовского моря. Словом, всюду в отношении христиан «царизм мог принять позу «освободителя»[1], чтобы достигнуть своих собственных целей.

В области дипломатического этикета Россия во второй половине XVIII века уже ничем не отличалась от Западной Европы. Впрочем, русская практика вносит некоторые уточнения в деталях. Так, в 1750 г. Елизавета Петровна решила допускать к аудиенциям только послов, посланников и «полномочных министров», а простые министры и резиденты должны были вручать свои грамоты в Коллегии иностранных дел. При Екатерине II введено было одно новшество, которое должно было подчеркнуть высокое положение России среди прочих государств Европы. При официальном представлении императрице иностранные послы должны были употреблять международный в то время французский язык, на каковом отвечала и императрица; если же посол произносил приветствие на своем родном языке, то она отвечала по-русски, хотя, как известно, сама говорила на русском языке не вполне правильно. Так, когда лорд Букингем приветствовал Екатерину на английском языке, она отвечала по-русски; его преемник Макартней, чтобы выслужиться перед императрицей, произнес речь на французском языке. Ту же цель — не уронить достоинства России — имело требование, чтобы послы при пред-

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 9.

ставлении целовали руку императрицы; из-за этого произошел конфликт в 1762 г. с австрийским послом графом Мерси, который сперва отказался выполнить эту церемонию под предлогом, что она не принята при венском дворе, а затем потребовал было обязательства, что и русский посол в Вене будет целовать руку австрийской императрице, но должен был уступить и в этом. Очень большую щепетильность проявляло правительство Екатерины II и в вопросе о ее титуле. В 1766 г. французский двор отказался к титулу «Majesté» («величество») прибавить «Impériale» («императорское»), утверждая, будто такое добавление противно правилам французского языка. Екатерина написала по этому поводу не лишенную достоинства резолюцию: «противу же правилам языка и протокола российского принимать грамоты без надлежащей титулатуры». Что касается дипломатического местничества, столь характерного для XVII века, то оно продолжало существовать лишь в той мере, в какой было признано в западноевропейском обиходе. Более того, в Петербурге дипломатический этикет соблюдался менее строго, чем в других западноевропейских государствах, но когда французское правительство рекомендовало своим представителям «повсюду настаивать на первенстве перед русскими добровольно или насильственно», то и Панин предложил русским послам «защищать свое место добровольно или насильственно». Свой взгляд на значение дипломатического этикета в отношении между государствами Панин определял так: «Этикет, регулирующий форму их корреспонденции, тем более строг, что он служит мерилом их взаимного уважения и взаимного почтения к своим силам».

Дипломатические учреждения России 1726—1796 гг.

Сложность дипломатической деятельности во второй половине XVIII века поставила на очередь реорганизацию учреждения, ведавшего внешнеполитическими сношениями. При Петре I иностранная коллегия была еще сравнительно небольшим учреждением (в 1718 г. в ней числилось всего 120 служащих); в 1762 г. их было уже 261. Бюджет ее достигал более полумиллиона рублей. Коллегия имела президента, носившего обычно звание канцлера, и вице-президента и делилась на 1) Секретную экспедицию, или политический департамент, в котором между двумя чинами распределялись дела европейские и азиатские, и 2) Публичную экспедицию, в которой отдельные лица заведывали «управлением казной», «текущими делами», «почтовыми делами» и в которую входил, кроме того, «церемониальный департамент». Предполагалось, что дела вершились коллегиально. Фактически хозяевами были президент и его заместитель, хотя Екатерина II еще в 1781 г. указом напоминала о необходимости делать все дела сообща. Во время длительных отъездов двора в Москву (при

Петре II и Елизавете Петровне) коллегия переезжала с ним, и в Петербурге оставлялась для текущих дел «Петербургская контора».

Значение внешней политики в государственной жизни Империи требовало сосредоточения дел, связанных с этой отраслью управления, и приближения их к носителю верховной власти, без санкции которого не могло быть принято ни одно решение. Такую цель преследовал основанный в 1726 г. Верховный тайный совет, в котором наряду с другими делами докладывались и обсуждались «министерские реляции и доношения». Тесная связь существовала у иностранной коллегии и с «кабинетом», учрежденным Анной Ивановной в 1731 г. В 1756 г., в связи с началом военных действий против Пруссии, Елизавета Петровна, по предложению Бестужева-Рюмина, учредила особую «конференцию при императорском дворе» из доверенных сановников, дабы «с потребной скоростью и силой» управлять движением войск. В конференции, кроме чисто военных вопросов, обсуждались и дела внешней политики. При Екатерине II в 1768 г., в связи с войной с Турцией, был образован особый совет для обсуждения дел военных и политических. Совет должен был решать только общие вопросы, не входя в детали. Однако при императрице, которая лично решала все основные вопросы внешней политики, совет не мог играть большой роли.

Коллегиальная организация управления внешней политикой, установленная в XVIII веке, была, несмотря на выяснившиеся ее недостатки, отменена только в XIX веке. Впрочем, учреждение министерств при Александре I по манифесту 8 сентября 1802 г. коснулось сравнительно мало Коллегии иностранных дел. Она продолжала существовать под руководством министра и его товарища; но постепенно ее значение умалялось и, наоборот, усиливалась единоличная власть министра. Окончательно коллегия была уничтожена указом 10 апреля 1832 г. и вместо нее было создано Министерство Иностранных Дел.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

ДИПЛОМАТИЯ В НОВОЕ ВРЕМЯ (1789—1871 гг.)

ВВЕДЕНИЕ

Дворянско-династической дипломатии абсолютных монархий XVIII века был нанесен сокрушительный удар Французской буржуазной революцией 1789—1794 гг. Этим событием открывается период побед и утверждения капитализма в передовых странах.

В противовес дворянско-династической внешней политике и самовластию абсолютных монархов победившая буржуазия выдвинула принцип верховенства нации. Нацию буржуазия отождествляла с собой. Поэтому в ее понимании верховенство нации имело классово ограниченный смысл буржуазного господства. Впервые принцип верховенства нации был провозглашен в области дипломатии в Соединенных штатах Америки в период борьбы за независимость (1775—1782 гг.). Дальнейшее развитие этот принцип получил во время Французской буржуазной революции конца XVIII века.

Буржуазия, победившая во Франции в годы революции, требовала подчинить ее классовым интересам все управление внешней политикой. Стараясь доконать остатки феодально-монархических сил, она провозгласила лозунги равенства народов, их свободы и братства. Она демонстративно отвергла политику завоеваний и тайных договоров. Но провозглашенная таким образом новая внешняя политика не получила осуществления и осталась в рамках словесных деклараций, если не считать отдельных попыток практического ее применения в период до термидорианского переворота 27 июля 1794 г.

После 9 термидора начинается восстановление институтов и методов дипломатии абсолютизма. Переходя к завоевательной внешней политике и овладев старой государственной машиной, победившая буржуазия не стремится ее сломать: она желает использовать государственный аппарат и приемы дипломатии абсолютных монархий, лишь видоизменив и приспособив их к собственным классовым целям.

Завершение этого процесса происходит в пору термидорианской реакции и Директории. В эти годы восстанавливается министерство иностранных дел, воскресают ранги французских дипломатических представителей, возрождаются прежние формы дипломатических сношений и переписки. В дальнейшем сохраняется и влиятельная каста профессиональных дипломатов, вербуемых преимущественно из верхушки дворянской знати.

Со временем, однако, на руководстве внешней политикой сказалось упрочение парламентского строя и буржуазно-демократических свобод в передовых странах. Пресса и борющиеся политические партии приобретают значительное влияние на дипломатию. В дипломатические сношения вносится больше гласности. Деятельность министров иностранных дел и послов подвергается некоторому контролю представительных учреждений. Влияние прогресса техники, в частности усовершенствование средств связи, также оказывает воздействие на организацию управления внешней политикой: большая быстрота сношений способствует и большей централизации и оперативности дипломатического руководства.

Сохранив методы и институты дипломатии абсолютных монархий, победившая буржуазия внесла в нее свою идеологию и классовые интересы. XIX век уже не знает обмена мелких территорий между династиями. Вопросы династических браков и наследств уже не играют прежней роли в международных отношениях. Зато особое значение приобретают вопросы таможенной политики и торговые договоры. В дипломатии находит свое выражение борьба промышленной буржуазии за рынки сбыта своих товаров.

Борьбу в области внешней политики буржуазия вела и против феодально-абсолютистской реакции. В дипломатии эта борьба принимала форму столкновения принципов, выдвигаемых различными правительствами. Феодально-монархическая дипломатия провозглашала принцип вмешательства во внутренние дела других держав для подавления революций и лозунг легитимизма — для восстановления низвергнутых династий. Наоборот, буржуазная Англия и Июльская буржуазная монархия во Франции выдвинули принцип «невмешательства» как средство дипломатической защиты своих интересов. Борьба этих принципов представляет характерную особенность европейской дипломатии первой половины XIX века.

Конкретное направление дипломатической деятельности периода победы и утверждения капитализма в передовых странах определялось основными линиями их внешней политики.

В центре международной политики периода 1789—1794 гг. стоит борьба французской революции с контрреволюционной коалицией, руководимой Англией.

В последние годы революции и в период 1794—1815 гг. основное явление международной жизни представляет борьба буржуазной Франции с Англией за европейскую и мировую гегемонию. Победа в этой борьбе оказывается на стороне Англии. Промышленное преобладание, господство на море и огромные богатства, награбленные английской буржуазией еще в период первоначального накопления, содействуют ее торжеству над Францией: после разгрома наполеоновской империи на долгие годы утверждается мировая торгово-промышленная и морская гегемония Великобритании. Как и ранее, Англия и в XIX столетии ведет войны на континенте чужими руками, приобретая союзников за денежные субсидии. Этот метод остается одной из основ британской дипломатии.

Поражение Наполеона обусловлено было тем, что он столкнулся с силами, превосходящими мощь Французской империи. Стремясь подчинить французской буржуазии всю Европу и сломить английскую гегемонию континентальной блокадой, Наполеон вызвал противодействие трех факторов: промышленной Англии, национально-освободительных движений в Европе и мощного оплота феодально-абсолютистской реакции в лице военно-феодальной Российской империи.

Разгром Наполеона завершается в 1815 г. попыткой Англии, России, Австрии и Пруссии на Венском конгрессе поделить территорию Европы в соответствии со своими интересами.

С Венского конгресса в Европе установилось господство великих держав — главных участников конгресса. После принятия Франции в число этих держав их стало пять — Англия, Россия, Австрия, Пруссия и Франция. До середины XIX века руководящую роль играли первые три государства. Дипломатические отношения держав с 1815 по 1850 г. развиваются в условиях преобладания и взаимного соперничества промышленной Англии, военно-феодальной России и полуфеодальной Австрийской империи.

Три основных фактора определяли направление внешней политики великих держав в период деятельности Священного союза. То были столкновения их захватнических интересов, национально-освободительные движения, буржуазные революции, порождаемые успехами капиталистического развития.

Попытка великих держав восстановить феодальный строй после разгрома Наполеона I была обречена на неудачу. Во-первых, она противоречила процессу капиталистического развития Европы и росту молодых национальных государств. Буржуазные революции 20-х, 30-х и 40-х годов XIX века подрывали феодализм и неограниченную власть монархов. Во-вторых, в Священном союзе пытались сотрудничать государства с явно противоречивыми стремлениями.

Основные международные противоречия, которые разложили Священный союз, сводились к противоположности интересов промышленно-капиталистической Англии и феодально-монархических государств — России и Австрии. Эта противоположность сказалась на отношении всех трех держав к национально-освободительным движениям в Европе и Америке и в борьбе их вокруг восточного вопроса. Австрия и Россия стремились к подавлению национально-освободительных движений. Напротив, Англия в лице Каннинга поддерживала национально-освободительную борьбу испанских колоний и греков. Каннинг рассчитывал, что новые национальные государства будут нуждаться в английских деньгах, торговом флоте и товарах. Проводя такую политику, Англия отходила от Священного союза.

Отличительной особенностью английской дипломатии являлась маскировка захватнических интересов английской буржуазии принципами либерализма. На деле английская буржуазия боялась демократических и революционных движений. Она не желала предоставить политические права английскому рабочему классу и подвластным колониальным народам. В результате к середине XIX века Англия наряду с Россией стала одним из важнейших оплотов европейской реакции. Во время событий 1848—1849 гг., по словам Маркса и Энгельса, она была «контрреволюционной скалой», о которую разбивались волны революции.

В середине XIX века Англия выдвигает во внешней политике лозунг свободы торговли — фритредерства. Не боясь ничьей конкуренции благодаря подавляющему превосходству своей промышленности и флота, английская буржуазия видит в свободе торговли вернейший путь к упрочению своего монопольного положения «мастерской мира», величайшей индустриальной державы. Одновременно Англия утверждает и свою колониальную монополию: окончательное подчинение Индии и закабаление Китая посредством режима неравноправных договоров являются важнейшими шагами английского капитализма в этом направлении.

На континенте Европы в 1815—1853 гг. преобладающей державой была Россия. Российскую империю ввиду ее отсталости отличало в то время отсутствие глубоких внутренних противоречий в ее военно-феодальном строе. Это обстоятельство сообщало России мощь и обеспечивало ее руководящее положение на континенте Европы. В отличие от стран Запада в России не было развитой и политически зрелой буржуазии. Рабочий класс как революционная сила в России еще не существовал. Многомиллионное русское крестьянство, являвшееся неисчерпаемым источником живой силы для государства, находилось в положении несознательной и некультурной за-

крепощенной массы. Разрозненные вспышки крестьянских восстаний не могли серьезно ослабить силу царской полиции, армии и чиновничества. Царская Россия с ее послушной армией, с ее дипломатией, была жандармом Европы — пугалом для революционных и национально-освободительных движений в Европе. При Николае I это влияние России достигает высшего предела. В 1849 г. вооруженной силой царизма подавляется революция в Венгрии. В Германии тот же царизм мешает Пруссии, ставшей во главе объединительных стремлений германской буржуазии, добиться политического преобладания над более отсталой Австрийской империей.

Борьба с национально-освободительными и революционными движениями была основой сотрудничества Австрии и России. Однако обе державы разделялись противоречиями их интересов в восточном вопросе, в котором Россия сталкивалась не только с Англией, но и с Австрией. К концу 40-х годов XIX века все эти антагонизмы привели к окончательному разложению Священного союза, показавшему безнадежность попыток восстановить феодальный строй. Они же обнаружили безысходную непримиримость тех противоречий, которые разделяли государства Европы.

В противоположность этой непримиримости и розни, среди рабочего класса Западной Европы в половине XIX века зреет сознание великой международной солидарности пролетариата. Эта идея находит свое боевое выражение в лозунге Манифеста Коммунистической партии — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Уже в 30-х и 40-х годах XIX века европейский пролетариат поднимает свой голос в защиту национально-освободительных и революционных движений против феодально-абсолютистской контрреволюции и реакционной буржуазии. Постепенно рабочий класс становится силой, способной влиять и на дипломатию: так, во время гражданской войны в Соединенных штатах английские рабочие помешали Англии поддержать рабовладельческий Юг против Северных штатов.

В течение ряда десятилетий вожди революционного рабочего класса Маркс и Энгельс разоблачали в печати реакционную дипломатию русского царизма, Пальмерстона (Англия), Наполеона III (Франция) и Бисмарка (Германия).

В 1864 г. в Учредительном манифесте I Интернационала Маркс указал пролетариату на необходимость «овладеть тайнами международной политики», следить за дипломатией буржуазных правительств, противодействовать ей и разоблачать ее.

После подавления революций 1848—1849 гг. на целое десятилетие наступает период европейской реакции. Главнейшим внешнеполитическим событием этого периода было поражение русского царизма в Крымской войне 1853—1856 гг. Оно яви-

лось результатом отсталости и разложения военно-феодального строя России под напором развивающихся капиталистических отношений. После крымского поражения Россия перестала быть сильнейшей державой европейского континента. Постепенно она сходит на роль секунданта — спутника великих держав Западной Европы.

После Парижского мира 1856 г. преобладающей силой на континенте Европы на целое десятилетие становится империя Наполеона III. Бонапартистская монархия во Франции, державшаяся на антагонизме пролетариата и буржуазии, служившая интересам верхушки буржуазии — крупных банкиров, промышленников и спекулянтов, искала своего укрепления во внешнеполитических авантюрах, маскируя свои цели принципом восстановления национальностей в Европе. С середины 60-х годов международное влияние дипломатии Французской империи ослабело. Провал авантюр во внешней политике и рост недовольства народных масс бонапартистским режимом подрывали ее силу. Падение обманчивого могущества империи Наполеона III было связано и с внешними причинами — усилением Пруссии и Италии.

В 1859—1870 гг. отношения европейских держав развиваются под воздействием процесса национального объединения государств Германии, с одной стороны, и государств Италии — с другой. В войнах 50—60-х годов буржуазно-национальные движения были «основным объективным содержанием исторических явлений» (Ленин).

Новым явлением в 60-х годах XIX века был быстрый экономический рост Пруссии и подъем ее международного влияния. Бисмарк подготовил и осуществил «железом и кровью» объединение Германии вокруг Пруссии, ставшей в борьбе со своими соседями и соперниками первоклассной военной державой. В войне 1870—1871 гг. Пруссия разгромила Французскую империю, устранив в ее лице последнее крупное препятствие к объединению Германии. После этого Германская империя приобрела преобладающее влияние на континенте Европы. В ее лице перед Англией возник новый, опаснейший соперник.

Бурное промышленное развитие в ряде стран Европы грозило подрывом монопольного положения английской промышленности на мировом рынке. Национальное объединение дало мощный толчок промышленному подъему Германии. Рост индустрии в Соединенных штатах после победы Севера над рабовладельческим Югом, стремительное развитие промышленности в России после реформ 60-х годов содействовали обострению борьбы за внешние рынки и за раздел мира. Перед буржуазной дипломатией выдвигается новая задача — служить орудием соперничества крупнейших капиталистических

держав из-за колониальных захватов. Это соперничество держав не мешает им в известных случаях проявлять классовую солидарность перед лицом развивающегося революционного движения пролетариата. Ради подавления пролетарской революции буржуазия не останавливается и перед национальной изменой. Дипломатическое сотрудничество Тьера с Бисмарком для кровавой расправы над парижскими коммунарами является прологом к истории дипломатии в период дальнейшего развития капитализма.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДИПЛОМАТИЯ МОЛОДОЙ АМЕРИКАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (1775—1794 гг.)

1. БОРЬБА АМЕРИКАНСКИХ КОЛОНИЙ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

В 70-х годах XVIII века тринадцать английских колоний, которые занимали узкую полосу на Атлантическом побережье североамериканского континента, восстали против угнетавшей их метрополии — Англии — и образовали самостоятельное государство — республику Соединенных штатов Америки. Таким образом, эти колонии освободились от гнета Англии, которая стесняла развитие их торговли и промышленности и захватила в колониях лучшие земли для английской аристократии.

Американская дипломатия — дипломатия буржуазной республики — принесла с собой некоторые новые принципы. В знаменитой Декларации независимости, принятой 4 июля 1776 г., говорилось о том, что «должное уважение к мнениям человечества» вынуждает восставшие колонии заявить о причинах, которые побудили их к отделению от Англии. Американская республика провозгласила принципы равенства всех людей и народного суверенитета. На американской почве было посажено «Дерево свободы», и Джефферсон говорил, что, для того чтобы оно росло, надо орошать его кровью патриотов и тиранов по крайней мере каждые двадцать лет. Самая форма ведения внешних дел в республике Соединенных штатов была более или менее демократичной. Ими ведал пленум Конгресса.

Комитет для секретной корреспонденции (1775—1777 гг.)

В период от 5 ноября 1774 г. до 4 июля 1776 г. (провозглашение независимости) Конгресс не решался просить помощи у иностранных государств, так как это было бы признано государственной изменой. Зато Конгресс обращался за содействием к другим британским колониям, к народу Ирландии, был озабочен улучшением отношений с индейцами. Формальное учреждение органа, соответствующего министерству иностранных дел, имело место 29 ноября 1775 г. Тогда был назначен Комитет

для секретной корреспонденции с друзьями колоний в Великобритании, Ирландии и в других частях мира [1].

Миссия Сайласа Дина

3 марта 1776 г. Секретный комитет послал члена Континентального конгресса Сайласа Дина во Францию в качестве тайного агента. Ему было поручено добиться помощи от Франции, враждебность которой к Англии была общеизвестна. Еще с 1763 г., со времени начала конфликта колоний с Англией, Франция имела в Америке секретных агентов, донесения которых прочитывались Людовиком XVI.

После начала войны за независимость французское правительство поручило деликатную миссию сношения с американцами знаменитому драматургу, автору «Севильского цирюльника» и «Женитьбы Фигаро», Бомарше. Последний в целях конспирации учредил фиктивный торговый дом «Родриго Горталес и К°». При содействии Бомарше Сайлас Дин организовал отправку в Америку волонтеров-офицеров и оружия из французских арсеналов. Молодой французский военный — Лафайет на собственные средства снарядил корабль и сам на этом корабле отплыл в 1777 г. в Америку. Этот корабль назывался «Победа».

Искренний друг восставших колоний, Бомарше с необычайным энтузиазмом выполнял свою секретную миссию. Он писал Конгрессу: «Ваши депутаты, джентльмены, найдут во мне верного друга, в моем доме — надежное убежище, в моих сундуках — деньги, а также полное содействие для реализации своих заданий, будут ли они официального или секретного свойства».

Когда Дин явился в Париж и связался с Бомарше, тот посвятил американца во все дела, не сказав, однако, самого главного: что он, Бомарше, является неофициальным агентом французского правительства. Как потом оказалось, предосторожность была нелишней. Дин обо всем рассказывал Эдуарду Банкрофту, тоже американцу, секретному агенту

---

[1] Комитет для секретной корреспонденции существовал до апреля 1777 г., когда был заменен Комитетом по иностранным делам. С 1781 г. был учрежден Департамент иностранных дел, а с ноября этого года во главе его стоял в качестве статс-секретаря Роберт Ливингстон.

Статс-секретарь в правительстве Соединенных штатов занимает особое положение. Государственный департамент Соединенных штатов хранит большую печать, опубликовывает законодательные акты и договоры, выдает дипломатические паспорта. Статс-секретарь ведает перепиской президента с губернаторами штатов. В случае смерти президента и вице-президента или в случае отсутствия последнего статс-секретарь выполняет обязанности президента. Поскольку президент возглавляет правительство, а вице-президент активного участия в политике не принимает, статс-секретарь фактически является заместителем президента в качестве главы правительства.

Конгресса во Франции, который одновременно являлся тайным осведомителем английского правительства.

Помощь, полученная американскими колониями при содействии Бомарше и Сайласа Дина, была значительной. Действуя от имени фирмы «Родриго Горталес и К°», Сайлас Дин добыл одежду для 20 тысяч человек, 30 тысяч мушкетов, 100 тонн пороха, 200 пушек. Фирма «Горталес и К°» просуществовала с 1776 по 1783 г. и израсходовала за это время свыше 21 миллиона ливров. Трудно сказать, какая часть этих денег была получена от Франции, какая путем реализации товаров, присылавшихся Конгрессом из Америки. Дин получил еще 300 тысяч долларов от испанского правительства.

Английское министерство иностранных дел, хорошо осведомленное о подлинном характере деятельности Дина, заявило протест и начало захватывать корабли, зафрахтованные фирмой «Горталес и К°».

Вениамин Франклин

После провозглашения Декларации независимости явилась возможность послать во Францию официального представителя Соединенных штатов. Удачный выбор посла имел огромное значение. Американцев очень мало знали в Европе, там коверкали даже имя Вашингтона. Однако молодая Американская республика сумела найти такого посла, которого знала вся передовая Европа.

Послом в Париж был назначен единственный американец, который стяжал к тому времени европейскую известность, человек разносторонних дарований, много лет живший в Англии в качестве представителя колоний, имевший большие личные связи и во Франции. То был Вениамин Франклин. Его по справедливости можно считать одним из самых передовых людей своего времени.

В противоположность многим своим согражданам, в жизни которых умственные интересы играли незначительную роль, Франклин был выдающимся мыслителем, ученым и общественным деятелем. Он сделал важнейшие открытия в области электричества и был автором теории кораблестроения. Его познания в области политической экономии высоко оценил впоследствии Маркс. Франклин был избран членом английского Ученого королевского общества и получил за свои научные труды золотую медаль Коплея.

В 1775 г., уже после начала войны североамериканских колоний с Англией, Франклин выступил в палате лордов в Англии как представитель Конгресса. Как условие примирения Франклин выдвинул 17 требований колоний. Когда лорды обрушились на Франклина бурей негодования, на защиту его стал лорд Чатам. Он заявил: «Этот человек, которого вы видите перед собой, делает честь не только

английской нации, но и всему человечеству». Франклин спокойно ответил лордам на их обвинения, но в письме Конгрессу по поводу этого заседания излил свое возмущение. «Глядя на них, я думал, что они даже не настолько умны, чтобы управлять стадом свиней. Наследственные законодатели! Уж лучше иметь наследственных профессоров математики, как это делается в некоторых немецких университетах. По крайней мере это не ведет к таким пагубным последствиям. Да и нижний, избранный парламент не лучше верхнего...» — писал Франклин.

Приехав первый раз в 1767 г. во Францию как частное лицо, Франклин сменил свой скромный провинциальный квакерский костюм на модный кафтан и даже надел напудренный парик. «Подумайте только, — писал он, — какой у меня вид с маленькой косичкой и открытыми ушами». В первый свой приезд Франклин подчинился парижской моде, но приехав во Францию второй раз в 1776 г. в качестве посла Американской республики, он продолжал ходить в скромном коричневом кафтане; волосы его были гладко причесаны, парик заменяла шапка из куньего меха. Но симпатии передовых кругов французского общества к американской демократии были так сильны, популярность Франклина так велика, что ему не только простили его эксцентричность, но даже сделали его образцом моды. Парикмахеры изобрели прическу *à la* Франклин, парижские франты снимали парики и делали себе эту прическу. Бюсты и портреты Франклина украшали витрины магазинов и буфеты кафе. Изображения Франклина встречались на кольцах, в медальонах, на тросточках и табакерках. Если, приехав в Париж в первый раз, Франклин подчинился парижской моде, то в свой второй приезд он стал ее законодателем.

Франклин установил хорошие отношения не только с французским правительством, но и с дипломатическим корпусом. Он использовал старинное соперничество Франции и Англии, с одной стороны, и симпатии передовых элементов французского общества к Американской республике — с другой, чтобы оказать давление на Людовика XVI и на двор с целью вовлечь Францию в войну с Англией.

Назначение Франклина послом было по достоинству оценено в Англии. Лорд Рокингем заявил, что появление Франклина в Париже — более серьезный удар по Великобритании, чем для колоний недавнее взятие Нью-Йорка англичанами.

Английский посол в Париже лорд Стормонт пригрозил, что покинет Париж, если «главе американских мятежников» будет разрешено там появиться. Из этого трудного положения французский министр иностранных дел Вержен нашел такой выход: он ответил, что Франклину было послано в Нант

запрещение въезда в Париж, но что письмо не дошло по адресу. Теперь, когда Франклин уже находится в Париже, изгнать его было бы «скандальным негостеприимством» и нарушением обычаев цивилизованных народов. Таким образом, Франклин, восторженно встреченный, появился в Париже.

Говоря о своем пребывании во Франции, Франклин отметил, что он представлял «в своем собственном лице американское правительство в Европе и был вынужден действовать не только как посол, но и в качестве военного и морского департаментов, казначея, призового суда, бюро по оказанию помощи пленным и по обмену их, консула, а также торговца товарами, прибывшими из Америки».

Конгресс послал Франклина в Париж, присоединив к нему на равных правах еще двух сотоварищей — энергичного, экзальтированного, но излишне доверчивого Сайласа Дина и вечно всех подозревавшего Джона Джея, верховного судью штата Нью-Йорк. Кроме этих трех основных членов миссии, в состав ее входили еще член Конгресса, делегат от Виргинии, видный публицист Артур Ли и Эдуард Банкрофт, тайный шпион английского правительства [1].

Помощь французского правительства американским колониям

23 декабря 1776 г. Франклин, Дин и Ли обратились к министру иностранных дел Вержену с первой в американской истории формальной дипломатической нотой. В этой ноте и в переговорах американцы предлагали заключить договор о торговле и о союзе с Америкой и просили о посылке восьми военных кораблей, чтобы выручить суда фирмы «Горталес», блокированные английскими крейсерами. В ответ на это Вержен обещал тайную помощь. Действительно, в течение года французское правительство выдало американцам 2 миллиона ливров в качестве дара, кроме того, дало взаймы еще 1 миллион. Однако основной вопрос — о союзе — Вержен пока отказался рассматривать.

Из ненависти к англичанам французское правительство оказывало американцам денежную помощь, но все же рассматривало американцев как «мятежников». Желая помочь американским колониям, их друг Бомарше обратился к Людовику XVI с письмом. Он заверял короля, что помощь американцам будет оказываться только для того, чтобы уравнять их силы с английскими и затянуть войну до бесконечности. Мысль эта показалась Людовику XVI дельной. Однако даже и такая помощь «мятежникам» беспокоила короля. Он считал, что, соглашаясь помочь американцам, он поступает нехорошо. Все же помощь была оказана.

[1] С 1778 г. Франклин был назначен единоличным послом.

Заключение союзного и торгового договора между Францией и Соединенными штатами (6 февраля 1778 г.)

Между тем положение колоний было близко к катастрофе. В августе 1777 г. послы Американской республики представили французскому правительству меморандум. В нем говорилось, что, в случае если Франция не сумеет оказать более эффективную помощь, американские колонисты заключат с Англией мир. Во Франции поняли, что эта угроза вполне реальна, тем более что и в Америке и в Англии имелись сторонники прекращения войны. Несмотря на это, Вержен не спешил с ответом. Тогда Конгресс начал переговоры с Англией. Однако вследствие успехов английских войск эти переговоры были прерваны английской стороной. В декабре 1777 г. из Америки пришла в Париж депеша о крупной победе американцев под Саратогой над английским генералом Бургойном и о взятии его в плен с армией в 6 тысяч человек. Но и после этой победы французское правительство не сразу решилось оказать Америке более осязательную поддержку. Вержен придавал большое значение ходу возобновившихся переговоров о мире между Соединенными штатами и Англией. Для того, чтобы узнать о результате этих переговоров, он нанял шпиона — владельца дома, в котором жили Франклин и Дин. Этот шпион подслушивал у дверей и собирал сведения другими подобными способами. Он сообщил Вержену, что переговоры идут полным ходом, и что мир скоро будет подписан. Победа под Саратогой и донесения шпиона убедили Вержена и Людовика XVI в том, что надо действовать немедленно: дальнейшее промедление могло обеспечить победу Англии и грозило потерей Францией вест-индских колоний. Тесно связанный с Франклином, Бомарше усиленно убеждал Людовика XVI в необходимости союза с Соединенными штатами.

6 декабря Вержен сообщил, что французское правительство решило начать переговоры о союзе. Этой мерой Вержен хотел продлить войну между колониями и Англией для дальнейшего истощения обеих сторон. Получив обещание союза, Соединенные штаты прервали переговоры с Англией. Однако Вержен, добившись этого результата, снова перестал спешить. Он сообщил Франклину, что договор о союзе будет заключен только после того, как к нему присоединится Испания. Между тем ответ от испанского правительства не мог быть получен по той простой причине, что Вержен и не запрашивал мнения Мадрида по этому поводу. Наконец, 6 февраля 1778 г. Франклин подписал два исключительно важных договора с Францией — о союзе и о торговле. Договор о союзе, означавший для Франции вступление в войну с Англией, был составлен на началах полного равноправия обеих сторон. По этому договору Франция гарантировала независимость Соединенных штатов.

В то же время Соединенные штаты давали гарантию французским владениям в Америке. Соединенные штаты получали право заявить притязания на британские владения на американском континенте, на Бермудские острова, а Франция — на вест-индские владения Англии.

В 1778 г. вместо Сайласа Дина, которого обвинили в разглашении условий секретного договора о союзе с Францией, был прислан из Америки Джон Адамс.

Попытки Конгресса завязать дипломатические отношения с европейскими государствами

По общепринятым правилам дипломатии посол в какую-либо страну может быть назначен только с согласия ее правительства. Адамс предложил Конгрессу пренебречь этими правилами. Он советовал назначить послов во все страны, с которыми Соединенные штаты желали иметь отношения, без согласия правительств этих стран. Франклин протестовал. Но он был лишь одним из трех членов посольской комиссии, и его заставили подчиниться большинству.

Артур Ли был послан в Мадрид — испанское правительство остановило его в пути. Тогда он получил назначение в Берлин, явился туда, но не был принят Фридрихом II. Его брат Уильям Ли был послан в Берлин и в Вену, но не попал ни в одну из этих столиц и остался в Париже, проводя время в ссорах с Франклином. Адамс был направлен в Гаагу, но не добился признания Соединенных штатов Голландией. Несколько позже Френсис Дана безуспешно пытался получить признание своей страны при дворе Екатерины II[1].

Вступление Франции и Испании в войну против Англии (1778—1779 гг.)

После заключения договора 1778 г. английское господство на море было подорвано. Против Англии выступили две сильные морские державы — Франция и Испания. Все же Англия продолжала претендовать на господство на морях: она захватывала суда нейтральных держав, чтобы пресечь торговлю с воюющими против нее странами. В 1779 г. Георг III обратился к Екатерине II с тревожным письмом следующего содержания:

«Сестра моя!.. я восхищен был величием ваших талантов, благородством ваших чувств и широтой ваших взглядов. Нынешнее положение в Южной Европе представляет этим

---

[1] 27 апреля 1793 г. Дана писал русскому вице-канцлеру Остерману, что их (штатов) «независимость была признана Англией без малейшего ограничения; что эта независимость неизменна по своей природе, и что поэтому справедливость и беспристрастие императрицы всея Руси не могут поставить никаких препятствий для допущения к своему двору посла Соединенных Штатов Америки» (*Гафкэ*, Гос. Архив. XV, № 214). Однако Екатерина II вежливо, но твердо отклонила признание Американской республики, выдвинув формальные мотивы.

качествам новую возможность выгодно развернуться и довершить славу вашего царствования. Намерения врагов моих, будь они даже тщательно маскируемы, не могли бы ускользнуть от проницательного взора вашего величества. Но враги мои и не пытаются вовсе скрыть их: они с аффектацией открывают их всем, хвастают своими проектами и чаяниями, рассчитанными единственно на то, чтобы перевернуть всю Европу вверх дном. Их проекты могут осуществиться, если в такой критический момент ваше величество останется равнодушным зрителем. Применение, даже частичная демонстрация, морских сил могли бы восстановить и укрепить спокойствие Европы, рассеять организовавшуюся против меня лигу и утвердить систему равновесия, которую эта лига стремится уничтожить. Я желал бы и всегда буду желать мира, но на условиях, гарантирующих сохранение моих прав, интересы моих друзей и союзников, нераздельно связанных с нашими, на условиях, соответствующих достоинству моей короны.

Пребываю, сестра моя, вашего императорского величества искренне любящий брат *Георг.*

Государыне императрице всея России» [1].

Вооруженный нейтралитет 1780 г.

Убедившись, что положение Георга III на самом деле является затруднительным, и, как можно полагать, под влиянием донесений русского посла в Гааге Голицына о росте антианглийских настроений в Голландии, Екатерина II решила произвести морскую демонстрацию, но не в пользу Георга III, а против него. Россия взяла на себя инициативу объединения северных нейтральных стран для того, чтобы силой ответить на нападения английского флота на их купеческие суда. Объявление вооруженного нейтралитета нанесло сильнейший удар попытке Англии блокировать противников. Англия уже находилась в войне с американскими колониями, Францией и Испанией. Теперь еще целый ряд государств был готов вступить с ней в войну, в случае если бы Англия продолжала нарушать их торговлю. К северным странам — России, Голландии, Дании и Швеции — присоединились Пруссия, Австрия (1781 г.), Португалия (1782 г.) и Королевство Обеих Сицилий (1783 г.). В 1782 г. в войну против Англии вступил один из крупнейших участников вооруженного нейтралитета — сильная морская держава Голландия. Теперь господство Англии на море было безусловно подорвано. Но в Америке англичане одерживали победы. В трудный момент, когда английские войска сожгли ряд городов на Юге, и когда английский генерал Корнваллис занял Южную Каролину и двигался

[1] *Гафкэ*, Гос. Архив. «Сношения России с Англией», IV, 1774—1779, № 10, из письма Георга III от 5 ноября 1779 г.

на Виргинию, Конгресс послал своего уполномоченного Лоренса за помощью к Франклину. Франклину удалось добиться от Франции новой субсидии. Он получил для Америки крупный заем, послал туда амуницию и оружие на 20 тысяч человек. 26 линейных кораблей и несколько фрегатов повезли в Америку новые подкрепления.

Больной, 74-летний Франклин просил Конгресс освободить его от непосильной службы и позволить вернуться на родину, но Конгресс не согласился устранить Франклина «от службы обществу» и просил оказать «последнюю услугу» Соединенным штатам — вести с Англией переговоры о мире. Франклин остался на своем посту.

Мирные переговоры

В 1781 г. при Йорктауне английские войска потерпели решительное поражение. Корнваллис со своей армией сдался Вашингтону. В то же время в Англии пришли к власти виги, которые стояли за мир с колониями. Начались мирные переговоры. Со стороны Америки эти переговоры вели Франклин, Джон Джей и Джон Адамс. В переговорах видную роль сыграл Джон Джей. Он происходил из французской гугенотской фамилии, обосновавшейся в свое время в Нью-Йорке. С 1777 по 1779 г. он был главным судьей этого штата. В 1779 г. Джей удалился от общественных дел, занятый своими торговыми делами. К этому времени он был одним из богатейших людей в Нью-Йорке.

Джею стало известно, что при содействии Франции Англия и Испания собираются поделить между собой американский Запад, и что Франция ничего не имеет против того, чтобы мир был заключен в ущерб Соединенным штатам. Тогда, не говоря ни слова Франклину, которого Джей обвинял в излишней доверчивости и пристрастии к Франции, он вступил (11 сентября) через одного из английских агентов в Париже в непосредственные переговоры с британским правительством. В это время в Англии руководящей фигурой в кабинете стал Шелберн, который решил разъединить врагов и вести переговоры с каждым в отдельности. Он принял предложение Джея. Дальнейшие переговоры велись втайне от Франции.

Американские уполномоченные имели инструкцию от Конгресса вести все переговоры с ведома Франции. Однако Джей завербовал себе в союзники Джона Адамса и действовал помимо инструкций Конгресса, втайне от Вержена и не всегда считаясь с Франклином. В результате Англия признала независимость колоний и заключила с ними договор на началах полного равноправия.

Условия этого договора были выработаны в Париже в 1782 г., а в окончательном виде он был подписан в следующем году в Версале, почему и получил название Версальского договора 1783 г.

В статье 1 договора говорилось: «Его британское величество признает означенные Соединенные штаты, а именно: Нью-Гемпшир, Массачузетс-бэй, Род-Айленд и плантации Провиденс, Коннектикут, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильванию, Делавер, Мэриленд, Виргинию, Северную Каролину, Южную Каролину и Георгию свободными, суверенными и независимыми штатами и договаривается с ними, как с таковыми. За себя, за своих наследников и своих преемников король отказывается от всех претензий на управление, собственность и территориальные права этих штатов и каждой части их».

Статья 7 гласила: «Это будет прочный и постоянный мир между его британским величеством и означенными Соединенными штатами и между подданными короля и гражданами Соединенных штатов, ввиду чего все враждебные действия с обеих сторон на море и на суше будут отныне прекращены. Все пленные обеих сторон будут выпущены на свободу, и его британское величество со всей возможной быстротой, не причиняя никакого разорения, не забирая негров либо иной собственности американских жителей, уведет все свои войска, гарнизоны и флоты из означенных Соединенных штатов и из каждого порта, пункта и гавани в пределах таковых, оставляя во всех крепостях американскую артиллерию, которая может там оказаться...»[1]

В статье 8 оговаривалось, что «плавание по реке Миссисипи от истоков к океану навсегда станет свободным и открытым для подданных Великобритании и граждан Соединенных штатов».

Остальными статьями разрешались вопросы о рыбной ловле в Северной Америке, о взаимном урегулировании долговых обязательств между гражданами воюющих сторон, предусматривалось возмещение за имущество, конфискованное в различных штатах во время войны у сторонников англичан, и т. д.[2]

После заключения Версальского договора Франклину досталась тяжелая миссия — уладить отношения Америки с Францией. Он выполнил это со свойственным ему умением.

Весьма высоко оценил американскую дипломатию периода войны за независимость Ленин. В письме к американским рабочим, переправленном с большими трудностями за океан в 1918 г., Ленин отметил:

«Американский народ давно применил, и с пользой для революции, эту тактику... В своей трудной войне за осво-

[1] Фактически о прекращении военных действий было объявлено 20 января 1783 г.

[2] Отрывки из договора цитированы по рукописи подготовляемого Институтом истории Академии наук СССР к печати «Сборника документов по новой истории» (т. I, вып. 2, гл. 2).

бождение американский народ заключал тоже „соглашения" с одними угнетателями против других, в интересах ослабления угнетателей и усиления тех, кто революционно борется против угнетения, в интересах *массы* угнетенных. Американский народ использовал рознь между французами, испанцами и англичанами, он сражался даже иногда вместе с войсками угнетателей-французов и испанцев против угнетателей англичан, он победил сначала англичан, а потом освободился (частью при помощи выкупа) от французов и от испанцев»[1].

В 1785 г. Франклин, которому было тогда уже семьдесят девять лет, получил разрешение вернуться на родину. Он отдал свои последние силы служению родине на посту ее представителя в другой стране. Когда разрешение было получено, Франклина на носилках доставили из Парижа в Гавр, где его перенесли на корабль. Он вернулся на родину, восторженно встреченный своими соотечественниками. «Я прожил свою жизнь счастливо», — записал Франклин в своих мемуарах.

С точки зрения дипломатической истории наибольший интерес в последующий период представляют взаимоотношения Соединенных штатов и Франции. Договор 1778 г. о союзе между этими государствами имел свой эпилог в 1793 г.

2. ОТНОШЕНИЯ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ С ФРАНЦИЕЙ ВО ВРЕМЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Деятельность французского посла Женэ в Америке (1793—1794 гг.)

В связи с прибытием в Соединенные штаты нового французского посла «гражданина Женэ» произошел ряд инцидентов, далеко выходящих из рамок обычной дипломатической практики. Эдмонд Женэ был назначен послом Французской республики в Соединенные штаты в 1792 г., при господстве в Конвенте жирондистов. В Америку Женэ явился 8 апреля 1793 г., в период ожесточенной борьбы жирондистов и якобинцев. Обычно посол прежде всего предъявляет свои грамоты тому правительству, при котором аккредитован. Но Женэ, высадившись не в Филадельфии, а в Чарлстоне, сразу принялся действовать. При этом он исходил из убеждения, что союзный договор 1778 г. между Соединенными штатами и Францией сохраняет силу, и что Соединенные штаты являются союзником Франции в ее войне против Англии и Испании.

В короткое время Женэ снарядил около 300 каперов из американских кораблей для борьбы против английского флота.

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XXIII, стр. 183.

Захваченные этими каперами английские суда приводились в американские гавани; там с ними поступали, как с военным призом. Против Испании была сформирована из американских колонистов сухопутно-морская военная экспедиция в бассейн реки Миссисипи; был начат поход на Запад, чтобы завоевать Луизиану и присоединить ее к Франции. При содействии Женэ в Америке образовался ряд демократических клубов. Народные массы приветствовали Женэ. К нему был весьма расположен и статс-секретарь Соединенных штатов Джефферсон.

Правительству Соединенных штатов, осведомленному о действиях Женэ, резко нарушавших общепринятые международные нормы, приходилось решать вопрос о своем отношении к войне между Францией и Англией и к послу, действующему столь необычными методами. Джефферсон и один из наиболее влиятельных членов Конгресса, Медисон, настаивали на выполнении обязательства союзного договора с Францией: оба стояли за войну. Однако они оказались в меньшинстве. Победила точка зрения консервативных федералистов, представлявших интересы торгово-промышленной буржуазии северо-восточных штатов, Гамильтона и Джея. 22 апреля 1793 г. Вашингтоном была подписана прокламация о нейтралитете. Хотя слова «нейтралитет» в ней и не содержалось, но в ней говорилось о «дружественном и беспристрастном» отношении к воюющим державам. Все граждане Соединенных штатов предупреждались против проявления враждебности в отношении воюющих сторон; контрабандная торговля с ними запрещалась. Вопрос о признании Женэ в качестве французского посла был решен в положительном смысле, но Вашингтон принял его в комнате, украшенной портретами Людовика XVI и Марии-Антуанетты.

В июле французский фрегат «Амбюскад» захватил в американских водах британский корабль «Маленькая Сара». Женэ переименовал корабль в «Маленького демократа» и, несмотря на предупреждение статс-секретаря Джефферсона, приказал капитану тайно выйти в море для участия в военных действиях против англичан. 23 августа правительство Соединенных штатов потребовало отозвания Женэ. Тогда Женэ адресовал негодующее и оскорбительное письмо президенту. Одновременно он обратился с апелляцией к народу, опубликовав содержание своего письма в газетах.

В феврале 1794 г. Женэ был отозван якобинцами и предан суду. Он предпочел остаться в Соединенных штатах в качестве частного лица. Со своей стороны, французское правительство потребовало отозвания американского посла в Париже Морриса, который симпатизировал королю и знати. Это требование было удовлетворено.

В 1794 г. Соединенные штаты опубликовали формальную декларацию о нейтралитете. Союзный договор 1778 г. с Францией, таким образом, потерял силу.

3. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ АНГЛИИ И СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ ПОСЛЕ ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

Важнейшей проблемой дальнейшей внешней политики молодой заокеанской республики стали ее взаимоотношения с недавней метрополией — Англией. Соединенные штаты и после войны оставались в экономической зависимости от Англии. Об этом свидетельствуют следующие цифры: в 1790 г. оплачиваемый пошлинами ввоз в Соединенные штаты оценивался в 15 миллионов долларов; из них 13 миллионов долларов приходились на товары, ввозимые из Англии. Из экспорта стоимостью в 20 миллионов в Англию посылалось на 9 миллионов товаров. В Америке многие были заинтересованы в торговле с Англией и в установлении с ней хороших отношений. Так, например, стоявшие у власти федералисты Гамильтон, Джей и др. придерживались английской ориентации.

Между тем отношения Соединенных штатов с Англией налаживались с трудом. Английское правительство не оставляло мысли о возвращении себе бывших американских колоний. Пользуясь их слабостью и недостаточной централизацией, Англия не выполняла условий мирного договора 1783 г. Она не выводила своих войск из западных крепостей; она подстрекала индейцев к нападениям на западных колонистов и стесняла торговлю американцев с вест-индскими колониями.

Англо-американский договор 1794 г.

После того как в 1793 г. Англия вступила в войну с Францией, британские военные суда стали обыскивать американские суда; при этом захватывались товары как французского происхождения, так и направляемые во французские порты. Английские капитаны снимали с американских судов матросов, бывших раньше английскими подданными, исходя из принципа: «раз англичанин — всегда англичанин», и не допускали судов Соединенных штатов во французскую Вест-Индию. В ответ на эти репрессии Соединенные штаты временно запретили ввоз английских товаров. Для урегулирования конфликта в Англию был послан со специальной миссией верховный судья Джон Джей. В 1794 г. ему удалось заключить договор, который улаживал спорные вопросы.

Договор был, однако, не вполне равноправным: английские суда получили право посещать все порты Соединенных штатов,

но американские были лишены права заходить в английские владения в Северной Америке. Река Миссисипи была объявлена свободной для плавания и американцев и англичан, но в Вест-Индии американцам было разрешено вести торговлю на судах водоизмещением не более 70 тонн. При этом американцам был запрещен вывоз из Вест-Индии таких товаров, как патока, сахар, кофе, какао и хлопок. Ряд других вопросов также был урегулирован не в пользу Соединенных штатов.

Договор Джея[1] был подписан в Лондоне 19 ноября 1794 г. Доставке его в Америку мешали противные ветры в Атлантическом океане. Только через три с половиной месяца Вашингтон узнал о заключении договора и мог ознакомиться с его текстом.

Когда договор был опубликован, положение Джея оказалось незавидным. Его обвиняли в продажности, публично жгли на костре текст договора, портреты Джея, английский флаг и т. п. Так выразил американский народ свое отношение к официальной дипломатии американской буржуазной республики.

Положение Джея как лица, подписавшего договор, осложнилось еще тем, что в Сенате договор встретил сильную оппозицию и был ратифицирован без пункта о торговле с Вест-Индией. Правительству Соединенных штатов пришлось вступить в дополнительные переговоры с британским правительством, которое в конце концов пошло на отказ от этого пункта. Но договор должен был пройти еще через палату представителей. В Америке палата представителей не обладала правом ратификации договоров, однако, утверждая бюджет, она принимает или отвергает расходы, которые связаны с проведением в жизнь тех или иных договоров. На этот раз палата пожелала использовать свое право отпуска средств, для того чтобы отвергнуть договор, подписанный Джеем. Палата затребовала переписку, связанную с этим договором. Но тут вмешался Вашингтон: он квалифицировал действия палаты как неправомерные. К тому же Джей был верховным судьей Соединенных штатов и сам мог бы иметь суждение по данному вопросу. В результате воздействия Вашингтона договор был утвержден. В истории дипломатии такой случай имел место впервые.

---

[1] Настоящим его автором был Гамильтон.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЕВРОПЕЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ГОДЫ ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(1789—1794 гг.)

1. БУРЖУАЗИЯ И ДИПЛОМАТИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ МОНАРХИИ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

Буржуазия и дипломатия абсолютных монархий XVI—XVIII веков

Французская революция 1789—1794 гг., вспыхнувшая в результате резкого обострения борьбы буржуазии с феодализмом и абсолютизмом, нанесла решительный удар дворянско-династической дипломатии французской монархии.

Дипломатия французского абсолютизма и вся его внешняя политика вызывали глубокое недовольство французской буржуазии еще задолго до 1789 г. Окрепшая буржуазия не нуждалась уже в опеке абсолютизма: она не желала более сносить преобладание дворянских и династических интересов во внешней и внутренней политике. Против представления о божественном происхождении королевской власти и самовластия абсолютных монархов радикальная философия буржуазного «просвещения» XVIII века выдвинула идею суверенитета нации. Конечно, под «нацией» подразумевалось тогда третье сословие. Исходя из идеи нации, понимаемой в этом классовом смысле, буржуазия требовала национальной внешней политики вместо политики дворянской и династической. Необходимой частью буржуазной революции стало поэтому подчинение буржуазии всех средств управления внешней политикой государства. Оно последовательно осуществлялось в ходе революционных событий и было завершено в годы термидорианской реакции и Директории.

В других странах континента Европы накануне революции 1789 г. дипломатия абсолютных монархий была также подчинена в основном интересам дворянства и правящих

династий. Но в Австрии, Пруссии и особенно в России в отличие от Франции еще не было сильной буржуазии, способной бороться за политическую власть. Лишь в Англии, которая уже пережила буржуазную революцию в XVII веке, благодаря перевесу парламента над королевской властью, интересы буржуазии во внешней политике находили более полное осуществление, чем в государствах континента Европы.

Кризис дипломатии французского абсолютизма к 1789 г.

Главной основой французской дипломатии второй половины XVIII века был французско-австрийский союз 1756 г., скрепленный браком наследника престола (будущего Людовика XVI) с австрийской принцессой. Первоначально этот союз должен был прикрыть тыл Франции со стороны австрийских владений[1] и от нападения Пруссии и дать возможность бросить все французские силы на борьбу с Англией за колонии. В период Семилетней войны 1756—1763 гг. французский двор из-за семейных связей с Австрией поставлял для нее слишком много войск и денег и тем ослабил собственную страну. Австрия сделала Францию орудием своей политики. Ошибки династической дипломатии Людовика XV способствовали победе Англии в Семилетней войне и потере Францией Канады и других колоний. «Австрийская система», которую приписывали ненавистной «австриячке» — королеве, — вызывала жесточайшие нападки со стороны буржуазии. Последняя видела в Австрии своего врага и надеялась в будущем покорить австрийские Нидерланды. Союз с Австрией стал резко противоречить интересам французской буржуазии и принес Франции одни неудачи.

Второй основой французской внешней политики был союз с Испанией: он направлен был против колониального преобладания Англии. Этот союз был более популярен, чем австрийский. Но буржуазия смотрела и на него, как на дань династическим интересам. По самой форме то был «фамильный договор» между испанской и французской ветвями Бурбонской династии. К тому же французские короли не старались использовать этот союз, чтобы добиться облегчения ввоза французских товаров в испанские колонии, что сделало бы «фамильный договор» более выгодным для буржуазии. Писатели, критиковавшие дипломатию французской монархии, с точки зрения интересов буржуазии (Мабли, Фавье, Мирабо и др.), негодовали на то, что общее бессилие французской монархии, стесненной финансовым и политическим кризисом, делало ее неспособной к решительной внешней политике и поддержанию престижа Франции.

---

[1] С северо-востока Франция граничила непосредственно с австрийскими Нидерландами (Бельгия).

Несмотря на ослабление монархической Франции, борьба между ней и Англией за торговое и колониальное преобладание оставалась до 1789 г. главным вопросом международной политики.

Французская монархия вынуждена была итти на уступки Англии, несмотря на частичный успех, достигнутый в 1778—1783 гг., когда Франция и Испания помогли Соединенным штатам отстоять свою независимость. Наиболее значительной из уступок в пользу Англии, сделанных в это время французской дипломатией, был торговый договор 1786 г. Он облегчил широкий доступ во Францию британским мануфактурным изделиям, подрывал французскую промышленность, но был выгоден дворянам-землевладельцам. В те же годы, слишком слабая для самостоятельной борьбы с Англией, Франция сблизилась с Россией. Она перестала поддерживать Турцию против России и торговым договором 1787 г. закрепила за собой все выгоды от торговли с новыми русскими черноморскими портами. Торговый договор 1787 г. с Россией был единственным крупным успехом французской дипломатии накануне революции. Наконец, французское купечество добилось от Турции доступа в Красное море и развернуло свои операции в Египте на путях к Индии. Таким образом, на Ближнем Востоке Франции удалось еще сохранить свою торговую гегемонию, но Англия упорно ее подрывала.

В 1787—1788 гг. международному престижу Франции был нанесен известный удар. Французская монархия вследствие своего финансового и политического бессилия отказалась выполнить союзные обязательства по отношению к Голландии. Еще в 1785 г. Франция заключила союз с Голландией против Англии и Пруссии. В то время в Голландии захватила власть враждебная Англии буржуазная партия «патриотов». Но в 1787 г. прусские войска вторглись в Голландию и восстановили правление дворян и придворной партии, которые были сторонниками союза с Англией и Пруссией и находили поддержку среди части голландской буржуазии, связанной торговыми отношениями с германскими государствами. Отказ Франции оказать помощь Голландии против прусской интервенции был бесспорной неудачей французской дипломатии и обнаружил перед всей Европой ее бессилие. Успех прусской интервенции подчинил Голландию влиянию Англии и Пруссии. Уже в 1788 г. Англия, Пруссия и Голландия заключили военный союз — тройственную лигу — против России, Франции и Австрии. Накануне революции 1789 г. эта англо-прусско-голландская лига, поддерживавшая Турцию и Швецию, была самой сильной группировкой держав. Ей противостояли разрозненные союзы — Австрии с Россией и Франции с Австрией и Испанией.

Критика дипломатии абсолютных монархий XVIII века идеологами буржуазии

Критика всех учреждений феодализма и абсолютизма идеологами буржуазного «просвещения» XVIII века еще до революции 1789 г. распространилась и на дипломатию феодально-монархической Европы. Передовой буржуазии казалось недопустимым, что международные взаимоотношения абсолютных монархий рассматривались как отношения между монархами, а не между нациями. Буржуазия негодовала, видя, как дипломатия, подчиненная дворянско-династическим интересам, приводила к бесчисленным войнам из-за «наследств», часто лишь разорявшим ее, но зато укреплявшим абсолютизм. Умеренная часть буржуазии хотела изменить направление французской дипломатии, уничтожить «австрийскую систему», устранить преобладание дворянских и династических интересов во внешней политике и упрочить престиж Франции. Монтескье, идеолог либерального чиновного дворянства, писал о том, что «огромность завоеваний порождает деспотизм», и что Францию «погубили люди войны». Вольтер едко высмеивал интриги дипломатов абсолютных монархий и нескончаемые династические войны из-за престолов, как «несправедливые» и «нелепые». Как рационалист он доказывал чисто логически, что если два государя, не решив дипломатического спора, начинают войну, то по крайней мере один из них, с точки зрения разума, ошибается. «Было бы нелепостью и варварством, — заключает Вольтер, — чтобы нации гибли из-за того, что один из государей, рассуждая, ошибся».

Гораздо дальше шли в своей критике дипломатии абсолютных монархий представители мелкобуржуазного радикализма во Франции — Мабли и Руссо. Мабли был ярым врагом «австрийской системы». Он нападал на династические союзы и писал, что дипломатическое искусство абсолютных монархий руководится не «великими принципами», а «частными мотивами, мелкими интересами и капризами государей». «Устройство наших правительств мешает прогрессу науки о переговорах», —говорил Мабли, так как случай или интриги ставят людей у власти.

Руссо дает не менее отрицательную оценку дипломатии абсолютных монархий. Советуя полякам произвести реформы в Польше, он писал им: «Не утомляйте себя тщетными переговорами, не разоряйтесь на посланников и представителей при других дворах, не считайте, что трактаты и союзы чего-нибудь стоят». Дипломатическая тайна представлялась радикальным идеологам буржуазии только как средство государей обманывать свой народ и скрыто вести антинациональную политику. Протестуя против тайной дипломатии абсолютизма, прикрывавшей захваты территорий для возвеличения дина-

стий, эти идеологи приходили к отрицанию дипломатической тайны вообще, в любых условиях. По мысли радикальных представителей буржуазного «просвещения» территориальные присоединения не должны основываться ни на завоеваниях, ни на произволе государей, ни на династических притязаниях. Они допустимы лишь по волеизъявлению населения присоединяемых областей. Завоевания же, совершаемые монархами, только усиливают деспотизм. Государи ставят себе лишь две цели, говорит Руссо: «расширять свои владения во-вне и становиться более самодержавными внутри». Все прочие мотивы, выдвигаемые ими в договорах и нотах, как, например, «общественное благо», «счастье подданных», «слава нации», по мнению Руссо, не более как лицемерные предлоги. Они нужны только для того, чтобы дипломатия абсолютных монархий могла прикрывать свои истинные цели. Руссо развил, далее, утопический проект установления вечного мира и полного прекращения войн, ясно намекая, что осуществить его можно, лишь уничтожив абсолютизм и господство династических интересов в дипломатии. Средство для уничтожения войн Руссо видит в федерации государств с общеевропейским сеймом. Всеобщая гарантия нерушимости государственных владений сделала бы невозможными завоевания и войны. Для решения конфликтов можно было бы учредить нечто вроде международного трибунала.

В Англии в 1789 г. Бентам развивал сходные воззрения, а в Германии в 1795 г. их высказывал Кант. Осуждая династическую дипломатию и войны, Бентам выступал также против колониальных войн и связанных с ними договоров, выгодных, по его мнению, только для крупной торговой и финансовой буржуазии. Уничтожения войн Бентам мечтал достичь свободной торговлей, отказом от колоний[1], договорами о сокращении армий, упразднением тайной дипломатии, отменой монархических титулов, порождающих споры о «наследствах».

В этих проектах предвосхищен почти весь арсенал идей буржуазного пацифизма XX века: уничтожение войн путем объединения государств для охраны мира в условиях буржуазного общества, договоры о сокращении вооружений, международный трибунал. У писателей второй половины XVIII века эти пацифистские идеи были оружием критики дипломатии абсолютных монархий и английской колониальной политики. Для своего времени они сыграли прогрессивную роль. Однако пацифизм идеологов «просвещения» XVIII века был неглубоким и преходящим движением. Там, где буржуазия

[1] Отрицательное отношение Бентама к колониям объясняется тем, что в Англии средней и мелкой буржуазии войны из-за колоний приносили только рост налогов.

захватывала власть, вскоре же обнаруживались ее собственные завоевательные стремления: развивалась пропаганда завоеваний, и дипломатия приобретала агрессивный характер.

Тем не менее критика внешней политики и войн абсолютных монархий послужила теоретическим исходным пунктом для дипломатии французской буржуазии в годы революции.

2. ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ПЕРИОД УЧРЕДИТЕЛЬНОГО И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОБРАНИЙ

Французская дипломатия в период Национального учредительного собрания

Во времена абсолютной монархии министерство иностранных дел и посольства были организованы так, чтобы служить для абсолютной монархической власти послушным орудием ее политики. Министр иностранных дел назначался монархом и был ответственен только перед ним.

Послы и министры назначались обычно из аристократических фамилий, тесно связанных с двором. Немногочисленные чиновники министерства подбирались чаще всего из буржуазных фамилий, члены которых уже служили в министерстве или при дворе. Попав в министерство, они служили там до конца своих дней. То были большей частью люди надежные, покорные, верные и хорошо обеспеченные жалованьем.

Министерство состояло из двух «политических управлений», разделенных по территориальному признаку. Первое вело переписку с государствами Западной и Центральной Европы и Америки; второе — с Восточной и Южной Европой и скандинавскими государствами. Кроме этих двух управлений, существовали еще вспомогательные отделы.

После взятия Бастилии Национальное собрание, опираясь на принцип народовластия, стало вмешиваться в дипломатию королевского министерства, стремясь подчинить ее своим целям. От случая к случаю Национальное собрание издавало декреты по поводу сообщений министра иностранных дел о внешних делах. В мае 1790 г. Национальное собрание резко столкнулось с королевской властью из-за вопросов внешней политики. В это время возникла угроза войны между Испанией и Англией из-за притязаний на часть тихоокеанского побережья Северной Америки. Весной 1790 г. обе стороны готовились к войне. В силу союзного «фамильного договора» 1761 г. испанский двор потребовал помощи от Людовика XVI. Министр иностранных дел сообщил Национальному собранию о намерении короля вооружить флот против Англии. Его заявление вызвало в Национальном собрании целую бурю. Буржуазия негодовала на испанскую политику, не допускавшую

французских товаров в испанские колонии, и не сочувствовала «фамильному договору». Она видела в нем лишь династический союз. Многие основательно думали, что король под предлогом войны с Англией хотел попросту увеличить вооруженные силы для борьбы с революцией и с помощью их разогнать Национальное собрание. Поэтому левая часть Национального собрания решила отнять у короля право объявлять войну и заключать мир. Национальное собрание постановило, что само будет контролировать дипломатические переговоры и утверждать договоры. После горячих прений бóльшую часть депутатов увлек за собой граф Мирабо, который около этого времени начал уже получать тайную субсидию от короля. 24 мая Мирабо добился в Национальном собрании компромиссного решения по вопросу о праве войны и мира. Согласно этому решению только Национальное собрание могло объявить войну и заключить мир, — но лишь в том случае, если король внесет такое предложение. Таким образом, право войны и мира было разделено между королем и Национальным собранием. Во время прений депутаты резко осуждали династическую тайную дипломатию и союзы и заявляли, что Франции нужны только «национальные договоры», со «справедливыми народами». В связи с рассмотрением требований Испании об исполнении «фамильного договора» Национальное собрание создало постоянный комитет для наблюдения за дипломатическими делами. Главой «Дипломатического комитета» стал Мирабо. Дипломатический комитет и Национальное собрание окончательно подчинили себе официальную дипломатию короля и министерства, и крупная умеренная буржуазия стала, наконец, у руководства внешней политикой Франции. По предложению Дипломатического комитета Национальное собрание оставило в силе союз с Испанией, так как он мог понадобиться против Англии. Однако оно устранило из договора все статьи, которые имели наступательный характер. Были оставлены только оборонительные и торговые обязательства. Основами внешней политики Франции были провозглашены «всеобщий мир и принципы справедливости».

Особым декретом, принятым в декабре 1791 г., было установлено, что «французская нация навсегда отказывается от всякой войны с целью завоевания и никогда не употребит своей силы против свободы какого-либо народа». Завоевательные стремления самой французской буржуазии обнаружились позднее, когда в результате революции власть ее окрепла. В период Национального учредительного собрания власть буржуазии была еще неустойчива: воинственные предприятия могли ее поколебать, и Национальное собрание до своего роспуска осенью 1791 г. сохраняло миролюбивое направление внешней политики и дипломатии.

Когда в 1789 г. в австрийских Нидерландах (Бельгии) произошла революция, Национальное собрание было против вмешательства в защиту Бельгии от Австрии, боясь конфликта с феодально-монархической Европой. Несмотря на энтузиазм газет и клубов по поводу бельгийской революции, бельгийская нотификация о провозглашении независимости Бельгии по решению короля и министра иностранных дел была возвращена обратно в нераспечатанном виде. Национальное собрание не протестовало.

Несмотря на миролюбие Национального собрания, отмена части феодальных повинностей вовлекала Францию в столкновения с монархической Европой. Во Франции, в Эльзасе, находился ряд мелких владений германских имперских князей. Революция уничтожила там старые феодальные права сеньеров. Князья жаловались германскому имперскому сейму и добивались вмешательства Австрии и Пруссии, а также России и Швеции [1] для восстановления своих привилегий. Желая избежать конфликта, Национальное собрание решило вознаградить князей за убытки, как частных лиц. Министерство иностранных дел начало с ними переговоры, которые затянулись до начала войны с коалицией. Сделка в конце концов все же не состоялась. Австрия, Россия и Пруссия побуждали князей к сопротивлению в надежде иметь в руках лишний предлог для войны с Францией. Екатерина подстрекала князей требовать австрийского и прусского вмешательства, рассчитывая скорее втянуть эти государства в войну с Францией. Конвент отменил решение о вознаграждении эльзасских князей только тогда, когда война с коалицией уже началась.

Конфискация церковных земель, произведенная Национальным собранием, и проект гражданского устройства духовенства вызвали конфликт Франции с римским папой. Пытаясь уладить положение, министерство завязало с Римом тайные переговоры, только что в принципе осужденные Национальным собранием. Однако соглашение не было достигнуто. Революция распространилась на принадлежавшую папе территорию Авиньона [2], населенную французами. В апреле 1791 г. население Авиньона потребовало воссоединения его с Францией. Дипломатический комитет предложил Национальному собранию применить на практике новый принцип территориальных присоединений на основании изъявления воли самим населением. Декретом Национального собрания от 14 сентября 1791 г. Авиньон был присоединен к Франции, «согласно желанию, свободно и торжественно изъявленному большинством

[1] Швеция еще по Вестфальскому миру 1648 г. стала гарантом устройства Священной Римской империи. Россия гарантировала его по Тешенскому миру 1779 г. (см. выше).

[2] Город в долине Роны между Лионом и Марселем.

коммун и граждан». Присоединение Авиньона еще более обострило отношения не только с Римом, но и с соседними монархическими державами, которые опасались, как бы и их население не пожелало присоединиться к революционной Франции. С того времени на принцип суверенитета нации, введенный в европейскую международную политику французской революцией[1], ссылались при издании всех декретов о территориальных присоединениях в ходе революционных войн Франции с коалицией.

В то время как официальная дипломатия находилась под надзором Дипломатического комитета Национального собрания, двор вел свои тайные интриги с целью вызвать вмешательство иностранных держав для восстановления абсолютной монархии. Слухи об этом распространялись, и в Национальном собрании и клубах росло недоверие к прежнему дипломатическому персоналу, который тайно помогал королю сноситься с иностранными дворами. В Национальном собрании стали раздаваться требования очистки дипломатического персонала от сторонников абсолютизма. Под давлением этих требований даже Мирабо, втайне продавшийся двору, вынужден был в январе 1790 г. признать необходимость почти полной смены послов Франции при иностранных дворах. В марте 1791 г. было сменено семь послов. Собрание установило для послов специальную присягу. Некоторые из старых дипломатов отказались ее принести и были отозваны.

Сильно скомпрометировала старый дипломатический персонал неудачная попытка бегства короля из Франции летом 1791 г. Министра иностранных дел обвиняли в соучастии в этом деле. После бегства в Варенн король был временно отстранен от власти, и почти все иностранные дворы прервали сношения с послами Франции. Тем не менее, боясь дальнейшего развертывания революции, Национальное собрание вновь восстановило власть короля; по конституции 1791 г. оно предоставило ему ведение всех внешних сношений с правом заключать договоры при условии последующей ратификации их законодательным корпусом.

Европейская дипломатия в 1789—1792 гг.

Когда во Франции началась революция, внимание европейских дипломатов было приковано к событиям в Восточной Европе. Война России и Австрии с Турцией, начавшаяся в 1788 г., была в разгаре. Австрийская армия была разбита. Русские войска одержали крупную победу, взяв после длительной осады Очаков. Однако исход борьбы еще не был решен. Россия вела в то же время вторую войну со Швецией. Англия и Пруссия оказывали всемерную дипломатическую

[1] До французской революции этот принцип был применен только в дипломатии Соединенных штатов в период борьбы за независимость.

поддержку и Турции и Швеции. Тем не менее французская революция весьма скоро оказала решительное влияние на всю международную политику. Она заставила державы надолго перенести свое внимание с востока на запад Европы. Старое европейское равновесие было нарушено. Французская революция открыла новый период в развитии международных отношений. Вскоре борьба с буржуазно-революционной Францией стала в центре всех международных событий и дипломатических переговоров.

Главную роль в европейской политике в то время играли две наиболее мощные силы — английская и русская дипломатия. В Англии руководителем внешней политики был Уильям Питт Младший, сын лорда Чатама, знаменитого министра из партии вигов во времена Семилетней войны. Уильям Питт оставался главой министерства почти непрерывно с конца 1783 по 1806 г. Став во главе кабинета в декабре 1783 г., молодой Питт стремился укрепить положение Англии, которое пошатнулось после потери ею американских колоний. Для этого надо было приобрести союзников на континенте Европы. Англия была богата деньгами. Напротив, финансы европейских монархий с их более отсталым хозяйством были весьма скудны. Поэтому основное средство приобрести союзников Питт, как и его предшественники, находил в денежных субсидиях. Главного врага Питт видел во Франции; однако быстрое усиление России на Балтийском и Черном морях также вызывало его тревогу. Сначала Питт хотел было купить за субсидию союз с Россией, чтобы использовать ее в борьбе с Францией. Заодно с этим у него была и другая цель: вмешиваясь в русскую политику, он рассчитывал противодействовать ее успехам. Получив отказ в Петербурге, где хорошо разгадали его намерения, Питт сблизился с Пруссией и дворянской партией в Голландии, к которой примыкала и часть голландской буржуазии, державшаяся англо-прусской ориентации. Торговый договор с Францией и создание англо-прусско-голландского союза были главными дипломатическими успехами Питта перед французской революцией. Политика его в отношении союзников заключалась в том, чтобы брать от них все, не давая ничего. В отношении внешних врагов Питт не стеснялся в средствах. Питт был политическим деятелем «большого стиля» — он сам твердо и решительно определял основную линию британской внешней политики. С самого начала французской революции Питт возненавидел ее, хотя и надеялся, что она ослабит Францию. Больше всего он боялся распространения революции по всей Европе. Когда революция вспыхнула в Бельгии, Питт решил заставить Австрию и Пруссию отвлечься от восточноевропейских дел и забыть взаимную вражду, чтобы общими силами потушить разгоревшийся пожар. В меморандуме, на-

правленном Пруссии, он предлагал ей договориться о совместном подавлении бельгийской революции. Уже тогда он заботился о создании международной группировки для борьбы с революционной Францией. В дальнейшем Питт стал главным вдохновителем и организатором контрреволюционной коалиции против Франции.

Русская дипломатия находилась в руках Екатерины II и нескольких близких к ней лиц. «Первоприсутствующий» в Коллегии иностранных дел вице-канцлер граф Остерман [1] был нерешительным и неспособным к инициативе человеком, умевшим лишь с большой важностью держаться при переговорах и на приемах. Сама Екатерина II, ее талантливый доверенный советник князь Безбородко и князь Потемкин [2] были главными инициаторами всех новых дипломатических комбинаций. Общая обстановка в годы революции во Франции благоприятствовала успехам русской дипломатии. Царизм был еще крепок. В России не было сильной буржуазии, которая ослабляла бы военно-феодальный строй своей борьбой. Крестьянскую войну Екатерине II удалось потопить в крови. Огромная территория, многочисленное население и сильная армия делали Россию могучей военно-феодальной державой. Соседями России были слабые отсталые государства: Польша, находившаяся в состоянии полного развала, Швеция и Турция. Русская дипломатия искусно пользовалась борьбой между Англией и Францией и между Австрией и Пруссией для увеличения удельного веса своего государства в европейской политике.

Сама Екатерина, которая обладала выдающимися дипломатическими способностями, трезво понимала интересы и стремления других держав. Подобно Питту, она проявляла достаточно хладнокровия, терпения и твердости, чтобы выбрать наиболее благоприятный момент для достижения своих дипломатических целей. Эти цели определялись интересами дворянско-крепостнической империи помещиков и купцов. В 1789 г. в восточном вопросе они сводились к приобретению Черноморского побережья между Бугом и Днестром и к разделу Турции в союзе с Австрией. Далее, Екатерина хотела сохранить господство России в Польше и обеспечить свою империю от шведского нападения с севера. Для достижения своих целей императрица задумала грандиозную комбинацию, направленную против англо-прусско-голландской лиги. То был союз четырех держав: России, Австрии, Франции и Испании. Переговоры об этом союзе начались в Петербурге и Париже еще с конца 1787 г. Францию русские дипломаты прельщали завоеваниями в Египте и Греции за счет Турции. Слабость французской монархии,

[1] Сын известного деятеля времен Петра I (см. выше).
[2] Умер в 1791 г.

переживавшей финансовый и политический кризис, и нежелание Испании втягиваться в дела Восточной Европы тормозили переговоры. Екатерина понимала, что французская революция означала их полный провал, так как Учредительное собрание никогда не допустило бы этого союза. Но ближе всего к сердцу Екатерина II приняла удар, нанесенный революцией во Франции дворянству и монархии. Императрица глубоко возненавидела революцию. Она называла Учредительное собрание «гидрой о 1 200 головах», «шайкой безумцев и злодеев», и все более проникалась желанием начать войну с революцией, чтобы ее раздавить. Но борьба с Швецией и Турцией мешала этим намерениям. Пришлось ограничиться внутренними мерами: усилением цензуры, полицейского надзора, каторгой и ссылкой для свободомыслящих писателей. Зато французские эмигранты принимались в России с особым радушием.

Рейхенбахские соглашения 27 июля 1790 г.

Под влиянием революционных событий во Франции, осенью 1789 г., в Бельгии вспыхнула революция против австрийского владычества. Восставшие провинции отложились от Австрии. Это заставило австрийскую дипломатию перенести главное внимание с турецкой войны на запад Европы. Возвращение Нидерландов под власть Австрии стало главной задачей Леопольда II. Англия и Голландия были солидарны с Австрией в этом вопросе. Успех революции в Бельгии подчинил бы эту страну французскому влиянию. Это представляло большую опасность для Англии и Голландии ввиду важности стратегического положения Бельгии.

Зато в Пруссии решили использовать затруднения Австрии, чтобы ее ослабить. Прусская дипломатия находилась в руках Герцберга, который занимал пост министра с 1763 г. Это был ученик Фридриха II и честолюбивый прожектер: он любил составлять сложные и запутанные проекты территориальных присоединений и обменов и высчитывать наперед вплоть до мелочей все непредвидимое в политике. Фридрих II держал его до некоторой степени в руках. Но после смерти Фридриха II (1786 г.), при бездарном и слабом короле Фридрихе-Вильгельме II, старый министр дал волю своим политическим фантазиям.

Главная цель Герцберга заключалась в ослаблении Австрии и в присоединении городов Данцига и Торна, принадлежавших Польше. Обладание этими городами дало бы Пруссии возможность господствовать над нижним течением Вислы. В 1790 г. Пруссия заключила союз с Польшей и Турцией против Австрии и России. Герцберг и король, угрожая Австрии войной и поддержкой бельгийской революции, старались заставить императора Леопольда отказаться от войны с Турцией и уступить полякам Галицию. В награду за это Герцберг хотел

получить от Польши Данциг и Торн. При помощи Англии он надеялся запугать Австрию и дипломатическим путем добиться уступок. В крайнем случае Герцберг готов был пойти и на войну с Австрией.

Леопольд II больше всего боялся за Бельгию, но совсем не хотел уступать полякам Галицию и отказываться от завоеваний в Турции, где победы Суворова позволили русским и австрийцам занять в 1789 г. Молдавию и Валахию. Император также готовился к войне с Пруссией. Обе стороны стянули армии к своим границам.

Герцберг надеялся, что Россия, занятая войной на севере и юге, не будет помогать Австрии в ее борьбе с Пруссией. Он вообразил, что наступил момент, когда Пруссия станет главной вершительницей судеб Европы и сможет сыграть роль посредницы и в восточном, и в польском, и в шведском вопросах, а Англия будет помогать ей как верный союзник.

Английские дипломаты действительно делали вид, что одобряют планы Пруссии. Герцберг не понимал, что это была лишь игра, нужная Питту, пока не исчезла угроза войны Англии с Испанией из-за земель на Тихоокеанском побережье Америки. Он не подозревал и того, что одновременно Англия признала за Леопольдом II право на присоединение части турецкой Сербии, полагая, что «турки должны заплатить за разбитые горшки», как выразился в Вене английский посол об убытках Австрии от войны. В Вене Питт через своих агентов утверждал то, что отрицал в Берлине, и наоборот. Ничего не подозревавший Герцберг пригласил дипломатов на конференцию в силезской деревне Рейхенбах, в военном лагере, вблизи главных сил прусской армии, сосредоточенных для нападения на Австрию. Но Питт в это время уже готовил тяжелый удар для своего союзника — Пруссии. Он вовсе не хотел тратить английские субсидии на поддержку Пруссии в войне с Австрией за прусские интересы и не намеревался отдавать Австрию на съедение пруссакам, хотя ему и хотелось оторвать ее от союза с Россией и помешать завоевательным стремлениям на Востоке. Питт ясно видел, что в 1790 г., при приблизительном равенстве сил Пруссии и Австрии, не Пруссия, а Англия стала вершительницей судеб европейского равновесия.

Во Франции все внимание было поглощено внутренней борьбой. Россия вела войну с двумя противниками — на севере и юге. Питт это хорошо учитывал: он знал, что место этих двух держав, решавших ранее споры Австрии и Пруссии, принадлежит в настоящий момент Англии. В его планы не входило, чтобы Пруссия усиливалась на Балтийском море за счет Польши.

Прусский король, в последний момент почуяв недоброе, попытался под разными предлогами не пропустить английского

и голландского послов в Рейхенбах, задержав их у Бреславля. Но после решительных протестов послы все же появились на конференции. Здесь карты Питта были открыты, и ослеплению Герцберга наступил конец. Обманутым оказался и император Леопольд II.

К началу конференции в Рейхенбахе угроза войны с Испанией уже не стояла перед Питтом. Поэтому стесняться с пруссаками ему было нечего: Англия и Голландия наотрез отказали Пруссии в военной поддержке против Австрии; они потребовали примирения обеих сторон на основе строгого status quo и их соглашения о подавлении бельгийской революции. Австрия должна была отказаться от завоеваний за счет Турции [1] и выйти из Крымской войны с пустыми руками; только при этом условии Англия, Голландия и Пруссия согласились помочь ей восстановить свою власть над Бельгией. Император Леопольд II, более равнодушный к восточной политике, чем его предшественник Иосиф II, быстро согласился. Он считал, что отделался дешево и был доволен возможностью вернуть Бельгию. Зато австрийские дипломаты старой школы вроде старого канцлера Кауница, прожившие всю жизнь в традициях непримиримой вражды с Пруссией, были вне себя от гнева, негодования и унижения.

Пруссии оставались две возможности: война с Австрией без союзников, или отказ от плана Герцберга. Король видел, что сама Пруссия не обладала военным превосходством над Австрией. Он решил не рисковать в войне и уступить, пожертвовав планами своего незадачливого министра.

По Рейхенбахским соглашениям, подписанным 27 июля 1790 г., Пруссия отказалась от плана Герцберга, а Австрия от завоеваний за счет Турции. Австрия обязалась выйти из Восточной войны на основе status quo и не помогать больше России. Следствием этого соглашения было австро-турецкое перемирие (сентябрь 1790 г.) и окончательный мир в Систове (август 1791 г.) между Австрией и Турцией. Зато Англия и Пруссия обязались содействовать восстановлению австрийской власти над Бельгией. Это был полный триумф дипломатии Питта: предотвратив войну между закоренелыми врагами — Австрией и Пруссией, Питт принудил их стать на путь сотрудничества в борьбе с влиянием французской революции в Европе; он сохранил и австрийскую Бельгию как буфер против революционной Франции. После Рейхенбахских соглашений уже в декабре 1790 г. австрийские войска заняли Брюссель и подавили революцию в Бельгии. В конце 1790 г. конгресс представителей Англии, Австрии, Пруссии и Голландии, собравшийся в Гааге, оконча-

[1] Дело шло о сербских землях, присоединенных Австрией в 1718 г. по Пассаровицкому миру, но возвращенных обратно Турции в 1739 г.

тельно признал и оформил восстановление власти Австрии над Бельгией. Это был первый в истории опыт дипломатического конгресса, созванного в связи с планами подавления революции. Историческое значение Рейхенбахских соглашений заключается в том, что, заставив Австрию и Пруссию сотрудничать в борьбе с революцией в Бельгии, они проложили дорогу к созданию контрреволюционной коалиции против Франции. Зато отношения между Англией и Пруссией несколько охладели.

Восточный кризис 1791 г. Неудача Питта и успех Екатерины II

Запугав Австрию возможностью утраты Бельгии и заставив ее с пустыми руками выйти из Крымской войны, Питт решил, что ему удастся проделать то же самое и с Россией. Он учитывал, что война с Турцией оказалась для России много труднее, чем вначале думала Екатерина. Австрия вышла из войны: без ее поддержки Екатерина не могла осуществить свой план раздела турецких владений. Она требовала теперь только присоединения к России Очакова и части степного пространства между Бугом и Днестром. Новая блистательная победа Суворова — героический штурм и взятие Измаила, сильнейшей турецкой твердыни у устьев Дуная, — вынуждала турок согласиться на эти условия. Но Питт видел в этом угрозу установления русского господства над всем Черноморским бассейном и над Польшей. Польша с юга оказалась бы окруженной русскими землями, запирающими выход из Буга и Днестра. Между тем сам Питт мечтал о расширении английской торговли в турецких владениях и в Польше. Он не хотел, чтобы Россия завладела устьями всех крупных рек, впадающих в Черное море. Прусское министерство и Питт принялись запугивать Екатерину войной: они настойчиво предлагали свое посредничество (медиацию) в переговорах с Турцией, чтобы добиться от России согласия на условиях status quo. Екатерина осторожно делала вид, что согласна принять «добрые услуги» (bons offices) Англии и Пруссии, однако наотрез отвергла предложения о посредничестве (médiation). В XVIII веке уже хорошо различали эти две формы участия в переговорах. Посредничество означало, что Екатерина должна отказаться от прямых переговоров с Турцией и все сношения с ней вести только через представителей Англии и Пруссии. Принятие же «добрых услуг» заставило бы императрицу только выслушивать советы и предложения Пруссии и Англии: вести мирные переговоры с турками Россия могла самостоятельно. Предложение «добрых услуг» Екатерина также надеялась в конце концов отклонить, как только представится удобная минута.

Видя упорство России, в Англии принялись снаряжать флот в 36 линейных кораблей. Пруссия начала бряцать оружием,

объявила мобилизацию, готовясь улучить удобный момент, чтобы занять Торн и Данциг. У английского посла в Петербурге лежал наготове грозный ультиматум России. Но Екатерина II спокойно взирала на события. Императрица знала, что политика Питта на этот раз встретила жестокое сопротивление в парламенте. Русский посол в Лондоне Воронцов поддерживал тесные связи с оппозицией. Оппозиционные английские деятели и газеты нещадно поносили правительство Питта. Объяснялось это тем, что Англия получала от растущей балтийской торговли с Россией огромные выгоды: разрыв с Россией грозил их потерей. Английское купечество и слышать не хотело о таких убытках и о войне с Россией из-за какого-то отдаленного куска степи и Очакова.

Билль правительства о кредитах на войну получил настолько ничтожное большинство голосов в парламенте, что Питт стал бояться потерять власть. Он немедленно послал в Петербург курьера, чтобы предотвратить вручение России ультиматума. Вскоре он вынужден был потихоньку приступить и к разоружению флота.

Тем временем Екатерина затягивала принятие «добрых услуг» Англии. Английского представителя в Петербурге развлекали разными празднествами до тех пор, пока турки не подписали перемирие без всяких посредников. Ясский мир (29 декабря 1791 г.) окончательно закрепил за Россией Очаков и берег между Бугом и Днестром.

Восточный кризис весной 1791 г. разрешился дипломатическим поражением Питта и победой Екатерины II. Чтобы окончательно взбесить Питта, Екатерина приказала Воронцову демонстративно купить для нее в Лондоне бюст знаменитого оратора оппозиции Фокса и распорядилась установить его перед своим дворцом.

Неудача бегства короля и образование контрреволюционной коалиции

В 1790 г. Рейхенбахскими соглашениями Питт заложил первый камень коалиции против Франции. Но державы были заняты восточными делами. До неудачного бегства Людовика XVI из Парижа в июне 1791 г. дело создания коалиции почти не двинулось вперед. Эмигранты, собравшиеся в Кобленце, добивались помощи от европейских дворов. Королева вела тайную переписку с австрийским и другими дворами, умоляя их о помощи. В то же время король лицемерно заверял Европу о своей солидарности с Национальным собранием. О плане бегства знало только несколько человек, хотя слухи о его подготовке давно носились всюду. Император Леопольд обещал королеве помощь, если только королевская семья покинет Францию. Король и королева тайно бежали с паспортами, выданными министерством вдове русского полковника, по

просьбе русского посла Симолина. Симолин не знал, зачем нужны были эти паспорта, но когда в своих донесениях в Петербург он вздумал было оправдываться, то получил строгое внушение от Екатерины. Симолину было указано на неуместность и неприличие его оправданий и добавлено, что если бы паспорта и были им выданы, чтобы помочь побегу королевской семьи, то именно такой его поступок «был бы во всех отношениях приятен ее императорскому величеству».

Бегство Людовика XVI не удалось. Король был задержан в Варенне, и авторитет монархии был окончательно подорван. Неудача бегства короля и рост движения за установление республики во Франции всполошили феодально-монархическую Европу. Это послужило толчком, ускорившим образование контрреволюционной коалиции. Главная роль в создании этой коалиции в 1791—1792 гг. принадлежала русской, австрийской и прусской дипломатии.

Идея европейского конгресса для интервенции во французские дела (1791 г.)

В 1791 г. возникла идея созвать европейский конгресс в Аахене или в Спа для организации общеевропейского союза против Франции и для подавления французской революции. Королева в своей тайной переписке с императором Леопольдом II и другими монархами страстно настаивала на созыве этого конгресса. Тогда же началось более тесное сближение Австрии и Пруссии против Франции. В июле 1791 г. Австрия и Пруссия договорились о возможности совместных действий против Франции, и Леопольд II разослал обращение к европейским дворам с проектом созыва дипломатического конгресса и создания союза против Франции. Прусскому королю Леопольд отправил особую записку с подробным планом действий: державы должны сообща предложить Франции остановиться на своем революционном пути; в случае ее отказа имелось в виду собраться на конгресс, предварительно условиться о будущей форме правления во Франции и приступить к вооруженной интервенции. В этой переписке Леопольд и австрийский канцлер Кауниц пытались доказать законность вмешательства монархических держав во внутренние дела Франции для подавления «заразительного» революционного духа, заверяя, что это надо сделать «в видах ограждения общественного спокойствия и безопасности государств, неприкосновенности владений и соблюдения трактатов». Под такими пышными словами реакционная монархическая дипломатия скрывала свой страх за привилегии и за господство дворянства, низвергаемые революцией.

Дипломатическая переписка 1791 г. и другие документы того времени, относящиеся к подготовке контрреволюционной коалиции, содержат в первоначальной форме один из основных принципов контрреволюционной дворянско-монархической ди-

пломатии конца XVIII и начала XIX века — оправдание вооруженного вмешательства во внутренние дела других стран для подавления революций. В законченную форму это пресловутое «право вмешательства» отлилось позднее на конгрессе в Троппау в 1820 г., в период деятельности Священного союза.

В 1791 г. Леопольду не удалось осуществить план общеевропейского союза и конгресса. Англия и Россия не отозвались на приглашение императора. Питт решил выжидать событий. Он отказал эмигрантам в вооруженной интервенции и явно не желал участвовать в общих мероприятиях держав. Россию внезапно отвлек переворот в Польше, происшедший 3 мая 1791 г. и направленный против русского влияния.

Русско-шведские планы и французские эмигранты

Вместо войны с Францией Екатерине предстояло возиться с поляками. При таких условиях Екатерина не хотела и не могла посылать свои войска во Францию. Зато она приложила все усилия, чтобы поскорее создать антифранцузскую коалицию из других государств. Со времени мира со своим недавним врагом Швецией она убеждала шведского короля Густава III возглавить крестовый поход против Франции. В октябре 1791 г. Екатерина заключила военный союз с Швецией и обещала ей помощь флотом и солдатами. Густав III завязал тесные сношения с эмигрантами; королева Мария-Антуанетта тайно с ним переписывалась. Густав III самолично поехал в Аахен для лечения и подготовки похода против Франции. Пруссию и Австрию Екатерина также убеждала поскорее выступить против Франции. Она задалась мыслью подавить французскую революцию, хотя бы чужими руками, и отвлечь Австрию и Пруссию от Польши, где хотела распоряжаться полновластно. В конце 1791 г. императрица сказала своему секретарю Храповицкому: «Я ломаю голову, чтобы подвинуть венский и берлинский двор в дела французские... есть много причин, о которых нельзя сказать. У меня много предприятий неоконченных, и надобно, чтобы они были заняты, и мне не мешали». Русско-шведская интервенция все же не состоялась. Переворот в Польше и возня с поляками отвлекли силы Екатерины II; вдобавок Густав III по возвращении в Швецию из Аахена был убит одним шведским дворянином. После смерти короля в Швеции восторжествовала враждебная России партия.

Австро-прусский союз против Франции (7 февраля 1792 г.)

Еще с февраля 1791 г. между Берлином и Веной начались тайные переговоры о сближении против Франции. В августе в замке Пильниц в Саксонии произошло свидание императора Леопольда с прусским королем, а 27 августа была подписана так называемая «Пильницская декларация», которая возвещала, правда, в довольно туманных

выражениях, что Пруссия и Австрия готовы предпринять войну за восстановление власти Людовика XVI. Тем не менее после Пильница обе стороны еще долго медлили с вооруженным выступлением. Хитрый и осторожный Леопольд понимал расчеты Екатерины. Он догадывался, что прусский король хочет вместе с Россией второго раздела Польши, и боялся быть обойденным при этой сделке, впутавшись в войну с Францией. Однако 7 февраля 1792 г., движимый страхом перед революцией и настояниями министра Кобенцля, сторонника сближения с Пруссией, Леопольд, наконец, заключил союзный договор с Пруссией. Австрия и Пруссия обязывались выставить против Франции от 40 до 50 тысяч войск каждая. Обе стороны надеялись вознаградить себя приобретениями за счет Франции. Прусский король хотел занять Эльзас, а австрийцы — расширить свои владения в Бельгии или обменять Бельгию на Баварию.

Французская дипломатия при Законодательном собрании (с осени 1791 г. до 10 августа 1792 г.)

В сентябре 1791 г. Людовик XVI принял конституцию и вновь официально уведомил европейские дворы о своей солидарности с Национальным учредительным собранием. В то же время королева в тайных письмах заверяла монархов в том, что Людовик XVI не свободен в своих действиях. При таких условиях в октябре 1791 г. открылось Законодательное собрание.

Угроза войны возрастала. Законодательное собрание, боясь, что король использует дипломатические сношения в целях подготовки контрреволюции, заставило короля сменить министра иностранных дел, скомпрометированного во время неудачного бегства Людовика XVI.

Опасения Законодательного собрания имели основания. Несколько приближенных к королю аристократов образовали тайный комитет, который помогал ему готовить контрреволюцию и состоял из сторонников «австрийской системы».

Король тайно расходовал на членов комитета секретные фонды министерства иностранных дел.

Осенью 1791 г. Законодательное собрание, подобно Учредительному, избрало Дипломатический комитет из 12 членов для наблюдения за деятельностью министров и ознакомления с важнейшей перепиской с иностранными державами. Дипломатический комитет должен был обновляться каждый месяц на одну треть. В него наряду с более умеренными депутатами избрали и главарей жирондистов.

Основным вопросом внешней политики в то время была растущая угроза войны. Двор и аристократическая военщина хотели войны, надеясь на победу союзников и на контрреволюцию в результате иностранного вторжения во Францию. Правая партия — фельяны и их умеренные сторонники, наоборот,

боялись войны, чувствуя, что связанные с ней потрясения выбили бы непрочную власть из их рук. Жирондисты были ярыми сторонниками активной внешней политики и войны с Австрией. Они надеялись, что война возбудит всеобщий патриотизм и отвлечет массы от требований дальнейших внутренних реформ, а победы укрепят власть буржуазии. Они рассчитывали также, что война приведет к установлению революционных порядков в Бельгии и подчинит ее французскому влиянию.

Робеспьер и Марат понимали, что война неизбежна: но они резко выступали против намерения жирондистов начать ее ранее уничтожения внутренних врагов — аристократии и реакционной военщины.

Фельяны и жирондисты главную задачу французской дипломатии видели в том, чтобы не допустить образования коалиции и разъединить Австрию и Пруссию, используя их закоренелую взаимную вражду. Но фельяны с помощью своей дипломатии надеялись предотвратить войну и достичь компромисса, а жирондисты, наоборот, хотели облегчить себе военную победу, изолировав Австрию от Пруссии.

Главным врагом Франции и те и другие считали Австрию. Фельяны и жирондисты старались сблизиться с Пруссией и добиться от нее если не союза, то хотя бы нейтралитета. Стремились они и к тому, чтобы на случай австро-французской войны заручиться нейтралитетом Англии.

Все эти дипломатические попытки оказались безуспешными. Удаче их отчасти мешала тайная дипломатия Людовика XVI и королевы. Их секретные агенты тайно противодействовали французским миссиям, посланным к прусскому королю. Но главная причина неуспеха дипломатии фельянов и жирондистов заключалась в том, что европейские правительства еще не верили в силу революционной Франции и не считались с ее предложениями. Они хотели восстановления абсолютизма и мечтали отнять у Франции ряд владений в качестве «вознаграждения» за свои контрреволюционные услуги.

В Пруссию безуспешно были направлены две дипломатические миссии. Бывший отенский епископ Талейран, посланный в Англию, также не добился никакого ясного ответа от английского министерства.

15 марта 1792 г. король был вынужден назначить министром иностранных дел близкого к жирондистам генерала Дюмурье. Главного врага Дюмурье видел в Австрии и мечтал после разгрома ее окружить Францию поясом из зависимых государств. В Дипломатическом комитете в это время главную роль играл жирондист Бриссо. Многие старые чиновники министерства иностранных дел были сторонниками короля и «австрийской системы». Дюмурье заменил их новыми людьми, близкими к жи-

рондистам. Ранг ординарных послов (ambassadeurs ordinaires) был упразднен. При европейских дворах он назначил только посланников (ministres) первого и второго класса. При этом многие прежние послы были заменены новыми.

В брошюрах о дипломатии, которые распространялись в то время жирондистами и Дюмурье, развивалась мысль, что дипломатия революции должна опираться на принципы декларации прав и отказа от завоеваний. Дипломатия должна быть простой и ясной и обходиться без ухищрений и уловок. Самые манеры дипломата революционной Франции должны быть открыты, прямы и просты. Ранги послов подлежат упразднению; все они должны одинаково называться «нунциями Франции».

В марте 1792 г. умер император Леопольд II. Его преемник Франц I явно горел желанием начать войну с Францией: он отверг требование жирондистского министерства расторгнуть союз с Пруссией и прекратить покровительство вооруженным скопищам эмигрантов, готовящим поход на Францию. Не дожидаясь вражеского нападения, 20 апреля 1792 г. Национальное законодательное собрание восторженно приняло предложение короля об объявлении войны.

Начался период революционных войн.

Слабая французская армия, унаследованная от абсолютной монархии и управляемая дворянским офицерством, не могла и не хотела дать решительный отпор интервентам. Королева в тайных письмах настаивала на опубликовании коалицией грозного манифеста, надеясь, что он запугает революционеров. Но манифест герцога Брауншвейгского, грозившего Франции разрушением Парижа и истреблением революционеров, только ухудшил положение двора. Первые военные неудачи и явная измена короля послужили толчком к падению монархии.

Восстание 10 августа 1792 г. низвергло монархию во Франции и привело к созыву Национального конвента.

3. ФРАНЦУЗСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ЕВРОПЕЙСКИЕ ДЕРЖАВЫ ОТ СВЕРЖЕНИЯ МОНАРХИИ ВО ФРАНЦИИ ДО УСТАНОВЛЕНИЯ ЯКОБИНСКОЙ ДИКТАТУРЫ

Дипломатия жирондистов в период Конвента с сентября 1792 г. до апреля 1793 г.

Национальный конвент был созван на основе всеобщего избирательного права и установил во Франции республику. Вместо прежних министров, назначаемых королем, был избран Исполнительный совет, ответственный перед Конвентом. Министром иностранных дел в этом совете был жирондист Лебрен. Фактически он целиком зависел от преобладавших в Конвенте главарей этой партии. Значительным влиянием на внешнюю

политику пользовался Дантон, хотя по должности в Исполнительном совете он был министром юстиции.

После нескольких критических недель, когда прусская армия герцога Брауншвейгского вторглась во Францию, с 20 сентября (со дня битвы при Вальми) в ходе военных действий произошел перелом. К 1793 г. республиканские войска очистили территорию Франции от интервентов, заняли Савойю, Ниццу, левый берег Рейна, Бельгию и открыли для французской и бельгийской торговли устье реки Шельды, принадлежавшее Голландии. Население занимаемых французами областей с восторгом встречало триумфальное продвижение революционных войск и немедленно принималось уничтожать феодальные привилегии.

«Весь народ и в особенности массы, т. е. *угнетенные* классы, были охвачены безграничным революционным энтузиазмом: войну *все* считали справедливой, оборонительной, и она *была на деле* таковой» [1].

Жирондисты в этот период развивали широкую пропаганду революционной войны за пределами Франции под лозунгом революционного освобождения народов Европы. Эта пропаганда нашла горячий отклик среди французской буржуазии, которая давно мечтала о распространении французского влияния на Бельгию. 19 ноября Конвент издал декрет о помощи всем народам, желающим низвергнуть своих тиранов. 15 декабря были декретированы установление новых революционных властей в занятых французскими войсками областях и конфискация имущества врагов революции для покрытия издержек войны. Докладывая об этом декрете, Камбон выдвинул знаменитый лозунг революционных войск: «Мир хижинам — война дворцам!» В 1792—1793 гг. занятые области — Савойя, Ницца, левый берег Рейна и часть Бельгии — торжественно были присоединены к Франции в силу народного голосования по коммунам, в согласии с принципом освободительной войны и отказа от завоеваний. Пропаганду революционной войны вели не только жирондисты, но и многочисленные иностранцы, изгнанные из Голландии, Бельгии, немецких областей по левому берегу Рейна, Савойи за свои революционные убеждения и образовавшие свои клубы и легионы. В этой пропаганде они заходили гораздо дальше жирондистов. Наиболее видный деятель этих кругов Клоотц, пропагандируя идею всемирной революции и всемирной республики, развивал план, основы которого были набросаны еще в проекте «вечного мира» Руссо. Жирондисты и Дантон ограничивались пропагандой идей расширения революционной Франции до Рейна и Альп. Рейн, Пиренеи, Альпы французская буржуазия считала «естественными границами» Франции.

[1] *Ленин*. Соч., т. XXI, стр. 190.

Несмотря на достигнутые успехи, завоевания революционной Франции были еще непрочны. Жирондисты не хотели стать на путь решительных революционных мероприятий для реорганизации армии, обеспечения городов и войск продовольствием и полного уничтожения феодальных повинностей в деревне. Наоборот, широкая пропаганда войны служила им одним из средств отвлечения народных масс от этих вопросов, хотя лишь эти меры могли закрепить завоевания революционной Франции и тем самым создать для нее решающий военный перевес над врагом. Зато жирондисты придавали исключительное значение дипломатическим попыткам расчленения коалиции. Для этого предполагалось внушить одним участникам коалиции надежду получить компенсацию за счет других.

Лебрен и Дантон продолжали развивать в основном те же политические и дипломатические планы, что и Дюмурье [1]. Они надеялись нанести главный удар австрийцам в Бельгии, которая должна была присоединиться к Франции или стать зависимой от нее республикой. Голландию предполагалось подчинить французскому влиянию. Как и Дюмурье, многие жирондисты надеялись создать вдоль границы Франции от Северного моря до Италии включительно ряд зависимых от нее республик. Они попрежнему мечтали о сближении с Пруссией и о ее нейтралитете, предполагая обещать ей компенсацию за счет австрийских владений и стараясь отклонить другие державы от присоединения к коалиции.

Лебрен надеялся заключить союз с Швецией и Турцией и побудить эти державы к новой войне с Россией, чтобы связать руки Екатерине II.

Кроме того, жирондисты рассчитывали на победу парламентской оппозиции в Англии и на возможность соглашения с Англией. Лебрен и Дюмурье хотели предложить Питту возобновление торгового договора 1786 г. и уступку Англии острова Табаго, под условием согласия его населения, в обмен за предоставление Франции английского займа. Чтобы вовлечь Англию в войну с Испанией и связать руки этим обеим державам, они решили предложить Питту план освобождения испанской Америки и открытие ее для английских и французских товаров. Жирондисты и Дантон не хотели понять, что между Англией и Францией существовали непримиримые противоречия. Англии больше всего угрожали успехи революционной Франции и победа революции в Бельгии и Голландии, так как они положили бы основу торгово-промышленному расцвету и преобладанию Франции в Европе в ущерб английской гегемонии.

---

[1] Дюмурье оставил министерство в июне 1792 г. и командовал затем армией, действовавшей в Бельгии.

После свержения монархии почти все державы прервали дипломатические сношения с Францией. Лишь Швейцария, Соединенные штаты Америки и Швеция не занимали по отношению к Франции враждебной позиции. В таких условиях жирондисты могли применять, главным образом, иррегулярные приемы дипломатии — посылку неофициальных агентов, закулисные переговоры, зондирование почвы второстепенными посредниками и т. д. Попыток такого рода было бесчисленное множество. Пренебрежение к дипломатической тайне, считавшейся обязательной только для дипломатии абсолютных монархий, иногда заранее обрекало на неудачу эти попытки.

В сентябре 1792 г. Талейран вторично отправился в Лондон с неофициальными поручениями. Министры с ним даже не захотели говорить. Дюмурье завел переговоры с Пруссией через королевского адъютанта, присланного для урегулирования обмена пленных. Обычно прусский король и Австрия при малейшем несогласии друг с другом зондировали возможность переговоров с Францией. Но в 1792 г. о соглашении с Пруссией не могло быть и речи: прусский король требовал восстановления французской монархии и мечтал об отторжении от Франции Эльзаса.

В начале 1793 г., после казни короля, все попытки жирондистов расчленить коалицию дипломатическим путем потерпели крушение. Феодально-монархическая Европа тесно сплотилась против революции. Соглашение с ней было явно невозможным.

Уильям Питт и расширение контрреволюционной коалиции

Победоносное шествие революционных армий, энтузиазм встречавшего их населения, быстрый подъем революционного настроения в Англии и постоянный обмен приветственными адресами между французскими клубами и английскими демократами показали Питту, что нельзя надеяться на ослабление Франции и на разгром ее одними силами Австрии и Пруссии. Питт решил сам возглавить коалицию, после того как революционные армии заняли Бельгию и стали угрожать Голландии. Перед Англией возникла угроза необычайного усиления мощи главного ее соперника — французской буржуазии и распространения революции в Европе.

После казни Людовика XVI французский поверенный в делах был немедленно выслан из Лондона. Жирондисты и Дантон, упоенные победами в Бельгии, смело решились на разрыв с Англией. Они считали себя достаточно сильными, чтобы попытаться взять реванш за недавние поражения монархической Франции в борьбе с английской гегемонией. Они еще верили в скорую победу английской парламентской оппозиции

над Питтом. Французским войскам был отдан приказ вступить в пределы Голландии, и 1 февраля Конвент по докладу Бриссо объявил Англии войну. Не имея армии, Питт следовал старой английской традиции — покупать союзников на континенте Европы. Он заключил договоры о совместных действиях с Россией, Пруссией, Сардинией и Неаполем, обязавшись выплачивать всем им крупные субсидии. Методом вовлечения в коалицию таких государств, как Сардиния, Неаполь, Тоскана, для Питта служили деньги, угрозы, шантаж и провокации. Золото и флот Англии стали сильнейшим врагом французской революции. «Но английская буржуазия не любит воевать своими собственными руками. Она всегда предпочитала войну чужими руками. И ей иногда действительно удавалось найти дураков, готовых таскать для нее из огня каштаны. Так было дело во время Великой французской революции, когда английской буржуазии удалось создать союз европейских государств против революционной Франции» [1].

В марте коалиция состояла уже из Англии, Австрии, Пруссии, России, Испании, Голландии, некоторых германских княжеств, Сардинии с Пьемонтом и Неаполя.

Планы расчленения и ограбления Франции

С самого начала контрреволюционная коалиция связывала восстановление французской монархии с планами расчленения и ограбления Франции. Пруссия намеревалась захватить Эльзас и Лотарингию и под предлогом «вознаграждения» за войну с Францией требовала от России согласия на новый раздел Польши. Австрия хотела завладеть французской Фландрией, Артуа, Пикардией до Соммы и Баварией, или же обменять Бельгию на Баварию с небольшими прибавлениями. Подобные же планы имелись у Испании и Сардинии. Для Англии Питт требовал Дюнкерка, важного по своему стратегическому положению.

Захватнические проекты расчленения Франции порождали бесконечные раздоры и споры среди дипломатов коалиции. Австрии так и не удалось притти к окончательному соглашению с Пруссией, которая не желала, чтобы австрийцы завладели Баварией. В июле 1792 г. император Франц и король Фридрих-Вильгельм II обсуждали на свидании в Майнце австрийский проект обмена Баварии и прусских «вознаграждений» за счет Польши. В апреле 1793 г. состоялась конференция в Антверпене. Русские дипломаты принимали участие в этих переговорах, разжигая аппетиты собравшихся. Соглашаясь на любой раздел Франции и подстрекая к нему другие кабинеты, они старались отвлечь их внимание от Польши.

---

[1] *Сталин*, Об оппозиции, стр. 611.

Второй раздел Польши (1793 г.)

Пруссия потребовала также второго раздела Польши в виде «вознаграждения» за войну с Францией. Против конституции 1791 г. в Польше под покровительством Екатерины II была образована шляхетская конфедерация; летом 1792 г. русские войска заняли Польшу. Екатерина вынуждена была согласиться на раздел, так как после битвы при Вальми прусский король отказался воевать с Францией, пока не получит намеченного куска Польши; он даже двинул свои войска в Великую Польшу. При этом Фридрих-Вильгельм II без дальних церемоний разорвал союз с Польшей, к которому сам склонил поляков в 1790 г., и нарушил данное ранее Австрии обещание поддерживать в Польше конституцию 1791 г. «...Если мы сделаем ему какую-либо помеху, — говорил русский дипломат Морков о прусском короле, — то он немедля заключит мир с этими французскими негодяями, нисколько не отказываясь от своего приобретения в Польше, откуда его можно будет прогнать только оружием».

Зато Австрия после занятия Бельгии французами была крайне заинтересована в войне с Францией: не отняв у французов Бельгии, нельзя было обменять ее на Баварию. Затруднительное положение Австрии дало России и Пруссии возможность устранить ее от участия во втором разделе Польши. Для этого они в январе 1793 г. заключили договор о разделе и поставили австрийцев перед совершившимся фактом. Прусский король лишь посулил Австрии помочь вернуть Нидерланды и обменять их на Баварию. Императору пришлось помириться на этом.

По второму разделу Польши к России отошли часть украинских и литовских земель, воеводство Киевское, Волынское и часть Виленского, а к Пруссии — Данциг, Торн и Познань. Россия и Пруссия сочли нужным получить от польского сейма хотя бы фиктивную санкцию на раздел Польши. Сейм, собравшийся в Гродно, был оцеплен солдатами: они не выпускали сеймовых послов из помещения, пока те не проголосуют признание раздела. Дело не двигалось, и послы молчали. Наконец, председатель (маршал) сейма предложил принять молчание за знак согласия. Так «немое заседание» сейма узаконило акт о втором разделе Польши.

Поражение Франции и дипломатия Дантона

К весне 1793 г. коалиция немного усилилась, и непрочность побед жирондистов сказалась уже в марте 1793 г. Австрийцы вновь заняли Бельгию, а пруссаки — левый берег Рейна. Иностранные армии снова вступили во Францию. Внутри страны подымались контрреволюционные восстания. К лету 1793 г. положение республики оказалось в полном смысле слова критическим.

6 апреля 1793 г. Конвент образовал Комитет общественного

спасения и передал ему исполнительную власть. Дантон и Барер ведали в нем иностранными делами. Поражения поставили жирондистов перед угрозой нового народного восстания. Чтобы предотвратить революционную диктатуру, жирондисты быстро отказались от своей пропаганды революционной войны за пределами Франции и хотели было вступить в капитулянтские переговоры с коалицией. Даже после военных поражений они все надежды возлагали на дипломатию, а не на революционные методы ведения войны. Наоборот, якобинцы и Клоотц не хотели и слышать о мире. Они требовали новых революционных мер и полной реорганизации армии для окончательной победы революции. Правый якобинец Дантон тоже не хотел установления революционной диктатуры. Он надеялся примирить обе партии и, подобно жирондистам, стремился к мирным переговорам на основе уступок. К весне 1793 г. часть «болота» в Конвенте примкнула к Дантону, покинув жирондистов.

В апреле Конвент издал декрет, который провозглашал полное невмешательство Франции в дела других держав, что означало отказ от вооруженной революционной пропаганды вне Франции. В то же время Робеспьер, имея в виду жирондистов и Дантона, потребовал смертной казни для всякого, кто предложит мирные переговоры с неприятелем. Это предложение было принято с поправкой Дантона: «с неприятелем, который откажется признать суверенитет народа». Дантон, пользуясь этой поправкой, мог начать переговоры о мире, но только в случае признания республики со стороны коалиции, что было невероятным. Тем не менее Комитет ассигновал Дантону 6 миллионов ливров на секретные дипломатические расходы. Дантон разослал множество агентов с целью расстроить коалицию. Среди этих агентов, подобранных Дантоном, было немало подозрительных интриганов. Инструкции, даваемые агентам, воспроизводили известные уже планы Лебрена относительно Пруссии и других держав. Дантон и Лебрен пытались привлечь нейтральные державы на сторону Франции, но настоящие переговоры велись с одной Швецией. Проект союзного договора с Швецией был уже готов, но поражения республики на фронте заставили шведского регента воздержаться от его подписания.

Восстание 31 мая — 2 июня 1793 г. низвергло господство жирондистов в Конвенте и положило начало якобинской диктатуре. Дантон оставался в Комитете общественного спасения: до 10 июля 1793 г. он продолжал свои дипломатические попытки расчленить коалицию. Это было безнадежным делом в условиях военных поражений, когда европейские державы еще не убедились в способности революционной Франции отстоять свое существование.

4. ДИПЛОМАТИЯ ЯКОБИНСКОЙ ДИКТАТУРЫ

Дантонисты и дипломатия во время якобинской диктатуры

Восстание 31 мая — 2 июня 1793 г. привело к установлению якобинской диктатуры, опиравшейся на блок наиболее революционных групп мелкой буржуазии и на плебейские массы городов и деревень. Дипломатия якобинцев была подчинена задаче защиты революции от интервентов и лозунгу развития революционно-освободительной войны до полной победы. Министром иностранных дел вместо жирондиста Лебрена был назначен ставленник Дантона Дефорг. Лебрен был арестован.

В период якобинской диктатуры дантонистам так и не удалось завязать настоящие переговоры с державами коалиции. В августе 1793 г. некий Матьюс, выдававший себя за агента английского правительства, неофициально передал французскому министерству иностранных дел мирные условия Англии. Франция должна была отказаться от всех территориальных присоединений, сделанных за время революции [1], уступить остров Табаго и эвакуировать из Франции королевскую семью. В Комитете общественного спасения Дефорг сделал доклад об этих предложениях, хотя личность Матьюса и не заслуживала никакого доверия. Комитет, который стал уже на путь решительной политики, приказал арестовать Матьюса.

В декабре 1793 г. Дантон окольным путем получил сведения от другого английского агента — Майлза — о желании английского правительства завязать переговоры о мире. Как видно, в Англии рассчитывали на приход к власти Дантона, чтобы навязать Франции унизительные условия мира. Подобные же косвенные предложения были сделаны агентам комитета от Голландии, Испании и Австрии.

Зимой 1793/94 г. дантонисты окончательно сблизились с богатой новой буржуазией. На них возлагали надежды спекулянты, банкиры и авантюристы, которые боялись террора и желали скорого мира любой ценой. Среди этих людей многие занимались шпионажем в пользу коалиции. Некоторые дантонисты получали деньги из Англии за свою борьбу против режима революционной диктатуры.

Нерешительность Дантона во внутренней политике и его попытки завязать переговоры о мире с агентами коалиции на основе уступок со стороны Франции окончательно лишили Дантона популярности и доверия. В июле он уже не был избран в Комитет общественного спасения и перестал руководить внешней политикой. К декабрю 1793 г. дантонисты беспово-

[1] Авиньон, Савойя и Ницца.

ротно перешли в лагерь противников якобинской диктатуры. Дантонисты до конца сохраняли утопические надежды на победу оппозиции в Англии во главе с Фоксом. Однако весной 1794 г. «выборы в Англии прошли благоприятно для Питта...— это испортило положение Дантона, Робеспьер победил и обезглавил его» [1]. Дантон был арестован на другой день по получении в Париже известий о парламентской победе Питта. Лебрен еще зимой был предан революционному трибуналу и казнен.

Шпионско-диверсионная агентура коалиции во Франции

Создатели коалиции — Питт, Австрия и Пруссия — засылали во Францию множество агентов для подрывной шпионско-диверсионной работы против революционной диктатуры. Английские шпионы снабжали деньгами контрреволюционные восстания в отдельных городах. Тайные агенты Англии устраивали пожары и взрывы в Дуэ, в Валансьене, на оружейных заводах Байонны, в артиллерийских парках, арсеналах и складах фуража. Инструкция, найденная в Лилле в портфеле одного английского шпиона, рекомендовала для этого специальные фитили. Агенты Питта и Австрии наводняли Францию фальшивыми ассигнациями и вербовали убийц среди священников и женщин, фанатически настроенных под влиянием агитации духовенства. Конвент в ответ на эти меры постановил арестовать всех подозрительных иностранцев. Некий Бойд — банкир Питта и английского министерства иностранных дел — имел свое отделение и агентов в Париже. Ему удалось бежать от ареста только благодаря паспорту, которым его снабдили дантонисты. Австрийский агент, бельгийский банкир Проли, выведывал секретные решения Комитета общественного спасения через Эро-де-Сешеля, бывшего жирондиста, который до декабря заседал в комитете. Шпионов было так много, что Робеспьер считал нужным иметь два плана действий — один совершенно секретный, другой — для канцелярских служащих: этот план должен был навести иностранных агентов на ложный след. Шпионы встречались также среди иностранной эмиграции. Они пользовались тем, что во Францию стекались борцы за свободу из всех стран. Конвент даровал права французского гражданства многим иностранным передовым писателям и мыслителям. Некоторые из них, как Клоотц и Томас Пенн, заседали в Конвенте. Иностранцев-революционеров всюду встречали с восторгом. Они часто играли видную роль. Шпионы старались воспользоваться этим и иногда скрывались под маской иностранных патриотов, преследуемых за свои идеи.

---

[1] *Энгельс*, Письмо В. Адлеру от 4 декабря 1889 г. (*Маркс* и *Энгельс*, Письма, под ред. В. Адоратского, 1932, стр. 362—364).

Эбертисты, Клоотц и дипломатия

Левые якобинцы, Клоотц и эбертисты, в противоположность дантонистам, в принципе отвергали всякую дипломатию и переговоры. Они вели пропаганду террора и беспощадной войны с коалицией. Для коммуны и плебейских масс, с которыми они были связаны, важнее всего была защита революции и война до полной победы, связанная с продолжением и расширением революционных мероприятий.

Ленин писал:

«Война во Франции была продолжением политики того революционного класса, который сделал революцию, завоевал республику, расправился с французскими капиталистами и помещиками с невиданной до тех пор энергией, и во имя этой политики, продолжения ее, повел революционную войну против объединенной монархической Европы» [1].

Эбертистов увлекала идея распространения революции во всей Европе. Главным пропагандистом этой идеи был Клоотц. Эбертисты считали ненужным даже поддержание внешней торговли и дипломатических отношений с нейтральными странами. Продовольствие, по их мнению, надо было получать путем террора и реквизиции, а не ввоза из-за границы. Левые якобинцы летом 1793 г. требовали разрыва с Данией и ганзейскими городами. В начале ноября Шометт в принципе высказался за упразднение дипломатического представительства Французской республики за границей. Но уже с середины ноября под нажимом Комитета общественного спасения эбертисты постепенно стали отказываться от полного отрицания дипломатии, разрыва со всеми странами и от вооруженной революционной пропаганды. Их успокоили первые победы республики. Однако Клоотц продолжал отрицать все прежние формы дипломатических сношений. Революционная дипломатия для него заключалась в войне республики со всей Европой и в создании всемирной федеративной республики. Для многих его сторонников из среды иностранных революционеров эта цель была основной. Во всемирной республике, которая должна была увенчать революцию, Клоотц не предвидел для дипломатов никакого применения. По его убеждению, всеобщее братство, свобода и равенство народов сделают дипломатию излишней.

Робеспьер и дипломатия Комитета общественного спасения с осени 1793 г. до переворота 9 термидора (27 июля 1794 г.)

Конституция 1793 г. установила принципы революционной дипломатии якобинцев. Согласно конституции, французы признавались естественными союзниками всех свободных народов. Французский народ не вмешивается в формы правления других народов, но не допускает вмешательства и в свои дела.

[1] *Ленин*, Соч., т. XXX, стр. 335.

Франция дает убежище борцам за свободу, но отказывает в нем тиранам и не заключает мира с врагом, занимающим ее территорию. Конституция 1793 г. не была осуществлена, так как обстановка требовала режима революционной диктатуры. Тем не менее дипломатия Робеспьера во многом соответствовала ее принципам, которые отрицали и войну за пределами Франции со всей Европой с целью всемирной революции, и капитулянтский мир, но требовали освобождения страны от интервентов.

Придавая дипломатии большое значение, как средству борьбы с коалицией, Робеспьер одновременно подавлял два противоположных течения: пропаганду революционной войны во что бы то ни стало, проводимую Клоотцом и эбертистами, и попытки дантонистов заключить капитулянтский мир. Летом 1793 г. Робеспьер провел против дантонистов декрет о смертной казни всякому, кто предложит заключить мир с неприятелем, занимающим французскую территорию. В речах о внешней политике он громил макиавеллизм монархической дипломатии. Дипломатия революции, говорил Робеспьер, должна опираться на начала справедливости, прямоты и законности. Робеспьер призывал малые державы Европы к союзу и сплочению с Францией. Однако он считал, что этот союз может быть достигнут только на основе свободного волеизъявления народа, а не путем принуждения и завоеваний. Робеспьер стремился к освобождению Франции, а не к революции за ее пределами. Комитет отозвал агентов, посланных в Швейцарию жирондистами для возбуждения там революции. Иностранные шпионы и эмигранты всячески раздували и преувеличивали революционную пропаганду якобинцев вне Франции, чтобы напугать европейские державы и побудить их решительнее воевать с Францией. Так был сфабрикован и напечатан за границей подложный доклад Сен-Жюста, содержавший фантастические данные о якобинской пропаганде в Европе и произведенных на это дело затратах.

В отличие от Дантона, Робеспьер видел главного врага в Англии. Чтобы пресечь дантонистские интриги с Англией и произвести переворот в принципах внешней торговой политики, Барер 21 сентября выступил от Комитета с большой речью против Англии. Конвент принял против нее Навигационный акт, подобный знаменитому акту Кромвеля, запрещавший доступ английским судам во Францию. Этим принципиальным актом, направленным против английской торговли, якобинская диктатура порвала с фритредерской политикой жирондистов, приблизила торговую политику Франции к интересам промышленной буржуазии и нанесла удар планам дантонистов. В дальнейшем, уже после падения якобинцев, принципы Навигационного акта были распространены на все завое-

ванные Францией области. Наполеон превратил их в идею континентальной блокады Англии.

Дипломатия Комитета общественного спасения, возглавляемого Робеспьером, ставила перед собой три главные задачи: 1) вывести Францию из экономической и политической изоляции и расширить импорт продовольствия, 2) создать в противовес контрреволюционной коалиции группировку из других держав, 3) посеять внутри коалиции рознь и ускорить ее распад. Не желая еще больше усиливать террор и реквизиции против богатых и зажиточных, как того хотели эбертисты, Робеспьер видел важный источник снабжения армии в импорте продовольствия из-за границы. Чтобы ослабить экономическую и политическую изоляцию Франции, он сохранял хорошие отношения с Швейцарией, Соединенными штатами, Данией и ганзейскими городами. В этих государствах были сделаны крупные закупки продовольствия. Робеспьер решительно отказался от жирондистских поползновений на захват пограничных районов Швейцарии. Комитет также отозвал Женэ, посла в Соединенных штатах, жирондиста, вызывавшего своей пропагандой недовольство правительства Соединенных штатов. Робеспьер осудил действия Женэ, который обращался через голову американского правительства к американскому населению с призывами к войне с Англией и выдавал в Америке каперские свидетельства капитанам судов.

Для выполнения второй дипломатической задачи Робеспьер предполагал создать коалицию из Швеции, Дании, Генуи и Турции. Еще при Дантоне в Константинополь и в итальянские города были посланы дипломатические агенты Маре и Семонвиль. Но их поездка не была обставлена необходимыми предосторожностями. По дороге через Швейцарию они были разбойническим образом захвачены в плен австрийцами на нейтральной территории. Нападение в дороге на дипломатических агентов и курьеров было обычным приемом держав коалиции для получения сведений о планах революционного правительства. Инструкции, поручавшие Семонвилю толкнуть Турцию на военную диверсию против России, попали в руки венского двора. Считая Турцию противовесом коалиции и не желая вызвать раздражение и тревогу в турецком правительстве, Комитет решил воздержаться от революционной пропаганды на Востоке, во французских торговых колониях. Якобинский клуб в Париже отказался признать своим филиалом «Народное общество», организованное во французской колонии в Константинополе. Агентом Франции в Константинополе был Декорш, богатый аристократ, ловкий карьерист и интриган, отправленный туда еще Лебреном. Его деятельность была парализована тем, что у Комитета не было денег для предложения Турции крупной субсидии. Кроме того, турецкие сановники боялись России и

Англии и еще не верили в победу республики, находившейся до конца 1793 г. в самом тяжелом положении. Напрасно старался Декорш ублажить турок подарками из прибывшего к нему багажа Семонвиля. Пробовал он также через французского консула в Багдаде восстановить против России и Персию. С одной лишь Швецией Комитетом регулярно велись тайные переговоры о союзе и субсидиях; но отсутствие денег у Комитета и неясность исхода военных событий мешали их успешному завершению. Вместе с тем якобинцы проявили полное равнодушие к польскому восстанию Костюшко в 1794 г. Когда агент Костюшко явился в Париж просить поддержки, то он не получил здесь даже словесного одобрения. Робеспьер и Сен-Жюст решили уклониться от помощи полякам, считая польское движение недостаточно демократичным и революционным. К тому же они рассчитывали, что подготовляемый раздел Польши отвлечет от Франции внимание и силы коалиции.

Для осуществления своей третьей задачи — ускорения распада коалиции — Комитет осенью 1793 г. решил создать целую сеть специальных тайных агентов. Эти агенты должны были способствовать возникновению взаимных подозрений и розни среди держав, входивших в коалицию. Кроме того, им поручено было установить сношения с министрами и другими доверенными лицами при иностранных дворах. Подбирались агенты из иностранцев, преданность которых Французской республике была проверена. Подыскание подходящих лиц, переписку с ними и собирание всей информации Комитет возложил на посла Франции в Швейцарии Бартелеми. Базель, где находился Бартелеми, был удобной наблюдательной позицией; там можно было сосредоточить в своих руках все нити информации, получаемой Комитетом из-за границы. Уже в ноябре Бартелеми подыскал двух агентов — одного в Голландии, а другого в Берлине.

В период якобинской диктатуры мирные переговоры с державами коалиции еще не были начаты. Однако растущая рознь между ними и победы Франции заставляли их самих зондировать почву. Испанский посол в Дании пытался завязать переговоры о мире с французским агентом в Копенгагене; агенты Пруссии и Австрии не раз сообщали Бартелеми о возможности начать переговоры. Однако Комитет выжидал решающих побед. К лету 1794 г. успехи революционных армий свели на-нет угрозу иностранного вторжения; победа у Флерюс 26 июня 1794 г. вновь отдала Бельгию в руки французов. Якобинская диктатура создала новую могучую массовую революционную армию, обеспечившую Франции военный перевес над коалицией. Военные успехи оживили мечты крупной французской буржуазии о завоевании левого берега Рейна. Но Робеспьер считал, что Франция уже обеспечена против внешнего нападения:

настоящей целью его были победоносный мир и расправа с внутренними врагами демократии. Считая необходимой защиту Савойи и Ниццы, Робеспьер был против завоевания всего левого берега Рейна. Робеспьер знал, что против якобинской диктатуры готовится заговор. Заговорщики из агентов крупной буржуазии, а также эбертисты, хотели продолжения войны. Обстановку, созданную победами, они надеялись использовать для контрреволюционного переворота, свержения режима революционной диктатуры, завоевания Бельгии и левого берега Рейна. Барер и другие будущие термидорианцы уже с весны 1794 г. с беспокойством следили за внутренней политикой Робеспьера, всячески противодействуя ей и возбуждая жажду новых побед. Эти разногласия были одной из причин термидорианского переворота (27 июля 1794 г.), который передал власть в руки крупной буржуазии. Контрреволюционным переворотом буржуазия расчистила себе дорогу для постепенного превращения революционно-освободительной войны в войну завоевательную.

Организация якобинской дипломатии

При якобинской диктатуре была произведена полная реорганизация дипломатического аппарата. С осени 1793 г. Барер и Робеспьер ведали внешними сношениями республики в Комитете общественного спасения. Эти сношения крайне сократились. Комитет поддерживал полуофициальные дипломатические отношения с Турцией, Швецией, Соединенными штатами, Данией, Женевой, Швейцарией, Генуей и Алжиром. Политическое значение министра иностранных дел было ничтожно. Конвент принимал декреты и решения по внешней политике, даже его не выслушивая. С лета 1793 г. все важные дипломатические вопросы — переговоры, назначение агентов и наблюдение за ними — были сосредоточены в руках Комитета общественного спасения. В сентябре 1793 г. Комитет принял «Временные дипломатические основания», по которым только в Соединенных штатах и Швейцарии сохранялись официальные послы республики [1]. В прочих государствах Комитет должен был иметь только секретных агентов. Эти «основания», по существу, лишь подтверждали фактическое положение вещей.

Дипломатический персонал был очищен от контрреволюционеров. Специальные наблюдатели посылались следить за малонадежными агентами, которых пока некем было заменить. С сентября 1793 г. Комитет пресек всякие переговоры с эмиссарами воюющих держав. Наконец, декрет 5 декабря 1793 г. формально передал всю дипломатию в руки Комитета. В марте

[1] Фактически и там они действовали неофициально, так как республика не была формально признана.

1794 г. Комитет постановил, что он сам подписывает грамоты послам, дает им специальные полномочия и директивы для переговоров; на основе их министр пишет свои инструкции. Частые перехваты депеш агентами коалиции и разбойничье похищение Семонвиля австрийцами заставляли Комитет по возможности воздерживаться от письменных инструкций. Чиновникам министерства были даны строгие указания о соблюдении дипломатической тайны. В связи с зародившейся в 1793 г. идеей блокады английской промышленности внешние таможни были переданы в ведение министерства иностранных дел. Тогда же Конвент упразднил министерства и заменил их 12 комиссиями, подчиненными Комитету общественного спасения. Самое слово «министр» признано было неподходящим для революционного правительства. Министерство иностранных дел было преобразовано в Комиссию по иностранным делам во главе с комиссаром Бюшоттом, который целиком зависел от Комитета. Окончательная организация комиссии была завершена лишь после 9 термидора, когда практически встал вопрос о мирных переговорах. До этого времени на комиссию мало обращали внимания.

Комитет не располагал подготовленными дипломатами-якобинцами. Посылка специальных лиц для наблюдения за ненадежными агентами иногда приводила к склоке. В Константинополь приехал агент Энен, присланный наблюдать за Декоршем. Между ними началась открытая вражда. Декорша поддерживала местная умеренная буржуазия французской колонии, а Энена местные якобинцы. Их открытые взаимные обвинения и столкновения дискредитировали республику в глазах турецких властей.

Большую роль в организации дипломатии Комитета должна была играть сеть агентов, созданная Бартелеми. В этой сети первоначально числилось до 45 агентов; затем их количество дошло до 120, но со временем деятельность их ослабела. Для широкой организации такой работы нехватало денег. Вообще в условиях революционной войны до полной победы дипломатия, естественно, оставалась оттесненной на второй план военными задачами. Бо́льшая часть этих агентов осталась внутри Франции; многие из находившихся за границей вовсе не присылали донесений.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ДИПЛОМАТИЯ В ГОДЫ ТЕРМИДОРИАНСКОЙ РЕАКЦИИ И ДИРЕКТОРИИ (1794—1799)

1. ГОДЫ ТЕРМИДОРИАНСКОЙ РЕАКЦИИ (1794—1795)

Военное преобладание Франции в Европе и дипломатия термидорианской реакции

Крупная буржуазия, пришедшая к власти 9 термидора, унаследовала от якобинской диктатуры новую революционную армию. В годы революции французский народ проявил в деле ведения войны «гигантское революционное творчество, пересоздав всю систему стратегии, порвав все старые законы и обычаи войны и создав, вместо старых войск, новое, революционное, народное войско и новое ведение войны» [1]. Эта армия дала Франции безусловный военный перевес над государствами феодально-монархической Европы. Военное преобладание Франции надолго определило международное положение в Европе. Оно стало основой французских побед в длинном ряде войн между Францией и Европой, тянувшихся до 1815 г. и представлявших собой борьбу французской буржуазии за европейскую и мировую гегемонию.

Победы французов настолько обострили противоречия внутри коалиции, что уже в конце 1794 г. начал намечаться ее распад. Перед французской дипломатией стояла задача — ускорить этот процесс, расчленить коалицию, обеспечить осуществление завоевательных стремлений французской буржуазии. Еще ранее из рядов дипломатического персонала были изгнаны якобинцы, революционеры, противники завоеваний. Критика дипломатических приемов и институтов абсолютной монархии была отброшена в сторону. Готовясь к переговорам, буржуазия намеревалась следовать в дипломатии своим интересам. При Комиссии по иностранным делам было учреждено специальное «аналитическое бюро». Задача его состояла в историческом изучении экономических и политических основ внешних сношений Франции. Зимой 1794 г. было в принципе решено восстановить прежнюю организацию дипломатического предста-

[1] *Ленин*, Соч., т. XXX, стр. 334.

вительства со всеми рангами послов и агентов. Последние должны были, однако, представлять уже не особу монарха, а нацию — в лице новой буржуазной республики.

Термидорианский Конвент сохранил Комитет общественного спасения, но целиком подчинил его себе. Весной 1795 г. Конвент уполномочил Комитет вести мирные переговоры и заключать договоры. В договорах допускались секретные статьи, если они не противоречили открытым обязательствам и не наносили ущерба республике. Комитет организовал при себе бюро дешифрирования.

Еще с конца ноября 1794 г. начаты были переговоры о мире с Пруссией. 2 апреля 1795 г. в Базеле был подписан мирный договор, который оставлял левый берег Рейна в руках Франции. Северная Германия была нейтрализована. Так началось полное разрушение Священной Римской империи, завершенное Наполеоном в 1806 г.

22 июля 1795 г. в том же Базеле был заключен мир и с Испанией. Еще раньше, в мае, был подписан мир с Голландией. Голландия была превращена в зависимую от Франции Батавскую республику. Декретом 1 октября 1795 г. Бельгия и левый берег Рейна были присоединены к Франции. С 1794 г. с этими областями поступали уже не как с освобождаемыми, а как с завоеванными территориями. На них налагались беспощадные контрибуции и реквизиции, увозились лучшие произведения искусства, которые составляли национальную гордость. Реквизиции и контрибуции раскладывались сначала на богачей и аристократов, — потом они стали распространяться и на более широкие круги населения. О согласии самого населения на присоединение к Франции начинали забывать. В переговорах все большее значение придавалось другим мотивам: обеспечению военной безопасности и возмещению военных издержек. Успехи Франции показали, что она была в силах побеждать феодально-монархическую Европу, но вместо сторонников революционной войны у власти уже стояли термидорианцы.

«Трагично то, — писал Энгельс, — что партия войны беспощадной (à outrance), войны за освобождение народов, оказывается вполне права, и республика побеждает всю Европу, но только уже после того, как эта партия сама давно обезглавлена, и вместо войны для революционной пропаганды наступают базельский мир и буржуазная оргия директории» [1].

Окончательный раздел Польши в 1795 г.

Распадение коалиции было тесно связано с событиями в Польше. Весной 1794 г. началось восстание поляков под предводительством Костюшко. Двинутая против поляков армия Суво-

[1] *Энгельс*, Письмо В. Адлеру от 4 декабря 1889 г. (*Маркс* и *Энгельс*, Письма, под ред. В. Адоратского, 1932, стр. 362—364).

рова вступила в Польшу и штурмом взяла Варшаву. Прусский король, боясь, как бы Екатерина не завладела одна последними остатками Польши, тоже двинул свои войска к Варшаве и в Краков, а австрийцы заняли Люблин. Чтобы избежать войны с Пруссией, Екатерина вынуждена была согласиться на окончательный раздел Польши, оставив мечту о полном подчинении ее одной России. Между Австрией и Пруссией началась дипломатическая борьба из-за Кракова — важной стратегической позиции, на обладание которой претендовали обе стороны. Борьба эта обострила отношения обоих государств и ускорила выход Пруссии из коалиций. Прусский король с весны 1794 г. выехал в Польшу и в дальнейшем почти не принимал участия в войне с Францией. Видя это, Питт в 1795 г. решил прекратить выплату Пруссии английских субсидий. Екатерина опасалась захвата Кракова Пруссией и ее чрезмерного усиления. Она теснее сблизилась с Австрией, которая была ей нужнее, во-первых, как союзник против Турции, и, во-вторых, как более активный враг буржуазной Франции. После отказа Пруссии уступить Краков австрийцам Екатерина, без ведома Пруссии, заключила с Австрией тайный договор об окончательном разделе Польши. Изолировав Пруссию и поставив ее перед совершившимся фактом, она заставила ее уступить и принять свои условия. На этот раз Екатерина применила против Пруссии тот же прием, который во время второго раздела Польши 1793 г. был ею использован против австрийцев.

В 1795 г. по третьему разделу Польши Россия получила Литву, Курляндию и области до Немана и Буга, не присоединив ни одного клочка земли с преобладанием польского населения. Пруссии досталась Варшава, а Австрии — Люблин и Краков с их областями. «Грабеж в Польше, — писал Энгельс о разделах 1793 и 1795 гг., — отвлек силы коалиции 1792—1794 гг. и ослабил силу ее напора против Франции, дав последней время окрепнуть настолько, что она совершенно самостоятельно одержала победу. Польша пала, но ее сопротивление спасло французскую революцию, а вместе с французской революцией началось движение, против которого бессилен и царизм» [1]. Царица умело воспользовалась войной Австрии и Пруссии с Францией, чтобы расширить свою империю. «Французская революция была новой удачей для Екатерины», — писал Энгельс [2]. Реакционное сотрудничество России, Австрии и Пруссии в разделах Польши стало одной из основ их сближения и их дальнейшей совместной политики против революций и национально-освободительных движений в Европе, в частности в годы Священного союза.

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 16.
[2] Там же.

Англо-русско-австрийский союз 1795 г.

По выходе Пруссии, Голландии, Испании и других государств из коалиции, только Англия и Австрия продолжали войну с Францией. Екатерина, освободившись от польских дел, стала готовить 60-тысячный корпус войск для отправки против Франции. В 1795 г. она заключила новый союз с Англией и Австрией, но ее смерть (1796 г.) и враждебная позиция Пруссии снова помешали участию русской армии в контрреволюционной войне. Грабительские планы коалиции стали в это время особенно очевидными. Чтобы не связывать себе рук на случай возможности расчленения и ограбления Франции, Питт и император отказались признать королем Франции брата Людовика XVI — графа Прованского. Одна Екатерина, которая не рассчитывала на территориальные приобретения за счет Франции, настаивала на этом признании. Другой брат Людовика XVI, граф Артуа, упрямый, расточительный и надменный, еще раньше мог убедиться в том, что английская буржуазия ценила выше всего свой карман и гораздо меньше французскую корону и аристократию. Когда граф Артуа в 1793 г. решил приехать в Англию, чтобы найти там активную помощь, то он не посмел даже высадиться на берег; друзья предупредили его, что, сойдя на берег, он по английским законам немедленно будет посажен своими кредиторами в долговую тюрьму. Граф уже успел наделать к тому времени долгов на сумму около 10 или 20 миллионов ливров, а шансы на их уплату падали с каждым днем.

2. ДИПЛОМАТИЯ В ГОДЫ ДИРЕКТОРИИ (1795—1799)

Внешняя политика Директории

В годы Директории новая военная система дала Франции блистательные победы над коалицией. Но та же Директория, которая опиралась на буржуазию, наживщуюся на спекуляциях, была неспособна создать в стране крепкую администрацию: она все более попадала в зависимость от хода войны и успехов своих генералов. В 1796—1799 гг. война, контрибуции и грабеж покоренных стран стали основным источником финансов Директории. Одна парижская газета писала, что генералы сделались «казначеями республики» и стали мало считаться с Директорией.

Главная задача французской дипломатии периода Директории заключалась в наиболее выгодном использовании военных побед и в создании вдоль восточной границы республики пояса из зависимых государств, которые обеспечивали бы господство Франции над Центральной Европой и Италией [1]. Италия была для Директории обильным источником продовольствия и денег и удобным путем к рынкам Востока. После потери заатланти-

[1] К 1799 г. этих государств было создано шесть: то были республики — Батавская, Гельветическая, Лигурийская, Римская, Партенопейская и Цизальпинская.

ческих колоний завоевание этих рынков стало основной целью колониальной политики французской буржуазии. Захват Ионических островов в Средиземном море, занятие острова Мальты и экспедиция Бонапарта в Египет были последовательными этапами этой политики. Впрочем, Бонапарт имел и другие планы. Из Египта он хотел угрожать британским владениям в Индии; в связи с этим им было послано письмо с предложением союза султану Майсора Типу-Саибу, сильнейшему индийскому государю, боровшемуся с англичанами за свою независимость. Но письмо было перехвачено и попало в руки англичан.

Восстановление министерства иностранных дел. Дипломатия генералов

В годы Директории происходило дальнейшее приспособление институтов и методов дипломатии абсолютных монархий к нуждам победившей буржуазии. Конституция 1795 г. передала руководство внешней политикой в руки Директории. Объявление войны могло быть санкционировано только Законодательным корпусом по ее предложению. По конституции Директория вела переговоры, заключала договоры, назначала дипломатических агентов. Секретные договоры не подлежали ратификации и не должны были содержать пункты об отчуждении французской территории. В отношении секретной дипломатии оставались в силе решения термидорианского Конвента. Комиссия по иностранным делам вновь была превращена в министерство. К службе в министерстве было привлечено много прежних чиновников; однако министр попрежнему не имел политического влияния. Царивший везде в годы Директории дух продажности, спекуляции и наживы проникал и в среду дипломатического персонала. В министерство пробралось много карьеристов и ловких дельцов. Чиновники получали жалованье быстро падавшими ассигнатами, что усиливало их продажность. Частые циркуляры, требовавшие строгой дисциплины и хранения дипломатической тайны, не помогали. Только с 1797 г. началось постепенное укрепление аппарата министерства.

Фактически при Директории дипломатия Франции находилась в руках не министра и даже не директоров, а в руках генералов республики, которые заключали договоры и подписывали почти все дипломатические акты. Все более выдвигавшийся Наполеон Бонапарт заключил конвенцию с Тосканой, мир с папой, мир с Австрией в 1797 г., подписанный им без предварительного запроса Директории и без учета ее инструкций. Генералы (тот же Бонапарт, Моро) подписывали перемирия и прелиминарные договоры. Только союз с Испанией в 1796 г. был заключен самой Директорией. Сознание своего военного превосходства придавало тону дипломатических переговоров Франции резкость, грубость и оттенок насилия. Бонапарт обнаружил замечательные дарования дипломата.

Но для ведения переговоров и ему нехватало спокойствия и выдержанности. Иногда им овладевали припадки дикого гнева. Так, в 1797 г. в Кампо-Формио во время переговоров о мире с австрийским уполномоченным Кобенцлем он в ярости кричал ему: «Ваша империя — это старая распутница, которая привыкла, чтобы ее все насиловали... Вы забываете, что тут вы ведете со мной переговоры, будучи окружены моими гренадерами». Схватив драгоценный фарфоровый сервиз, подаренный Кобенцлю Екатериной II, он в бешенстве разбил его об пол. Эти переговоры кончились миром с Австрией, которая отказалась от Бельгии в обмен за Венецию. Венецианскую республику постигла участь Польши: она была разделена между Австрией и Францией. Во время войны в Италии французская революционная фразеология прикрывала прямой грабеж и захват подчиняемых областей. От суверенитета нации и плебисцита по вопросу о присоединении осталась только пустая и не всегда соблюдавшаяся формальность. В переговорах речь шла уже не о воле населения, а о военной и экономической ценности присоединяемых земель. Малейшее неповиновение грозило населению кровавой расправой. В Италии Бонапарт велел перебить за неподчинение все население Луго и Бинаско, приказал расстрелять весь муниципалитет в Павии, отдал город своим солдатам на разграбление на 24 часа и сжигал деревни, около которых находили убитых французов.

В 1796 г. утомление от войны неимоверно возросло и в Англии и во Франции. Питту и Директории уже приходилось уверять население своих стран, что правительство желает мира. Наконец, осенью Питт послал в Париж лорда Малмсбери для мирных переговоров. Обе стороны прекрасно понимали, что переговоры ничем не могут закончиться. Они создавали проволочки, надеясь выиграть время для передышки и переложить ответственность за продолжение войны на своего противника. В декабре 1796 г. Малмсбери ни с чем уехал в Лондон.

Талейран и Бонапарт

В 1797 г. министром иностранных дел был назначен Талейран. Знатный аристократ по происхождению, бывший епископ, он в целях карьеры и обогащения перешел на сторону революции. Еще в 1792 г. он выполнял дипломатические поручения фельянов и жирондистов, но на всякий случай втайне служил и королевскому двору. В 1792 г., чтобы спастись от революционного террора, он уехал в Англию, приняв на себя ряд поручений. Высланный из Англии, он отправился в Америку, а в 1795 г. получил разрешение возвратиться во Францию. У Талейрана уже в 1797 г. была известность человека, одаренного огромным умом и выдающимся дипломатическим талантом, но и отличающегося величайшим презрением к людям и полным равнодушием к вопросам морали. Талейран обладал всеми свой-

ствами карьериста, корыстолюбца, беззастенчивого лжеца и лицемера. Но при всем этом он умел держать себя в любых обстоятельствах, как величавый вельможа, с олимпийским спокойствием, с самыми изысканными манерами аристократа. Став министром, Талейран думал прежде всего о своем личном обогащении и о своей карьере. Министерский портфель стал для него источником бесконечных взяток с крупных и малых просителей — германских князей, испанского двора, русского царя, итальянских монархов. Как проницательный политик Талейран понимал неизбежность падения Директории и установления военной диктатуры. Талейран горячо пропагандировал идею завоевания Францией новых рынков на Востоке и в Северной Африке и поддерживал идею Бонапарта о походе в Египет, связывая ее с торговыми интересами французской буржуазии. Видя в Бонапарте будущего диктатора, он старался сблизиться с ним, писал ему льстивые, почти раболепные письма. В 1799 г., когда падение Директории было уже близко, Талейран ловко добился отставки, чтобы не быть скомпрометированным вместе с директорами. По возвращении Бонапарта из Египта он принял деятельное участие в подготовке переворота 18 брюмера. Не претендуя на самостоятельную политическую роль, Талейран считал наиболее выгодным для себя стать слугой, советником и приказчиком Бонапарта. После переворота 18 брюмера Бонапарт оценил его способности и вновь назначил его министром иностранных дел.

Еще при Директории Талейран внес ряд перемен в организацию министерства иностранных дел. Между прочим он поставил институт консулов на службу торговым интересам французской буржуазии. До революции консулы французской монархии (чаще всего выходцы из дворян, чуждые интересам торговли) не всегда должным образом защищали интересы французских купцов, — так, на Востоке они лишь следили за мелочной регламентацией торговли; поэтому уже в первые годы революции французское купечество настойчиво добивалось замены их своими выборными уполномоченными. Во время якобинской диктатуры на первом плане стояли политические вопросы. Консульства были подчинены политическим отделам министерства; функции их смешивались с деятельностью политических агентов республики. Талейран восстановил Консульское бюро в министерстве. Главной задачей консулов стали защита торговых интересов французских торговцев и сбор коммерческой информации. После переворота 18 брюмера консулы стали именоваться «комиссарами по коммерческим сношениям», так как название «консул» приобрело другой, политический, смысл.

Талейран восстановил и реорганизовал при Консульском бюро школу молодых переводчиков, подготовлявшую драгоманов для восточных посольств и консульств Франции. Ученики, кото-

рых было около двух десятков, набирались из детей французских семейств, живших на Востоке. Талейран широко использовал в министерстве прежних чиновников. Дипломатическим агентам была запрещена частная переписка по политическим вопросам. Количество политических отделов министерства было сведено к двум, как было в 1789 г., до революции.

Вторая коалиция и переворот 18 брюмера

В 1798 г. упрочение французского влияния в Голландии и Швейцарии, захват Бонапартом Мальты и египетская экспедиция привели к образованию второй коалиции против Франции. Ее основными участниками были Англия, Австрия, Россия и Турция, а главными организаторами — английская и русская дипломатия. Питт не хотел допустить господства Франции над Голландией, Швейцарией, Италией и Египтом. Что касается Павла I, то он глубоко ненавидел буржуазную Францию. Еще в своем манифесте при восшествии на престол Павел заявлял, что надо всевозможными мерами противиться «неистовой французской республике», угрожающей всей Европе «совершенным истреблением закона, прав, имущества и благонравия». Господство Франции над всей Центральной Европой было нежелательно и для России. Успех египетской экспедиции Бонапарта мог привести к владычеству Франции над Турцией и созданию там преграды для русского влияния. Мечтая усилить влияние России на Востоке, Павел возымел мысль — создать из острова Мальты форпост русского влияния в Средиземном море. Египетский поход Бонапарта, перепугавший султана, дал России и Англии возможность вовлечь в коалицию и Турцию. Европа увидела необычайное зрелище: союз Турции с Россией против Французской республики.

Начало войны второй коалиции с Францией сопровождалось со стороны Австрии разбойничьим нарушением международного права — убийством французских уполномоченных на Раштадтском конгрессе. После мира с Австрией в 1797 г. в Раштадте собрался конгресс дипломатов для урегулирования территориальных вопросов, касавшихся Священной Римской империи. После открытия военных действий австрийский двор потребовал немедленного выезда оставшихся в Раштадте французских уполномоченных. В предместьи города на уезжавших французских послов напали австрийские гусары и изрубили их на куски на глазах сопровождавших их жен. Этот разбойничий налет был объявлен «печальным недоразумением», а затем австрийцы распустили слух, что Директория сама подослала убийц. Престиж Директории пал так низко, что многие поверили и этой выдумке.

После переворота 18 брюмера, устранившего Директорию, Наполеон установил режим военной диктатуры. Все дипломатические дела перешли в руки первого консула и его министра.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЕВРОПЕЙСКИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПРИ НАПОЛЕОНЕ

(1799—1814 гг.)

1. ДИПЛОМАТИЯ НАПОЛЕОНА ДО ТИЛЬЗИТА

(1799—1807 гг.)

Наполеон как дипломат

Человека, который получил после 18 брюмера диктаторскую власть над Францией и удерживал эти полномочия в своих руках в течение 15 лет, многие современники считали столь же великим дипломатом, как и полководцем. Уже в первых походах, в Италии в 1796—1797 гг., при переговорах с австрийцами в Леобене и Кампо-Формио и в войне с мамелюками, а затем с турецкими регулярными войсками в Египте и Сирии в 1798 — 1799 гг., Наполеон, не будучи никем уполномочен, брал на себя функции дипломата, который вступает в соглашения и подписывает трактаты от имени Франции. Когда Бонапарт вел переговоры с султаном Майсора в Индии о борьбе с общим врагом — Англией, то и этот ответственный дипломатический шаг он предпринял исключительно по собственному почину. Так он поступал, будучи только генералом; когда же в ноябре 1799 г. он получил формальное право вести дипломатические переговоры от имени Франции в качестве ее верховного главы, то он больше ни с кем не делился своими полномочиями.

После 18 брюмера Наполеон назначил своим министром иностранных дел князя Талейрана-Перигора, который пробыл в этом звании до осени 1807 г. Преемниками Талейрана были сначала Шампаньи (герцог де Кадор), а затем герцог Бассано. Из этих трех министров один лишь Талейран обладал настоящим дипломатическим талантом. Остальные два—де Кадор и Бассано — были только исполнительными чиновничьими посредственностями, аккуратными и трудолюбивыми начальниками канцелярии министерства иностранных дел. Но Наполеон даже Талейрана обратил в простого исполнителя своей воли, хотя и высоко его ценил. «Талейран самый умный из министров, каких я имел», —говорил к концу жизни

Наполеон. Конечно, Талейран писал бумаги, ноты, меморандумы гораздо умнее и тоньше, чем другие; но содержание дипломатических документов, которые он составлял, всегда диктовалось самим императором. Советы Талейрана принимались только тогда, когда они совпадали с намерениями самого императора; в противном случае они отвергались.

Два периода в дипломатической деятельности Наполеона

Сам Талейран считал Наполеона, особенно в начале его царствования, мастером дипломатического искусства. Уже в старости, будучи французским послом в Лондоне, он гордо и презрительно напоминал министрам Луи-Филиппа, что сотрудничал с самим великим императором, который научил его работать. Талейран полагал, что переломным моментом в деятельности Наполеона был Тильзитский мир, после которого политика императора привела к крушению великой империи. Но, анализируя общий характер дипломатической деятельности Наполеона, можно установить, что переломный момент наступил раньше, а именно с изданием знаменитого декрета о блокаде Британских островов от 21 ноября 1806 г.

Бонапарт получил в наследство от Директории дипломатические дела в состоянии хаоса. В то время, как он воевал в Египте и Сирии, Суворов вытеснил французов из Италии; Австрия готовилась к новому походу как на Рейне, так и на альпийской границе; Англия, руководимая Уильямом Питтом, была в полной боевой готовности и обнаруживала самую решительную непримиримость; Пруссия колебалась, и каждый день можно было ждать, что она нарушит свой сомнительный нейтралитет; Вандея волновалась, и Питт уже рассматривал ее как возможный плацдарм для эмигрантского десанта, который будет оперировать при деятельной поддержке британского флота.

Отношение Наполеона к Австрии, Англии, России

Первый консул выражал с самого начала убеждение, что прежде всего нужна победа над великой державой, непосредственно грозящей Франции вторжением, т. е. над Австрией. Он умышленно откладывал всякие переговоры с остальными континентальными державами, пока Франция еще не одержала этой победы. Его политика направлялась к одной цели: выдерживать как можно более примирительный и успокаивающий тон при разговорах с иностранными представителями, пока не сведены счеты с Австрией и не уничтожены последствия суворовских побед в Италии. После победы при Маренго Австрия еще не признавала своего поражения окончательным; однако другие государства уже не верили, что Австрия сможет поправить свои дела. Прусский король уже не думал о выступлении; испанские Бурбоны обнаруживали покорность; западногер-

манские державы наперерыв стремились выказать свои дружественные чувства. Тогда Бонапарт приступил к выполнению плана, который составлял главную цель его внешней политики в течение 1800—1812 гг.: с одной стороны, победить Англию, с другой — заключить военный наступательный и оборонительный союз с Россией. Без союза с Россией влияние, а потом и владычество Наполеона на континенте Европы всегда было непрочным, а без прочности этого владычества нельзя было и думать о сокрушительном ударе против Британских островов. Во исполнение этого плана первый консул велел возвратить в Россию русских пленных, взятых в боях в 1798—1799 гг., и вернуть им полковые знамена, даже не потребовав в обмен возвращения французских пленных. Талейрану приказано было довести об этом до сведения царя, подчеркнув, что не англичане и не австрийцы, а только русские одерживали над французами победы в Италии. Чтобы окончательно рассорить Павла с англичанами, Наполеон предложил царю стать великим магистром Ордена мальтийских рыцарей и «подарил» ему остров Мальту, который был отнят у французов после двухлетней блокады английским десантом в октябре 1800 г. К этому времени австрийская армия подверглась новому разгрому при Гогенлиндене (2 и 3 декабря 1800 г.); это привело к заключению Люневильского мира, который отдал в руки Франции Северную Италию и прирейнские владения Австрии. После этого первый консул стал усиленно проводить начатую заблаговременно политику сближения с Павлом. Уже с конца 1800 г. царь не скрывал своего восхищения деяниями Бонапарта. Наполеон достиг этого, как и рассчитывал, тонкой лестью, любезными поступками, а главное, постоянными уверениями, передаваемыми царю через третьих лиц, что война нужна только Англии, что первый консул жестоко наказал вероломную Австрию, которая так низко обманула благороднейшего царя в 1799 г., и т. д. В конце концов Павел послал в Париж Спренгпортена, а затем, уже в начале марта, — Колычева, уполномоченного вести переговоры о мире, и, смотря по обстоятельствам, также о союзе. Павел относился сочувственно к такому союзу, так как лелеял план нашествия франко-русской соединенной армии на Индию. Он уже распорядился о выступлении казачьих частей численностью в 24 тысячи человек в Среднюю Азию для разведки путей в Индию. В дипломатических кругах Европы с большим беспокойством следили за сближением обеих сильнейших держав континента. Император австрийский не только устно, но и письменно заявлял, что возлагает все упования на возможную «недолговечность» Павла и Бонапарта. Еще больше тревожились руководители английской политики. Первым из английских дипломатов, который стал задумываться над

способами устранения русского царя средствами британского дипломатического ведомства, был английский посол в Петербурге Уитворт. С этой целью он через светскую даму Ольгу Александровну Жеребцову завел тайные сношения с ее братом графом Платоном Зубовым, Никитой Паниным и некоторыми другими руководителями назревавшего заговора, который и закончился убийством Павла.

На русский престол вступил Александр I, 24-летний молодой человек. У Александра был гибкий и изворотливый ум; он любил прикидываться идеалистом, который будто бы склонен забывать о своих непосредственных выгодах: он сам поддерживал свою репутацию увлекающегося фантазера, удобную при дипломатических переговорах. На эту удочку не раз попадались послы, министры и государи.

Уже с 1801 г. Александр начинает говорить о захватах Бонапарта и о «всеобщем мире», который должен, наконец, покончить с бедствиями, переживаемыми человечеством. При этом царь дает понять, что такой мир может быть достигнут только путем образования против Франции коалиции, возглавляемой им, императором Александром.

Амьенский мир (27 марта 1802 г.)

В это время Наполеон вел переговоры о мире с Англией. Мирные переговоры происходили в Амьене, тянулись немногим меньше полугода, но уже с 1 октября 1801 г. все враждебные действия между Францией и Англией прекратились после подписания в Лондоне «предварительного мира». В Амьене Наполеону и Талейрану удалось добиться выгодных условий мира. Правда, Наполеон согласился на эвакуацию французских войск из Египта и на возвращение Египта Турции. Зато Англия отказалась почти от всех своих колониальных завоеваний (кроме Цейлона и острова Тринидад на Атлантическом океане). Но, что важнее всего, Англия взяла на себя обязательство не вмешиваться в дела Голландии, Германии, Италии (Апеннинского полуострова), Швейцарии («Гельветической республики»). Она обязалась даже эвакуировать со временем и Мальту. Однако мир с Англией, подписанный в Амьене в 1802 г., оказался лишь непродолжительной передышкой.

Слишком рано ликовали английские купцы и промышленники, полагая, что перед ними открыты отныне все европейские рынки, начиная с французского. Очень скоро обнаружилось, что Наполеон и не думает отказаться от той экономической войны, которую он никогда не переставал против них вести, и принимает все меры к недопущению английских товаров в зависимые от него страны. Уже в марте 1803 г. руководители английской политики поняли, что в Амьене совершена была ошибка, и что быть в мире с Бонапартом значит дать ему полную возможность разгромить Европу и захватить над ней

власть. Наполеон знал, разумеется, что дело скоро кончится разрывом с Англией; но этого он ничуть не боялся. В ожидании войны он стал готовить транспортный флот и армию для десанта. Последние свидания с английским послом были уже, можно сказать, демонстрациями для публики. Наполеон прикинулся разгневанным тем, что англичане не освобождают Мальты, которую обязались эвакуировать по Амьенскому договору. «Мальта или война!» —вскричал он в конце тягостной последней аудиенции, данной английскому послу. 12 мая 1803 г. посол покинул Париж.

Ожесточенная война между Францией и Англией стала в центре всех дипломатических комбинаций и интриг ближайшего периода.

Организация Питтом новой коалиции. Перелом в отношениях Наполеона и Александра

В мае 1804 г. в Англии к власти был снова призван Питт. Фактически он руководил общим направлением внешней политики уже с 1803 г. Питт с величайшей энергией работал над созданием новой коалиции европейских великих держав против Наполеона. Только образование такой коалиции и могло, по его убеждению, предотвратить высадку французских войск в Англии, уже подготовляемую Наполеоном в Булони.

План Питта встретил полное сочувствие у Александра I. Тщеславная мысль стать во главе «освобождения Европы от тирании» Бонапарта окончательно овладела царем. Уже в 1804 г. он решился принять участие в замышляемой Питтом коалиции, хотя все захваты Наполеона касались пока только германских стран, Голландии, Италии, Швейцарии и нисколько не затрагивали интересов России. Перелом в отношениях Александра и Наполеона наступил весной 1804 г.

21 марта 1804 г. во рву Венсеннского замка был расстрелян схваченный по приказу Наполеона на чужой (баденской) территории герцог Энгиенский, член французской королевской династии Бурбонов. К нему без всяких оснований и без малейших улик было предъявлено обвинение в соучастии в заговоре роялиста Кадудаля, направленном против Наполеона. Поступок Наполеона возбудил смятение и негодование при всех европейских монархических дворах. Однако никто не осмеливался выступить с каким-либо протестом. Только Александр, уже решивший воевать и вместе с тем убежденный в будущей победе формируемой коалиции над Бонапартом, послал Наполеону ноту протеста. Наполеон через Талейрана ответил, что если бы император Александр, узнав, что на чужой территории находятся убийцы императора Павла, пожелал этих убийц арестовать, то Наполеон не протестовал бы. Оскорбление было ужасающее и притом публичное. Наполеон вслух высказал то, о чем до сих пор только шептались при европейских дворах: что Але-

ксандр не только знал о заговоре против Павла, но и принимал в нем прямое участие.

Личное оскорбление еще более укрепило царя в его решимости воевать с Наполеоном. Субсидия, которую предлагал царю Питт, была принята; Россия стала готовиться к войне. Питту не стоило труда склонить на свою сторону и Австрию, которая стремилась избавиться от тяжких условий Люневильского мира.

Позиция Пруссии

Англия, Россия и Австрия оказывали давление на прусского короля, убеждая его примкнуть к коалиции. Но эти попытки встретили с его стороны решительное сопротивление. Фридрих-Вильгельм III знал, что Пруссия первая пострадает от нашествия Наполеона и что свои полчища, собранные в Булонском лагере, император двинет, конечно, прежде всего против Пруссии. На русскую и австрийскую помощь Фридрих-Вильгельм III не рассчитывал, а англичанам и вовсе не верил. Александр I, видя, что месяц за месяцем проходит, не принося желаемого результата, решил пустить в ход прямые угрозы с целью заставить прусского короля примкнуть к коалиции. Русская армия уже стояла на прусской границе. Король объявил, что скорее будет воевать с тем, кто нарушит его нейтралитет, чем подчинится насильственному способу заставить Пруссию воевать, когда она этого не хочет. Александр решил усилить угрозы. Он послал в Берлин своего тогдашнего любимца, молодого генерал-адъютанта князя Петра Долгорукова, который вместе с постоянным русским представителем в Берлине, Алопеусом, явился к королю с прямым предупреждением, что если король попрежнему откажется вступить в коалицию, то русские войска вторгнутся в Пруссию. Король решительно заявил, что будет защищать свою страну от насилия вооруженной рукой. При этом он вручил князю Долгорукову соответствующее письменное заявление для передачи Александру. Но внезапно вся дипломатическая ситуация круто изменилась. Сейчас же после аудиенции Долгорукова король призвал к себе министра Гарденберга и сказал: «Все обстоятельства переменились. Ступайте сейчас к князю Долгорукову. Я ему дам письмо, в котором уведомлю императора Александра, что открываю ему границы моего королевства». Оказалось, что король получил эстафету с известием, что Наполеон нарушил нейтралитет Пруссии, направив свои войска в Баварию через прусскую территорию. Король, гонимый страхом, обратился к Александру и к Австрии. Обрадованный внезапным поворотом прусской политики, Александр помчался в Берлин. Но там атмосфера опять стала меняться. Фридрих-Вильгельм III получил известие, что 20 октября 1805 г. лучшая австрийская армия, запертая и окруженная Наполеоном в Ульме, прекратила свое существование. Генерал Мак пошел на капитуляцию, сдав крепость и армию в

32 тысячи человек. Фридрих-Вильгельм понял, что половина кампании проиграна. Если он боялся выступить против Наполеона еще до Ульмской катастрофы, то подавно не решился на это теперь. Целых восемь дней царь уговаривал Фридриха-Вильгельма: из этого не вышло ничего. Но для того чтобы не порвать с царем, прусский король предложил Александру дать обет взаимной дружбы на гробнице Фридриха II. Александр согласился на это, для того чтобы его пребывание в Берлине имело хотя бы видимость какого-то дипломатического успеха в глазах Европы.

Из Берлина Александр выехал в Австрию. Там его ждали события при Аустерлице.

Все же прусский король решил послать ультиматум Наполеону. Отвезти этот ультиматум было поручено Гаугвицу. Гаугвиц прибыл к месту назначения 2 декабря 1805 г., когда разразилась битва при Аустерлице. Полная победа Наполеона и появление австрийского императора в ставке Наполеона со смиренной просьбой о мире — все это обрушилось на Гаугвица как раз перед его свиданием с французским завоевателем. Гаугвиц поспешил запрятать подальше свой «ультиматум» и, сияя от восхищения, явился радостно приветствовать Наполеона с победой. Наполеон ответил согнувшемуся и отвешивающему поясные поклоны Гаугвицу, что «поздравление попало не по тому адресу, по которому его послали». Вообще император был не только холоден, но и груб. Наполеон знал, что после Аустерлица Пруссия ничем не могла ему угрожать.

Дипломатическая подготовка войны с Пруссией. Разгром Пруссии (14 октября 1806 г.)

Талейран советовал не отталкивать Пруссии, а принудить ее вступить немедленно в «союз» с Францией. Наполеон согласился и заставил Гаугвица подписать от имени Пруссии «союзный» договор с Французской империей. Наполеон пообещал Пруссии Ганновер. Пруссия должна была отказаться от ряда своих территорий (княжества Невшательского, Ансбаха, Клеве). Но Ганновер был плохим приобретением для Пруссии: он был наследственным курфюршеством, принадлежавшим английскому королю, почему он и был оккупирован французами. Принятие этого подарка должно было поссорить Пруссию с Англией.

Этот «союз», навязанный Наполеоном Пруссии, очень облегчил Наполеону то дело, которое с каждым месяцем занимало его все более и более, — дипломатическую подготовку войны с той же Пруссией.

Наполеон образовал «Рейнский союз», т. е. конфедерацию из 16 германских государств. Этих трепетавших перед ним вассалов он заставил провозгласить его, императора фран-

цузов и короля Италии, своим покровителем — «протектором». «Протекторат» заключался в беспрекословном выполнении воли самодержавного повелителя. Брата своего, Жозефа, он назначил королем Неаполитанским, другого брата, Людовика, — королем Голландии. Все это изолировало Пруссию, которая не могла, конечно, рассчитывать на помощь только что разбитой Австрии. Император Франц отказался от существовавшего более тысячи лет титула «императора Священной Римской империи» и стал называться отныне (с 1806 г.) императором австрийским Францем I. Это было сделано по желанию Наполеона, который рассматривал себя как наследника великой империи, созданной древним Римом.

Наполеон вел сложную игру. Уже в феврале 1806 г. новое английское министерство, которое образовалось после смерти Питта, обнаружило желание вести мирные переговоры с Наполеоном. 20 февраля, несмотря на отсутствие дипломатических сношений между Англией и Францией, Фокс, новый английский министр иностранных дел, известил Наполеона письмом, адресованным Талейрану, что существует новый заговор с целью убить французского императора, и что следует принять меры для охраны его жизни.

Такая перемена дипломатического фронта со стороны Англии привела Фридриха-Вильгельма III в состояние полной растерянности. Он бросился за помощью к Александру. Царь тотчас же обещал ее в случае войны Пруссии с Наполеоном.

Со всех пунктов границы и из всех государств Рейнского союза Фридрих-Вильгельм III получал тревожные сведения о начавшихся передвижениях французских войск. Видя, что от нападения все равно не уйти, он собрался с духом и послал Наполеону нечто вроде ультимативного требования отодвинуть войска от границы. Ответом на это требование было вторжение Наполеона в Саксонию и затем в Пруссию.

8 октября началась война. Она закончилась полнейшим разгромом Пруссии после битв при Иене и Ауэрштедте. 27 (14) октября 1806 г. Наполеон вошел в Берлин. Пруссия была повержена в прах.

Объявление континентальной блокады (21 ноября 1806 г.)

Одним из первых дел Наполеона в Берлине, когда он уже чувствовал себя владыкой Европы, было издание знаменитого декрета, который в значительной мере сделался отныне основой его внешней политики. 21 ноября 1806 г. в Берлине был опубликован декрет, воспрещавший всем странам, подвластным Наполеону, не только торговлю, но и всякие вообще сношения с Британскими островами и английскими колониями. Все английские подданные в подвластной Наполеону Европе должны были быть немедленно арестованы, все английские товары—конфискованы.

Талейран получил приказ срочно разослать декрет по всем европейским дворам и ко всем правителям. «Нейтральным» государствам было дано понять, что Наполеон отныне будет измерять степень их дружелюбия к нему тем усердием, с которым они будут препятствовать торговле с англичанами. Жребий был брошен. Не имея флота для нападения на Англию путем высадки войск, не будучи в состоянии организовать поход на Индию, о чем он мечтал еще в Египте в 1798—1799 гг. и в 1801 г. перед убийством Павла, Наполеон решил покончить с сопротивлением Англии экономической войной, закрыв для английских товаров все заграничные рынки. Европа была тогда главным потребителем английских товаров—как фабрикатов, так и колониальных продуктов.

2. ОТ ТИЛЬЗИТА ДО КРУШЕНИЯ ИМПЕРИИ НАПОЛЕОНА (1807—1814 гг.)

Сближение Александра с Наполеоном

С этих пор начинается новый период наполеоновской дипломатии. Последовательное, беспощадное соблюдение правил «континентальной блокады» становится в центре всей его дипломатической и военной деятельности. Прежде всех еще уцелевших самостоятельных государств испытала это на себе Россия.

Кровопролитная кампания, проведенная русской армией с декабря 1806 г. по июнь 1807 г., не спасла Пруссии. Несмотря на геройское поведение русских войск, конечная победа Наполеона при Фридланде 14 июня 1807 г. решила ее судьбу. Александр сейчас же после Фридланда решился на крутую перемену политики. Страшный враг, дважды с 1805 г. победивший русскую армию в двух тяжелых войнах, стоял на Немане. Прусский союзник как военная сила уже не существовал. Что касается Англии, то царь был возмущен той бессовестностью, с которой английское правительство, наобещав золотые горы России за ее выступление против Наполеона, ровно ничего не сделало, чтобы помочь России в ее отчаянной борьбе с Наполеоном. «Бывают такие положения, когда нужно думать о том, чтобы сохранить себя», —так высказался Александр после Фридланда, посылая к Наполеону князя Лобанова-Ростовского с предложением мира.

Свидание в Тильзите (25 июня 1807 г.)

Вот почему при первой же встрече Александра с Наполеоном на плоту, на реке Немане у Тильзита, на слова Наполеона: «Из-за чего мы воюем с вами, государь?» Александр поспешил ответить: «Я ненавижу англичан так же, как и вы, и я буду помощником вашего величества во всем, что вы против них предпримете». «Если так, то мир заключен», — сказал Наполеон. Начались мирные тильзитские переговоры. Все

было в общих чертах переговорено с глазу на глаз между обоими императорами. Никто не был допущен к этим долгим беседам. «Я буду вашим секретарем, а вы будете моим»,—сказал по этому поводу Наполеон. Конечно, главной целью Наполеона был не только мир, но и союз с Александром. Союз и был заключен.

Наполеон получил, конечно, больше, чем Александр. Но он был победителем, и это неравенство было вполне естественным. Александр обязался: 1) распространить наполеоновский декрет о континентальной блокаде на Российскую империю; 2) объявить войну Англии; 3) признать все изменения, которые произвел или еще произведет в будущем Наполеон в Западной Европе.

Взамен этих основных обязательств Александр I получил от Наполеона «обещание» со временем эвакуировать французские войска из той, крайне урезанной, территории, которая отныне называлась Пруссией, и дать царю львиную долю в случае раздела Турции. Желая раз навсегда рассорить и разъединить Пруссию и Россию, Наполеон предложил Александру присоединить к Российской империи прусские владения до самой Вислы. Александр от этого отказался, но все же согласился отобрать у Пруссии, хотя она и считалась до Тильзита его «союзницей», предложенный ему Наполеоном город Белосток со всем Белостокским округом. Договор был подписан 8 июля 1807 г. В тот же день был подписан и мир с Пруссией. Пруссия уменьшилась по населению ровно вдвое (было 10 миллионов, осталось немногим более 5), по территории тоже почти вдвое. Конечно, Пруссия обязалась соблюдать правила континентальной блокады.

С этих пор методы дипломатии Наполеона, поставившей себе целью сокрушить Англию блокадой, необычайно упрощаются: «Я *все* могу», —сказал Наполеон брату своему Люсьену после Тильзита. Владычествуя, прямо или косвенно, самолично или через своих братьев, посаженных на престолы зависимых стран, через маршалов и генералов, превратив в вассалов и императора австрийского и короля прусского, Наполеон уже не вел отныне переговоров ни с кем, кроме Александра I. Остальным он приказывал и, если замечал неповиновение, то шел на непокорного войной. С царем же после первых нескольких месяцев начались трения. Правда, Наполеон предоставил Александру свободу рук в деле отнятия у Швеции всей Финляндии до реки Торнео. Но приобретение Финляндии казалось малой компенсацией за тяжелые последствия, которые переживали русские финансы и русская экспортная торговля от прекращения коммерческих связей с Англией. Дворянство и крупное русское купечество считали, что континентальная блокада губит Россию, и ненавидели союз с Францией. Особенно беспокоила Россию та постоянная угроза, которая была создана в 1807 г. образованием на самых ее границах так называемого герцогства Варшавского.

Конечно, занятие Константинополя и проливов или хотя бы прочное приобретение Молдавии и Валахии загладило бы тяжелое воспоминание о Тильзитском мире, нанесшем рану русскому национальному самолюбию. Но именно в отношении Турции Наполеон решительно уклонялся от выполнения своих тильзитских обещаний. Александр уже с 1806 г. вел войну с Турцией. В этой длительной русско-турецкой войне кое-какую помощь, тайно и окольными путями, турки получали именно из Парижа. Когда до Талейрана дошли жалобы русских дипломатов, что в Тильзите, при разговорах царя с Наполеоном о Турции, царь слышал от Наполеона совсем иные мотивы, то Талейран ответил, что, ведь, в дипломатии то же, что и в музыке: если мотив не положен на ноты, то никакой цены он не имеет. Другими словами, Александру дали понять, что Наполеон его одурачил, ограничившись обещаниями, не закрепленными в договоре.

Нарастание оппозиции Наполеону в странах Европы

Весной 1808 г. Наполеон арестовал испанскую королевскую семью, коварно приглашенную им в город Байонну, и начал завоевание Испании. Португалию он занял еще раньше. Началась продолжительная народная война в Испании. В первые же месяцы стало ясно, что справиться с ней крайне трудно. Обнаружилось также, что Австрия хочет воспользоваться испанскими затруднениями Наполеона и собирается сделать попытку восстать против своего победителя.

Французский император лучше других понимал, что момент выбран австрийским кабинетом очень удачно. Меттерних, австрийский посол в Париже, усиленно скрывал австрийские вооружения, но это ему плохо удавалось. Наполеон знал, что и в Пруссии с затаенным дыханием ждут выступления Австрии. Поэтому он грубо потребовал от короля прусского изгнания его министра Штейна, который убеждал Фридриха-Вильгельма III также выступить против Наполеона, если поднимется Австрия.

Но не Пруссии боялся Наполеон. Он был неспокоен насчет России. Что Россия не выступит на помощь Австрии, он не сомневался. Но ему хотелось другого: возможности пригрозить Австрии, что ей придется иметь дело одновременно с нападением с двух сторон — со стороны Франции и со стороны России.

Свидание в Эрфурте (27 сентября—14 октября 1808 г.)

Летом 1808 г. Наполеон пригласил Александра на личное свидание. Царь, зная, зачем его зовут, не очень торопился. Свидание состоялось 27 сентября 1808 г. в городе Эрфурте и продолжалось около двух недель.

Наполеон перед отъездом в Эрфурт сделал один роковой для себя шаг, последствия которого, однако, сказались не-

скоро. С собой в Эрфурт он довольно неожиданно пригласил князя Талейрана, который после Тильзита уже числился официально в отставке. Между тем Талейран пришел с некоторых пор к заключению, что континентальная блокада неминуемо поведет к войне с Россией и к конечному восстанию всей Европы. В Эрфурте Талейран впервые изменил Наполеону, вступив в тайные сношения с Александром. «Вы должны спасти Европу», — повторял он Александру во время секретных бесед. Следуя советам Талейрана, Александр не подписал договора, который гарантировал бы участие России на стороне Наполеона в предстоящей войне Франции с Австрией. Внешние демонстрации горячей дружбы, будто бы существующей между обоими императорами, не обманули Наполеона: мрачным уехал он из Эрфурта после пышных торжеств, парадов, публичных объятий и поцелуев с русским царем. Лишь спустя несколько месяцев (в конце января 1809 г.) он стал подозревать Талейрана в изменнических действиях и совсем отстранил его от своей особы, хотя и не покарал: не было никаких улик.

Война Наполеона с Австрией в 1809 г. опять дала Наполеону полную победу. Австрия, вновь жестоко урезанная в своей территории по миру в Шенбрунне 14 октября 1809 г., должна была надолго смириться.

Назревание конфликта с Россией

Александр вовсе не участвовал в войне, если не считать русского «наблюдательного корпуса», выставленного на австрийской границе. В отместку за это Наполеон отдал оторванную от Австрии Галицию (Западную Украину) не России, как он предполагал перед войной 1809 г., а герцогству Варшавскому. Тем самым он обнаружил свою затаенную мечту — со временем восстановить Польшу. Тем не менее Наполеон предложил Александру отобрать себе из австрийских владений Тарнополь и Тарнопольскую область. Впоследствии, сначала 15 августа 1811 г., в разговоре с князем Куракиным, русским послом в Париже, а потом, в июне 1812 г., в разговоре с генералом Балашовым в Вильно Наполеон открыто пояснил смысл двух подарков, которые он сделал Александру, отдав ему в 1807 г. Белосток, отобранный у Пруссии, а в 1809 г. — Тарнополь, отнятый у Австрии. Наполеон хотел этим надолго поссорить с Россией и Пруссию и Австрию.

Отношения с Россией были еще более испорчены в конце 1809 г. и в начале 1810 г. неудачным сватовством Наполеона к сестре Александра, Анне Павловне. Ввиду неудачи этого дела Наполеон предложил руку дочери австрийского императора, эрцгерцогине Марии-Луизе и немедленно с ней обвенчался. Дипломатическое значение этого брака оказалось очень серьезным.

Уже с лета 1810 г. началась пока еще медленная, но постепенно все ускорявшаяся подготовка обеих империй к войне. Фран-

цузский посол в Петербурге Коленкур, русский канцлер граф Румянцев, как и некоторые другие дипломаты Франции и России, старались поддержать франко-русский союз. Однако усилия их оказались тщетными. В России и аристократия, и среднее дворянство, и купечество страдали от континентальной блокады. Дворянство беспокоилось также и за целость крепостного права. Оно опасалось, что дружба с французским императором пошатнет крепостнические отношения в России, как это после Тильзита случилось в Пруссии и в значительной части Германии. Со стороны Наполеона, который после брака с Марией-Луизой считал себя в тесном союзе с Австрией, тоже все яснее сказывалось раздражение по поводу некорректного, по его мнению, отношения России к правилам континентальной блокады. Когда в декабре 1810 г. Александр подписал законоположение о новом тарифе для ввоза иностранных товаров, то Наполеон увидел в этом акте уже прямой вызов, ибо тариф сильно повышал ставки на предметы роскоши и на вина, т. е. на товары, шедшие из Франции.

15 августа 1811 г. на торжественном приеме дипломатического корпуса Наполеон, подойдя к князю Куракину, стал осыпать его упреками по адресу России. Он помянул и о герцогстве Ольденбургском, которое присоединил к своим владениям, несмотря на протесты Александра, и о герцогстве Варшавском, и о том, что напрасно Россия рассчитывает на союзников: у Австрии она отняла Тарнополь, у Пруссии — Белосток, и эти державы за Россией не пойдут! Не пойдет и Швеция, потому что Россия отняла у нее Финляндию! «Континент против вас! Не знаю, разобью ли я вас, но мы будем драться!» —заключил он.

После этого уже не было ни малейших сомнений в близкой войне. Наполеон, конечно, напрасно думал, что «континент против России». Напротив, континент все надежды на освобождение от наполеоновского ига возлагал именно на Россию. Но веры в близость этого освобождения еще не было. Наполеон заставил Австрию и Пруссию подписать с ним военные договоры, по которым обе страны обязывались выставить контингенты войск в помощь французской армии. При этом Австрия и Пруссия рассчитывали на территориальные приобретения за счет России: Австрия непрочь была получить Волынь, а прусский король Фридрих-Вильгельм—весь Прибалтийский край. «А как же клятва над гробом Фридриха?» — вспомнил с насмешкой Наполеон, когда ему доложили, о чем ходатайствует друг Александра I, прусский король, клявшийся царю в вечной любви и верности.

Наполеон рассчитывал также на поддержку со стороны Турции, воевавшей с Россией, и со стороны Швеции, которой управлял в качестве наследного принца бывший наполеоновский маршал Карл Бернадотт.

С Турцией Кутузов, оказавшийся не только замечательным стратегом, но и блестящим дипломатом, успел заключить как раз накануне войны — в мае 1812 г. — очень выгодный для России мир, искусно доведя до паники великого визиря. Узнав об этом внезапном замирении России с Турцией, Наполеон воскликнул в бешенстве, что не знал доселе, какие болваны управляют Турцией.

Что касается Швеции, то Бернадотту было сделано два предложения. Наполеон предлагал Швеции Финляндию в случае, если Швеция выступит против России, а Александр — Норвегию, если Швеция выступит против Наполеона. Бернадотт, взвесив выгоды того и другого предложения, склонился на сторону Александра не только потому, что Норвегия богаче Финляндии, но и потому, что от Наполеона Швецию ограждало море, а от России — ничто. Наполеон впоследствии говорил, что ему следовало отказаться от войны с Россией уже в тот момент, когда он узнал, что ни Турция, ни Швеция воевать с Россией не будут.

Тотчас после начала войны Англия заключила с Александром союз.

Взгляды Кутузова и Александра I на роль России в Европе

При такой расстановке сил началась и окончилась война 1812 г. Дипломаты всей Европы с напряженнейшим вниманием следили за той закулисной борьбой, которая шла, особенно в самом конце войны, между Александром и фельдмаршалом Кутузовым. Это была, по сути дела, борьба двух исключающих друг друга дипломатических установок, причем Кутузов проводил свои взгляды в ряде стратегических действий, а царь восторжествовал над Кутузовым только в Вильно, в декабре 1812 и январе 1813 г.

Точка зрения Кутузова, высказанная им перед английским агентом генералом Вильсоном, и перед генералом Коновницыным, и другими лицами его штаба, заключалась в том, что война началась на Немане, и там же должна и кончиться. Как только на русской земле не останется вооруженного врага, следует прекратить борьбу и остановиться. Незачем дальше проливать кровь для спасения Европы, — пусть она спасает себя собственными средствами. Незачем в частности стремиться совсем сокрушить Наполеона —это принесет больше всего пользы не России, а Англии. Если бы этот «проклятый остров» (так называл Кутузов Англию) и вовсе провалился сквозь землю, это было бы самое лучшее. Так полагал Кутузов. Александр, напротив, считал, что дело расплаты с Наполеоном только начинается. Англия изо всех сил стремилась поддержать царя в его стремлениях. После поражения Наполеона в России русская армия перешла через

Неман, затем через Вислу. Все недовольные элементы, накопившиеся за долгие годы наполеоновского самовластия в Германии и Италии, начали восставать против Наполеона.

Расстановка дипломатических сил во время войны 1813—1814 гг.

Началась жесточайшая борьба всей Европы против Наполеона. На первый план выступили уже не дипломаты, а генералы. Но дело сокрушения наполеоновского владычества сильно затягивалось. Наполеон оправился и собрал новую большую армию, которая начала весной и летом жестоко бить пруссаков и русских. Александр ни за что не хотел, даже после поражений при Лютцене, Бауцене и Дрездене, мириться с Наполеоном, но король прусский трусил жестоко. «Вот я уже скоро буду опять на Висле», — с отчаянием повторял он летом 1813 г. После поражения при Бауцене, в мае 1813 г., Александр и Фридрих-Вильгельм III уже не в первый, а по крайней мере в четвертый раз воззвали к императору Францу. Но тот, по настоянию Меттерниха, не торопился примкнуть к союзникам. Во-первых, Меттерних боялся преобладания России не меньше, а больше, чем владычества Наполеона; уже в 1813 г. он страшился, что победа слишком усилит Александра. Во-вторых, он сам говорил, что всегда считал Наполеона «плотиной против анархии», охраной всей Европы от революции: низвержение Наполеона могло, по его мнению, разнуздать силы революции во всей Европе. В-третьих, Франц I не забывал, что наследником великой империи, созданной Наполеоном, является его, Франца I, внук, сын Наполеона и Марии-Луизы, маленький Римский король (титул, данный Наполеоном своему сыну). Но, вместе с тем, за спиной Наполеона Меттерних вел деятельные переговоры и с союзниками. Во всяком случае, он рассчитывал, что Наполеон, теснимый всеевропейской войной, пойдет на жертвы и вернет Австрии за ее помощь или даже за нейтралитет хотя бы часть земель, захваченных у нее Наполеоном в прежние годы.

Попытки сговора с Наполеоном

Меттерних решил взять на себя роль «посредника». В июне 1813 г. представители Австрии согласились с представителем России Нессельроде и представителем Пруссии Гарденбергом предъявить Наполеону следующие условия мира: 1) Наполеон отказывается от герцогства Варшавского; 2) возвращает Пруссии Данциг; 3) отдает Австрии Иллирию, которую отнял у нее в 1809 г.; 4) очищает от своих войск города Гамбург и Любек. Гарденберг хотел, чтобы Наполеону были еще поставлены требования отказаться от протектората над Рейнским союзом и возвратить Пруссии хотя бы часть земель, отнятых по Тильзитскому миру. Но Меттерних, желавший поскорее заключить мир, не согласился. Условия были настолько легкими для Наполеона, при котором в сущности оставалась

почти вся его колоссальная империя, что Александр был разочарован: «Что же будет, если он примет эти условия?» — раздраженно спрашивал Александр Меттерниха. Решено было, что принятие этих пунктов будет лишь основой для начала переговоров, а во время переговоров от Наполеона потребуют и дальнейших уступок.

26 июня Меттерних явился в качестве посредника к Наполеону, проживавшему в Дрездене. Разговор, от которого зависела участь Европы, длился несколько часов и кончился полным провалом миссии Меттерниха. Наполеон не желал и слышать об уступках. Он кричал на Меттерниха, ядовито спрашивал его, как велика та денежная взятка, которую Меттерних получил от Англии, чтобы сметь предлагать такие условия ему, императору Наполеону, и грозил вскоре быть с армией в Вене. Меттерних говорил, что, если Наполеон не согласится на переговоры, Австрия, сейчас же по окончании перемирия между Наполеоном и союзниками, вступит в войну против Франции. Все было напрасно. Наполеон не шел на уступки. Император, желавший сделать весь континент рынком сбыта и колонией Франции, не видел смысла в своем царствовании, если его завоевания будут урезаны и борьба его с Англией кончится ее победой. Все или ничего! Таков был его девиз. «Ваш повелитель положительно сошел с ума», — сказал Меттерних маршалу Бертье, выйдя, потрясенный, из дворца после этой беседы с Наполеоном. «Вы мне не объявите войны», — сказал на прощанье Наполеон, делая вид, что не верит угрозе Меттерниха. Из начавшихся предварительных переговоров в Праге, конечно, ничего не вышло. 10 августа 1813 г. Австрия официально вступила в войну против Наполеона.

Война возобновилась. После страшного трехдневного побоища под Лейпцигом 16—19 октября 1813 г. Наполеон отступил во Францию. Но здесь ряд его блестящих побед над вторгнувшимися во Францию врагами побудил их снова предложить Наполеону мир, — но уже, конечно, на худших для него условиях. В феврале 1814 г. в городе Шатильоне начались мирные переговоры союзников с уполномоченным от Наполеона Коленкуром, герцогом Виченцским. Наполеону предлагали империю в границах 1792 г., т. е. отказ от завоеваний. Наполеон с гневом отказался даже рассматривать эти условия. Он спрашивал Коленкура, как он смел сообщить ему, императору, о таких оскорбительных предложениях. Ряд новых военных успехов французских войск в эти дни усилил непримиримость Наполеона.

Английские шпионы проведали, что Меттерних, смущенный успехами Наполеона, начал уже за спиной своих союзников сношения с Коленкуром и о чем-то с ним сговаривается.

Шомонский трактат (1 марта 1814 г.)

Тогда лорд Кэстльри стал требовать, чтобы союзники заключили между собой договор, обязывающий их действовать вместе вплоть до окончательной победы. Каждый союзник выставляет по 150 тысяч человек; Англия берет на себя субсидирование войны. Союзники обязуются вернуть, по возможности, Европу к донаполеоновским временам; после победы над Наполеоном союз четырех держав должен был бдительно наблюдать за тем, чтобы Франция не пыталась нарушить условия мира, который будет ей продиктован после победы. Этот Шомонский трактат был подписан представителями Англии, России, Австрии и Пруссии 1 марта 1814 г. Он стал надолго основой дипломатической деятельности европейских держав и в том или ином виде просуществовал вплоть до 1822 г., когда создавшая его Англия свела этот трактат фактически к нулю.

30 марта 1814 г. союзники вошли в Париж. Через несколько дней Наполеон отрекся от престола и отправился на остров Эльбу в качестве «императора» этого острова. На французский престол вернулась низвергнутая революцией династия Бурбонов в лице Людовика XVIII, брата казненного короля Людовика XVI.

Период почти непрерывных кровопролитных войн окончился. Деспотизм военного диктатора, вышедшего из недр революции, а потом ее удушившего, заменил тот режим, о котором А. С. Пушкин в 1823 г. выразился, что замыслы Александра I «миру тихую неволю в дар несли». Эта «тихая неволя» поддерживалась большей частью уже не оружием, но конгрессами, дипломатическими переговорами и соглашениями.

Восстановление, по возможности, старого абсолютистски-дворянского, — в одних местах крепостнического, в других полукрепостнического режима, — такова была социальная первооснова политики держав, объединенных после окончания войны Шомонским трактатом. Эта утопическая цель уже сама по себе сообщала непрочность достижениям держав, победивших Францию в 1814 г. Полное восстановление дореволюционного режима и в экономике и в политике после сокрушительных ударов, которые нанесли ему французская революция и Наполеон, оказалось делом не только трудным, но и безнадежным. В этом Маркс и Энгельс усматривали прогрессивную роль наполеоновского владычества. Такую историческую роль, вовсе к тому не стремясь лично, а лишь думая о завоеваниях, о могуществе Франции, об экономическом господстве буржуазии, сыграл французский император Наполеон.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС

(октябрь 1814 г.—июнь 1815 г.)

Отношение Александра к основным участникам конгресса

В апреле — мае 1814 г. император Александр по своим военным силам, которые в тот момент имелись в его распоряжении, был бесспорно могущественнейшим из всех остальных монархов и правителей разоренной и обескровленной Европы. Именно поэтому Меттерних и сделал все возможное, чтобы отложить конгресс на осень и дать Австрии несколько оправиться. Александр согласился на такую отсрочку, несмотря на то, что терпеть не мог Меттерниха и хорошо понимал его интриги и игру политиков, враждебных России, хотя и умильно льстящих царю в глаза— лорда Кэстльри и короля французского Людовика XVIII. Все они с беспокойством присматривались, не пожелает ли Александр играть роль нового Наполеона, повелителя Европы. Заранее, но еще очень недружно, они готовились к отпору. Секретарь и доверенное лицо при Меттернихе публицист Гентц писал потом в качестве очевидца: «Приехав в Вену, император Александр уже был более или менее в ссоре с Австрией, Англией и Францией». Лорд Кэстльри был менее неприятен Александру, чем Меттерних. Негибкий, боящийся революции в самой Англии, не доверяющий русской дипломатии, английский министр иностранных дел получил от Александра квалификацию «холодного педанта»; но по крайней мере Кэстльри не лгал так непрерывно и беззаветно, как Меттерних. Александр не «дрожал перед британским правительством», как пишет Гентц; он лишь считал его в тот момент самым сильным после России и делал отсюда надлежащие выводы. Кого царь совершенно не выносил, так это христианнейшего короля божьей милостью Франции и Наварры Людовика XVIII. Александр не очень хотел сажать Людовика на освободившийся французский престол. Некоторое время он даже носился с мыслью о воцарении «Наполеона II», маленького Римского короля. Когда все-таки воцарился Людовик, Александр решительно настаивал на необходимости дать

Франции конституционную хартию, не потому, конечно, что царю нравились конституционные учреждения. Но как царь, так и умный, ловкий корсиканец Поццо-ди-Борго, советник царя по французским делам, убеждены были, что Бурбоны будут сметены новой революцией, если в качестве громоотвода не установить во Франции конституции. Александр презирал и короля Людовика XVIII и брата его Карла Артуа, а они его боялись и готовы были на всякие махинации, чтобы избавиться от его опеки.

Выступление Талейрана

23 сентября, за неделю до назначенного на 1 октября 1814 г. открытия конгресса, в Вену прибыл представитель Людовика XVIII, министр иностранных дел князь Талейран-Перигор. Александр хорошо знал Талейрана. Недаром тот столько раз просил и получал от царя деньги, не очень обижаясь, если ему отказывали. Но блистательный ум Талейрана, его неподражаемая ловкость, находчивость, знание людей — все это делало его противником несравненно более опасным, чем Меттерних, который только любил приписывать себе все эти качества, в действительности ими не обладая. Слабая сторона позиции Талейрана заключалась лишь в том, что на Венском конгрессе он был представителем побежденной страны. Талейрану нужно было поэтому проявить максимум сообразительности и уменья лавировать по дипломатическому морю. Когда Талейран прибыл в Вену, он уже знал, какая проблема займет внимание конгресса в первые же дни. То был сложный «двуединый», как его называли, польско-саксонский вопрос. Александр, войска которого после отступления Наполеона заняли герцогство Варшавское, заявлял открыто, что этой добычи не уступит никому. А так как герцогство Варшавское состояло, главным образом, из земель, захваченных Пруссией еще по трем разделам Польши и лишь в 1807 г. отнятых у Пруссии Наполеоном, то прусский король Фридрих-Вильгельм III претендовал на компенсацию. Александр обещал ему эту компенсацию в виде присоединения к Пруссии королевства Саксонии. Саксонию царь проектировал отнять у саксонского короля под предлогом кары за то, что тот так долго был верным союзником Наполеона и слишком поздно покинул императора. Талейран сразу же усмотрел, что для него выгоднее всего дать бой на этой почве. А бой был необходим для достижения основной цели Талейрана: она заключалась в том, чтобы разбить шомонский союз, т. е., другими словами, вбить клинья между Австрией, Россией, Англией и Пруссией, победившими Францию в 1814 г.

Принцип легитимизма

Талейран еще до приезда в Вену сообразил, что в данном случае, с точки зрения охраны интересов Франции, рациональнее всего выдвинуть так называемый «принцип легитимизма». Этот принцип

заключался в следующем: Европа, собравшаяся в лице своих государей и дипломатов на Венский конгресс, должна при перераспределении земель и изменении территориальных границ оставлять в нерушимом виде то, что существовало до начала революционных войн, т. е. до 1792 г. Если бы этот принцип был принят и осуществлен, то не только Франция получила бы уверенность в целостности своей территории, защищать которую военной силой она в тот момент не была в состоянии,—но и Пруссия и Россия были бы обузданы в своих стремлениях к территориальному расширению. Талейрану, конечно, выгодно было бы предварительно сговориться и с Меттернихом, который тоже не желал отдавать Польшу России, а Саксонию Пруссии, и с лордом Кэстльри, который держался по этому вопросу того же мнения, что и Меттерних. Но такого общего сговора еще пока не было, и он налаживался довольно туго. И Меттерних и Кэстльри отнеслись к Талейрану с подозрением, допуская возможность новой измены с его стороны.

Польско-саксонский вопрос

4 октября 1814 г. Талейран явился к Александру, и между ними произошло неприятное объяснение. Талейран выдвинул свой пресловутый «принцип легитимизма». Александр должен отказаться от частей Польши, которые не принадлежали России до революционных войн, а Пруссия не должна претендовать на Саксонию. «Я ставлю право выше выгод!» — сказал Талейран в ответ на замечание царя, что Россия должна получить от своей победы выгоду, которую она заслужила. Повидимому, это взорвало Александра, который, вообще говоря, умел владеть собой. Проповедь о святости права читал ему в глаза тот самый Талейран, который в Эрфурте продал ему же, Александру, Наполеона и получил за это денежную оплату из сумм российского казначейства. «Лучше война!» —заявил Александр.

Затем наступила очередь лорда Кэстльри. Лорду Кэстльри Александр заявил, что решил «исправить моральное прегрешение, допущенное при разделе Польши». Царь не ставит своей задачей немедленно, тут же, на Венском конгрессе, воссоединить все части былой Польши. Он может говорить пока лишь о той польской территории, которая теперь, в 1814 г., занята его войсками. Он создаст из этой части Польши королевство Польское, где будет сам конституционным монархом. Он не только восстановит королевство Польское из областей, которые по праву завоевания мог бы просто присоединить к России; он даже пожертвует этому конституционному королевству и Белостокскую область, полученную Россией в 1807 г., и Тарнопольскую область, приобретенную ею в 1809 г. Кэстльри признал предполагаемую конституцию, которую царь желает дать своей Польше, слишком опасной для Австрии и Пруссии: он

выразил опасение, что австрийские и прусские поляки взволнуются, завидуя своим собратьям, пользующимся конституцией. Царь только этого и хотел. Выходило, что он так печется о независимости и свободе поляков, что даже министр свободной Англии убеждает его не быть столь либеральным. Меттерних настолько боялся Александра, что согласился уже было на уступку Саксонии прусскому королю, чего требовал Александр. Но непомерное, как Меттерниху представлялось, усиление русской мощи путем присоединения части Польши чрезвычайно беспокоило австрийского канцлера. Меттерних тогда же предложил Кэстльри такой выход: дать знать прусскому уполномоченному Гарденбергу, что можно бы иначе уладить дело. Австрия и Англия соглашаются на отдачу всей Саксонии прусскому королю. Но зато Пруссия должна немедленно изменить Александру, примкнуть к Австрии и Англии и вместе с ними не допустить Александра до овладения Польшей (герцогством Варшавским). Таким образом, Саксония должна была служить уплатой королю за измену Александру.

Король Фридрих-Вильгельм III, поразмыслив, решил отказаться от этого плана. Было ясно, что не спроста Меттерних и Кэстльри не привлекли Талейрана к намеченной сделке. Для короля прусского внезапно раскрылась вся опасность его положения: что будет, если Талейран расскажет обо всем Александру, а главное, предложит Александру совместные дипломатические, а, может быть, и не только дипломатические действия Франции и России против Пруссии? Кошмар франко-русского союза, горечь тильзитских и послетильзитских времен были слишком живы. В конце концов король Фридрих-Вильгельм III признал за благо донести обо всем Александру, чтобы доказать все благородство своих собственных намерений. Александр призвал Меттерниха и объяснился с ним начистоту. По этому поводу Талейран злорадно доносил Людовику XVIII, что даже с провинившимся лакеем так не говорят.

Тайное соглашение Австрии, Франции и Англии против России и Пруссии (3 января 1815 г.)

Работа конгресса, задержанная упорной внутренней борьбой, не двигалась вперед. Тогда Талейран переменил тактику. Франция была заинтересована не столько в том, чтобы воспрепятствовать усилению России, сколько в том, чтобы не усилилась Пруссия, непосредственный сосед Франции. И вот Талейран дает понять Александру, что Франция не поддержит Англии и Австрии в их оппозиции против создания в пределах империи Александра королевства Польского; однако Франция ни в коем случае не согласится и на передачу Саксонии прусскому королю. Сам Фридрих-Вильгельм III, как и его дипломатические представители Гарденберг и Гумбольдт, играл на конгрессе очень незначительную роль. Ему была обещана Сак-

сония. Александр называл саксонского короля изменником, говорил, что отправит его в Россию, уверял, что Пруссия получит Саксонию в обмен на потерянную ею часть Польши,— и король был некоторое время спокоен. Однако Талейрану удалось убедить Меттерниха и Кэстльри в необходимости заключить соглашение трех держав — Австрии, Франции и Англии, чтобы сомкнутым строем вступить в решительную дипломатическую борьбу против России и Пруссии и воспрепятствовать включению Саксонии в состав Пруссии, или хотя бы даже передаче Саксонии прусскому королю в виде отдельного королевства.

3 января 1815 г. это соглашение и было подписано представителями трех держав: Австрии, Франции и Англии. Конечно, оно должно было остаться в строжайшей тайне от Александра и от кого бы то ни было вообще. Один экземпляр его остался в Вене у Меттерниха; другой был передан Талейрану и немедленно отослан в Париж королю Людовику XVIII; третий получил на руки Кэстльри и отвез принцу-регенту Англии Георгу.

Этот тайный договор так усилил энергию сопротивления саксонскому проекту, что Александру оставалось либо решиться на разрыв и, быть может, на войну, либо уступить. Получив все, что он хотел в Польше, Александр из-за Пруссии не захотел ссориться, а тем более воевать с тремя великими державами. Он уступил, и саксонский король водворился окончательно в своих владениях. Прусскому королю, конечно, оставалось лишь подчиниться своей участи.

Организация германского союза (1815 г.)

Далее конгресс занялся устройством германских дел. Тут особых споров не было. Александр, как и Австрия, считал целесообразным закрепить феодальную раздробленность Германии. Англия была совершенно равнодушна к этому вопросу, а Пруссия — бессильна, даже если бы и хотела бороться. Все умонастроение деятелей Венского конгресса свидетельствовало о их нежелании хотя бы в чем-нибудь итти навстречу чаяниям поднимающейся буржуазии: провал германских надежд на объединение был еще одним характерным штрихом в картине полного торжества реакции.

Согласно плану Меттерниха конгресс наметил создание нелепого учреждения, которое называлось «Германским союзом» и выделяло для ведения дел так называемый «германский сейм» или «сейм Германского союза» В этот союз входили Австрия, Пруссия и все другие германские государства (числом 38); «сейм» состоял из представителей, назначаемых этими государствами. Решения сейма могли быть действительны только там, где местное правительство с ним согласится. Это уродливое создание меттерниховской мысли было рассчитано не

на объединение германского народа, но, напротив, на увековечение его раздробленности. Конгресс уже приступал к подведению итогов, как вдруг участники его были потрясены неожиданной вестью: 1 марта Наполеон высадился во Франции. А еще через три недели, 20 марта 1815 г., Наполеон уже вошел в Париж.

«Сто дней» (20 марта — 28 июня 1815 г.)

Империя была восстановлена. Бесспорно, слухи о разногласиях, раздиравших Венский конгресс, сыграли немалую роль в решении Наполеона покинуть Эльбу. Совсем удивительный сюрприз ждал его в Париже. В кабинете короля, бежавшего из Парижа лишь за сутки до въезда Наполеона, поздно вечером 19 марта, Наполеон нашел тот самый секретный договор 3 января 1815 г., одна из трех копий которого, как сказано, была переслана Людовику XVIII из Вены Талейраном. Король бежал так внезапно, что впопыхах забыл у себя в столе этот документ. Наполеон немедленно приказал снарядить курьера, и тот помчался с этим пакетом в Вену. Наполеон приказал вручить документ императору Александру.

По показанию Бутякина, в присутствии которого Александр впервые прочел направленный против него секретный договор, царь покраснел от гнева, но сдержался. Когда к нему пришел Меттерних, который с момента возвращения Наполеона главным образом от царя ждал спасения Европы, Александр молча протянул ему тайный плод дипломатического творчества австрийского канцлера. Меттерних так растерялся, что, повидимому, в первый и последний раз в жизни даже не нашелся, что солгать. Очень уж велика была неожиданность.

Впрочем, Александр тут же поспешил успокоить Меттерниха, сказав, что враг у них один — именно Наполеон.

После поражения Наполеона при Ватерлоо произошла вторая реставрация Бурбонов во Франции.

Итоги Венского конгресса

За несколько дней до Ватерлоо, 15 июля 1815 г., произошло последнее собрание Венского конгресса и подписание его «заключительного акта». Участникам конгресса казалось, что они создали нечто весьма прочное. На самом деле они соорудили здание, которое довольно скоро начало рассыпаться. Реакционная утопия конгресса состояла в том, чтобы, не считаясь ни с новыми производственными отношениями, ни с двадцатипятилетней бурей, разрушившей в Европе старые устои абсолютизма и феодализма, удержать эту часть света в рамках отжившего строя. Эта утопия лежала в основе всей деятельности конгресса.

Бельгию подарили голландскому королю; за Данией утвердили германские Шлезвиг и Гольштейн; Австрии отдали чисто итальянское население Ломбардии и Венеции; Германия

оставалась поделенной на 38 самостоятельных государств; Польша снова была поделена на три части... Всюду возвращались старые династии, силившиеся реставрировать старые порядки.

Дипломаты Европы разъехались из Вены с сознанием, что, хотя формально в Европе и числится пять «великих держав», на самом деле направление всей международной политики сосредоточивается в руках России, Австрии и Англии. Что касается Пруссии и Франции, то они должны были приложить еще немало усилий, чтобы занять вполне самостоятельное положение. Меттерних принадлежал к числу тех участников конгресса, которые — особенно на первых порах — остались довольны результатами работ конгресса и были убеждены в прочности своих достижений. Александр в этой прочности вовсе не был уверен. Немедленно же после конгресса он стал искать форму постоянного общения и сотрудничества монархов с целью организованной защиты старого строя.

Некоторое время не только царю, но и всей Европе казалось, что такая форма найдена в «Священном союзе». Но в конце жизни Александр убедился в непрочности «союза».

Главные участники конгресса расстались с недоброжелательными чувствами друг к другу. Более охотно, чем когда-либо, Меттерних повторял свое всегдашнее суждение о царе: «непостоянный характер русского императора, который оскорбляется по поводу каждого пустяка, и расположение которого нельзя купить никакими жертвами, делает крайне трудной для нас, как и для прочих держав, серьезную и прочную дружбу с Русской империей. Располагая внутренними ресурсами, которых не знают другие цивилизованные страны..., имея возможность безнаказанно отказаться от всякого союза и положить конец всякой войне, отозвав свою армию, Россия благодаря своему географическому и политическому положению всегда должна возбуждать опасения, особенно же при таком правительстве, у которого нет твердых принципов, и которое действует лишь по капризу, по обстоятельствам момента».

Александр вернулся с конгресса убежденный в том, что Меттерних — лжец и предатель и что Австрия — готовый союзник для любого врага, который захочет выступить против России.

Но меттерниховщина в Европе ограждала аракчеевщину в России, а аракчеевщина в России была заручкой меттерниховской системы в Европе. И Александру и Меттерниху приходилось далеко запрятывать истинные свои взаимные чувства, ласково встречаться на конгрессах, стараться итти в ногу. Меттерних часто забывал собственное свое мнение о силе России, и ему казалось, что он руководит Александром. Так и Талейрану могло показаться, что своим «принципом леги-

тимизма» он успешно поборол царя. Энгельс очень проницательно заметил, что именно принципом легитимизма и воспользовался больше всего Александр для усиления своего влияния в Европе. Точно так же и Меттерниху пришлось убедиться, что истинным властелином, от которого в конечном счете зависит прочность всего здания, сооруженного на Венском конгрессе, является не он, а именно этот царь, ласково улыбающийся, якобы мягкий, на самом же деле упорный, никому не доверяющий, но хорошо понимающий теперь свою силу. Царь, который изредка очень злобно бранится, но опаснее всего бывает тогда, когда особенно любезен.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ОТ СОЗДАНИЯ СВЯЩЕННОГО СОЮЗА ДО ИЮЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(1815—1830 гг.)

1. СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗ В ПЕРИОД 1815—1822 гг.

Священный союз

Священный союз не был в точном смысле слова оформленным соглашением держав, которое возлагало бы на них определенные обязательства. «Пустой и звонкий документ», — так определял Меттерних то туманное и широковещательное заявление о взаимопомощи всех христианских государей, которое в сентябре 1815 г. было подписано Александром I, Францем I Австрийским и Фридрихом-Вильгельмом III Прусским и к которому постепенно присоединились все континентальные монархи, кроме папы римского и турецкого султана. Но в историю европейской дипломатии Священный союз вошел как сплоченная организация с резко очерченной клерикально-монархической идеологией, созданная на основе идеи подавления революционного духа и политического и религиозного свободомыслия, где бы они ни проявлялись.

В политической жизни Священного союза следует различать три периода. Первый период — фактического всемогущества — длился семь лет — от сентября 1815 г., когда Союз был создан, до конца 1822 г. Второй период начинается в том самом 1823 г., когда Священный союз одерживает последнюю свою победу, организовав интервенцию в Испании. Но тогда же начинают резко проявляться последствия прихода к власти Джорджа Каннинга, еще в середине 1822 г. ставшего министром. Этот второй период длится с 1823 г. до июльской революции 1830 г. во Франции. Каннинг наносит ряд ударов Священному союзу. После революции 1830 г. Священный союз, в сущности, уже лежит в развалинах.

Скоротечность существования Священного союза объясняется не только сознательной и упорной борьбой, которую повел

против него Каннинг, и не только последствиями июльской революции. Даже в период процветания Союза, т. е. в первые семь лет, в нем проявлялись симптомы внутренней слабости.

Дипломаты держав, вошедших в Священный союз, не переставали с жаром утверждать на всех трех конгрессах — Аахенском 1818 г., Троппау-Лайбахском 1820—1821 гг. и Веронском 1822 г., — будто основная цель у них всех одна: борьба с революцией и организация необходимых вооруженных интервенций по мере проявления где-либо не только в Европе, но и вообще на земном шаре мятежного революционного духа. На самом деле рядом с этой целью существовали и другие.

Внутренние противоречия в Священном союзе

Австрийский канцлер Меттерних боялся революции, но боялся и царя Александра; он даже начинал убеждаться, что габсбургской державе грозит распадение скорее от соседства русского колосса, чем от внутреннего революционного взрыва. Фридрих-Вильгельм III боялся революции, но также боялся и Александра. Кроме того, он боялся христианнейшего короля Франции и Наварры — Людовика XVIII — и возможного его союза с Александром. Он совсем уже приуныл, когда этот союз стал близок к осуществлению при Карле X и Николае I, накануне июльской революции. Наконец, сам Александр ненавидел «безверие» и революцию, но совсем не верил своим друзьям по Священному союзу. Он подозревал ложь и подвох в каждом их слове, потому что никогда не забывал, как Меттерних в 1814—1815 гг. у него за спиной изготовил враждебную коалицию трех великих держав. Словом, реальные экономические и политические интересы, взаимные боязнь, зависть и подсиживание уже в первые годы после создания Священного союза отвлекали внимание дипломатов от его якобы идеологической стороны.

Прежде всего непреодолимо боялись России; многие соглашались с мыслью Наполеона, высказанной им на острове св. Елены, что Россия при известной предприимчивости может повторить и завершить то дело, которое проводил он сам,—покорение Европы. Другие не верили этому, но тоже беспокоились.

Разъедающие Священный союз противоречия, однако, не успели еще вполне обнаружиться в первые годы. В 1818 г. на Аахенском конгрессе французскому первому министру Ришелье удалось добиться освобождения французской территории от постоя союзных войск, находившихся там в продолжение трех лет после Ватерлоо. Последствием этого акта было то, что к четырем державам-«победительницам» — России, Австрии, Пруссии и Англии — прибавилась пятая — Франция. Так «четырехвластие» (тетрархия), управлявшее делами Европы, превратилось в «пятивластие» (пентархию).

Получалось так, что Священному союзу трех самодержцев фактически помогала и конституционная Франция. Что касается конституционной Англии, то она помогала Священному союзу с первого момента его существования, хотя английской подписи и не было на самом акте о Священном союзе.

Но уже в первые семь лет обнаружилось, что Англия не во всем и не до конца может и хочет итти за Священным союзом. Конечно, из пяти великих держав, которые составляли в эти годы европейскую пентархию, наиболее близкой к революционному взрыву представлялась именно Англия. Рабочий класс, переживавший время лютой нужды, жесточайшей эксплоатации и часто безработицы, был раздражен и обнаруживал время от времени свое недовольство бурными выступлениями. Буржуазия громко и решительно требовала избирательной реформы. Лорд Кэстльри, герцог Веллингтон, лорд Ливерпуль, сам принц-регент Георг, конечно, всецело принимали непримиримую позицию Священного союза в отношении к «революционной гидре». Однако, когда в Аахене, на конгрессе 1818 г., Александр I выдвинул идею создания чего-то вроде всеевропейского монархического ареопага с правильными периодическими съездами для рассмотрения текущих дел, английские делегаты — Кэстльри и Веллингтон — решительно этому воспротивились. Решение Англии вызвало недовольство Александра. Он даже собирался ехать в Лондон, надеясь там повлиять на принца-регента. Александру хотелось, чтобы вся «пентархия» осуществляла цели, выдвинутые Священным союзом. Но лорд Ливерпуль, глава кабинета, ни за что не хотел этого царского визита; он поспешил написать Кэстльри в Аахен, чтобы тот как-нибудь уговорил царя посидеть дома.

Александр в Лондон не поехал. Политика царя между концом Аахенского конгресса 1818 г. и 20 октября 1820 г., когда собрался новый конгресс в городе Троппау, была колеблющейся, и даже организация русской дипломатической службы отражала эти колебания царя. Во главе министерства иностранных дел стояли, как это ни странно, два человека, — оба с правом доклада царю, с одинаковыми во всех отношениях правами и полномочиями. То были: Нессельроде и грек граф Каподистрия. Первый являлся носителем консервативных чувств и настроений; с начала и до конца своей чиновничьей карьеры он был представителем идей Священного союза. Именно через его посредство Меттерниху, перед которым всю жизнь преклонялся Нессельроде, удалось сделать Священный союз верным орудием австрийской политики. Каподистрия, патриот освобождающейся Греции, был исполнителем тех предначертаний Александра, которые являлись исчезающими отголосками неопределенного «либерализма» царя; прежде всего Каподистрия настраивал Александра в пользу греческого восстания.

Каподистрия при этом играл на двух струнках царя: во-первых, освобождение Греции при русской помощи могло продвинуть русское влияние на Балканском полуострове, что давало возможность снова поставить вопрос о проливах; во-вторых, защита православного креста против магометанского полумесяца идеологически покрывала собой смущавшее Александра обстоятельство: покровительство греческим «революционерам» против законного их монарха — султана.

Конгрессы в Троппау (1820 г.) и Лайбахе (1821 г.)

На конгрессе, который начался 20 октября 1820 г. в Троппау и закончился в Лайбахе 12 мая 1821 г., Меттерниху удалось побороть влияние Каподистрия. Меттерниху помогли два обстоятельства. Во-первых, самый конгресс в Троппау собрался вследствие ряда восстаний, происшедших в 1820 г. в Испании, в Неаполе, в Пьемонте. «Если бы русский император иначе держал себя с 1814—1815 гг., то не было бы тысяча восемьсот двадцатого года», — упорно повторял Меттерних, приписывая «либерализму» царя возросшую смелость революционеров. Во-вторых, к счастью Меттерниха, едва государи и дипломаты съехались в Троппау, как туда пришли известия о происшедшей в октябре (1820 г.) так называемой «семеновской истории», т. е. о демонстративных выступлениях солдат Семеновского гвардейского полка в Петербурге против гнусного палача и мучителя полковника Шварца, истязавшего солдат. Меттерниху удалось получить сведения об этом происшествии раньше, чем доехал до Александра посланный к нему курьером Чаадаев. Меттерних представил Александру дело так, что и в России уже начинается нечто вроде испанских и неаполитанских событий. Все это побудило Александра отказаться от какого бы то ни было дипломатического вмешательства в греческие дела. Отныне руководителем русского министерства иностранных дел, скорее верховным начальником по канцелярским делам министерства, остался один Нессельроде, верный слуга Меттерниха. Меттерних был очень доволен переменой в Александре, но он ему не доверял; на всякий случай, там же, в Троппау, Меттерних постарался сговориться с английским представителем Стюартом и устроил так, что враждебная позиция Англии по отношению к вмешательству России в греческие дела немедленно стала известна Александру. Кэстльри приказал Стюарту — решительно отклонить всякое участие Англии в намеченной Троппау-Лайбахским конгрессом интервенции Священного союза в Неаполе и Пьемонте, но приветствовать посылку туда австрийских войск. Что же касается Греции, то Кэстльри, не меньше Меттерниха, боялся переменчивого нрава Александра; 21 июля 1821 г. он писал в Петербург своему представителю (Вэготу) для сообщения Александру: «Греки образуют разветвление того организованного духа воз-

мущения, который систематически пропагандируется в Европе, и который проявляется взрывом всюду, где ослабевает по какой-либо причине рука правящей власти». Впрочем, сам Александр твердо решил окончательно отойти от греков. Меттерних торжествовал. Австрийская интервенция погасила революцию в Неаполе и в Пьемонте; греки были брошены на произвол турецкого султана. Оставались еще очаги национально-освободительного движения в Южной Америке, и еще не был восстановлен абсолютизм в Испании. Но и в этом направлении перед Священным союзом развертывались самые радужные перспективы. Для организации интервенции в Испании постановлено было собраться осенью 1822 г. в Вероне, в Северной Италии, принадлежавшей тогда Австрии.

Но еще раньше, чем собрался Веронский конгресс, в Англии произошло событие, оказавшееся чрезвычайно важным для всего дальнейшего развития дипломатических отношений в Европе.

2. ПОВОРОТ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ АНГЛИИ И НАЧАЛО РАЗЛОЖЕНИЯ СВЯЩЕННОГО СОЮЗА

Весной 1822 г. Меттерних постарался лично увидеться с лордом Кэстльри в Германии, куда тот приехал лечиться. Там они пришли к соглашению: если царь на предстоящем в Вероне конгрессе вздумает заговорить о вмешательстве в греческий вопрос, категорически этому воспротивиться. Кроме того, Кэстльри вполне согласился с Меттернихом, что интервенцию в Испании нужно поддержать. Конституцию же, которую в 1820 г. испуганный революцией король Фердинанд VII согласился восстановить, следует уничтожить вооруженной рукой. Кэстльри только предупреждал, что Англия не примет непосредственного вооруженного участия в этой интервенции. После этого соглашения Меттерних рассчитывал, что габсбургская держава может вполне опереться на Англию. Но неожиданное событие изменило все. В середине августа Англия и Европа были потрясены известием, что лорд Кэстльри перерезал себе перочинным ножом сонную артерию. Британский кабинет решил назначить Джорджа Каннинга на освободившийся пост. В сентябре 1822 г. Каннинг стал статс-секретарем по иностранным делам.

Каннинг

Каннинг был по партийной принадлежности консерватором, но по происхождению не вполне подходил к своим аристократическим коллегам: отец его был из среднего дворянства, а мать — актриса. Джордж Каннинг тем не менее уже успел побывать министром в грозные наполеоновские времена, когда приходилось при выборе министров считаться и с их талантами. Полная беззастенчи-

вость и решительность были свойственны Каннингу всегда, когда того требовала поставленная им цель. Железная воля и холодный, ясный, быстро взвешивающий и решающий ум отличали его издавна. Дипломатическому штату, который Каннинг нашел при вступлении в должность в 1822 г., он доверял очень мало и почти всю работу делал сам, ни с кем не советуясь и не считаясь.

Поворот во внешней политике Англии в 1822 г.

Крутой поворот английской дипломатии, связанный с именем Джорджа Каннинга, диктовался всей совокупностью внутренних обстоятельств тогдашней Англии. Своим ясным умом Каннинг видел, что рано или поздно аристократия должна будет пойти на уступки и дать буржуазии избирательную реформу, если не хочет революции, в которой пролетариат будет поддерживать буржуазию против аристократии. Он сознавал ясно и то, что ни его коллеги по министерству, ни король Георг, ни тогдашняя палата лордов, ни даже палата общин еще не готовы к принятию такого решения. Каннинг не мог или не хотел форсировать это решение; но он пришел к власти с особой программой действий, удачное выполнение которой могло, по его убеждению, предоставить промышленной, торговой, банковской буржуазии такие возможности, открыть перед этими кругами такие перспективы экономического подъема и развития, что угрожающая революционная опасность не могла не ослабеть, а борьба за избирательную реформу не могла не утратить своей остроты. В связи с такой установкой следовало радикально изменить всю внешнюю политику, не бороться с национально-освободительными движениями в Европе, в Америке, а, напротив, всячески помогать этим движениям. Освобождающиеся народы, образуя новые государства, нуждаются и в промышленности, и в торговом флоте, и в финансах, — ничего этого у них на первых порах не будет, и за всем этим они будут обращаться прежде всего к Англии, если она станет их покровительницей и освободительницей.

Не сразу Меттерних и Александр сообразили, что дело шло об активном дипломатическом противодействии всей политике Священного союза.

Веронский конгресс (1822 г.)

Веронский конгресс собрался в середине октября 1822 г. Каннинг не поехал туда сам, а послал Веллингтона, дав ему твердые инструкции не впутывать Англию ни в какие решения и постановления, которые могли бы заставить ее, прямо или косвенно, помогать готовящейся интервенции великих держав в Испании; препятствовать единоличному выступлению России против Турции; ни в коем случае не присоединяться ни к какому заявлению держав, где будет говориться

об Испании, как о державе, имеющей права на обладание южноамериканскими колониями; не соглашаться признавать южноамериканских революционеров бунтовщиками против короля испанского Фердинанда VII.

Уже на первых заседаниях выяснилось, что Меттерних и Александр I стоят за французскую интервенцию. Тогда французский уполномоченный Монморанси 20 октября задал вопрос, намерены ли эти державы помочь Франции, в случае если это понадобится по ходу дел во время войны французов с испанскими революционерами, и в чем именно выразится эта помощь. Через десять дней, 30 октября, конгресс собрался снова. Александр, Меттерних и прусский представитель Бернсторф вполне одобрили интервенцию Франции в Испании и дали положительный ответ. Но Веллингтон, представитель Англии, решительно высказался против интервенции.

Александр и Меттерних попытались притти к соглашению с французами относительно общих дипломатических шагов в Мадриде. 20 ноября они устроили совещание, на которое был приглашен и Веллингтон. Тут английский уполномоченный еще решительнее протестовал против затеваемого дела. Монморанси несколько смутился и экстренно отбыл в Париж для совещаний с королем Людовиком XVIII и Виллелем. Остался другой французский уполномоченный — Шатобриан. Этот поэт и религиозный фантазер, человек огромного тщеславия и самолюбия, всегда жаждавший играть политическую роль, произносил на Веронском конгрессе крикливые реакционные речи, приведшие к тому, что Франция впуталась в обязательство единолично повести войну в Испании. Чтобы особенно подчеркнуть важность своих выступлений, Шатобриан впоследствии лгал, будто Веронский конгресс не хотел интервенции, а только он, французский Демосфен, решил дело.

14 декабря 1822 г. Веронский конгресс закончил свои занятия, а 22 декабря Шатобриан был назначен французским министром иностранных дел вместо Монморанси. Это было прямым шагом к войне с Испанией. В феврале 1823 г. началась вооруженная французская интервенция, а уже 24 мая 1823 г. герцог Ангулемский, французский главнокомандующий, вошел в Мадрид. В сентябре все было кончено. Жестокий, наглый и тупой тиран Фердинанд VII был восстановлен во всей полноте самодержавной власти.

Но это было последним триумфом Священного союза. В том же 1823 г. последовало первое решительное выступление Каннинга, первая его лобовая атака против дипломатии остальных четырех держав.

Каннинг решил не только не избегать столкновений с дипломатией держав Священного союза, но и принять открытый бой и померяться с ними силами. Самой серьезной величиной,

с которой придется считаться, он признавал императора Александра, а вовсе не Меттерниха. Царь был опасен тем, что никак нельзя было предвидеть, в какой момент он покажет когти; он был опасен и тем, что Россия была несравненно могущественнее Австрии и даже сильнее соединенных Австрии и Пруссии, если бы подобная комбинация состоялась.

Политика Англии в отношении южноамериканских государств

Каннинг знал, что Священный союз, под которым в 1823 г. понимались Россия, Австрия, Пруссия и Франция, не удовольствуется подавлением испанской революции, что речь шла уже о посылке французских войск за океан для подавления восстания южноамериканских испанских колоний. За это Франция предполагала получить соответственное вознаграждение из обширных территориальных владений, которые она вернет под власть Фердинанда VII.

Меттерних и Александр I вполне сочувствовали такому предприятию и поощряли французских дипломатов. Но Каннинг поспешил высказаться самым категорическим образом против интервенции в дела южноамериканских государств.

Экспедиция французских войск в Южную Америку без согласия Англии была абсолютно немыслимой. Тогда Меттерних завел за спиной Каннинга сложную интригу в самой Англии. Через австрийского посла в Лондоне графа Эстергази он сговорился с королем Георгом IV, который тоже терпеть не мог Каннинга. Король Георг IV повел уже от себя интригу против своего министра. Сам Каннинг впоследствии писал, что если бы «не плохой расчет или нетерпеливость» со стороны короля, интрига могла бы привести к его [Каннинга] отставке; в таком случае он уже наперед решил заявить публично, в заседании парламента, что выгнан со своего поста Священным союзом. Но бестактность короля преждевременно раскрыла карты: Георг IV послал Эстергази в Париж, где находился в тот момент австрийский канцлер, с приглашением Меттерниху пожаловать в Лондон. Меттерних уже хвалился перед своим императором Францем I, что ему удалось обойти Каннинга. Но Меттерних рассчитал без хозяина. Каннинг решил не отступать перед скандалом и, если понадобится, апеллировать к английскому народу. Он намерен был не только заявить, что уходит в отставку по требованию Священного союза, но и публично разоблачить короля Георга IV, который пытался завести непосредственные сношения с иностранными министрами через голову своего министра. По мнению Каннинга, ни один английский министр не согласится с такими порядками.

Каннинг написал британскому послу в Париже графу Гренвилю, чтобы тот всеми мерами воспрепятствовал намерению Меттерниха приехать в Лондон. Меттерниху очень

не хотелось отказаться от этого визита. Но Гренвиль так убедительно просил его не ездить в Англию, что Меттерниху пришлось уступить.

Позиция Соединенных штатов в южноамериканском вопросе и доктрина Монро

После победы над королем и над Меттернихом Каннинг пригласил посла Соединенных штатов Раша, которому заявил о важности единомыслия и совместных действий Соединенных штатов и Англии в вопросе о независимости бывших испанских колоний в Америке.

В неофициальном письме к Рашу Каннинг изложил позицию английского правительства по этому вопросу. Каннинг констатировал, что американские колонии утеряны Испанией безвозвратно, и что Соединенным штатам и Англии следует их признать. При этом он заверил Раша, что Англия сама не имеет территориальных притязаний на эти колонии, но и не допустит, чтобы какая-либо их часть была захвачена другой державой. В письме говорилось: «Если Соединенные штаты примут эту точку зрения, то наиболее действительным и наименее оскорбительным [для других] способом действий было бы выступление обеих стран с неодобрением проектов противоположного свойства».

Сущность предложений Каннинга заключалась в том, что Англия, которая так долго была врагом Соединенных штатов, предлагала им теперь союз.

Получив важную депешу Раша о предложении союза Англией, президент Соединенных штатов Монро, прежде чем поставить вопрос на заседании правительства, послал копию этой депеши Джефферсону и Медисону — двум своим предшественникам, занимавшим ранее посты президентов Соединенных штатов, — с просьбой сообщить свое мнение по данному вопросу.

В ответе Джефферсона, датированном 24 октября, говорилось:

«Наша первая и основная задача — никогда не вмешиваться в европейские ссоры. Вторая — не допускать никакого вмешательства Европы в заатлантические дела. Америка, Северная и Южная, имеет свой особый круг интересов, отличный от европейских. Имея Великобританию на своей стороне, мы можем не бояться всего мира». Джефферсон высказывался поэтому за самую тесную дружбу с Англией. Он даже готов был итти на совместную с Англией войну. Но Джефферсон полагал, что если Англия соединится с государствами двух американских континентов, то даже вся Европа не решится выступить войной против них, ибо превосходство флота будет на стороне Англии и Америки. При этом Джефферсон предложил заявить протест против действий безаконного союза, который себя именует «Священным».

Мадисон не только согласился с Джефферсоном, но и предложил выразить неодобрение вторжению Священного союза в Испанию и вмешательству держав в греческие дела.

Монро, повидимому, был весьма склонен поступить по совету Мадисона, но его статс-секретарь Джон-Куинси Адамс (сын Джона Адамса) и некоторые другие члены кабинета выступили против проекта Монро — Джефферсона — Мадисона.

Адамс гораздо лучше, чем президент и его два консультанта, разгадал сущность предложения Каннинга. Принятие этого предложения привело бы Соединенные штаты к союзу с Англией и дало бы Англии право вмешиваться в американские дела. Адамс предложил провести независимое выступление Соединенных штатов вне прямой связи с предложением Каннинга, но по существу в согласии с ним. Сам Адамс охарактеризовал свою платформу следующим образом: «Серьезно протестовать против насильственного вмешательства европейских держав в Южной Америке и не позволить какого бы то ни было вмешательства Европы в дела нашей части света...»

Адамс учел, что Англия все равно не выступит против Соединенных штатов. Европейские интересы Англии заставляли ее занять и в этом вопросе дружественную по отношению к Соединенным штатам позицию.

Принимая во внимание, что Англия будет вынуждена занять благожелательную позицию в отношении Соединенных штатов, Джон-Куинси Адамс решил, что Соединенные штаты выступят в соответствии с пожеланиями Англии в отношении южноамериканских государств, но не вместе с ней, а самостоятельно.

2 декабря 1823 г. Монро обратился к Конгрессу с посланием. Это послание начиналось с декларации, что политические системы Европы и Америки не только различны, но и противоположны друг другу. Соединенные штаты заявляют, что они не претендуют на вмешательство во внутренние дела европейских государств, но категорически возражают против распространения политической системы этих государств, т. е. монархической системы, на какую-либо часть американских континентов.

Непосредственно против Франции и против указа Александра I от 4 сентября 1821 г. была направлена следующая часть этого послания: «Американские континенты, пользуясь всеми свободными и независимыми условиями, которыми они обладают, и которые они поддерживают, в настоящее время не могут рассматриваться как объекты для будущей колонизации какой-либо европейской державы...»

Доктрина Монро, несомненно, явилась удачным шагом американской дипломатии. Этим она обязана была отнюдь не Монро, а Джону-Куинси Адамсу, который выступил против того, чтобы Соединенные штаты оказались в положении малень-

кого суденышка, идущего в кильватере английского военного корабля.

Доктрина Монро, в значительной мере спровоцированная Каннингом, приводила Соединенные штаты к столкновению с Англией в борьбе за Центральную и Южную Америку.

В 1825 г., когда Джон-Куинси Адамс вступил в должность президента, возникла идея созыва конгресса всех американских самостоятельных государств. В связи с этим Каннинг заявил, что попытка образования лиги государств Центральной и Южной Америки не встретит возражений Англии. Однако если Соединенные штаты захотят встать во главе ее, то это будет в высокой мере неприятно для британского правительства. Каннинг определенно рассчитывал, что со временем испанская Америка сможет стать английской; поэтому он отрицательно относился к притязаниям Соединенных штатов на панамериканский мессианизм.

В ближайшее время после опубликования доктрины Монро Англия, пользуясь своим промышленным превосходством над Соединенными штатами, завязала с бывшими испанскими колониями обширные торговые связи и заключила торговые договоры с бóльшим количеством государств Южной и испанской Америки, чем Соединенные штаты. Таким образом, доктрина Монро привела к новому обострению отношений с Англией, столь поздно и с таким трудом налаженных.

В доктрине Монро было заложено два начала: одно — оборонительное, не допускающее агрессии, колониальной экспансии европейских государств; исходя из этого положения, усилия Соединенных штатов были направлены к тому, чтобы не брать на себя обязательств, связанных с европейской политикой. В то же время доктрина содержала и другое, наступательное, начало: Соединенные штаты не отказывались, как этого требовал Каннинг, от притязаний на территории и от особых прав в Латинской Америке. Соединенные штаты, надевая на себя личину защитника других американских государств, в то же время претендовали на господство над обоими американскими континентами, за исключением лишь тех частей, которые уже являлись колониями других государств.

Отказ Веронского конгресса от интервенции в Южной Америке

С момента опубликования послания президента Монро к Конгрессу Соединенных штатов, Александр I понял, что вопрос об интервенции в Южной Америке приходится снять с порядка дня. А после резкого выступления Каннинга по вопросу о южноамериканских колониях царю не было ни малейшего основания становиться «секундантом» Меттерниха в борьбе против Англии. Когда Меттерних стал в 1824 г. пропагандировать мысль о всеевропейском конгрессе по вопросу о Южной Америке,

Каннинг сорвал эту затею; он категорически заявил, что ни малейшего участия в этом конгрессе не примет и считает его совершенно бесполезным. Тут же Каннинг дал знать, что намерен заключить торговый договор с республикой Буэнос-Айрес (так называлась в 1824 г. Аргентина). На раздраженную оппозицию короля Георга IV Каннинг не обращал никакого внимания; с лордом Ливерпулем и Веллингтоном он справился, указав им на то, что нужно скорее войти в сношения с южноамериканскими рынками, потому что иначе они попадут в руки Соединенных штатов. Лондонское Сити и все промышленные центры были в восторге от действий Каннинга.

В январе 1825 г. Англия официально признала самостоятельными республиками Аргентину (Буэнос-Айрес), Колумбию и Мексику. Король Георг IV был этим разъярен не меньше, чем Меттерних. Александр I и здесь отошел в сторону, признавая положение безнадежным и не желая нарываться на унижение. Но Меттерних и побуждаемый им король Фридрих-Вильгельм III попробовали было вербальными нотами и устными заявлениями своих представителей в Лондоне выразить порицание Каннингу по поводу признания им победы революции в Новом Свете. «Я прошу вас не читать мне лекций», — оборвал Каннинг прусского посла. «Что таким языком с нами разговаривать нельзя, я, полагаю, достаточно вразумительно объяснил всем членам континентальной троицы», — писал он впоследствии.

Король Георг IV остался единственной опорой для Меттерниха в Англии. Георг изготовил меморандум, разослал его всем членам кабинета и раздраженно требовал от них ответа на вопрос: окончательно ли они забыли «великие принципы 1814, 1815 и 1818 гг.» (т. е. принципы Венского конгресса, Священного союза и Аахенского конгресса), почему они приняли «существенную часть революционного кредо», и как могут его министры предполагать, что он позволит каким бы то ни было индивидуумам навязывать ему, королю, принципы, противоположные тем, которые он всегда исповедовал. Под индивидуумом понимался Каннинг, который, однако, и ухом не повел на этот гневный королевский выпад. Промышленные, торговые, банкирские круги с полным сочувствием поддерживали политику Каннинга. В самом парламенте и в прессе его дипломатия встречала горячую поддержку именно со стороны оппозиции, и правительство Ливерпуля отдохнуло от забот об избирательной реформе.

Каннинг почувствовал свою силу и внутри страны и в Европе. Священный союз получил от него тяжкий удар.

Греческая проблема

Еще более сокрушающий удар нанес Каннинг «принципам 1814, 1815 и 1818 гг.» в другом, несравненно более важном для тогдашней Европы деле — в вопросе о греческом восстании.

В 1821—1822 гг. греческое восстание против турок переживало время тяжких поражений. После конгресса в Троппау рушились, казалось, окончательно надежды на Александра и на русскую помощь. Страшная резня, учиненная турками среди хиосских греков, зверские избиения в Константинополе и провинции, публичное повешение патриарха константинопольского — все это прошло султану Махмуду II даром. Правда, Александра давно раздражало вызывающее поведение турецкой дипломатии относительно России. Знаменитый ответ министра иностранных дел (реис эффенди) Турции по поводу хиосской кровавой бани: «Мы знаем лучше, как нам обращаться с нашими подданными», — возмутил Александра, но зато привел в полный восторг Меттерниха. Махмуд II не пожелал даже прислать своего представителя на Веронский конгресс, хотя ему и был там обещан любезный прием. Каннинг круто повернул руль британской политики в греческом вопросе. Он начал с того, что, даже не уведомив никого из дипломатического корпуса в Лондоне, 25 марта 1823 г. торжественно заявил, что Англия отныне будет признавать греков и турок двумя воюющими сторонами. Это как громом поразило Меттерниха. Каннинг правильно рассчитал удар, нанеся его Священному союзу в самом слабом его месте: там, где тайная, но острая вражда разъединяла Меттерниха и Александра, — в вопросе об отношениях к Турции. Из факта признания воюющей стороной «бунтовщиков», революционеров, «бандитов» греков, вытекало, что само восстание греков Англия считала законным, и что первая территория, где повстанцам удастся укрепиться, будет признана той же Англией самостоятельным государством.

Этот шаг Каннинга дал могучий толчок общественному и литературному движению в Европе в пользу греков. Байрон в Англии и Пушкин в России были далеко не одиноки в своих прогреческих настроениях. Отношение Александра к политике Каннинга в греческом вопросе также свидетельствовало о наступающем повороте в судьбах Греции.

И в самом деле, инициатива Каннинга побудила Александра в конце 1823 г. снова обратиться к греческим делам. Он выработал вместе с Нессельроде очень запутанный и явно неосуществимый план: разделить греческую провинцию Турции на три части и даровать им автономию с тем, что султан будет считаться их верховным государем, а контроль будет принадлежать европейским державам.

Александр сам не верил в свой фантастический план. Должно было получиться так, что и православных греков больше никто резать не будет, и греческие революционеры принуждены будут покориться своему законному государю Махмуду. Ознакомившись с этим планом и с комментариями к нему, Мет-

терних понял только одно, что Александр собирается начать завоевание Турции с отторжения от нее всей южной части Балканского полуострова и с создания там трех русских генерал-губернаторств под видом «автономных» греческих областей. Но Каннинг решил дать движение увязшей в болоте греческой проблеме. Он-то очень хорошо знал, что для его экономических и политических целей ему нужна свободная от турок Греция, как нужны свободные от испанцев южноамериканские колонии.

Редко кто из дипломатов той эпохи так умел ковать железо, пока горячо, как Каннинг. Между царем и Каннингом установился дружественный контакт. Когда жена русского посла в Лондоне княгиня Ливен, в салоне которой стал бывать Каннинг, в частных беседах с ним летом и осенью 1825 г. говорила, что, по мнению Александра, Россия и Англия должны между собой сговориться касательно греко-турецких дел, то она уже встречала полное понимание и принципиальное сочувствие со стороны своего собеседника. Так обстояло дело, когда в начале декабря 1825 г. Европу облетела нежданная весть о смерти сорокавосьмилетнего царя в глухом далеком южнорусском городишке.

3. СБЛИЖЕНИЕ НИКОЛАЯ I С АНГЛИЕЙ И ФРАНЦИЕЙ И ДАЛЬНЕЙШИЙ РАЗВАЛ СВЯЩЕННОГО СОЮЗА

Николай I как дипломат

На престол Российского государства вступил человек, которому суждено было в течение своего долгого царствования сделаться супер-арбитром европейской дипломатии, грозой для правительств Средней Европы, страшилищем для всех прогрессивных слоев европейского общества, а затем, утратив дипломатическую ориентацию, шагнуть в неожиданно разверзшуюся пропасть, чтобы насмерть разбиться при падении.

В первые годы своего правления Николай проявлял в своих дипломатических выступлениях большую осторожность. Лишенный опыта, ничего не знавший «дивизионный генерал, внезапно ставший императором», как он сам о себе выражался, Николай первое время чувствовал себя, как в лесу, среди послов и во время докладов Нессельроде. Но Николай был умнее Нессельроде. Он быстро разглядел в нем канцеляриста, который, пожалуй, недурно напишет по-французски бумагу, если ему точно приказать, о чем именно нужно писать, но который ни в коем случае не способен подать самостоятельный совет. Впоследствии Николай иной раз передавал распоряжения своему канцлеру Нессельроде через посредство иностранных послов. Нессельроде этим не обижался. Ему даже и в голову не приходило, что на императора вообще можно обидеться. Николай вскоре освоился с внешней политикой, и она стала даже одним из любимейших его занятий.

Осторожность была не единственным положительным качеством Николая как дипломата в первые времена его царствования. Царь вначале довольно хорошо разбирался в людях, с которыми ему приходилось иметь дело. Меттерниха, например, он понял уже с первых шагов. Когда однажды при личном свидании Меттерних, желая попасть в тон Николаю с его военными замашками и вкусами, с аффектацией мнимой прямоты и непосредственности сказал царю: «Ведь вы меня знаете, ваше величество!», то Николай ответил так выразительно и таким загадочным тоном: «Да, князь, я вас знаю!», что даже Меттерних смутился. Эта способность стала Николаю изменять впоследствии, когда постоянные удачи и безмерная лесть ослабили и притупили его умственные силы.

Одной из слабых сторон Николая было его глубокое невежество. Он, например, пресерьезно думал, будто королева Виктория может действительно влиять на английскую политику. Он ненавидел конституционные принципы, но никогда не мог понять, в чем они заключаются, и гордился тем, что ничего в конституциях не понимает. Одной из центральных идей его дипломатии было убеждение, что Турция разлагается, и что Россия должна наследовать ей в обладании значительной части турецких владений. Он так мало знал о Турции и так слабо представлял себе ее строй, что допускал нелепые выходки, ставившие его иногда в смешное положение. Так, в 1830 г., на торжественном приеме принца Халила, присланного Махмудом II для обмена ратификационными грамотами о мире, к изумлению Халила, его свиты и всех присутствующих, царь просил передать от своего имени дружеский совет султану покинуть мусульманские заблуждения и воспринять свет истинной православной веры.

Другой господствующей мыслью дипломатической деятельности Николая I было убеждение в необходимости неустанной борьбы с революцией, где бы и в чем бы она ни проявлялась. И тут тоже, кроме слепого, непоколебимо упрямого следования принципам Священного союза, т. е. началам абсолютистской реакции во имя восстановления и охранения всех обломков феодального общественного строя, Николай решительно ничего не придумал. Он не удостаивал разбираться в партиях, не представлял себе отличия французских республиканцев от социалистов. И те и другие были для него, выражаясь его слогом, одинаково «канальи». Но когда республиканец генерал Кавеньяк перестрелял в июне 1848 г. около десяти тысяч рабочих, Николай простил ему его республиканизм, сердечно поздравил с победой и был очень доволен его лихостью и расторопностью. А до тех пор Кавеньяк в глазах царя был такой же «канальей», как и другие республиканцы или социалисты.

Не менее, а может быть, и более вредной чертой Николая как дипломата была его самоуверенность, тоже проистекавшая от его глубокого невежества. Николай не знал России, истинных пределов ее силы и подлинных причин ее слабости. С годами туман непрерывной лести совсем почти скрыл от него реальные факты, гораздо менее утешительные, чем ему казалось. Самоуверенность стала покидать Николая слишком поздно, лишь после Альмы и Инкермана, т. е. у порога могилы.

Все эти слабые стороны Николая как дипломата давали себя чувствовать и в самые первые годы царствования, но все же меньше, чем впоследствии.

Сближение Николая с Францией и Англией

На первом же приеме дипломатического корпуса в Зимнем дворце в конце декабря 1825 г. Николай обнаружил особую любезность к французскому послу Ла Ферронэ. Он увел его с собой после приема в кабинет и долго с большим волнением говорил с ним о 14 декабря и отчасти о своей будущей внешней политике. Уже тогда наметилось желание царя, ставшее особенно настойчивым с 1828—1829 гг., тесно сблизиться с Францией. Одновременно через супругов Ливен Николай вошел в контакт и с Каннингом. То и другое ему казалось, повидимому, необходимым, чтобы избавиться от слишком назойливых стремлений Меттерниха демонстрировать перед всей Европой, что перемена, происшедшая на русском престоле, будто бы всецело выгодна для Австрии и особенно радостна лично для Меттерниха. Николай, несомненно, знал о начавшемся сближении его покойного брата с Каннингом и о резком охлаждении Александра к Меттерниху, и если была какая-нибудь идея, унаследованная Николаем от его брата и прочно, до самой Крымской войны, засевшая в его голове, то это была именно мысль, переданная Каннингу от Александра через посредство княгини Ливен: Англия и Россия должны вдвоем сговориться относительно турецких дел. Александр имел в виду прежде всего греческое восстание; Николай ставил вопрос шире и откровеннее, чем Александр, который, впрочем, тоже, говоря о греках, явно думал не только о греках, но и о проливах. Каннинг сейчас же пошел навстречу намечающемуся стремлению царя сблизиться с Англией.

Миссия Веллингтона в Петербурге

В Петербург со специальной миссией был отправлен из Лондона человек, к которому Николай питал чувство исключительного уважения. То был герцог Веллингтон, герой Ватерлоо, ярый представитель британского консерватизма и монархизма. У Николая уже была готова очень важная беседа с герцогом. Веллингтон получил от Каннинга перед своим петербургским путешествием довольно сложную инструкцию. Каннинг долго втолковывал ее своему маститому товарищу, голова

которого работала туго и не очень была приспособлена для восприятия дипломатических тонкостей. Требовалось: 1) По возможности достигнуть совместного решительного давления на Турцию и заставить ее отказаться от мысли вырезать греческое население на полуострове Морее. С этой мыслью носился еще с 1824 г. не только сам Махмуд II, но и его непокорный вассал, паша Египта Мехмед-Али. 2) Если англо-русское давление не поможет, что делать тогда? Удерживать ли царя от объявления войны Турции или не удерживать? Веллингтон долго не понимал, что ему толкует Каннинг, и все жаловался лондонским друзьям, что едет к царю со связанными руками. А Каннинг хотел, чтобы царь воевал с Турцией и этим освободил Грецию, но чтобы Россия при этом предприятии не разрушила Турецкой империи и прежде всего не захватила бы проливов. Значит, нужно было одновременно и толкать царя на войну с Турцией, и иметь потом возможность и парламенту, и Европе, и самому царю доказывать, что никто его на войну с Турцией не толкал, а совсем напротив. Конечно, нельзя было все это писать черным по белому, но старый солдат Веллингтон туго понимал то, чего нельзя изобразить на бумаге в отчетливых фразах точного английского языка. Впрочем, уже первые беседы Веллингтона с новым царем обнаружили, что инструкция Каннинга не может быть выполнена в точности.

Образование коалиции трех держав против Турции

У Николая уже созрела мысль не только не брать на себя единолично войны с турками, но, напротив, втянуть Англию в общее выступление и сделать из этой войны начало решения вопроса о Турции. Каннинг, инструктируя Веллингтона, предлагал ему выяснить, будет ли царь так же усердно, как его покойный брат, поддерживать принципы Священного союза. Герцог узнал, что Николай считает греков бунтовщиками, и что император всероссийский не может объявить себя покровителем бунтовщиков; но, оставляя греческий вопрос в стороне, он, царь, имеет будто бы с турками свои счеты. Фраза эта возбуждала беспокойство. Когда Веллингтон передал царю предложение о совместном выступлении Англии и России, Николай отделался ничего не значащими словами, ответил герцогу, что это для него ново, что он подумает и пр.

Николай решился на очень смелый шаг. Не говоря ни слова Веллингтону и обдумав свою беседу с ним, царь внезапно послал Турции нечто очень похожее на ультиматум, правда, с довольно большим (шестинедельным) сроком. Царь требовал восстановления автономных учреждений, которые существовали в Дунайских княжествах до 1821 г. и были уничтожены Махмудом II, и возвращения Сербии тех привилегий, которые она должна была иметь по Бухарестскому миру 1812 г., заклю-

ченному между Россией и Турцией. Отослав этот ультиматум, Николай заявил Веллингтону, что теперь готов подписать соглашение с Англией. После некоторых колебаний Веллингтон подписал 4 апреля 1826 г. Петербургский протокол, который представлял собой соглашение Англии и России по греческому вопросу. Греция, согласно этому «дипломатическому инструменту», образует особое государство; султан считается его верховным сюзереном; однако Греция должна иметь свое собственное правительство, свои законы и т. д. Чисто внешний вассалитет должен был свестись к ежегодным платежам известной суммы. Россия и Англия обязуются «поддерживать» друг друга при проведении этого плана, в случае если со стороны Турции встретятся препятствия. Каннинг, получив этот Петербургский протокол, увидел, что Николай обошел Веллингтона: не Англия втравила Россию в войну, а Россия втянула в нее Англию; если война будет, — а она будет непременно, потому что Махмуд ни за что не согласится без войны потерять такую территорию, — то в этой войне Англия, согласно протоколу, должна будет принять активное участие.

26 мая Меттерних с большим раздражением и беспокойством узнал о протоколе. Не только греческий вопрос неожиданно стал на очередь грознее, чем когда-либо; случилось и другое: ненавистный Каннинг одержал над Священным союзом самую решительную победу — Россия, по инициативе которой был заключен Священный союз, сама его топчет, идет рука об руку с покровителем «бунтовщиков», Каннингом. К этому присоединились еще два очень беспокойных для Австрии обстоятельства: во-первых, турки, напуганные слухами о соглашении России с Англией, поспешили принять царский ультиматум касательно Дунайских княжеств и Сербии, надеясь этой уступкой как-нибудь отделаться от необходимости дать самостоятельность Греции; во-вторых, Махмуд II как раз летом 1826 г. приступил к жесточайшему усмирению бунта янычар и истреблению этого мятежного войска. Это ослабляло турецкие силы и еще уменьшало шансы успешного сопротивления домогательствам России и Англии. Каннинг знал, что, согласно Петербургскому протоколу, ни Россия, ни Англия не должны делать в случае войны с Турцией никаких территориальных приобретений в свою пользу. Поэтому он не очень противился, когда с французской стороны последовали жалобы на то, что Францию не привлекают к участию в разрешении греческого вопроса. Каннинг заявил французскому послу в Лондоне Полиньяку, что сам он рад бы от души, но Николай не желает третьего участника. Тогда Ла Ферронэ, посол Франции в Петербурге, обратился к Николаю. Царь ему ответил, что лично приветствовал бы участие Франции, но препятствует Каннинг. Участия французов Николай желал еще меньше, чем Каннинг;

но когда Каннинг уступил, то сейчас же уступил и царь. Образовалась против Турции могучая коалиция трех держав: России, Англии и Франции. Меттерних должен был окончательно признать свое поражение.

Не только австрийский канцлер негодовал по поводу тяжкого удара, нанесенного Священному союзу. Не очень обрадованы были и крайние реакционеры во всех монархиях Европы. Недоволен был, например, и герцог Веллингтон, сам ставший орудием чужой политики — сначала Каннинга, потом Николая. Ему уже заранее несимпатична была война против турок рука об руку с честолюбивым и опасным молодым самодержцем, который так ловко его обошел, — говорил о греках одно, а сделал другое, и таит еще какие-то сомнительные проекты. Веллингтон был зол не только на Николая, но и на Каннинга. Когда весной 1827 г. первым министром был назначен Каннинг, он предложил Веллингтону любой портфель. Герцог отказался наотрез и не преминул открыто объяснить почему: он не хочет ни содействовать России в разрушении Турции, ни где бы то ни было поддерживать революционеров против их законных правительств. Каннинг обошелся без Веллингтона; он составил кабинет, в котором был фактически хозяином.

Каннинг довел свое историческое дело почти до его завершения. Священный союз — это разбросанные члены туловища, membra disjecta, — с торжеством говорил английский премьер. Россия вместе с Англией стояла за освобождение Греции.

И вдруг 8 августа 1827 г. Каннинг скончался, к полной неожиданности для Англии и Европы. Смерть Каннинга вызвала ликование Меттерниха и Махмуда II. Клевреты Махмуда II громко говорили, что, значит, не забыл аллах своих правоверных, если уничтожил самого страшного их врага.

Впрочем, радость правоверных была преждевременной: дело Каннинга с ним не умерло. Три державы — Россия, Франция и Англия — выступили против Турции и послали свои эскадры в турецкие воды. 20 октября 1827 г. в бухте Наварино турецко-египетский флот был истреблен. Дело греческого освобождения и восточный вопрос в его целом вступили в новую фазу.

4. РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА

Из двух основных целей, которые ставила перед собой дипломатия Николая I, одна, а именно борьба с революционными движениями в Европе, казалась в конце 20-х годов более или менее достигнутой. Поэтому стало возможным выдвинуть и другую капитальную задачу русской дипломатии: борьбу за овладение проливами — «ключами от своего собственного до-

ма». Согласованность дипломатических действий Англии и России давала уверенность, что если Англия и не выступит на стороне России, то она не будет и противиться русскому продвижению, во-первых, потому, что довершить дело освобождения Греции можно было, только продолжая военную борьбу против Махмуда II, и преемники Каннинга могли быть только довольны, что Россия берет на себя продолжение этой борьбы; во-вторых, потому, что вскоре после смерти Каннинга первым министром Англии стал (8 января 1828 г.) герцог Веллингтон. Николай знал, что хотя старик Веллингтон и не очень доволен был поворотом дипломатических дел в греко-турецком вопросе, но что, несмотря на это, от Веллингтона нельзя ожидать никаких угрожающих жестов. Во-первых, для реакционера Веллингтона, непримиримого тори, упорного врага избирательной реформы, борьба против России, главного, могущественнейшего оплота консерватизма и реакции, была просто немыслима; во-вторых, никто в Англии не желал воевать за Турцию и, значит, против Греции, и такого поворота во внешней политике Веллингтону не простили бы.

Таким образом, для Николая путь был свободен.

Русско-турецкая война 1828—1829 гг.

7 мая 1828 г. началась долгая и тяжелая для России война. Технически убого оснащенная, плохо обученная настоящему, а не плацпарадному военному делу, бездарно управляемая, особенно при личном вмешательстве царя, русская армия, несмотря на всю храбрость солдат, долго не могла одолеть сопротивления турок. Дела шли хорошо лишь в Малой Азии, но в Европе положение было такое, что иногда казалось, будто русские уйдут ни с чем, и все предприятие Николая кончится провалом. Ликование Меттерниха не знало границ, и он не переставал писать в столицы всех великих держав о безнадежном будто бы положении русских на Балканском полуострове. Однако в противоречии с этим своим утверждением он не переставал доказывать и в Лондоне, и в Париже, и в Берлине, что Пруссии, Англии и Франции необходимо вступить в соглашение с Австрией и потребовать немедленного прекращения войны. Но ни Пруссия, ни Франция, ни Англия не считали нужным вмешиваться в русско-турецкие отношения. Между прочим во всех трех странах либеральная часть буржуазного общества определенно желала в 1828—1829 гг. разгрома Турции. Николая I еще не раскусили, а Махмуда II хорошо знали как представителя кровавого деспотизма, виновника неслыханных зверств над греками.

Из стараний австрийского канцлера создать четверной антирусский союз (а эти усилия длились с ноября 1828 г. по июнь 1829 г.) ничего не вышло. Первым из русских дипломатов, который внимательно проследил за деятельностью Меттерниха и

его агентов, был русский посол в Париже Поццо-ди-Борго. Он тотчас же дал знать обо всем в Петербург, а сам постарался очернить Меттерниха перед французским королем Карлом X. Сделал он это, сообщив королю одну истину и прибавив к ней одну ложь: истина заключалась в том, что Меттерних желает шантажировать короля, тайно сносясь с бонапартистами и держа про запас кандидатуру на французский престол сына Наполеона, герцога Рейхштадтского; ложью было то, будто Меттерних даже предлагал России посодействовать воцарению герцога Рейхштадтского. Неизвестно, поверил ли Карл X сообщениям хитрого корсиканца. Так или иначе отношения между Францией и Россией стали в 1829 г. еще теснее, чем были раньше. Сообщения Поццо-ди-Борго произвели на царя большое впечатление, тем более что они подтвердились со всех сторон: ведь все три правительства, к которым Меттерних тайно обращался с предложением о четверном союзе, уже решив отказаться от этого союза, спешили в той или иной форме выдать Меттерниха Николаю. Царь был в высшей степени раздражен. Он сказал австрийскому послу (Фикельмону), что считает политику Меттерниха жалкой, и объявил, что знает о всех подвохах и ловушках, которые Меттерних ставит России на каждом шагу.

Меттерних испугался. Он бросился писать письма в Париж, в Берлин, в Лондон, доказывая, что его не так поняли, что он вовсе ничего враждебного России не замышлял. А тут еще подоспели, наконец, русские победы. Русский генерал Дибич вошел в Адрианополь. Русская армия стояла в двух шагах от Константинополя. Махмуд II решил просить у Дибича перемирия и мира. Начались переговоры. Русскому главнокомандующему стоило невероятных усилий скрыть, что у него уже около четырех тысяч солдат лежит по лазаретам, откуда мало кто возвращается, и что на воинственные демонстративные прогулки он высылает из Адрианополя больше половины своей армии.

Адрианопольский мир 14 (2) сентября 1829 г.

14 сентября 1829 г. в Адрианополе турки согласились на предъявленные им условия. Турция потеряла черноморский берег от устьев Кубани до бухты св. Николая и почти весь Ахалцыхский пашалык. На Дунае к России отходили острова в дельте Дуная, южный рукав устья реки становился русской границей. Русские получили право прохода их торговых судов через Дарданеллы и через Босфор. Дунайские княжества и Силистрия оставались в русских руках впредь до выполнения всех условий Адрианопольского договора. Турки потеряли право селиться на известном расстоянии к югу от Дуная. Что касается Греции, то она объявлялась самостоятельной державой, связанной с султаном лишь платежом $1^1/_2$ миллионов пиастров в год (причем эти платежи начинаются

лишь на пятый год после принятия Турцией условий), а населению Греции предоставлялось избрать государем какого-либо принца из царствующих в Европе христианских династий, но не англичанина, не русского и не француза.

Таков был Адрианопольский трактат, который дал России большие выгоды и победоносно закончил опасную войну. Николай знал, что при его дворе не все довольны умеренностью победителя и прежде всего тем, что не был занят Константинополь. Но он лучше Ливена и других критиков Адрианопольского трактата был осведомлен о том, в какой обстановке Дибичу приходилось склонять турок к подписанию этих условий. Царь считал, что и без Константинополя сделан большой шаг по намеченному на Востоке пути.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ОТ ИЮЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ВО ФРАНЦИИ ДО РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПЕРЕВОРОТОВ В ЕВРОПЕ 1848 г.

(1830—1848 гг.)

1. ОТНОШЕНИЕ НИКОЛАЯ I К ИЮЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Международное значение июльской революции было огромно. Оно сказалось и на дипломатической деятельности великих держав.

Николай I давно с беспокойством следил за внутренними делами Франции. Полиньяку, который стал в августе 1829 г. первым министром, Николай вообще не очень доверял. Царь считал, что Полиньяк склонен к сближению с Меттернихом и с Веллингтоном, и что его назначение не благоприятствует русско-французскому сближению, а будет тормозить его. Но прежде всего царь тревожился по поводу провокационного характера реакционных выступлений как Полиньяка, так и самого Карла и по поводу бродивших по Европе слухов о готовящемся в Париже реакционном перевороте. Конечно, Николай с радостью приветствовал бы такой переворот, если бы он только мог быть уверен в конечной его удаче.

За несколько месяцев до июльской революции Николай поделился своей тревогой с герцогом Мортемаром, представителем Франции в Петербурге, и выразил в нарочно завуалированных выражениях такую мысль: монархи Европы еще могли бы помочь французскому королю, если бы вдруг началась революция против него без всякого с его стороны вызова; но если сам король нарушит конституцию и этим по своей инициативе вызовет революцию, то «мы тогда ничем не будем в состоянии ему помочь».

Случилось именно то, чего боялся и что предвидел Николай. 25 июля 1830 г. Карлом X были подписаны в Сен-Клу ордонансы, фактически отменявшие французскую конституцию, а уже 31 июля,1, 2, 3, 4 августа последовательные

извещения сигнального телеграфа сообщили в Петербург о трехдневной июльской битве в Париже, о победе революции, о бегстве короля, о воцарении, согласно воле победившей буржуазии, герцога Орлеанского под именем Луи-Филиппа I.

17 августа к французскому поверенному в делах барону Бургоэну явился граф Чернышев с уведомлением, что царь прерывает дипломатические отношения с Францией, и приказал послать французскому посольству их паспорта. Бургоэн заявил, что желал бы лично повидаться с царем. В тот же день он получил приглашение в Елагинский дворец.

Царь встретил посла с очень мрачным видом. С первых же слов он заявил, что не признает Луи-Филиппа законным королем Франции — «с силой ударив по столу, император воскликнул: „Никогда, никогда не могу я признать того, что случилось во Франции“». В дальнейшем разговоре Бургоэн высказал мысль, что царь вступает на опасный путь, что коалиция против Франции не будет единой, и что Франция 1830 г. не та, чем была в 1814 г., после двадцатипятилетних войн. Николай переменил тон: «Любезный друг, я обещаю вам не предпринимать торопливого решения... мы не объявим вам войны, примите в этом уверение, но мы условимся сообща, какого образа действий нам следует держаться в отношении Франции». Под «мы» царь понимал прежде всего монархическую Европу: Россию, Австрию, Пруссию, Англию. Но и французский дипломат и царь уже отлично знали, что Англия официальная безусловно признает Луи-Филиппа, а Англия оппозиционная уже с восторгом приняла известие о июльской победе буржуазии во Франции. Поэтому Николай поспешил сделать оговорки. Он стал убеждать Бургоэна, что не следует доверять Англии, и что истинный друг Франции только он один, Николай: «Несмотря на все то, что мне у вас не нравится и волнует меня, я никогда не переставал интересоваться участью Франции. И в течение всех этих дней [революции] меня тревожила мысль, что Англия, которая завидует завоеванию вами Алжира, воспользуется вашими волнениями, чтобы лишить вас этого прекрасного приобретения». Да и Австрии не стоит верить, продолжал царь, забыв, очевидно, что ничего почти не останется от той коалиции, которой он явно хотел в начале разговора испугать Бургоэна; Австрия боится за прочность своего владычества в Италии и искреннего сочувствия к Франции не питает. Царь даже выразил сожаление, что в дни июльской революции народ в Париже не разграбил русского посольства и не захватил там секретной переписки. Тогда «все были бы очень удивлены, увидев, что русский самодержец поручает своему представителю настаивать перед конституционным королем на соблюдении конституционных законов, установленных и освященных присягой».

Это было правдой: Поццо-ди-Борго, согласно желанию Николая, предостерегал Карла от гибельного шага.

Отношения с Францией после этого знаменательного объяснения не были прерваны, хотя Николай и носился некоторое время с проектом вооруженной интервенции держав Священного союза с целью восстановления династии Бурбонов во Франции. Граф Орлов был послан в Вену, а генерал Дибич — в Берлин, чтобы сговориться об интервенции. Но из этих двух миссий ровно ничего не вышло.

Алексей Федорович Орлов, человек умный, очень легко принял свою неудачу, в которой нисколько не сомневался, пожуировал в веселой Вене и вернулся домой. Генерал Дибич, в противоположность Орлову, отнесся к своей миссии очень горячо и серьезно. Прибыв в Берлин, он немедленно сообщил королю Фридриху-Вильгельму III проект Николая. Русская армия вступает в пределы Пруссии, соединяется с прусской и вторгается во Францию. Австрийская армия идет через Баварию к юго-восточной французской границе и т. д. Старый Фридрих-Вильгельм даже и слушать до конца не захотел. Ввязываться в опасную авантюру, где больше всего рискует пострадать не Россия, а Пруссия, король не желал. Ничуть не поверил он также Дибичу, будто Австрия готова выступить против Франции. Напротив, Меттерних поспешил дать знать в Берлин, что ничего подобного не будет. Дибич довольно долго просидел в Берлине и уехал ни с чем.

Этот провал всех расчетов на интервенцию заставил Николая, скрепя сердце, признать Луи-Филиппа. Но отношения с Францией были отныне безнадежно испорчены. Царь оказался уже в 1830 г. изолированным: Англия, куда Луи-Филипп отправил послом старого Талейрана, казалось, сблизилась с Францией; Меттерних сохранял с Луи-Филиппом вполне корректные отношения; прусский король даже проявлял предупредительность к новому французскому монарху. Так Николай совершил первую из своих капитальных дипломатических ошибок.

Два могущественных секунданта — Англия и Франция — явно отходили от России и вскоре неминуемо должны были занять позиции враждебно настроенных наблюдателей.

Впрочем, вместо оставшейся в проекте войны на Рейне царя ждала война на Висле.

2. ПОЗИЦИЯ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ В ВОПРОСЕ О ПОЛЬСКОМ ВОССТАНИИ

Польское восстание 1830—1831 гг.

История польского восстания может быть разделена на два периода. Первый период восстания от начала его, т. е. от 29 ноября 1830 г. до 25 января 1831 г., когда постановле-

нием Варшавского сейма император Николай был объявлен низложенным с престола Царства (королевства) Польского.

В этот период европейская дипломатия имела формальное основание осведомляться у Николая, намерен ли он, несмотря на факт восстания, признавать то государственное устройство Царства Польского, которое было даровано Александром I на Венском конгрессе, и которое поклялся охранять в манифесте к полякам сам Николай при вступлении на престол 13 (25) декабря 1825 г.

Во второй период восстания иностранные представители могли только частным порядком заговаривать с царем о польских делах: низложив Николая с престола, поляки, по мнению европейской дипломатии, сами уничтожили конституцию 1815 г.: отныне, т. е. после 25 января 1831 г., шла война между Российской империей и польским государством, возникшим революционным путем и не признанным ни одной из держав Европы. Вмешаться в эту войну дипломатически или с оружием в руках ни одна из европейских держав не считала для себя возможным, и все они вплоть до конца восстания, т. е. до взятия Варшавы 7 сентября 1831 г., оставались лишь в положении зрителей.

Конечно, возникали и новые моменты в настроении этих «зрителей».

Следует сказать, что восставшие совершили с самого начала много непоправимых ошибок. Будучи воюющим и еще непризнанным государством, восставшая Польша обзавелась такими дипломатами, которые, как нарочно, делали все, чтобы превратить трудное положение своей страны в совершенно безнадежное. В Варшаве открыто говорили и писали, что Балтийское море на севере, Черное море и Карпаты на юге, Днепр на востоке должны быть границами будущей «воскресшей» Польши. Конечно, Меттерних и Фридрих-Вильгельм III поспешили тотчас же заключить конвенцию с Николаем, прямо направленную против повстанцев.

Отправляя (еще в первый период восстания, при диктатуре Хлопицкого) делегатов для переговоров с Николаем, Варшава дала им императивный мандат: требовать от царя «возвращения» восьми воеводств, т. е. Литвы, Белоруссии и Украины.

Завоевательные устремления повстанцев в сторону Литвы, Белоруссии и Украины уже до 25 января 1831 г. облегчали Николаю переговоры с западноевропейскими дипломатами. Выдвигая свои притязания, варшавские правители как бы заявляли, что подняли оружие вовсе не во имя сохранения хартии 1815 г., а ради захвата ряда русских губерний, путем прямого применения военной силы.

Отношение английского и французского правительств к польскому восстанию

Ухудшение международной позиции восставшей Польши и решительное укрепление позиции Николая испытал на себе раньше всех молодой маркиз Велепольский, который прибыл с дипломатической миссией во второй половине декабря 1830 г. в Лондон.

Только к концу января 1831 г. он был допущен к Пальмерстону.

Прием был очень сдержанный. Пальмерстон больше всего в это время был занят не Россией, а Францией. Он решительно не желал поглощения Бельгии Францией, но не хотел и возвращения Бельгии голландскому королю. Польша его нисколько не интересовала; он холодно заметил Велепольскому, что Англия только в том случае могла бы высказать свое мнение, если бы Николай вздумал совсем уничтожить государственное устройство Польши, данное Александром и утвержденное Венским конгрессом.

Когда в Лондон пришло известие, что в Варшаве низложили Николая с польского престола, Пальмерстон тотчас дал знать Велепольскому, что отныне им разговаривать не о чем.

На том миссия Велепольского и окончилась.

Оставалась надежда на поддержку со стороны еще одной великой державы — Франции.

Ввиду явно враждебной позиции, занятой с начала восстания Австрией и Пруссией, после провала миссии Велепольского в Лондоне, восставшая Польша видела последнюю свою надежду в Париже.

Плохим предзнаменованием было то, что, как доносил Велепольский в Варшаву, Пальмерстон определенно был недоволен французскими общественными манифестациями в пользу Польши в течение декабря 1830 г. и января 1831 г. в Париже.

Такое отношение Пальмерстона предвещало, что и правительство Луи-Филиппа не выступит в пользу Польши против России.

Луи-Филипп с самого начала своего воцарения не желал и не мог даже намекнуть на помощь полякам вооруженными силами Франции. Поляки ходили, впрочем, не к самому Луи-Филиппу, настроение которого они угадали, а к первому министру Лафитту, который вполне им сочувствовал. Но, во-первых, и Лафитт больше всего выражал свои симпатии словами и денежными взносами в кассу польского комитета в Париже. Во-вторых, министерство этого либерального банкира было уже в январе-феврале 1831 г. при последнем издыхании и готовилось уступить место кабинету консервативно настроенного промышленника Казимира Перье. Этот министр, в полном согласии с королем Луи-Филиппом, категорически отказывался даже говорить о военной помощи полякам.

В середине января польским делегатам в Париже было сообщено, что король отправляет в Петербург герцога Мортемара в качестве чрезвычайного посла. Поляки ликовали. Они не знали, что Мортемар едет к царю вовсе не из-за польского вопроса, а с поручением расположить царя к Луи-Филиппу, на которого Николай продолжал гневаться, как на «короля баррикад», «принявшего престол от революции». Второй целью поездки Мортемара было зондирование вопроса, нельзя ли добиться от царя согласия на включение Бельгии в состав Франции. Лишь третьей (третьестепенной) задачей Мортемара была попытка настроить царя примирительно по отношению к «восставшим подданным», посоветовать ему обещать амнистию, утверждение конституционных прав Польши и их распространение на Литву.

Мортемар, совершая долгое и трудное в те времена путешествие, заночевал в одну январскую ночь в лесу, на перегоне из Берлина в Кенигсберг. Тут он неожиданно встретился с курьером, спешившим из Варшавы на запад с известием, что сейм низложил Николая с польского престола. Курьер и его спутники тут же услышали от Мортемара, что поляки совершили роковой шаг, что Франция, на которую они надеются, никак им помочь не может. Мортемар тогда же принял решение. Его миссия в той части, в которой она имела отношение к полякам, теряла всякий смысл. Отныне происходила война между двумя славянскими государствами — Польшей и Россией, — и вопрос шел не об амнистии или конституции, но о том, чья возьмет. А когда, 13 марта 1831 г., первым министром во Франции стал Казимир Перье, то полякам стало ясно, что Польша предоставлена исключительно собственным своим силам.

Попытка дипломатического вмешательства Англии и Франции в польский вопрос

Летом 1831 г., когда для Польши уже приближался час развязки, король Луи-Филипп и Казимир Перье сделали слабую попытку побудить Пальмерстона сообща, дипломатическим путем посодействовать «прекращению кровопролития». Ни король Луи-Филипп, ни Казимир Перье, ни Талейран, французский посол в Лондоне, через которого велись переговоры с Пальмерстоном, ни сам Пальмерстон не верили, что эти разговоры ведутся всерьез. Конечно, из этого ничего не вышло. К Николаю западные державы обратиться не посмели. Но зато Англия и Франция обратились с протестом к Меттерниху по поводу того, что польский корпус Дверницкого, перешедший на австрийскую территорию, спасаясь от русских, не только был разоружен, но и его оружие было выдано русским. Меттерних ясно понимал, что подобным протестом обе западные державы просто хотят, ничем не жертвуя, кому-то показать свое сочувствие Польше. Он тотчас от-

ветил, что, во-первых, польское оружие принадлежит королю польскому, которым является Николай, а не мятежным его подданным; во-вторых, пусть поляки будут благодарны, что он, Меттерних, выдал Николаю только оружие, а не польских солдат и офицеров вместе с оружием. На этом и окончилось «дипломатическое вмешательство» двух западных держав. Когда Луи-Филипп, открывая 23 июля 1831 г. заседания палат, возвестил в тронной речи, что он сделал попытку организовать посредничество держав для прекращения кровопролития в Польше и защиты польской нации, то вся Европа поняла, что единственной целью Луи-Филиппа было именно получить возможность вставить эту фразу в свою тронную речь.

После повторных штурмов 6 и 7 сентября Варшава капитулировала, и 8 сентября 1831 г. состоялся въезд Паскевича в польскую столицу. Все было кончено.

«Порядок царствует в Варшаве»,—заявил французский министр иностранных дел Себастиани. Эта фраза возбудила среди революционно настроенных республиканцев яростное возмущение. Дело дошло до продолжавшихся три дня (16, 17, 18 сентября) бурных уличных манифестаций в Париже. Но они уже ни к чему повести не могли.

Европа стояла перед новой ситуацией.

3. БЕЛЬГИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ВЕЛИКИЕ ДЕРЖАВЫ

Одновременно с Польшей решались в 1830—1831 гг. и судьбы Бельгии.

Для дипломатов монархической Европы как французская июльская революция, так и августовская бельгийская были насильственным ниспровержением актов Венского конгресса 1815 г., которые признали единственно законной французской династией династию Бурбонов и единственно законным для Бельгии правительством — правительство голландское, возглавляемое голландским королем.

Бельгийская революция была новым вызовом Священному союзу. В течение всего сентября, октября, ноября 1830 г. Николай I, еще не знавший, что́ его ждет в Варшаве, проявлял кипучую энергию, призывая Австрию и Пруссию к своего рода крестовому походу против мятежных бельгийцев. Но и здесь царю ровно ничего не удалось достигнуть.

Меттерних был согласен поддержать царя в его резких протестах против совершившегося. Но о военном выступлении Австрии против бельгийских революционеров и речи быть не могло. С Фридрихом-Вильгельмом III Николай даже и не пытался серьезно беседовать о Бельгии.

В Англии сам старый Веллингтон считал дело нидерландского короля в Бельгии безнадежно проигранным. Когда Вел-

лингтон обратился к великим державам, приглашая их прислать представителей в Лондон для решения «бельгийского вопроса», то он имел в виду главное: не дать французам в той или иной форме захватить Бельгию. Во Франции левая оппозиция против Луи-Филиппа во главе с республиканцами требовала присоединения Бельгии; в самой Бельгии имелось течение в пользу такого решения вопроса.

Луи-Филипп сделал робкую попытку выдвинуть кандидатом на новый бельгийский престол своего сына, герцога Немурского. Но Пальмерстон, ловко сманеврировав, устроил так, будто он лично ничего бы против этого не имел, а вот император Николай, ненавидящий Луи-Филиппа, будет протестовать. Талейрану, в то время французскому послу в Лондоне, было ясно, что Пальмерстон ни за что не допустит воцарения сына французского короля. Если так, то и самому Талейрану лучше прикинуться, будто он верит, что все дело в нежелании царя. Талейран пробовал, при определении Лондонской конференцией окончательных границ Бельгии, выгадать что-нибудь для Франции; но и это натолкнулось на упорное сопротивление Пальмерстона. В начале июня 1831 г. национальным конгрессом на бельгийский престол был избран принц Леопольд Саксен-Кобургский, на кандидатуре которого сошлись все державы. Талейран потребовал, чтобы на французско-бельгийской границе были срыты все крепости, сооруженные для защиты от Франции. Это ему удалось провести. При определении границы между Бельгией и Голландией Талейран оказался, к удивлению, довольно благожелательным к Голландии, и Бельгия получила там несколько меньше, чем ожидала. Эта мягкость старого князя объяснилась лишь 100 лет спустя, в 1934 г., когда голландский государственный архив опубликовал документы, уличающие Талейрана в том, что он получил от голландского короля Вильгельма I взятку в 10 тысяч фунтов стерлингов золотом.

Подводя итоги бурным 1830 и 1831 гг., Николай I должен был признать, что отныне без теснейшего единения с Австрией и Пруссией ему не обойтись.

4. УНКИАР-ИСКЕЛЕССКИЙ ДОГОВОР РОССИИ С ТУРЦИЕЙ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ В ВОСТОЧНОМ ВОПРОСЕ

Турецко-египетский конфликт и позиция великих держав (1832—1833 гг.)

Неожиданно и почти катастрофически обострился восточный вопрос. Произошло это обострение на этот раз вовсе не по инициативе Николая. Возникло оно из обстоятельств внутренней жизни Турецкой империи.

Могущественный вассал Турции, паша Египта Мехмед-Али, восстал против султана и пошел на него войной. Заняв

Сирию, египетское войско, обученное и вооруженное лучше, чем армия султана, двинулось к северу, и 21 декабря 1832 г., в битве при Конии, сын Мехмеда-Али, Ибрагим, совершенно разгромил турецкую армию. Султан Махмуд II очутился в отчаянном положении: у него не было ни денег, ни времени, чтобы хотя бы наскоро собрать новую армию.

Махмуд обратился за помощью к державам. Но французская дипломатия, давно облюбовавшая Египет и Сирию как будущую сферу своего влияния, отказалась ему помочь. Пальмерстон предложил султану подождать, пока поможет Австрия: он рассчитывал не доводить султана до необходимости обратиться к Николаю.

Пальмерстон надеялся, что нужное Англии дело будет, таким образом, выполнено австрийскими руками.

Но вышло совсем по-другому. Во-первых, австрийская армия вовсе не была готова к сопротивлению победоносному египетскому войску в далеких пустынях Малой Азии; во-вторых, Меттерних, скрепя сердце, должен был мириться с русской опасностью на Востоке, чтобы сохранить могущественного союзника в борьбе с революционной опасностью в самой Европе. Поэтому он меньше всего желал открыто ссориться с Николаем.

А Николай сейчас же, еще до битвы при Конии, предложил султану вооруженную помощь против Ибрагима; еще раньше русский генерал Муравьев внезапно высадился на берегу Босфора. Опасность от русской помощи султан сознавал хорошо. Впоследствии на возмущенный вопрос английского посла, как султан вообще мог согласиться принять «помощь» от Николая, один из членов Дивана повторил слова, сказанные Махмудом: «Когда человек тонет и видит перед собой змею, то он даже за нее ухватится, лишь бы не утонуть». Муравьев, устроив свой лагерь на Босфоре, явился к султану в качестве специального посланца от царя с таким предложением: если султан желает, Николай потребует от мятежного египетского паши Мехмеда-Али, чтобы он немедленно убрал свои войска и велел Ибрагиму возвратиться в Египет. В случае отказа царь объявляет Мехмеду-Али войну.

Но Мехмед-Али не покорился, да и султан медлил дать Николаю свое согласие. Мало того, Ибрагим двинулся еще несколько дальше к северу. В полной панике султан решился на все, и 3 февраля 1833 г. русский представитель в Константинополе, Бутенев, получил, наконец, долгожданный дипломатический документ: Махмуд формально просил царя оказать ему помощь против мятежного вассала. Русский флот, давно уже стоявший наготове в Севастополе, снялся с якоря и отплыл в Константинополь. 20 февраля 1833 г. этот флот появился в Босфоре. Тогда французский посол адмирал Руссэн бросился к султану, решительно убеждая его просить русский

флот удалиться. Английский посол поддержал Руссэна. Они оба заявили, что немедленно отбудут из Константинополя, если русские займут город. Это значило, что, в случае отказа султана, Англия и Франция поддержат Мехмеда-Али. Султан потребовал от Руссэна обязательства поддержать его против Мехмеда-Али, и Руссэн подписал с реис эффенди это обязательство.

Мехмед-Али был превосходным дипломатом; он ясно видел, что французы хотели лишь отсылки обратно русского флота, а теперь, добившись этого, не приложат никаких усилий к тому, чтобы преградить Ибрагиму путь. Султан Махмуд убедился, что Руссэн и англичане его обманули. Между тем пришли новые грозные известия: агенты Ибрагима, пробравшись в Смирну, подняли там восстание против султана. Султан прямо объявил, что снова обратился к Бутеневу, и турецкие министры сообщили последнему о согласии султана, чтобы русский флот не уходил из Босфора. Бутенев на это мог только любезно ответить, что русский флот и не думал трогаться с места, так как у него, Бутенева, было только устное, а не письменное предложение увести флот. 2 апреля к берегу Черного моря, у самого Босфора, явилась новая русская эскадра, а спустя несколько дней — и третья. Немногим меньше 14 тысяч русских солдат было высажено на берег.

Французская дипломатия и Пальмерстон были в большой тревоге. Было ясно, что одними словами отделаться нельзя. Приходилось либо решительными мерами спасать султана Махмуда от египетского паши, либо отдать Константинополь русским войскам, да еще с разрешения самого султана. В конце концов Руссэн и английский посол Понсонби вызвали свои эскадры к Египту и добились заключения мира между султаном и Мехмедом-Али. Мир был очень выгоден для египетского паши и значительно расширял его владения. Но Константинополь был спасен. Однако и для султана и для Европы было ясно, что Ибрагим со своим войском убоялся не маневрирующих где-то английских и французских судов, а русской армии, уже стоявшей на малоазиатском берегу Босфора. Султан Махмуд был в восторге от оказанной ему помощи и еще больше от переданного ему через царского генерал-адъютанта графа Орлова заявления, что спасители Турецкой империи 11 июля намерены отчалить от дружественных турецких берегов и возвратиться в Севастополь.

Ункиар-Искелесский договор (8 июля 1833 г.)

Граф Орлов недаром почти два месяца просидел перед этим в Константинополе. Потом говорили в дипломатических кругах Парижа и Лондона, что во всем Константинополе остался к началу июля лишь один неподкупленный Орловым человек, именно сам повелитель правоверных, Махмуд II — да и то

лишь потому, что графу Орлову это показалось уже ненужным расходом. Но только этой деталью нельзя, конечно, объяснить блистательный дипломатический успех, выпавший на долю Орлова ровно за три дня до отхода русского флота из Босфора. 8 июля 1833 г. в местечке Ункиар-Искелесси между русскими и турецкими уполномоченными был заключен знаменитый в летописях дипломатической истории договор. В Ункиар-Искелесси Николай одержал новую дипломатическую победу, — более замечательную, чем Адрианопольский мир, ибо победа эта была достигнута без войны, ловким маневрированием.

Россия и Турция отныне обязывались помогать друг другу в случае войны с третьей державой как флотом, так и армиями. Они обязывались также помогать друг другу в случае внутренних волнений в одной из двух стран. Турция обязывалась в случае войны России с какой-либо державой не допускать военных судов в Дарданеллы. Босфор же оставался при всех условиях открытым для входа русских судов.

Договор в Ункиар-Искелесси стал одной из причин обострения англо-русских противоречий.

Пальмерстон

С половины ноября 1830 г. во главе английского кабинета стоял Грей, а министерством иностранных дел управлял лорд Пальмерстон. С тех пор, вплоть до своей смерти в 1865 г., этот человек то в качестве «статс-секретаря» по иностранным делам, то как премьер, то на посту статс-секретаря по внутренним делам, то в роли члена оппозиции — не переставал оказывать на внешнюю политику Англии самое могущественное влияние.

Блестящую характеристику Пальмерстона дал Карл Маркс. «Будучи тори по происхождению, — писал Маркс, — он все же сумел ввести в управление иностранными делами весь тот клубок лжи, который составляет квинт-эссенцию вигизма. Он прекрасно умеет соединять демократическую фразеологию с олигархическими воззрениями, умеет хорошо скрывать торгашескую мирную политику буржуазии за гордым языком аристократического англичанина старых времен; он умеет казаться нападающим, когда на самом деле потворствует, и обороняющим, когда на самом деле предает; он умеет ловко щадить мнимого врага и приводить в отчаяние сегодняшнего союзника, умеет в решительный момент спора становиться на сторону сильнейшего против слабейшего и обладает искусством, убегая от врага, сыпать громкими, смелыми фразами.

Одна сторона обвиняет его в том, что он состоит на жаловании у России; другая подозревает его в карбонарстве»[1].

Маркс внимательно следил за деятельностью Пальмерстона. Он с ненавистью и презрением относился к его развязному

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. IX, стр. 488—489.

передергиванию политических карт, к умению Пальмерстона всю свою жизнь жить по чужому политическому паспорту. Маркс не верил искренности вражды Пальмерстона к николаевской России и некоторое время серьезно относился к печатным уверениям экзальтированного публициста Уркуорта, будто Пальмерстон подкуплен Россией.

Совершенно бесспорно, что возгласы Пальмерстона против царизма как душителя свободной мысли были лживы и лицемерны. Именно этой своей стороной царизм и был по душе Пальмерстону. Если что и не нравилось в России этому слуге английского захватнического капитала, так это ее колоссальные размеры, ее огромная сила, ее географическое положение, которое давало ей уже тогда возможность угрожать Турции, Персии и в конечном счете Индии. Именно поэтому для Пальмерстона борьба с Россией всегда была одной из самых важных, основных, всеопределяющих задач внешней политики Великобритании.

Обострение англо-русских противоречий после Ункиар-Искелесского договора

Договор в Ункиар-Искелесси вывел из себя Пальмерстона. Это была уже вторая его неудача в борьбе против Николая за сравнительно еще короткое время управления английской дипломатией. Первое столкновение с Николаем произошло еще в 1832 г. Оно тоже было косвенно связано с восточным вопросом. Пальмерстон очень дорожил одним молодым дипломатом — Чарльзом Стрэтфордом-Каннингом, двоюродным братом скончавшегося в 1827 г. знаменитого премьера Джорджа Каннинга. Пальмерстон послал Стрэтфорда-Каннинга в Константинополь и Грецию в 1831 г.; по возвращении в Лондон, в 1832 г., Стрэтфорд представил очень обстоятельный доклад о положении восточных дел после Адрианопольского мира, больше всего останавливаясь на отношениях Турции и России. Пальмерстон после этого решил назначить Стрэтфорда послом в Петербург. Но, очевидно, Николай что-то проведал об антирусских тенденциях Стрэтфорда. Во всяком случае, Нессельроде, узнав о предполагаемом назначении, написал частным образом в Лондон княгине Ливен, чтобы она дала как-нибудь знать Грею и Пальмерстону о нежелательности посылки Стрэтфорда в Россию. Грей (премьер) считал, что дело на этом и окончено.

Но Пальмерстон решил опубликовать в газетах, что назначение Стрэтфорда уже состоялось; предварительно он дал на подпись королю Вильгельму IV указ о назначении Стрэтфорда послом. Когда сообщение появилось в газетах, Пальмерстон (дело было в октябре 1832 г.) послал обычный запрос об «агремане» русскому правительству, рассчитывая, что Николай не решится отказать. Но Николай решился. Он приказал Нессельроде объявить Пальмерстону, что не примет Стрэтфорда.

Пальмерстон настаивал, Николай оставался непоколебим. Тогда Пальмерстон, видя, что скандал разрастается и обращается не против Николая, а против него, предложил такой компромисс: пусть Стрэтфорд только приедет, представится Николаю, вручит свои верительные грамоты, — и тогда Пальмерстон его сейчас же уберет из Петербурга. Царь ответил, правда, устно, что согласен дать Стрэтфорду самый высший из всех русских орденов, с условием, чтобы он сидел дома и не приезжал в Петербург. Пальмерстону пришлось признать, что коса нашла на камень, и подчиниться.

Вслед за этой неприятностью, спустя несколько месяцев, в июле 1833 г., последовала уже настоящая крупная неудача английской дипломатии — русско-турецкий договор в Ункиар-Искелесси. А затем Пальмерстон увидел, что Николай стремится использовать Австрию для своих восточных целей. Это его особенно встревожило. Дело в том, что Меттерних, обеспокоенный некоторыми проявлениями революционного духа в Германии и Северной Италии в 30-х—40-х годах, возникновением организации Маццини «Молодая Италия», глухим брожением в Венгрии, неотступно настаивал перед Николаем и Фридрихом-Вильгельмом III на необходимости подкрепить Священный союз и продемонстрировать перед революционерами всех стран тесную дружбу «трех восточных монархов».

Съезд монархов в Мюнхенгреце (1833 г.)

Николай вполне сочувствовал идее такой борьбы, но до сих пор уклонялся от организации подобных съездов. Теперь, в 1833 г., после Ункиар-Искелесси, можно было и не опасаться интриг Меттерниха. Поэтому Николай согласился на созыв съезда. Мало того, он решил использовать намеченный съезд австрийского, прусского и русского монархов и их министров не только для того, чтобы условиться относительно общей борьбы с революцией, но и для того, чтобы позондировать позицию Австрии в турецком вопросе. Умысел Николая был ясен: Меттерних в нем нуждался, как в опоре против революционных потрясений, грозящих гибелью Габсбургской монархии, а также против французской политики, направленной против австрийского владычества в Ломбардии и Венеции. В Мюнхенгреце, где в сентябре 1833 г. состоялся съезд, Николай в самом деле с полной готовностью обещал поддержку Меттерниху. Но зато он рассчитывал, что отныне Австрия не будет противиться русскому продвижению к Константинополю. Однако тут царь ошибся: Меттерниху замыслы Николая казались смертельно опасными не только для Турции, но и для самостоятельного существования Австрии. Вот что об этой попытке царя рассказал впоследствии, уже в конце своей жизни, сам Меттерних. «Это было в Мюнхенгреце, за обедом. Я сидел напротив его величества. Наклонившись над столом, царь спросил меня:

князь Меттерних, что вы думаете о турке? Я притворился, что не услышал вопроса, и сделал вид, что оглох, когда он обратился ко мне снова. Но, когда он повторил вопрос в третий раз, я принужден был ответить. Я сделал это косвенным образом, спросив в свою очередь: обращаетесь ли вы, ваше величество, ко мне с этим вопросом, как к врачу или как к наследнику? Император не ответил и никогда со мной вновь уже не заговаривал о больном человеке».

Итак, в Мюнхенгреце царя постигла неудача. Отныне он знал, что Австрия будет попрежнему противиться русской политике продвижения к проливам.

Само собой возникал вопрос и о другом партнере. Этим другим партнером, несравненно более сильным, могла быть только Англия. Но прошло 11 лет после Мюнхенгреца, пока Николаю показалось возможным попытаться снова заговорить о Турции, как о «больном человеке», — и на этот раз именно с Англией. До тех пор, при Пальмерстоне, это было абсолютно немыслимо — даже до того конфликта, который возник из-за отказа в агремане для Стрэтфорда-Каннинга.

Два течения в Англии в отношении восточного вопроса

Уже с начала 30-х годов,—а особенно после Ункиар-Искелесси и проникших в Англию смутных слухов о разговоре царя с Меттернихом в Мюнхенгреце — в английской правящей верхушке, как и в широких кругах крупной буржуазии, наметилось два течения по вопросу о Турции и России. Представителями одного были известный публицист, основатель «Лиги борьбы против хлебных законов», приверженец свободы торговли Ричард Кобден и член парламента Джон Брайт; представителем другого — лорд Пальмерстон, за которым шло подавляющее большинство в парламенте и вне его.

Кобден неоднократно излагал свои воззрения в речах, статьях и в специальной брошюре «Россия» («Russia»), выпущенной в 1836 г. Эти воззрения сводились к тому, что в русско-турецкие отношения не следует вмешиваться ни дипломатически, ни в особенности вооруженной рукой.

Если даже предположить, что Россия утвердится в Константинополе, от этого ни английская промышленность, ни торговля, ни судоходство ничего не потеряют. Русские не могут экономически конкурировать с англичанами, и Англия будет попрежнему главенствовать во всех странах Леванта. А что в Константинополе будет русская полиция, то это скорее благоприятное обстоятельство. Порядка и безопасности будет больше, чем при полиции турецкой. Не ведя с Россией дипломатической борьбы, можно заключить с ней выгоднейшие торговые договоры. А больше ничего для Англии и не требуется.

Пальмерстон и его пресса не переставали резко нападать на взгляды Кобдена и его друзей. Для Пальмерстона и большин-

ства не только консерваторов, но и вигов (в рядах которых числился и он сам) пустить Россию в Константинополь значило спустя несколько лет увидеть ее в Индии. Охрана всеми дипломатическими и военными средствами как Турции, так и Персии от поглощения их Россией признавалась прямым долгом и основной задачей британской политики. Для Англии потерять Индию значило бы уподобиться Голландии или Бельгии. Борясь против царских происков и завоевательных стремлений в Турции, Пальмерстон и его единомышленники боролись, по их мнению, за существование Англии как великой державы.

У английского министра явилась мысль: «расширить» Ункиар-Искелесский договор путем «включения» в него всех великих европейских держав. Другими словами, если отбросить намеренно запутанный дипломатический стиль, Пальмерстон желал уничтожить Ункиар-Искелесский договор и гарантировать неприкосновенность турецких владений подписями не только России, но и Англии, Франции и Пруссии. Пальмерстон даже затевал с этой целью конференцию в Лондоне. Николаю удалось сорвать конференцию, но маневр Пальмерстона ставил царя в затруднительное положение. Однако царю опять повезло: французская дипломатия начала явно и даже демонстративно поддерживать египетского пашу. Со времени вступления Тьера в кабинет стало ясно, что французская дипломатия стремится в той или иной мере наложить руку на Сирию, а если дело пойдет на лад, то и на Египет. Пальмерстон был этим недоволен. Во-первых, он ни за что не хотел упрочения французского влияния в Египте и Сирии; во-вторых, новое выступление Мехмеда-Али давало Николаю право, на точном основании Ункиар-Искелесского договора, вмешаться в турецко-египетский конфликт и даже занять Константинополь. Пальмерстон немедленно принял меры. Через австрийского дипломата в Лондоне, барона Неймана, он уведомил Меттерниха, что решил бороться против намерения французов, уже завоевавших Алжир, забрать еще и Египет и «изгнать Англию» из Средиземного моря. Тотчас же заработала австрийская дипломатия, которая дала знать в Петербург о заявлении Пальмерстона. Николай I увидел благоприятный случай войти в контакт с англичанами по турецко-египетскому вопросу, изолировать ненавистную «революционную» июльскую монархию с «королем баррикад» Луи-Филиппом и разбить то соглашение между Англией и Францией по всем основным дипломатическим вопросам, которое так искусно установил Талейран во время своего четырехлетнего пребывания в Лондоне (1830—1834 гг.) в качестве посла. За спиной Тьера начались секретные переговоры между «восточными монархиями», — как тогда принято было обозначать Россию, Австрию и Пруссию, — и Пальмерстоном. Ничего об этом не зная, Тьер постарался в июне 1840 г. при посредстве

французского посла в Константинополе, Понтуа, настоять на удалении великого визиря Хозрева-паши, считавшегося ставленником Николая и ярым врагом Мехмеда-Али.

Попытка возобновления Священного союза в июле 1840 г.

В ответ на это 15 июля 1840 г. в Лондоне было подписано соглашение между четырьмя державами — Англией, Австрией, Пруссией и Россией. Это соглашение справедливо расценивалось Марксом как попытка возобновления Священного союза против Франции[1].

Руководящие министры Луи-Филиппа, Тьер и Гизо, были возмущены не только содержанием этого соглашения, всецело направленного против египетского паши и в пользу султана, но и тем, что оно заключено было втайне от французов. «Я всегда был сторонником союза Франции с Англией, — зачем вы разбили этот союз?», — сказал Тьер английскому послу Бульвер-Литтону, узнав о соглашении 15 июля.

Николай ликовал. Русский посол в Лондоне Бруннов, дипломат умный и наблюдательный, имел, однако, вреднейшую, чисто царедворческую манеру доносить в Петербург не то, что в самом деле происходило, а то, что было желательно и приятно царю прочесть в его донесениях. Так, он безмерно преувеличил в своих докладах значение дипломатической победы, одержанной Россией над Францией 15 июля 1840 г. И Николай, сбиваемый с толку Брунновым, стал с тех пор воображать, что отношения между Францией и Англией безнадежно испорчены и что теперь можно подумать и о том, чтобы в удобный момент столковаться с Англией один-на-один. Николай пробовал осуществить эту мысль. Он велел передать Пальмерстону, что если Франция объявит Англии войну, то он станет на сторону Англии. Яростная кампания французской печати против Англии, внезапно развившаяся по явному наущению со стороны Тьера, казалось, вполне подтверждала уверения Бруннова, что отныне можно ждать возобновления хороших отношений с Англией и рассчитывать на них. Пальмерстон, казалось, направил весь свой боевой темперамент против Тьера и против Гизо, сменившего Тьера на посту министра иностранных дел (в том же 1840 г.). Но одновременно он ловко использовал заблуждение царя, для того чтобы воспрепятствовать возобновлению в 1841 г. Ункиар-Искелесского договора, восьмилетний срок которого как раз пришел к концу.

13 июля 1841 г., с согласия царя, был заключен между Турцией, с одной стороны, и Россией, Англией, Австрией, Пруссией и Францией — с другой, договор о Босфоре и Дарданеллах: было постановлено, что проливы будут закрыты для военных судов всех держав, пока Турция не находится в войне; во время

[1] См. *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. IX, стр. 507.

войны Турция имеет право пропускать через проливы суда той державы, с какой ей будет выгодно сговориться. Николай не протестовал против участия в договоре Франции; да без нее на этот раз и невозможно было обойтись, даже с точки зрения самого Пальмерстона. Франция перестала поддерживать Мехмеда-Али, видя, что четыре державы выступают против нее, а египетский паша удовольствовался серьезными территориальными приобретениями и примирился с новым султаном Абдул-Меджидом, который сменил Махмуда II, умершего в 1839 г.

Но главное достижение в глазах Николая оставалось в силе: Франция была сброшена со счетов в восточном вопросе; путь к откровенному объяснению с Англией был открыт. А тут еще сентябрь 1841 г. принес отставку Пальмерстона. Пал вигистский кабинет лорда Мельбурна, а с ним ушел и статс-секретарь по иностранным делам Пальмерстон. Новый консервативный премьер Роберт Пиль слыл руссофилом; в еще большей степени другом России, а главное, врагом Турции считался назначенный Робертом Пилем новый статс-секретарь по иностранным делам, лорд Эбердин. Эбердин полагал, что по подавляющему большинству вопросов Англия вполне может сговориться с Россией. И Николай вообразил, что к числу этих вопросов относится и вопрос о Турции.

5. ПОПЫТКА НИКОЛАЯ I ДОГОВОРИТЬСЯ С АНГЛИЕЙ О РАЗДЕЛЕ ТУРЦИИ

В начале 1844 г. Николай дал понять, что он хотел бы сделать визит королеве Виктории. Соответствующее приглашение было тотчас получено. 31 мая 1844 г. царь со свитой высадился в Вульвиче.

Николай был принят двором и аристократией со всеми знаками того особого почтения, даже почти низкопоклонства, с какими его принимала тогда повсюду монархическая Европа, видевшая в нем могущественнейшего в мире государя, удачливого во всех своих предприятиях политика, надежный оплот против революции.

В этой атмосфере Николай, конечно, мог почувствовать особое расположение к тем «откровенным» беседам о Турции, для которых он и предпринял свое путешествие.

Почти тотчас после переезда своего по приглашению Виктории из Лондона в Виндзор Николай виделся и говорил с Эбердином. Вот наиболее ранняя запись самых существенных слов царя, сделанная бароном Штокмаром, со слов самого Эбердина, тотчас после разговора с Николаем.

«Турция — умирающий человек. Мы можем стремиться сохранить ей жизнь, но это нам не удастся. Она должна умереть, и она умрет. Это будет моментом критическим. Я пред-

вижу, что мне придется заставить маршировать мои армии. Тогда и Австрия должна будет это сделать. Я никого при этом не боюсь, кроме Франции. Чего она захочет? Боюсь, что многого в Африке, на Средиземном море и на самом Востоке». Пугая Эбердина возможностью французских притязаний в Египте, Сирии и на Средиземном море, т. е. именно там, где англичане ни за что не хотели допускать французское владычество, царь продолжал: «Не должна ли в подобных случаях Англия быть на месте действия со всеми своими силами? Итак, русская армия, австрийская армия, большой английский флот в тех странах! Так много бочек с порохом поблизости от огня! Кто убережет, чтобы искры его не зажгли?»

Вывод был ясен, и царь его сделал весьма определенно в разговорах с Эбердином и с главой министерства Робертом Пилем: чтобы успешно побороть французские вожделения, чтобы не дать и Австрии воспользоваться наследством «больного человека», Россия и Англия должны заблаговременно сговориться о дележе добычи. Таким образом, царь повторил то, что сказал в 1833 г. в Мюнхенгреце Меттерниху. Но тогда, когда он говорил в Мюнхенгреце о «больном человеке», Меттерних прикинулся глухим. А теперь, в 1844 г., царские слова об «умирающем человеке» были очень хорошо услышаны в Виндзоре и Эбердином и Пилем. «Турция должна пасть, — сказал царь Роберту Пилю. — Я не хочу и вершка Турции, но и не позволю, чтобы другой получил хоть ее вершок». Роберт Пиль очень хорошо понял, чего желает царь, и не только не обнаружил добродетельного негодования, но сейчас же поведал царю, что Англии приятно было бы при будущем разделе Турецкой империи получить именно Египет. Эту мысль Роберт Пиль выразил такими осторожными, истинно дипломатическими словами: «Англия относительно Востока находится в таком же положении. В одном лишь пункте английская политика несколько изменилась в отношении Египта. Существование там могущественного правительства, такого правительства, которое могло бы закрыть перед Англией торговые пути, отказать в пропуске английским транспортам, Англия не могла бы допустить».

Роберт Пиль отлично знал, что царь претендует не на Египет, а на Константинополь и проливы, а также на Молдавию и Валахию; на Египет же претендуют французы, против которых царь и предлагает Англии блокироваться с Россией. Николай, конечно, мог принять слова Роберта Пиля за согласие насчет дележа турецкого наследства. Поэтому царь продолжал: «Теперь нельзя решать, что следует сделать с Турцией, когда она умрет. Такие решения ускорят ее смерть. Поэтому я все пущу в ход, чтобы сохранить статус кво. Но нужно честно и разумно обсудить все возможные случаи, нужно прийти к разумным соображениям, к правильному, честному соглашению».

Царь уехал из Англии, в высшей степени довольный тем, что на этот раз его собеседники не оказались глухими, как Меттерних в Мюнхенгреце. Он сгоряча даже приказал Нессельроде отправить в Англию мемуар с изложением всех своих мыслей о необходимости заблаговременного соглашения на случай распада Турции; ему очень хотелось иметь у себя нечто вроде подписанного Пилем или Эбердином подтверждения их согласия с изложенными царем мыслями. Но этого он не дождался. Английские министры, повидимому, спохватились: связывать себя документом они не пожелали.

В июне 1846 г. кабинет Роберта Пиля ушел в отставку. Виги, во главе с лордом Джоном Росселем и Пальмерстоном в качестве статс-секретаря по иностранным делам, вновь овладели властью. Николай знал давно, что Пальмерстон с беспокойством следит за ростом влияния России в Европе, да Пальмерстон никогда этого и не скрывал. «Европа слишком долго спала, она теперь пробуждается, чтобы положить конец системе нападений, которые царь хочет подготовить на разных концах своего обширного государства», — говорил Пальмерстон еще в 1837 г. прямо в лицо русскому послу Поццо-ди-Борго. Пытаться возобновить теперь, в 1846 г., с Пальмерстоном те разговоры, которые так легко и удобно было вести с Пилем и Эбердином, представлялось царю совершенно невозможным.

В Вене, проездом, в декабре 1846 г., царь заговорил снова с Меттернихом о Турции и счел необходимым заявить, что, если Турция распадется, то Константинополя он никому не отдаст. Если же кто попробует послать туда войско, то он, царь, явится в Константинополь раньше. А если он уже войдет туда, то там и останется. Это были скорее угрозы, чем предложение дележа. Да и слишком слабой считал царь в тот момент Австрию.

Любопытно отметить, что Николай, при своей безграничной самоуверенности и абсолютном непонимании стремлений широких слоев населения в тогдашней Европе и, в частности, в германских странах и во владениях Габсбургов, с раздражением и упрямством закрывавший глаза на очевидные факты, все-таки чуял в эти годы приближение революции. Он уже предвидел, что его «союзники» могут и не выдержать ожидаемого страшного толчка. Приписывал он это прежде всего слабости и растерянности австрийского и прусского правительств. «Прежде нас было трое, а теперь осталось только полтора, потому что Пруссии я не считаю совсем, а Австрию считаю за половину», — так говорил Николай в 1846 г. одному датскому дипломату.

Так дожила Европа до февраля 1848 г. В истории европейской дипломатии наступили крутые, внезапные, огромные сдвиги.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ОТ РЕВОЛЮЦИИ 1848 г. ДО НАЧАЛА КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ (1848—1853 гг.)

1. ПОДАВЛЕНИЕ НИКОЛАЕМ I ВЕНГЕРСКОГО ВОССТАНИЯ В 1849 г. И ВМЕШАТЕЛЬСТВО РОССИИ В АВСТРО-ПРУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ (1850 г.)

Отношение Николая I к революции 1848 г.

Получив первые вести о февральской революции во Франции, Николай воскликнул, обращаясь к гвардейским офицерам: «На коней, господа! Во Франции республика!» Однако на самом деле царь и не думал об интервенции и о походе на Францию, как в 1830 г. В гибели Луи-Филиппа Николай видел лишь заслуженное возмездие. Но, если бы у него и было в первый момент намерение итти на Францию, то он не мог бы его осуществить по обстановке, так как мартовские революции в Вене, Берлине, Мюнхене, Дрездене, во всех государствах Германского союза, бегство Меттерниха, полный провал всей меттерниховской системы, панический испуг перед революцией, который парализовал Фридриха-Вильгельма в Пруссии и императора Фердинанда в Австрии, их немедленная готовность к капитуляции — все это серьезно спутало карты Николая. Царь явно растерялся. Это видно из его переписки за этот период с князем Паскевичем, единственным человеком, которому он вполне доверял. Надо было «унять мерзавцев». На свои силы для выполнения подобной задачи Николай в первой половине 1848 г. не мог рассчитывать. Но вот блеснул для него луч надежды: расправа Кавеньяка над парижским пролетариатом в страшные июньские дни 1848 года окрылила царя и преисполнила его надежд. Немедленно через посла в Париже, Киселева, он велел передать генералу Кавеньяку сердечную царскую признательность. Николай раньше многих других представителей реакции понял, что на парижских баррикадах сломлена не только французская, но и всеевропейская революция, и что опасность миновала. С этого времени, а особенно с поздней осени 1848 г. возобновляется вмешательство Николая

как в австрийские, так и в прусские дела. Он бранит заглаза своего шурина Фридриха-Вильгельма IV и раздраженно «советует» ему в глаза поскорее ликвидировать следы малодушия, т. е. конституцию, исторгнутую у короля прусской революцией в марте 1848 г. В более мягких тонах он дает те же советы 18-летнему Францу-Иосифу, который вступил на австрийский престол 2 декабря 1848 г. после отречения его дяди императора Фердинанда. Франц-Иосиф, беспомощный без поддержки Николая, с рабской покорностью выслушивал советы царя. А Николай был крайне доволен и этим послушанием и тем, что фактическим диктатором Австрии, истинным преемником Меттерниха явился князь Феликс Шварценберг, в котором Николай долгое время видел лишь нечто вроде своего генерал-губернатора, посаженного в Вене для выполнения петербургских «советов». Николай ошибался и в Шварценберге и во Франце-Иосифе. Шварценберг его пленил тем, что по его настоянию был расстрелян схваченный в Вене делегат Франкфуртского парламента, Роберт Блюм. Но Николай не рассмотрел в Шварценберге дипломата, который сделает все зависящее, чтобы помешать царю во всех его восточных планах, едва только избавится окончательно от страха перед революцией. Царь не разглядел и во Франце-Иосифе очень самостоятельного, самолюбивого и настойчивого молодого человека, который повинуется лишь потому, что боится революции, но в дальнейшем не откажется от борьбы против Николая на Востоке.

За этот период царь дважды, в 1849 и в 1850 гг., вмешался в дела Средней Европы — и оба раза в пользу Австрии. Вследствие этого вмешательства Австрия одержала решительную победу на двух наиболее для нее важных фронтах.

Подавление венгерского восстания

Первое вмешательство Николая было и дипломатическим и военным: оно произошло в 1849 г. в связи с венгерским восстанием. Второе вмешательство было исключительно дипломатическим; направлено оно было к ликвидации попыток объединения Германии.

Вмешательство царя в дело подавления венгерского восстания было обусловлено прежде всего опасениями за спокойствие в Польше, в случае если бы Венгрия стала прочным независимым государством. Далее, существование государства, управляемого революционером Кошутом, считалось также угрозой влиянию царской России на Балканском полуострове. Наконец, победа всеевропейской реакции была бы неполной, если бы восторжествовала революционная Венгрия.

Николай решил выступить лишь в самом конце весны 1849 г., именно тогда, когда австрийские генералы потерпели ряд позорнейших поражений. Паскевич, наместник Царства

Польского, взял на себя верховное руководство этой интервенцией. Австрийская империя после усмирения Венгрии могла считать себя спасенной. Зато среди всех подданных Франца-Иосифа не было отныне более яростных врагов России, чем венгры. С этого момента габсбургская держава стояла прочно на ногах; свое «политическое выздоровление», как писала реакционная пресса, она вскоре использовала против той же России. Николай понял это довольно поздно — только в 1854 г., — когда вполне ясно стала обозначаться враждебная позиция Австрии. Разговаривая с генерал-адъютантом графом Ржевуским, польским уроженцем, Николай спросил его: «Кто из польских королей, по твоему мнению, был самым глупым?.. Я тебе скажу, — продолжал он, — что самый глупый польский король был Ян Собесский, потому что он освободил Вену от турок. А самый глупый из русских государей — я, потому что я помог австрийцам подавить венгерский мятеж». Свою политическую ошибку Николай понял лишь тогда, когда уже ничего нельзя было исправить.

Второе вмешательство Николая в европейские дела последовало в 1850 г. Оно тоже было вызвано не только настойчивыми просьбами Франца-Иосифа и князя Шварценберга, но и определенными целями самого царя.

Вмешательство Николая I в австро-прусские отношения

После разгона, в 1849 г., Франкфуртского парламента, который ставил себе целью объединение Германии, мечта об этом объединении вокруг Пруссии не покидала широких слоев германской буржуазии. Николай I ни за что не желал допустить это объединение. В значительной степени под влиянием своего грозного петербургского шурина — Николая I — Фридрих-Вильгельм IV и отказался принять германскую императорскую корону от «революционного сборища», как ему велено было из Петербурга именовать Франкфуртский парламент. Но под воздействием общего стремления к объединению даже реакционное прусское министерство графа Бранденбурга сделало в 1849—1850 гг. некоторые шаги к реорганизации бессильного Германского союза. Тогда Николай I самым решительным образом поддержал австрийского канцлера Шварценберга, который объявил, что Австрия не потерпит усиления Пруссии.

Николай вовсе не только потому противился в 1849 г. созданию Германской империи, что инициативу объединения взял на себя «революционный» Франкфуртский парламент: он не желал также чрезмерного усиления Пруссии. В этом вопросе он всецело сходился с австрийской дипломатией.

Далее, Николай стал агитировать в пользу сохранения Гольштейна за Данией. 2 августа 1850 г. представители России, Франции, Англии и Австрии подписали в Лондоне соглашение,

которое закрепляло за Данией обладание Гольштейном. Это был первый тяжкий удар, нанесенный Пруссии. Шварценберг торжествовал. В Пруссии росло общественное возбуждение. Вернувшись из Варшавы, граф Бранденбург внезапно скончался; легенда приписывала его смерть оскорбительному обращению со стороны царя и волнению прусского премьера в связи с национальным унижением Пруссии. Шварценберг, уверенный в поддержке Николая, грозил Пруссии войной.

«Ольмюцское унижение» Пруссии (29 ноября 1850 г.)

В ноябре 1850 г. произошел новый конфликт между Австрией и Пруссией из-за Гессена. После вмешательства Николая, в городе Ольмюце 29 ноября было подписано соглашение между Пруссией и Австрией, причем Пруссия должна была совершенно смириться. Это «ольмюцское унижение» навеки запомнилось во всей Германии, как дело рук Николая.

Царь торжествовал на всех фронтах дипломатической борьбы. Говоря впоследствии об этих годах (до 1853 г.), английский министр Кларендон заявил в одном своем парламентском выступлении, что в те времена, по общему мнению, Россия обладала не только «подавляющей военной силой», но и дипломатией, отличающейся «несравненной ловкостью». Могущество Николая после венгерской кампании и после Ольмюца казалось непреоборимым. «Когда я был молод, то над континентом Европы владычествовал Наполеон. Теперь дело выглядит так, что место Наполеона занял русский император, и что, по крайней мере в течение нескольких лет, он, с иными намерениями и иными средствами, будет диктовать законы континенту». Так писал в 1851 г. очень осведомленный наблюдатель, барон Штокмар, друг принца Альберта и английской королевы Виктории.

Эти сравнения Николая с Наполеоном стали обычными в те годы, когда шла речь о влиянии России на дела Европы. В 1849—1852 гг. мнение о почти полном всемогуществе Николая в Средней Европе было довольно близким к истине. Что же касается Англии и Франции, — то здесь дело обстояло сложнее. Отсюда приближалась к Николаю гроза.

2. ОБОСТРЕНИЕ АНГЛО-РУССКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1848—1849 гг.

3 апреля 1848 г. Николай написал королеве английской Виктории знаменательное во многих отношениях письмо. Царь был растерян и подавлен: Европа представлялась ему уже лежащей в развалинах. Он писал Виктории как представительнице одного из двух государств, еще не поколебленных бушующим ураганом. Он приглашал Англию соединиться

с Россией и спасти общественный порядок. Момент был выбран подходящий. По мере развертывания революционных событий в Европе Пальмерстон все более беспокоился по поводу грозившего, казалось бы, Австрии распада. Он боялся: 1) вторжения французов в Северную Италию с целью изгнания австрийцев и 2) поглощения славянских народов Россией, что приблизило бы царские войска к Константинополю. И в том и в другом случае он, к удовольствию своему, встретил поддержку царя. Николай изо всех сил противился расширению влияния революционной Франции. С другой стороны, он не только не содействовал распаду Австрии, но и спас ее своей интервенцией. В Англии учли очень скоро, какой драгоценный, со своей точки зрения, момент упускает царь и какую безумную ошибку он совершает. Пальмерстон, конечно, и пальцем не пошевелил, чтобы воспротивиться русской интервенции, когда венгерские делегаты обивали все английские и французские пороги, прося о помощи. Он был вполне удовлетворен тем, что Австрия осталась противовесом и барьером на Ближнем Востоке против русского продвижения в Турции, и что этот результат достигнут был пролитием русской, а не английской крови. Это не помешало Пальмерстону выступить осенью того же 1849 г. в роли благороднейшего защитника угнетенных венгров, а одновременно и подорвать среди панически настроенных турок веру во всемогущество русского царя.

Русская нота Турции об эмигрантах

Это случилось в связи с новой нелепой дипломатической ошибкой Николая: 25 августа 1849 г. царь приказал канцлеру Нессельроде направить турецкому правительству ноту с требованием выдачи четырех поляков (Бема, Дембинского, Замойского и Высоцкого), которые участвовали в свое время в восстании 1830—1831 гг., а в 1849 г. служили в революционной венгерской армии. Нота была составлена в очень резких, повелительных тонах. Русский посланник в Константинополе, Титов, должен был потребовать у Порты ясного и точного ответа: «да или нет», и объяснить министрам султана, что они «должны взвесить последствия отказа». Нота прямо давала понять, что Николай не остановится перед объявлением войны. Аналогичную ноту, но в более сдержанных выражениях, послала султану и Австрия относительно выдачи Кошута и других венгерских революционеров, бежавших в Турцию. Султан Абдул-Меджид обратился за советом к Стрэтфорду-Каннингу, который еще с июня 1828 г. находился в Константинополе со «специальным поручением». Стрэтфорд и французский представитель Опик убедили султана, что необходимо отказать царю и Францу-Иосифу в их незаконных требованиях. Стрэтфорд сделал это, предугадав

желание Пальмерстона, но еще не получив от него полномочий. 2 октября 1849 г. Пальмерстон перенес все это дело на рассмотрение пленума британского правительства. Лорд Россель, глава кабинета, одобрил поведение Стрэтфорда и линию поведения, предложенную Пальмерстоном. В Вене и в Петербурге были сделаны «дружественные представления» английского и французского правительств о желательности прекратить нажим на Турцию по делу об эмигрантах. Одновременно адмиралу Паркеру с английской эскадрой велено было послать большой фрегат к Дарданеллам и приблизить к турецким водам всю его эскадру, которая крейсировала недалеко от греческих берегов. Намек был понят. Николай прекратил все это дело. Положение было облегчено ему мягким и непривычно-любезным тоном английского министра. Пальмерстон не хотел в этот момент раздувать инцидент: не имея союзников, он не желал воевать с Россией.

3. ЛУИ-НАПОЛЕОН И ВЕЛИКИЕ ДЕРЖАВЫ

Наполеон III как дипломат

Начиная с 10 декабря 1848 г., когда Луи-Наполеон был избран в президенты республики, и вплоть до переворота 2 декабря 1851 г. включительно, вся монархическая Европа с большой симпатией следила за развитием его внутренней и внешней политики. Уже самое избрание племянника Наполеона I на высший пост в республике указывало на быстрый рост реакционных настроений в среде буржуазии и крестьянства Франции. Но то, что стал делать на своем посту новый президент, окончательно убедило монархическую Европу, что этот человек быстро и бесповоротно, не стесняясь средствами, сведет к нулю все, что дала революция 1848 г. И это обеспечило Луи-Наполеону полное сочувствие всех руководителей европейской реакции. Только Фридрих-Вильгельм IV не доверял Луи-Наполеону. Что касается внешней политики президента, то впервые Европу взволновало выступление его по римскому вопросу. Папа Пий IX, изгнанный революцией из Рима и проживавший в городе Гаэте, обратился ко всем католическим державам с просьбой о помощи. Раньше, чем Австрия успела послать войска в Рим, Луи-Наполеон уже отправил в Италию сначала небольшой, а затем очень значительный (в 30 тысяч человек) отряд французских войск под начальством генерала Удино, который с боя взял Рим и уже 14 июля восстановил светскую власть папы. С одной стороны, «восточным монархам» с Николаем во главе это было очень по душе, так как знаменовало прочное водворение реакции во всей Центральной Италии. А с другой, — все указывало на то, что французы не собираются уходить из Рима. Это беспокоило и Паль-

мерстона в Англии и Шварценберга в Австрии. Эта римская экспедиция, так успешно законченная к середине июля 1849 г., воочию показала Европе, что Луи-Наполеон, весьма мало стесняющийся в вопросах внутренней политики, совсем уже ни с кем и ни с чем не намерен считаться в политике внешней.

Отношения Николая I к Наполеону III

Когда, 11 декабря 1851 г., Николай получил первые официальные вести о перевороте 2 декабря, он не мог воздержаться от выражений восторга. Русский посол в Париже граф Киселев получил приказ немедленно отправиться во дворец к принцу-президенту и передать ему вербальную ноту, в которой Николай полностью принимал ту версию, будто Наполеон спас Францию от «красной революции». Главное, что восхищало царя, это то, что принц-президент одним молодецким ударом истребил и революционеров и ненавистных Николаю либералов. «Одним ударом Луи-Бонапарт убил и красных и конституционных доктринеров. Никогда бы им не воскресать!» — так торжествовал канцлер Нессельроде. Радовались не только в Петербурге, но и в Вене. Едва только в Вену пришло сообщение о том, что принц Луи-Наполеон расправился с республикой, как Франц-Иосиф 31 декабря 1851 г. особым указом объявил австрийскую конституцию 1848 г. уничтоженной, а свою власть восстановленной во всей ее самодержавной полноте.

Но идиллии не суждено было продолжаться. Уже с весны, а особенно с лета 1852 г., после триумфальных поездок принца-президента по Франции, стало ясно, что Луи-Наполеон в очень близком будущем примет титул императора.

Николай смутился. Его любимец, охранитель общественного порядка, не желает довольствоваться своей властью: он хочет стать монархом «божьей милостью». Николай пробовал через посла Киселева в самых ласковых выражениях отговорить Луи-Наполеона. Конечно, ничего из этого не вышло. Повидимому, Николай окончательно стал на непримиримую точку зрения в этом вопросе под влиянием австрийского министра Буоля. Буоль доказывал, что можно признать Луи-Наполеона императором, но нужно ему показать, что «монархи божьей милостью» не могут его считать вполне равным себе. Во-первых, он монарх не наследственный: еще актами Венского конгресса 1815 г. династия Бонапартов была объявлена исключенной из французского престолонаследия; поэтому обращение к Луи-Наполеону должно быть не «государь и дорогой брат», а «государь и добрый друг». Во-вторых, остальные монархи не могут никак называть его Наполеоном III. Ведь именуя его третьим, они, значит, тем самым признают, что после Наполеона I законно царствовал во Франции сын Наполеона, «Наполеон II», и что, следовательно, Бурбоны, которые

занимали престол в 1815—1830 гг., были просто узурпаторами! Николай понимал, что Луи-Наполеон именно затем и надумал называться третьим, чтобы оскорбить память Венского конгресса и всех его участников, в том числе и Александра I.

И все-таки из сообщений прусского посла при петербургском дворе генерала фон Рохова явствует, что Николай колебался. Только горячие убеждения фон Рохова, который всецело поддерживал точку зрения графа Буоля, окончательно убедили Николая, что следует настаивать на «добром друге» вместо «дорогого брата» и на титуле «император Луи-Наполеон» вместо «император Наполеон III». А дальше произошло следующее: парижский посол Н. Д. Киселев был в большой тревоге из-за неприятной и, как ему уже тогда казалось, небезопасной возни с титулованием нового императора. Но Нессельроде его успокоил из Петербурга: ведь и Австрия и Пруссия, а не одна только Россия решили представить свои поздравления и верительные грамоты в одинаковой форме. Не будет же новый император французов из-за этих мелочей ссориться разом со всеми тремя «восточными монархами». Киселев на время успокоился. Он получил аккредитивные грамоты, адресованные «императору Луи-Наполеону», и поздравительное письмо ему же от Николая, начинавшееся обращением: «Государь и добрый друг». Но каково же было волнение и негодование посла, когда оказалось, что Австрия и Пруссия изменили своему «союзнику» и обратились к новому императору, как к «Наполеону III», со словами: «Государь и дорогой брат». Фридрих-Вильгельм IV отделался каким-то нелепым объяснением перед Николаем, а Буоль, инициатор всей этой истории, оправдывался тем, что его с пути истинного сбила Пруссия. Николай почувствовал, что эта, на вид пустая, история содержит в себе нечто зловещее, и что его довольно коварно обманули те, на кого он положился. В конце декабря происходил в Петербурге обычный декабрьский парад, на котором присутствовал и дипломатический корпус. Вдруг, обратившись к послу Пруссии генералу фон Рохову и послу Австрии графу фон Менсдорфу, Николай сказал: «Меня обманули и от меня дезертировали!» И австриец и пруссак не посмели ничего ответить на это неожиданное приветствие.

4. МЕЖДУНАРОДНАЯ СИТУАЦИЯ НАКАНУНЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Переговоры Николая I с Англией по вопросу о разделе Турции

9 января 1853 г. на вечере у великой княгини Елены Павловны, на котором присутствовал дипломатический корпус, царь подошел к Сеймуру и повел с ним тот разговор, с которого начинается политическая история 1853 года, первого из трех кровавых лет, закончивших

царствование Николая и открывших новую эру в истории Европы. Царь заговорил с Сеймуром так, как будто не прошло почти девяти лет с тех пор, как он беседовал в июне 1844 г. в Виндзоре с Пилем и лордом Эбердином. Сразу же царь перешел к теме о том, что Турция — «больной человек». Николай не менял всю жизнь своей терминологии, когда говорил о Турецкой империи. «Теперь я хочу говорить с вами как друг и джентльмен, — продолжал Николай. — Если нам удастся притти к соглашению — мне и Англии — остальное мне неважно, мне безразлично, что делают или сделают другие. Итак, говоря откровенно, я вам прямо заявляю, что если Англия думает в близком будущем водвориться в Константинополе, то я этого не позволю. Я не приписываю вам этих намерений, но в подобных случаях предпочтительнее говорить ясно. С своей стороны, я равным образом расположен принять обязательство не водворяться там, разумеется, в качестве собственника; в качестве временного охранителя — дело другое. Может случиться, что обстоятельства принудят меня занять Константинополь, если ничего не окажется предусмотренным, если нужно будет все предоставить случаю. Ни русские, ни англичане, ни французы не завладеют Константинополем. Точно так же не получит его и Греция. Я никогда не допущу до этого». Царь продолжал: «Пусть Молдавия, Валахия, Сербия, Болгария поступят под протекторат России. Что касается Египта, то я вполне понимаю важное значение этой территории для Англии. Тут я могу только сказать, что, если при распределении оттоманского наследства после падения империи, вы овладеете Египтом, то у меня не будет возражений против этого. То же самое я скажу и о Кандии [острове Крите]. Этот остров, может быть, подходит вам, и я не вижу, почему ему не стать английским владением». При прощании с Гамильтоном Сеймуром, Николай сказал: «Хорошо. Так побудите же ваше правительство снова написать об этом предмете, написать более полно, и пусть оно сделает это без колебаний. Я доверяю английскому правительству. Я прошу у него не обязательства, не соглашения: это свободный обмен мнений, и в случае необходимости, слово джентльмена. Для нас это достаточно».

Гамильтон Сеймур был приглашен к Николаю уже через пять дней. Второй разговор состоялся 14 января, третий — 20 февраля, четвертый и последний — 21 февраля 1853 г. Смысл этих разговоров был ясен: царь предлагал Англии разделить вдвоем с Россией Турецкую империю, причем не предрешал участи Аравии, Месопотамии, Малой Азии.

Начиная эти разговоры в январе — феврале 1853 г., царь допустил три капитальные ошибки: во-первых, он очень

легко сбросил со счетов Францию, убедив себя, что эта держава еще слишком слаба после пережитых в 1848—1851 гг. волнений и переворотов, и что новый император Франции не станет рисковать, ввязываясь в ненужную ему далекую войну; во-вторых, Николай, на вопрос Сеймура об Австрии, ответил, что Австрия — это то же, что он, Николай, т. е., что со стороны Австрии ни малейшего противодействия оказано не будет; в-третьих, он совсем неправильно представил себе, как будет принято его предложение английским правительством. Николая сбивало с толку всегда дружественное к нему отношение Виктории; он до конца дней своих не знал и не понимал английской конституционной теории и практики. Его успокаивало, что во главе кабинета в Англии в этот момент, в 1853 г., стоял тот самый лорд Эбердин, который так ласково его выслушивал в Виндзоре еще в 1844 г. Все это, казалось, позволяло Николаю надеяться, что его предложение встретит благоприятный прием. 9 февраля из Лондона пришел ответ, данный от имени кабинета статс-секретарем по иностранным делам лордом Джоном Росселем. Ответ был резко отрицательный. Лорд Россель не менее подозрительно относился к русской политике на Востоке, чем сам Пальмерстон. Лорд Россель заявлял, что он не видит вовсе, почему можно думать, будто Турция близка к падению. Вообще он не находит возможным заключать какие бы то ни было соглашения касательно Турции. Далее, даже временный переход Константинополя в руки царя он считает недопустимым. Наконец, Россель подчеркнул, что и Франция и Австрия отнесутся подозрительно к подобному англо-русскому соглашению.

После получения этого отказа Нессельроде старался в беседе с Сеймуром смягчить смысл первоначальных заявлений царя, заверяя, будто царь не хотел угрожать Турции, а лишь желал бы вместе с Англией гарантировать ее от возможных покушений со стороны Франции.

Перед Николаем после этого отказа открывалось два пути: или просто отложить затеваемое предприятие, или итти напролом. Если бы царь думал, что на сторону Джона Росселя станут Австрия и Франция, тогда нужно было бы выбирать первый путь. Если же признать, что Австрия и Франция не присоединятся к Англии, тогда можно было итти напролом, так как царь хорошо понимал, что Англия без союзников воевать с ним не решится.

Николай избрал второй путь. «Что касается Австрии, то я в ней уверен, так как наши договоры определяют наши отношения», — такую пометку сделал царь собственноручно на полях представленной ему копии письма лорда Росселя к Гамильтону Сеймуру. Таким образом, он сбрасывал Австрию со счетов.

Русско-французские трения в Турции

Столь же легко Николай сбросил со счетов и Францию. Это была третья и самая важная его ошибка. Она была неизбежной. Царь не понимал ни положения Франции после переворота 2 декабря, ни стремлений ее нового властелина. В этом полнейшем непонимании были виноваты также русские послы — Киселев в Париже, Бруннов в Лондоне, Мейендорф в Вене, Будберг в Берлине, а больше всех канцлер Нессельроде: все они в своих докладах извращали перед царем положение дел. Они писали почти всегда не о том, что видели, а о том, что царю было бы желательно от них узнать. Когда однажды Андрей Розен убеждал князя Ливена, чтобы тот, наконец, открыл царю глаза, то Ливен отвечал буквально: «Чтобы я сказал это императору?! Но ведь я не дурак! Если бы я захотел говорить ему правду, он бы меня вышвырнул за дверь, а больше ничего бы из этого не вышло».

Начало просветления последовало в связи с дипломатической распрей между Луи-Наполеоном и Николаем, возникшей по поводу так называемых «святых мест». Началась она еще в 1850 г., продолжалась и усиливалась в 1851 г., ослабела в начале и середине 1852 г. и вновь необычайно обострилась как раз в самом конце 1852 г. и начале 1853 г. Луи-Наполеон, еще будучи президентом, заявил турецкому правительству, что желает сохранить и возобновить все подтвержденные Турцией еще в 1740 г. права и преимущества католической церкви в так называемых святых местах, т. е. в храмах Иерусалима и Вифлеема. Султан согласился; но со стороны русской дипломатии в Константинополе последовал резкий протест с указанием на преимущества православной церкви перед католической на основании условий Кучук-Кайнарджийского мира. По существу эти пререкания, конечно, нисколько не интересовали ни Луи-Наполеона, ни Николая; для обоих дело шло о гораздо более серьезном вопросе. Впоследствии министр иностранных дел Наполеона III Друэн-де-Люис весьма откровенно заявил: «Вопрос о святых местах и все, что к нему относится, не имеет никакого действительного значения для Франции. Весь этот восточный вопрос, возбуждающий столько шума, послужил императорскому [французскому] правительству лишь средством расстроить континентальный союз, который в течение почти полувека парализовал Францию. Наконец, представилась возможность посеять раздор в могущественной коалиции, и император Наполеон ухватился за это обеими руками». Для Наполеона III осложнения на Востоке, хотя бы под предлогом какой-то ссоры из-за святых мест, были нужны, чтобы отколоть Англию и Австрию от России: именно на Востоке их интересы расходились с интересами царя; для Николая же вопрос о святых

местах тоже был очень удобным и популярным предлогом для ссоры, но не с Францией, а с Турцией. Незаметно дело о святых местах переплелось с выдвинутой Николаем претензией не только защищать права православной церкви в Иерусалиме и Вифлееме, но и стать признанным самой Турцией защитником всех православных подданных султана, т. е. получить право постоянного дипломатического вмешательства во внутренние турецкие дела.

В начале 1853 г. спор очень обострился. Абдул-Меджид и его министры, под прямым давлением французской дипломатии, стали особенно упорствовать в переговорах с Россией и в то же время удовлетворили большинство французских требований относительно святых мест. «Это он мстит», — сказал царь, ясно понимая теперь, что Наполеон вовсе не забыл истории с титулом.

И все-таки Николай продолжал держаться за свою иллюзию: воевать Наполеон III из-за Турции не пойдет ни за что, Австрия также не осмелится, Англия не двинется без Австрии и Франции. Получив отказ Англии, царь решил итти напролом и совершить прежде всего не военное, а пока только дипломатическое нападение на Турцию. Он приказал морскому министру Меншикову снарядить большую свиту и на военном линейном корабле плыть в сопровождении этой свиты в Константинополь с решительными требованиями к султану. В случае неполного их удовлетворения Меншикову разрешалось предъявить ультиматум.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ДИПЛОМАТИЯ В ГОДЫ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ И ПАРИЖСКИЙ КОНГРЕСС (1853—1856)

1. РУССКО-ТУРЕЦКИЙ КОНФЛИКТ 1853 г. И ПОЗИЦИЯ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ

Миссия князя А. С. Меншикова в Турции

Меншиков был назначен в Турцию царем в качестве чрезвычайного посла и полномочного представителя. Нессельроде велено было изготовить для отъезжающего Меншикова инструкцию, основное положение которой было таково: «Распадение Оттоманской империи стало бы неизбежным при первом же серьезном столкновении с нашим оружием».

Меншикову официально поручалось резко и решительно покончить спор о святых местах, добившись от султана специального *договора* с русским императором, причем в этот договор требовалось включить и признание права царя покровительствовать всем православным подданным султана. Николай ожидал успеха от миссии Меншикова ввиду того, что незадолго до прибытия русского посла султан согласился на категорическое требование представителя Австрии Лейнингена удалить турецкую армию из вассального владения султана — Черногории. Но разница была в том, что Австрия и не думала после этого занимать Черногорию, потому что заботилась только о спокойствии в близких к Черногории районах Австрийской империи. А миссия Меншикова состояла в предъявлении к Турции требований, которые клонились к подрыву суверенной власти султана во всех тех его владениях, где имелось православное население. При этом Меншикову было дано понять, что на него в Зимнем дворце не рассердятся, если даже последствием его дипломатических действий явится война России с Турцией.

Прибыв в Константинополь, Меншиков был встречен с необычайным почетом. Турецкая полиция не посмела даже разогнать толпу греков, которые устроили князю восторженную встречу. Меншиков повел себя с вызывающей надмен-

ностью. Он сразу же заявил, что не желает иметь дела с министром иностранных дел Фуад-эффенди, который стоял на стороне французов по вопросу о святых местах, — и султан, перепуганный известием о сосредоточении двух русских корпусов в Бессарабии, уволил Фуада и назначил угодного Меншикову Рифаат-пашу. В Европе обратили большое внимание даже на чисто внешние провокационные выходки Меншикова: писали о том, как он сделал визит великому визирю, не снимая пальто, как резко говорил он с султаном Абдул-Меджидом. С первых же шагов Меншикова стало ясно, что в двух центральных пунктах он ни за что не уступит: во-первых, он желает добиться признания за Россией права на покровительство не только православной церкви, но и православным подданным султана; во-вторых, он требует, чтобы согласие Турции было утверждено султанским сенедом, а не фирманом, т. е. чтобы оно носило характер внешнеполитического *договора* с царем, а не являлось бы простым указом султана, обращенным к его подданным и извещающим их о новом покровителе и о правах православной церкви. Что касается вопроса о иерусалимском и вифлеемском храмах, то по этим претензиям Абдул-Меджид был готов пойти на все уступки. Но теперь это царя уже не интересовало. 22/10 марта 1853 г. Меншиков прочел вслух Рифаат-паше такую вербальную ноту: «Требования императорского [русского] правительства категоричны». А через два дня он прочел ему новую ноту, которая требовала прекращения «систематической и злостной оппозиции». Тут же он представил проект «конвенции», которая делала Николая, как сразу же заявили дипломаты других держав, «вторым турецким султаном».

Контрманевры английского посла в Константинополе

Султан переходил от паники к возмущению, после раздражения опять впадал в панику, когда 5 апреля 1853 г. в Константинополь прибыл в качестве британского посла Стрэтфорд-Каннинг, старый враг русского влияния в Турции и личный недруг Николая, оскорбившего его еще в 1832 г. Стрэтфорд был убежденнейшим сторонником ограждения Турции от русских притязаний хотя бы вооруженной рукой. Почти одновременно в Лондоне произошла перемена: статс-секретарем по иностранным делам, вместо ушедшего старого лорда Росселя, в кабинет Эбердина вступил лорд Кларендон, подголосок Пальмерстона. В Петербурге думали, что это признак благорасположения Эбердина к России. Кларендон дал Стрэтфорду очень широкие полномочия в Константинополе. Стрэтфорд, который с 1853 г. назывался лордом Стрэтфордом-Редклифом, быстро повел дело к войне. Сделал он это очень умно и тонко. Небрежный, высокомерный, великосветский барин, дилетант в дипломатии, Меншиков не мог

равняться с осторожным и опытным английским дипломатом-интриганом. Стрэтфорд сразу же понял по поведению Меншикова, каковы ему даны инструкции, в чем истинные цели царя, и посоветовал султану и его министрам уступать до последней возможности по существу требований, по которым шел спор России и Франции о святых местах. Стрэтфорду было ясно, что Меншиков этим не удовлетворится, потому что он не для этого приехал. Меншиков начнет настаивать на таких требованиях, которые уже будут носить явно агрессивный характер, и тогда Англия и Франция поддержат Турцию. Стрэтфорд-Редклиф знал, что в Лондоне глава кабинета, Эбердин, не очень желает обострения дела: поэтому британский посол счел, на всякий случай, целесообразным прибегнуть к подлогу. От него требовали в Лондоне, чтобы он прислал точный текст того проекта конвенции между Россией и Турцией, который, как сказано, Меншиков предъявил Рифаат-паше. В статье первой этого проекта говорилось о том, что русское правительство получает право, как в прошлом, *делать представления* (турецкому правительству) в пользу церкви и духовенства. Стрэтфорд-Редклиф, переписывая текст ноты для отсылки лорду Кларендону в Лондон, уже от себя вместо «*делать представления*» написал «*давать приказы*».

Этот подлог резко менял весь характер ноты, и по очевидным расчетам Стрэтфорда-Редклифа должен был вызвать раздражение в кабинете и дать Пальмерстону и его послушному ученику Кларендону перевес над колебавшимся лордом Эбердином. Расчет оправдался вполне. Впрочем, Меншиков и без того, очертя голову, шел прямо в западню, расставленную ему английским послом. Стрэтфорд ухитрился как-то внушить Меншикову, что Рифаат-паша не друг, а враг России. Тогда сам же Меншиков, который посадил Рифаата вместо Фуад-эффенди, стал домогаться отставки Рифаата и назначения вместо него предложенного тем же Стрэтфордом настоящего врага России — Решид-паши. А, главное, всеми своими действиями Стрэтфорду удалось внушить князю Меншикову убеждение, что Англия, в случае войны, ни за что не выступит на стороне султана.

События развернулись именно так, как их подстроил Стрэтфорд: 4 мая Порта уступила во всем, что касалось «святых мест»; тотчас же после этого Меншиков, видя, что желанный предлог к занятию Дунайских княжеств исчезает, предъявил прежнее требование о договоре султана с русским императором. Султан просил отсрочки. В тот же день, после совета со Стрэтфордом, султан и министры отклонили требования Меншикова. Тотчас же вместо Рифаата был назначен Решид-паша, агент Стрэтфорда.

Занятие русскими войсками Дунайских княжеств

Меншиков объявил, что порывает сношения с Портой, и вместе со своей свитой 21 мая 1853 г. выехал из Константинополя в Одессу. По совету Стрэтфорда султан уже 4 июня издал фирман, т. е. указ, торжественно гарантирующий права и привилегии христианских церквей, но в особенности права и преимущества православной церкви. Но ничто не помогло. Николай издал манифест о том, что он, как и его предки, должен защищать православную церковь в Турции, и что для обеспечения исполнения турками прежних договоров с Россией, нарушаемых султаном, царь принужден занять Дунайские княжества (Молдавию и Валахию). 21 июня 1853 г. русские войска перешли через реку Прут и вторглись в Молдавию. Война Турции еще не была объявлена. Не объявляла войны и Турция.

Позиция Франции в русско-турецком конфликте

Уже в марте, прослышав о первых шагах Меншикова в Константинополе, Наполеон III приказал своему военному флоту, стоявшему в Тулоне, немедленно отплыть в Эгейское море, к Саламину, и быть наготове. Наполеон бесповоротно решил воевать с Россией. Защита Турции от возможного русского завоевания представлялась императору французов решительно необходимой, в связи с французскими финансовыми вложениями в Турецкой империи и французскими экономическими интересами на Востоке вообще. Сравнительная сдержанность лорда Эбердина вызывала у французской дипломатии подозрение, не желает ли Англия одурачить французов и в конце концов договориться с Россией вдвоем насчет раздела турецких владений, как это и предлагал царь Гамильтону Сеймуру в начале 1853 г. Уже после отплытия французского флота в восточную часть Средиземного моря последовал приказ и британской эскадре итти туда же. Положение обострялось. Ненависть к Николаю, столпу всемирной реакции, была так сильна, что во Франции и Англии не могло быть в тот момент более популярной войны, чем война против царского правительства. И это подталкивало Наполеона III, который видел в войне против Николая возможность не только покрыть славой свой трон, но и несколько умиротворить оппозицию, загнанную в подполье, в эмиграцию и в ссылку.

Позиция Австрии в русско-турецком конфликте

Осенью 1853 г. европейская дипломатия была в большом волнении. Буоль-фон-Шауэнштейн, министр иностранных дел Австрийской империи, вел оживленные переговоры на два фронта: он старался, с одной стороны, убедить царя в необходимости поскорее притти к соглашению с Турцией и очистить Дунайские княжества, а с другой — интриговал

в Париже и Лондоне, желая узнать, что можно получить от западных держав за политику, враждебную России.

Буолю удавалось с большим успехом шпионить вокруг русского посольства в Вене. Франц-Иосиф уже с 1853 г. стал занимать антирусскую позицию. С другой стороны, он испытывал страх и перед Наполеоном III, который делал довольно прозрачные намеки на возможность без особых затруднений выгнать Австрию из Ломбардии и Венеции. Император французский не скрывал от барона Гюбнера, австрийского посла в Париже, что не очень расположен дозволять Австрии остаться в положении нейтральной страны. Следовательно, Францу-Иосифу предстояло либо выступить заодно с Наполеоном III и Англией и добиваться удаления русских войск из Молдавии и Валахии, либо действовать совместно с Николаем и, в случае его победы над Турцией, утратить положение самостоятельного монарха первоклассной державы и уже во всяком случае потерять Ломбардию и Венецию.

Но Австрия была также членом Германского союза, где главным — после Австрии — государством являлась Пруссия.

Позиция Пруссии в русско-турецком конфликте

В Пруссии положение было иное. Возможное крушение Турции не затрагивало никаких жизненных интересов Пруссии, а враждебная к России позиция была связана с риском образования франко-русского союза, при котором Пруссия могла быть уничтожена. Кроме того, в тот момент уже начала выявляться линия, которую потом так энергично повел Бисмарк: линия расширения и углубления антагонизма между Пруссией и Австрией. Бисмарк в годы Крымской войны еще не играл руководящей роли в прусской политике; он был всего лишь представителем Пруссии в сейме Германского союза. Но его точка зрения, именно в силу своей определенности, в конце концов возобладала: во имя чего Пруссии занимать антирусскую позицию в разгорающемся на Востоке конфликте? Чем более будет ослаблена Австрия, тем это будет выгоднее для Пруссии. При прусском дворе и в прусском правительстве образовались две партии — «английская» и «русская». Во главе «английской» стоял прусский посол в Лондоне Бунзен; ей сочувствовала почти вся либеральная буржуазия; с 1854 г. с этой партией стал сближаться и консервативнейший брат и наследник короля принц Прусский Вильгельм. «Русская партия» возглавлялась другом короля, генералом Леопольдом фон Герлахом; за ней шла вся аристократия, большинство дворянства. Очень многие в этой «русской» партии руководствовались не столь сложными дипломатическими расчетами и выкладками, как Бисмарк, а, просто, видели в Николае наиболее прочную и надежную опору абсолютизма и дворянской реакции против поднимаю-

щейся буржуазии. Таким образом, царя противопоставляли не Австрии, как это делал Бисмарк, а либеральной Англии.

Сам король Фридрих-Вильгельм IV не знал, на что решиться. Он опасался Наполеона III, боялся Николая и метался из стороны в сторону. Бисмарк, с раздражением следивший из Франкфурта за этими зигзагами, говорил, что прусская королевская политика напоминает пуделя, который потерял своего хозяина и в растерянности подбегает то к одному прохожему, то к другому.

«Венская нота»

В конце концов выяснилось, что Пруссия не примкнет к Англии и Франции, а Австрия без Пруссии не решится это сделать. Буоль составил проект ноты, который вручил приглашенным им на совещание послам Англии и Франции в Вене. В этой ноте говорилось, что Турция принимает на себя обязательство соблюдать все условия Адрианопольского и Кучук-Кайнарджийского мирных договоров; снова подчеркивалось положение об особых правах и преимуществах православной церкви. Решено было послать эту ноту 31 июля 1853 г. царю, а, в случае согласия царя, — султану. Николай согласился.

Прослышав о том, что в Вене намечается какой-то компромисс, Стрэтфорд-Редклиф сейчас же начал подводить дипломатическую мину для срыва затеянного дела. Он заставил султана Абдул-Меджида отклонить Венскую ноту, а сам еще до того поспешил составить, якобы от имени Турции, другую ноту, с некоторыми оговорками против Венской ноты. Царь ее в свою очередь отверг. По существу Венская нота совпадала с собственным проектом турок, но, для того чтобы оправдать отказ турок от принятия этой ноты, Стрэтфорд-Редклиф постарался изо всех сил раздуть «негодование» турок на *толкование* Венской ноты, данное канцлером Нессельроде. Царь в это время получал от Киселева из Парижа самые утешительные известия о невозможности совместного военного выступления Англии и Франции.

Объявление Турцией войны России

Наступил октябрь. Побуждаемый заверениями Стрэтфорда и французского посла Лакура, султан объявил России войну. Между тем английской и французской дипломатией получено было точное подтверждение известия, которое уже раньше пронеслось по Европе: 18 (30) ноября 1853 г. адмирал Нахимов напал на турецкий флот в Синопской бухте, истребил его и разрушил береговые укрепления.

2. ВСТУПЛЕНИЕ АНГЛИИ И ФРАНЦИИ В ВОЙНУ ПРОТИВ РОССИИ

Синопский бой явился тем толчком, который разрядил давно скоплявшееся электричество. В середине декабря На-

полеон III объявил британскому послу в Париже лорду Каули, что намерен приказать своему флоту войти в Черное море. Это предрешало действия и британского кабинета. Еще в феврале 1853 г., как только пришли первые донесения Сеймура из Петербурга о доверительных беседах с ним царя, статс-секретарь Кларендон и французский посол в Лондоне граф Валевский подписали соглашение, по которому Англия и Франция обязывались ничего не предпринимать в области восточного вопроса без предварительной договоренности. Теперь настал момент для выполнения этого обязательства. Эбердин согласился дать английскому флоту соответствующие распоряжения. Колебания английской дипломатии длились недолго. После Синопа в английских общественных кругах возбуждение против России росло в неимоверной степени. В прессе громко обвиняли даже королеву Викторию и ее мужа в подозрительных, чуть ли не изменнических замыслах. Когда внезапно 15 декабря 1853 г. Пальмерстон подал отставку, настоящая буря негодования обрушилась на кабинет, откуда «выжили честного патриота» и т. д. Спустя неделю, Эбердин упросил Пальмерстона вернуться в министерство. Это возвращение отдавало кабинет Эбердина полностью в руки Пальмерстона. Война против России была этим предрешена.

4 января 1854 г. соединенный англо-французский флот вошел в Черное море, и два адмирала, начальствовавшие над флотом, известили русские власти, что имеют задание ограждать турецкие суда и порты от нападений с русской стороны.

Немедленно Нессельроде по приказу Николая обратился к русскому послу в Париже — Киселеву и лондонскому — Бруннову, предлагая им запросить оба правительства, при которых эти послы аккредитованы, как понимать сообщение адмиралов. Относится ли фактическое запрещение плавать по Черному морю только к русским судам или также к турецким? В случае если окажется, что запрет распространяется только на русские суда, Бруннову и Киселеву предписывалось тотчас прервать дипломатические сношения и покинуть Лондон и Париж.

Английская пресса взывала о необходимости бороться за независимость Турции. В самой Турции фактическими хозяевами положения были Стрэтфорд-Редклиф и французский посол Барагэ д'Илье. Единственным утешением для султана являлось то, то Стрэтфорд и Барагэ д'Илье яростно и непрерывно ссорились между собой. 29 января 1854 г. в официальном органе Французской империи «Монитер» появилось письмо императора французов Наполеона III к всероссийскому императору Николаю Павловичу. Наполеон писал, что гром синопских пушек оскорбил французскую и английскую нацио-

нальную честь; он предлагает царю последний выход: увести войска из Молдавии и Валахии; тогда Франция и Англия прикажут своим флотам покинуть Черное море. А затем пусть Россия и Турция назначат уполномоченных для мирных переговоров. Этот необычный в дипломатическом обиходе прием — публичное обращение одного царствующего монарха к другому — был правильно понят всей Европой, как попытка перед самым взрывом войны свалить всю ответственность на противника, выставив напоказ свое миролюбие. Николай ответил 9 февраля. Одновременно с отсылкой подлинника в Париж он также приказал напечатать копию своего письма в «Журналь де Сен-Петерсбург», официальном органе русского министерства иностранных дел. Царь отвечал, что ему русская честь так же дорога, как Наполеону III французская; Синопский бой был вполне правомерным действием; нельзя приравнивать занятие Дунайских княжеств к фактическому овладению Черным морем посредством посылки туда французского и английского флотов и т. д. Оба императора подписались памятной им обоим формулой: «Вашего величества *добрый друг*».

Вступление Англии и Франции в войну

А уже на третий день после отправления письма Наполеона III в Петербург Киселев получил в Париже и официальную ноту Друэн-де-Люиса. Нота носила нарочито вызывающий характер; она разъясняла, что запрет плаванья по Черному морю касается лишь русского флота, а не турецкого. Немедленно, в силу уже ранее полученных инструкций, Киселев заявил о разрыве дипломатических сношений между Россией и Францией.

Выступление Франции против России в данном случае было настолько слабо мотивировано, что и Николай в Петербурге и Киселев в Париже постарались подчеркнуть, что на разрыв с Францией они смотрят иначе, чем на одновременно последовавший разрыв с Англией. Николай велел немедленно прислать на дом Гамильтону Сеймуру паспорта на выезд посольства. А генералу Кастельбажаку, французскому послу, предоставили, когда ему заблагорассудится, заявить о желании уехать и получить паспорта; при очень милостивом прощании с генералом Николай дал послу один из самых высоких орденов — звезду Александра Невского. Этим необычайным жестом как бы подчеркивалось, что царь считает разрыв с Францией дипломатическим недоразумением, которое может так же скоро уладиться, как внезапно оно и возникло. Еще больше это было подчеркнуто при отъезде Киселева из Парижа. Киселев, уведомив уже 4 февраля 1854 г. министра Друэн-де-Люиса о своем отъезде с посольством из Парижа, тотчас после этого заявил, что желал бы лично откланять-

ся императору Наполеону. Вот как объяснял Киселев в письме к Нессельроде свой поступок, который, кстати говоря, не возбудил ни со стороны канцлера, ни со стороны Николая ни малейших возражений. «Если вопреки обычаю я пожелал проститься с Луи-Наполеоном в частном свидании перед тем, как потребовать мой паспорт, это потому, что я знал, как он чувствителен к такого рода манифестациям и проявлениям личного почтения, и насколько воспоминание о подобном поступке могло бы, при случае, помочь завязать вновь сношения». Наполеон принял Киселева в утренней аудиенции, наедине, и они говорили долго. Император утверждал, будто его поведение во всем этом конфликте было самым примирительным. Слегка, намеком, Наполеон III коснулся и злосчастной истории с его титулованием, и Киселеву стало ясно, что его собеседник ее не забыл и не простил. Киселев даже сказал: «Государь, позвольте вам сказать, что вы ошибаетесь... Франция бросается в войну, которая ей не нужна, в которой она ничего не может выиграть, и она будет воевать только, чтобы служить целям и интересам Англии. Ни для кого тут не секрет, что Англия с одинаковым удовольствием увидела бы уничтожение любого флота, вашего флота или нашего, и, чего здесь не понимают, это то, что Франция в настоящее время помогает разрушению [русского] флота, который в случае нужды был бы наилучшим для вас помощником против того флота, который когда-нибудь повернет свои пушки против вашего». Французский император выслушал эти многозначительные заявления молча, и— что крайне показательно — ни одним словом Киселеву на них не возразил. Любопытно, что собственно о Турции оба собеседника как-то совершенно забыли. Наполеон III даже не сообразил, что для приличия следовало хотя бы упомянуть о «независимости» страны, якобы для «защиты» которой он обнажает меч и начинает кровавую войну.

3. ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ ВО ВРЕМЯ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Проект ослабления и расчленения России, выдвинутый Пальмерстоном

От формального объявления войны России Англией и Францией 27 и 28 марта 1854 г. и до ноября и декабря 1855 г., когда возобновились негласные сношения между русскими и французскими дипломатами, дипломатическая деятельность великих держав сосредоточивала свой интерес, главным образом, на Вене. Усилия Англии и Франции были направлены на то, чтобы заставить Австрию во что бы то ни стало выступить против России. Действия австрийской дипломатии имели в виду разрешение очень трудной задачи: не объявляя формально войны России, заставить

Николая убрать войска из Молдавии и Валахии и устроить это так, чтобы не рассердить Наполеона, но и не рассориться с царем. Что касается дипломатических отношений между самими союзниками, то сначала еще не выявлялось коренное расхождение между целями Англии и Франции. Однако сейчас же после падения Севастополя оно обнаружилось с совершенной ясностью. Пальмерстон, душа кабинета лорда Эбердина, считал, что война может основательно ослабить Россию. У Англии есть такой союзник, как Французская империя; в перспективе можно, обещая компенсации за счет России, заполучить еще трех союзников: Австрию, Пруссию и Швецию. Никогда уже не повторится более благоприятная комбинация. Нет страны на свете, которая так мало проигрывала бы от войн, как Англия! — восхищался Пальмерстон, настойчиво повторяя эту фразу.

Собственные цели британской политики неоднократно выяснялись в английской прессе, — но точка зрения самого Пальмерстона, наиболее полно изложенная им лорду Джону Росселю, сводилась к следующему: Аландские острова и Финляндия возвращаются Швеции; Прибалтийский край отходит к Пруссии; королевство Польское должно быть восстановлено как барьер между Россией и Германией (не Пруссией, а *Германией*); Молдавия и Валахия и все устье Дуная отходят к Австрии, а Ломбардия и Венеция от Австрии к Сардинскому королевству (Пьемонту); Крым и Кавказ отбираются у России и отходят к Турции, причем часть Кавказа, именуемая у Пальмерстона «Черкессией», образует отдельное государство, находящееся в вассальных отношениях к султану Турции. Подголосок Пальмерстона, статс-секретарь по иностранным делам лорд Кларендон, ничуть не возражая против этой программы, постарался в своей большой парламентской речи 31 марта 1854 г. подчеркнуть умеренность и бескорыстие Англии, которая, будто бы, вовсе не боится за Индию, не нуждается ни в чем для своей торговли, а лишь благородно и высоко принципиально ведет «битву цивилизации против варварства».

До поры до времени Наполеон III, с самого начала не сочувствовавший пальмерстоновской фантастической идее раздела России, по понятной причине воздерживался от возражений; программа Пальмерстона была составлена так, чтобы приобрести новых союзников. Привлекались таким путем и Швеция, и Австрия, и Пруссия, поощрялась к восстанию русская Польша, поддерживалась война Шамиля на Кавказе, обеспечивалось также выступление против России Сардинского королевства. А новые союзники были Франции и Англии очень нужны; чем более отчаянной делалась героическая оборона Севастополя, тем они становились необходимее. Но на

самом деле Наполеону III отнюдь не хотелось ни слишком усиливать Англию, ни сверх меры ослаблять Россию. Поэтому, как только победа была союзниками одержана, сейчас же Наполеон III начал подкапываться под программу Пальмерстона и быстро свел ее к нулю.

Но на первых порах между Англией и Францией не было ни малейших разногласий. В Вене союзниками был дан дипломатический бой Николаю, и этот бой был царем проигран.

Миссия А. Ф. Орлова в Вене

Николай понял это не сразу. Но уже после Синопа, когда западные державы открыто готовились объявить России войну, позиция Австрии показалась Николаю подозрительной. Тогда царь решил повести переговоры с Францем-Иосифом через посредство доверенного человека.

Николай послал в Вену графа Орлова, очень ловкого царедворца и довольно способного дипломата, что он доказал еще в 1833 г. при заключении договора с Турцией в Ункиар-Искелесси.

31 января 1854 г. Орлов передал австрийскому императору такие предложения: Австрия объявляет дружественный России нейтралитет в начинающейся войне Николая с западными державами. За это царь берет на себя ручательство за полную неприкосновенность австрийских владений и обязывается побудить Пруссию и с ней весь Германский союз присоединиться к этой гарантии. Затем, в случае победы России и распада Турции, Россия и Австрия на равных правах объявляют свой протекторат над Сербией, Болгарией, Молдавией и Валахией.

В ответ на это Франц-Иосиф в свою очередь спросил Орлова: «Уполномочены ли вы подтвердить предшествующие заявления вашего императора: во-первых, что он будет уважать независимость и целостность Турции; во-вторых, что он не перейдет через Дунай; в-третьих, что он не слишком надолго продлит оккупацию княжеств [Молдавии и Валахии]; в-четвертых, что он не будет стараться изменить отношения, существующие между султаном и его подданными». На эти вопросы Орлов не ответил. Ему трудно было что-либо сказать, когда царь на все четыре вопроса уже давал определенно отрицательный ответ своими действиями.

Орлова в Вене чествовали. Вся реакционная австрийская аристократия ухаживала за ним, как за представителем царя, «спасшего» Австрию и чуть ли не всю Европу от революции. Но Франц-Иосиф не пожелал принять предложения Николая, и Орлов уехал из Вены ни с чем. Перед отъездом он написал царю интереснейшее письмо, в котором в сущности советовал перевернуть вверх дном всю систему политики Николая, отвернуться от тени Священного союза и сблизиться с Фран-

цией. «Видя это бессилие и это малодушие Германии и в то же время узнав про предложение о посредничестве, исходящее в этот момент от Луи-Наполеона, я спрашиваю себя, не было ли бы лучше принять это посредничество в случае, если оно содержит почетные условия, за основу для прямого соглашения, оставив в стороне тех друзей, добрые намерения которых проваливаются из-за овладевшего ими страха?» Но войти в тот момент в соглашение с Наполеоном III значило бы совсем отказаться от войны с Турцией и от всей политики царя на Востоке. Да и слишком еще не хотелось Николаю поверить, что он не понял самых основ австрийской политики, спасая Австрию 1849 г. и считая так долго Франца-Иосифа лучшим и преданнейшим другом. Из усилий Орлова победить рутинную дипломатию Николая ничего не вышло.

Сейчас же после отъезда Орлова из Вены Франц-Иосиф приказал отправить в Трансильванию 13-тысячное войско. Это было уже некоторой угрозой русским оккупационным войскам на Дунае.

Позиция Пруссии во время Крымской войны

С тех пор Николай удвоил свою любезность по отношению к Пруссии. Но и тут его ждали разочарования. Король продолжал метаться из стороны в сторону.

В конце февраля 1854 г., возвращаясь из Петербурга в Лондон после разрыва дипломатических отношений, сэр Гамильтон Сеймур сделал неудачную попытку втравить Пруссию в войну с Россией. Но Фридрих-Вильгельм IV отвечал: «Я не хочу, чтобы, вместо сражений на Дунае, происходили сражения в Восточной Пруссии». Король добавил, что на границе Пруссии уже стоит 200-тысячная армия. Для Англии было важно уже то, что русские силы были оттянуты от Юга. Затем к королю упорно приставал с теми же домогательствами французский посол в Берлине маркиз де Мустье. Но и тут ничего не вышло. Тогда английская пресса пустилась на прямые угрозы. Бисмарк во Франкфурте жаловался английскому представителю Александру Мэлету на эти неприличные застращивания (29 марта 1854 г.). «Ни в коем случае мы не станем союзниками России, — сказал при этом Бисмарк, — но брать на себя риск и издержки по войне с Российской империей — совсем иное дело, особенно, если правильно взвесить возможные выгоды для Пруссии даже в случае успешного исхода подобной войны».

В апреле 1854 г., после отправления французской и английской десантной армии к Варне, австрийский министр Буоль окончательно осмелел: с согласия Франца-Иосифа он предложил Пруссии присоединиться к австрийскому представлению: просить Николая убрать свои войска из Молдавии и Валахии. Король Фридрих-Вильгельм IV, теснимый в это

самое время, как англичанами, так и французами, не посмел отказаться и 20 апреля (1854 г.) согласился примкнуть к Австрии. «Английская партия» при прусском дворе взяла верх.

Фридрих-Вильгельм еще в марте жаловался Сеймуру, что Николай, говоря о нем, употребляет «такие сильные выражения», которые даже и повторить не совсем удобно. Новый поступок короля (договор с Австрией 20 апреля) окончательно преисполнил царя негодованием. А об Австрии он писал в середине мая 1854 г. Паскевичу: «Итак, настало время бороться не с турками и их союзниками, но обратить все наши усилия против вероломной Австрии и горько наказать ее за бесстыдную неблагодарность». Но союзники уже стояли в Варне. Выступления Австрии ждали 13 июля; царь получил об этом достоверные сведения ровно за месяц, 13 июня. Тогда он дал приказ об отступлении русских войск из Дунайских княжеств.

«Четыре пункта» Наполеона III (18 июля 1854 г.)

Отныне война была, по сути дела, проиграна. С высадкой союзных войск в Крыму из наступательной она становилась чисто оборонительной. Еще до тех пор, как высадка была фактически совершена, Наполеон III приказал сформулировать «четыре пункта», сообщить их Австрии, Пруссии и, конечно, Англии и затем от имени четырех держав предъявить их Николаю. Пункты были приняты Англией и Австрией. Но король прусский долго не хотел принимать участия в этом враждебном выступлении всех великих держав против царя. Когда же он узнал, что Австрия начала постепенно занимать своими войсками те части Молдавии и Валахии, которые очищались уходящей русской армией, Фридрих-Вильгельм IV внезапно ощутил раскаяние и переметнулся на сторону царя, объявив, что разрывает подписанное с Австрией 20 апреля соглашение. Тогда на него опять нажали из Парижа и Лондона, и король, хотя и не подписал «четырех пунктов», согласился не протестовать против того, что говорилось в них о Пруссии. Нота была отправлена в Петербург.

Вот эти пункты, сформулированные окончательно 18 июля 1854 г.: 1) Дунайские княжества поступают под общий протекторат Франции, Англии, Австрии, России и Пруссии, причем временно оккупируются австрийскими войсками; 2) все эти пять держав объявляются коллективно покровительницами всех христианских подданных султана; 3) эти же пять держав получают коллективно верховный надзор и контроль над устьями Дуная; 4) договор держав с Турцией о проходе судов через Босфор и Дарданеллы, заключенный в 1841 г., должен быть коренным образом пересмотрен.

Царь получил «четыре пункта», но ответа не давал. Срок ему не был поставлен. Наполеон III и Англия решили пере-

вести армию из Варны в Крым и с этого времени до известной степени ослабили свое подавляющее влияние на Австрию. В Вене жаловались, что, увозя свои силы в Крым, союзники оставляют Австрию лицом к лицу с грозным русским соседом. В Австрии продолжали бояться России, несмотря ни на что. Считали, что Россию можно разбить, но нельзя ее ослабить на длительное время: горе тем соседям, которые соблазнятся ее временной слабостью.

Наступила страшная осень 1854 г. с кровопролитными сражениями под Альмой, Балаклавой, Инкерманом, с первыми бомбардировками Севастополя. Дипломатия бездействовала. Союзники с беспокойством следили за неожиданно затянувшейся осадой Севастополя, сдачи которого ожидали через несколько дней после высадки.

Пришла зима с ужасающим ноябрьским штормом, с болезнями, колоссальной смертностью в лагере союзников. В Вене русским послом был уже не Мейендорф, а Александр Михайлович Горчаков, — и Буоль, по мере роста бедствий, которые французам и англичанам приходилось зимой испытывать под Севастополем, становился все дружественнее и сердечнее к Горчакову. Внезапная весть о смерти Николая (в феврале 1855 г.) не надолго оживила надежды на мир. Франц-Иосиф и Буоль получили очень смутившее их странное и неприятное известие из Парижа. Оказалось, что, как только Наполеон III получил известие о смерти Николая, он тотчас же пригласил во дворец саксонского посланника фон Зеебаха, женатого на дочери русского канцлера Нессельроде, и выразил (для передачи новому царю Александру II) свое соболезнование. В Петербурге, конечно, ухватились за это. Через посредство того же Зеебаха тотчас было доведено до сведения Наполеона III письмо Нессельроде к Зеебаху, в котором Нессельроде передавал благодарность Александра II Наполеону и тут же распространялся о том, что России и Франции решительно не из-за чего воевать, и что мир наступит в тот же день, когда этого пожелает Наполеон III. Все эти неожиданные и непринятые в дипломатическом обиходе воюющих стран любезности, казалось, открывали пропасть перед Австрией, да и перед Пруссией; там уже давно с беспокойством говорили, что *страшнее всего для государств Центральной Европы возможный в будущем союз между Французской и Российской империями*. Что если оба императора, как давно советовал А. Ф. Орлов, в самом деле примирятся и затем вдвоем раздерут Австрию на части? А тут подоспело и другое сообщение: будто Наполеон III, смущенный героической обороной Севастополя, подумывает снять осаду города. В самом деле, как потом выяснилось, у французского императора был момент колебаний, когда он, действительно, начинал сомневаться в конечном успехе

осады. Но тут помогло ему неожиданное сообщение, разом вдохнувшее в него новую бодрость. Дело в том, что не только при петербургском дворе и в великосветских салонах столицы с преступным легкомыслием болтали при ком угодно об отчаянном положении Севастополя, об ужасающих донесениях главнокомандующих, сначала Меншикова, потом Михаила Горчакова. Даже сам Николай был крайне неосторожен и перед своей загадочной кончиной часто падал духом и склонен был откровенно делиться своими горестями и тревогами и с прусским послом фон Роховым и с военным прусским атташе графом Мюнстером, которых продолжал считать лучшими друзьями. Граф Мюнстер писал обо всем, что слышал в Зимнем дворце и других дворцах Петербурга, своему другу генералу Леопольду фон Герлаху, любимцу короля Фридриха-Вильгельма IV. Но за Герлахом шпионил другой любимец короля, первый министр Пруссии Мантейфель, и его секретный агент Техен аккуратно выкрадывал из письменного стола Герлаха эти письма. Однако Техен, недовольный слишком скромным вознаграждением, получаемым от Мантейфеля, решил подыскать еще и другого покупателя: такового и притом несравненно более щедрого он нашел в лице маркиза де Мустье, французского посла в Берлине. Все это выяснилось лишь много времени спустя. Таким-то образом французский император, к своей радости, узнал, как безнадежно смотрит главнокомандующий Михаил Горчаков на перспективы обороны, насколько новый царь мало надеется отстоять крепость, как убийственно обстоит дело со снабжением русских войск боеприпасами и т. д. Ввиду всего этого всякие попытки заключить мир до падения Севастополя были прекращены: решено было с удвоенной силой добиваться сдачи Севастополя. 27 августа (ст. ст.) 1855 г. пал Севастополь, и опять возобновилась большая дипломатическая игра. Россия не заключала мира, — переговоры в Вене велись на конференции послов, в которой принимал участие и Александр Горчаков, русский посол в Австрии. Но дело не двигалось с мертвой точки. Пальмерстон, сделавшийся в начале февраля 1855 г. уже первым министром Англии, вовсе не был заинтересован в том, чтобы война окончилась тотчас после взятия Севастополя. В Англии и во всем мире Пальмерстона вообще считали одним из главных виновников долгой, кровопролитной, разорительной войны. Запросы в парламенте и материалы расследования, произведенного парламентской комиссией Робака, выяснили немало упущений в материальной части английской армии под Севастополем; особых лавров во время осады англичане себе не снискали; взяли Севастополь не они, а французы. Словом, Пальмерстон полагал, что только после падения Севастополя и нужно развернуть большую войну. Это для Пальмерстона означало, во-первых, что необходимо

привлечь новых союзников; во-вторых, что следует поощрить французского императора к усилению своей армии путем новых и новых наборов. Только тогда можно будет «поставить Россию на колени» и добыть для Англии плоды этих новых французских побед. А что в Вене заседает конференция послов, которая никак не может договориться насчет «четырех пунктов», это, с точки зрения Пальмерстона, даже хорошо: упорство русской дипломатии ведет к продолжению войны на неопределенный срок, что даст возможность британскому премьеру осуществить свою программу отторжения от России ряда территорий. В первое время после падения Севастополя Пальмерстону казалось, что все идет великолепно. И Наполеон III также думал не о мире и вел переговоры с шведским королем Оскаром I о вступлении Швеции в войну против России.

Позиция Швеции

Эти переговоры оказались безрезультатными. Оскар I требовал, как необходимого условия, посылки в Финляндию 50 тысяч солдат из Франции и Англии, обеспечения завоевания Швецией Финляндии и, главное, гарантии со стороны Англии и Франции вечного владения Финляндией после ее включения в состав Шведского королевства. Пока русские в Петербурге, ни одна страна не может спокойно владеть Финляндией: так категорически заявил король Оскар I маршалу Канроберу, чрезвычайному посланцу Наполеона III, осенью 1855 г. Сообразно с этим Оскар и хотел иметь гарантию двух западных держав против России.

Пальмерстон не видел никаких препятствий к тому, чтобы Наполеон III послал в Финляндию вспомогательную армию в 50 тысяч человек и дал требуемую Оскаром гарантию. Но от обещаний помощи со стороны самой Англии Пальмерстон воздержался. Переговоры остались безрезультатными. Оскар отказался примкнуть к союзникам. Наполеон III очень равнодушно принял эту неудачу.

Еще безразличнее отнесся Наполеон III после падения Севастополя к проектам Пальмерстона насчет Польши, прибалтийских стран, Крыма, Кавказа. Мало того, уже в октябре распространились слухи, что французский император не желает больше воевать, и что, если Александр II согласится начать переговоры о мире на основе «четырех пунктов», то мирный конгресс может открыться хоть сейчас.

Тут союзники опять вернулись к мысли об использовании Австрии.

В распоряжении союзников было одно сильное средство воздействия на Австрию. Еще 2 декабря 1854 г. Австрия подписала союзный договор с Англией и Францией, согласно которому должна была охранять от нового вторжения русских занятые ее войсками Молдавию и Валахию. Кроме того,

Австрия обязывалась оказывать содействие западным державам «решительными мерами». Этот договор оставался мертвой буквой, и никаких «решительных мер» Австрия не предпринимала.

Присоединение Сардинского королевства к союзникам (26 января 1855 г.)

Тогда 26 января 1855 г. Наполеон III решился на давно подготовленный шаг, очень всполошивший Австрию: он заключил договор с королем сардинским Виктором-Эммануилом II, и 15 тысяч пьемонтских солдат отправились под Севастополь. Открыто Сардинское королевство ровно ничего за это от Наполеона III не получало. Это заставляло предполагать, что есть какое-то тайное обязательство, данное французским императором Виктору-Эммануилу II и его министру, искусному дипломату графу Камилло Кавуру. Не подлежало сомнению, что это обязательство заключалось в изгнании Австрии из Ломбардии и Венеции французскими силами и в присоединении этих двух австрийских провинций к Пьемонту. Несмотря на успокоительные заверения Наполеона III, австрийцы окончательно впали в панику. Тогда Наполеон III, желавший скорее кончить войну, категорически потребовал от Австрии выступления, которое должно было заставить Александра пойти на мир. И Франц-Иосиф решился.

По настоянию Буоля, который очень боялся ослушаться французского императора, Александр II был уведомлен, что Австрия заключила военный союз с западными державами и, если Россия откажется начать переговоры на основании «четырех пунктов», то Австрия принуждена будет объявить войну.

Тут, помимо всего, подействовали и сведения, полученные Буолем, что между Тюильрийским и Зимним дворцами налаживаются какие-то непосредственные сношения. Предчувствие Киселева, которое заставило его просить в феврале 1854 г. прощальной аудиенции у Наполеона III, оказалось верным: сношения с Францией возобновились без особых усилий.

Военные действия прекратились. Началась подготовка к дипломатической ликвидации долгого, кровавого побоища.

4. ПАРИЖСКИЙ КОНГРЕСС 1856 г.

Тайные переговоры Наполеона III с Александром II о мире

В середине октября 1855 г. Александр II впервые получил известие, что Наполеон III желал бы начать с ним «непосредственные» сношения. Другими словами, император французов, с одной стороны, давал понять, что он нисколько не стеснен союзом с Англией, а с другой, — что и он тоже (подобно Александру) не очень доволен венскими конференциями.

Уже очень скоро после отказа Швеции примкнуть к коалиции Наполеон III пришел к заключению, что воевать дальше ему незачем, да и шансов на успех имеется немного. Англичане хотели бы продолжать войну. «*Нам грозит мир*», — откровенно писал Пальмерстон своему брату. Английская дипломатия непрочь была, во-первых, отхватить весь Крым до Перекопа и «возвратить» его Турции, затем высадиться на Кавказе, отнять Грузию, отобрать весь юго-восточный Кавказ, создать для Шамиля «Черкессию», а самого Шамиля обратить в покровительствуемого Турцией и Англией вассала, призванного преграждать дорогу русскому продвижению в Персию. Но Наполеон III совсем не желал такого усиления Англии; напротив, в России он уже как будто начинал усматривать полезный в некоторых случаях противовес англичанам. Проливать французскую кровь на Кавказе с целью обеспечения Индии от русского нашествия казалось Наполеону III совершенно излишним. И он дал разрешение графу Морни завязать «частным порядком» сношения с Россией. К Александру Михайловичу Горчакову, русскому послу в Вене, явился в один прекрасный день глава большого банкирского дома Сина и сообщил ему, что получил от своего парижского друга и тоже банкира — Эрлангера — письмо, в котором Эрлангер сообщает об интересном разговоре, бывшем у него с графом Морни. Граф находит, что пора бы французам и русским прекратить бесполезную бойню. Горчаков немедленно уведомил об этом царя и, даже не дожидаясь ответа, заявил банкиру Сина, что тот может от его имени написать своему другу Эрлангеру в Париж нижеследующее. Он, Горчаков, считает, что не только мир, но и прямое сближение между Францией и Россией уже после заключения мира может быть в высшей степени полезно для этих держав. Но условия мира не должны затрагивать чувства национального достоинства России. Морни понял, что это — прямой намек на грозящее России требование об обязательном ограничении военного флота на Черном море. Он ответил Горчакову мягким отказом: нельзя требовать от Наполеона III и от Англии, после всех жертв, понесенных ими под Севастополем, чтобы они отказались от этого требования. За этим первым обоюдным зондированием последовали уже официальные, хотя и тайные, переговоры в самом Париже. Но тут русский канцлер Нессельроде совершил с самого начала бестактность, которая очень повредила делу. Он сообщил венскому двору о начавшихся сношениях России с Парижем. Зачем он это сделал, понять трудно. Повидимому, Нессельроде упрямо тешил себя иллюзией, что солидарность держав Священного союза продолжает существовать, и считал, что нехорошо сговариваться за спиной «дружественной» Австрии. Конечно, Франц-Иосиф и граф Буоль сильно всполошились,

узнав о внезапной перемене настроений Наполеона III и о том, что он может договориться с Александром без участия Австрии. Такой оборот дела грозил Австрии опаснейшей изоляцией. Немедленно Буоль сообщил Наполеону III о полной готовности Австрии окончательно примкнуть к западным державам и предъявить России нечто вроде ультиматума. Наполеон III был удивлен и раздосадован странной откровенностью русской дипломатии и прервал начавшиеся было переговоры.

Все это значительно ухудшило дипломатическое положение России. Наполеону III отныне становилось еще труднее, чем прежде, препятствовать захватническим стремлениям Англии. Буоль торопился, и уже в середине декабря австрийские предложения были вручены Нессельроде.

Австрийский ультиматум России

В этих предложениях России предъявлялись следующие требования:

1) замена русского протектората над Молдавией, Валахией и Сербией протекторатом всех великих держав; 2) установление свободы плавания в устьях Дуная; 3) недопущение прохода чьих-либо эскадр через Дарданеллы и Босфор в Черное море, воспрещение России и Турции держать на Черном море военный флот и иметь на берегах этого моря арсеналы и военные укрепления; 4) отказ России от покровительства православным подданным султана; 5) уступка Россией в пользу Молдавии участка Бессарабии, прилегающего к Дунаю. Эти условия были гораздо тяжелее и унизительнее для России, чем прежние «четыре пункта», на которые ни Николай I, ни Александр II не соглашались в свое время. Австрийские «предложения» были предъявлены ультимативно, хотя и без обозначения точного срока. Но категорически было дано понять, что непринятие условий повлечет за собой объявление Австрией войны России.

Спустя несколько дней после предъявления австрийской ноты Александр II получил письмо Фридриха-Вильгельма IV. Прусский король написал по явному наущению со стороны Буоля и Франца-Иосифа. Письмо, написанное в любезных тонах, содержало прямую угрозу: король приглашал царя взвесить «последствия, которые могут произойти для истинных интересов России и самой Пруссии», в том случае, если Александр отвергнет австрийские предложения. Итак, предвиделось присоединение к Франции и Англии уже не только Австрии, но и Пруссии.

Что было делать?

Вечером 20 декабря 1855 г. в кабинете царя состоялось созванное им совещание. Присутствовало девять человек: Александр II, великий князь Константин, Нессельроде, Ва-

силий Долгоруков, П. Д. Киселев, М. С. Воронцов, Алексей Орлов, Блудов и Мейендорф.

Прения были не очень продолжительны. Все, кроме Блудова, высказывались за решительную необходимость поскорее заключить мир. Царь своего мнения ясно не высказал. Остановились на том, чтобы согласиться на предъявленные условия, кроме уступки Бессарабии. Не соглашались также принять неопределенную, но чреватую последствиями статью австрийской ноты, в которой говорилось о праве союзников предъявлять России, сверх «четырех пунктов», еще «особые условия», если этого потребует «интерес Европы». 10 января Буоль получил в Вене русский ответ, и так как пункт о Бессарабии был включен именно им, то он прибег на этот раз уже к формальному ультиматуму: он заявил, что если по истечении шести дней (после 10 января) Россия не примет всех предъявленных ей условий, то австрийский император порвет с ней дипломатические отношения. Александр II созвал 15 января вторичное совещание. На этом совещании Нессельроде прочел записку, в которой на сей раз возлагал все упования на расположение Наполеона III; на Австрию он махнул рукой, догадавшись, наконец, с большим опозданием, что она не меньший враг России, чем Англия. Собрание единогласно решило принять ультиматум в качестве предварительных условий мира.

Позиция Франции на Парижском конгрессе

Александр II отправил в Париж на мирный конгресс графа Орлова, дав ему в помощники бывшего русского посла в Лондоне барона Бруннова. Орлов с первого до последнего момента своего пребывания в Париже всю свою дипломатическую деятельность основал на сближении с императором французов и на поддержке, которую с самого начала переговоров Наполеон III стал оказывать русскому уполномоченному.

Парижский конгресс начался 25 февраля и окончился подписанием мирного трактата 30 марта 1856 г. Председательствовал граф Валевский, министр иностранных дел Франции, сын Наполеона I от графини Валевской. Уже с первых заседаний конгресса всем его участникам стало ясно, что Валевский будет поддерживать англичан только формально. А вскоре в дипломатических кругах узнали и об интимных беседах, которые вел император Наполеон III с графом Орловым тотчас после прибытия Орлова в Париж.

Этот граф принадлежал к числу наиболее одаренных дипломатическими способностями людей, какие были при дворе Николая, а потом Александра II. Орлов любил дипломатию. В свое время он без колебаний, из соображений карьеры, принял после смерти Бенкендорфа должность шефа жандар-

мов. Но шпионскими делами лично он не занимался. Из брезгливости и по лени он все предоставил Дубельту. У него был брат Владимир, близкий к декабристам, и Орлов от него не отрекся, а поддержал его в трудную минуту. Он же велел снять надзор с Герцена и выдать ему заграничный паспорт, по ходатайству О. А. Жеребцовой, на внучке которой Орлов был женат.

Прибыв в Париж, Орлов сумел с первой же беседы договориться с Наполеоном III о том, что отныне возможно тесное сближение России с Францией, между которыми нет в сущности никаких коренных противоречий. Собеседник Орлова склонен был всецело пойти ему навстречу. Наполеон III достиг всего, чего хотел: Турция была спасена от русского захвата; оружие Франции покрыто новой славой; взят «реванш» за 1812 г.; французский император укрепил свой трон внутри страны и занял первое место в Европе. Наполеону III от России ничего больше не требовалось.

Позиция Англии на конгрессе

Но совсем не так обстояло дело с Англией. Еще до открытия конгресса Пальмерстон, к великому своему огорчению, убедился, во-первых, в том, что Наполеон III не намерен продолжать войну и, во-вторых, что на конгрессе он будет вести себя уклончиво и двусмысленно в отношении своей союзницы — Англии. Пальмерстон понял это, когда в январе и феврале 1856 г. шел спор, допускать ли Пруссию на конгресс или не допускать. Ее присутствия желал Александр II, потому что рассчитывал на ее дружественную поддержку. Но именно поэтому Пальмерстон и отказывался допустить прусских уполномоченных. Он мотивировал это тем, что Пруссия не принимала никакого участия в войне и не пожелала даже выступить так, как выступила Австрия. В этом очень щекотливом вопросе Наполеон III крайне вяло поддерживал Пальмерстона. Пруссию, правда, не допустили, но Пальмерстон уже до начала заседаний понял, что в Париже предстоит нелегкая игра. Наихудшие его опасения оправдались.

Наполеон III ни одним словом не скомпрометировал перед Орловым своей «дружбы» с «союзниками» и не сказал ничего, что Орлов мог бы потом, со ссылкой на него, пустить в ход перед англичанами. Но Орлову это вовсе и не требовалось: ему важно было не то, что говорит Наполеон, а то, как он слушает русского уполномоченного, почему он не прерывает его, в какие минуты он молчит, а когда улыбается. В сущности в две-три послеобеденные беседы в императорском кабинете с глазу на глаз с Наполеоном III, за чашкой кофе, Орлов и выполнил всю работу, и торжественные заседания пленума конгресса уже ничего существенного не изменили и не могли изменить. Сила Орлова заключалась именно в том, в чем Паль-

мерстон с раздражением усматривал свою слабость: Орлов знал, что Англия один-на-один продолжать войну не станет. Следовательно, по всем тем пунктам, по которым существует единство взглядов между Англией и Наполеоном III, России приходится уступать; зато по всем вопросам, по которым между ними чувствуется расхождение, русским уполномоченным нужно упорствовать и отказывать в своей подписи, и англичане ровно ничего с ними не поделают. Очень удачно выбрал себе Орлов помощника: то был барон Бруннов, долго служивший русским послом в Лондоне. Роли распределились так: там, где требовалась решающая работа дипломатической мысли, выступал Орлов; там, где необходимо было терпеливо выслушивать и оспаривать противника, шаг за шагом отстаивая интересы России, главная роль выпадала на долю Бруннова, очень неглупого, хотя и слишком самоуверенного, но опытного, трудолюбивого сановника, поседевшего в дипломатических делах. Все капитально важное, чего Орлов достигал в секретных беседах с императором Наполеоном III, передавалось Орловым барону Бруннову, а тот, уже стоя на твердой почве, знал, как ему разговаривать на торжественных заседаниях конгресса с англичанами.

Так, например, лорд Кларендон и лорд Каули, английские представители, требуют срытия русских укреплений по Черноморскому побережью. Орлов отказывает наотрез. Англичане грозят. Орлов снова отказывает. Австрийский делегат Буоль всецело присоединяется к англичанам. Орлов в третий раз отказывает. Председатель граф Валевский говорит, что поддерживает англичан и австрийцев. Но не только Валевский знал, какова позиция Наполеона III в этом вопросе, — это знал и Орлов. Поэтому Орлов снова отказывает, а Валевский беспомощно разводит руками. В конце концов Орлов побеждает. Далее, возникает вопрос о нейтрализации Черного моря. Тут Орлов, зная мнение Наполеона, уступает; но, когда англичане ставят вопрос о нейтрализации также и Азовского моря, Орлов отказывает. Повторяется та же комедия с Валевским, и снова Орлов одерживает победу. Ставится вопрос о Молдавии и Валахии. Русские уже ушли оттуда, но Орлов не желает, чтобы эти провинции оставались оккупированными Австрией. И русские интересы и нежелание, чтобы Австрия получила такую награду за свое поведение во время Крымской войны, — все это заставляло Александра II и Орлова противиться требованию австрийского уполномоченного Буоля. Орлов, зная, что Наполеон III не желает отдавать Австрии Молдавию и Валахию, противился этому требованию Буоля на конгрессе. Если России и пришлось уступить Бессарабию, то зато и Австрия должна была навсегда проститься с мечтой о бескровном приобретении Молдавии и Валахии. К величайшему своему бешен-

ству, ровно за три дня до окончания конгресса, Буоль убедился, что Орлов и Бруннов достигли своей цели. Буоль нарочно оттягивал вопрос о Дунайских княжествах; он рассчитывал как-нибудь между делом, уже при разъезде, вырвать у конгресса желанное разрешение — оставить без изменений оккупацию Молдавии и Валахии австрийскими войсками. И вдруг, председатель конгресса Валевский 27 марта холодным, строго официальным тоном предложил Буолю осведомить конгресс: когда именно австрийцы освободят Молдавию и Валахию от своих войск? Делать было нечего. Австрия ушла с конгресса, не получив от союзников уплаты за свой ультиматум России от 2 декабря 1855 г. Орлов лучше Буоля понял, каково истинное значение участия на конгрессе министра Сардинского королевства Кавура.

Условия мира

Возвращение Карса, взятого русскими в конце 1855 г., нейтрализация Черного моря, уступка Бессарабии — таковы были главные потери России. На отмену исключительного русского протектората над Валахией, Молдавией и Сербией Орлов согласился без возражений. Современники приписывали сравнительно сносные условия мира не только повороту политики Наполеона III, не желавшего дальше ослаблять Россию и этим помогать Англии, но и тому сильному впечатлению, которое произвела на весь мир длившаяся почти год героическая оборона Севастополя. Это сказалось и в том, что могущественнейший в тот момент монарх в Европе Наполеон III, немедленно после подписания 30 марта 1856 г. Парижского мира, стал искать союза с Россией.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ (1861—1865 гг.)

Две социальные системы в Северной Америке

Семена гражданской войны в Северной Америке были посеяны еще в период войны за независимость XVIII века. В результате ее рядом с капиталистическим производством сохранилось и развивалось рабство как «нарост на капитализме».

Усиление рабства привело к тому, что с 30-х годов XIX века американская демократическая республика оказалась в руках южных плантаторов-рабовладельцев. Интересы рабовладельцев стали «путеводной звездой» внешней политики Соединенных штатов.

По настояниям плантаторов-хлопководов Юга Соединенные штаты в 1810—1812 гг. захватили Западную Флориду. В 1818 г. они ввели войска в Восточную Флориду; в 1845 г. — аннексировали отложившийся от Мексики Техас; в 1846—1848 гг. — воевали с Мексикой и отняли у нее богатейшие плодородные территории; в 1854 г. они заявили притязание на Кубу.

До поры до времени рабство и капиталистическое производство существовали рядом. Но наступил момент неизбежного столкновения «двух социальных систем». В 1860 г. Соединенные штаты раскололись: их стали называть «разъединенными штатами».

В этом социальном конфликте дипломатии южан и северян Соединенных штатов предстояло сыграть исключительно важную роль.

Соотношение сил между Севером и Югом было явно не в пользу последнего. На Севере было 23 штата с населением в 22 миллиона человек. Юг имел 11 штатов с населением в 9 миллионов. Юг собирался воевать за сохранение рабства, а в числе этих 9 миллионов было около 4 миллионов рабов-негров. Но, главное, Север имел развитую промышленность, которой на Юге не было вовсе, неизмеримо более развитую сеть железных дорог и судоходных каналов. В случае длительной войны у южан не было никаких шансов на победу.

Но южане, начиная войну, все же надеялись победить. Расчет их был следующий: ввиду того что весь кадровый состав небольшой федеральной армии находился в руках плантаторов-рабовладельцев, они предполагали, двинув в бой регулярные части и присоединив к ним милицию южных штатов с наспех сформированной кавалерией, быстрым ударом захватить столицу Союза и, опираясь на первые успехи, добиться вооруженной интервенции Англии и Франции.

Возможность такой интервенции казалась южанам несомненной.

Английская буржуазия стремилась к уничтожению опасного соперника в лице промышленности северо-восточных и западных штатов Америки. В случае победы Юга над Севером Соединенные штаты опять превратились бы в колонию Англии; Франция тоже стремилась к захватам в Америке.

Таким образом, весь расчет южан был построен не на возможности победы своими силами, а на помощи английских и французских интервентов.

4 марта 1858 г. один из политических лидеров Юга, сенатор Джон Гаммонд из Южной Каролины, сказал: «Без единого пушечного выстрела и не обнажая меча мы можем поставить на колени весь мир, если они посмеют начать с нами войну... Что произойдет, если в течение трех лет не будет поставки хлопка? Я не буду подробно останавливаться на том, что каждый из вас может себе представить, но одно не подлежит сомнению: Англия сделает все возможное и мобилизует весь цивилизованный мир, чтобы спасти Юг. Нет, вы не посмеете воевать с хлопком. Нет такой власти на земле, которая посмела бы воевать с ним. *Хлопок правит миром*» [1].

Исходя из этих соображений, южане интересовались не столько стратегическим планом, сколько вопросами о признании Юга Англией и Францией и о том, чтобы склонить правительства этих стран к военной помощи Югу.

Начало войны

Гражданская война была войной не с иностранным государством, а между двумя частями одного государства. Поэтому и процедура объявления войны в этом случае отличалась от общепринятой. На другой день после взятия южанами форта Семтер Линкольн призвал 75 тысяч волонтеров в милицию всех штатов Союза для подавления заговора в южных штатах (15 апреля 1861 г.). Лицам, составившим заговор против Союза, Линкольн давал 20 дней, чтобы рассеяться и вернуться к мирным занятиям.

17 апреля 1861 г. президент Конфедерации крупный рабо-

---

[1] *Фолькнер Г. У.*, История народного хозяйства США, М.—Л., 1932, стр. 279.

владелец Джефферсон Дэвис издал прокламацию о выдаче документов на каперство для борьбы против торгового и военного флотов Соединенных штатов. Через два дня Линкольн ответил на это объявлением блокады Юга, квалифицируя южное каперство как пиратство. Таким образом, когда фактически война уже началась, произошло ее объявление Югом Северу и Севером Югу.

Прошло две недели после открытия военных действий. 28 февраля 1861 г. были получены вести о начале интервенции европейских держав в Америке.

Первой выступила Испания. Испанцы, имея своей базой Кубу, попытались отобрать у Негритянской республики Сан-Доминго восточную часть острова, которая была прежде испанской колонией.

2 апреля 1861 г., несмотря на то, что Соединенные штаты не имели официальных отношений с Негритянской республикой Сан-Доминго, статс-секретарь Соединенных штатов (министр иностранных дел) Сюард обратился с письмом к испанскому послу в Вашингтоне с протестом против испанского вторжения. 1 июля 1861 г. испанский посол известил Сюарда об аннексии Негритянской республики. В данный момент положение было настолько трудным, что Соединенные штаты предпочли выжидательную тактику в этом вопросе.

Следующим этапом интервенции европейских государств в американские дела было признание Англией южных штатов воюющей стороной. 3 мая 1861 г. эмиссары мятежников Юга Янси и Рост были впервые приняты Росселем — английским министром иностранных дел в кабинете Пальмерстона. По настоянию посла Соединенных штатов в Лондоне Далласа, они были приняты неофициально. Даллас получил заверение Росселя в том, что решения по вопросам, связанным с гражданской войной, будут приняты правительством только после прибытия нового посла, назначенного Союзом, Чарльза-Френсиса Адамса. Однако еще до приезда Адамса в Лондон, 6 мая Россель направил послу Англии в Вашингтоне Лайонсу инструкцию, уведомляя о решении правительства признать Юг воюющей стороной. Адамс прибыл 13 мая, но в тот же день, до того, как он был принят, английское правительство уже утвердило декларацию о нейтралитете. Этой декларацией Юг признавался не мятежными штатами, а воюющим государством. Декларация 13 мая была шагом к признанию Конфедерации, а следовательно, и к вступлению в войну против Союза, который с полным основанием рассматривал конфедератов как заговорщиков и мятежников. Показателен тот факт, что сейчас же за опубликованием декларации английское правительство послало в американские воды свой военный флот.

Интервенция Англии, Франции и Испании в Мексике

Новым этапом агрессии европейских держав в Америке было подписанное в Лондоне 31 октября 1861 г. соглашение между Великобританией, Францией и Испанией об интервенции в Мексике.

В декабре испанские войска уже высадились в Вера-Круц. В январе 1862 г. к ним присоединились войска Англии и Франции. Соединенные штаты протестовали против интервенции. Однако только окончание гражданской войны позволило им добиться увода французских войск; английские и испанские войска были отозваны несколько ранее.

Инцидент с «Трентом» (1861 г.)

Вскоре после начала интервенции трех держав в Мексике, предпринятой, как указывает Маркс, по инициативе Пальмерстона, над самими Соединенными штатами, терпевшими тяжкие поражения на фронте, нависла угроза английской интервенции. Объявленная Союзом блокада Конфедерации, почти исключавшая возможность вывоза американского хлопка, вызвала сильнейшее раздражение в Европе. 26 марта 1861 г. английский посол в Америке лорд Лайонс при свидании с Сюардом заявил: «Если Соединенные штаты решаются приостановить силой столь важную для Великобритании торговлю с производящими хлопок штатами, я не отвечаю за то, что может произойти».

8 ноября 1861 г. эмиссары рабовладельцев Мэзон и Слайдель были сняты с английского купеческого судна «Трент» капитаном военного корабля Соединенных штатов «Сан-Джацинто». Пленники были доставлены в Бостон. Шовинистическая печать Англии и Франции воспользовалась этим случаем, чтобы поднять невероятный шум, требуя войны с Союзом. Единственным формальным укором капитану Уилксу было то, что он захватил и доставил в Бостон послов Конфедерации, не задержав корабля, на котором они находились. Но Джон Буль «бешеный, с взъерошенными бакенбардами» пылал гневом и, казалось, его нельзя было удержать от войны. Лорд Россель потребовал выдачи Мэзона и Слайделя в семидневный срок. Английские войска уже были посланы в Канаду; на верфях Англии работы производились днем и ночью.

Выступление английских рабочих против поддержки южан

«Пальмерстон хочет войны, — писал Маркс 25 декабря 1861 г., — английский народ ее не хочет. Ближайшие события покажут, кто одержит верх в этом поединке — Пальмерстон или народ»[1]. События показали, что, кроме официальной дипломатии буржуазии, в 1861 г. уже существовала неофициальная, непризнанная сила — меж-

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XII, ч. II, стр. 297.

дународная солидарность пролетариата. По всем крупным промышленным центрам Англии прокатилась волна рабочих митингов: одним из главных инициаторов этого движения был Маркс. Несмотря на хлопковый голод, который оставил без работы и без хлеба массу людей, рабочие протестовали против позорной интервенции в гражданскую войну на стороне рабовладельцев и грозили гражданской войной и самой Англии.

В то же время правительство Севера Америки заняло уступчивую позицию. Оно освободило эмиссаров южан и создало, таким образом, еще одно препятствие для интервенции из Европы.

Подлинные мысли и чувства английских рабочих и рабочих других стран Европы выразил I Интернационал в своем обращении к Линкольну по поводу победы, одержанной им на президентских выборах 1864 г.

«Рабочие Европы выражают уверенность, — гласило обращение, — что, подобно тому как американская война за независимость открыла для буржуазии новую эру подъема, так и американская война против рабства принесет то же самое рабочему классу».

Итак, расчет рабовладельцев, что английская буржуазия организует интервенцию, оказался ошибочным.

Другой ошибкой южан была их надежда на магический эффект запрещения вывоза хлопка. Нуждаясь в деньгах, они сами стали вывозить хлопок, пытаясь прорвать блокаду. Кроме того, голод 1861 г. в Европе сделал вопрос о пшенице еще более важным, чем вопрос о хлопке, а Союз, несмотря на гражданскую войну, вывозил в Европу огромное количество пшеницы.

Однако ни южане, ни руководители английского и французского правительств не оставили надежды на совместное участие в войне. Пальмерстон и Наполеон III решили выждать хода внешних событий и вмешаться, как только южане нанесут северянам решительный удар.

В следующем, 1862, году правительство Линкольна все еще не решалось на освобождение рабов. Север снова терпел одно поражение за другим. Сторонники интервенции опять подняли голову.

Позиция Франции

В апреле 1862 г., во время одной из бесед с Наполеоном III, эмиссар южан Слайдель настаивал на признании Францией Конфедерации. Наполеон III в принципе высказался за признание, но ответил, что «ни одна держава, кроме Англии, не располагает достаточным флотом для того, чтобы оказать Франции действенную помощь в войне на океане...» Этим император дал понять, что, если бы Англия согласилась признать Конфедерацию, он также сделал бы это. Слайдель предлагал организовать выступление против Соединенных штатов вместе

с Испанией, Австрией, Пруссией, Бельгией, Голландией, Швецией и Данией. Он заверял Наполеона III, что Соединенные штаты, в случае признания Францией Конфедерации, не объявят ей войну, «так как у них уже достаточно заняты руки домашними делами».

Несмотря на заманчивые обещания Слайделя, император отклонил немедленное признание Конфедерации и лишь обещал тайно помочь постройкой военных судов. На этом беседа закончилась. Но в середине июля 1862 г., в период новых тяжелых поражений северян на фронте, Наполеон III послал французскому послу Тувенелю телеграмму следующего содержания: «Запросите у английского правительства, не считает ли оно, что настал момент для признания Юга». Однако в палате общин по настоянию Пальмерстона предложение об интервенции было отклонено. Английское правительство выжидало окончательного исхода военных действий, оказывая в то же время помощь конфедератам.

29 июля 1862 г. крейсер, построенный для Конфедерации на верфи Лайярда в Ливерпуле, несмотря на протесты посла Соединенных штатов Адамса, был с ведома английского правительства выпущен из Англии. Этот крейсер «Алабама» каперствовал на морях и в океанах до июня 1864 г.; он потопил 65 кораблей Соединенных штатов и уничтожил имущества на 5 миллионов долларов. 19 июня 1864 г. «Алабама» встретилась с крейсером Соединенных штатов «Кирсадж», который ее потопил после упорного боя. Кроме «Алабамы», подобным же образом были построены в Англии каперы конфедератов «Флорида», «Георгия», «Шенандоа» и др. [1]

14 сентября 1862 г. Пальмерстон принял окончательное решение и написал Росселю, предлагая признать Конфедерацию. Россель ответил, что заседание кабинета для разрешения этого вопроса будет назначено на 23 или 30 сентября.

Отмена рабства (1863 г.)

За эти дни положение резко изменилось. За время между письмом Пальмерстона и предполагавшимся заседанием английского кабинета в Соединенных штатах была издана предварительная прокламация об освобождении рабов.

Союз стал на путь войны «по-революционному». Решающий шаг, вызвавший подъем внутри страны и огромные симпатии к Союзу со стороны всей демократической Европы, был сделан.

Когда в Англии было получено известие о решении Союза уничтожить рабство в Соединенных штатах, вопрос о признании Юга опять был снят с повестки заседания кабинета. Однако

[1] По Вашингтонскому договору 1871 г. и по решению арбитража в Женеве Англия была принуждена уплатить Соединенным штатам в возмещение убытков, причиненных «Алабамой» и другими каперами, — 15,5 миллиона долларов.

французское правительство сделало новую попытку выступления в пользу Юга.

31 октября дипломатические представители Англии и России были извещены французским правительством о предлагаемом Францией проекте совместного выступления трех держав. Было намечено предложить перемирие на 6 месяцев, снятие блокады и открытие американских портов для европейской торговли. Но Россия отклонила французское предложение. Английское правительство, ссылаясь на Россию, также ответило несогласием. Огромную роль и на этот раз сыграло активное сопротивление этому проекту английских рабочих, вторично организовавших ряд массовых митингов протеста.

После отмены рабства внутренние и внешние дела Конфедерации настолько ухудшились, что вице-президент Конфедерации Александр Стифенс, один из самых ярых идеологов рабовладения, предложил для победы над Севером последовать его примеру и отменить рабство и на Юге. Но конгресс в Ричмонде не решился и не мог решиться на это.

Победы северян под Гетисбургом и Виксбургом в июле 1863 г. и наступивший общий перелом в ходе военных действий в Северной Америке сделали интервенцию Англии и Франции окончательно невозможной.

Позиция России

В 1863 г. произошло несколько неожиданное сближение Соединенных штатов и России. Этому сближению способствовали напряженные отношения России с Англией и Францией, особенно обострившиеся в 1863 г.[1] В настоящее время известно, что Пальмерстон и Наполеон III не думали всерьез о войне с Россией из-за польского вопроса. Но тогда в России исходили из представления о неизбежности такой войны.

В связи с создавшейся обстановкой было решено послать две русские эскадры в Америку. План отправки эскадр за океан был утвержден Александром II, и в июле 1863 г. управляющий морским министерством вручил контр-адмиралу Лесовскому секретную инструкцию.

Посылка эскадр в Атлантический и Тихий океаны была произведена на основе смело задуманного плана наступательных операций в неминуемо ожидавшейся войне с Англией и Францией. Как показал опыт конфедератского крейсера «Алабама», крейсеры-каперы могли нанести огромный вред торговле и военному флоту неприятеля.

В сентябре 1863 г. две русские эскадры — одна под командой адмирала Лесовского, другая — адмирала Попова — прибыли:

[1] В начале 1863 г. Франция, Великобритания и Австрия предъявили русскому правительству протест против его репрессий в Польше. В апреле же был начат перевод русской армии на военное положение и произведены работы по дальнейшему укреплению Кронштадта.

первая в Нью-Йорк, вторая в Сан-Франциско. Главной задачей посылки эскадр было создать угрозу на путях английской мировой торговли, чтобы повлиять этим на позицию Англии в польском вопросе.

В докладной записке управляющего морским министерством Краббе на имя Александра II уже намечался план избрать определенные американские порты для встречи эскадр. При этом Краббе упоминал о том, что каперский флот Союза представляет собой огромную силу.

В противовес планам морского ведомства, в министерстве иностранных дел явно опасались политического эффекта посылки эскадр в Америку. Вице-канцлер, министр иностранных дел, князь Горчаков и посланник в Соединенных штатах барон Стекль лишь задним числом выразили удовольствие по поводу блестящего эффекта, достигнутого выходом флота на мировые торговые пути, и его пребывания в Америке. Царский посол в Лондоне, «Нестор российской дипломатии», престарелый барон Бруннов, был даже в отчаянии от этого шага.

Симпатии царского правительства были на стороне южан, но противоречия с Англией и Францией заставляли его пойти на путь сближения с Севером. Разумеется, слухи о формальном союзе между Россией и Соединенными штатами не имели оснований. Но посылка эскадр в порты воюющего государства неизбежно вела к положению, близкому к фактическому союзу. За время пребывания в Америке в двух случаях русские суда даже оказали давление на военные суда южан прямой угрозой военных действий.

Благожелательная позиция, занятая Россией в период гражданской войны в Соединенных штатах, сыграла немалую роль в общей международной ситуации и оказала несомненную помощь Соединенным штатам.

Принципы американской дипломатии

В научной исторической литературе имеются две различные и даже противоположные оценки основных принципов дипломатии Соединенных штатов.

Одни историки считают, что вся история Соединенных штатов тесно связана с европейской политикой. Другие полагают, что политика изоляции была основным принципом Соединенных штатов. На самом деле, нет никакого сомнения в том, что история Соединенных штатов и ее внешняя политика тесно связаны с европейской — да и с мировой историей,— начиная с возникновения Соединенных штатов Америки.

Имеется некоторое недоразумение с содержанием самого понятия «изоляционизм». Изоляционизмом иногда называют неучастие Соединенных штатов в войнах в Европе и в политических и военных союзах европейских государств. Но отказ от активной роли в Европе отнюдь не означал действительного

и полного самоустранения Соединенных штатов от европейской и мировой политики; Соединенные штаты всегда принимали в ней участие, но большей частью в качестве пассивной силы, своими маневрами влияя на ход событий в Европе. Таким образом, изоляционизм — это не изоляция от Европы, а участие в европейских делах путем пассивных маневров.

В войне за независимость, кроме английских колоний, принимали участие Англия, Франция, Испания, Голландия. К ней косвенно имели отношение и те державы, которые примкнули к вооруженному нейтралитету. Таким образом, она была событием мировой истории. Отказ Соединенных штатов от союза с Францией в 1793 г., в период революции во Франции и ее борьбы с Англией, имел большое значение для европейской истории. Приобретение Луизианы в 1803 г., участие Соединенных штатов в 1805 г. в войне в Средиземном море против корсаров алжирского бея, захват Флориды, доктрина Монро, война с Мексикой, роль Соединенных штатов в период гражданской войны, дальневосточная экспансия Соединенных штатов в 40-х—60-х годах, — все это были события, сыгравшие свою роль в мировой истории.

Если поставить вопрос, внесла ли американская дипломатия что-либо принципиально новое в историю этого института, то на него нужно ответить следующее: за исключением 70-х годов XVIII века и периода 1863—1865 гг., американская дипломатия своими методами и целями мало чем по существу отличалась от дипломатии Старого Света.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

НАПОЛЕОН III И ЕВРОПА. ОТ ПАРИЖСКОГО МИРА ДО НАЧАЛА МИНИСТЕРСТВА БИСМАРКА В ПРУССИИ (1856—1862 гг.)

1. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА НАПОЛЕОНА III В ЕВРОПЕ

А. М. Горчаков как дипломат.

После Парижского мира Наполеон III казался некоторое время суперарбитром Европы. Так его называли тогда не только придворные льстецы, но и многие авторитетные буржуазные публицисты за границей.

В первые два-три года казалось, что и Пальмерстон в Англии счел за благо забыть о коварном поведении Наполеона на Парижском конгрессе и старался лишь, чтобы император не вздумал итти дальше по опаснейшему для Англии пути сближения с Россией. А это сближение быстро прогрессировало. В России тотчас после Парижского конгресса министерство иностранных дел перешло из рук Нессельроде в руки князя Александра Михайловича Горчакова.

Это был человек умный, проницательный, с широким кругозором. Горчаков, конечно, не блистал глубиной образования, но ближайшую к современности дипломатическую историю Европы знал хорошо. Характера он был довольно независимого, за что его не терпел и долго не давал ему ходу канцлер Нессельроде. Вот что припомнил по поводу его назначения известный эмигрант 50-х и 60-х годов, сотрудник герценовского «Колокола» князь Петр Владимирович Долгоруков: «В 1825 году князь Горчаков взял отпуск в Россию на несколько месяцев; проезжая через Псковскую губернию, он свернул с дороги, чтобы посетить опального товарища своей юности знаменитого Пушкина, в то время сосланного в деревню отца своего, в село Михайловское, и жившего там под надзором местной полиции. Со стороны двадцативосьмилетнего дипломата, ехавшего в Петербург в аракчеевскую эпоху, поездка в деревню для посещения опального друга была весьма благородным поступком».

Пушкин, его лицейский товарищ, писал потом об этом поступке Горчакова: «Фортуны блеск холодный не изменил души твоей свободной».

Горчаков держался несравненно независимее с Александром II, чем Нессельроде с Николаем.

Он изложил основы своей политики и в докладе Александру II тотчас после своего назначения и в циркулярных нотах, которыми оповестил Европу о предстоящей дипломатической роли России. «La Russie se recueille» («Россия сосредоточивается»); Россия воздерживается от активного вмешательства в европейские дела; Россия оправляется от потерь и понесенных жертв. Это — одна основа будущей политики. Другая состоит в том, что Россия отныне не намерена жертвовать своими интересами для поддержания принципов Священного союза и считает себя совершенно свободной в выборе своих будущих друзей.

Эти основы политики Горчакова как нельзя более соответствовали тенденциям дипломатической деятельности Наполеона III после Парижского конгресса.

С одной стороны, Россия предоставляла французскому императору полную свободу рук; с другой — Горчаков явно и с ударением намекал на Австрию, когда говорил о разочаровании России в своих былых союзниках по Священному союзу. А, между тем, перед Наполеоном III постепенно вырисовывалась новая задача, разрешение которой должно было принести ему не только новые военные лавры, но, в противоположность Крымской войне, также и большую территориальную добычу. Речь шла об изгнании Австрии с Апеннинского полуострова.

Сближение Наполеона III с Александром II

Обстоятельства складывались очень благоприятно для замыслов французского императора. Отношения с Россией после Парижского мира улучшались чуть не с каждым месяцем. В 1856 г. на торжества коронования Александра II в Москве Наполеон III послал одного из самых доверенных своих лиц, графа де Морни, который еще во время Крымской войны говорил о необходимости поскорее мириться. Народу, окружавшему в день обряда коронования Успенский собор и весь Кремль, бросилось в глаза, что Морни в сопровождении всей свиты остановил свои кареты очень далеко от собора, и все французское посольство с непокрытыми головами прошло пешком довольно длинный путь. Другие посольства так не поступали. В дальнейшем Морни не переставал выказывать исключительное почтение к царю. Всюду, по любому поводу и без всякого повода Морни не переставал говорить о пользе франко-русского союза для обеих империй и о том, что этот союз может дипломатически господствовать в Европе и во всем мире. Аристократия в Петербурге приняла графа Морни очень хорошо. Женившись на русской (княжне Трубецкой), француз-

ский посол стал и в Москве и в Петербурге совсем своим человеком. Царь явно к нему благоволил и принимал его запросто. Морни удалось без труда добиться нескольких ценных экономических льгот для французских капиталистов в России, и он, торжествуя, доносил Наполеону в Париж: «Я вижу в России рудник для французской эксплоатации».

Но создать франко-русский союз Морни не удалось. Причин неудачи было несколько. Во-первых, для создания франко-русского союза требовалось расторгнуть союзные отношения, продолжавшие соединять Англию и Францию и после Крымской войны. А принять Россию в этот союз Англия ни за что не хотела, да и России подобный «тройственный союз» был не нужен. Ведь враждебные происки Пальмерстона против России продолжались и на Кавказе, и в Персии, и в Турции, и в других местах. Во-вторых, Наполеон III сам сильно повредил делу, проводимому графом Морни, обнаружив при личном свидании с Александром II, что он заинтересован вопросом эмансипации Царства Польского. «Со мной осмелились заговорить о Польше», — с раздражением заявил царь своим приближенным об этом инциденте.

Но, если дело и не дошло до франко-русского союза, то, тем не менее, Наполеон III мог быть вполне уверен, что и Александр II и Горчаков крепко держатся за идею дипломатического сотрудничества России с Францией, и что во всяком случае, если Франция нападет на Австрию, то Россия не только не поможет австрийцам, но займет по отношению к Франции позицию дружественного нейтралитета.

Ухудшение англо-французских отношений

Более сложно обстояло дело с Англией. Пальмерстон с большим беспокойством присматривался и к успехам Морни в Москве и Петербурге, и к свиданию обоих императоров, и к согласованным действиям Франции и России в 1857—1858 гг. в вопросе создания из Молдавии и Валахии нового государства — Румынии. Пальмерстон раздражался всем этим и сначала пробовал было прибегнуть к методу угроз и застращиваний. Но это нисколько не помогло. Наполеон III, встретив мужа королевы Виктории, принца Альберта, сообщил ему, что он, император, раз навсегда приказал своим дипломатам не показывать ему никаких нот или меморандумов, исходящих от Пальмерстона, потому что Пальмерстон не умеет прилично их писать. Впрочем, и без этого оскорбительного выпада со стороны императора английский премьер очень сильно сбавил тон со второй половины 1857 г.: страшное восстание сипаев поставило под угрозу английское владычество во всей Индии, и английская дипломатия опасалась раздражать своего могущественного соседа. В 1858 г., когда уже довольно конкретно наметилось нападение на Австрию, Наполеон III имел

основания не ожидать большого противодействия со стороны Англии. А кроме того, в самом начале 1858 г. случилось событие, показавшее Наполеону III, что Пальмерстон его боится.

14 января 1858 г. произошло покушение итальянского революционера Феличе Орсини и его товарищей на Наполеона III. Заговорщики хотели убить Наполеона, в котором видели главное препятствие к объединению Италии: император поддерживал своим римским гарнизоном светскую власть папы Пия IX. Кроме того, в Италии в это время широко распространилось мнение, что Наполеон III коварно обманул Кавура и, несмотря на участие в Крымском походе 15 тысяч итальянских солдат, решительно ничего не предпринимает, чтобы помочь делу итальянского народа. Орсини и его товарищи были гильотинированы.

Во время следствия было выяснено, что Орсини и его сообщники подготовили заговор и запаслись метательными снарядами в Англии. Во французской прессе поднялась яростная кампания против Англии, якобы «дающей убежище убийцам». Наконец, даже в официальном органе Французской империи «Монитер» была напечатана резкая и угрожающая резолюция полковников французской императорской гвардии, направленная против Англии. В Англии аристократия и буржуазия были смущены; среди них даже замечалось нечто, очень похожее на панику

Пальмерстон испугался гнева Наполеона III, хотя тот вовсе не собирался напасть на Англию. Сгоряча Пальмерстон внес в парламент законопроект, направленный против эмигрантов, проживающих в Англии, — другими словами, уничтожавший право убежища. Обсуждался этот законопроект, когда паника первых дней, обуявшая английскую буржуазию после покушения Орсини, уже начала проходить, и когда призрак французского нашествия рассеялся, как дым. Законопроект Пальмерстона провалился 19 февраля 1858 г., и Пальмерстон подал в отставку. Его заменил на посту премьера консерватор лорд Дерби, а министром иностранных дел стал лорд Малмсбери, старинный друг Наполеона III. Правда, Наполеон очень хорошо понимал, что английская политика руководствуется не личными отношениями, и что в Англии уже знают, что французский император готовится к войне с Австрией. Но, наблюдая английскую панику после покушения Орсини, император удостоверился, что со стороны Англии опасность не угрожает, и что путь здесь так же свободен, как и со стороны России.

Отношение государств Германского союза к Австрии

Но, прежде чем сделать первые решительные шаги в намеченном направлении, император поручил своему министерству иностранных дел выяснить настроения в государствах Германского союза. С этой потенциальной, хотя и не очень

вероятной, а, главное, не очень близкой опасностью тоже приходилось считаться. Здесь, бесспорно, существовало довольно значительное течение в пользу Австрии: оно было сильно в тех государствах Союза, где преобладал так называемый «великогерманский» план воссоединения Германии вокруг Австрии. Но явно сильнее было течение, возглавляемое Пруссией и поддерживавшее «малогерманскую» программу воссоединения германских государств вокруг Пруссии, с исключением Австрии. За эту «малогерманскую» программу стоял и быстро выдвигавшийся на первое место в Пруссии прусский посол в Петербурге граф Отто фон Бисмарк. Бисмарк уже давно видел в лице Австрии главного врага Пруссии, и его мнение, по слухам, разделял и сам принц-регент Вильгельм, к которому перешло управление государством в связи с умопомешательством короля Фридриха-Вильгельма IV. Было маловероятно, чтобы Пруссия вдруг пожелала спасти Австрию от грозящего ей удара. Значит, и с этой стороны путь к нападению на габсбургскую державу оказывался свободным. Итак, Россия, Англия, Пруссия не вмешаются и не спасут Австрии от поражения.

Соглашение между Наполеоном III и Кавуром в Пломбьере (20 июля 1858 г.)

К 20 июля 1858 г. Наполеон III пригласил первого министра Сардинского королевства Кавура прибыть в курорт Пломбьер. Здесь император и Кавур определили основу своего договора и условились о ближайшем распределении дипломатических ролей. Нечего и говорить, что переговоры велись под покровом глубочайшей тайны. Наполеон потребовал, чтобы Сардинское королевство уступило ему две провинции: Савойю и графство Ниццу. За это Наполеон III соглашался вступить в союз с Виктором-Эммануилом II, королем Сардинским, и вместе с ним объявить войну Австрии, причем обязывался не складывать оружия, пока австрийцы не будут изгнаны из Ломбардии и Венеции. Обе эти итальянские области, принадлежащие пока Австрии, должны были поступить в державное обладание сардинского короля.

Таковы были основы соглашения, которое оставалось секретным приблизительно полгода. В январе 1859 г. оно стало достоянием гласности.

Несмотря на всю тайну пломбьерских переговоров, в Австрии уже осенью 1858 г. почувствовали опасность и начали усиленно готовиться к войне. Очень большие приготовления развернулись и во Франции и в Сардинском королевстве. 1 января 1859 г. в Тюильрийском дворце, в Париже, происходил обычный новогодний прием дипломатического корпуса. Неожиданно Наполеон III, остановившись перед австрийским послом графом Гюбнером, произнес следующие слова: «Я сожалею, что наши отношения с вашим правительством стали менее дружественными, чем были прежде».

После этой демонстрации никто в Европе уже не сомневался, что война неизбежна. Но оставался один очень важный вопрос: нужно было добиться, чтобы Австрия объявила войну Сардинскому королевству по собственной инициативе. Дело в том, что конституция Германского союза давала право Австрии требовать от Германского союза военной помощи в случае оборонительной войны. Следовательно, нужно было устроить так, чтобы эта война оказалась с дипломатической точки зрения наступательной с австрийской стороны.

Но австрийский император вел себя самым осторожным образом в этом опаснейшем положении, не отвечая на провокации и как будто не замечая оскорблений. Тогда его враги изменили тактику.

Кавур стал очень искусно распространять и раздувать слухи о полнейшей дезорганизации и слабости сардинской армии, о растерянности при дворе Виктора-Эммануила II, о том, что воинственный министр Кавур будет отдан не сегодня-завтра под суд как государственный изменник, продавший в Пломбьере Наполеону III Савойю и Ниццу, и т. д. С своей стороны французские послы в Вене и в мелких итальянских государствах, связанных с Австрией, через многочисленных своих шпионов и через газеты распространяли слух, будто Наполеон III боится войны с Австрией и, наверное, не выступит с армией, а ограничится лишь дипломатической помощью. Эта новая тактика увенчалась полным успехом. В Австрии созрела решимость объявить войну Сардинскому королевству и быстро покончить с этой постоянной угрозой.

Вскоре после свидания в Пломбьере Наполеон III послал своего двоюродного брата принца Наполеона Бонапарта в Варшаву, куда прибыл Александр II; тут русский царь выразил полную готовность дипломатически помогать Наполеону III в подготовке разгрома Австрии. Вот почему Наполеон III и Александр II одновременно категорически отклонили предложение Малмсбери о посредничестве и предложили созвать «конгресс держав». В то же время, сбивая Франца-Иосифа и его министра Буоля с толку, французские агенты и их сотрудники внушали австрийским дипломатам, аккредитованным при европейских дворах, что не следует на этот «конгресс» допускать Виктора-Эммануила. Австрия последовала этим советам и столь нелепым требованием сама провалила конгресс. Между тем Кавур и Наполеон III придвинули армию к самой границе. Тогда Буоль, кругом обманутый ложными сведениями, предъявил 23 апреля 1859 г. Сардинии ультиматум. Только это и требовалось: Австрия лишилась права на поддержку со стороны Германского союза, и военные действия начались при самой выгодной для французов и сардинцев дипломатической обстановке.

Война Франции и Италии с Австрией (1859 г.)

Соединенная франко-сардинская армия одержала ряд побед над Австрией при Монтебелло и Маджженте. Затем австрийцам был нанесен сокрушительный удар при Сольферино, после чего можно было ожидать полного очищения Ломбардии от австрийских войск. И вдруг вся Европа была поражена непредвиденным событием: через несколько дней после Сольферино, когда дезорганизованная австрийская армия отступила, в ставку императора Франца-Иосифа явился флигель-адъютант Наполеона III герцог де Кадор с предложением заключить перемирие. Франц-Иосиф тотчас же ответил согласием. Не успели Виктор-Эммануил II и Кавур опомниться, как перемирие было подписано 8 июля в городе Виллафранке обоими императорами — Наполеоном III и Францем-Иосифом. Виктора-Эммануила Наполеон III даже не удостоил уведомить о своем внезапном решении и забыл пригласить его в Виллафранку. Патриотическая итальянская пресса была возмущена до последней степени этим предательством. Война окончилась, и Наполеон III вернулся в Париж. Что сардинское войско будет воевать в одиночку, без французов, об этом можно было говорить только в шутку.

Мотивы Наполеона III были вполне ясны. Во-первых, Наполеон III опасался, что в случае затяжной войны ему придется одновременно воевать не только на реке По, но и на реке Рейне. Во-вторых, он вовсе не желал объединения Италии, тем более революционным путем, хотя и разглагольствовал о своем сочувствии «принципу национальности». Его раздражало, что государства Средней Италии — Тоскана, Парма, Модена — явно стремятся к объединению с Сардинским королевством, тогда как он уже приготовился посадить на трон Тосканы своего двоюродного брата принца Наполеона Бонапарта. В-третьих, превращение Сардинского королевства в Итальянское предполагало уход французского гарнизона из Рима и уничтожение светской власти папы. Это уже заранее приводило в ярость французских клерикалов, расположением которых император очень дорожил. В-четвертых, вообще создавать рядом с Францией новую, довольно большую державу Наполеону казалось сейчас излишним, а в будущем — опасным. В-пятых, продолжать войну значило быть готовым к новым тяжким жертвам со стороны французской армии, потому что за этот месяц войны с австрийцами император Наполеон III и его генералы в достаточной степени удостоверились, как воюют итальянцы. А кроме всего этого, ведь он-то, император, успел с самого начала войны заполучить в свои руки ту добычу, из-за которой и согласился напасть на Австрию, т. е. Савойю и Ниццу. Из-за чего же теперь продолжать войну?

Наполеон знал, конечно, что своим неожиданным поступ-

ком ставит Кавура в невозможное положение. Кавур в знак негодования и протеста подал в отставку. Ни малейшего впечатления на Наполеона III это не произвело.

Вскоре Кавур снова стал министром Сардинского королевства.

Двойственная роль России в деле итальянского объединения

В Европе обратили большое внимание на двойственную роль Александра II в деле итальянского объединения. Пока речь шла лишь о том, чтобы разгромить австрийскую армию и унизить Франца-Иосифа, Александр II всецело сочувствовал и Наполеону III и Кавуру. Но когда в том же 1859 г. и потом, в 1860 г., отдельные «местные» революции покончили с владетельными князьями в Тоскане, Парме, Модене, а Гарибальди в 1860 г. разделался с неаполитанскими Бурбонами,— царь стал крайне неудачно, во имя все тех же обветшалых «принципов» 1815 г., выражать враждебность делу объединения. А когда во второй половине 1860 г. Франц-Иосиф стал продвигать свои войска к ломбардо-венецианской границе, Горчаков организовал 22 октября 1860 г. свидание в Варшаве трех монархов: русского, австрийского и прусского. Здесь царь решительно отсоветовал Францу-Иосифу что-либо предпринимать.

Что касается Наполеона III, то в 1860—1862 гг. он вел такую политику, которая могла бы сблизить его с Александром II. Эта политика была решительно враждебна всяким попыткам сардинского правительства, — превратившегося уже официально в 1861 г. в правительство «королевства Италии», — закончить объединение Италии.

Французский император прямыми угрозами заставил короля Виктора-Эммануила вооруженной рукой отразить попытку Гарибальди захватить Рим в 1862 г. Откровенно своекорыстные мотивы, которые заставили Наполеона в 1859 г. выступить в пользу Сардинского королевства, были уже достаточно ясно разоблачены обстоятельствами и условиями внезапного Виллафранкского перемирия. Теперь, в 1860—1862 гг., недоверие и затаенная вражда к Наполеону стали господствующими чувствами и правительства и народных масс Италии.

2. КОЛОНИАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ НАПОЛЕОНА III

Война в Индо-Китае (1858—1862 гг.)

С 1860 г. начинается ряд колониальных войн Франции. Этими войнами Наполеон III старался приобрести популярность в среде крупной буржуазии, с которой был интимно связан.

С 1858 г., и особенно с 1860 г., ведется истребительная война французов в Индо-Китае. В 1862 г. эта война после упорного сопротивления туземцев завершается завоеванием Кохинхины.

В Англии долго не отдавали себе ясного отчета, что, собственно, нужно французам в Индо-Китае. Французская дипломатия с необычайной ловкостью целыми годами беззастенчиво лгала в глаза Пальмерстону, будто речь идет лишь о приобретении небольшой «угольной станции», а вовсе не о завоевании громадного и богатейшего края. Когда все кончилось, французским газетам позволено было предаться шовинистическому самовосхвалению. Тогда только Пальмерстон увидел, что «союзник» снова его обманул. Вскоре после завоевания Кохинхины французы заставили короля обширной и богатой соседней Камбоджи формально признать протекторат Франции над этой страной, после чего французские колониальные власти начали уже подбираться и к Сиаму. И в этой части Азии (в Индо-Китае) французская дипломатия ставила англичан, единственно возможных тогда конкурентов, лицом к лицу с «совершившимися фактами».

Неудачная попытка Наполеона III утвердиться в Сирии

В мае 1860 г. Наполеон III затеял новое колониальное предприятие. В турецкой Сирии в мае 1860 г. между мусульманами — друзами и маронитами (христианами, примыкавшими с XIII века к католической церкви) произошла кровавая борьба. Англиканские и, отчасти, пресвитерианские миссионеры тайно подстрекали друзов, среди которых вели свою пропаганду, против маронитов; тех в свою очередь настраивали соответственным образом католические миссионеры. Хуже всего для друзов и для маронитов было то, что за англиканскими и пресвитерианскими миссионерами стояла английская дипломатия, а за католическими — французская. Больше 5 тысяч маронитов было вырезано в 1860 г. в Дамаске при деятельнейшем участии турецких солдат и полицейских чинов. Была резня и в Бейруте и в других местах. Министр иностранных дел Франции Тувенель, пригласив английского посла в Париже лорда Каули, предложил ему немедленно созвать комиссию из представителей великих держав и прежде всего послать вооруженный отряд для прекращения зверств и убийств, учиняемых друзами. Будучи в курсе дела, лорд Каули прикинулся было, что не верит в размеры резни (шедшей уже два месяца с перерывами), и пытался отделаться юмористическими и скептическими замечаниями. Но Тувенель обнаружил большую настойчивость, а Наполеон III велел ему снестись кроме того с Горчаковым. Пальмерстону было дано знать, что дело так оставлено не будет, и что если Англия будет медлить, то французы и русские выступят совместно. Пальмерстон на эту удочку и попался. Лорду Каули было велено немедленно проявить самое живое и теплое участие к маронитам.

После всех этих проволочек Пальмерстон подписал в Лондоне 3 августа соглашение с французским правительством.

Он боялся, что французам удастся захватить Сирию. Но и тогда Наполеон III не увел из Сирии своих войск под предлогом, что не может быть спокоен за маронитов. Наконец, дело дошло до неприятных объяснений. Лорд Россель, министр иностранных дел в кабинете Пальмерстона, объявил в парламенте, что Англия не позволит создавать в Сирии такое положение, которое существует с 1849 г. в городе Риме, где французские войска стоят уже одиннадцать лет. Это заявление, сделанное 21 февраля 1861 г. после семимесячных тщетных английских попыток заставить французские войска уйти из Сирии, произвело большое впечатление. Наполеон III вовсе не собирался воевать с Англией из-за Сирии, и в июне 1861 г. французские войска были оттуда выведены. На этот раз попытка захватить Сирию окончилась неудачей.

Англо-французская экспедиция в Китае (1860 г.)

В 1860 г. английское и французское правительства были заняты совместной экспедицией в Китае. Эта экспедиция вызвана была энергичной, откровенно захватнической политикой обеих держав, вперегонку старавшихся заполучить в свою пользу хотя бы часть богатств беспомощной страны, раздираемой внутренними междоусобиями. Конкурентов не было. Русские на Амуре в счет не шли. Следовательно, английским и французским дипломатам оставалось лишь сговориться между собой о полюбовном размежевании Китая. Еще в 1858 г., в один и тот же день, 26 июня, Китай принужден был подписать в Тяньцзине два грабительских торговых и политических договора, навязанных ему Францией и Англией. Уже после подписания этих договоров китайцы сделали отчаянную попытку вооруженным восстанием отстоять себя против насильников. Это повело к жесточайшей карательной экспедиции французов и англичан в Китай в 1860 г. Французские и английские войска огнем и мечом прошли от Чифу через Тяньцзинь к Бейшину (Пекину) и сожгли императорский Летний дворец. Все это происходило под верховным наблюдением и руководством не военных властей, а дипломатов: французского полномочного посла барона Гро и английского — лорда Эльджина. Генералы были им подчинены. Столь необычная комбинация объяснялась тем, что, действуя сообща, оба правительства зорко следили друг за другом. И Пальмерстон и Наполеон III боялись, что если выпустить генералов из-под надзора, то либо англичане, либо французы совершат под шумок территориальный захват.

Мексиканская авантюра Наполеона III (1862—1864 гг.)

Сирийская и китайская экспедиции оказались колониальными приключениями, которые не имели серьезных последствий. Но в 1862 г. Наполеон III затеял новое, гораздо более крупное и сложное колониальное предприятие: завоевание Мексиканской республики и превращение Мексики в вассальную им-

перию, зависимую от Франции. Эта авантюра, которую льстецы, приспешники и царедворцы называли «великой мыслью царствования» Наполеона III, не должна была ограничиться одной только Мексикой. В случае прочного обоснования французов в Мексике предполагалось поставить на очередь вопрос о захвате в той или иной форме всей Южной Америки или хотя бы некоторых из южноамериканских государств и о создании вассальной «Латинской империи». Бесцеремонное колониальное грабительство под маской туманных фантазий о будущем романских народов, о латинской цивилизации, о ведущей роли «кельтско-латинской» расы составляло существенный элемент политики Наполеона III. Захват Мексики заранее похваливали и фабриканты и банкиры, надеясь на большие барыши. Бранить эту авантюру крупная буржуазия начала лишь тогда, когда она не удалась.

Но в начале предприятия все, казалось, шло как по маслу. Основным условием, сделавшим вообще возможной эту авантюру, была упорная и все разраставшаяся гражданская война в Соединенных штатах. Президент США Авраам Линкольн, начиная с 1862 г. и до самой своей смерти, лишен был возможности сколько-нибудь действенно протестовать против такого вопиющего нарушения доктрины Монро, каким являлась мексиканская авантюра Наполеона III. Вторым условием, облегчившим вначале Наполеону осуществление его затеи, была та позиция, которую заняло английское правительство. Пальмерстон считал для Англии и в политическом и в экономическом отношении крайне желательной победу южан (рабовладельцев) над северянами и как прямое следствие победы — распадение Соединенных штатов на две независимые федерации. Наполеон III вел точь-в-точь такую же политику в отношении междоусобной войны, раздиравшей Соединенные штаты. При таком совпадении позиций Англии и Франции в данном вопросе вести враждебную Наполеону III линию Пальмерстон явно не хотел.

Итак, дипломатических препятствий не предвиделось, и нападение на Мексику могло осуществиться. Предлог был найден до курьеза ничтожный. Еще в 1860 г., во время смут, происходивших в Мексике (и к концу того же года прекращенных мексиканским президентом Бенито Хуаресом), вождь повстанцев, консерватор и ярый клерикал Мирамон получил заем от парижского банкира Жеккера, в делах и прибылях которого принимал деятельнейшее участие всемогущий любимец Наполеона герцог Морни. Участвовали в этом займе также банкиры Англии и Испании. Когда Бенито Хуарес подавил восстание, он сначала вовсе отказался уплатить долг, а потом пошел на компромисс и внес ничтожную часть суммы. По предложению Наполеона III, три державы — Франция, Англия и Испания — организовали морскую демонстрацию

у берегов Мексики. Но недолго продолжались совместные действия трех держав. Пальмерстон, бывший одним из главных инициаторов мексиканской экспедиции, узнал уже в конце 1861 г., что Наполеон III, заручившись поддержкой могущественных в Мексике клерикалов, ведет переговоры с братом австрийского императора Франца-Иосифа эрцгерцогом Максимилианом, которого хочет посадить на мексиканский престол. Тогда Пальмерстон решил отступиться от всего этого мексиканского предприятия. Такую же позицию заняло и испанское правительство. Но Наполеону III их дальнейшее участие и не требовалось: оно могло только ему помешать.

В 1862 г. началась затяжная война в Мексике. Людей и денег она поглощала очень много, и уже с 1863 г. Наполеон III стал явно охладевать к своей фантастической авантюре. У него были очень существенные причины уже тогда раскаиваться в своей затее, которая отвлекала его отборные войска из Европы, где они как раз могли бы пригодиться для существенной поддержки французской дипломатии.

Именно в том году, когда началась многолетняя мексиканская война, на арену европейской политики выступил граф Отто фон Бисмарк, который стал 24 сентября 1862 г. президентом совета министров в Пруссии.

3. БИСМАРК КАК ДИПЛОМАТ

«Самим провидением мне суждено было быть дипломатом: ведь я даже родился в день первого апреля», — шутил сам Бисмарк, когда бывал в хорошем настроении духа. Острый ум подсказывал ему нужные, наиболее целесообразные решения, а конечные его цели были очень точны и вполне реальны. От природы темперамент был у него неукротимый; порывы его страстей в молодости были таковы, что соседи по имению называли его «бешеным Бисмарком»; но железной силой воли он умел их смирять и совсем переделал себя. Даже в том перевороте, — иначе нельзя это назвать, — который произошел в его основных воззрениях на задачи прусской политики в 50-х годах, сказалось это умение подчинять свои бурные страсти холодному, проницательному разуму. Монархист, феодал, типичный бранденбургский юнкер, реакционный, озлобленный революцией восточно-прусский помещик, Бисмарк кричал в 1848—1849 гг., что виселица должна быть «в порядке дня»; он яростно ненавидел Франкфуртский парламент, самочинно собравшийся в 1848 г.; он бурно одобрял разгон этого парламента прусскими штыками. И, однако, тот же Бисмарк начинает понемногу понимать, что воссоединение Германии, которое неудачно пытался провести этот самый Франкфуртский парламент, все равно произойдет, и что бороться против этого безнадежно.

Лишь став во главе объединительного течения можно было спасти прусскую монархию и привилегированное положение ее дворянства. Бисмарк отлично сознавал, что этому неизбежно будут мешать все великие державы континента, для которых невыгодно возникновение нового могущественного государства в центре Европы. Сообща они могут раздавить Пруссию. Значит, политика Пруссии должна быть направлена к нейтрализации по крайней мере Франции и России. Что с Австрией придется воевать, как с врагом объединения Германии под эгидой Пруссии, это Бисмарк предвидел еще в середине 50-х годов, считая, что никакими дипломатическими хитростями нельзя будет заставить габсбургскую державу выйти добровольно из Германского союза. Что вообще без войны дело объединения Германии не обойдется, это ему тоже казалось бесспорным. «Не словами, но кровью и железом будет объединена Германия», — говорил он.

Еще до того, как в сентябре 1862 г. Бисмарк стал почти самостоятельным хозяином прусской внешней политики, он успел побывать последовательно на трех важных постах. Сначала он был уполномоченным прусского правительства при Франкфуртском сейме; здесь он пережил Крымскую войну и очень пристально изучал людей и положение отдельных германских государств, а особенно Австрии. Затем Бисмарк был послом Пруссии в Петербурге; тут он изучил Александра II и впервые почувствовал умного и опасного противника в Горчакове, звезда которого тогда только восходила. Наконец, после Петербурга, Бисмарк побывал короткое время послом Пруссии в Париже. Здесь он приглядывался к Наполеону III и правильно оценил сильные и слабые стороны бонапартизма. Глубже, чем кто-либо из писавших о Бисмарке, Энгельс изучил Бисмарка и назвал его как-то немецким Наполеоном III.

Таким образом, сделавшись первым министром Пруссии в расцвете сил (ему было в 1862 г. сорок семь лет), Бисмарк пришел на этот пост во всеоружии большой и разносторонней осведомленности и богатого дипломатического опыта.

Предстоявшая Бисмарку труднейшая историческая задача осложнялась тем внутренним кризисом, который переживала Пруссия. Свою деятельность в Берлине Бисмарк начал с того, что изо всех сил боролся против намерения короля Вильгельма I отречься от престола из-за обострения конституционного конфликта между прусским ландтагом и правительством. Король Вильгельм, вступивший на престол в 1861 г. шестидесяти четырех лет, растерялся и не видел выхода. Это был недалекий человек, реакционер самого старого, затхлого типа; но так как, вступая на престол, он присягнул конституции, то и не считал себя вправе ее нарушить и тратить на армию те военные кредиты, которые отказался отпустить ландтаг. Бисмарк убедил

Вильгельма, что можно сколько угодно нарушать конституцию, потому что, если прусская армия поможет объединить Германию вокруг Пруссии, то не только классы, представленные в ландтаге, но и сам ландтаг забудут о своей оппозиции. Король покорился Бисмарку, и с тех пор, вплоть до смерти Вильгельма I в 1888 г., Бисмарк пользовался королем, как пользуются государственной печатью, прикладываемой к важным бумагам. В частности Вильгельм I всецело предоставил Бисмарку дела дипломатические, к которым сам король органически был неспособен. «Я не могу, как вы, имея всего две руки, разом подкидывать и ловить пять шаров», — выразился он однажды по поводу ловкости своего министра в сложной игре дипломатических интриг. Симуляция грубоватой откровенности, которой Бисмарк так долго и с таким успехом дурачил почти всех дипломатов (кроме Горчакова), пускалась им в ход и в отношении короля Вильгельма. Король убежден был, что Бисмарк обманывает всех на свете, но только не своего монарха. В этом старый король заблуждался: его-то самого Бисмарк обманывал чаще, чем кого-либо, и легче, чем кого-нибудь. Правда, от предоставления Бисмарку всей полноты фактической власти и от самоустранения от дипломатических дел король Вильгельм в конечном счете только выиграл. Но до триумфов, которыми судьба озарила последние годы Вильгельма, в тот момент, когда Бисмарк взял в свои руки руль государства, было еще далеко. Предстояла тяжелая борьба.

4. ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ В СВЯЗИ С ПОЛЬСКИМ ВОССТАНИЕМ 1863 г.

Позиция Пруссии в отношении польского восстания (1863 г.)

Бисмарк часто говорил, что у всякого человека, следовательно, и у всякого дипломата, бывает так, что ему везет, и счастье пролетает совсем близко от него; разница между дипломатом искусным и бездарным заключается в том, что первый успевает вовремя ухватиться за край одежды пролетающей мимо него фортуны, а бездарный непременно прозевает и упустит этот момент. Для самого Бисмарка таким нежданным счастьем явилось восстание 1863 г. в русской Польше. В самом начале восстания Бисмарк думал некоторое время, что, в конце концов, Россия должна будет отказаться от Польши. «Тогда мы начнем действовать, — говорил он, — займем Польшу, и через три года там все будет германизировано». Когда слушавший эти предположения вице-президент прусской палаты депутатов Берендт выразил сомнение в том, серьезно ли говорит Бисмарк или шутит, то его собеседник возразил: «Ничуть не шучу, а говорю серьезно о серьезном деле». Но слабость

повстанцев и безнадежность военной их победы с каждым месяцем становились все более очевидными. Тогда Бисмарк решил, что пользу из польского дела можно извлечь иным способом. Бисмарк и король прусский Вильгельм I взяли решительный курс на «великодушную» помощь царскому правительству.

Великодушие заключалось в том, что 8 февраля (27 января) 1863 г. Горчаков и присланный из Берлина генерал фон Альвенслебен подписали в Петербурге конвенцию, по которой русским войскам позволялось преследовать польских повстанцев даже на прусской территории. Далеко не все в России были довольны этой добрососедской предупредительностью. Например, наместник Царства Польского, брат Александра, Константин не скрывал, что ему все это не очень нравится. Чувствовалось, что Бисмарк преследует какие-то свои цели. И действительно: с большой торжественностью, с нарочитыми таинственными умолчаниями и намеками Бисмарк, к неприятному удивлению Горчакова, обнародовал основное содержание конвенции. При этом Пруссия изобразила дело так, будто за конвенцией скрываются какие-то секретные пункты уже не частного, но общего значения. Наполеон III, а за ним Англия, сейчас же ухватились за то, что Польша стала в силу самого факта Петербургской конвенции предметом международно-правовых соглашений и дипломатических переговоров двух держав: России и Пруссии. На этом основании Наполеон III и Пальмерстон заявили, что и они желают вступить с Александром II в переговоры по поводу Польши.

Выступление Франции, Австрии и Англии по вопросу о польском восстании 1863 г.

Наполеон III тотчас же повел оживленные переговоры с Австрией по польскому вопросу. Хотя, выступая с какими бы то ни было протестами по этому вопросу, Австрия, участвовавшая во всех трех разделах Польши, ставила себя в весьма неестественное положение, Франц-Иосиф в конце концов уступил Наполеону III. Австрийское министерство иностранных дел только выговорило себе право выступить не одновременно с двумя западными державами и составить свою ноту в более сдержанных выражениях.

17 апреля английский и французский послы представили Горчакову свои ноты; два дня спустя, 19 апреля, Горчакову была вручена и австрийская нота.

Резче всех выступила Англия. С 1 июля 1859 г. пост английского министра иностранных дел занимал лорд Джон Россель. Он принадлежал к тому поколению английских государственных людей, которое, уже начиная с русско-турецкой войны 1828—1829 гг., догадывалось о внутренней слабости русского государственного организма. Лорд Россель, уверенный в том, что Рос-

сия в 1863 г. не в состоянии вести новую войну против Англии и Франции, решил действовать на нее прямым устрашением. Исходя из ложного тезиса, будто Александр I в 1815 г. обязался перед Венским конгрессом дать Польше конституцию, Россель развил в своей ноте ту мысль, что Россия, не давая Польше политической самостоятельности, исключает себя из общения с цивилизованным миром. Французская нота в более вежливых тонах, чем английская, указывала на всеевропейское значение польского вопроса и предлагала перенести его на новый европейский конгресс. Австрийская нота ограничивалась вялыми рассуждениями о беспокойстве, которое вносит неразрешенный польский вопрос в жизнь Габсбургской монархии, а также самой России и Пруссии.

Начались совещания у царя. С одной стороны, возникали опасения, не подготовляется ли вновь против России «крымская комбинация», т. е. не грозит ли России война с Англией, Францией и, может быть, с Австрией; к такой войне Россия была решительно не готова ни в военном, ни в финансовом отношении. С другой стороны, уступить требованиям трех держав, да еще при почти нескрываемой угрозе со стороны двух из них, значило подвергать риску целостность Российской империи. Согласиться на конгресс было равносильно тому, чтобы заранее примириться не только с отделением Царства Польского, но и с неизбежной постановкой вопроса о Литве, Белоруссии и Правобережной Украине. Александр II, нередко терявшийся в трудных условиях, в данном случае решил не сдаваться. Ноты были вежливо отклонены, но, по совету Горчакова, была торжественно обещана амнистия польским инсургентам, если они в условленный срок сложат оружие.

Однако восстание в Польше и Литве все более разрасталось. В России нарастало большое возбуждение. В Петербург летели адресы, заявления, резолюции, которые требовали отклонения вмешательства иностранных держав. В среде дворянства и купечества разгорались шовинистические страсти. Но и в белорусском и украинском крестьянстве польские притязания вызывали лишь ожесточение.

Французский посол в Петербурге герцог Монтебелло, потомок знаменитого наполеоновского маршала Ланна, и английский посол лорд Нэпир внимательно наблюдали за всем, что происходит в России. Они настойчиво доносили в Париж и Лондон о том, что Россия ни в каком случае не уступит без вооруженной борьбы. Если Англия и Франция, писали они, не собираются воевать, тогда лучше всего бросить опасную затею. Оба посла прибавляли от себя совет: прекратить игру с огнем.

Хотя Наполеон III и не желал воевать в тот момент (он достаточно занят был только что начатой войной в Мексике), он тем не менее не внял предостережениям своего посла. На

энергичное противодействие России его подбивали из Англии как Пальмерстон, так и Россель. Оба лорда еще меньше, чем Наполеон III, были расположены в тот момент воевать с Россией, но, натравливая французского императора на Александра II, они на время выводили из строя двух своих опасных соперников. При этом Англия решительно ничем не рисковала: русский флот как боевая сила в тот момент был почти равен нулю. Решено было представить русскому правительству новые ноты. Эти новые ноты 1863 г. были еще более угрожающими, чем апрельские. От России не только требовали согласиться на созыв конгресса великих держав для решения польского вопроса; в виде предварительных мер, царю рекомендовалось: во-первых, провозгласить в Польше общую амнистию, не ставя ее в зависимость от окончания вооруженного восстания; во-вторых, созвать представительное собрание в Польше; в-третьих, даровать Польше местную автономию; в-четвертых, обеспечить права католической церкви; в-пятых, ввести польский язык в правительственные учреждения и учебные заведения в Царстве Польском; в-шестых, издать удовлетворяющие поляков новые правила о рекрутских наборах. На этот раз колебаний ни у Горчакова, ни у Александра II не было. Согласиться на все это, да еще вдобавок на конгресс, означало признать полное политическое поражение империи. Горчаков принял ноты и объявил, что державы получат от него письменный ответ. В июне 1863 г., т. е. примерно через месяц после вручения нот, последовали три ответные депеши Горчакова русским представителям: барону Бруннову в Лондон для передачи английскому правительству, барону Будбергу в Париж для передачи французскому императорскому правительству и Балабину в Вену для передачи Францу-Иосифу. Ответ был резко отрицательный. Польский вопрос объявлялся делом, касающимся исключительно России, но не Европы. Все требования отклонялись решительно и безусловно.

Англия и Наполеон III попали в трудное положение. Сначала лорду Росселю и французскому императору показалось целесообразным, чтобы их представители попробовали еще устно припугнуть Горчакова. Дело в том, что английское и французское правительства, своими выступлениями спровоцировав поляков на отказ от амнистии и на продолжение безнадежного восстания, тем самым взяли на себя тяжкую ответственность за жестокие репрессии царского правительства: муравьевское кровавое усмирение было летом 1863 г. в полном ходу. Принять поэтому дипломатическую пощечину от Горчакова и никак на нее не реагировать казалось невозможным.

И вот лорду Нэпиру и герцогу Монтебелло, которые с самого начала считали польское дело безнадежным, а вмешательство западных держав бесцельным и рискованным, пришлось на-

правлять по адресу Горчакова угрозы, в которые они сами не верили, и проявлять возмущение, которого не ощущали. Горчаков, на этот раз уже окончательно удостоверившись, что никакой военной интервенции в пользу поляков не будет, снова отвечал послам самым категорическим отказом. Смысл его элегантных французских фраз сводился к одному: никакого вмешательства Россия не потерпела в апреле, когда еще восстание продолжалось, не потерпит подавно и теперь, в июле, когда оно уже окончательно догорает.

Тогда Англия и Франция решили сделать новую попытку спастись от грозившего им полного дипломатического поражения. В нотах, переданных ими русскому правительству 3 августа, они заявили, что считают русское правительство единственным виновником польского восстания. Напрасно Россия не желает следовать советам западных держав: пусть она винит самое себя за серьезные последствия, которыми грозит в дальнейшем восстание.

Вслед за этой нотой лорд Россель написал еще одну ноту, в которой прямо заявлял, что Россия, нарушившая свои обязательства в отношении Польши, никаких прав на дальнейшее обладание ею не имеет. Другими словами, пребывание русских войск в Царстве Польском является отныне в глазах английского правительства беззаконным актом; он уже сам по себе оправдывал бы вооруженное вмешательство европейских держав в любой момент, который они сочли бы для этого удобным. Такая нота была почти равносильна объявлению войны. Во всяком случае она делала неизбежным разрыв дипломатических сношений между Англией и Россией.

Однако нота Росселя писалась не для того императора, который обитал в Зимнем дворце, в Петербурге, а для другого, который проживал в Тюильри, в Париже. Наполеон III узнал содержание грозной ноты немедленно; но до Александра II ей дойти не пришлось. Она была, правда, отправлена в Петербург британскому послу лорду Нэпиру, но тот, очевидно, сообразив в чем дело, и не подумал передавать ее Горчакову, а возвратил ее лорду Росселю, рекомендуя «пересмотреть» ее содержание. Лорд Россель нисколько не удивился этому поступку своего посла, которого вообще очень ценил за сообразительность. Он стал ждать, что сделает Наполеон III. Однако Наполеон, несмотря на видимую решимость Англии итти на разрыв с Россией, все-таки от войны отказался. Проделка лорда Росселя не удалась.

Отказ Англии от вмешательства в польские дела

Снова лорд Россель и Пальмерстон, стоявший за его спиной, оказались в затруднительном положении. Из него они нашли простой выход, ярко характеризующий беспринципность английской дипломатии. 26 сентября 1863 г. лорд Россель в публичной речи вдруг заявил:

«Ни обязательства, ни честь Англии, ни ее интересы — ничто не заставляет нас начать из-за Польши войну с Россией».

Спустя месяц и восемь дней после этого заявления Росселя, Наполеон III сделал еще одну попытку дипломатического вмешательства в польский вопрос. У него явилась мысль соблазнить Александра II возможностью пересмотра и уничтожения той статьи Парижского мира 1856 г., которая воспрещала России держать военный флот на Черном море. Так как это можно было провести только на новом всеевропейском конгрессе, то Александр II мог и согласиться участвовать на таком конгрессе. А уж когда конгресс соберется, на нем можно будет поставить общий вопрос о пересмотре ненавистных для династии Бонапартов условий Венского трактата 1815 г., а заодно рассмотреть и польский вопрос. Если даже для Польши ничего не выйдет хорошего, — все равно, поляки не смогут отныне утверждать, что Франция ничего для них не пыталась сделать. 4 ноября 1863 г. Наполеон III обратился к европейским государям с приглашением созвать конгресс.

Эта игра сразу же натолкнулась на противодействие, потому что была отлично разгадана и Пальмерстоном и лордом Росселем: они сообразили, что конгресс грозит Англии, во-первых, появлением нового русского флота, угрожающего Константинополю, и, во-вторых,—что гораздо важнее и опаснее,—новым сближением Франции с Россией. Решено было немедленно отказаться от участия в затеваемом Наполеоном III конгрессе.

Конгресс, конечно, не состоялся бы и без того по одному тому, что Горчаков, не взирая ни на какие соблазнительные перспективы насчет отмены оскорбительной статьи Парижского трактата 1856 г., ни в коем случае не желал, чтобы на конгрессе поднимался польский вопрос, да еще тогда, когда восстание было уже совершенно сломлено. Но Горчаков, со свойственной ему выдержкой узнав, как забеспокоился Пальмерстон, предпочел несколько помедлить со своим отказом. Его расчет оказался совершенно правильным: первый по времени отказ на свое предложение Наполеон III получил не из Петербурга, а из Лондона, что и требовалось Горчакову. Расчет Горчакова на несдержанность и нетерпеливость Пальмерстона оправдался блистательно. Англо-французские отношения становились все холоднее. Когда польское восстание было уже окончательно подавлено, Пальмерстон 26 мая 1864 г. громогласно заявил в палате общин, что самая мысль о войне Англии с Россией из-за Польши была бы «сумасшествием», и настойчиво утверждал в той же речи, что только «польская близорукость» виновата, если кто-либо из поляков поверил в возможность подобной войны.

Так дело окончилось полной дипломатической победой России.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ДИПЛОМАТИЯ БИСМАРКА В ГОДЫ ВОЙНЫ С ДАНИЕЙ И АВСТРИЕЙ (1864—1866)

1. ПРУССКО-ДАТСКИЙ КОНФЛИКТ ИЗ-ЗА ШЛЕЗВИГ-ГОЛЬШТЕЙНА

Во время восстания в русской Польше Бисмарк сумел извлечь из своей политики крупный дипломатический барыш. Конец 1863 г. принес прусскому министру еще одну огромную удачу: произошло охлаждение между Англией и Францией вследствие отказа Англии от участия в предполагавшемся Наполеоном III конгрессе. Три могучие силы — Россия, Англия, Франция, — которые могли бы, действуя вместе, раздавить всякую попытку объединения германских государств вокруг Пруссии, шли врозь. А тут еще подвернулся новый благоприятный случай для начала обширнейшей дипломатической операции, в общих чертах давно уже задуманной Бисмарком.

Вопрос о владении Шлезвиг-Гольштейном после смерти Фридриха VII

15 ноября 1863 г. скончался датский король Фридрих VII, и на престол Дании вступил его наследник Христиан IX. Немедленно встал вопрос о том, кому владеть соединенными с Данией Гольштейном и Шлезвигом.

Наследственные права на Гольштейн и Шлезвиг нового датского короля были давным давно, еще в 1852 г., обсуждены и повсеместно признаны всеми державами, в том числе и Пруссией. Но не в юридических и генеалогических тонкостях, конечно, было дело. В этих хитросплетениях, которых еще с XVIII века никто не мог распутать, не могли, конечно, разобраться ни Бисмарк, ни Пальмерстон, ни Горчаков, ни Наполеон III. Лорд Пальмерстон заявил однажды, — правда, не для огласки, а в интимном кругу, когда пришла весть о первых шагах Бисмарка по шлезвиг-гольштейнскому вопросу, в самом конце 1863 г.: «Во всей Европе еще недавно шлезвиг-гольштейнский вопрос понимали три человека—принц Альберт [муж королевы Виктории], один старый датчанин и я. Но принц Альберт, к несчастью, недавно умер; старый датчанин

сидит теперь в доме умалишенных, а я совершенно забыл, в чем там дело».

Бисмарк вовсе и не гнался за честью быть четвертым, постигшим вопрос о юридических правах датского короля на обладание Шлезвигом и Гольштейном. Он лишь решил сделать из этого вопроса новое средство для выполнения своих планов. Пруссия должна была явиться перед всеми германскими государствами, перед всем германским народом в ореоле освободительницы «германских братьев» и как бы взять в свои руки дело национального возрождения, так грубо оборванное Австрией и Николаем I в 1850 г.

Позиция России

Обстоятельства в 1864 г. складывались для Пруссии несравненно благоприятнее, чем за четырнадцать лет до того. Николай I давно умер. Его преемник был теперь, после польского восстания, полон самых дружественных чувств по отношению к своему дяде, королю Вильгельму I, и к Бисмарку. Правда, Горчаков не разделял этого энтузиазма своего повелителя и уже давно начал чувствовать в прусском первом министре очень опасного и пронырливого политического деятеля под личиной мнимого прямодушия и грубоватой откровенности. Чем яснее Бисмарк видел, до какой степени Горчаков не верит ни одному его слову, тем более разгоралась в нем ненависть к русскому дипломату. Все злобные инсинуации, которые расточал в своих письмах, а потом в своих воспоминаниях Бисмарк по адресу Горчакова, прежде всего тем и объясняются, что Горчаков оказался несравненно умнее, чем это было нужно Бисмарку. «Личная его неприязнь ко мне, — пишет Бисмарк, силясь унизить Горчакова, — была сильнее чувства долга перед Россией... Он не хотел услуг от нас, а стремился отдалить Россию от Германии... тщеславие и зависть ко мне были в нем сильнее патриотизма... Горчаков старался доказать царю, что моя преданность ему и мои симпатии к России лицемерны или в лучшем случае только платонического свойства, и стремился поколебать доверие [Александра II] ко мне, что ему впоследствии и удалось». Впрочем, воспоминания о польском деле были еще слишком свежи в памяти царя. Поэтому Бисмарк мог пока и не беспокоиться относительно возможности русского противодействия по шлезвиг-гольштейнскому вопросу, несмотря на подозрительность, которую обнаруживал Горчаков.

Позиция Англии, Франции и Австрии

Но оставались Англия, Франция, Австрия. Все три державы имели серьезные мотивы для борьбы против замыслов Бисмарка в шлезвиг-гольштейнском вопросе. Тут прусский министр и проявил впервые на общеевропейской арене свои дипломатические дарования. Прежде

всего ему необходимо было успокоить Англию и Францию и внушить им, что он отнюдь не стремится включить «приэльбские герцогства» (т. е. Шлезвиг и Гольштейн) в состав Пруссии. Следовательно, Пальмерстону незачем беспокоиться, что удобнейшие морские берега на Северном и на Балтийском морях перейдут во владение более сильной, чем Дания, державы; Наполеону же нет нужды подозревать, что ближайшая соседка, Пруссия, значительно усилится и по размерам территории и по количеству населения. Поэтому, когда германский сейм, заседавший во Франкфурте, потребовал от датского короля уступки Гольштейна герцогу Августенбургскому, что влекло за собой включение приэльбских герцогств (прежде всего Гольштейна, а потом и Шлезвига) в состав германских государств, то Бисмарк всячески старался показать, что он против обострения спора и не одобряет резких методов разрешения этого вопроса. Он, Бисмарк, стоит будто бы лишь за такое решение, которое обеспечивало бы герцогствам мирное национальное развитие. Эта тактика удалась блистательно. В Англии, правда, раздавались еще некоторые предостерегающие голоса, но сам Пальмерстон нисколько не тревожился. Только много лет спустя после смерти Пальмерстона английские политики поняли, какое значение имеет усиление морских баз Германии на севере. Еще легче удалась игра с Наполеоном III, которого с конца 1863 и в течение всего 1864 г. Бисмарк особенно старался расположить в свою пользу. Этому, впрочем, весьма помог тот оборот, который вдруг приняли отношения между Пруссией и Австрией.

Дело в том, что из всех великих держав, которые могли помешать Бисмарку, он опасался больше всего Австрии. Не потому, конечно, что он считал ее сильнее Франции, Англии, России. Напротив, Австрия была слабее этих держав. Но император Франц-Иосиф понимал, что если шлезвиг-гольштейнский вопрос будет разрешен Пруссией единолично, это приведет к тому, что Пруссия станет бесспорно гегемоном в предстоящем процессе объединения Германии. Два австрийских министра, которые в эти годы имели большое влияние на Франца-Иосифа, Шмерлинг и Рехберг, еще в 1863 г. сделали попытку воспрепятствовать замыслам Бисмарка. Они убедили императора созвать торжественное собрание всех германских государей во Франкфурте. Съезд состоялся 7 августа 1863 г., но Бисмарк решительно воспротивился тому, чтобы король прусский принял какое бы то ни было участие в этом собрании. Съезд отрядил короля саксонского к Вильгельму для передачи приглашения на съезд. Монархические чувства короля Вильгельма были потрясены: «Целый сонм государей меня приглашает, курьером ко мне приезжает король Саксонии, как же я могу отказаться?» Но Бисмарк был непоколебим. Он

взялся сам разговаривать с королем саксонским и ответил ему отказом. Король саксонский, уходя, наговорил Бисмарку дерзостей. Бисмарк смолчал, но провожать короля не пошел. Едва король вышел в соседний зал, как раздался звон стекла, треск и грохот: это Бисмарк схватил со стола поднос с кофейным сервизом и швырнул его со всей силой на пол. О поведении Бисмарка Франц-Иосиф был очень точно информирован. Император австрийский торжественно председательствовал на Франкфуртском сейме в августе 1863 г., но отсутствие прусского короля ясно говорило, что объединить Германию вокруг Австрии не удастся из-за прусской оппозиции.

Соглашение между Австрией и Пруссией

И вдруг, к приятному удивлению австрийских государственных людей, тот самый Бисмарк, который еще совсем недавно, как выразилась одна южногерманская газета, «бил посуду об пол при одной мысли о влиянии Австрии на Германский союз», не только не отклонил, но и приветствовал участие Австрии в разрешении шлезвиг-гольштейнского вопроса. Не успел окончиться богатый событиями 1863 год, как в Вене и Берлине уже было секретно решено сообща объявить войну Дании.

Бисмарку участие Австрии было нужно потому, что оно прикрывало перед подозрительно насторожившейся Европой его конечные цели, т. е. захват и присоединение к Пруссии Шлезвига и Гольштейна. Далее, военный блок Австрии и Пруссии был настолько внушителен, что мог удержать от выступления как Наполеона III, так и Англию. Правда, в случае совместных действий Наполеона III с Англией австрийская помощь особой пользы Пруссии не принесла бы. Но и здесь польское дело сослужило Бисмарку службу: когда лорд Джон Россель обратился к министру иностранных дел Наполеона III Друэн-де-Люису с доверительным приглашением совместно вмешаться в шлезвиг-гольштейнский вопрос, то министр с очень злорадной иронией, хотя и в отменно вежливых выражениях, ответил ему категорическим отказом. Друэн-де-Люис напомнил о неудачном совместном выступлении Франции и Англии против Александра II по польскому вопросу. Тогда Пальмерстон твердо решил, что Англия не пойдет в одиночку воевать за Данию против Австрии и Пруссии. Россель вполне был с ним согласен. Это не помешало ни Пальмерстону, главе кабинета, ни Росселю, министру иностранных дел, самым активным образом продолжать свое подстрекательство нового датского короля к сопротивлению.

Надеясь на поддержку Англии, Христиан IX обнародовал новую конституцию, которая окончательно укрепляла политические узы между Данией и Шлезвигом. Этого Бисмарку только и нужно было. Он тотчас заявил, что датский король

не имел права это делать, и 16 января 1864 г. совместно с Австрией предъявил Христиану IX ультиматум: в сорок восемь часов объявить только что данную конституцию отмененной.

Отношение великих держав к прусско-датскому конфликту

Узнав об этом, Пальмерстон, ссылаясь на несогласие королевы и своего кабинета, как бы с душевным прискорбием уклонился от подачи какой бы то ни было помощи Дании.

Дания осталась совершенно одинокой. О ее успешном военном сопротивлении нашествию соединенных армий двух великих военных держав не могло быть и речи, и исход войны определился буквально в первые же дни. И все-таки Дания не заключала мира, все еще надеясь если не на военную помощь, то на дипломатическое вмешательство Англии. На английскую дипломатию посыпались раздраженные обвинения в самом парламенте. В начале февраля 1864 г., при обсуждении ответного адреса на тронную речь, лорд Дерби заявил в палате лордов, что он как англичанин унижен и чувствует, что лишился самоуважения из-за позорной политики Росселя и Пальмерстона в датском вопросе. Газеты тоже подчеркивали, что морские интересы Англии в европейских водах очень пострадают от перехода Шлезвига и Гольштейна к Германскому союзу.

Пальмерстон решил снова обратиться к единственному лицу, которое могло бы помочь Дании, если бы захотело. Это был Наполеон III, однажды уже наотрез отказавшийся вмешаться в шлезвиг-гольштейнский вопрос. Но тут произошли два инцидента, затруднившие начало новых дипломатических манипуляций и маневров британского премьера вокруг французского императора.

Первый инцидент заключался в том, что Стэнсфильд, один из так называемых «гражданских лордов адмиралтейства», был уличен в дружеском знакомстве с Джузеппе Маццини; было установлено, что конспиративные письма для итальянского революционера приходили в адрес Стэнсфильда. Наполеон III, всегда опасавшийся покушений на свою жизнь со стороны итальянских революционеров, был возмущен. Он этого ни официально, ни даже доверительно не высказал, но Пальмерстону это было ясно. Стэнсфильд в конце концов должен был подать в отставку.

Другой инцидент был связан тоже с итальянскими делами и произошел, к великой досаде Пальмерстона, как раз в тот момент, когда так важно было подтолкнуть французского императора на выступление против Пруссии и Австрии.

В апреле 1864 г. в Англию приехал Гарибальди. Бурными народными овациями народ встречал итальянского героя везде, где он появлялся. Рабочий класс принимал в этих востор-

женных манифестациях живейшее участие. Наполеон III хмурился; это было ясно по тону французской печати. Гарибальди, противника папы Пия IX, человека, пытавшегося смелым нападением освободить Рим от французского гарнизона и от папы, Наполеон III рассматривал как личного врага. Тогда Пальмерстон, сильно обеспокоенный этими манифестациями английского народа в честь Гарибальди, решил послать в Париж лорда Кларендона, который принимал в делах министерства иностранных дел почти такое же участие, как и сам министр Джон Россель.

Кларендон съездил в Париж, сейчас же вернулся и доложил кабинету довольно неутешительные известия. По поводу Гарибальди Наполеон III, как потом пошли слухи, довольно двусмысленно сказал, что вовсе не требует каких-либо мер против него и что даже хвалит англичан за то, что они так умеют отдаваться своим порывам, не думая о последствиях. По поводу вмешательства в датские дела Наполеон III ответил резко отрицательно. «Мы получили от России из-за польского вопроса громкую пощечину»,—напомнил раздраженно император и прибавил, что не желает повторения таких вещей. Словом, недоверие к Англии было полное. Наполеон III заявил, что воевать в одиночку против двух таких сильных держав, как Австрия и Пруссия, он не намерен. Выслушав доклад Кларендона, Пальмерстон еще не признал своей карты битой. У Пальмерстона и у Росселя возникла ошибочная мысль, будто нелюбезность Наполеона III объясняется, главным образом, приемом, оказанным Гарибальди. Немедленно были приняты экстренные меры. К Гарибальди отрядили министра финансов Гладстона, единственного члена кабинета, владевшего итальянским языком. К величайшему изумлению Гарибальди, Гладстон объявил итальянскому герою, что он, Гарибальди, болен, а так как Англия обладает, к несчастью, скверным климатом, то британское правительство предлагает Гарибальди поскорее ехать в более южные широты и даже на всякий случай уже приготовило ему яхту. На все уверения Гарибальди, что он совершенно здоров, Гладстон твердо настаивал на его болезни и необходимости покататься на яхте хотя бы по Средиземному морю. Гарибальди уехал. Раздражение в парламентской оппозиции было большое. Последовали запросы, не потому ли Гарибальди так возмутительно выслали вон, что этого потребовал французский деспот, и т. д. Пальмерстон, призывая в свидетели всемогущего бога, клялся в палате лордов, что Гарибальди болен; Кларендон даже предлагал на библии принести присягу, что Наполеон III никогда не требовал высылки Гарибальди. Инцидент, очень обидный для английского национального самолюбия, кончился для министерства благополучно.

Но по датскому вопросу ничего не было достигнуто. Наполеон III остался непреклонен и не выступил. Датчане на четвертом месяце войны потерпели, наконец, настолько тяжелое поражение (18 апреля 1864 г. при Дюппеле), что Христиан IX, которого англичане успокаивали заверениями, будто успешно ведут переговоры с Францией о помощи Дании, обратился уже непосредственно к французскому правительству с вопросом, может ли он в самом деле рассчитывать на поддержку. Ответ из Парижа последовал категорически отрицательный. Тогда Дания пошла на все, чего от нее требовали. Собралась, правда, в Лондоне конференция держав, но никакой эффективной помощи оттуда Дания, конечно, не получила.

Условия мира с Данией

12 мая 1864 г. было заключено перемирие, а 30 октября 1864 г. — подписан окончательный мир между Данией с одной стороны, Пруссией и Австрией — с другой. Герцогства Шлезвиг, Гольштейн и Лауенбург остались за победителями в их временном совместном обладании. Первый перегон исторического пути Бисмарка был пройден. Предстоял второй, самый рискованный этап. Надлежало брать такой политический барьер, который никак нельзя было обойти, а именно Австрию. А не взять его значило отказаться от объединения Германии.

2. АВСТРО-ПРУССКАЯ ВОЙНА

Конфликт между Пруссией и Австрией из-за Шлезвиг-Гольштейна

Наступали самые трудные времена карьеры Бисмарка. Что без войны, и войны победоносной, Пруссии не удастся изгнать Австрию из Германского союза, что без поражения на поле битвы Австрия не позволит прусскому королю стать главой объединенной Германии, это было Бисмарку ясно еще в 1850 г., когда Николай I призван был Францем-Иосифом и его канцлером князем Шварценбергом на помощь в Ольмюц. Все, что произошло с тех пор, убеждало Бисмарка в том, что австрийская монархия зорко следит за поведением Пруссии. Следовательно, дипломатическими маневрами довести дело до конца было никак нельзя, но начать с дипломатических шагов было не только можно, но и должно. Это Бисмарк, судя по собственным его позднейшим признаниям, понимал очень хорошо еще до войны против Дании. Что мирно разделить добычу, полученную от Дании, между Пруссией и Австрией не удастся, это Бисмарк тоже знал и не только знал, но и не желал мирного раздела. Он видел, что момент совершенно неизбежной войны с Австрией наступил, и что наиболее выгодно для Пруссии

выбрать в качестве повода для этой войны именно спор о дележе добычи. Дело в том, что, в случае выигрыша, оба отвоеванных приэльбских герцогства отходили к Пруссии в качестве добавочной премии.

Препятствий, стоявших на пути Бисмарка, было на этот раз очень много. Но у Бисмарка было свойство, присущее всем большим мастерам дипломатического искусства: умение ставить вопросы в последовательном порядке и не браться за второй вопрос, не разрешив первого.

Прежде всего Бисмарку необходимо было из ясного на первый взгляд дипломатического вопроса создать безысходное затруднение, затем обеспечить Пруссии наилучшую дипломатическую обстановку для войны с Австрией, наконец, когда эта обстановка будет создана, довести Австрию до необходимости взяться за оружие. Последовательное разрешение этих трех задач потребовало больше полутора лет, считая от конца октября 1864 г. до июня 1866 г.

Гаштейнская конвенция (14 августа 1865 г.)

Прежде всего Бисмарк обнаружил готовность итти на следующее решение шлезвиг-гольштейнской задачи: маленькое герцогство Лауенбург отходит в полную собственность Пруссии (за уплату 2,5 миллиона талеров золотом), Шлезвиг поступает в управление Пруссии, Гольштейн — Австрии. Бисмарк постарался закрепить эту комбинацию особой конвенцией, подписанной Австрией и Пруссией 14 августа 1865 г. в Гаштейне.

В чем же заключался расчет Бисмарка? Достаточно взглянуть на карту, чтобы это понять. Гольштейн, поступивший «в управление» Австрии, был отделен от Австрийской империи рядом германских государств и прежде всего той же Пруссией. Уже это делало обладание Гольштейном для Австрии весьма шатким и рискованным. Но, кроме того, Бисмарк намеренно осложнил дело тем, что в Гаштейне настаивал на следующей головоломной юридической комбинации: право собственности на всю территорию обоих герцогств — Шлезвига и Гольштейна — сообща имеют Австрия и Пруссия, но право управления — раздельно, в том смысле, что в Гольштейне должна быть австрийская администрация, а в Шлезвиге — прусская. Сам австрийский император не верил, что Бисмарк искренно считает окончательным решением вопроса созданную им политико-юридическую путаницу («ребус без разгадки», как называли впоследствии Гаштейнскую конвенцию австрийские публицисты). Император австрийский с самого конца датской войны настаивал на том, что Австрия с удовольствием уступит все свои сложные «права» на Гольштейн в обмен за самую скромную, немудрящую территорию на прусско-австрийской границе, выкроенную из прусских земель. Когда Бисмарк отказал наотрез, тогда его замысел стал совершенно ясен

Францу-Иосифу, и император стал высматривать союзников для предстоящей схватки.

Перед Бисмарком уже с лета 1865 г. стоял второй очередной вопрос: как создать наиболее благоприятную политическую обстановку для предстоящей вооруженной борьбы.

Собственно две главные опасности грозили Бисмарку. Одна могла исходить из Зимнего дворца, другая — из Тюильри. Каждая из них могла подорвать все сооружаемое им здание, по крайней мере, на данном этапе.

Бисмарк всегда опасался России. Он считал, что и в географическом и в некоторых других отношениях Россия поставлена в гораздо более выгодное положение, чем Пруссия, и что «русская политика окажется в результате у длинного плеча рычага». И Бисмарку нужно было непременно договориться с Россией.

Расхождения между Александром II и Горчаковым по вопросу объединения Германии

В Петербурге не было полного единства взглядов на дело, затеваемое Бисмарком. Александр II был расположен высоко ценить «услугу», оказанную Пруссией в 1863 г. В том, что Александр ни в коем случае не будет препятствовать Пруссии свести счеты с Австрией, Бисмарк был вполне уверен. На поведение Франца-Иосифа во время Крымской войны, на грубое оскорбление, нанесенное Буолем России на Парижском конгрессе, царь смотрел, как на предательство, и этого не забывал. Но с Горчаковым дело обстояло сложнее. Горчаков понимал, что речь идет не о том, как размежуются Пруссия и Австрия в Шлезвиг-Гольштейне, а о том, как Германия объединится вокруг Пруссии. Он не только считал это объединение невыгодным для России, но и полагал, что решительное противодействие ему русской дипломатии может сыграть огромную роль. У Горчакова была манера в тех случаях, когда его собеседник зависел от России, показать ему, не очень церемонясь, что он, Горчаков, вполне учитывает эту зависимость. «Мне пришлось, — вспоминал впоследствии Бисмарк, — в частной беседе сказать ему [Горчакову]: вы обходитесь с нами не как с дружественной державой, а как со слугой, который недостаточно быстро является на звонок».

Но в конце концов настроения царя взяли верх. Значит, несмотря на Горчакова, русская опасность представлялась в данном случае отпавшей.

Оставалась опасность французская. Как известно, Энгельс считал Бисмарка как бы учеником Наполеона III, немецким Наполеоном III во всем, что касается бонапартистской внутренней политики. Совсем иначе обстояло с политикой внешней, ее методами, приемами и, главное, с ее целями. Тут уж Бисмарку нечему было учиться у французского императора.

Отношение Наполеона III к Пруссии перед австро-прусской войной

Во время своего пребывания в качестве посла при парижском дворе Бисмарк убедился, что Наполеон III, охраняя свою власть, созданную насилием, не уступая оппозиции внутри страны, боясь гибели именно от уступок, вынужден прибегать к воинственным выступлениям во внешней политике. В успешной войне Наполеон III видел передышку и укрепление своей власти. Сам же Бисмарк считал, что постоянные поиски новых и новых военных авантюр сопряжены не только с риском, но и с постепенным истощением страны.

Когда в 1865 г. Бисмарк раздумывал над тем, как обеспечить Пруссию от вооруженного вмешательства французов в будущую австро-прусскую войну, он отдавал себе ясный отчет, что для Наполеона III предстоящее прусское предприятие явится величайшей угрозой. Помешать усилению Пруссии, разгрому Австрии и объединению Германии вокруг Прусского королевства было для французского императора необходимостью, диктуемой соображениями национальной безопасности. Бисмарк сознавал, что нужно пойти даже на большие жертвы, лишь бы купить нейтралитет Наполеона III.

Свидание Бисмарка с Наполеоном III в Биаррице (сентябрь 1865 г.)

Наступила осень 1865 г. Французский двор находился в морском курорте Биарриц на юге Франции. Бисмарк отправился туда. Он знал, что наиболее важные дипломатические соглашения достигаются не обменом нот, а личными свиданиями и устными переговорами. Прибыв в Биарриц, Бисмарк разыграл роль прямодушного делового человека, который не прибегает к виляниям и увертками, а прямо говорит о сути дела и предлагает честный торг: услугу за услугу. Он дал понять Наполеону, что Пруссия в награду за нейтралитет Франции ничего не будет иметь против включения Люксембурга в состав Французской империи. Но император небрежно отклонил Люксембург, дав понять, что такими мелочами Пруссия не отделается. На попытки Бисмарка вытянуть у собеседника признание, что же собственно ему угодно, Наполеон III ясно намекнул на Бельгию. Другими словами, за возможность своей победы над Австрией Пруссия должна была обязаться не противиться присоединению Бельгийского королевства к Французской империи. Согласиться на это для Бисмарка означало допустить такое усиление Франции, что вся западно-рейнская Пруссия оказалась бы под прямой и постоянной угрозой. Отказать Наполеону значило решиться вести в ближайшем будущем войну на два фронта: с Францией и Австрией. Бисмарк не ответил ни да, ни нет, и это оказалось для него неожиданно очень легко: Наполеон III тоже не настаивал на Бельгии и перестал о ней говорить. Все даль-

нейшие беседы убедили Бисмарка, что не спроста император вдруг замолчал о Бельгии. Наполеон III хотел выждать, когда начнется война Пруссии с Австрией. Эта война между двумя первоклассными военными державами не может не быть долгой, кровопролитной, разорительной, истощающей силы обеих держав независимо от того, кто останется победителем. А когда прусская армия увязнет в этой войне, тогда Наполеон III придвинет совсем свежую громадную французскую армию к Рейну и получит, — может быть, даже без всякого военного столкновения, — все, что ему заблагорассудится: и Бельгию, и Люксембург, и рейнские земли.

Бисмарк ясно видел, что соглашения ему не добиться, и откланялся. Наполеон III ласково выпроводил своего гостя.

Подготовка Пруссии к войне

Вернувшись ни с чем из Биаррица, Бисмарк составил план действий соответственно той цели, которая обозначилась для него с полной ясностью: обезвредить Наполеона III. Французский император рассчитывал на затяжную, изнурительную для Пруссии войну с Австрией, — значит, следует сделать войну короткой, молниеносной, чтобы прусская армия освободилась и была готова к действиям на Рейне раньше, чем опомнится Наполеон III. Но чтобы война с Австрией оказалась короткой, требуются два условия: во-первых, чтобы огромная австрийская армия была разделена и сражалась на два фронта; во-вторых, нужно после первой же победоносной встречи с австрийской армией поставить Австрии минимальные, самые необременительные требования. От Австрии нужно потребовать, чтобы она совершенно отказалась от вмешательства в германские дела и не препятствовала преобразованию бессильного Германского союза в новый союз германских государств под гегемонией Пруссии. Не нужно ничего отнимать у Австрии, ни требовать от нее контрибуции, ни унижать ее. Если Австрия после поражения пойдет на мир, немедленно его заключить. Но как добиться быстрого поражения австрийской армии? Ответ Бисмарку давала вся европейская ситуация.

Новосозданное Итальянское королевство не переставало жаловаться на то, что Виллафранкское перемирие 1859 г. оставило город Венецию и часть Венецианской области в руках Австрии. Бисмарк решил добиться заключения военного союза между Италией и Пруссией для одновременного нападения обеих держав на Австрию. Австрийская армия тогда должна будет сражаться разом на двух фронтах: на севере—против прусских войск, угрожающих Вене, на юге — против итальянцев, подступающих к Венеции. Король Виктор-Эммануил II колебался. Он сознавал, что войска его молодого королевства не настолько сильны, чтобы можно было иметь безусловную

уверенность в их победе над австрийской армией. Король и его ближайшее окружение непрочь были уклониться от заманчивых, но и опасных предложений Бисмарка о вступлении в союз. Но Бисмарк не желал, да и не мог отказаться от своего плана. Как выяснилось много позже, Бисмарк предвидел, что итальянцы непременно будут разбиты, но это его нисколько не интересовало. Бисмарк даже брал на себя ручательство перед Виктором-Эммануилом, что Венеция будет по общему миру отдана Италии, чем бы ни кончилось дело на южном театре военных действий. Когда же Виктор-Эммануил продолжал колебаться, Бисмарк пустил в ход совершенно неожиданный прием: он весьма недвусмысленно пригрозил, что через голову короля обратится непосредственно к народу и призовет на помощь итальянских революционеров — Маццини и Гарибальди. Тогда Виктор-Эммануил решился и дал Бисмарку нужные обещания.

Вмешательство Наполеона III в дипломатические переговоры Бисмарка

Наполеон III зорко следил за всеми дипломатическими приготовлениями и происками Бисмарка. Уже через несколько дней после того как Бисмарк уехал из Биаррица, агенты императора стали доносить ему о происходящем сговоре между Бисмарком и Виктором-Эммануилом. Наполеон III немедленно обратился к Францу-Иосифу. Предупреждая его об опасности войны на два фронта, он стал убеждать его добровольно уступить Венецию итальянскому королю до начала военных действий. План был разумен и грозил расстроить все замыслы Бисмарка. Но ни у Франца-Иосифа, ни у его министров нехватило проницательности и силы воли, чтобы понять необходимость проглотить эту горькую пилюлю. Австрия отказалась сделать требуемый жест. Неожиданно Виктор-Эммануил обратился к Бисмарку с указанием на возникшее препятствие: Наполеон III решительно объявил Италии, что не желает заключения союза между нею и Пруссией. Ослушаться Наполеона III итальянский король не смел и думать.

Тогда Бисмарк разыграл едва ли не самую замысловатую из своих дипломатических партий, в которой у его противника были все выигрышные карты. Бисмарк снова отправился в Биарриц.

Вторичная поездка Бисмарка в Биарриц

В эту вторичную поездку Бисмарку приходилось убеждать французского императора в том, что Австрия, отвергнув разумное и справедливое предложение Наполеона уступить Венецию Италии, доказала, что ни с чем и ни с кем не желает считаться. Бисмарк старался внушить Наполеону III, что при всех условиях война будет для Пруссии крайне тяжелой: Австрия, по сведениям Бисмарка, намерена выдвинуть на юге против Италии лишь слабый заслон; следовательно, почти вся австрийская армия будет находиться на севере, против

Пруссии; очень тепло говорил Бисмарк и о своей мечте крепкими дружественными узами связать Пруссию с Францией.

Свидание в Биаррице кончилось тем, что, после нескольких долгих бесед, Наполеон III снял свое запрещение, и Бисмарк уехал, одержав крупную дипломатическую победу. В данном случае все усилия Бисмарка были направлены на то, чтобы успокоить Наполеона, внушив ему полную уверенность, что выступление Италии нисколько не облегчит войну для Пруссии: австро-прусская война будет затяжной, а значит, изнурительной для Пруссии. Таким образом, Наполеону III будет возможно в благоприятный момент, стоя с армией на Рейне, предъявить Пруссии какие угодно требования.

Путь был свободен. 8 апреля 1866 г. был подписан союзный договор между Пруссией и Италией с обязательством не заключать сепаратного мира. В последний момент итальянцы еще объявили, что им желательно было бы получить от Пруссии 120 миллионов франков. Бисмарк махнул рукой и согласился.

Теперь оставалось изобрести удобный дипломатический предлог для разрыва сношений с Австрией. Тут, однако, Бисмарку не дали достаточно времени для размышления: он узнал из самых достоверных источников, что Наполеон III опять начал уговаривать Франца-Иосифа уступить Венецию мирным путем Виктору-Эммануилу.

Австро-прусская война

Нельзя было терять ни одного дня. 16 июня 1866 г. прусская армия открыла военные действия против Австрии. Бисмарк впоследствии говорил, что никогда ему не приходилось до такой степени все ставить на карту, как в июне и в июле 1866 г. Против него были Австрия, а также Бавария, Саксония, Ганновер, Вюртемберг, Баден, Гессен, Нассау, Франкфурт. В самой Пруссии конфликт между королем и ландтагом еще не был улажен. Бисмарка громко обвиняли в провоцировании братоубийственной войны.

Война началась для Пруссии с неудачи. Большая и хорошо вооруженная итальянская армия при первой же встрече с австрийцами, которых было гораздо меньше, бросилась бежать. Это произошло при Кустоцце 24 июня. Поражение итальянцев очень смутило Бисмарка: он все-таки не ожидал такого отсутствия боеспособности у своих союзников.

Разгром Италии грозил провалом всех надежд Бисмарка на разделение австрийской армии. Командовавший прусской армией талантливый стратег генерал Гельмут фон Мольтке спас положение: быстро и искусно маневрируя, он вызвал решительное сражение уже 3 июля. Близкие люди утверждали потом, что в этот день у Бисмарка был в кармане яд. Сам он заявлял вскоре после битвы, что если бы прусская армия в этот день потерпела поражение, то он постарался бы погибнуть

в сражении. В случае такой неудачи ему, который вызвал непопулярную войну, пришлось бы понести жестокую расплату.

Но Мольтке удалось одержать блестящую победу над австрийским главнокомандующим Бенедеком. Эта победа (под Садовой) принесла дипломатии Бисмарка полное торжество. Однако для извлечения всех выгод из положения ему пришлось еще выдержать жестокую борьбу в королевской ставке.

Король Вильгельм I и окружавшие его генералы, опьяненные победой, говорили о дальнейшем энергичном ведении войны, о походе на Вену, куда дорога казалась открытой. Бисмарк восстал один против всех. Он говорил, что теперь нужно только потребовать от Австрии, чтобы она бесповоротно вышла из Германского союза, отказалась от Гольштейна и согласилась на образование нового Северо-Германского союза под верховенством Пруссии. Если Австрия на это согласится, — немедленно «поворачивать налево кругом» и «маршировать домой».

Вильгельм I сначала с негодованием заявил Бисмарку, чтобы тот и не думал лишать армию заслуженных лавров, а Пруссию — плодов победы. Генералы, возмущенные не менее короля, прозрачно намекали на дипломатов, всегда портящих то, что «добыл прусский меч». Бисмарк вне себя заявил, что, углубляясь дальше в Австрию, ставя Австрии условия, которые заставят ее продолжать борьбу, король и генералы сыграют наруку Наполеону III, который не сегодня-завтра появится на Рейне. Когда король продолжал настаивать, Бисмарк заявил, что сейчас же, не теряя минуты, подает в отставку и предоставляет королю искать другого министра, который взял бы на себя ответственность за пагубный путь, куда короля увлекают генералы. После нескольких бурных сцен король смирился. Он взял лист бумаги и написал, что должен отказаться от продолжения войны, «так как мой министр оставляет меня в трудном положении перед лицом неприятеля». Король заявил, что этот лист он отдает в государственный архив. Бисмарк остался непоколебим: он добился своего.

Впоследствии Гогенлоэ узнал от Бисмарка, что одним из основных мотивов его осторожного отношения к Австрии было опасение, как бы в разгромленной стране не началась революция.

Австрийский император сейчас же после битвы под Садовой телеграфировал Наполеону III, что отдает Венецию ему, императору французов. Этот на первый взгляд странный дипломатический шаг объяснялся, во-первых, тем, что австрийский штаб хотел поскорее окончательно ликвидировать южный фронт, пожертвовав Венецией, и поскорее перебросить южную свою армию на север против пруссаков в помощь разбитой армии Бенедека. Во-вторых, Франц-Иосиф хотел подчеркнуть,

что разгромленные под Кустоццой итальянцы вовсе не завоевали Венецию, а могут получить ее в виде «подарка» из рук милостивого их покровителя Наполеона III.

Но тут, к своему несчастью, Виктор-Эммануил II и его министры, между которыми после смерти Кавура не было ни одного талантливого человека, заявили, что Венеции им мало и они хотят еще получить от Австрии Триент и Триест. Бисмарк, уже вступивший в первые же дни после Садовой в переговоры с Австрией, прекрасно знал, что итальянцы и на море не покажут себя героями. Но он не останавливал Виктора-Эммануила II и даже похваливал неожиданную прыть, которую вдруг обнаружило итальянское правительство: ему-то ведь было выгодно, чтобы в горячие дни переговоров с австрийцами о перемирии Франц-Иосиф знал, что на юге еще не все кончено, и испытывал бы некоторое беспокойство. Но случилось нечто еще более поразительное, чем паническое бегство итальянской армии под Кустоццой. 20 июля итальянский флот, состоявший под командой адмирала Персоно, подвергся у Лиссы нападению со стороны австрийской эскадры адмирала Тегеттофа и был совершенно уничтожен при минимальных потерях победителей.

Никольсбургское перемирие (26 июля 1866 г.)

Виктор-Эммануил II наивно полагал, что пруссаки будут продолжать борьбу, но вдруг, к своему отчаянию, он узнал, что 26 июля (1866 г.) в городе Никольсбурге уже заключено перемирие: Австрия согласилась на те умеренные требования, которые предъявил Бисмарк. Когда Италия пробовала протестовать против такого поведения союзника, Бисмарк напомнил, что Венецию итальянцы все-таки получили. Если же им угодно домогаться еще Триеста и Триента, то никто им не мешает продолжать воевать с Австрией один-на-один. Виктор-Эммануил поспешил отклонить этот дружеский совет.

Так кончилась вторая война, подготовленная дипломатией Бисмарка для намеченной им основной цели: объединения германских государств вокруг Пруссии.

Как первая война (1864 г. против Дании) с логической неизбежностью вызвала вторую войну (1866 г. против Австрии), так и эта вторая война естественно повлекла за собой третью войну (1870—1871 гг.) против Франции.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ФРАНКО-ПРУССКОЙ ВОЙНЫ (1867—1870 гг.)

Роль Пруссии в Северо-Германском союзе после Пражского мира

Мир между Австрией и Пруссией, подписанный в Праге 24 августа 1866 г., только подтвердил условия Никольсбургского перемирия. Австрия ушла из Германского союза, предоставив прусскому королю первое место в объединяющейся Германии. По конституции Северо-Германского союза, окончательно образованного в самом начале 1867 г., прусский король объединял все германские государства, расположенные к северу от реки Майна, в качестве «президента» этого союза. Но и южные государства (Бавария, Вюртемберг, Гессен, Баден) заключили с Северо-Германским союзом оборонительное и наступательное соглашение. Таким образом, прусский король становился верховным военным главой союза и полномочным руководителем его дипломатии. Усилилась Пруссия и включением непосредственно в ее состав Ганновера и некоторых других владений.

Однако Бисмарк считал свое дело еще не завершенным. Северо-Германский союз должен был обратиться в Германскую империю, включающую в себя и южногерманские государства. Бисмарк знал, что в этих южных государствах, особенно в Баварии, Вюртемберге и Бадене, имеется довольно сильная оппозиция против прусской гегемонии, и притом не только в дворянстве, но и в буржуазии. Южная Германия была гораздо менее индустриальной страной, чем северная, и ее буржуазия не так интенсивно стремилась к образованию общегерманского рынка, к созданию великодержавного флота, к приобретению колоний и т. д. Довершить дело можно было быстрее всего путем новой победоносной войны. Эта мысль зрела у Бисмарка постепенно, начиная с 1867 г.

Обстановка в Европе сложилась к этому времени следующая.

Отношение Англии к Пруссии

Лорд Пальмерстон умер еще 18 октября 1865 г. Ни лорд Россель, который наследовал ему в качестве первого министра, ни Кларендон, занявший в кабинете Росселя пост министра иностранных дел, не были расположены без крайней необхо-

димости вмешиваться в дела европейского континента. Такой же политики держались после ухода Росселя и консервативный премьер граф Дерби и сын его, министр иностранных дел, лорд Стэнли. В частности, они не усматривали никакой пользы в борьбе против возвышения Пруссии. Напротив, Пруссия в их глазах являлась полезным противовесом могуществу Франции. Усиленные работы по прорытию Суэцкого канала, предпринятые французом Лессепсом при деятельной помощи французской биржи, банков и правительства, очень беспокоили и раздражали англичан. И Дерби, и лорд Стэнли, и руководящая буржуазная пресса Англии усматривали в этом французском предприятии некоторую угрозу Индии. Все это охлаждало отношения между Англией и Францией, и Бисмарк видел, что с этой стороны обстоятельства складываются для Пруссии благоприятно.

Отношения между Россией и Пруссией

Гораздо важнее для Бисмарка были отношения с Россией. Горчаков с беспокойством следил за успехами прусской дипломатии. Победа при Садовой несколько смутила и русские военные круги. Военная реформа в России еще не вышла из стадии предварительных разведок и разговоров, а сосед уже блистательно доказал все совершенство своей организации. При дворе стали замечать, что Александр II, продолжая самым сердечным образом относиться к своему дяде Вильгельму I, в то же время начал довольно демонстративно приближать к своей особе генерала Флери, французского посла в Петербурге.

Отношения между Францией и Пруссией

Наиболее трудным и сложным для Бисмарка делом все-таки оказывалось установление новых отношений с императором французов. Что после битвы при Садовой эти отношения совсем не могли походить на прежние, это не подлежало сомнению ни для прусского министра, ни для Наполеона III.

Часть французских государственных людей, окружавших Наполеона, убеждала его выступить против Пруссии, не теряя ни минуты. Министр иностранных дел Друэн-де-Люис решительно добивался этого, но любимец императора Руэр и двоюродный брат императора принц Наполеон столь же категорически сопротивлялись. Пока длились эти колебания, война с Австрией благодаря Бисмарку внезапно окончилась. Момент был упущен, и это оказалось несчастьем для Французской империи.

В конце 1866 и начале 1867 г. Наполеон III, якобы «сочувствуя» начавшемуся объединительному процессу в Германии, в то же время настойчиво просил компенсации за это сочувствие и за свой нейтралитет в австро-прусской войне. Однако Бисмарк решил ровно ничего Наполеону III не давать.

Французские требования к Пруссии о компенсации за нейтралитет

Теперь французский нейтралитет не был нужен Бисмарку. Конечно, нельзя было сразу показать Наполеону, что он обманут и обойден. Дело в том, что агенты Бисмарка донесли ему из Петербурга и Лондона, что царь явно недоволен уничтожением политической самостоятельности ряда мелких германских государств; Александр видел в этом ниспровержение всего европейского политического уклада, который существовал со времен Венского конгресса 1815 г. Больше всего тревожило Бисмарка то, что Горчаков уже зондировал почву в Лондоне, стремясь совокупным выступлением обеих держав, России и Англии, умерить слишком разыгравшиеся аппетиты Пруссии. Правда, более точные справки убедили Бисмарка, что ни граф Дерби, ни лорд Стэнли не желают вмешиваться, и что возникший в Петербурге проект созыва конференции или конгресса европейских держав не встречает в Лондоне сочувствия. Но нужно было действовать осторожно, чтобы не раздражать Наполеона III. Еще за пять дней до Никольсбургского перемирия граф Бенедетти, французский посол в Берлине, вдруг предложил Пруссии вернуть Франции границы 1814 г. и согласиться на аннексию Люксембурга; Бисмарк не сразу отклонил это предложение. 27 июля Наполеон III пригласил к себе графа Гольца, прусского представителя в Париже, и прямо заявил о своем желании присоединить к Франции, с согласия Пруссии, область Ландау и герцогство Люксембург. Бисмарк и на это не дал отрицательного ответа: это было как раз тогда, когда еще шли слухи о сношениях между русскими и британскими дипломатами.

Меморандум Друэн-де-Люиса

8 августа министр иностранных дел Французской империи Друэн-де-Люис решил итти уже официальным путем, чтобы прекратить возможность дальнейших увертюк со стороны Бисмарка. Он составил меморандум, в котором развивал мысль об устройстве из Рейнских провинций (по левому берегу Рейна) особого государства; оно должно было пользоваться перманентным нейтралитетом и служить «буфером», устраняющим трения и столкновения между Пруссией и Францией. Было неясно, как представляет себе Друэн-де-Люис отношение этого буферного государства к союзу германских государств, лежавших к северу от реки Майна, который проектировал Бисмарк.

Но нервность в Тюильрийском дворце возрастала так быстро, что не успели еще в Берлине ознакомиться с меморандумом Друэн-де-Люиса, как уже Наполеон III выдвинул новый проект. Раньше чем переслать этот новый проект Бисмарку, Наполеон III, очевидно, сам несколько в нем усомнился. Поэтому он велел Руэру предварительно ознакомить с этим докумен-

том графа Гольца, прусского посла в Париже. В этом проекте Пруссии предлагалось согласиться на аннексию Францией областей Ландау, Саарбрюкена и Люксембурга. Гольц стал доказывать Руэру, что Пруссии политически и морально будет трудно согласиться на уступку чисто немецких областей. Тут же прусский посол заявил, что если бы в будущем Франция захотела присоединить Бельгию, то Пруссия не стала бы ей препятствовать. Возможно, что не Гольц, а Руэр первый заговорил о Бельгии, и что бельгийский план давным давно был выработан самим Наполеоном III. Во всяком случае 16 августа 1866 г. Бенедетти получил официальный приказ из Парижа явиться к Бисмарку и узнать окончательное мнение прусского правительства по такому вопросу: не будет ли оно возражать против присоединения к Франции Ландау, Саарбрюкена и Люксембурга; одновременно сообщалось, что Французская империя согласна заключить с Пруссией секретный наступательный и оборонительный союз. Одним из непременных последствий этого будущего секретного договора должно было явиться присоединение к Франции всей Бельгии, кроме города Антверпена. Что касается Антверпена, то Наполеон III соглашался признать его вольным городом с самостоятельным управлением. Очевидно, французский император хорошо помнил слова своего дяди, Наполеона I: «Антверпен — это пистолет, направленный в грудь Англии». Наперед считаясь с возможными протестами Англии, Наполеон III отказывался от этого «пистолета».

Переговоры Бенедетти с Бисмарком

Бенедетти явился к Бисмарку с этими предложениями и был принят так, что у него могла появиться надежда на удачную сделку. Правда, уступать Франции какие-либо пограничные территории Бисмарк считал невозможным, пока само население этих областей не выразит желания перейти во французское подданство. Относительно Люксембурга у Бисмарка также не нашлось ни одного слова, которое можно было бы принять за согласие. Бисмарк настаивал, что препятствия возникнут со стороны Голландии, связанной личной унией с Люксембургом, а так как Голландия пожелает получить для обеспечения своей границы какую-либо территорию из германских земель, то Пруссия на это не пойдет. Из всего этого путаного построения явствовало, что Бисмарк всецело поддержит Голландию, и Люксембург к Франции не отойдет.

При разговоре Бисмарк обрадовал Бенедетти тем, что предложил ему письменно сформулировать все пожелания французского правительства; Бисмарку будто бы необходимо иметь такой меморандум, чтобы представить его королю Вильгельму I для окончательного обсуждения. При этом Бисмарк меньше всего возражений выдвигал по поводу самой важной части пред-

ложений: относительно инкорпорирования всего Бельгийского королевства в состав Французской империи. Бисмарк выразился лишь в таком смысле, что он боится, как бы не запротестовала Англия, несмотря на отказ французов от Антверпена. Все это давало надежду, что Бисмарк примирился с будущим усилением Франции. Только спустя четыре года Бенедетти понял все коварство своего собеседника и сообразил, зачем Бисмарку понадобилось получить письменное изложение требований Наполеона III относительно Бельгии.

Желательный документ был с полной готовностью доставлен Бисмарку, и это убийственное оружие против Франции было до поры до времени припрятано.

Как только Бисмарк заручился доказательством агрессивных намерений Наполеона III против Бельгии, он прекратил переговоры с Бенедетти, ссылаясь на то, что король все еще не рассмотрел вопроса. А пока он постарался дать знать и в Лондон и в Петербург о покушениях Наполеона на Бельгию.

Недовольство Англии требованиями Франции

Королева Виктория обратилась к первому министру графу Дерби с запросом, что намерен он предпринять для противодействия намерениям Наполеона III изменить границы Франции включением новых территорий, в том числе и Бельгии. Граф Дерби немедленно дал распоряжение британскому послу в Париже лорду Каули навести справки у самого императора. Каули попросил личной аудиенции. Наполеон III, застигнутый врасплох, объявил лорду Каули, что сведения о его намерении присоединить силой новые территории неверны. Вскоре затем император приказал Друэн-де-Люису написать ноту для графа Дерби, в которой прямо заявлялось, что Наполеон III вовсе не желает добиваться уступки какой-либо территории силой или угрозами, но рассчитывает исключительно на добровольное согласие соответствующих держав. Это было уже отступлением по всей линии. Хотя бумага и предназначалась исключительно для графа Дерби, но лорд Каули, получивший ее в Париже для отправки в Лондон, поспешил ее показать прусскому послу в Париже графу Гольцу. Тот сейчас же (15 августа 1866 г.) сообщил ее содержание Бисмарку. Конечно, Бисмарк даже и виду не подал, что ему все это очень хорошо известно. Напротив, он с самым невинным видом отнесся к этому внезапному миролюбию императора французов, прикидываясь, будто верит его отказу от Бельгии и от Люксембурга.

После окончательного провала вопроса о компенсациях и Наполеон III, и новый его министр иностранных дел де Мустье, и старые преданные советники, и друзья вроде Руэра, и императрица Евгения — все поняли, что Францию постигла вторая тяжкая дипломатическая неудача.

Перспективы будущей франко-прусской войны

Опасность предстала перед Французской империей в таких размерах, которых до тех пор нельзя было и предвидеть. Создание Северо-Германского союза, оформленное в начале 1867 г., делало прусского короля повелителем вооруженных сил всей Германии, кроме четырех южных государств. Но и эта оговорка ничего утешительного для Наполеона III не представляла: во-первых, все эти четыре государства (Бавария, Вюртемберг, Баден и Гессен) в случае войны обязывались присоединить свои армии к войскам Северо-Германского союза; во-вторых, все разведки и зондирование, произведенные французскими посланниками и их агентами в этих южногерманских государствах, сходились в том, что в случае войны с Францией население этих стран непременно станет на сторону Северо-Германского союза. Это, правда, не мешало Наполеону III и некоторым его слугам, в том числе бездарному и тупому военному министру Лебефу, льстить себя надеждой, что во время войны можно будет внести раздор между Южной и Северной Германией. Но все-таки условия этой вероятной войны явно складывались не в пользу Франции.

О неудачах дипломатии Наполеона III заговорили во Франции прежде всего в широких кругах буржуазии. Между тем этот класс до тех пор беспрекословно следовал за всеми зигзагами императорской политики, одобряя почти без критики все, что исходило из Тюильрийского дворца.

С одной стороны, явно проваливалась поглотившая миллионы франков и много человеческих жертв мексиканская авантюра, с другой — рядом с Францией без малейших компенсаций или гарантий для империи выросло могущественное германское государство. Естественно, что ропот становился все громче.

Но Наполеон III не желал расстаться с мыслью о Люксембурге. После паузы, продолжавшейся несколько месяцев, он снова поднял вопрос о компенсации.

Люксембургский вопрос

В новый Северо-Германский союз Люксембург войти не пожелал. К началу 1867 г. французской дипломатии удалось добиться принципиального согласия со стороны голландского правительства на аннексию этого герцогства. Оставалась Пруссия. Ее гарнизон стоял в Люксембурге.

В январе 1867 г. французский посол в Берлине Бенедетти явился к Бисмарку с предложением высказаться, наконец, совершенно ясно по люксембургскому вопросу. Бисмарк, по-прежнему твердо решившийся не отдавать Люксембург и вместе с тем желая снять с себя ответственность, прибег к обходному маневру. Он не отказал прямо в согласии подписать уже изго-

товленный в Париже договор, условно пока подписанный голландским королем. Он лишь несколько замедлил дело подписания, а пока постарался воспользоваться этим промедлением в своих целях.

Бисмарк устроил так, что Беннигсен, лучший оратор и вождь национал-либеральной партии, который славился независимостью своих политических суждений и охотно вступал в полемику с правительством, получил информацию, будто Бисмарк готов уже отдать Люксембург и робеет перед Францией. Беннигсен организовал внушительную демонстрацию, прямо направленную против этой мнимой уступчивости Бисмарка. Он собрал больше семидесяти подписей членов северогерманского рейхстага под петицией, резко протестующей против уступки Люксембурга, и произнес патриотическую речь в соответствующем духе. Бисмарк делал вид, что сильно смущен, оправдывался и извинялся. Затем в дальнейших переговорах с Францией он уже окончательно отказался содействовать аннексии Люксембурга.

Позиция России

Дипломатическое поражение Наполеона III было полным. Русский канцлер Горчаков был раздражен и успехами Бисмарка и неудачными действиями Наполеона III. В 1865 г. и даже во второй половине 1866 г. Горчаков и Александр II весьма непрочь были выступить против быстрого уничтожения Пруссией самостоятельности мелких германских государств. С весны 1867 г., нисколько не желая помогать Наполеону III в безнадежно проигранном люксембургском деле, Горчаков настаивал на созыве конференции великих держав: ему хотелось выяснить ближайшие намерения не столько Наполеона III с его люксембургским вопросом, сколько Бисмарка. Англия откликнулась немедленно: разговоры о покушении Наполеона III на захват Бельгии слишком встревожили лорда Дерби.

Конференция держав в Лондоне в мае 1867 г.

Конференция держав собралась в Лондоне и заседала с 7 по 11 мая 1867 г. Ее решения ничего нового не внесли: Люксембург остался в прежнем положении, только Пруссия должна была вывести из герцогства свои войска. Нейтралитет Люксембурга был гарантирован отныне всеми европейскими державами.

Неудача мексиканской авантюры Наполеона III (1867 г.)

Не успела Лондонская конференция закончить свою работу, как из Мексики стали поступать самые тревожные известия. Уход французских войск повлек за собой естественные последствия: державшийся исключительно французскими штыками ставленник Наполеона император Максимилиан стал терпеть поражения за поражениями; в июне 1867 г. он был захвачен в плен и расстрелян республи-

канцами. Эта мрачная трагедия озарила зловещим светом окончательный провал авантюры французского императора: «Уже больше не осталось ошибок, которые вы могли бы наделать, потому что уже все возможные ошибки сделаны вами», — эти слова Тьера по адресу французской дипломатии особенно часто вспоминались и повторялись после расстрела Максимилиана. Под влиянием дипломатических неудач стала поднимать голову давно безмолвствовавшая, загнанная в подполье оппозиция.

Дипломатическая ситуация накануне франко-прусской войны

Чем больше росло недовольство в широких общественных кругах, тем более нервной становилась французская дипломатия. Она явно искала новой «удачной» войны, которая укрепила бы корону Бонапарта. Но Франция была изолирована. Правда, Австрия могла бы еще быть полезным для Франции союзником: император Франц-Иосиф не хотел окончательно примириться с потерей прежнего положения в Германии и продолжал мечтать о реванше. Но Наполеон III колебался. Англия на этот раз не могла и не хотела быть союзницей. Прорытие Суэцкого канала в 1869 г. рассматривалось английским правительством как потенциальная угроза Индии. Становилось ясно, что англичане ровно ничего не сделают, чтобы предупредить войну Франции с Северо-Германским союзом.

Оставались Италия и Россия. Но в Италии раздражение широких слоев народа против Наполеона III поддерживалось не только воспоминаниями о его коварном поступке в июле 1859 г. в Виллафранке, но и гораздо более свежими, совсем недавними событиями. 3 ноября 1867 г. Гарибальди с отрядом добровольцев сделал новую отчаянную попытку занять Рим, но был наголову разбит при Ментане французским отрядом, охранявшим папскую власть в Церковной (папской) области. Последствием битвы при Ментане было острое раздражение и чувство обиды в Италии против Франции. Вдобавок Наполеон III как будто нарочно делал все для того, чтобы еще более обострить эти настроения. Он разрешил опубликовать хвастливую телеграмму французского генерала Файльи, учинившего кровавую бойню при Ментане.

С этих пор, естественно, все надежды Италии на получение Рима связывались с мечтой о том, что когда-нибудь Наполеон III будет принужден той или иной неудачной войной отозвать из Рима своих солдат. Чем более натянутыми становились отношения между Пруссией и Наполеоном III, тем лучше делались отношения между Бисмарком и итальянским правительством. В 1869 г. Наполеон III снова стал пытаться сблизиться с Австрией, внешней политикой которой руководил тогда граф Бейст. Сам император Франц-Иосиф попрежнему весьма

непрочь был от союза с Францией, но Бейст этому воспротивился, доказывая, что для Австрии такой союз стал затруднителен со времени обострения отношений между Италией и Наполеоном III: ведь не исключено было, что Италия в будущей войне займет позицию, враждебную Франции, чтобы выжить из Рима французский гарнизон. Италия будет враждебна ко всякому союзнику Франции, т. е., следовательно, и к Австрии, на которую нападет с юга. Франц-Иосиф неохотно отказался от своего плана.

Внешнее и внутреннее положение Франции накануне франко-прусской войны

Вокруг Наполеона III образовалась очень беспокоившая его пустота: ни на одну великую державу он не мог опереться; некоторые из тех, на кого он рассчитывал, как на союзников (например, Италия), могли даже выиграть от его военных неудач. Оставалась Россия. Горчаков был очень встревожен быстрыми успехами и усилением Пруссии; Александр II обнаруживал неудовольствие по поводу уничтожения самостоятельности ряда мелких германских государств в 1866—1867 гг. (Ганновер и др.). Но Наполеон III, не понимая всех размеров опасности, выросшей у восточной границы Франции, ничего не предпринял, чтобы сделать хотя бы попытку сблизиться с Петербургом. Когда осенью 1870 г. Тьер помчался в Петербург просить о союзе и помощи, было уже поздно. После Седана ни Александр II, ни Горчаков уже не желали об этом и слышать.

Внутреннее положение империи, несмотря на попытки введения либеральных реформ, продолжало быть неустойчивым. Оставалось только одно: загладить новой удачной войной тяжкие дипломатические поражения последних лет. «Война необходима, чтобы это дитя царствовало», — говорила весной 1870 г. императрица Евгения, указывая на своего сына, наследника престола. Ее поддерживал Руэр. Эмиль Оливье, назначенный первым министром в порядке «либеральных уступок» в январе 1870 г., не представлял себе, с каким сильным противником придется бороться Франции, не имеющей ни одного союзника. Наполеон III, мучимый каменной болезнью, утративший былую энергию, колебался.

Кандидатура Леопольда Гогенцоллерна на испанский престол

И вдруг 1 июля 1870 г. в газетах появилась коротенькая телеграмма из Испании, что на вакантный тогда испанский королевский престол избран принц Леопольд из боковой линии Гогенцоллерн-Зигмаринген.

На другой день после появления известия об избрании Леопольда Европа узнала, что Наполеон III решительно протестует. Основания для протеста были тотчас же изложены и развиты во французской официозной прессе: Французская империя

не может допустить, чтобы одна и та же династия — Гогенцоллерны — царствовала и в Пруссии и в Испании, и чтобы тем самым была создана угроза французской безопасности с двух флангов: с востока и с запада. В газетах поднялась буря. С одной стороны, само правительство раздувало начавшееся волнение, усматривая в этом событии удобный предлог для войны с Пруссией; с другой — оппозиционная пресса нападала на французскую дипломатию и в частности на французского посла в Берлине Бенедетти, укоряя министерство Эмиля Оливье в непредусмотрительности, вялости, трусости перед Бисмарком. Газеты сразу же приняли угрожающий тон: «Если г. Бисмарк воображает, что во Франции мы все, тридцать шесть миллионов французов, похожи на Бенедетти, то он очень заблуждается»,— писал популярный тогда публицист писатель Эдмон Абу. Но нарекания шли и со стороны более левых кругов. Нападения на императорское правительство с патриотической точки зрения были наруку республиканской оппозиции. Наполеон III не боялся этой газетной бури, которую сам же вызвал: он знал, что решительный образ действий с его стороны заставит замолчать всех критиков его внутренней и внешней политики.

6 июля 1870 г. герцог Грамон, французский министр иностранных дел, произнес в Законодательном корпусе провокационную речь по адресу Пруссии. Он сказал, что Французская империя «без малейших колебаний начнет войну против той державы, которая посмеет сделать попытку воскресить империю Карла V». Для всех было понятно, что речь идет об опасном соседе Франции — Пруссии, быстрое усиление которой не могло не внушить тревоги политикам Второй империи.

Вслед за этим правительство Наполеона III совершило ряд крупных дипломатических ошибок.

Переговоры Бенедетти с Вильгельмом I в Эмсе

Вместо того чтобы согласно обычному дипломатическому порядку снестись с Бисмарком, французский посол Бенедетти поехал в Эмс, где в это время лечился Вильгельм I, и заявил там о желании срочно видеть короля. На указание гофмаршальской части, что король болен и лечится, Бенедетти настойчиво повторил свое требование. Король велел допустить Бенедетти.

Вильгельм I оказался, как всегда, лицом к лицу с положением, которое без его ведома и за его спиной подстроил Бисмарк. Дело в том, что Бисмарк стремился к войне ничуть не меньше, а может быть и более решительно, чем Наполеон III, но только делал свое дело несравненно искуснее и тоньше. Возможное избрание кого-либо из Гогенцоллернов на испанский престол он рассматривал как очень удобный повод для Франции объявить войну. Тогда Пруссия оказалась бы в позиции страны,

защищающейся от несправедливого нападения со стороны агрессивного соседа. Такая комбинация делала бы невозможным то, чего больше всего страшился Бисмарк: дипломатическое или даже вооруженное выступление России против Пруссии. Когда вопрос о кандидатуре Леопольда Гогенцоллерна на испанский престол, выдвинутой кортесами, обсуждался в Берлине 18 марта 1870 г., Бисмарк, фон Роон, Мольтке, Шлейниц, Шиле, Дельбрюк настоятельно советовали Леопольду принять испанскую корону. Вопрос был решен положительно. Все это происходило в глубокой тайне. Предвидели противодействие Наполеона III. Король Вильгельм I, нехотя уступивший Бисмарку, был неспокоен.

Таким образом, когда кандидатура Леопольда стала официальной, и в Эмс явился Бенедетти, прусский король ограничился указанием, что он не вправе ни запрещать, ни дозволять Леопольду Гогенцоллерну принимать или отвергать испанскую корону; лично он, Вильгельм, никогда не домогался испанского престола ни для кого из своих родственников. Бенедетти понял совершенно правильно, что кандидатура Леопольда будет снята.

Действительно, Вильгельм I тотчас же постарался довести до сведения и самого Леопольда и его отца, принца Антона Гогенцоллерн-Зигмарингенского, что было бы желательно отказаться от испанского престола. Это тотчас же и было исполнено. И не только Леопольд отказался, но король Вильгельм через того же графа Бенедетти дал знать парижскому двору, что он, король Вильгельм, вполне одобряет решение своего родственника. Победа французской дипломатии в эти дни (8—12 июля) была как будто полной: политика Бисмарка в испанском вопросе потерпела, казалось, полное поражение.

Совещание у Наполеона III 12 июля 1870 г.

И тут-то Наполеон III и совершил самую губительную из своих дипломатических ошибок. Сначала он склонен был удовлетвориться достигнутым успехом. Именно легкость и быстрота, с которыми была им одержана дипломатическая победа, наводили императора на мысль, что Пруссия не готова к войне. Но все же, когда вечером 12 июля 1870 г. в императорском кабинете под председательством Наполеона III собрался совет высших сановников для решения вопроса, считать ли дело с кандидатурой Леопольда покончепным, император вначале несколько колебался. Императрица, военный министр Лебеф, министр иностранных дел Грамон стояли за войну. Первый министр Эмиль Оливье никакого противодействия воинственным своим коллегам не оказал. «Мы готовы, вполне готовы, у нас в армии всё в порядке, вплоть до последней пуговицы на гетрах у последнего солдата», — заявил военный министр Лебеф. Еще раньше он высказал и другой афоризм: «Прусская армия? Ее нет, я ее отрицаю». Такое же легкомыслие обнаружил и герцог

Грамон, утверждая, что, несмотря на отсутствие формального союзного договора, Австрия непременно выступит против Пруссии, когда начнется война.

И Наполеон III решился.

Требование Наполеона III к Вильгельму I

По окончании коронного совета в ночь с 12 на 13 июля посла Бенедетти разбудила телеграмма из Парижа. Министр иностранных дел герцог Грамон приказывал ему снова отправиться в королевскую резиденцию в Эмс и предъявить королю следующее необычное в истории мировой дипломатии требование: король Вильгельм I должен дать формальное обязательство, что запретит Леопольду принять испанский престол, если ему снова когда-нибудь предложат это. Требование было по существу рассчитанной дерзостью, да еще прикрытой самым нелепым предлогом: ведь было ясно, что испанского престола никто Леопольду более не предложит. Бенедетти снова имел аудиенцию у Вильгельма утром 13 июля, через несколько часов после получения телеграммы от Грамона из Парижа. Король встретил Бенедетти в саду с газетой в руках и, любезно протягивая газету, с видимым удовольствием сказал, что очень рад полному улажению вопроса. Когда же Бенедетти изложил ему новое требование французского правительства, король сказал, что подобные обязательства он не считает возможным давать. Аудиенция кончилась сухим, но вежливым прощанием. Едва Бенедетти ушел, как Вильгельм I получил донесение от Вертера, своего посла в Париже. Идя на прямой разрыв с Пруссией, герцог Грамон, не довольствуясь решением совета и посылкой телеграммы графу Бенедетти, позаботился еще обострить положение, усилив дерзость своих требований. Он объяснил прусскому послу Вертеру, что от Вильгельма I требуется — заявление, что он не имел в виду посягать на интересы и достоинство французской нации, и письменное обещание в будущем не вредить интересам и достоинству Франции.

Семидесятитрехлетний старик Вильгельм I был раздражен и оскорблен. Когда вечером того же дня, 13 июля, Бенедетти снова попросил аудиенции, явно затем чтобы официально потребовать письменных гарантий, о которых король только что узнал из донесения Вертера, Вильгельм отказал Бенедетти в его просьбе. И все-таки они увиделись еще один раз, именно 14 июля, когда король уезжал из Эмса. Бенедетти явился на вокзал. Король не мог сесть в вагон, минуя посла. Вильгельм сказал Бенедетти, что более того, что он уже заявил послу, он сказать сейчас не может, но что переговоры по этому вопросу будут продолжаться в Берлине.

Уезжая из Эмса, король приказал находившемуся при нем советнику министерства иностранных дел фон Абекену изло-

жить события этого дня в телеграмме и послать ее Бисмарку. Наступил последний акт дипломатического конфликта, приведшего к кровопролитной войне.

С самого начала переговоров Бенедетти с прусским королем в Эмсе Бисмарк с напряженным вниманием следил за всеми фазисами начавшейся дипломатической кампании. Он видел ясно, что в Париже хотят войны, а король Вильгельм I ее не хочет и даже готов итти на унижение. Уже отказ Леопольда от испанской короны Бисмарк считал поражением для Пруссии. Но его агенты из Парижа доносили, что дело этим не кончится и что Наполеон III собирается предъявить какие-то новые требования.

«Эмсская депеша» Бисмарка

Вечером 13 июля Бисмарк сидел за обеденным столом с военным министром фон Роном и начальником главного штаба прусской армии Гельмутом фон Мольтке. Бисмарку подали пришедшую из Эмса срочную депешу фон Абекена с изложением всех событий в Эмсе и слов короля, что переговоры будут продолжаться в Берлине. Бисмарк, фон Роон и Мольтке впали в глубокое уныние, как признавался потом Бисмарк.

Они просто не могли понять, как старый король решился обещать Бенедетти обсуждать в Берлине неслыханно дерзкое, провоцирующее требование Франции.

Тут-то Бисмарк и совершил тот поступок, о котором впервые стал откровенно и даже хвастливо говорить двадцать пять лет спустя, уже будучи в отставке.

Бисмарк обратился к Мольтке с вопросом, действительно ли вооружение армии и вся армия вообще находятся в Пруссии в таком состоянии, что можно вполне ручаться за победу в войне с Францией? Мольтке, не колеблясь, отвечал утвердительно. Тогда Бисмарк повторил свой вопрос, обратившись к военному министру фон Роону. Фон Роон решительно подтвердил ответ Мольтке. «В таком случае продолжайте спокойно обедать»,— сказал Бисмарк своим гостям. Он вышел из-за стола и уже в другой комнате стал перечитывать депешу. «Я внимательно снова прочел депешу, — вспоминал много лет спустя Бисмарк, — взял карандаш и смело зачеркнул все то место, где было сказано, что Бенедетти просил о новой аудиенции; от депеши я оставил только голову и хвост». Таким образом, совершенно исчезли слова короля, сказанные на вокзале графу Бенедетти, что переговоры будут продолжаться в Берлине. Телеграмма получила такой смысл, что король отказался дальше вообще разговаривать с французским послом. «Это будет красный платок для гальского быка», — с удовлетворением заявил Бисмарк, прочитав гостям свое фальсифицированное произведение. Гости были в полном восторге. «Вы превратили шамаду

[барабанный бой к отступлению] в фанфару [сигнал к атаке]», — сказал Мольтке.

Не теряя времени, Бисмарк сейчас же передал фальсифицированный текст для сообщения прессе. Дело было сделано. И Бисмарк и Наполеон III получили то, к чему оба одинаково стремились. Война сделалась неизбежной. Уже 15 июля французское правительство выступило в Законодательном корпусе с требованием военных кредитов и с заявлением о наступающей войне. Депутаты — и правительственные и оппозиционные — в подавляющем большинстве, без всякой критики, с возмущенными возгласами о кровном оскорблении, нанесенном чести Франции, вотировали кредиты и одобрили объявление войны Пруссии, которое и последовало формально 20 июля 1870 г. Только Тьер, знавший неподготовленность Франции к войне, слабо пробовал протестовать, но умолк при негодующих возгласах большинства.

Недовольство Александра II поведением Наполеона III

«Вы думаете, что у вас одних есть самолюбие», — с неудовольствием сказал Александр II своему любимцу французскому послу в Петербурге генералу Флери, когда узнал о требованиях, предъявленных французским правительством королю Вильгельму I. Так судил о дипломатических переговорах, приведших к войне, Александр II. Оттого-то Бисмарк и решился на подлог, что понял, как должно было рассердить Александра поведение Наполеона III, и как поэтому Пруссии выгодно было использовать такой удобный случай.

Так же, как Александр II, судила об этом в июле 1870 г. и английская дипломатия. Впрочем, ее суждения для Бисмарка не имели того значения, как настроение русского царя.

Война началась при самых благоприятных для Бисмарка условиях дипломатической обстановки. Немедленно он опубликовал припрятанное им письменное изложение тайных требований Наполеона III насчет Бельгии, неосторожно поданное ему в 1867 г. французским послом. Англия была возмущена и взволнована этим доказательством агрессивности и коварства Франции. 20 июля 1870 г. дипломаты замолчали. Решающий голос принадлежал ружьям и пушкам.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ФРАНКО-ПРУССКАЯ ВОЙНА. ФРАНКФУРТСКИЙ МИР. (1870—1871 гг.)

Позиции России, Австро-Венгрии и Италии во время франко-прусской войны

В дни франко-прусской войны основная дипломатическая проблема была одной и той же и для Франции и для Германии. Останется ли война локализованной или же последует вмешательство других держав? Над этим вопросом трудилась дипломатия обеих воюющих стран. Франция мечтала о вмешательстве Австро-Венгрии и Италии; Германия стремилась добиться их нейтралитета. Наибольшее значение имела при этом позиция России. Никто так много не поработал над тем, чтобы обеспечить Пруссии благожелательность России, как император французов. По сравнению с его «трудами» усилия Бисмарка, пожалуй, покажутся скромными.

Наполеон III и в 60-х годах не переставал противодействовать России на Востоке. Политика Крымской коалиции отнюдь не была им оставлена. Не забыли в России и о том, что император Наполеон III был одним из авторов унизительного для России Парижского трактата. Свежи были в памяти и попытки Наполеона III вмешаться в русско-польские отношения во время польского восстания 1863 г. Наполеон III проявлял легкомысленное пренебрежение к интересам царской России, и для царского правительства не было иного пути, кроме сближения с Пруссией. Вдобавок, поражение Пруссии неминуемо привело бы к усилению Австро-Венгрии. Для царского правительства в этом заключалось еще одно основание к тому, чтобы предпочесть победу Пруссии.

23 (11) июля в «Правительственном вестнике» появилась декларация России о нейтралитете. Последняя фраза этой декларации была весьма многозначительной: «Императорское правительство всегда готово оказать самое искреннее содействие всякому стремлению, имеющему целью ограничить размеры военных действий, сократить их продолжительность

и возвратить Европе блага мира». Указание на «ограничение размеров военных действий» было призывом к Австро-Венгрии не вмешиваться в франко-прусскую войну.

Между тем, вмешательство Австро-Венгрии было весьма возможным. Император Франц-Иосиф, военные, феодально-аристократические и клерикальные круги Австрии жаждали реванша.

Политическая линия этих элементов встречала оппозицию со стороны австрийской буржуазии, которая не одобряла какого-либо антинемецкого выступления. Еще более активно противодействовали вмешательству в войну венгры. Они видели в Германии опору против ненавистных им славян и боялись, что успешный реванш позволит Габсбургам отнять у Венгрии те привилегии, которые она получила в 1867 г. Вот почему венгерский премьер граф Андраши решительно воспротивился военному выступлению Австро-Венгрии.

Исход внутренней борьбы в правящих кругах Австро-Венгрии был решен позицией русского правительства: австрийцам стало известно, что на их вступление в войну Россия ответит открытием военных действий против Австро-Венгрии.

В течение первого месяца войны главные усилия русской дипломатии были сосредоточены именно на предотвращении австрийского реванша. Однако, вскоре военные события изменили дипломатическую ситуацию. После Седана вопрос об австрийском вмешательстве отпал.

Что касается Италии, то король Виктор-Эммануил первоначально склонялся к союзу с Францией. Однако, на пути этого союза стояли серьезные препятствия. Соображения внутренней политики не позволяли Наполеону III задевать духовенство: следовательно, он не мог пойти на ликвидацию папского государства. Между тем, национальное объединение Италии оставалось незаконченным до тех пор, пока Рим не был включен в состав единого итальянского государства. С другой стороны, Италия находилась в столь сильной финансовой зависимости от Франции, что ссориться с Наполеоном III ей тоже было нелегко. Это грозило бы государственным банкротством. Перед войной велись оживленные переговоры о франко-итальянском союзе с участием Австрии. Они были прерваны началом военных действий между Францией и Пруссией. Бисмарк серьезно опасался выступления Италии и даже вел переговоры с Маццини и другими представителями итальянских республиканцев: в случае выступления Италии на стороне Франции Бисмарк собирался деньгами и оружием поддержать республиканское восстание в Италии. Окончательно внешнеполитическую позицию Италии на время франко-прусской войны определил Седан. Вместо того чтобы помогать Франции, итальянские войска 20 сентября вступили в Рим.

Иначе, чем на Австрию и Италию, военные успехи Пруссии повлияли на русскую дипломатию. Теперь Горчаков стал думать о скорейшем прекращении войны, с тем чтобы ослабление Франции не стало чрезмерным. Уже под влиянием первых успехов пруссаков, за несколько дней до битвы при Седане, царь написал письмо прусскому королю, убеждая его не навязывать Франции унизительного мира. Ответ Вильгельма I был мало утешительным. Король указывал, что «общественное мнение вряд ли позволит ему отказаться от аннексий».

После Седана французский поверенный в делах де Габриак стал пугать Горчакова, указывая на чрезвычайное усиление Германии. Горчаков посоветовал «правительству национальной обороны» Франции возможно скорее заключить мир. Он обещал, что царь снова напишет Вильгельму и посоветует ему соблюдать «умеренность». Он добавил даже, что в случае созыва европейского конгресса Россия заговорит на нем достаточно громко. По просьбе Горчакова Габриак показал ему телеграмму, в которой сообщал своему правительству о беседе с русским министром. В телеграмму Габриак включил было такую фразу: «Россия не допустит мира, не основанного на нашей территориальной целостности». Горчаков поспешил пресечь такое истолкование его слов: «*Не допустить* какого-либо положения, — сказал он, — это для великой державы значит обратиться к оружию, чтобы воспрепятствовать ему. Россия не может итти так далеко».

Царь и Горчаков согласились принять Тьера, который в октябре отправился в объезд по большим столицам просить о «заступничестве». Тьер был принят в Петербурге довольно любезно, но ему было сказано, что царь хочет мира. «Он окажет вам помощь, чтобы завязать переговоры, но не больше»,— сказал Тьеру Горчаков. Царь действительно написал новое письмо Вильгельму. Ответ заставил себя довольно долго ждать. Когда он, наконец, пришел, Горчаков вызвал Тьера и сообщил ему, что «мир возможен». Он дал понять, что считает приемлемыми те мирные условия, которые, по его сведениям, будут предложены Пруссией. «Надо иметь мужество заключить мир», — закончил Горчаков. По возвращении во Францию, Тьер 30 октября прибыл в Версаль, где находилась прусская главная квартира. Здесь он встретился с Бисмарком, и между ними начались переговоры о перемирии. У Тьера был составлен совершенно определенный план действий. Он намеревался торговаться с Бисмарком как можно упорнее и дольше, но, дойдя до того предела, когда станет ясным, что Бисмарк больше не уступит ни на иоту, — капитулировать. Тьер горел желанием скорее развязать себе руки для расправы с нараставшим революционным движением рабочего класса. Ради этого он был готов принять выдвинутые Бисмарком тяжелые условия.

«Правительство национальной обороны» собиралось последовать его примеру. Оно уже успело превратиться в правительство национальной измены. Но оно не посмело выполнить свои намерения. Оно испугалось народных масс Парижа, настаивавших на продолжении борьбы с врагом. Под давлением масс правительство отвергло мирные предложения, привезенные Тьером из Версаля. Так называемая «Турская делегация» правительства организовала сопротивление пруссакам. Глава этой делегации, Гамбетта, не разделял капитулянтских настроений своих коллег. Сопротивление Франции продолжалось до января 1871 г.

Переговоры Горчакова с Тьером свидетельствовали о том, что позиция русской дипломатии снова несколько изменилась. Советы пруссакам заключить мир на началах умеренности продолжались, но главная энергия направлялась уже на то, чтобы убедить французов скорее капитулировать. Из мемуаров Бисмарка известно, что это всецело отвечало и его желаниям: он боялся, как бы война не осложнилась чьим-либо вмешательством, и стремился возможно скорее договориться с французами. Горчаков решительно отказался от какого-либо коллективного выступления держав перед прусским правительством, о чем хлопотали австрийцы, или от созыва конгресса, о котором одно время он сам заговаривал.

Отмена нейтрализации Черного моря

Объясняется эта перемена тем, что 21 сентября Бисмарк подтвердил данное еще в 1866 г. обещание: оказать России полную поддержку в вопросе большой важности — именно, в отмене статей Парижского трактата, которые запрещали России держать флот на Черном море. Этот маневр Бисмарка имел полный успех, так как аннулирование ряда статей Парижского трактата было давнишней целью русского правительства. Поражение Франции устраняло со сцены одного из инициаторов злополучного трактата и создавало благоприятную обстановку для ревизии этого документа.

31 октября 1870 г. Горчаков издал циркуляр, в котором перечислялись случаи нарушения Парижского трактата другими державами. Из этого делался вывод, что ввиду подобных нарушений у России нет основания считать действительными все условия этого акта. Отныне она отказывается признавать статьи, ограничивающие ее суверенные права на Черном море.

Наибольшее негодование циркуляр Горчакова вызвал в Англии и в Австрии. Английское правительство предложило созвать конференцию по вопросу об отмене Парижского трактата, но Горчаков подчеркнул в своем ответе, что решение русского правительства является твердым и окончательным. Русское правительство не отказывалось от конференции. Но оно дало понять, что согласно на нее лишь при условии, что

конференция сведется к чистой формальности. Бисмарк не одобрял формы, выбранной Горчаковым для аннулирования стеснительных статей Парижского договора. По его мнению, Россия просто должна была бы начать строить корабли, никому не говоря ни слова. Тем не менее, он выполнил свое обещание и поддержал Россию.

Конференция собралась в Лондоне в январе 1871 г. Всем было заранее известно, что никто не рискнет всерьез противиться русским требованиям. Действительно, конференция в конце концов приняла отмену известных статей трактата 1856 г. согласно требованиям России. Лондонская конференция подтвердила принцип закрытия проливов для иностранных военных судов. Конвенция была подписана в марте.

Заключение прелиминарного мирного договора в Версале

Содействие, которое оказал России Бисмарк, обеспечило ему согласие России на мирные условия, которые он решил предъявить Франции.

26 февраля 1871 г. в Версале был подписан прелиминарный мирный договор. Германия получила Эльзас, восточную Лотарингию и 5 миллиардов франков контрибуции. Аннексия Эльзаса и Лотарингии и 5-миллиардная контрибуция, наложенная на Францию, превратили войну Германии из национальной в захватническую, несправедливую войну.

Парижская Коммуна и международная дипломатия

Парижская Коммуна 1871 г. как первая в истории человечества пролетарская революция не могла не отразиться на международных отношениях.

В первые дни после 18 марта 1871 г. и Александр II, и британский кабинет, и Бисмарк считали, что это восстание является лишь повторением безрезультатных парижских вспышек 31 октября 1870 г. и 22 января 1871 г., подавленных «Правительством национальной обороны». В германской главной квартире были даже довольны, предполагая, что ввиду парижских событий Тьер и Жюль Фавр станут уступчивее при выработке условий окончательного мирного договора. Переговоры относительно этих условий начались вскоре после подписания Версальского прелиминарного договора. Предстояло уточнить порядок и сроки уплаты контрибуции и многие другие вопросы. Исходя из этих соображений, Бисмарк сразу же после 18 марта предложил правительству Тьера свою поддержку против Парижа. 21 марта царский посол в Берлине, Убри, телеграфировал канцлеру Горчакову: «Вчера вечером видел графа Бисмарка. Он признал серьезность положения в Париже, но не слишком этим озабочен. Он сообщил мне под большим секретом, что предложил Тьеру свое содействие для преодоления кризиса в случае, если тот будет об этом просить. Войск под Парижем достаточно».

После переговоров между уполномоченным версальского правительства и представителем германского командования, в Руане 28 марта была заключена конвенция между Германией и версальским правительством: Тьеру было разрешено увеличить свою армию в парижском районе до 80 тысяч человек, т. е. удвоить ее по сравнению с условиями прелиминарного мира. Кроме того, должна была начаться репатриация французских военнопленных, часть которых могла поступить в распоряжение версальского командования. Через некоторое время Бисмарк разрешил Тьеру еще больше увеличить версальскую армию.

Правительство Коммуны в лице Клюзере попыталось вступить в переговоры с германскими оккупационными властями, стремясь обеспечить себе их нейтралитет. Бисмарк, сломив сопротивление Вильгельма I, пошел на эти переговоры. Он телеграфировал германскому представителю при версальском правительстве генералу Фабрици: «Прикажите ответить Клюзере, что вы готовы выслушать предложения, которые он намерен вам сделать, и довести их до моего сведения. Желательно было бы выпытать у него, из каких средств Коммуна рассчитывает уплатить контрибуцию». В апреле состоялись переговоры между Клюзере и представителем германского канцлера. Бисмарк явно хотел использовать эти переговоры для того, чтобы шантажировать версальское правительство, побудить его к скорейшему заключению окончательного мирного договора и подороже продать версальцам свою помощь при подавлении Коммуны.

Фавр попытался было обратиться в Петербург с жалобой и с просьбой к Горчакову переговорить по этому вопросу с Бисмарком: «Производя давление и отказывая нам в моральной поддержке, которую она сначала предоставила, а затем отняла, Пруссия становится пособницей Парижской Коммуны», — писал Фавр французскому послу в Петербурге Габриаку. — «Мы докажем это перед лицом всего мира, если нас к этому принудят».

Русский канцлер заявил французскому послу, что считает упреки Фавра необоснованными. Он предложил версальскому правительству поспешить с окончательным заключением мира и лойяльно выполнить вытекающие из него обязательства. То же самое сказал Габриаку и Александр II. Фавр должен был смириться.

Диктатура пролетариата в Париже, горячее сочувствие Коммуне со стороны Интернационала, радостное возбуждение в тогдашней революционной общественности всей Европы — все это стало внушать беспокойство монархам и руководящим буржуазным деятелям Европы. Все они сознавали, что существующему социальному и политическому строю грозит серьез-

ная опасность. Особенно волновалось царское правительство. «Можно быть уверенным, — писал Габриак 7 мая Фавру, — что Россия сделала и сделает все от нее зависящее, чтобы добиться от Пруссии предоставления вам необходимых облегчений для подавления восстания. Горчаков только что объявил это мне официально и с гораздо большей ясностью, чем при нашей последней беседе... Он сказал мне, что император, так же, как и он сам, понимает необходимость притти нам на помощь для подавления мятежа, который своими разветвлениями угрожает всему европейскому обществу».

В конце концов переговоры о сотрудничестве Бисмарка с Тьером против Коммуны окончились желательным для версальцев соглашением.

6 мая 1871 г. во Франкфурте-на-Майне начались мирные переговоры между Фавром и Бисмарком; 10 мая они завершились подписанием мирного договора. Эти переговоры оказались непосредственно связанными с вопросом о подавлении парижского восстания.

Накануне заключения мира (т. е. 9 мая 1871 г.) Бисмарк сообщил Мольтке из Франкфурта-на-Майне, где он вел переговоры с Фавром: «в силу тайного устного дополнительного соглашения мы допустим прохождение [версальских войск] через наши линии и заблокируем Париж с нашей стороны». И действительно, в решающие дни борьбы между Коммуной и версальцами, немцы не пропускали в Париж продовольствия. Они никому не позволяли бежать от расправы версальских палачей. Зато версальские войска они пропустили сквозь оккупированную зону к северным предместьям столицы. Вопреки предостережению Маркса, Коммуна не ожидала нападения с этой стороны, неосторожно понадеявшись на «нейтралитет» пруссаков.

Бисмарк настойчиво требовал от Тьера скорейшей ликвидации Парижской Коммуны. Но не только Бисмарк боялся соседства революционной Коммуны для новосозданной Германской империи. Орган секций Интернационала в Париже писал в апреле, что все европейские правительства принимают меры к тому, чтобы революция не перекинулась в другие страны. Вся надежда международной дипломатии, продолжала газета, возлагается на Германскую империю, которая должна выступить в качестве защитника «порядка» во всем мире. Россия, Австрия и Италия заявили германскому правительству, что интервенция немецких войск против Парижа будет одобрена всеми великими державами.

Разгром пролетарской революции во Франции был радостно встречен всей международной реакцией. «Мне не нужно вам говорить, — писал 24 мая из Петербурга Габриак Фавру, — с каким облегчением общественное мнение встретило здесь

новость о вступлении наших войск в Париж. Европейское общество чувствует себя освобожденным от ужасного кошмара, который давил его в течение двух месяцев».

Франкфуртский мир (10 мая 1871 г.)

Франкфуртский мирный договор подтверждал те основные условия, которые были установлены еще в версальских прелиминариях от 26 февраля. Франция уступила Германии Эльзас и часть Лотарингии и обязывалась уплатить 5 миллиардов контрибуции. Однако помощь пруссаков против Коммуны была куплена Тьером ценой ухудшения условий уплаты контрибуции и отсрочки вывода германских войск с французской территории.

То был грабительский мир. Какие же причины побудили Бисмарка совершить захват французской территории?

Главной причиной аннексии явились соображения стратегического порядка. И Бисмарк и Мольтке были убеждены, что война 1870—1871 гг. не ликвидирует векового антагонизма между Германией и Францией. Будучи уверенными в неизбежности новой войны с Францией, они стремились использовать свою победу для обеспечения Германии наиболее выгодной стратегической границы. «Я не строю никаких иллюзий», — откровенно объяснял Бисмарк французскому дипломату через три месяца после подписания Франкфуртского мира. — «С нашей стороны было бы абсурдом брать у вас Мец, который является французским. Я не хотел оставлять его за Германией. Но генеральный штаб запросил меня, могу ли я гарантировать, что Франция не станет брать реванш. Я ответил, что, напротив, я вполне убежден, что эта война является лишь первой из тех, которые разразятся между Германией и Францией, и что за ней последует целый ряд других. Мне ответили, что в таком случае Мец явится гласисом, за которым Франция может разместить сто тысяч человек. Мы должны были его сохранить. То же самое я скажу и об Эльзасе с Лотарингией: брать их у вас было бы ошибкой, если бы миру суждено было быть прочным, так как эти провинции являются для нас обузой». «Они станут как бы новой Польшей, — ответил француз, — Польшей, с Францией, стоящей за нею». «Да, — согласился германский канцлер, — Польшей, с Францией позади нее».

Захват Эльзаса и Лотарингии, по условиям того времени, действительно давал Германии серьезные стратегические выгоды. Пока французы владели Эльзасом, они могли оттуда сравнительно легко произвести вторжение в Южную Германию. Католический юг был самым уязвимым местом только что созданного единого германского государства. Его верность имперскому единству представлялась тогда довольно сомнительной. После перехода Эльзаса к Германии французы оказывались отброшенными за Вогезы. Теперь между Францией и Герма-

нией, кроме линии Рейна, высилась еще цепь Вогезских гор, трудно проходимых для большой армии. Таким образом, Эльзас имел серьезное оборонительное значение.

Наоборот, стратегическое значение Лотарингии было скорее наступательным. В Лотарингии немцы приобретали плацдарм, который приближал их к Парижу и значительно облегчал повторение «опыта» 1870 г.—удара на Париж через так называемую «вогезскую дыру», т. е. равнинное пространство между Вогезами на юге и Арденнами на севере. Стратегическим ключом к нему являлась крепость Мец, которая теперь оказалась в руках Германии.

По условиям прелиминарного договора от 26 февраля 1871 г. богатые рудой районы Лотарингии, расположенные к западу от Тионвиля, остались за Францией. Во время переговоров об окончательном мирном договоре Бисмарк, учитывая значение рудных богатств, предложил французам следующий обмен: Германия согласится на исправление границы у Бельфора, которого, по стратегическим соображениям, чрезвычайно добивались французы, а за это они уступят Германии рудный бассейн к западу от Тионвиля. Сначала Бисмарк встретил отказ. Интересно, что Бисмарк, беспощадно торговавшийся о сроках уплаты каждого миллиарда, отнесся к данному отказу спокойно. «В случае надобности, — писал он, — я лучше откажусь от расширения нашей границы, нежели сорву из-за этого все соглашение». Вскоре, впрочем, французы передумали, и обмен состоялся. Франция получила исправление границы у Бельфора и отдала Германии железорудный район. Весь этот эпизод показывает, что рудные богатства Лотарингии учитывались при заключении мира. Но он же свидетельствует, что решающую роль играли не они, а соображения стратегического порядка. Это и неудивительно: нужно только вспомнить, что в 1871 г. лотарингская руда еще не имела своего нынешнего значения. Она получила его только в конце 70-х годов, после открытия рентабельного способа переработки руд, богатых фосфором.

Бисмарку было совершенно ясно, что аннексия французской территории еще больше осложнит франко-германские отношения. Создавшаяся объективная обстановка заставила Бисмарка решать следующую политическую задачу: стоит ли пытаться разрядить напряженность франко-германских отношений? Если же попытка эта была безнадежной, не целесообразнее ли позаботиться о создании максимально выгодного театра для будущей войны? Бисмарк решил вопрос именно в последнем смысле.

Конечно, не аннексия двух провинций породила франко-германский антагонизм. И до этой аннексии самые различные французские правительства веками боролись против герман-

ского национального единства. После того как в 1871 г. это единство было достигнуто, буржуазная Франция мечтала бы об ослаблении Германии и в том случае, если бы Эльзас и Лотарингия остались французскими. Но аннексия придала движению за реванш в некотором роде оборонительную видимость, а вместе с нею дала ему такую силу внутри Франции, какой оно без этого никогда бы не приобрело. Именно так смотрел на дело Маркс. «Если французский шовинизм, — писал он, — пока держался *старый государственный порядок*, находил известное материальное оправдание в том, что с 1815 г. столица Франции — Париж, а тем самым и сама Франция оказывалась, после немногих проигранных сражений, беззащитной, то какую богатую пищу получит этот шовинизм, как только граница пройдет на востоке — у Вогезов, а на севере — у Метца?»[1] Франкфуртский мир был актом большого исторического значения — в нем были заложены первые зародыши войны 1914—1918 гг.

В самом начале войны Маркс дал глубочайший анализ ее последствий. В письме Комитету германской социал-демократии Маркс писал:

«Военная камарилья, профессура, бюргерство и трактирные политики утверждают, что это [захват Пруссией Эльзаса и Лотарингии] — средство навсегда оградить Германию от войны с Францией. Наоборот, это — вернейший способ превратить эту войну в *европейскую институцию*. Это — действительно наилучшее средство увековечить в обновленной Германии военный деспотизм как необходимое условие господства над *западной Польшей* — Эльзасом и Лотарингией. Это — безошибочный способ превратить будущий мир в простое перемирие до тех пор, пока Франция не окрепнет настолько, чтобы потребовать отнятую у нее территорию обратно. ...Тот, кто не совсем еще оглушен теперешней шумихой или *не заинтересован* в том, чтобы оглушать германский народ, должен понять, что война 1870 г. так же неизбежно чревата войной между Россией и Германией, как война 1866 г. была чревата войной 1870 г.»[2]

Франко-прусская война завершила целый ряд глубоких перемен в политическом положении Европы. Осуществилось национальное объединение Германии, хотя и без немецких областей Австрии. Закончилось объединение Италии, впрочем, без Триеста и Триента. Раньше восточными соседями Франции были бессильные мелкие государства, а западным соседом России была сравнительно небольшая Пруссия, к тому же поглощенная непрерывным соперничеством с Австрией.

---

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XXVI, стр. 69.
[2] Там же, стр. 68 и 69.

Теперь у границ России и Франции возникла мощная держава—Германская империя.

Для Франции положение изменилось не только на восточной, но и на юго-восточной ее границе. И здесь, после войн 1859—1871 гг., вместо восьми мелких итальянских государств, Франция очутилась в соседстве с объединенным Итальянским королевством. Сходные перемены претерпела и Австро-Венгрия. Словом, раньше между великими державами континента имелась рыхлая прослойка из слабых, мелких государств. То был своего рода буфер, несколько смягчавший толчки при соприкосновении великих держав. Теперь территории этих держав вплотную примкнули друг к другу.

Уже по одному этому международное положение стало более напряженным. Притом такая напряженность не была преходящим явлением: она стала неотъемлемым свойством новых международных отношений.

Конец первого тома.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. ДИПЛОМАТИЯ В ДРЕВНИЕ ВЕКА

Обобщающей работы по истории дипломатии древних веков не имеется. Сведения о дипломатических отношениях в древнем мире можно найти в исторических и историко-юридических сочинениях общего характера. Ниже приводятся важнейшие из этих трудов, а также и те из источников по древней истории, которые имеют наибольшее значение для истории дипломатии. Сначала указываются общие издания, затем следуют книги по Древнему Востоку, далее по Греции и Риму.

а) Источники

Древний мир. Изборник источников по культурной истории Востока, Греции, Рима. Под ред. проф. Б. А. Тураева и И. Н. Бороздина. Ч. 1. Восток. М. 1915.

Законы Ману. Перев. Эльмановича. Спб. 1913. Гл. 7. Царь.

Марр, Н. Я. и *Орбели, И. А.* Археологическая экспедиция 1916 года в Ван, раскопки двух ниш на Ванской скале и надписи Сардура II из раскопок западной ниши. Петроград. 1922.

Марр, Н. Я. Надписи Русы II из Маку. «Записки Восточного отдела Русского археологического общества». М. 1921. Т. 25.

Никольский, М. В. Клинообразные надписи ванских царей, открытые в пределах России. «Древности восточные». (Труды Восточной комиссии Московского археологического общества. М. 1893. Т. 1. Вып. 3, стр. 375—453.)

Никольский, М. В. Клинообразные надписи Закавказья. «Материалы по археологии Кавказа». М. 1896. Вып. 5.

Гомер. Илиада. Перев. Гнедича или Минского. М. 1935 (и другие издания).

Геродот. История в девяти книгах. Перев. с греч. Ф. Г. Мищенко, с его предисловием и указаниями. 2-е исправленное и дополненное издание. Т. 1—2. М. 1888.

Фукидид. История. Перев. Ф. Мищенко с примечаниями и вступительным очерком С. Жебелева. Т. 1—2. М. 1915.

Ксенофонт. Греческая история. Перевод, вступительная статья и комментарии С. Лурье. Л. 1935.

Речи Демосфена. Перев. с греч. Ф. Г. Мищенко, с его примечаниями и предисловием. М. 1903. Вып. 1.

Речи Демосфена против Филиппа. Перев И. Добиаша. Нежин. 1896.

Речь Эсхина против Ктесифонта. Перев. с греч. К. Нейлисов. Спб. 1887.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Перев. с греч. В. Алексеева. Т. 1—9 (26 вып.). Спб. 1893—1895.

Ливий, Тит. Римская история от основания города. Перев. с лат. под ред. П. Адрианова. Т. 1—6. М. 1891—1896.

Полибий. Всеобщая история в 40 книгах. Перев. с греч. Ф. Г. Мищенко. Т. 1—3. М. 1890—1899.

Цезарь, Гай Юлий. Записки о Галльской войне. Перев. В. Рудакова. Спб. 1894.
Тацит, Корнелий. Сочинения. Перев. В. И. Модестова. Т. 1—2. Спб. 1886—1887.
Светоний, Гай Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. Перев. Кончаловского. М. 1933. Перев. В. Алексеева. Спб. 1904.
Аммиан Марцеллин. История. Перев. с лат. Ю. Кулаковского и А. Сонни. Вып. 1—3. Киев. 1906—1908.
Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами, вандалами и готами. История войн римлян с вандалами. Перев. с греч. С. Дестуниса. Кн. 1, 2. Спб. 1891—1893.
Knudtzon, S. A. Die El-Amarna Tafeln. Leipzig. 1908.
Royal Correspondence of the Assyrian Empire. Translated into English with a transliteration of the text and a commentary by L. Waterman, p. I—IV. Michigan. 1930—1936.
Lehmann-Haupt, K. F. Corpus inscriptionum Chaldicarum. Berlin. 1928.
Scala, R. Staatsverträge des Altertums. Bd. 1 (до 338 г.). 1898.
Dittenberger, G. Sylloge inscriptionum Graecorum, condita et aucta nunctertium edita. Vol. 1—4. Leipzig. 1915—1924.
Aeschines. Orationes. Lipsiae. 1908 (и другие издания).
Diodorus [Siculus.] Bibliotheca historica. T. 1—5. Leipzig. 1888—1906 (и другие издания).
Aulus Gellius noctes atticae... Ed. minor II. Leipzig. 1886 (и другие издания).
Appianus. Historia romana ed. L. Mendelssohn. T. 1 Iberica, Macedonica, Mithridatica. Lipsiae. 1879.
M. Tullius Cicero. Scripta quae manserunt omnia. Rec. Mueller. Pars 1. Opera rhetorica. Vol. 1—2. Leipzig. 1891. Vid.: De re publica. De legibus. De officiis. In Vatinium. Pro Sestio.
C. Julius Caesar. Commentarii de bello Gallico. Москва. 1914 (и другие издания).
«*Res Gestae* divi Augusti». Ex monumentis Ancyrano et Apolliensi ed. Th. Mommsen. B. 1883.
Dio Cassius. Historiarum Romanarum quae supersunt ed. U. P. Boissevain. Vol. 1—4. B. 1895—1926.
Dio Prusaensis Chrysostomus. Dionis Prusaensis, quem vocant Chrysostomum, [Opera] quae exstant omnia, edidit, apparatu critico instruxit J. de Arnim. Vol. 1—2. B. 1893—1896.
Iordanus Romana et Getica, rec. Th. Mommsen. B. 1881 (Monumenta Germaniae historica. Vol. 5, p. 1). Vid.: De origine actibusque Getarum.
«Fragmenta Historicorum Graecorum». Vol. 4. P. 1851. Petrus Patricius. Vid.: p. 206—218.
Corpus juris civilis. T. 1. Institutiones recognovit Paul Krueger. Digesta recognovit Th. Mommsen. B. 1906. Vid.: Digesta...
Theodosiani libri XVI, cum constitutionibus Sirmon- dianis et leges novellae ad Theodosianum pertinentes. Ed. Th. Mommsen et P. Meyer. T. 1—2. B. 1905. Vid.: Codex Theodosianus.

б) Классики марксизма

Маркс, К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. «Пролетарская революция». 1939. № 3 или «Вестник древней истории». 1940. № 1.
Энгельс, Ф. К истории древних германцев. М. Партиздат. 1938.

в) Исторические исследования

Тураев, В. А. История Древнего Востока. Под ред. В. В. Струве и И. Л. Снегирева. Т. 1—2. Л. 1936. Т. 1, отд. 1 и 2; т. 2, отд. 3, 4, 5, 6.
Мещанинов, И. И. Халдоведение. Баку. 1927.

Белох, Ю. История Греции. Т. 1—2. М. 1897—1899.
Дройзен, И. Г. История эллинизма. Перев. с франц., дополненного автором издания. Под ред. А. Буше-Леклерка. Т. 1—3. М. 1890—1893.
Моммзен, Т. История Рима. Т. 1—2. М. 1936—1937. См. также старое издание: *Моммсен, Ф.* Римская история. Перев. с последнего (7) издания. Т. 1—3, 5. М. 1885—1887.
Покровский, И. А. История римского права. Изд. 4-е. Пг. 1918.
Meyer, E. Geschichte des Altertums. 2. völlig neubearbeitete Auflage. Bd. 2—3. Stuttgart und Berlin. 1928—1937.
Meyer, E. Geschichte des Altertums. Bd. 4—5. Stuttgart. 1901—1902.
Beloch, K. J. Griechische Geschichte, 2. Auflage. Bd. 1—4. Berlin u. Leipzig. 1912—1927.
Buettner-Wobst, T. De legationibus rei publicae liberae temporibus Romam missis. Leipzig. 1876.
Cloché, P. La politique étrangère d'Athènes de 404 à 338 avant J.-C. P. 1934.
Egger, E. Etudes historiques sur les traités publiés chez les Grecs et chez les Romains depuis les temps les plus anciens jusqu'aux premiers siècles de l'ère chrétienne. Nouvelle éd. P. 1866.
Helm, R. Untersuchungen über den auswärtigen diplomatischen Verkehr des Römischen Reiches im Zeitalter der Spätantike. «Archiv für Urkundenforschung». Leipzig. 1932, No. 12.
Laurent, F. Histoire du droit des gens et des relations internationales... T. 3. Bruxelles. 1862.
Mommsen, Th. Römisches Staatsrecht. Bd. 2—3. Leipzig. 1887—1888. Bd. 2. Abt. 1, 2. Die einzelnen Magistraturen. Bd. 3. Abt. 1, 2. Bürgerschaft und Senat.
Müller, W. De ritibus et ceremoniis quibus Graeci commercia publica sanxerunt. Koenigsberg. 1854.
Sorgenfrey, T. De vestigiis juris gentium Homerici. Leipzig. 1871.
Niese, B. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea. Bd. 1—3. Gotha. 1893—1903.
Thurm, E. A. De Romanorum legatis rei publicae liberae temporibus ad exteras nationes missis. Leipzig. 1883.
Weiske, K. Aug. Considérations historiques et diplomatiques sur les ambassades des Romains, comparées aux modernes. Zwickau. 1834.
Willems, P. Le Sénat de la République Romaine. Vol. 2. Les attributions du Sénat. Louvin. 1885.

II. ДИПЛОМАТИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА

(ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ И ВИЗАНТИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ)

а) Источники

Карпини, Иоанн де Плано. История монгалов. Спб. 1911.
Прокопий Кесарийский. Тайная история. «Вестник древней истории». 1938, № 4, стр. 271—362.
Рубрук, В. Путешествие в восточные страны. Спб. 1911.
Сказания Приска Панийского. Перев. Г. С. Дестуниса. Спб. 1860.
Стасюлевич, М. М. История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. Т. 1—3. Спб. 1913—1915.
Средневековье в его памятниках, под ред. Д. Н. Егорова. М. 1913.
Хрестоматия по истории средних веков, под ред. Грацианского и Сказкина. Т. 1. М. 1939.
Baschet, A. Histoire du dépôt des archives des affaires étrangères à Paris, au Louvre en 1710, à Versailles en 1763, et de nouveau à Paris. P. 1875.
Bergenroth, G. Letters, dispatches and State papers relating to the negotiations between England and Spain. Vol. 1—3. L. 1862.

Charrière, E. Négociations de la France dans le Levant. P. 1860. (Collection des documents inédits sur l'histoire de France. T. 4—6.)
Commines, Ph. Mémoires, éd. Dupont. P. 1843.
Constantinus Porphyrogenos. De Ceremoniis aulae byzantiae. Bonnae. 1829—1830. (Opere. Vol. 1—2.)
Einhardus. Vita Karoli Magni. Ed. 5. Hannoverae et Lipsiae. 1905. (Scriptores rerum germanicarum in usum scolarum ex Monumentis Germaniae historicis separatim editi.)
Gentilis Albericus. De Legationibus. Vol. 1—2. L. 1583 (N. Y. 1924).
Lettres de Louis XI, publ. par J. Vaesen, E. Charavay et B. Mandrot. T. 1—11. P. 1883—1909.
Lettres et négociations de Philippe de Commines, publ. avec un commentaire historique et biographique par J. Kervyn de Lettenhove. Bruxelles. 1867.
Négociations diplomatiques de la France avec Toscane. Documents recueillis par G. Canestrini et par A. Desjardins. P. 1872.
Nizam Oul-Moulk (le vizir). Siasset Namèh. Traité de gouvernement composé pour le sultan Mélik-Châh. Trad. par Ch. Schefer. P. 1894. (Publications de l'Ecole des langues orientales vivantes. T. 7.)
Thomas, G. M. Die ältesten Verordnungen der Venetianer für auswärtige Angelegenheiten. (Abhandlungen der Münchener Akademie der Wissenschaften. 1873).
Villehardouin, G. La conquête de Constantinople. P. 1905.

б) Классики марксизма-ленинизма

Маркс, К. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса. Т. V—VI. М. 1938—1939.
Маркс, К. Секретная дипломатическая переписка. Соч. Т. IX, стр. 694—709.
Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Соч. Т. XVI. Ч. I.
Энгельс, Ф. О разложении феодализма и развитии буржуазии. Соч. Т. XVI. Ч. I.
Энгельс, Ф. Франкский период. Соч. Т. XVI. Ч. I.
Ленин, В. Государство и революция. Соч. Т. XXI.
Сталин, И. Марксизм и национальный вопрос. М. 1939.

в) Исторические исследования

Александренко, В. Дипломатическое представительство пап. «Журнал Юридического общества». Спб. 1894, ноябрь.
Бартольд, В. В. Карл и Харун-ар-Рашид «Христианский Восток». 1912. Т. 1.
Бартольд, В. В. Мусульманский мир. Пг. 1922.
Бартольд, В. В. Культура мусульманства. Пг. 1918.
Васильев, А. А. Византия и арабы. Л. 1925.
Васильев, А. А. История Византии. Вып. 1. Византия и крестоносцы. Л. 1923.
Васильев, А. А. Латинское владычество на Востоке. Л. 1923.
Васильевский, В. Г. Материалы для внутренней истории Византийского государства. Собр. соч. Т. 4. Спб. 1909.
Всеобщая история с IV столетия до нашего времени. Составлена под руководством Э. Лависса и А. Рамбо. Т. 1—4. М. 1897—1898.
Диль, Ш. Юстиниан и византийская цивилизация в VI веке. Спб. 1908.
Додю, Г. История монархических учреждений в Латино-Иерусалимском королевстве. Спб. 1897.

Дринов. Южные славяне и Византия в X веке. М. 1875. «Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете». Кн. 3.
Корелин, М. С. Важнейшие моменты в истории средневекового папства. Спб. 1901. (История Европы по эпохам и странам в средние века и новое время.)
Лозинский, С. Г. История папства. Т. 1. М. 1934.
Пти-Дютайи, Ш. Феодальная монархия во Франции и Англии X—XIII вв. М. 1938.
Тарле, Е. В. История Италии в средние века. Спб. 1906.
Успенский, Ф. История крестовых походов. Спб. 1901.
Успенский, Ф. История Византийской империи. Л. 1927.
Фюстель де Куланж, Д. История общественного строя древней Франции. Т. 1—2. М. 1904.
Andreas, W. Die venetianischen Relationen und ihr Verhältnis zur Kultur der Renaissance. Leipzig. 1908.
Baschet, A. La diplomatie venetienne. Les princes de l'Europe au XVI siècle. P. 1862.
Baschet, A. Les Archives de Venise. Histoire de la chancellerie secrète... P. 1870.
Battur, G. Traité de droit politique et de diplomatie. T. 1—2. 1822.
Baxmann, R. Die Politik der Päpste von Gregor I bis auf Gregor VII. Theil 1—2. Elberfeld. 1868—1869.
Boutaric, E. La France sous Philippe le Bel. P. 1861.
Burns, C. A Short History of International Intercourse. Oxford. 1924.
Cambridge Medieval History. Plan. by J. B. Bury. Cambridge. 1924—1936.
Champion, P. Louis XI. T. 1—2. P. 1928.
Clemens, S. Der Beruf der Diplomaten. B. 1926.
Deprez, L. Les préliminaires de la guerre de cent ans. P. 1902.
Desjardins, A. Louis XI, sa politique extérieure, ses rapports avec Italie. P. 1874.
Diehl, Ch. Une république patricienne. Venise. P. 1916.
Flassan, G. Histoire générale et raisonnée de la diplomatie française depuis la fondation de la monarchie jusqu'à la fin du règne de Louis XVI. T. 1—7. P. 1811.
Gachard, L. Les monuments de la diplomatie vénitienne, considérés sous le point de vue de l'histoire moderne en général, et de l'histoire de la Belgique. P. 1853.
Genet, R. Traité de diplomatie. P. 1930.
Guarini, G. Legazioni stabili prima del quattrocento. Roma. 1909.
Hartmann, L. Geschichte Italiens im Mittelalter. Bd. 1—4. Gotha. 1911.
Hatschek, Y. Wörterbuch des Völkerrechts und der Diplomatie. B. 1924—1929.
Heyd, W. Histoire du commerce de Levant au moyen-âge. T. 1—2. Leipzig. 1923.
Heynen, R. Zur Entstehung des Kapitalismus in Venedig. Stuttgart—Berlin. 1905.
Hill, D. L. A History of Diplomacy. Vol. 1—2. L. 1905—1915.
Huillard-Bréholles, J. Historia diplomatica Frederici II... Vol. 1—12. P. 1852—1861.
Kantorowicz, E. Kaiser Friedrich II. B. 1927.
Krauske, O. Die Entwickelung der ständigen Diplomatie vom XV. Jahrhundert. Leipzig. 1885. (Staats- und Socialwissenschaftliche Forschungen. Hrsg. von Gustav Schmoller. Bd. 5. Heft 3.)
La Roncière, Ch. Bourel. Histoire de la marine française. T. 1—2. P. 1899—1900.
Lisst, F. Das Völkerrecht systematisch dargestellt. 12. Auflage. B. 1925.
Löhren. Beiträge zur Geschichte des gesandschaftlichen Verkehrs im Mittelalter. Heidelberg. 1884.

Luxardo, H. Das päpstliche Vordekretalen Gesandtschaftsrecht. Iensbruck. 1878.
Mackay. Die moderne Diplomatie. Frankfurt a. M. 1915.
Martens, Ch. Le Guide diplomatique. T. 1—3. Leipzig. 1866.
Martens, F. Grundriss einer diplomatischen Geschichte der europäischen Staatshandel und Friedenschlüsse seit dem Ende des XV. Jahrhunderts. B. 1807.
Maulde la Clavière, R. La diplomatie au temps de Machiavel. T. 1—3. P. 1892—1893.
Meister, A. Die Anfänge der modernen diplomatischen Geheimschrift. Paderborn. 1902.
Meissel. Cours de style diplomatique. T. 1—2. P. 1826.
Meyer, A. Die englische Diplomatie in Deutschland zur Zeit Eduards VI und Mariens. Breslau. 1900.
Menzel, V. Deutsches Gesandtschaftswesen im Mittelalter. Hannover. 1892.
Moreuil, L. Dictionnaires des chancelleries diplomatiques et consulaires. T. 1—2. P. 1885.
Mowat, R. A History of European Diplomacy. L. 1928.
Nys, E. Les origines du droit international. P. 1884.
Ompteda, Fr. Litteratur des sogenannten sowohl natürlichen als positiven Völkerrechts. Theil. 1—2. Regensburg. 1785.
Ohsson, Ch. Histoire des Mongoles. La Haye. . 1834—1836.
Pradier-Fodéré, P. Cours de droit diplomatique. P. 1881.
Rambaud, A. L'empire grec au X siècle. Constantin Porphyrogenète. P. 1870.
Reumont A. Della diplomazia italiana dal secolo XIII al XVI. T. 1. Firenze. 1857.
Reumont, A. Italienische Diplomaten 1260—1550. (In: Raumers Historisches Taschenbuch. 1841.)
Rodd, J. Diplomacy. L. 1929.
Schaube, A. Das Konsulat des Meeres in Pisa. Leipzig. 1888.
Schmidt, M. Geschichte des Welthandels. 4. Auflage. Leipzig. 1922.
Schlumberger, G. L'épopée Bysantine à la fin du dixième siècle. T. 1—3. 1896—1905.
Zeller, J. La diplomatie française vers le milieu du XVI siècle. P. 1881.
Zeller, H. Das Seerecht in den Assisen von Jerusalem, nach der Handschrift Venedig. Heidelberg. 1916.
Zorn, Ph. Deutsches Gesandtschafts und Konsularrecht. B. 1920.

III. РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ (X—XV века)

ДИПЛОМАТИЯ КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВА

а) Источники

Договоры Руси с греками — текст см. в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях. См. также: *Владимирский-Буданов, М.* (Хрестоматия по истории русского права. Спб. — Киев. Изд. 5-е. 1899. Там же, библиография изданий.)
Известия византийских писателей о Северном Причерноморье. Вып. 1. Л. 1934. («Известия ГАИМК». Вып. 91.)

б) Исторические исследования

Иконников, В. С. Опыт русской историографии. Т. 2. Кн. 1. Киев. 1908.
Лавровский, Н. А. О византийском элементе в языке договоров русских с греками. Спб. 1853.
Сергеевич, В. И. Греческое и русское право в договорах с греками X в. «Журнал министерства народного просвещения». 1882. Январь.
Шахматов, А. А. Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря. «Записки Неофилологического общества при Петроградском университете». 1915. Вып. 8.

ФЕОДАЛЬНАЯ РАЗДРОБЛЕННОСТЬ (XI—XV века)

а) Источники

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. Т. 1. Спб. 1836.

Грамоты, касающиеся до сношений северо-западной России с Ригою и ганзейскими городами в XII, XIII и XIV веках. Спб. 1857.

Договор смоленского князя Мстислава Довидовича, заключенный с г. Ригою и Готландским берегом... [1229 г.] (В кн.: Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 2. М. 1819.) [Готландская ред.] Тоже рижская ред.: Карамзин, Н. М. История Государства российского. Изд. 5-е. Т. 3. Прим. № 248.

Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных. Под ред. С. В. Бахрушина. М. 1909.

Ипатьевская летопись. Спб. 1908. (Полное собрание русских летописей. Т. 2.)

Лаврентьевская летопись. Вып. 1. Повесть временных лет. Изд. 2-е. Л. 1926. (Полное собрание русских летописей. Т. 1.)

Новгородская летопись по синодальному харатейному списку. Издание Археографической комиссии. Спб. 1888.

Памятники истории Великого Новгорода. Под ред. С. В. Бахрушина. М. 1909.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 1. М. 1813.

Полную библиографию договоров русских городов с немецкими в XII—XV веках см.: *Владимирский-Буданов, М.* Хрестоматия по истории русского права. Спб. — Киев.

б) Исторические исследования

Андреевский, И. Е. О договорах Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенных в 1270 году. Спб. 1855.

Иконников, В. С. Опыт русской историографии. Т. 2. Кн. 2. Киев. 1908.

Линниченко, И. А. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XVI столетия. Киев. 1884.

Никитский, А. И. История экономического быта Великого Новгорода. М. 1893.

Никитский. Отношения новгородского владыки к немецкому купечеству по новым данным. «Журнал министерства народного просвещения». 1883. № 7.

Соловьев, С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1. Изд. 3-е. Спб. (Б. г.)

IV. ДИПЛОМАТИЯ В НОВОЕ ВРЕМЯ (XVI—XVIII века)

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

а) Источники

Макиавелли, Н. Князь. М. 1910.

Callières, F. De la manière de négocier avec les souverains. P. 1716.

Colbert, Z. B. Lettres, instructions et mémoires, publ. par P. Clement. T. 1—7. P. 1861—1871.

Correspondance administrative sous Louis XIV. Recueillié et mise en ordre par G. B. Depping. T. 1—4. P. 1850—1855.

Correspondance secrète inédite de Louis XV, sur la politique étrangère aves le comte de Broglie, Tercier etc., et autres documents relatifs au ministère secret, publ. par M. E. Boutaric. T. 1—2. P. 1866.

Frédéric II. Histoire de mon temps. Histoire de la guerre de sept ans. Antimachiavel. (Oeuvres... P. 1846—1857. T. 2, 3, 7.)
Grotius, Hugo. Hugonis Grotii de jure belli ac pacis. P. 1625.
Grotius, Hugo. Le droit de la guerre et de la paix. Vol. 1—2. Basle. 1768. (С многочисленными примечаниями и толкованиями.)
Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française, publ. sous les auspices de la commission des archives diplomatiques au ministère des affaires étrangères. T.1—25. P. 1884—1893.
Richelieu. Mémoires. P. 1821—1823. (Collection complète des mémoires relatifs à l'histoire de France, publ. par Pétitot. Série 2.)
Richelieu. Testament politique. (Oeuvres du cardinal de Richelieu. P. 1933.)
Le secret du roi. Correspondance secrète de Louis XV avec ses agents diplomatiques (1752—1774), publ. par A. Broglie. T. 1—2. P. 1879.
Wicquefort, A. L'Ambassadeur et ses fonctions. T. 1—2. La Haye. 1681. (и другие издания).

б) Классики марксизма-ленинизма

Маркс, К. и *Энгельс, Ф.* Ф. Гизо: «Почему удалась английская революция?» Соч. Т. III.
Маркс, К. и *Энгельс, Ф.* Буржуазия и контрреволюция, Соч. Т. VII.
Маркс, К. Капитал. Т. I, гл. 24.
Маркс, К. Морализующая критика и критикующая мораль. Соч. Т. V.
Маркс, К. Письмо к Энгельсу от 2 декабря 1856 г. Соч. Т. XXII.
Энгельс, Ф. Положение Англии — XVIII век. Соч. Т. II.
Энгельс, Ф. Крестьянская война в Германии. Соч. Т. VIII.
Энгельс, Ф. О разложении феодализма и развитии буржуазии. Соч. Т. XVI.

в) Исторические исследования

Вандаль, А. Императрица Елизавета и Людовик XV. М. 1911.
Всеобщая история. Составлена под руководством Лависса, Э. и Рамбо, А. Т. 5—7. М. 1898—1899.
Гизо, Ф. История английской революции (перев. с франц.) Т. 1—2. Спб. 1868.
История средних веков. Допущено... в качестве учебника для исторических факультетов государственных университетов и педагогических институтов. Т. 2. М. 1939.
Кареев, Н. История Западной Европы в новое время. Т. 2—3. Изд. 3-е. Спб. 1904.
Митрофанов, П. История Австрии. Ч. 1. Спб. 1910.
Прескотт. История царствования Филиппа II, короля испанского. Ч. 1—2. Спб. 1868.
Радциг, Н. И. Страница из истории французского империализма XVIII века. Дюпле в Индии, 1722—1754. Ярославль. 1929.
Соловьев, С. М. История России с древнейших времен. Т. 24. М. 1874.
Сорель, А. Европа и Французская революция. Перев. с франц. Т 1. Спб. 1892.
Baumgarten, H. Geschichte Karls V. Bd. 1—3. Stuttgart. 1885—1892.
Baumgarten, H. Karl V und die deutsche Reformation. Halle. 1889.
Black, J. B. The Reign of Elisabeth, 1558—1603. Oxford. 1937.
Broglie, A. Frederic II et Louis XV, d'après des documents nouveaux (1742—1744). T. 1—2. P. 1885.
Cambridge Modern History. Vol. 5—6. L. 1908—1909.
Erdmannsdörffer, B. Deutsche Geschichte, 1648—1740. Bd. 1—2. B. 1888—1893.

Flassan, G. Histoire générale et raisonnée de la diplomatie française. T. 4—7. P. 1811.
Hauser, H. La prépondérance espagnole (1559—1660). P. 1933. (*Halphen* et *Sagnac.* Peuples et civilisations.)
Histoire de France, publ. par E. Lavisse. T. 5—8. P. 1903—1908.
Kaltenborn, C. Die Vorläufer des Hugo Grotius auf dem Gebiet des Jus naturae et gentium, sowie der Politik im Reformationszeitalter. Leipzig. 1848.
Legrelle, A. La diplomatie française et la succession d'Espagne. T. 1—4. 1888—1893.
Maulde de Clavière. La diplomatie aux temps de Machiavel. T. 1—3. P. 1892—1893.
Merriman, R. B. The Rise od the Spanish Empire in the Old and the New. Vol. 1—2. N. Y. 1918.
Mignet, F. Rivalité de François I et de Charles-Quint. 3-e ed. P. 1886.
Oncken, W. Das Zeitalter Friedrichs des Grossen. Bd. 1—2. B. 1881—1882.
Pichot, A. Charles-Quint. P. 1854.
Pradier-Fodéré, P. Traité du droit international public européen et américain. T. 1—8. P. 1884—1906.
Read, C. Mr. Secretary Walsingham and the Policy of Queen Elisabeth. Vol. 1—3. L. 1925.
Schaefer, A. Geschichte des Siebenjährigen Krieges. Bd. 1—2. Leipzig. 1870—1871.
Sée, H. et *Rebillon, D.* Le XVI-e siècle. P. 1934. (Clio. Introduction aux études historiques. 6.)
Sorel, A. La question d'Orient au XVIII-e siècle; le partage de la Pologne et le traité de Kainarji. 2-e éd. P. 1889.
Valbert, G. Alberoni et sa correspondance avec le comte Rocca. «Revue des Deux Mondes». 1893. 1 Février.
Vandal, A. Le pacha Bonneval. P. 1885.
Winter, G. Geschichte des 30-jährigen Krieges. B. 1893.

V. РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ XVI—XVII ВЕКОВ

а) Источники

Герберштейн, С. Записки о московских делах. Перевод А. И. Малеина. Спб. 1908.
Мейерберг, А. Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга. «Чтения в обществе истории и древностей российских». 1873. Кн. 3—4.
Олеарий, А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Спб. 1906.
Олеарий, А. Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах. Перев. с нем. М. 1870.
Посольство в Испанию стольника П. Ив. Потемкина [1667]. «Древняя российская вивлиофика». Т. 2. Ч. 3. Гор. Мышкин. 1894.
Посольство во Флоренцию. В. Лихачева и И. Фомина во Флоренции. «Древняя российская вивлиофика». Т. 1. Ч. I. 1891.
Посольство стольника и наместника Боровского [П. И. Потемкина] во Францию [1668]. «Древняя российская вивлиофика». Т. 3. Ч. 5. Гор. Мышкин. 1895.
Посольство Конрада фон Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. Спб. 1900.
Статейный список посольства стольника И. И. Чемоданова в Венецию 1656. «Древняя российская вивлиофика». Т. 5. Ч. 7. Гор. Мышкин. 1896.

Таннер, Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. Перев. с лат. М. 1891.
Якубов, К. Россия и Швеция в первой половине XVIII века. Сборник материалов... М. 1897.

Подробную библиографию источников по истории дипломатии в XV—XVII веках см. в «Материалах для библиографии по истории народов СССР XVI—XVII веков». Л. 1933.

б) Исторические исследования

Бантыш-Каменский, Н. Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 г. Казань. 1882.
Бантыш-Каменский, Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.) Ч. 1—4. М. 1894—1902.
Белокуров, С. А. О Посольском приказе. М. 1906.
Брикнер, А. Г. Русские дипломаты-туристы в Италии в XVII столетии «Русский вестник». 1877. № 3, 4, 7.
Веселовский, Н. И. Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII и XVIII столетиях «Журнал министерства просвещения». 1884. Июль.
Веселовский, Н. И. Татарское влияние на посольский церемониал в московский период русской истории. Спб. 1911.
Гамель, И. Англичане в России в XVI—XVII столетиях. Спб. 1865—1869.
Донесения посланников республики Соединенных Нидерландов при русском дворе... С приложением очерка сношений Московского государства с республикой Соединенных Нидерландов до 1631 г. Под ред. В. А. Кордта. Спб. 1902. Сборник имп. русского исторического общества. Т. 116.
Забелин, И. Е. Русские посольства в Турции в XVII столетии. «Русская старина». 1877. Сентябрь.
Капустин, М. Дипломатические сношения России с Западной Европой во второй половине XVII века. М. 1852.
Карамзин, Н. М. История государства Российского. Т. 6—9. М. 1903.
Кологривов, С. Н. Материалы для истории сношений России с иностранными державами в XVII веке. Спб. 1911.
Лыжин, Н. П. Столбовский договор и переговоры, ему предшествовавшие. Спб. 1857.
Любименко, И. И. История торговых сношений России с Англией. Вып. 1. XVI век. Юрьев. 1912.
Любименко, И. И. Московский рынок, как арена борьбы Голландии с Англией. «Русское прошлое». 1923. № 5.
Любименко, И. И. Проект англо-русского союза в XVI и XVII веках. «Исторические известия». 1916. № 3—4.
Мартенс, Ф. Ф. Россия и Англия в продолжение XVI и XVII веков. «Русская мысль». 1891. Кн. 1—2.
Мартенс, Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 1 и 5. Спб. 1874—1880.
Попов, А. Русское посольство в Польше 1673—1677 гг. Спб. 1854.
Савва, В. Московские цари и византийские василевсы. Харьков. 1901.
Савва, В. О Посольском приказе в XVI веке. Вып. 1. Харьков. 1917.
Соловьев, С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1, 2 и 3. Изд. 3-е. Спб. (Б. г.)
Толстой, Ю. В. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией 1553—1593 гг. Спб. 1875.
Уляницкий, В. А. Сношения России с Среднею Азиею и Индиею в XVI—XVII веках. «Чтения в обществе истории и древностей Российских». 1888. Кн. 3.

Форстен, Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII веках (1544—1648). Т. 1—2. Спб. 1893—1894.
Форстен, Г. В. Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI веках. Спб. 1884.
Форстен, Г. В. Датские дипломаты при Московском дворе во второй половине XVII века. «Журнал министерства народного просвещения». 1904. № 9, 11, 12.
Форстен, Г. В. Сношения Швеции и России во второй половине XVII века (1648—1700). «Журнал министерства народного просвещения». 1898, Февраль, апрель, май, июнь; 1899, июнь, сентябрь.
Форстен, Г. В. Сношения Швеции с Россией в царствование Христины. «Журнал министерства народного просвещения». 1891. № 6.
Церетели, Е. Елена Иоанновна, великая княгиня литовская, русская, королева польская. Спб. 1898.
Чарыков, Н. В. Посольства в Рим и служба в Москве Павла Манезия (1637—1694). Спб. 1906.
Pierling, P. La Russie et le Saint Siège. 1—3. P. 1896—1904.

Подробную библиографию истории дипломатических сношений России в XV—XVII веках см.: «Материалы для библиографии по истории народов СССР. XVI—XVII века». Л. 1933.

VI. РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ XVIII ВЕКА

а) Источники

Мартенс, Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 1—2, 5—6, 9. Спб. 1874—1892.
Оболенский, кн. О вооруженном морском нейтралитете. Спб. 1859.
Переписка вел. княгини Екатерины Алексеевны и английского посла сэра Чарльза Г. Уилльямса 1756 и 1757 гг. М. 1909.
Сегюр, Л. Ф. Записки гр. Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785—1789). Перев. с франц. Спб. 1865.
Юль, Ю. Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709—1711). М. 1900.
Catherine II, imp. Mémoires de l'impératrice Catherine II. 2 ed. Londres. 1859.
La cour de la Russie il y a cent ans 1725—1783... Berlin, Paris, Londres. 1858.
См. также дипломатические материалы по XVIII веку, опубликованы в Сборниках имп. Русского исторического общества и в Архиве кн. Воронцовых.

б) Классики марксизма-ленинизма (см. раздел VIII библиографии)

в) Исторические исследования

Александренко, В. К. Посольский церемониал в XVIII веке и отношение к нему русских дипломатов. «Варшавские университетские известия». 1894. Кн. 8.
Александренко, В. П. Русские дипломатические агенты в Лондоне в в XVIII веке. Т. 1—2. Варшава. 1897.
Александров, П. А. Северная система. М. 1914.
Бантыш-Каменский, Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). Ч. 1—4. М. 1894—1902.
Безобразов, П. В. О сношениях России с Францией. М. 1892.
Брикнер, А. Россия, Англия и Пруссия в 1787—1791 гг. «Русский вестник». 1887. № 10 и 11.

Григорович, Н. Канцлер князя А. А. Безбородко в связи с событиями его времени. Т. 1—2. Спб. 1879—1881. «Сборник имп. русского исторического общества». Т. 26 и 29.
Грот, Я. К. Екатерина II и Густав III. Спб. 1877.
Даневский, В. П. Пособие к изучению истории и системы международного права. Вып. 1—2. Харьков. 1892.
Мартенс, Ф. Ф. Россия и Пруссия при Екатерине II. «Вестник Европы». 1882. № 5.
Мартенс, Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1—2. Изд. 5-е, дополненное и исправленное. Спб. 1904—1905.
Очерк истории министерства иностранных дел. 1802—1902. Спб. 1902.
Полиевктов, М. Голштинский вопрос и политика России на Балтийском море в I половине XVIII века. «Русская старина». 1907, январь.
Соловьев, С. М. История падения Польши. Собр. соч. Спб. (Б. г.)
Соловьев, С. М. История России с древнейших времен. Т. 3—4. Изд. 3-е. Спб. «Общество Польза». (Б. г.)
Трачевский, А. С. Союз князей и немецкая политика Екатерины II, Фридриха II, Иосифа II. 1780—1790. Спб. 1877.
Уляницкий, В. А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М. 1883.
Уляницкий, В. А. Русские консульства за границей в XVIII веке. Ч. I. М. 1899.
Чечулин, Н. Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. 1762—1774. Спб. 1896.
Щепкин, Е. Русско-австрийский союз во время Семилетней войны. 1746—1758. Спб. 1902.
Sorel, A. La question d'Orient au XVIII siècle; le partage de la Pologne et le traité de Kainardji. P. 1902.

VII. ДИПЛОМАТИЯ В НОВОЕ ВРЕМЯ (1789—1871 гг.)

ОБЩИЕ ИЗДАНИЯ

а) Источники

Договоры России с Востоком. Собраны и изданы Т. Юзефович. Спб. 1869.
Мартенс, Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными государствами. Т. 1—15. Спб. 1874—1909.
Albert, Prince. Letters of the Prince Consort [of Victoria]. 1831—1861. Selected and edited by K. Jagow. Translated by E. T. S. Dugdale. N. Y. 1938.
Albin, P. Les grands traités politiques; recueil des principaux traités diplomatiques depuis 1815 jusqu'à nos jours avec des commentaires et des notes. P. 1911.
Ashley, E. The Life of Lord Palmerston. Vol. 1—2. L. 1876—1879.
Buwler, H. L. The Life of Viscount Palmerston. Vol. 1—2. L. 1871.
Broglie, J. V. A. Mémoires du duc de Broglie (Jacques, Victor, Albert, 1821—1901). T. 1. 1825—1870. P. 1938.
Oakes, A. and *Mowat, E.*, ed. The Great European Treaties of the Nineteenth Century. Oxford. 1918.
Foundations of British Foreign Policy from Pitt (1792) to Salisbury (1902) or Documents Old and New. Selected and edited with Historical Introduction by H. Temperley and L. Penson. Cambridge. 1938.
Franz Joseph, I, Kaiser. Briefe an seine Mutter. 1838—1872. Hrsg. von F. Schnürer. München. 1930.
Hertslet, E. Map of Europe by Treaty showing the Various Political and Territorial Changes which have taken Place since the General Peace of 1814. Vol. 1—4. L. 1875—1891.

Lieven, Princess. Correspondence of Princess Lieven and Earl Grey. Vol. 1—3. L. 1890—1891.
Lieven, Princess. Letters. Ed. by L. G. Robinson. L. 1902.
Lieven, Princess. Unpublished Diary and Political Sketches. Ed. by H. Temperley. L. 1925.
Martens. G. F. Recueil des traités (см.: Hopf, Table générale du recueil des traités de G. F. Martens et de ses continuateurs. T. 1—2. Göttingue. 1875—1876).
Metternich, C. Aus Metternich's nachgelassenen Papieren. Geordnet u. zusammengestellt von A. Klinckowstroem. Bd. 1—8. Wien. 1880—1884.
Nesselrode, Ch. R. Lettres et papiers. Extraits de ses archives. Publ. et annotés par A. Nesselrode. T. 1—11. P. 1904—1912.

б) Классики марксизма-ленинизма (см. в следующих разделах)

в) Исторические исследования (общие труды)

Воспоминания английского дипломата XIX столетия. [Подпись В. Т.] «Исторический вестник». 1893. Февраль. (О первых двух томах «Diplomatic reminiscences» лорда Лофтуса.)
Татищев, С. С. Император Николай и иностранные дворы. Спб. 1889.
Татищев, С. С. Русская дипломатия старая и новая. (В книге: Татищев, С. С. Из прошлого русской дипломатии. Спб. 1890.)
Файф, Ч. История Европы XIX века. Перев. с 2-го английского издания, под ред. М. В. Лучицкого. Изд. 2-е. Спб. 1904.
Bourgeois, E. Manuel historique de politique étrangère. T. 1—3. P. 1925—1927. (T. 1—2, 9-e éd; t. 3, 18 éd.)
Cambridge History of British Foreign Policy. Vol. 1—3, ed. by A. W. Ward... and G. P. Gooch. N. Y. 1922—1923.
Cecil, A. British Foreign Secretaries. 1807—1916. L. 1927.
Debidour, A. Histoire diplomatique de l'Europe depuis l'ouverture du Congrès de Vienne jusqu'à la fermeture du Congrès de Berlin (1814—1878). Vol. 1—2. P. 1891. (Русский перевод: *Дебидур, А.* Политическая история XIX века. Т. 1. Священный союз. Спб. 1903.)
Heymann, E. Balkan. Kriege, Bündnisse, Revolutionen. 150 Jahre Politik und Schicksal. B. 1938.
Hyde, H. Montgomery. Princess Lieven. Boston. 1938.
Mowat, R. B. History of European Diplomacy. 1815—1914. L. 1922.
Paléologue, M. Romantisme et diplomatie. P. 1925. (По-немецки под заглавием: Drei Diplomaten: Talleyrand, Metternich, Chateaubriand. B. 1929.)
Seton-Watson, R. W. Britain in Europe. 1789—1914. Cambridge. 1937.

VIII. ЕВРОПЕЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ГОДЫ ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ТЕРМИДОРИАНСКОЙ РЕАКЦИИ И ДИРЕКТОРИИ (1789—1799 гг.)

а) Источники

Идеологи восходящей буржуазии о внешней политике и дипломатии:

Bentham, J. Principles of International Law (Universal and Perpetual Peace). Complete Works. Edinburgh. 1839. Vol. 8.
Cloots, A. Les Bases constitutionnelles de la République du genre humain. P. 1793.
Kant, I. Zum ewigen Frieden. Königsberg. 1795.

Mably, G. Principes des négociations; Le droit public de l'Europe fondé sur les traités. (Collection des oeuvres complètes. P. L'an III de la République. Vol. 5, 7.)
Монтескье. О духе законов. Перев. с франц. Спб. 1900. (Особенно книги 9—10.)
Rousseau, J. J. Considérations sur le gouvernement de Pologne; Jugement sur la paix perpétuelle; Projet de paix perpétuelle. (Oeuvres. P. 1790. Vol. 7, 8.)
Voltaire. Dictionnaire philosophique. (Oeuvres complètes. T. 7, 8. P. 1843.)

Политическая переписка, договоры, мемуары, речи

Архив кн. Воронцова. Т. 9, 11, 13, 14, 16, 20, 28, 32, 34. М. 1876—1888.
Мартенс, Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными государствами. Т. 2, 6, 9, 13. Спб. 1875—1902.
Сборник имп. русского исторического общества. Т. 16—23, 26, 29, 31, 33, 42, 47, 70. Спб. 1875—1890.
Французская революция 1789 г. в донесениях русского посла в Париже И. М. Симолина. «Литературное наследство». 1937. № 29—30.
Храповицкий, А. В. Дневник. 1782—1793. Спб. 1874.
Aulard, F. A., éd. La Société des jacobins. Vol. 1—6, P. 1889—1897.
Arneth, A., Hrsg. Joseph II und Katharina von Russland. Ihr Briefwechsel. Wien. 1869.
Barthelemy, F. Mémoires, publ. par J. Dampierre. 2-e éd. P. 1914.
Beer, A., Hrsg. Leopold II, Franz II und Katharina. Ihre Korrespondenz. Nebst einer Einleitung zur Geschichte der Politik Leopold's II. Leipzig. 1874.
Danton, G. Discours. Ed. crit. par A. Fribourg. P. 1910.
Kaulek, J., éd. Papiers de Barthelemy. T. 1—4. P. 1886—1889.
Martens, G. Recueil des principaux traités d'alliance etc. T. 1—7. Goetingue. 1791—1801. — Supplément au Recueil... T. 1—4. Goetingue. 1801—1808.
Napoléon I, empereur. Correspondance, publ. par ordre de l'empereur Napoléon III. T. I. 5. P. 1858—1860.
Pitt, W. The War Speeches of William Pitt the Younger selected by R. Couplan. Oxford. 1915.
Preussen und Frankreich von 1795—1807. Diplomatische Correspondenzen. Bd. 1—2. Leipzig. 1881—1887. Hrsg. v. P. Bailleu.
Robespierre, M. Discours et rapports avec une introduction et des notes par Ch. Vellay. P. 1908.
Talleyrand, Ch. M. Mémoires du prince de Talleyrand, publ. par le duc de Broglie. T. 1—5. P. 1891—1892. (Сокращенный русский перевод в издании «Academia»: *Талейран.* Мемуары [М.—Л.] 1934.)
Vivenot, A., Hrsg. Quellen zur Geschichte der deutschen Kaiserpolitik Oesterreichs während der französischen Revolutionskriege 1790—1801. Bd. 1—2. Wien. 1873—1874. Fortgesetzt von H. Zeissberg (см. ниже).
Vivenot, A., Hrsg. Vertrauliche Briefe des Freiherrn von Thugut... (1792—1801). Bd. 1—2. Wien. 1872.
Zeissberg, H., Hrsg. Quellen zur Geschichte der Politik Oesterreichs während der französischen Revolutionskriege. Bd. 1—3. Wien. 1882—1890.

б) Классики марксизма-ленинизма

Маркс, К. Подвиги Гогенцоллернов. Соч. Т. VII, стр. 387—390.
Маркс, К. Письмо Ф. Энгельсу от 2 дек. 1856 г. Соч. Т. XXII, стр. 164—167.
Энгельс, Ф. Возможности и предпосылки войны Священного союза против Франции в 1852 г. Соч. Т. VIII, стр. 448—475.
Энгельс, Ф. Внешняя политика русского царизма. Соч. Т. XVI. Ч. 2, стр. 3—40.

Энгельс, Ф. Письмо К. Марксу от 23 мая 1851 г. Соч. Т. XXI, стр. 209—212.
Энгельс, Ф. Письмо К. Каутскому от 20 февраля 1889 г. Соч. Т. XXVIII, стр. 80—85. (Печатается.)
Энгельс, Ф. Письмо В. Адлеру от 4 декабря 1889 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Письма под ред. В. Адоратского. Партиздат. 1932, стр. 362—364.)
Ленин, В. Грозящая катастрофа и как с ней бороться. Соч. Т. XXI, стр. 189—190.
Ленин, В. Война и революция. Соч. Т. XXX, стр. 333—335.
Сталин, И. Заметки на современные темы. (Сборник «Об оппозиции». 1928, стр. 610—611.)

в) Исторические исследования

Костомаров, Н. Последние годы Речи Посполитой. (Исторические монографии. Т. 17—18. Спб. 1905.)
Митрофанов, П. Леопольд II Австрийский. Внешняя политика. Т. 1. П. 1916 (по архивным материалам).
Соловьев, С. История падения Польши. (Собр. соч. Спб. [Б. г.])
Сорель, А. Европа и французская революция. Т. 1—5. Спб. 1892—1906 (перев. с франц.).
Трачевский, А. Союз князей и немецкая политика Екатерины II, Фридриха II и Иосифа II, 1780—1790. Спб. 1877.
Aulard, F. A. La diplomatie du premier Comité de Salut Public. (Etudes et leçons. Série 3. 1901.)
Avenel, G. Anacharsis Cloots. Vol. 1—2. P. 1865.
Avenel, G. Lundis révolutionnaires, 1871—1874. P. 1875.
Gerhard, D. England und der Aufstieg Russlands. München u. Berlin. 1933.
Lord, R. The Second Partition of Poland. Cambridge. 1915.
Marcère, E. Une Ambassade à Constantinople. T. 1—2. P. 1927.
Masson, F. Le Département des affaires étrangères pendant la Révolution, 1787—1804. P. 1877.
Mathiez, A. Danton et la paix. P. 1919.
Mathiez, A. La conspiration de l'étranger. P. 1918.
Mathiez, A. La Révolution et les étrangers. P. 1918.
Rose, J. H. Life of William Pitt. Part 1—2. L. 1923.
Salomon, F. William Pitt der Jüngere. Erster Band. Leipzig u. Berlin. 1901—1906.
Sybel, H. Geschichte der Revolutionszeit. Bd. 1—4. Frankfurt a. Main. 1882. Русский перевод (неудовлетворительный) с 1-го изд.: *Зибель, Г.* История Французской революции и ее времени. Ч. 1—4. (2 т.) Спб. 1863—1867.

IX. ДИПЛОМАТИЯ В ГОДЫ КОНСУЛЬСТВА И ИМПЕРИИ (1799—1814)

а) Источники

Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I. Под ред. А. С. Трачевского. Т. 1—4. Спб. 1890—1893. (Сборник имп. русского исторического общества. Т. 70, 77, 82, 88.)
Записки Сперанского о вероятностях войны с Францией после Тильзитского мира. Опубл. Н. Ф. Дубровиным. «Русская старина». 1900. № 1.
Николай Михайлович, вел. князь. Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона, 1808—1812. Т. 1—7. Спб. 1905—1914.
Савари, ген. Политическая переписка генерала Савари во время пребывания его в Санкт-Петербурге. Спб. 1893 (Сборник имп. русского исторического общества. Т. 83).

Толстой, П. А. Посольство гр. П. А. Толстого в Париже в 1807 и 1808 гг. Под ред. Н. К. Шильдера. Спб. 1893. (Сборник имп. русского исторического общества. Т. 89.)
Napoléon I, empereur. Correspondance, publ. par ordre de l'empereur Napoléon III. T. 6—32. P. 1861—1870.
Talleyrand Ch. M. Lettres inédites de Talleyrand à Napoléon (1800—1809). Publ. d'après les originaux conservés aux Archives des Affaires étrangères. Avec une introduction et des notes par P. Bertrand. P. 1889.
Talleyrand, Ch. M. Lettres de Talleyrand à Caulaincourt. Publ. par J. Hanoteau. «Revue des deux mondes», 1935. 15 Oktobre.
Weil, M. H. D'Ulm à Jéna. Correspondance inédite du chevalier de Gentz avec Francis James Jackson, ministre de la Grande Bretagne à Berlin (1804—1806). P. 1921.

б) Классики марксизма-ленинизма

Маркс, К. и *Энгельс, Ф.* Подвиги Гогенцоллернов. Соч. Т. VII, стр. 387—390.
Энгельс, Ф. Положение Германии. Письмо первое. Соч. Т. V, стр. 4—10.
Энгельс, Ф. Аустерлиц. Соч. Т. XI. Ч. II, стр. 560—565.
Ленин, В. Заметки из истории войн Наполеона I с Германией. «Ленинский сборник» XI, стр. 49—51. См. также: Соч. Т. XII, стр. 408—409, 422—425; т. XIV, стр. 110—111.
Ленин, В. Финляндия и Россия. Соч. Т. XX, стр. 323—325.
Ленин, В. IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов. Доклад о ратификации мирного договора 14 марта. Соч. Т. XXII, стр. 400—402, 409.
Сталин, И. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Доклад и заключительное слово на Пленуме ЦК ВКП(б) 3—5 марта 1937 года. Партиздат, 1937, стр. 10.

в) Исторические исследования

Александренко, В. Н. Наполеон I и Англия (1802—1815). «Варшавские университетские известия». 1905. № 9.
Вандаль, А. Наполеон и Александр I. Перев. с франц. Т. 1—3. Спб. 1910—1913.
Мемуары Меттерниха. [Подп.: Р.] «Русский вестник». 1880. № 1. (Изложение первых двух томов, охватывающих время до Венского конгресса.)
Попов, А. Н. Отечественная война 1812 г. Т. 1. Сношения России с иностранными державами перед войною 1812 года. М. 1905.
Попов, В. П. Питт и его время. «Русское слово». 1863. № 5.
Сорель, А. Европа и Французская революция. Т. 6—8. Спб. 1906—1908.
Dard, E. Napoléon et Talleyrand. P. 1935.
Deutsch, Ch. The Genesis of Napoleonic Imperialism. Cambridge. Mass. 1938.
Lacour-Gayet, G. Talleyrand. T. 2 (1799—1815). P. 1930.
Rose, J. H. Life of William Pitt. Part 1—2. L. 1923.

X. ОТ ВЕНСКОГО КОНГРЕССА (1815 г.) ДО ИЮЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1830 г.)

а) Источники

Документы для истории дипломатических сношений России с западными державами европейскими от заключения всеобщего мира в 1814 г. до конгресса в Вероне в 1822 г. Изд. министерством иностранных дел. Т. 1—2. Ч. I. Спб. 1823—1825.

Донесения французских представителей при русском дворе и русских представителей при французском дворе (1814—1816). Под ред. А. А. Половцева. Т. 1—3. Спб. 1901—1908. (Сборник Русского имп. исторического общества. Т. 112, 119, 127.)

Николай I, император. Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1—2 (1825 — 1831). Спб. 1910—1911. (Сборник Русского имп. исторического общества. Т. 131, 132.)

Каподистрия, И. Записка о служебной деятельности. Ответное письмо И. Каподистрия Петро-Бею. (В кн.: Сборник Русского имп. исторического общества. Т. 3. Спб. 1868, стр. 163—303.)

Николай Михайлович. Донесения австрийского посланника при русском дворе Лебцельтерна за 1816—1826 гг. Спб. 1913.

Талейран. Мемуары. Старый режим. Великая революция. Империя. Реставрация. (Сокращенный перевод с французского.) М.—Л. 1934.

Ришелье, А. Э. Герцог Арманд-Эммануил Ришелье. Документы и бумаги о его жизни и деятельности. 1766—1822. Под ред. А. А. Половцева. Спб. 1886. (Сборник Русского имп. исторического общества. Т. 54.)

Britain and the Independence of Latin America. 1812—1830; selected Documents from the Foreign Office Archives. Ed. by C. K. Webster. Vol. 1—2. Oxford. 1938.

Cornacchia, F. Sui margini del Congresso di Vienna. Diario gennaio-settembre 1815. Genova. 1940.

Correspondance du comte de Jaucourt... avec le prince de Talleyrand pendant le congrès de Vienne. P. 1905.

Gesandtschaftsberichte aus München 1814—1848. 2. Abt. Die Berichte der österreichischen Gesandten. Hrsg. vom Anton Chroust. 1. Bd. Die Berichte aus der Zeit nach dem Wiener Vertrag bis zum Tode König Max Joseph von Bayern. München. 1939.

Lettres du duc de Richelieu au marquis d'Osmond, 1816—1818. Publ. par S. Charlety. P. 1939.

Lieven, D. Ch. The private Lettres of Princess Lieven to Prince Metternich. 1820—1826. N. Y. [1938].

Metternich, C. Aus Metternich's nachgelassenen Papieren. Geordnet u. zusammengestellt von A. Klinckowstroem. Bd. 1—8. Wien. 1880—1884.

Metternich, C. Lettres du prince de Metternich à la comtesse de Lieven (1818—1819). Publ. par J. Hanoteau. P. 1909.

Pozzo di Borgo, Ch. A. Correspondance diplomatique (1814—1818). T. 1—2. P. 1890—1897. (Переписка с Нессельроде.)

Vom Stein, H. F. K. Tagebuch während des Wiener Kongresses. (17.IX—1814, 8. V—1815). Historische Zeitschrift. 1880. Bd. 60, S. 385—487.

Talleyrand, Ch. M. Correspondance inédite du prince de Talleyrand et du roi Louis XVIII pendant le Congrès de Vienne, publ. sur les manuscrits conservés au dépôt des Affaires étrangères. P. 1881. (По-русски содержание этой документации изложено в обзоре: *Булгаков, Ф.* Талейран на Венском конгрессе. «Исторический вестник». 1881. № 9.)

Talleyrand intime, d'après sa correspondance inédite avec la duchesse de Courlande. La restauration en 1814. P. 1891.

б) Классики марксизма-ленинизма

Маркс, К. и *Энгельс, Ф.* Речи по польскому вопросу (22 февраля 1848 г.). Соч. Т. V, стр. 261—267.

Маркс, К. и *Энгельс, Ф.* Подвиги Гогенцоллернов. Соч. Т. VII, стр. 387—390.

Маркс, К. и *Энгельс, Ф.* Лорд Пальмерстон. Соч. Т. IX, стр. 485—548.

Маркс, К. Классовая борьба во Франции (С введением Ф. Энгельса). Соч. Т. VII, стр. 1—86.
Энгельс, Ф. Положение Германии. Письмо второе. Соч. Т. V, стр. 11—17.
Энгельс, Ф. Революция и контрреволюция в Германии. Соч. Т. VI, стр. 13—109.
Энгельс, Ф. Роль насилия в истории. Соч. Т. XVI. Ч. I, стр. 452—507.
Энгельс, Ф. Внешняя политика русского царизма. Соч. Т. XVI. Ч. II, стр. 5—40.

в) Исторические исследования

Молчанов, А. Н. Бернадотт в Вене. Из истории дипломатии. «Исторический вестник». 1885. № 7. (Изложено по работе: Masson. Les diplomates de la Révolution.)
Надлер, В. К. Император Александр I и идея Священного союза. Т. 1—5. Рига. 1886—1892.
Палеолог, Г. и *Сивинис, М.* Исторический очерк народной войны за независимость Греции и восстановление королевства при вмешательстве великих держав России, Англии и Франции. Т. 1—2. Спб. 1867.
Редкин, А. Меттерних и его внешняя политика. «Русская старина». 1900, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь; 1901, январь, февраль.
[*Ремезов, М.*] Канцлер былых времен. (Дипломатическое господство князя Меттерниха.) «Русская мысль». 1889. № 8—9.
Соловьев, С. Венский конгресс. «Русский вестник». 1865. № 2.
Соловьев, С. М. Император Александр Первый. Политика — дипломатия. Спб. 1877.
Тарле, Е. В. Талейран. М. 1939.
Татищев, С. Внешняя политика императора Николая I. Спб. 1887.
Феоктистов, Е. Русская дипломатия в борьбе Греции за независимость. «Русский вестник». 1868. Май.
Crawley, C. W. The Question of Greek Independence (1821—1833). Cambridge. 1930.
Driault, E. et *Lheritier, M.* Histoire diplomatique de la Grèce de 1821 à nos jours. T. 1 (1821—1830). P. 1925.
Grunwald. La vie de Metternich. P. 1938.
Lacour-Gayet, G. Talleyrand. T. 3. (1815—1838). P. 1932.
Ordioni, D. Pozzo di Borgo, diplomate de l'Europe française. P. 1935.
Robertson, W. S. France and Latin-American Independence. Baltimore. 1939.
Temperley, H. W. V. The Foreign Policy of Canning (1822—1827). L. 1925.
Webster, Ch. K. The Congress of Vienna. 1814—1815. L. 1920.
Webster, C. K. The Foreign Policy of Castlereagh. 1812—1815. Britain and the Reconstruction of Europe. L. 1931.
Weil, M. H. Les dessous du Congrès de Vienne, d'après les documents originaux des archives de ministère impérial et royal de l'Intérieur à Vienne. T. 1—2. P. 1917.

XI. ОТ ИЮЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ДО КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ (1830—1853 гг.)

а) **Источники** (см. также источники в предыдущем и следующем разделах и в разделе общих изданий по периоду 1789—1871 гг.).

Меттерних, К. Записки князя Меттерниха: о состоянии умов в Европе; об обязанностях правительств. «Русская старина». 1873. № 8.
Guizot, F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. T. 1—8. P. 1858—1865.

б) Классики марксизма-ленинизма

Маркс, К. и *Энгельс, Ф.* Речи по польскому вопросу (22 февраля 1848 г.). Соч. Т. V, стр. 261—267.
Маркс, К. и *Энгельс, Ф.* Революция и контрреволюция в Германии. Соч. Т. VI, стр. 13—109.
Маркс, К. и *Энгельс, Ф.* Новый Священный союз. Соч. Т. VII, стр. 97—98.
Маркс, К. и *Энгельс, Ф.* Демократический панславизм. Соч. Т. VII, стр. 203—220.
Маркс, К. и *Энгельс, Ф.* Германия и панславизм. Соч. Т. X, стр. 389—394.
Маркс, К. и *Энгельс, Ф.* Лорд Пальмерстон. Соч. Т. IX, стр. 485—548.
Маркс, К. Речь о Польше. Соч. Т. V, стр. 261—263.
Маркс, К. Учредительный манифест Международного товарищества рабочих. Соч. Т. VIII, стр. 1—13.
Маркс, К. Письмо Ф. Энгельсу от 2 декабря 1856 г. Соч. Т. XXII, стр. 164—167.
Энгельс, Ф. Роль насилия в истории. Соч. Т. XVI. Ч. I, стр. 452—507.
Энгельс, Ф. Внешняя политика русского царизма. Соч. Т. XVI. Ч. II, стр. 5—40.
Энгельс, Ф. Письмо Марксу от 23 мая 1851 г. Соч. Т. XXI, стр. 209—212.

в) Исторические исследования

Авербух, Р. А. Царская интервенция в борьбе с венгерской революцией 1848—1849 гг. М. 1935.
Градовский, А. Д. Система Меттерниха. Соч. Т. 3. Спб. 1899.
Добролюбов, Н. А. Жизнь и смерть графа Камилло Бензо Кавура. Полн. собр. соч. Т. 8. Спб. 1912.
Писарев, Д. И. Меттерних. Соч. Т. 1, Спб. 1909.
Чернышевский, Н. Г. Полн. собр. соч. Т. 5—6. Пг. 1918 (см. статьи об Италии).
Чернышевский, Н. Г. Граф Кавур. Полн. собр. соч. Т. 8. Пг. 1918.
Bapst, E. L'Empereur Nicolas 1-er et la deuxième République Française. P. 1898.
Bibl, V. Metternich in neuer Beleuchtung. Sein geheimer Briefwechsel mit dem bayerischen Staatsminister Wrede. Nach unveröffentlichen Dokumenten aus den Archiven in Wien und München. Wien. 1928.
Ferrata, G. e *Vittorini, E.* La tragica vicenda di Carlo III (1848—1859). Milano. 1939.
Guichen, E. La crise d'Orient de 1839 à 1841. P. 1921.
Guichen, E. Les grandes questions européennes et la diplomatie des puissances sous la seconde République Française. T. 1—2. P. 1925.
Guichen, E. La Révolution de Juillet 1830 et l'Europe. P. 1917.
Matter, P. Cavour et l'unité italienne 1848—1854. P. 1925.
Morny, C. A. Une ambassade en Russie. 1854. P. 1892.
Taylor, A. J. P. The Italian Problem in European Diplomacy, 1847—1849. Manchester. 1934.

XII. ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС И КРЫМСКАЯ ВОЙНА

а) Источники

(См. также источники в предыдущих разделах и в разделе общих изданий)

К истории Парижского мира. 1856 г. [Документы.] «Красный архив». 1936. Т. 2 (75).
Нессельроде, К. В. Всеподданнейший отчет министра иностранных дел графа Нессельроде, за 25 лет царствования императора Николая I. (В Сборнике Русского имп. исторического общества. Т. 98, Спб. 1896, стр. 287—298).

б) Классики марксизма-ленинизма

Маркс, К. и *Энгельс, Ф.* Восточный вопрос и русско-турецкая война. Статьи. Соч. Т. IX, стр. 371—709.
Маркс, К. и *Энгельс, Ф.* Вступление Англии и Франции в войну. Соч. Т. X, стр. 5—54.
Маркс, К. и *Энгельс, Ф.* Министерство Пальмерстона. Соч. Т. X, стр. 293—386.
Маркс, К. и *Энгельс, Ф.* Лорд Пальмерстон. Соч. Т. X, стр. 485—488.
Маркс, К. и *Энгельс, Ф.* Лорд Джон Россель. Соч. Т. X, стр. 497—516.
Маркс, К. и *Энгельс, Ф.* Итоги войны. Соч. Т. X, стр. 596—600.
Маркс, К. и *Энгельс, Ф.* Мир в Европе. Соч. Т. X, стр. 601—605.
Энгельс, Ф. Статьи об Англии (из рукописного наследства). Соч. Т. VIII, стр. 431—442.
Энгельс, Ф. Возможности и предпосылки войны «Священного союза» против Франции в 1852 году (из рукописного наследства). Соч. Т. VIII, стр. 448—475.
Энгельс, Ф. Роль насилия в истории. Соч. Т. XVI. Ч. I, стр. 452—507.
Энгельс, Ф. Письмо к К. Марксу от 25 мая 1851 г. Соч. Т. XXI, стр. 209—212.
Ленин, В. Под чужим флагом. Соч. Т. XVIII, стр. 9.

в) Исторические исследования

Афанасьев, Г. Е. Внешняя политика Наполеона III. Одесса. 1885.
Горяинов, С. Босфор и Дарданеллы. Исследование вопроса о проливах по дипломатической переписке, хранящейся в Государственном и Санкт-Петербургском главных архивах. Спб. 1907.
Жигарев, С. Русская политика в восточном вопросе (ее история в XVI—XIX веках, критическая оценка и будущие задачи). Т. 1. М. 1896.
Жомини, А. Россия и Европа в эпоху Крымской войны. Перев. с франц. «Вестник Европы». 1886. Февраль—октябрь.
Зайончковский, А. М. Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1. Ч. 1. Приложения. Т. 2. Ч. 1—2. Спб. 1908—1913.
Татищев, С. С. Внешняя политика императора Николая I. Спб. 1887.
Bapst, E. Les origines de la guerre de Crimée. P. 1912.
Bell, H. C. F. Lord Palmerston. Vol. 1—2. L. 1936.
Eriksson, S. Svensk diplomati och tidningspress under Krimkriget. Stockholm. 1939.
Etude diplomatique sur la guerre de Crimée (1852—1856) par un ancien diplomate. Vol. 1—2. S.-Petersbourg. 1878. 1-e éd. P. 1874.
Friese, Ch. Russland und Preussen vom Krimkrieg bis zum polnischen Aufstand. B. 1931.
Puryear, V. England, Russia and the Straits Question, 1844—1856. California. 1931.
Puryear, V. International Economies and Diplomacy in the Near East. A study of British commercial policy in the Levant, 1854—1855. California. 1936.
Schüle, E. Russland und Frankreich vom Ausgang des Krimkrieges bis zum italienischen Krieg. 1856—1859. B. 1935.
Temperley, H. W. V. England and the Near East. Vol. 1. The Crimea. L. 1936.
Valsecchi, F. L'unificazione italiana e la politica europea dalla guerra di Crimea alla guerra di Lombardia, 1854—1859. Mylano. 1939.

XIII. ДИПЛОМАТИЯ США

а) Источники

Malloy, W. M. (Ed.). Treaties. Conventions... between the U. S. of America and other Powers. 1776—1923. Washington. 1910—1923.
Moore, J. B. Digest of International Law. Vol. 1—8. Washington. 1906.

Moore, J. B. History and Digest of the International Arbitrations... Vol. 1—6. Washington. 1898.

б) Классики марксизма-ленинизма

Маркс, К. Американский вопрос в Англии. Соч. Т. XII. Ч. II, стр. 174—182.
Маркс, К. Британская торговля хлопком. Соч. Т. XII. Ч. II, стр. 183—186.
Маркс, К. Лондонский «Times» и лорд Пальмерстон. Соч. Т. XII. Ч. II, стр. 187—192.
Маркс, К. Лондонский «Times» об Орлеанских принцах в Америке. Соч. Т. XII. Ч. II, стр. 193—196.
Маркс, К. Интервенция в Мексике. Соч. Т. XII. Ч. II, стр. 202—208.
Маркс, К. Известие о деле «Трента» и впечатление, произведенное им в Лондоне. Соч. Т. XII. Ч. II, стр. 209—213.
Маркс, К. Рост симпатий в Англии. Соч. Т. XII. Ч. II, стр. 214—218.
Маркс, К. Великобритания. — Общественное мнение Англии. Соч. Т. XII. Ч. II, стр. 219—224.
Маркс, К. Гражданская война в С. Америке. Соч. Т. XII. Ч. II, стр. 233—243.
Маркс, К. Инцидент с «Трентом». Соч. Т. XII. Ч. II, стр. 272—274.
Маркс, К. Англо-американский конфликт. Соч. Т. XII. Ч. II, стр. 275—278.
Маркс, К. Главные актеры драмы «Трента». Соч. Т. XII. Ч. II, стр. 279—281.
Маркс, К. Споры вокруг дела «Трента». Соч. Т. XII. Ч. II, стр. 282—286.
Маркс, К. Вашингтонский кабинет и западные державы. Соч. Т. XII. Ч. II, стр. 291—293.
Маркс, К. Мнение газет и мнение народа. Соч. Т. XII. Ч. II, стр. 294—297.
Маркс, К. Американофильский митинг. Соч. Т. XII. Ч. II, стр. 300—302.
Маркс, К. К истории сокрытия депеши Сьюарда. Соч. Т. XII. Ч. II, стр. 303—304.
Маркс, К. Государственный переворот лорда Дж. Росселя. Соч. Т. XII. Ч. II, стр. 305—307.
Маркс, К. Рабочий митинг в Лондоне. Соч. Т. XII. Ч. II, стр. 308—311.
Маркс, К. Антиинтервенционистские настроения. Соч. Т. XII. Ч. II, стр. 312—314.
Маркс, К. Друзья сецессионистов в нижней палате. Признание американской блокады. Соч. Т. XII. Ч. II, стр. 327—330.
Маркс, К. Английская гуманность и Америка. Соч. Т. XII. Ч. II, стр. 357—359.
Маркс, К. Английский нейтралитет. К положению в Южных штатах. Соч. Т. XII. Ч. II, стр. 400—402.
Маркс, К. Президенту Соединенных штатов Америки Аврааму Линкольну (от имени Международного товарищества рабочих). Соч. Т. XIII. Ч. I, стр. 21—22.
Маркс, К. Письмо Ф. Энгельсу от 24/III 1863 г. Соч. Т. XXIII, стр. 139—141.
Маркс, К. Письмо Иосифу Вейдемейеру 29 ноября 1864 г. Соч. Т. XXV, стр. 425—427.
Ленин, В. Письмо к американским рабочим. Соч. Т. XXIII, стр. 176—190.

в) Исторические исследования

Bemis, S. F. (Ed.). The American Secretaries of State and their Diplomacy. Vol. 1—10. N. Y. 1927—1929.
Fish, C. R. American Diplomacy. N. Y. 1923.
Garner, J. W. American Foreign Policies. N. Y. 1928.

Hyde, C. C. International Law Chiefly as interpreted and applied by the United States. Vol. 1—2. Boston. 1922.
Johnson, W. F. America's Foreign Relations. Vol. 1—2. N. Y. 1916.
Latané, J. H. From isolation to leaderschip. N. Y. 1920.
Latané, J. H. A History of American Foreign Policy. N. Y. 1927.
Sears, L. M. A History of American Foreign Relations. N. Y. 1927.
Willson, B. America's Ambassadors to England (1785—1929). N. Y. 1929.
Willson, B. America's Ambassadors to France (1777—1927). London. 1928.

* * *

Bemis, S. F. and *Griffin, G. G.* Guide to the Diplomatic History of the United States, 1775—1921. Washington. 1935. (Библиография.)

XIV. ОТ ПАРИЖСКОГО МИРА ДО ФРАНКФУРТСКОГО МИРА (1856—1871 гг.)

а) Источники

К истории франко-русского соглашения 1859 г. «Красный архив». 1938. Т 3 (88).
Angeberg. Recueil des traités, conventions, actes, notes, capitulations et pièces diplomatiques concernant la guerre franco-allemande. T. 1—5. P. 1873.
Die auswärtige Politik Preussens 1858—1871. Diplomatische Aktenstücke. Hrsg. von der Historischen Reichskommission unter Leitung von E. Brandenburg u. a. Abt. 1—3. Oldenburg i. O. 1933—1939.
Bismarck, O. Die gesammelten Werke. Bd. 1—10. B. [1924] — 1932.
Bismarck, O. Gedanken und Erinnerungen. Die drei Bände in einem Bande. Stuttgart und Berlin. 1928. (Перевод: *Бисмарк, О.* Мысли и воспоминания. Под. ред. А. С. Ерусалимского. Т. 1. М. 1940.)
Documents pour servir à l'histoire de la guerre de 1870—1871. T. 1—8. P. 1871.
Fleury, M. La France et la Russie en 1780. P. 1902.
Gabriac. Souvenirs diplomatiques de Russie et d'Allemagne, 1870—1872. P. 1896.
Die grosse Politik der europäischen Kabinette 1871—1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Bd. 1—2. B. 1924.
Loftus, A. Diplomatic Reminiscences. 2d ser. 1862—1879. Vol. 1—2. L. 1894.
Newton. Lord Lyons. L. 1913.
Oncken. Die Rheinpolitik Kaiser Napoleons III. von 1863 bis 1870... Bd. 1—3. Stuttgart. 1926.
Les origines diplomatiques de la guerre de 1870—1871. Recueil des documents officiels publ. par le ministère des affaires étrangères. T. 1—28. P. 1910—1931.
Radowitz, J. Aufzeichnungen und Erinnerungen aus dem Leben des Botschafters. Hrsg. v. H. Holborn. Bd. 1—2. B. 1925.
Rothan, G. Souvenirs diplomatiques. L'Allemagne et l'Italie, 1870—1871. T. 1—2. P. 1884—1885.
Schweinitz H. L. Denkwürdigkeiten des Botschafters. Bd. 1—2. B. [1927.]
Thiers, A. Notes et souvenirs, 1870—1873. P. 1901.

б) Классики марксизма-ленинизма

Маркс, К. Британское владычество в Индии. Соч. Т. IX, стр. 346—352.
Маркс, К. Вопрос об объединении Италии. Соч. Т. XI. Ч. II, стр. 58—65.
Маркс, К. Перспективы войны в Европе. Соч. Т. XI, Ч. II, стр. 66—69.
Маркс, К. Перспективы войны во Франции. Соч. Т. XI. Ч. II, стр. 113—115.

Маркс, К. Перспективы войны в Пруссии. Соч. Т. XI. Ч. II, стр. 116—119.
Маркс, К. Предстоящий мирный конгресс. Соч. Т. XI. Ч. II, стр. 120—129.
Маркс, К. Симптомы приближения войны. Вооружение Германии. Соч. Т. XI. Ч. II, стр. 138—141.
Маркс, К. Отношение Австрии, Пруссии и Германии к войне. Соч. Т. XI. Ч. II, стр. 163—167.
Маркс, К. Прусская точка зрения на войну. Соч. Т. XI. Ч. II, стр. 174—177.
Маркс, К. Британская дипломатия и война. Соч. Т. XI. Ч. II, стр. 202—208.
Маркс, К. Что выиграла Италия? Соч. Т. XI. Ч. II, стр. 217—219.
Маркс, К. Мир. Соч. Т. XI. Ч. II, стр. 220—221.
Маркс, К. Виллафранкский договор. Соч. Т. XI. Ч. II, стр. 226—230.
Маркс, К. Луи Наполеон и Италия. Соч. Т. XI. Ч. II, стр. 235—239.
Маркс, К. Новая китайская война. Соч. Т. XI. Ч. II, стр. 260—276.
Маркс, К. Ширее и Минчио. Соч. Т. XI. Ч. II, стр. 301—303.
Маркс, К. Английская политика. Новый договор между Францией и Англией. Соч. Т. XII. Ч. II, стр. 17—20.
Маркс, К. Приготовление к будущей войне Наполеона на Рейне. Соч. Т. XII. Ч. II, стр. 57—60.
Маркс, К. Хлебные цены. — Европейские финансы и подготовка войны.— Восточный вопрос. Соч. Т. XII. Ч. II, стр. 139—143.
Маркс, К. Россия использует Австрию.—Варшавский конгресс. Соч. Т. XII. Ч. II, стр. 152—155.
Маркс, К. Приготовления к войне с Пруссией. Соч. Т. XII. Ч. II, стр. 160—163.
Маркс, К. Император Наполеон III и Пруссия. Соч. Т. XII. Ч. II, стр. 66—71.
Маркс, К. Интервенция в Мексике. Соч. Т. XII. Ч. II, стр. 202—207.
Маркс, К. Мексиканская неразбериха. Соч. Т. XII. Ч. II, стр. 225—230.
Маркс, К. Недопущение прений о Мексике и союз с Францией. Соч. Т. XII, Ч. II, стр. 366—368.
Маркс, К. Учредительный манифест Международного товарищества рабочих. Соч. Т. XIII. Ч. I, стр. 1—13.
Маркс, К. Генеральный совет Международного товарищества рабочих о войне. Соч. Т. XIII. Ч. II, стр. 5—10.
Маркс, К. Второе воззвание Генерального Совета Международного Товарищества рабочих о войне. Соч. Т. XIII. Ч. II, стр. 93—100.
Маркс, К. Гражданская война во Франции. Воззвание Генерального Совета Международного товарищества рабочих. Ко всем членам Товарищества в Европе и Соединенных Штатах. Соч. Т. XIII. Ч. II, стр. 293—337.
Маркс, К. Письмо комитету Германской социал-демократической партии от 1 сентября 1870. Соч. Т. XXVI, стр. 68—70.
Энгельс, Ф. По и Рейн. Соч. Т. XI. Ч. II, стр. 5—50.
Энгельс, Ф. Как Австрия держит в своих руках Италию. Соч. Т. XI. Ч. II, стр 76—82.
Энгельс, Ф. Савойя. Ницца и Рейн. Соч. Т. XII. Ч. I, стр. 209—246.

в) Исторические исследования

Дэсуиковский, С. С. Политика Дании при Фредерике VII. (Из записок очевидца 1855—1861.) «Вестник Европы». 1866. Декабрь.
Молок, А. И. Германская интервенция против Парижской Коммуны 1871 г. [Л.] 1939.

Нольде, Б. Петербургская миссия Бисмарка 1859—1862. Россия и Европа в начале царствования Александра II. Прага. 1925.
Фейгин, Л. Из истории русско-французских отношений (Секретный договор 3/III 1859 г.). «Века», исторический сборн. № 1 под ред. А. И. Заозерского и М. Д. Приселкова. Пг. 1924.
Татищев, С. Император Александр II, его жизнь и царствование. Т.1—2. Изд. 2-е. Спб. 1911.
Brandenburg, E. Die Reichsgründung. Bd. 2. Leipzig. 1916.
Clark, C. W. Franz Joseph and Bismarck. The Diplomacy of Austria before the War of 1866. L. 1934.
Hahn, W. Fürst Bismarck. Sein politisches Leben und Wirken urkundlich in Thatesachen und des Fürsten eigenen Kundgebungen dargestellt. Bd. 1—3. B. 1878—1881.
Oncken, H. Napoleon III und der Rhein. Der Ursprung des Krieges von 1870—1871. Stuttgart—Berlin. 1926.
Rheindorf, K. Die Schwarze-Meer-(Pontus) Frage vom Pariser Frieden vom 1856 bis zum Abschluss der Londoner Konferenz vom 1871. B. 1925.
Sorel, A. Histoire diplomatique de la guerre Franco-Allemande. T. 1—2. P. 1875.
Steefel, L. D. The Schleswig-Holsteen question. Cambridge. 1932.
Stern, A. Geschichte Europas seit den Verträgen von 1815 bis zum Frankfurter Frieden von 1871. Bd. 10. Stuttgart u. Berlin. 1921.
Sybel, H. Die Begründung des deutschen Reiches durch Kaiser Wilhelm I. Bd. 7. München u. Leipzig. 1894.
Valentin, Veit. Bismarcks Reichsgründung im Urteil englischer Diplomaten. Amsterdam — N. Y. 1937.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аббасиды — 109, 111.
Абдул-Меджид — 423, 430, 437, 439, 443.
Абекен — 515, 516.
Абрупол — 69.
Абу-л-фазль Бей-Хаки — 109.
Абу Эдмон — 513.
Август Октавиан — 75—77, 87.
Август II — 256, 267, 268, 278.
Август III — 256, 265, 278, 286.
Авиллий Флакк — 83.
Адамс Джон — 309, 311, 394.
Адамс Джон-Куинси — 394, 395.
Адамс Чарльз-Френсис — 463, 466.
Айала Бальтазар — 177.
Аларих — 88, 93.
Александр, князь литовский — 246.
Александр I — 295, 363—398, 400, 410, 433, 484, 485.
Александр II — 451, 453, 454, 456—459, 467, 468, 471, 472, 475, 477, 482, 484—488, 490, 492, 497, 505, 506, 510, 512, 517, 520, 522, 523.
Александр III, папа римский — 139.
Александр Великий, Македонский — 52, 55—57.
Александр Михайлович — 133.
Александр Невский — 122, 129.
Алексей, митрополит — 133.
Алексей Михайлович — 229, 233, 235, 236, 241, 244, 247, 248, 286.
Алкивиад — 48, 49.
Алопеус — 365.
Альберони Джулио — 182.
Альберт — 429, 472, 489.
Альвенслебен, фон — 484.
Альфонс II — 108.
Аменофис III — 18, 19.
Аменофис (Аменхотеп) IV — 18—20, 23.
Анастасия Ярославна — 114.
Анатолий, римский патриций — 95.
Ангальт-Цербстская, принцесса — 280.
Ангулемский, герцог — 391.
Андраши — 519.
Андрей Боголюбский — 126.
Андрей, король венгерский — 114, 121.
Андрих (Удальрих) — 113.
Анкудинов — 247.
Анна, королева английская — 254, 272.
Анна Ивановна — 256, 278, 282, 295.
Анна Павловна, сестра Александра I — 371.
Анна Ярославна — 114.
Анталкид — 49, 50.
Антигон Одноглавый — 56.
Антигониды — 57.
Антиох III — 62, 65—67, 70.
Антиох IV — 70.
Антипатр — 56.
Антоний — 76.
Аргун — 146.
Аржансон — 256.
Аристид — 41, 45.
Аристотель — 52.
Аркадий, император — 250.
Арнульфинги — 106.
Артаксеркс — 49.
Артуа Карл-Филипп (Карл X) — 355, 378, 386, 405, 407, 409.

Архидам — 44.
Атанарих — 87.
Атилий — 70.
Аттила — 94, 95, 98, 99, 105.
Ахемениды — 33, 76, 80.
Ахмат — 199.
Ахмет-паша (Бонневаль) — см. Бонневаль.
Ашурбанипал — 23, 25—30, 32.
Аэций — 95.

Байрон — 397.
Баклановский — 239.
Балабин — 486.
Балашов — 371.
Бальбоа Васко-Нуньес — 187.
Банкрофт Эдуард — 304, 307.
Барагэ д'Илье — 444.
Барер — 343, 347, 350.
Бартелеми — 349, 351.
Бассано — 360.
Батый — 145, 146.
Баязид II — 164.
Безбородко А. А. — 285, 327.
Бейст — 511, 512.
Бекович-Черкасский А. — 270.
Белибни — 28—31.
Бельевр — 217.
Бем — 430.
Бенедек — 502.
Бенедетти — 506—509, 513 — 516.
Бенкендорф — 457.
Беннигсен — 510.
Бентам — 321.
Беренгарий — 101.
Бернадотт (Карл XIV) — 372, 373.
Бернсторф — 391.
Бертье — 375.
Бестужев-Рюмин А. П. — 263, 279—281, 283, 295.
Бестужев-Рюмин М. П. — 275.
Бисмарк Отто — 258, 265, 300—302, 442, 443, 449, 470, 474, 481—484, 489—492, 495—511, 513, 514, 516—526.
Блудов Д. Н. — 457.
Блэк — 225.
Блюм Роберт — 427.
Бойд — 345.
Боден — 170, 172.
Боккаччо — 158.
Болейн Анна — 195.
Болеслав, король польский — 121.
Болеслав I Храбрый — 113, 114.
Болеслав II Смелый — 122.
Бомарше — 304, 305, 307, 308.
Бонапарт — см. Наполеон I.
Бонапарт Люсьен — 369.
Бонапарт Наполеон, принц — 475, 476.
Бонгар — 207.
Бонифаций VIII — 147, 148, 158.
Бонневаль — 183.
Бонумбре — 198.
Бордо, де — 219, 220, 225.
Борис Александрович, князь тверской — 132.
Борис Годунов — 202, 247.
Борис Константинович, князь суздальско-нижегородский — 133.
Ботта-Адорни — 280.
Брайт Джон — 420.
Бранденбург, граф — 428, 429.
Бретейль — 257.
Бриссо — 336, 341.
Бройли — 257.
Бруннов — 422, 436, 444, 457, 459, 460, 468, 486.
Будберг — 436, 486.
Букингем — 293.
Бульвер-Литтон — 422.
Бунзен — 442.
Буоль-фон-Шауэнштейн — 432, 433, 441—443, 449, 451, 454—457, 459, 460, 475, 497.
Бурбоны — 251, 253, 255, 262, 318, 361, 364, 376, 378, 382, 409, 413, 432, 477.
Бургойн — 308.
Буреоэн Жан-Франсуа — 408.
Бурнабуриаш — 23.

Бурхард — 122.
Бутенев — 415, 416.
Бутякин — 382.
Бюшотт — 351.

Ваза — 236.
Валевский — 444, 457, 459, 460.
Валент — 87, 88.
Вальдемар, принц датский — 247.
Варда Фока — 113.
Василий, византийский император — 113.
Василий Владимирович, сын Владимира Андреевича серпуховского — 131.
Василий Дмитриевич, великий князь — 132, 133.
Василий Темный — 132.
Василий III — 197, 198, 231.
Василий Шуйский — 226.
Василий Ярославич — 131.
Василько, князь галицкий — 124.
Васильчиков — 239.
Вахтанг — 270.
Вашингтон Джордж — 305, 311, 314, 316.
Велепольский — 411.
Велизарий — 102.
Великие Моголы — 259.
Веллингтон, герцог — 387, 390, 391, 396, 400, 404, 407, 413, 414.
Вельфы (гвельфы) — 136, 140.
Вержен — 256, 257, 306—308, 311.
Вертер — 515.
Веселовский Ф. — 275, 276.
Веспасиан Флавий — 84.
Вигила — 95.
Вигилий — 99.
Виктор-Эммануил II — 454, 474—477, 499—501, 503, 519.
Виктория, королева английская — 399, 423, 429, 435, 444, 472, 489, 508.
Викфор Авраам — 179—181.
Виллардуэн — 159.
Виллель — 391.
Вильгельм I, император германский — 442, 482—484, 490, 491, 502, 505, 507, 513—517, 520, 523.
Вильгельм I, король голландский — 414.
Вильгельм III Оранский — 214, 215, 253.
Вильгельм IV, король английский — 418.
Вильсон — 373.
Вильямс Абраам — 177.
Вильямс Чарльз — 264, 280—282.
Виниус Андрей — 230.
Висковатый И. М. — 232.
Витт Корнелий — 223.
Витт Ян — 221.
Владимир Андреевич, князь серпуховской — 131.
Владимир Володаревич, князь галицкий — 12, 126, 127.
Владимир Мономах — 120, 121, 124—127.
Владимир Святославич — 113, 114.
Владислав — 226, 227.
Волков — 275.
Вологез — 77, 78.
Вольпе Антонио — 231.
Вольтер — 262, 292, 320.
Вольф — 282.
Воронцов М. С. — 457.
Воронцов С. Г. — 332.
Всеволод Большое Гнездо — 125.
Всеволод Ольгович — 127.
Всеволод Ярославич — 122.
Высоцкий — 430.

Габбуана-Ашур — 31.
Габриак — 520, 523, 524.
Габсбурги — 171, 174, 182, 189, 192—194, 205—209, 211, 212, 214, 251, 253—255, 257, 260—262, 425, 519.
Гай Юлий Цезарь — 73—75, 87.
Гамбетта — 521.
Гамилькар — 63.
Гамильтон — 314, 316.
Гаммонд Джон — 462.

Ганнибал — 16, 62—67, 161.
Гаральд, король англо-саксов — 121.
Гаральд Гардрада — 114.
Гарденберг — 365, 374, 380.
Гарибальди — 477, 493, 494, 500, 511.
Гарле-де-Бомон — 206.
Гастингс — 154.
Гаугвиц — 366.
Гаукинс — 195.
Гвиччардини — 158.
Гебдон Джон — 249.
Генрих, принц прусский — 293.
Генрих I, король французский — 114.
Генрих II, король французский — 192, 194.
Генрих III Английский — 145.
Генрих III, император римский — 135.
Генрих IV, император римский — 122, 135, 137, 138.
Генрих IV, король французский — 180, 181, 194, 204—207.
Генрих VI — 139, 140.
Генрих VII — 195.
Генрих VIII — 190, 195.
Генриэтта-Мария, королева английская — 220.
Гентц — 377.
Георг I — 182.
Георг II — 257.
Георг III — 309, 310.
Георг IV — 381, 387, 390, 392, 396.
Герасимов Дмитрий — 231.
Герберштейн С. — 129, 242.
Герлах Леопольд — 442, 452.
Герострат — 248.
Герцберг — 328—330.
Герцен А. И. — 458.
Гида — 121.
Гизо — 422.
Гизы — 195, 196.
Гладстон — 494.
Гоббс — 170, 172.
Гогенлоэ — 502.
Гогенцоллерн-Зигмарингенский Антон — 514.
Гогенцоллерны — 260, 513.
Гогенштауфены — 136, 140, 143, 156.
Голицын В. В. — 235.
Голицын П. А. — 276, 310.
Головкин Г. И. — 273, 281.
Гольц, граф — 506—508.
Гонорий — 250.
Гонто-Бирон Жан — 207.
Гораций — 59.
Горн — 281.
Горчаков А. М. — 451, 452, 455, 468, 470—472, 477, 478, 482—490, 497, 505, 506, 510—524.
Горчаков М. — 452.
Гракх Тиберий Семпроний — 66.
Гракхи (братья) — 66.
Грамон, герцог — 513—515.
Грей — 417, 418.
Гренвиль — 392, 393.
Григорий, игумен — 125.
Григорий VII Гильдебранд — 122, 135—138, 140, 159.
Григорий IX — 142, 143.
Гримм — 292.
Гро, барон — 479.
Гроций Гуго — 170, 178, 179.
Грэвен — 177.
Гумбольдт Карл-Вильгельм — 380.
Густав, королевич шведский — 247.
Густав II Адольф — 209, 210.
Густав III — 334.
Гуюк, хан — 145, 146.
Гюбнер, барон — 442, 474.
Гюискар Роберт — 136, 138.

Давид Игоревич — 124.
Даллас — 463.
Дана Френсис — 309.
Дандоло Энрико — 159, 160.
Даниил Романович — 121, 122, 129.
Данте — 158.
Дантон — 338—340, 342—345, 347, 348.

Дарий II — 46.
Дверницкий Иосиф — 412.
Дебис — 272.
Декорш — 348, 349, 351.
Делагарди Яков — 226.
Дельбрюк — 514.
Демад — 50.
Дембинский — 430.
Деметрий — 63.
Демосфен — 51—54, 85.
Дерби, лорд — 473, 493, 505, 506, 508, 510.
Дефоре — 344.
Джей Джон — 307, 311, 314, 315, 316.
Джентили Альберико — 178.
Джефферсон Томас — 303, 314, 393, 394, 463.
Джисларди — 231.
Джиффорд — 196.
Дибич — 405, 406, 409.
Дидро — 292.
Дин Сайлас — 304, 305, 307—309.
Диоген, император — 120.
Диоклетиан — 82.
Дион Хризостом — 83, 86.
Диэй — 72, 73.
Дмитрий Донской — 129, 131—133.
Долгоруков В. А. — 457.
Долгоруков П. — 365.
Долгоруков П. В. — 470.
Долгоруков Я. Ф. — 249, 250.
Друэн-де-Люис — 436, 445, 492, 505, 506, 508.
Дрэк — 195.
Дубельт — 458.
Дэвис Джефферсон — 463.
Дюбуа — 148.
Дюмурье — 336, 337, 339, 340.
Дюпле Жан — 255, 259, 263.

Евгений Савойский — 183, 253.
Евгения, императрица французская — 508, 512.
Евпраксия — 122.
Езекия — 24.

Екатерина Арагонская — 190.
Екатерина Владимировна, племянница Ивана Грозного — 246.
Екатерина Медичи — 189.
Екатерина I — 281.
Екатерина II — 280, 282—286, 288—295, 309, 310, 324, 327, 328, 331—335, 339, 342, 354, 355, 357.
Елена, дочь Ивана III — 246.
Елена Павловна, великая княгиня — 433.
Елизавета Английская — 178, 180, 189, 195, 196, 282.
Елизавета Пармская (Фарнезе) — 182.
Елизавета Петровна — 265, 266, 279, 280, 282, 293, 295.
Елизавета Ярославна — 114.

Жаннен — 181.
Жеккер — 480.
Женэ Эдмонд — 313, 314, 348.
Жеребцова О. А. — 363, 458.
Жозеф, монах-капуцин — 209.
Жозеф Бонапарт — 367.
Жолкевский— 226.

Замойский — 430.
Захарий, папа римский — 106.
Зеебах — 451.
Зенон — 96.
Зубов Платон — 363.

Ибрагим, визирь — 192, 193.
Ибрагим, сын Мехмеда-Али — 415, 416.
Иван Антонович — 280.
Иван Калита — 130, 133.
Иван III — 129, 130, 196—201, 231, 235, 236, 246.
Иван IV Грозный — 197, 200—203, 210, 236, 243, 245, 246, 248.
Игорь — 112, 114, 116.
Изабелла Католическая — 186.
Изяслав Мстиславич — 121, 126, 127.

Изяслав Ярославич — 121, 122.
Илларион, митрополит — 113.
Ингигерда — 114.
Индабигас — 29.
Иннокентий III — 139 — 142, 159.
Иннокентий IV — 122, 143, 145.
Иоанн, принц датский — 247.
Иоанн Безземельный — 140, 144, 145.
Иоанн Цимисхий — 113.
Иосиф I — 254.
Иосиф II — 290, 291, 293, 330.
Ирина, императрица византийская — 108.
Ирина Михайловна — 247.
Исократ — 51.
Итларь — 127, 128.

Кавеньяк — 399, 426.
Кавур Камилло — 454, 460, 473—477, 503.
Кадашман-Харбе — 19.
Кадор — 476.
Кадудаль — 364.
Казанова — 183.
Казимир — 114.
Калигула — 82, 83.
Кальвин — 225.
Камбон — 338.
Кампредон — 281.
Каннинг Джордж — 299, 385, 386, 389—398, 400—404, 418.
Канробер — 453.
Кан Си — 230.
Кант Иммануил — 321.
Капетинги — 136, 140, 144, 149, 205.
Каподистрия Иоанн — 387, 388.
Карденья Алонсо — 217, 218, 224, 225.
Карл-Альберт Баварский — 261.
Карл Анжуйский — 143.
Карл Великий — 90, 103, 106—108, 110, 111, 117, 205, 212, 213.
Карл Лысый — 117, 118.
Карл Мартелл — 106.
Карл Смелый — 153, 154.
Карл I — см. Карл V.
Карл II, король испанский — 213, 214, 251, 252.
Карл IV — 119.
Карл V — 169, 174, 175, 186—190, 192, 193, 254.
Карл VI — 251, 254, 261.
Карл VII — 150.
Карл VIII — 160—162, 165, 180, 192.
Карл X — см. Артуа Карл-Филипп.
Карл XII — 182, 268, 269, 283.
Карл I Стюарт — 176, 177, 216—218, 220, 224, 247.
Карл II Стюарт — 177, 180, 212, 214, 230, 247.
Каролинги — 104.
Карпини Иоанн де Плано — 145, 146.
Кассандр — 56.
Кассиодор — 96.
Кастельбажак — 445.
Каули — 444, 459, 473, 478, 508.
Кауниц — 264, 330, 333.
Квинт Марций Филипп — см. Марций.
Керсоблепт — 53.
Кимон — 41.
Киприан — 132.
Кир — 32.
Киселев Н. Д. — 426, 432, 433, 436, 443—446, 454.
Киселев П. Д. — 457.
Клавдий — 75, 77.
Клайв — 259.
Кларендон — 429, 439, 440, 444, 447, 459, 494, 504.
Кленк — 245.
Клиффорд Николай — 180.
Клоотц — 338, 343, 345—347.
Клюзере — 523.
Ключевский В. О. — 234.
Кобден Ричард — 420.
Кобенцль — 335, 357.
Коленкур, герцог Виченцский — 372, 375.

Колычев — 362.
Кольбер — 212, 213, 215, 218, 219.
Коммин Филипп — 151—155, 160, 161, 166, 180.
Коновницын — 373.
Конон — 49.
Константин Багрянородный — 112, 113.
Константин Великий — 81, 87, 107.
Константин Мономах — 120.
Константин Павлович — 290, 456, 484.
Констанций — 95.
Констанция — 139.
Контарини — 165, 235.
Конти, принц — 257.
Корбулон Домиций — 77, 78.
Кортес — 187.
Корф — 281, 282, 287, 288.
Костюшко — 349, 353.
Котошихин — 233, 237, 241.
Кошут — 427, 430.
Краббе — 468.
Красный Иван Иванович — 133.
Красс — 76.
Кривой-Бутурлин — 230.
Критолай — 72.
Кромвель Оливер — 216, 217, 219, 220, 222—226, 347.
Крулле — 218.
Ксения Годунова — 247.
Куракин — 275, 371, 372.
Куриации — 59.
Кутузов — 373.
Кытан — 127.
Кэстльри, лорд — 376, 377, 379—381, 387—389.

Ла Бордери — 206.
Лабурдонне — 259.
Лайонс — 463, 464.
Лакур — 443.
Лальи — 259.
Ланглуа (Бернардони) — 256.
Ланн — 485.
Лафайет — 304.
Ла Ферронэ — 400, 402.
Лафитт — 411.
Лебеф — 509, 514.
Лебрен — 337, 339, 343—345, 348.
Лев I Великий — 105.
Лев X — 175.
Лейнинген — 438.
Ленин — 14, 301, 309, 312, 313, 338, 346, 352.
Леон— 120.
Леопольд II — 228, 328—330, 332—335, 337.
Леопольд Гогенцоллерн-Зигмарингенский — 512, 514—516.
Леопольд Саксен-Кобургский — 414.
Лесовский — 467.
Лессепс — 505.
Лжедимитрий I — 203, 226.
Ли Артур — 307, 309.
Ли Уильям — 309.
Ливен — 400, 406, 436.
Ливерпуль, лорд — 387, 396.
Ливий Тит — см. Тит Ливий.
Ливингстон Роберт — 304.
Лизола — 181.
Линкольн Авраам — 462, 463, 465, 480.
Линниченко — 121.
Лиутпранд — 101, 102.
Лихачев — 250.
Лобанов-Ростовский — 368.
Лоренс — 311.
Лотарь — 117, 118.
Лувуа — 181, 215.
Луи-Наполеон — см. Наполеон III.
Луи-Филипп I — 361, 408, 409, 411—414, 421, 422, 426.
Лука — 125.
Людовик Баварский — 149.
Людовик Бонапарт, король голландский — 367.
Людовик I Благочестивый — 117.
Людовик I Немецкий — 117, 118.
Людовик IX — 143—146.
Людовик XI — 150—155, 160, 180, 191, 192.
Людовик XII — 192.

Людовик XIII — 207, 208.
Людовик XIV — 180, 182, 185, 212—215, 218, 249, 251, 252, 255, 268, 274.
Людовик XV — 255—257, 259, 263—265, 282, 318.
Людовик XVI — 304, 307, 308, 314, 318, 322, 332, 333, 335, 336, 340, 355, 376.
Людовик XVIII — 376—378, 380—382, 386, 391.

Мабли — 318, 320.
Магнус — 202, 246.
Мазарини — 168, 194, 211, 212, 218—220, 223—225.
Майлз — 344.
Мак — 365.
Макартней — 293.
Макиавелли — 158, 170, 172, 173, 189, 192, 219.
Максим Грек — 231.
Максимилиан, император мексиканский — 481, 510, 511.
Максимилиан I Габсбург — 152, 186, 199.
Максимилиан II — 202, 203.
Малета — 151.
Малмсбери — 357, 473, 475.
Мальборо — 253, 254, 276.
Мантейфель — 452.
Ману — 33, 34.
Мануил Комнин — 120.
Манштейн — 283.
Марат — 336.
Маргарита Стюарт — 195.
Мардук-Белиддин — 24, 29.
Маре — 348.
Мария, дочь Генриха VIII — 190.
Мария, жена Людовика XV — 256.
Мария-Антуанетта — 314, 334.
Мария Доброгнева — 114.
Мария-Луиза, жена Наполеона I — 371, 372, 374.
Мария Стюарт — 178, 191, 195, 196.
Мария-Терезия — 257, 261—265, 289.
Марк Аврелий — 80, 82.
Марк Валерий Левин — 65.
Маркс — 14, 111, 112, 120, 128, 130, 139, 142, 144, 148, 153, 154, 159, 160, 172, 174, 187, 188, 193, 194, 197, 199, 200, 216, 269—271, 284, 285, 287, 291, 293, 299, 300, 305, 353, 354, 376, 417, 422, 464, 465, 524, 527.
Марньевилль — 210.
Марр Н. Я. — 25.
Марселис Петр — 249.
Мартелл Карл — см. Карл Мартелл.
Марций Квинт Филипп — 68—70.
Марчелло Джероламо — 164.
Масинисса — 65.
Масса Исаак — 232.
Матвеев А. А. — 268, 271, 272, 275, 276.
Матвеев А. С. — 235.
Матьюс — 344.
Махмуд II — 397, 399, 401—405, 415, 416, 423.
Маццини Джузеппе — 493, 500, 519.
Машо — 258.
Медисон — 314, 393, 394.
Медичи — 162, 175.
Мейендорф — 436, 451, 457.
Мейерберг — 228, 241, 250.
Мельбурн, лорд — 423.
Менандр — 85.
Менгке — 145, 146.
Менгли-Гирей — 199.
Менгу-Темир — 128.
Мендоза — 178.
Меневий — 230.
Менсдорф — 433.
Меншиков А. Д. — 273, 281.
Меншиков А. С. — 437—441, 452.
Мерси — 294.
Меттерних — 370, 374, 375, 377, 379—393, 395 — 397, 399, 400.

402—405, 407, 409, 410, 412, 413, 415, 419—421, 424, 427.
Мехмед-Али — 401, 414—416, 421—423.
Меценат — 83.
Мещанинов — 25.
Минин — 226.
Минье — 252.
Мирабо — 318, 323, 325.
Мирамон — 480.
Михаил Александрович — 132.
Михаил VII Дука — 120.
Михаил Федорович — 227, 239, 242, 247.
Молинэ — *151.*
Мольтке Гельмут — 501, 502, 514, 516, 517, 524, 525.
Монморанси — 391.
Монро — 393—395, 480.
Монтебелло — 485, 486.
Монтескье — 320.
Монти — 256.
Морель — 223.
Мориц Оранский — 181.
Мориц Саксонский — 189.
Морни, граф — 455, 471, 472, 480.
Моро — 356.
Моррис — 314.
Мортемар, герцог — 407, 412.
Мстислав Владимирович — 125.
Мстислав Изяславич — 126.
Мстиславский Илья — 244.
Муравьев — 415.
Мустье — 449, 452, 508.
Мэзон — 464.
Мэлет Александр — 449.
Мюнстер — 452.

Набонид — 32.
Набу-Бел-Шумат — 30.
Надир — 278.
Наполеон I Бонапарт — 216, 298, 348, 353, 356—378, 382, 386, 429, 432, 507.
«Наполеон II» — 374, 377, 405, 432.
Наполеон III — 300, 301, 431—433, 436, 437, 441—451, 453—460, 465—467, 470—482, 484—489, 491—495, 497—503, 505—519.
Нарсес — 102.
Нахимов — 443.
Нейман — 421.
Немурский, герцог — 414.
Неплюев — 282.
Нерон — 77—80.
Нессельроде — 374, 387, 388, 397, 398, 418, 430, 432, 433, 435, 436, 443, 444, 446, 451, 455 — 457, 470, 471.
Нехо — 26.
Низам-аль-Мульк — 110.
Никифор, византийский император — 108.
Никифор Фока — 113.
Николай I—300, 386, 398, 399—415, 417—439, 441—452, 456, 490, 495.
Никольский — 25.
Ногарэ — 148.
Ном — 95.
Нэпир, лорд — 485—487.

Одоакр — 95, 96.
Оксеншерна — 215.
Олаф — 114.
Олеарий Адам — 242.
Олег (киевский) — 114.
Олег (рязанский) — 132, 133.
Оливье де Дэн — 151.
Оливье Эмиль — 512—514.
Олимпиада, мать Александра Великого, Македонского — 57.
Ольга — 114.
Омейяды — 109.
Опик — 430.
Орбели — 25.
Ордин-Нащокин А. Л. — 233, 235, 247.
Орест — 95.
Орест Л. Аврелий — 71, 72.
Орлов А. Ф. — 409, 416, 417, 448, 449, 451, 457—460.

Орсини Феличе — 473.
Оскар I — 453.
Остерман А. И. — 273, 274, 281, 283.
Остерман И. А. — 285, 309, 327.
Оттон I — 101, 102, 134.

Павел I — 285, 287, 359, 362—365, 368.
Палеолог Зоя (София) — 198.
Пальмерстон — 300, 411, 412, 414, 416—423, 425, 430—432, 435, 439, 444, 447, 452, 453, 455, 458, 463—467, 470, 472, 473, 478—481, 484, 486—489, 491—494, 504.
Панин Н. И. — 281, 284—290, 294, 363.
Панталеоне Са — 224.
Папирий Гней — 72, 73.
Паркер — 431.
Паскевич — 413, 426, 427, 450.
Паскье Этьен — 205.
Паткуль — 267.
Педро — 140.
Пенн — 225.
Пенн Томас — 345.
Пердикка — 43, 55, 56.
Перикл — 40, 41.
Персей — 67—70.
Персоно — 503.
Перье Казимир — 411, 412.
Пет — 78.
Петр Магистр (Петр Патриций)— 81.
Петр I — 168, 169, 182, 183, 266—278, 283, 286, 291, 294.
Петр II — 295.
Петр III — 266, 279, 285.
Петрарка — 147, 158.
Писистрат — 40.
Пий IX — 431, 473, 494.
Пиль Роберт — 423—425, 434.
Пипин Короткий — 106, 107, 212.
Писарро — 187.
Питт Младший Уильям — 326, 327, 329—332, 334, 339—341, 345, 354, 355, 357, 359, 361, 364, 365, 367.
Питт Старший Уильям — 258, 259.
Плано-Карпини — см. Карпини.
Плантагенеты — 136, 140, 144.
Плещеев М. Б. — 238.
Плиний — 84.
Пожарский — 226.
Полибий — 73.
Полиньяк — 402, 407.
Полисперхон — 55—57.
Поммерине — 249.
Помпадур, де — 264, 265.
Помпоний — 75.
Понсонби — 416.
Понтуа — 422.
Попилий — 70.
Попов — 467.
Поппель Николай — 197, 235.
Порфирий — 125.
Поссевин — 244.
Потемкин Г. А. — 284, 285, 290, 292, 327.
Потемкин П. И. — 237—240, 243.
Поццо-ди-Борго — 378, 405, 409, 425.
Прайар — 254.
Предслава Ярославна — 114.
Прео — 181.
Приск — 94, 95.
Прованский, граф — 355.
Проли — 345.
Псамметих — 26.
Птолемеи — 56, 71.
Птолемей — 57, 70.
Пушкин А. С. — 376, 397, 471.

Раббан-Саума — 146.
Равальяк — 207.
Разин Степан — 248.
Ралов Дмитрий — 231.
Рамсес II — 18, 20—23, 45.
Раш — 393.
Ренар — 190.
Репнин — 288.
Рехберг — 491.

Решид-паша — 440.
Ржевуский — 428.
Рифаат-паша — 439, 440.
Ричард, граф норманский — 136.
Ричард, лорд — 177.
Ришелье — 168, 173, 194, 206—211, 386.
Робак — 452.
Робеспьер — 216, 336, 343, 345—350.
Розен Андрей — 436.
Рокингем — 306.
Романовы — 227.
Ромул Августул — 95.
Роон — 514, 516.
Россель Джон — 425, 431, 435, 439, 447, 463, 464, 466, 479, 484—488, 492—494, 504, 505.
Рост — 463.
Ростислав Мстиславич — 120.
Рохов — 433, 452.
Рубруквис — 145, 146.
Румянцев Н. П. — 372.
Руссо Жан-Жак — 320, 321, 338.
Руссэн — 415, 416.
Руэр — 506—508, 512.
Рэли — 195.
Рюльер — 292.
Рюриковичи — 91, 111, 114.

Савари-де-Брев — 207.
Салютати Колюччио — 174.
Саргон — 23—25.
Саргониды — 23, 25, 26.
Сардур — 25.
Сасаниды — 80, 81.
Сач Ричард — 179.
Святополк Изяславич — 124.
Святослав Владимирович — 127.
Святослав Игоревич — 112—114.
Святослав Ярославич — 121.
Себастиани — 413.
Сегюр — 292.
Сеймур Гамильтон — 433—435, 441, 444, 445, 449, 450.
Секст Юлий Цезарь — 72.
Селевк — 56.
Селевкиды — 57.
Семонвиль — 348, 349, 351.
Сен-Джон — 221.
Сен-Жюст — 347, 349.
Сен-Люк — 238.
Сергий, игумен — 133.
Сигизмунд II Август — 203, 236.
Сигизмунд III — 226.
Сикст IV — 198.
Симолин — 333.
Синнахериб — 23, 24.
Сипа — 455.
Сифакс — 65.
Скала — 162.
Слайдель — 464 — 466.
Собесский Ян — 428.
Солсбери — 218.
София Алексеевна — 235, 267.
Спиноза — 172.
Спренгпортен — 362.
Сталин — 14, 341.
Станислав Лещинский — 256, 268.
Станислав Понятовский — 282.
Стекль — 468.
Стенгоп — 275.
Степанов В. — 273.
Стефан (венгерский) — 113.
Стефан II — 106.
Стифенс Александр — 467.
Стормонт — 306.
Страйкленд — 221.
Стрэтфорд-Каннинг Чарльз (лорд *Редклиф*) — 418—420, 430, 431, 439—441, 443, 444.
Стэнли — 505, 506.
Стэнсфильд — 493.
Стюарт — 388.
Стюарт Мария — см. Мария Стюарт.
Стюарты — 180, 182, 212, 269, 388.
Суббилулиума — 19.
Суворов — 325, 329, 331, 353, 361.
Сулейман Великолепный — 192, 193.
Сфенелаид — 44.
Сфорца Франческо I — 151, 153, 158.

Сципион Африканский — 65, 67.
Сюард — 463, 464.
Сюлли — 194, 204—206.

Тайдулла — 133.
Талейран-Перигор—336, 340, 357—364, 366—368, 370, 371, 378—383, 409, 412, 414, 421.
Таммарит — 29.
Тахарка — 24, 26.
Тегетгоф — 503.
Теодат — 104.
Теодорих — 96, 97.
Теуеман — 29.
Техен — 452.
Тианд — 256.
Тиберий — 76, 77.
Тигран — 78.
Тимей — 72.
Типу-Саиб — 356, 360.
Тирибаз — 49.
Тиридат — 76—80.
Тиссаферн — 46—48.
Тит Ливий — 59.
Титов — 430.
Толстой П. А. — 275.
Траутмансдорф — 211.
Траханиот Юрий — 231, 236.
Траян — 83, 84.
Тромп — 222.
Трубецкая — 471.
Тувенель — 466, 478.
Турн Георе — 236.
Тушратта — 20.
Тьер — 302, 421, 422, 511, 517, 520—525.
Тюмери — 206.
Тяпкин Василий — 249.

Уайтлок — 217, 224.
Убри — 522.
Уилкс — 464.
Уитворт — 363.
Украинцев Емельян — 230, 267.
Ульфельд — 245.
Уммалхалдаш — 29, 30.
Умманшибар — 30.
Ундаду — 30.
Уолсингем — 195, 196.
Уотерман Л. —30.
Уоттон Генри — 173.
Упахир-Бел — 31.
Уркуорт — 418.
Ушаков Михаил — 239.

Фабрици — 523.
Фавр Жюль — 522—524.
Фавье — 318.
Файльи — 511.
Фанкан — 210.
Фанье — 209.
Федор Алексеевич — 229.
Федор Ольгович — 132.
Фемистокл — 40, 41.
Феодора — 97, 98.
Феодосий I — 84, 88.
Феодосий II — 94, 95.
Феофано — 101.
Фербер — 282.
Фердинанд, герцог флорентийский — 250.
Фердинанд I, император австрийский — 426, 427.
Фердинанд I, император германский — 175, 186, 189, 190.
Фердинанд II, император германский — 209.
Фердинанд III, император германский — 228.
Фердинанд VII, король испанский — 389, 391, 392.
Фикельмон — 405.
Филипп Анжуйский — 252.
Филипп II Август — 140, 144.
Филипп II испанский — 169, 186, 190, 191, 195, 196.
Филипп II, царь македонский — 38, 50—57, 63, 85.
Филипп III, король испанский — 251.
Филипп III Смелый — 147.
Филипп IV Красивый — 146—149.
Филипп IV, король испанский — 213.

Филипп V, король испанский — 182, 252, 254.
Филипп V, царь македонский — 63—67.
Филипп VI Валуа — 149, 150.
Филипп, секретарь Уолсингема — 196.
Филократ — 52.
Филон — 83.
Флавий Веспасиан — см. Веспасиан Флавий.
Флери — 505, 517.
Флот — 148.
Фокс — 332, 345, 367.
Фомин Иван — 239, 240.
Франджипани Иоанн — 193.
Франклин Вениамин — 305—313.
Франц I, император австрийский — 337, 341, 367, 374, 385, 392.
Франц-Иосиф, император австрийский — 427, 428, 430, 432, 442, 448, 449, 451, 454—456, 475—477, 481, 484, 486, 491, 492, 495—497, 500—503, 511, 512, 519.
Францбеков Д. А. — 249.
Франциск, дож венецианский — 249.
Франциск I — 192, 193, 206, 207.
Фридрих-Вильгельм I — 214, 215, 260.
Фридрих-Вильгельм II — 328, 341, 342.
Фридрих-Вильгельм III — 365—367, 370, 372, 374, 378, 380, 385, 386, 396, 409, 410, 413, 419, 426.
Фридрих-Вильгельм IV — 427, 428, 431, 433, 443, 449, 450, 452, 456, 474.
Фридрих I Гогенштауфен (Барбаросса) — 138, 139.
Фридрих II Гогенштауфен — 140, 141—143.
Фридрих II, король прусский — 257—259, 261—266, 279, 280, 282, 284, 286, 288—290, 292, 293, 309, 328, 366.
Фридрих VII, король датский — 489.
Фуад-эффенди — 439, 440.
Фуггер Яков — 188.
Фукидид — 45, 46, 48.

Халил, принц — 399.
Халкидей — 47.
Харун-ар-Рашид — 108, 110.
Хаттушиль III — 18, 20—23, 45.
Хилков — 249.
Хилл Д. — 13.
Хлодвиг — 97.
Хлопицкий Григорий — 410.
Хмельницкий Богдан — 228.
Хозрев-паша — 422.
Хосров I — 81, 98, 99.
Храповицкий — 334.
Христиан IX — 489, 492, 493, 495.
Христина, королева шведская — 217, 224.
Хуарес Бенито — 480.

Цезарь — см. Гай Юлий Цезарь.
Цицерон — 59, 60.

Чаадаев — 230.
Чаадаев — 388.
Чатам — 305, 326.
Чемоданов — 249.
Чернышев А. И. — 408.
Чернышев З. Г. — 266.
Чингис-хан — 146.

Шабака — 24.
Шамаш-Балат-Суикби — 27.
Шамаш-Шумукин — 26—29.
Шамиль — 455.
Шамильяр — 183.
Шампаньи (де Кадор) — 360.
Шантеро-Лефевр — 208.
Шапп-д'Отерош — 292.
Шарнасе — 210.
Шатобриан, Франсуа-Огюст — 391.
Шауэнштейн Буоль — см. Буоль.
Шафиров П. П. — 268, 273, 276.

Шварц — 388.
Шварценберг Феликс — 427—429, 432, 495.
Шелберн — 311.
Шерли Антоний — 180.
Шетарди — 280.
Шиле — 514.
Шлейниц — 514.
Шмерлинг — 491.
Шометт — 346.
Штейн — 370.
Штокмар — 423, 429.
Шуазель — 256.
Шуйский Василий — см. Василий Шуйский.

Щелкалов Андрей — 232.
Щелкалов Василий — 232.

Эбердин, лорд — 423—425, 434, 435, 439—441, 444, 447.
Эвмен — 68, 70.
Эдикон — 95.
Эдуард III Английский — 149, 150.
Эдуард IV — 151, 153, 154.
Эльджин, лорд — 479.
Эль-Камиль — 142.
Энгельс — 87, 143, 144, 172, 174, 187, 188, 194, 271, 284—287, 291, 293, 299, 300, 345, 353, 354, 376, 384, 417, 422, 464, 482, 497, 527.
Энгиенский герцог — 364.
Энен — 351.
Эрлангер — 455.
Эро-де-Сешель — 345.
Эстергази — 392.
Эсхин — 38, 52, 53, 85.

Юль — 273, 274, 277.
Юрий Владимирович, сын Владимира Андреевича серпуховского — 131.
Юстиниан — 97—100, 102, 104, 105.

Ягеллоны — 199.
Яков I — 180.
Яков II Стюарт — 215, 220, 253, 276.
Яков V Стюарт — 195.
Ян-Казимир — 228.
Янси — 463.
Ярослав, князь суздальский — 145.
Ярослав Всеволодович — 129.
Ярослав Мудрый — 113, 114, 120—124.
Ярослав Осмомысл — 120.
Ярослав Ярославич — 128.

Подписано в печать 23/XII 1940 г. Печатных листов 35¹/₂. Авторских листов 37,5. 43.741 зн. в печ. л. А33180. Тираж 500.000 экз.
Цена книги 7 р. 50 к.

1-я Образцовая типография Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига» Москва, Валовая, 28.
Зак. № 4789.